3 1761 07464359 4

Purchased for the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from the

KATHLEEN MADILL BEQUEST

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/russkaiaobshchin01kach

К. Р. Качоровскій.

РУССКАЯ ОБЩИНА.

ВОЗМОЖНО ЛИ, ЖЕЛАТЕЛЬНО ЛИ ЕЯ СОХРАНЕНІЕ и РАЗВИТІЕ?

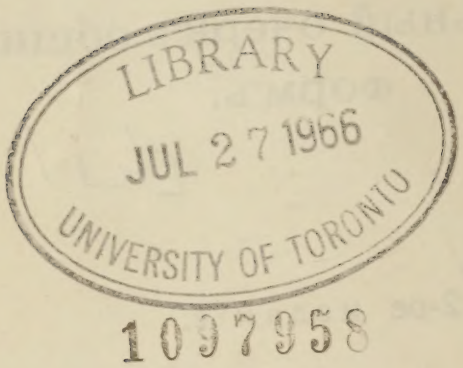
1. Общее введеніе.

2. Описательный очеркъ общинныхъ формъ.

2-ое изданіе.

МОСКВА.—1906.
Типо-литографія Русскаго Товарищества печатнаго и издательскаго дѣла.
Чистые пруды, Мыльниковъ переулокъ, собственный домъ.

HD
715
K3
1906a
t.1



II

HD715
.K3
1906

H45313
E25, 33

~~Slavic~~ Division

1 914 1

Посвящается памяти

Н. Г. Чернышевскаго.

III

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе ко второму изданію. 9

I. Общее введеніе.

Глава I. О значеніи и границахъ изслѣдуемыхъ вопросовъ. 19

Глава II. О необходимости статистическаго ихъ изслѣдованія 26

Глава III. Краткій очеркъ „исторіи вопроса“ и имѣющихся уже матеріаловъ для его рѣшенія 31

II. Описательный очеркъ общинныхъ формъ.

Вступленіе.—Краткій очеркъ задачи и матеріаловъ 53

Глава I.—Общія замѣчанія.

§ 1-й. Площадь коллективнаго и индивидуальнаго владѣнія въ Россіи . 64

§ 2 й. О владѣніи общемъ, общественномъ и общинномъ 66

§ 3-й. Распространенность общины въ Россіи вообще и по отдѣльнымъ районамъ 73

§ 4-й. Динамическій принципъ классификаціи общинныхъ формъ . . . 76

Глава II.—Семейно-захватное владѣніе (неограниченное).

§ 1-й. Формы разселенія въ процессѣ колонизаціи Россіи 81

§ 2-й. Процессъ развитія земельныхъ границъ: a) періодъ отсутствія границъ; b) значеніе и причины начала разграниченія между общинами, а не между семьями; c) волостная община и производственная община. 85

Стр.

§ 3-й. Общій очеркъ семейно-захватнаго владѣнія: a) его условія и распространеніе, b) его опредѣленія, основныя разновидности и принципіальное содержаніе 92
§ 4-й. Личное право въ семейно-захватномъ владѣніи 97
§ 5-й. Общинное право 108
§ 6-й. Краткое резюме II-й главы 114

Глава III.—Ограниченное семейно-захватное и общинно-отводное владѣніе.

§ 1-й. Характеристика разновидностей ограниченнаго семейно-захватнаго владѣнія 117
§ 2-й. Очеркъ общинно-отводнаго владѣнія 130
§ 3-й. Резюме процесса сокращенія личнаго и развитія общиннаго права въ обѣихъ этихъ формахъ 137
§ 4-й. Дополнительное поясненіе хода этого процесса и зависимости его, какъ отъ основной причины, отъ сокращенія земельнаго простора и обусловливаемой тѣмъ внутри-общинной борьбы за землю . . . 141

Глава IV.—Первые передѣлы, право труда и право на трудъ.

§ 1-й. Передѣлы податей 152
§ 2-й. Первые передѣлы сѣнокосовъ и дальнѣйшая эволюція владѣнія ими. 156
§§ 3, 4 и 5-й. Эволюція владѣнія другими экстенсивными угодьями: пастбищами, лѣсами и рыболовными, охотничьими и проч. угодьями. . . . . 161—179
§ 6-й. Эволюція владѣнія наиболѣе интенсивнымъ угодьемъ: усадебными и приусадебными землями. 179
§ 7-й. Краткій очеркъ главныхъ правовыхъ основаній всей этой эволюціи: общиннаго права на трудъ и личнаго права труда. 184
§ 8-й. Тѣ же начала въ первыхъ передѣлахъ пашни 189
§ 9-й. О причинахъ первыхъ передѣловъ: государственное и обычно-правовое начала 202

Глава V.—Общинно-передѣльное владѣніе.

§ 1-й. Общія опредѣленія и терминологическія замѣчанія 216
§ 2-й. Системы подворнаго уравнительнаго распредѣленія земли . 220
§ 3-й. Неопредѣленныя формы подушнаго уравненія 228
§ 4-й. Производительныя системы уравненія. 237
§ 5-й. Потребительныя разверстки 246
§ 6-й. Общія заключенія 264

Стр.

Глава VI.—Общинно-выкупное владѣніе.

§ 1-й. Коренное отличіе общинно-выкупного владѣнія отъ чистаго общинно-передѣльнаго (единообразіе и несамопроизвольность его) . 270
§ 2-й. Описаніе и классификація общинно-выкупныхъ разверстокъ: a) формальныя, b) смѣшанныя 279
§ 3-й. Очеркъ: a) основныхъ условій, опредѣлявшихъ смѣну отношеній крестьянъ къ надѣлу въ пореформенный періодъ и b) вытекавшихъ отсюда основаній ихъ земельнаго права 290
§ 4-й. Во что переходитъ общинно-выкупное владѣніе? a) индивидуалистическая его трансформація, b) переходъ въ общинно-передѣльное владѣніе, c) объ относительной распространенности и причинахъ того и другого исхода 300
§ 5-й. Общее резюме 313

Глава VII.—Семейно-выкупное или семейно-„державческое“ владѣніе.

§ 1-й. Индивидуалистическіе элементы семейно-державческаго владѣнія: a) пассивность быв. помѣщичьихъ крестьянъ и фетишизмъ „ревизской души“, b) выкупная операція и законодательство объ общинѣ, c) малоземелье, интенсивное земледѣліе, мелкость общинъ, общая пореформенная индивидуалистическая атмосфера 316
§ 2-й. Трудность точнаго отграниченія случаевъ семейно-державческаго владѣнія; присутствіе или отсутствіе въ общинѣ передѣловъ, какъ основной критеріи для такого отграниченія 330
§ 3-й. Очеркъ фактическаго, не-формальнаго установленія личнаго земельнаго права, какъ наиболѣе типичной державческой формы; неустойчивость и неясность ея 337
§ 4-й. Случаи формальнаго превращенія общинной земли въ подворные участки; неясность и незаконченность многихъ изъ этихъ случаевъ. 346
§ 5-й. Резюме относительнаго значенія и распространенія разныхъ упадочныхъ общинныхъ формъ и градацій убыванія въ нихъ общиннаго начала 353
Заключеніе 359

Предисловіе къ предисловію.

Личныя обстоятельства автора не позволили ему закончить предположенное дополненіе ко второму изданію I тома Русской Общины къ ранѣе намѣченному сроку. Между тѣмъ наборъ и печатаніе переиздаваемой части уже были закончены и ожидать окончанія дополненія оказалось слишкомъ неудобнымъ. Поэтому пришлось таки выдѣлить дополненіе (кстати сильно разросшееся противъ первоначальнаго предположенія) въ особый выпускъ, который выйдетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Подписавшіеся на второе изданіе получатъ, конечно, безплатно этотъ выпускъ.

К. Качоровскій.

Предисловіе ко второму изданію.

Прошло шесть лѣтъ со времени напечатанія I тома „Русской Общины". Много воды утекло за это время... и не мало также крови... и не даромъ.

Тогда, шесть лѣтъ назадъ, я пытался какъ бы силой протолкнуть на первый планъ въ литературѣ вопросъ о крестьянствѣ, объ общинѣ,—вопросъ уже тогда назрѣвшій въ глубинахъ народной жизни,—но, конечно, эта попытка прошла почти незамѣченной: всѣ, начиная отъ паразитовъ бюрократіи, выставлявшихъ себя „консерваторами", и кончая доктринерами марксистской догмы, воображавшими себя революціонерами,—всѣ отвернулись отъ мужика, отъ деревни.

Но вотъ лопнуло терпѣніе „все выносящаго" крестьянства, и оно само взялось за разрѣшеніе „крестьянскаго вопроса", рѣшавшагося до сихъ поръ кѣмъ угодно и какъ угодно, но только не крестьянами и не въ интересахъ крестьянъ. И теперь уже нечего приглашать „чистую публику" дать крестьянину пройти на политическую авансцену, нечего звать и тащить его туда, онъ самъ поднимается, идетъ и, кажется, не задумается опрокинуть всѣхъ и все, что станетъ ему на пути.

И вотъ въ такое время выпускаю я второе изданіе своей книги. Уже и въ самомъ началѣ своей работы я взялся за нее именно потому, что кромѣ теоретическаго научнаго интереса видѣлъ въ ней огромное практическое значеніе, надѣялся бороться ею противъ разобщенія идеалистической интеллигенціи отъ крестьянства, т.-е. основной массы рабочаго народа, надѣялся освѣтить этой работой сложнѣйшіе вопросы о будущемъ деревни къ тому моменту, когда (по слову Лаврова)

„разрушится политическое препятствіе“, и сама жизнь начнетъ рѣшать эти огромные вопросы. Но тогда этотъ моментъ казался болѣе отдаленнымъ, все изслѣдованіе само-собой складывалось въ груду основательныхъ томовъ законченной, стройной статистической индукціи... Теперь же, когда Россія, попавъ на наклонную плоскость революціи, стала скользить по ней все быстрѣй и быстрѣй; когда вопросъ о землѣ и крестьянствѣ уже неразрывно связался со всѣмъ переворотомъ, когда стало всѣмъ уже почти ясно, что этотъ переворотъ въ Россіи *или будетъ сдѣланъ крестьянствомъ, или его не будетъ вовсе*; когда нуженъ неотложно сейчасъ же матеріалъ и основы уже прямо для выработки законодательной земельной реформы,— теперь точное и всестороннее индуктивное статистическое изслѣдованіе общины пріобрѣтаетъ огромное непосредственно-политическое значеніе; теперь требованія научной симметріи приходится отбросить, приходится спѣшить выдѣлить и дать немедленно хоть только самое главное, самое безспорное.

Пусть вѣритъ читатель, что я глубоко сознаю эту удвоенную, удесятеренную отвѣтственность, возлагаемую на меня, какъ изслѣдователя крестьянства и общины, наступившимъ политическимъ моментомъ. Я особенно остро сознаю эту отвѣтственность еще и по личнымъ обстоятельствамъ. Съ одной стороны я былъ такъ счастливъ, что успѣлъ за 12 лѣтъ работы собрать огромный и высокоцѣнный ни у кого болѣе въ данный моментъ не имѣющійся статистическій матеріалъ, успѣлъ его разработать и получить цѣлый рядъ крупнѣйшихъ выводовъ, уже съ несомнѣнностью, мнѣ кажется, рѣшающихъ основные вопросы. Съ другой стороны, къ несчастью, по чисто личнымъ обстоятельствамъ я опасаюсь, что не смогу довести работу до конца.

Такимъ образомъ, экстраординарныя условія, и общественныя, и чисто личныя, вынуждаютъ меня отказаться отъ первоначальнаго плана четырехъ или даже пяти томовъ, симметрично освѣщающихъ всѣ стороны вопроса объ общинѣ и въ главномъ, и въ подробностяхъ. Я принужденъ поспѣшить бро-

сить возможно болѣе яркій свѣтъ только на нѣсколько основныхъ рѣшающихъ пунктовъ вопроса о томъ, каково состояніе общины въ данный моментъ и каково ея вліяніе и значеніе.

Для освѣщенія же подробностей могу только дать особо обширный табличный статистическій матеріалъ. Я понимаю хорошо, что для широкой публики онъ недоступенъ, но я надѣюсь, что признаніе огромной важности индуктивно-статистическаго изслѣдованія дѣйствительности теперь уже не останется только на словахъ, но будетъ оправдано и на дѣлѣ. Я надѣюсь, что цѣлый рядъ изслѣдователей, и заявившихъ уже себя статистическими работами, и особенно молодыхъ, свѣжихъ силъ, горячо примутся за анализъ этой массы цыфръ, таящихъ въ себѣ максимально—въ данный моментъ—точные отвѣты на вопросъ, единогласно признаваемый первостепеннымъ и притомъ неотложнымъ.

Вся надежда на эти молодыя силы. Вся надежда на то, что, достигши такихъ головокружительныхъ вершинъ въ активности политической борьбы, первое поколѣніе двадцатаго вѣка достигнетъ тоже раньше не достигавшейся глубины и въ критицизмѣ и творчествѣ, въ обновленіи научной теоріи, освѣщающей пути этой борьбѣ...

Итакъ, вмѣсто завершенія многоэтажнаго зданія изъ 4—5 томовъ въ европейско-научномъ стилѣ я принужденъ поступить болѣе по-русски, ограничиться тѣмъ, чтобы оконченный уже 6 лѣтъ тому назадъ первый этажъ наскоро, такъ сказать, покрыть крышей: дополнить его *краткимъ конспектомъ основныхъ выводовъ* того статистическаго матеріала, изъ котораго должны были построиться слѣдующіе этажи, а затѣмъ пристроить рядомъ изъ сырого необдѣланнаго табличнаго матеріала особую пристройку.

При этомъ самый первый этажъ, — „общее введеніе“ и 1-ую описательно-классификаціонную часть изслѣдованія, — я оставляю почти безъ передѣлки. Только во введеніи я выбро-

силъ все, что имѣло чисто временное значеніе, а именно главнымъ образомъ исключилъ подробно-полемическое обозрѣніе марксистской литературы 90-хъ годовъ: изъ тѣхъ марксистскихъ авторовъ, съ которыми я имѣлъ дѣло тогда, „однихъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече", на мѣсто же ихъ появились такія далеко затмевающія ихъ вершины марксистскаго вѣроученія, какъ Ильинъ, Масловъ и нѣк. др. Такимъ образомъ, для соблюденія перспективы надо было, либо выбросить вовсе указанныя мѣста, либо еще вдвое-втрое растянуть этотъ обзоръ, собственно не имѣющій прямого отношенія къ темѣ книги и не столь настоятельно нужный въ настоящее время, какъ нуженъ былъ тогда, когда среди переставшей течь, загнившей, какъ болото, общественной жизни даже и марксистское теченіе казалось критическимъ и прогрессивнымъ и увлекало молодежь... Я предпочелъ понятно первое, такъ какъ въ данный моментъ у меня ужъ совсѣмъ нѣтъ времени для этой второстепенной задачи. Къ тому же, если между дѣломъ мнѣ и удастся въ ближайшемъ будущемъ продолжить и закончить этотъ очеркъ русскаго марксизма съ точки зрѣнія статистической индукціи на главномъ его „камнѣ преткновенія", на аграрномъ вопросѣ,—то это я смогу сдѣлать въ отдѣльномъ очеркѣ, что будетъ даже и удобнѣе.

Многіе же анахронизмы я намѣренно оставилъ нетронутыми. Таковъ, напримѣръ, обзоръ литературы и матеріаловъ, а особенно цѣлый рядъ характеристикъ, предположеній, выводовъ преимущественно скептическаго или даже отрицательнаго для общины характера, отъ котораго дальнѣйшія 6 лѣтъ изслѣдованія заставили меня отказаться. Я оставилъ ихъ нетронутыми, помимо трудности передѣлки, часто равносильной писанію заново, еще и потому, что мнѣ показалось интереснымъ и даже полезнымъ для читателя сохранить въ неприкосновенности для нагляднаго сравненія эти два фазиса моего изслѣдованія, представляющіеся какъ бы двумя изслѣдованіями двухъ авторовъ: первый давалъ итогъ 6 лѣтъ работы надъ матеріаломъ печатнымъ (не непосредственно по матеріаламъ, собраннымъ земско-статистическими бюро) ограниченнаго сравнительно раз-

мѣра и относящимся преимущественно къ 80-мъ годамъ; второй же срезюмировалъ основные выводы изъ данныхъ, точно и подробно разработанныхъ непосредственно изъ записей на мѣстахъ статистиковъ и дополненныхъ спеціально-собраннымъ изъ другихъ источниковъ матеріаломъ,—данныхъ, гораздо притомъ болѣе обширныхъ и рисующихъ общину уже въ самое послѣднее время (съ половины 90-хъ годовъ и до 1902 г.)... Пусть читатель самъ судитъ, что основательнѣе: скептицизмъ ли и осторожность перваго автора или рѣшительные выводы второго.

Пока же мнѣ остается только дать здѣсь общую картину смѣны воззрѣній моихъ на общину по мѣрѣ того, какъ я сходилъ съ вершинъ апріорной дедукціи и затѣмъ все далѣе углублялся въ статистическую индукцію. Я очертилъ уже отчасти эту смѣну по 1900 г. во „введеніи“ (Русск. Община“, т. I., стр. 42, 43 и 44)...

Въ первомъ своемъ очеркѣ объ общинѣ (написанномъ еще въ 1890 г., но оказавшемся слишкомъ юношескимъ и неудостоившемся напечатанія), я хотя и не былъ отнюдь „народникомъ“, но стоялъ на „народовольческой“ точкѣ зрѣнія, а именно.... я позволялъ себѣ съ извѣстной твердостью полагать, что есть нѣкоторые серьезные шансы для общинъ просуществовать нѣкоторое время и, быть можетъ, дожить до такихъ соціально-культурныхъ условій, при которыхъ она получитъ болѣе твердое и широкое основаніе и даже, затѣмъ, развитіе. Затѣмъ, быть можетъ, подъ впечатлѣніемъ крайней медленности и даже понятняго движенія тѣхъ измѣненій въ соціальной средѣ, которыя одни могли бы, по моему мнѣнію, спасти общину, а быть можетъ, именно поддаваясь моральной реакціи (аналогичной той, которая породила марксизмъ 90-хъ годовъ)... но только черезъ нѣсколько лѣтъ, я смотрѣлъ уже на судьбу общины пессимистичнѣе: ея разложеніе стало казаться мнѣ только вопросомъ времени, и я долженъ былъ насильно убѣждать себя, что я не имѣю права на такое отрицательное рѣшеніе, ибо пока я не узналъ въ пользу этого рѣшенія ни одного новаго факта или аргумента. Но, конечно, такіе „доводы разсудка“

парализовались тѣмъ, что надеждою „сердце питаться устало“... И въ сущности я пришелъ почти къ тому же отношенію къ вопросу, которое характеризуетъ, напримѣръ, двухъ нашихъ извѣстныхъ ученыхъ г.г. М. Ковалевскаго и П. Милюкова: хотя a priori и теоретически возможность сохраненія общины вполнѣ допускается, но практически многія соображенія,—объ аналогіи, напримѣръ, ея съ другими разложившимися общинными формами, о слабости историческихъ ея корней, о противорѣчивости и неустойчивости внутреннихъ ея основаній, о крайней неблагопріятности для нея наступившаго индивидуалистическаго промышленнаго фазиса и т. д.,—склоняютъ уже къ убѣжденію, что такой благопріятный исходъ былъ бы возможенъ лишь при какихъ-либо особенныхъ, сравнительно мало вѣроятныхъ условіяхъ.

При такомъ субъективно-пратически-отрицательномъ, объективно-теоретически-безразличномъ отношеніи къ вопросу я и приступилъ къ изслѣдованію общины, начало коего предлагаю теперь читателямъ. Я предпринялъ его, такимъ образомъ, исключительно лишь исходя изъ теоретической его необходимости, лишь полагая, что невозможно успокоиться на рѣшеніи такого огромнаго вопроса, пока онъ не изслѣдованъ всѣми возможными способами, при помощи всѣхъ имѣющихся матеріаловъ, но при этомъ я думалъ, что дѣлаю эту работу лишь, такъ сказать, „для очистки совѣсти“, что въ дѣйствительности очень скоро увижу воочію процессы разложенія въ дряхломъ организмѣ этого „живого мертвеца“ и утвержу такимъ образомъ свое отрицаніе на твердомъ фактическомъ основаніи.

Уже нѣсколько лѣтъ я работаю надъ матеріаломъ земской статистики и другими и долженъ теперь доложить читателямъ, что дѣло оказалось далеко не такъ просто. Часто я дѣйствительно находилъ разложеніе въ полномъ ходу, но часто я встрѣчалъ у „живого мертвеца“ такую сильную организацію и такія энергичныя функціи, какимъ могли бы позавидовать весьма многіе соціальные институты у насъ въ Россіи. При томъ, и то, и другое обусловливается, повидимому, извѣстны-

ми, весьма опредѣленными причинами, которыя часто могутъ быть и не быть, а часто очень сильно варіировать свое дѣйствіе.

Къ какимъ результатамъ долженъ былъ я притти при такихъ первыхъ попыткахъ изслѣдованія?

Я пришелъ къ такимъ выводамъ: „1) я рѣшилъ, что знаю только одно,—что я объ общинѣ ничего не знаю, 2) что, во всякомъ случаѣ, состояніе общины сейчасъ таково, что глазомѣрно, на основаніи единичныхъ, а не массовыхъ изслѣдованій, рѣшать ея судьбу и опредѣлять ея значеніе совершенно невозможно, и 3) я рѣшилъ произвести такое точное, т.-е. по возможности статистическое, ея изслѣдованіе".

Такимъ образомъ, первыя шесть лѣтъ изслѣдованія (съ 1894 г. по 1900 г.), дали въ результатѣ 1-ую описательно-классификаціонную часть работы, которую я закончилъ слѣдующимъ выводомъ: „...я не жду и не желаю отъ лежащей передъ читателемъ книжки никакого иного результата, какъ только того, чтобы онъ, закрывая ее, съ полнымъ убѣжденіемъ сказалъ: да, дѣйствительно, мы не имѣемъ права считать эти вопросы (о томъ, возможно ли, желательно ли сохраненіе общины въ Россіи?) рѣшенными ни въ положительную, ни въ отрицательную сторону, мы знаемъ только одно: что пока не знаемъ ихъ рѣшенія; что оно возможно лишь при болѣе глубокомъ ихъ изслѣдованіи; что для такого изслѣдованія должны работать всѣ, кто понимаетъ огромную ихъ важность для Россіи".

Затѣмъ уже черезъ полтора года, когда мнѣ удалось произвести статистическую разработку на мѣстѣ первокласснаго матерьяла, собраннаго саратовскими статистиками, я закончилъ краткій очеркъ основныхъ выводовъ этого изслѣдованія такъ: „Понятно, что на всѣ эти вопросы о возможности и желательности сохраненія и развитія общины и о вытекающемъ отсюда нашемъ къ ней отношеніи, я позволю себѣ дать рѣшительный и подробный отвѣтъ только по окончаніи всего моего статистическаго изслѣдованія этихъ вопросовъ. Пока же саратовскіе матерьялы позволяютъ и обязываютъ меня сдѣлать

только *условный* и *общій* выводъ, что община во всякомъ случаѣ ближе къ жизни, чѣмъ къ смерти. И если еще полтора года тому назадъ я отвѣчалъ на вопросъ: сохранится ли община?—рѣшительнымъ „не знаю“, такъ какъ былъ почти по срединѣ между „да“ и „нѣтъ“, то теперь я уже гораздо ближе къ „да“, чѣмъ къ „нѣтъ“...

Что, наконецъ, я долженъ сказать теперь, по прошествіи еще $3^1/_2$ лѣтъ, когда мною изслѣдована *статистически, непосредственно*, по матерьяламъ земской статистики и другимъ, *половина общинной территоріи и общиннаго населенія Европейской Россіи во всѣхъ областяхъ?* Теперь я настолько отдалился отъ „нѣтъ“ и приблизился къ „да“, что только *теоретически* меня отдѣляетъ отъ послѣдняго еще нѣкоторое разстояніе, но оно такъ мало, что *практически* его можно считать равнымъ нулю... Надѣюсь, однако, что читатель не повѣритъ мнѣ на слово (не для такихъ читателей я работалъ), а самъ внимательно и критически вдумается въ факты и цыфры дополнительнаго *„краткаго конспекта основныхъ выводовъ“*...

ОБЩЕЕ ВВЕДЕНІЕ.

О задачѣ, методѣ, матеріалахъ и исторіи изслѣдованія русской общины.

ВВЕДЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Долженъ ли я (какъ это вообще принято) призывать особое вниманіе читателей къ вопросамъ, озаглавливающимъ мою работу? Думаю, что эти вопросы сами достаточно зовутъ къ себѣ. Ограничусь поэтому лишь самыми краткими общими о нихъ замѣчаніями въ связи съ болѣе отчетливой и подробной ихъ формулировкой.

Сотни ученыхъ работали и работаютъ надъ изученіемъ тѣхъ элементарныхъ общинныхъ формъ, изъ которыхъ развилась наша цивилизація или которыя нынѣ наблюдаются у многихъ дикихъ племенъ. Эти формы, рядомъ съ формами и трансформаціей семьи, занимаютъ центральное мѣсто въ эмпирической (или этнографической) соціологіи. Несомнѣнно, что въ этомъ проявляется не только чисто историческій самодовлѣющій интересъ выслѣживанія пути, давно пройденнаго человѣчествомъ, но также и особое вниманіе къ принципіальному содержанію этого соціальнаго института, представляющаго единственную крупную по распространенію антитезу чисто индивидуалистической структуры современной нашей цивилизаціи.

Но если такъ понятенъ и законенъ интересъ къ этимъ простѣйшимъ и примитивнымъ, столь далекимъ отъ насъ, по времени или по культурному, такъ сказать, разстоянію, общиннымъ формамъ, о большинствѣ которыхъ при томъ имѣются лишь самыя общія, блѣдныя и часто даже очень мало достовѣрныя фактическія данныя,— то насколько же болѣе въ обоихъ смыслахъ,— и научно-историческомъ, и соціально-политическомъ, — заслуживаетъ изслѣдованія та высоко своеобразная и глубоко осложнившаяся, какъ политическимъ, такъ и многими экономическими и культурными элементами, разновидность общины, которая охватываетъ большую часть земледѣльче-

ской территоріи Россіи и минимумъ половину 130 милліоновъ ея населенія,—которая къ намъ такъ близка, составляетъ нашу соціальную среду и поддается непосредственному, насколько угодно, подробному наблюденію и изслѣдованію?

Но не въ этомъ еще центръ интереса и важности вопросовъ нашей работы: онъ въ томъ, что они ставятъ проблему отысканія будущаго. Читатель знаетъ, сколько вниманія и энергіи было удѣлено изслѣдователями вопросамъ: откуда пошла русская община? Во сколько же разъ важнѣе рѣшить: куда она идетъ и что несетъ съ собою русскому крестьянству и всей Россіи? Очевидно, что, поскольку Россія—страна по преимуществу земледѣльческая и крестьянская (а крестьяне въ огромномъ большинствѣ — общинники),—постольку въ вопросѣ: быть или не быть общинѣ?—сформулированъ самый главный и самый трудный пунктъ всей будущей ея соціально-экономической трансформаціи.

И съ этой стороны вопросъ о русской общинѣ пріобрѣтаетъ значеніе для всего цивилизованнаго человѣчества. Читатель знаетъ, что повсюду вопросъ о современномъ положеніи земледѣльческаго производства и о будущей его трансформаціи представляетъ особую трудность и особый интересъ. Въ остальныхъ областяхъ производства будущая эволюція настолько опредѣлилась или, по крайней мѣрѣ, предопредѣлилась, что самое направленіе ея,—въ сторону обобществленія,—уже внѣ спора едва ли не для большинства образованныхъ людей; только одни ставятъ точку ближе, другіе дальше. Въ земледѣліи же совсѣмъ не замѣчается тѣхъ быстрыхъ и рѣзкихъ процессовъ капитализаціи и пролетаризаціи, зависящихъ отъ экономическаго „естественнаго отбора“, которые влекутъ обрабатывающую промышленность къ полному обобществленію черезъ капиталистическую фазу производства; пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ, „аграрный кризисъ“ послѣдняго времени скорѣе нивеллировали, чемъ капитализировали землевладѣніе; крестьяне, ведущіе относительно въ большей степени натуральное хозяйство, выстаиваютъ часто крѣпче, чѣмъ крупные землевладѣльцы, такъ что является даже возможность того, что самопроизвольный экономическій процессъ обобществленія отстанетъ отъ культурнаго развитія крестьянства и что, такимъ образомъ, скорѣе чрезъ „крѣпкій черепъ крестьянина“ пройдутъ въ

земледѣльческомъ производствѣ новыя назрѣвающія соціально-экономическія формы, чѣмъ чрезъ капитализацію земли и пролетаризацію крестьянства. Понятно, въ какой огромной степени обостряется интересъ и сложность этого положенія при общинной формѣ русскаго крестьянскаго землевладѣнія: при ея функціонированіи, т.-е. при періодическихъ передѣлахъ, уравнивающихъ количество земли у каждой семьи пропорціонально ея рабочимъ силамъ или потребностямъ, процессы, съ одной стороны, раздробленія земельныхъ участковъ „въ пыль“ и съ другой — концентраціи ихъ въ крупныя съ наемнымъ трудомъ владѣнія представляются принципіально невозможными и, такимъ образомъ, закрывается путь обобществленія земледѣлія чрезъ капиталистическую его фазу; а поэтому само собой встаетъ прямо противуположное допущеніе непосредственнаго обобществленія общиннаго землевладѣнія въ таковое же производство (т.-е. постепенная замѣна уравнительнаго распредѣленія общинной земли между отдѣльными дворами совмѣстной ея обработкой съ дѣлежомъ продукта, чему примѣры иногда, по отношенію, главнымъ образомъ, къ лѣсу и сѣнокосу, и наблюдаются въ дѣйствительности). Надо отмѣтить, что такой переходъ представляется принципіально мыслимымъ, потому что у насъ общая соціальная атмосфера и была, и становится все болѣе благопріятной для развитія разныхъ формъ артельныхъ и общинныхъ организацій земледѣлія; съ другой же стороны, государство до сихъ поръ является полнымъ юридическимъ собственникомъ огромныхъ земельныхъ территорій и фактическимъ распорядителемъ крестьянскихъ общинныхъ земель, то-есть можетъ безъ всякой болѣзненной ломки сдѣлать общинное землевладѣніе государственнымъ [1]).

Спрашивается, такимъ образомъ: функціонируетъ ли сказаннымъ образомъ община въ дѣйствительности? Тормозитъ ли, значитъ, она разложеніе крестьянства на батраковъ и земледѣльцевъ, или, напро-

[1]) Читатель знаетъ, что за 6 лѣтъ прошедшихъ послѣ намѣченія мною этой возможности, мы подошли теперь къ ней вплотную, и она стала уже не отвлеченной возможностью, а практической вѣроятностью, почти неизбѣжностью: мы стоимъ предъ той или иной формой государственнаго обобществленія земли. И поскольку мы можемъ надѣяться, что оно произойдетъ въ формѣ децентрализованной національзаціи, постольку ясно, что именно общинное земельное право дастъ основной строительный матеріалъ для этого грандіознаго новаго соціальнаго зданія.

тивъ, этотъ процессъ разлагаетъ ее самое? Не уживается ли, наконецъ, община съ этимъ процессомъ, и если да, то въ какой именно комбинаціи, и какія отсюда открываются перспективы для будущаго? Какое значеніе имѣетъ община для неизбѣжнаго процесса интенсификаціи земледѣлія, и какъ вліяетъ на нее этотъ процессъ? Наконецъ, что особенно важно, какими именно причинами обусловливается тотъ или иной результатъ, и насколько, значитъ, вѣроятенъ въ будущемъ тотъ или другой исходъ? И для какой именно части общинъ (ибо вѣдь допустимы разные исходы для общинъ въ разныхъ условіяхъ)?

Для болѣе конкретнаго и точнаго пониманія этихъ вопросовъ можно формулировать слѣдующіе типы трансформаціи русской общины въ ближайшемъ будущемъ, образцы коихъ намѣчаются при разныхъ условіяхъ въ дѣйствительности: 1) полный и формальный переходъ ея въ подворное владѣніе: а) съ разслоеніемъ затѣмъ крестьянства на пролетаріевъ и земледѣльцевъ и в) съ установленіемъ на неопредѣленно-долгое время прочнаго стаціонарнаго мелко-крестьянскаго землевладѣнія, 2) формальное существованіе общиннаго владѣнія, но безъ уравнительной его функціи и: а) съ процессомъ разслоенія и, съ малыми шансами на такое или иное возрожденіе общины и в) съ стаціонарнымъ состояніемъ мелко-крестьянскаго хозяйства и, значитъ, съ извѣстной возможностью возстановленія общино-уравнительной, функціи въ будущемъ, а, можетъ быть, впослѣдствіи и дальнѣйшаго обобществленія и 3) энергичное функціонированіе общины, сдерживающее процессъ разслоенія: а) не переходящее все-таки на слѣдующую ступень обобществленія, вслѣдствіе ли условій производства или неспособности къ тому самого населенія и в) приводящее къ постепенному обобществленію изъ владѣнія также и производства.

Если читатель вдумается въ эту задачу опредѣленія, по которому именно изъ намѣченныхъ путей имѣетъ наибольшее вѣроятіе направиться община, то онъ признаетъ, что трудно, если не невозможно, найти не только во всемъ огромномъ и сложномъ процессѣ пореформеннаго перерожденія Россіи, но и во всѣхъ современныхъ міровыхъ экономическихъ трансформаціяхъ проблему, настолько совмѣщающую въ себѣ важность и трудность, настолько завлекающую изслѣдователя и остротой политическаго значенія, и глубиной научно-соціологическаго интереса...

Но мнѣ могутъ, пожалуй, замѣтить: законно ли ставить въ общественной наукѣ такіе вопросы о *будущемъ*, когда она далеко еще не установила *прошлой* эволюціи соціальныхъ формъ?

Я не буду разбирать, въ какой степени вообще уже теперь соціальная наука можетъ познавать будущее: достаточно указать, что она во всякомъ случаѣ не можетъ не пытаться достигнуть этого. Каждый индивидуумъ является факторомъ соціальнаго будущаго (если онъ примкнетъ къ инертной массѣ, то лишь увеличитъ на свой вѣсъ ея инерцію, а не избѣжитъ участія въ историческомъ процессѣ), и каждый обязанъ стараться быть какъ можно болѣе сознательнымъ факторомъ. Значитъ, мы болѣе чѣмъ имѣемъ *право* пытаться протянуть путеводную нить соціальной эволюціи изъ прошлаго въ будущее, — мы *обязаны* работать надъ этимъ. И съ точки зрѣнія самой „чистой“ науки всякій, кто возводитъ познаніе законовъ историческаго процесса въ рангъ науки, тѣмъ самымъ беретъ обязательство довести достовѣрность соціальнаго познанія до такой степени, чтобы предвидѣть будущее, ибо вѣдь одно лишь предсказаніе есть не только цѣль науки (что еще, положимъ, не имѣетъ мѣста въ нѣкоторыхъ случаяхъ), но также высшій и единственно безошибочный критерій ея точности, такъ что въ обоихъ этихъ смыслахъ, подражая извѣстному выраженію, почти можно сказать, что познаваніе безъ предсказанія мертво есть...

Но необходимо замѣтить, что изслѣдованіе нашихъ вопросовъ не только, такимъ образомъ, принципіально *законно и обязательно*: оно кромѣ того и *фактически возможно* едва ли даже не въ гораздо большей степени, чѣмъ установленіе прошлаго общины.

Во-первыхъ,—какъ ясно уже изъ вышесказаннаго, я полагаю возможнымъ и нужнымъ намѣтить трансформацію общины лишь въ самомъ близкомъ будущемъ. Такая постановка вопроса необходима постулируется самымъ существомъ его. Уже изъ сдѣланной выше его формулировки читатель долженъ былъ заключить, что мы далеки отъ воззрѣнія на общину, какъ на высшую, окончательную, такъ сказать, форму, а допускаемъ ее въ лучшемъ случаѣ, только какъ „наименьшее зло“, т.-е. какъ наиближайшую ступень къ полнымъ формамъ обобществленія.

Такой взглядъ вытекаетъ не только изъ общаго убѣжденія въ неизбѣжности полнаго обобществленія всѣхъ экономическихъ формъ, а значитъ въ томъ числѣ и русской крестьянской общины, но и изъ самаго существа ея, изъ тѣхъ необходимо присущихъ ей внутреннихъ противорѣчій, той хронической борьбы начала общиннаго во владѣніи и личнаго въ производствѣ, которыя не могутъ представить длительнаго устойчиваго равновѣсія, такъ что при первомъ измѣненіи поддерживающихъ ихъ условій которое-нибудь изъ нихъ должно вытѣснить, уничтожить другое, и община должна трансформироваться въ ту или другую сторону, — либо разложиться въ подворное владѣніе, либо доразвиться до обобществленія производства. А эти условія, сталкивающія общину съ распутья, на которомъ она стоитъ сейчасъ, уже дѣйствуютъ и несомнѣнно должны еще гораздо интенсивнѣе дѣйствовать въ самомъ ближайшемъ будущемъ: главное изъ этихъ условій—развитіе культуры крестьянина и земли.

Несомнѣнно, что въ силу общихъ уже испытанныхъ и очевидныхъ законовъ эволюціи человѣчества, русскій крестьянинъ развивается и будетъ развиваться, не можетъ не развиваться, какъ человѣкъ, гражданинъ, работникъ, что съ той же неизбѣжностью развивается и будетъ развиваться и культура земли, — интенсификація земледѣлія. Совершенно очевидно, что если община не приспособится, не вмѣститъ въ себя это развитіе субъекта и объекта владѣнія, то она сама этимъ развитіемъ будетъ разложена. Не менѣе почти очевидно, что если она вмѣститъ этотъ прогрессъ земледѣльца, то или это совершится легче всего именно въ формѣ постепеннаго обобществленія земледѣлія, или, по крайней мѣрѣ, этимъ вполнѣ подготовится переходъ къ послѣднему. Такимъ образомъ, нашъ вопросъ о будущемъ общины формулируется, собственно, такимъ образомъ: **сохранится ли она до тѣхъ поръ, когда сможетъ начать развиваться?** Значитъ, мы можемъ быть увѣрены, что судьба общины рѣшится или, по крайней мѣрѣ, предрѣшится въ самомъ близкомъ будущемъ. Стало быть, трудность предсказанія будущаго въ нашемъ случаѣ немногимъ лишь превыситъ трудность изслѣдованія настоящаго.

Во-вторыхъ, для этого установленія современныхъ условій и слѣдствій общиннаго землевладѣнія накопился уже теперь, какъ будетъ

подробно указано ниже, огромный матеріалъ (доставленный земской статистикой). Такъ, что уже теперь какъ бы собраны, обработаны и частью уже даже сложены отдѣльные камни, отдѣльныя части для построенія общей статистической схемы законовъ общины. Нужно ли пояснять, какъ завлекательна встающая теперь передъ нами грандіозная задача самаго построенія этой схемы изъ этого матеріала и на этомъ фундаментѣ и увѣнчанія ея приблизительными формулами ближайшаго будущаго?..

Необходимо еще ко всему сказанному прибавить, что именно теперь вопросъ о крестьянствѣ и общинѣ или подобныхъ ей групповыхъ обобществленіяхъ выдвинулся на первый планъ не только въ Россіи, но и во всемъ цивилизованномъ человѣчествѣ.

Частью вслѣдствіе упомянутаго уже всемірнаго аграрнаго кризиса, частью благодаря общему развитію культурности крестьянскихъ массъ на западѣ, тамъ въ послѣднее время все ярче и шире обозначается въ крестьянствѣ стремленіе обобщить свои силы въ борьбѣ съ неблагопріятными условіями,—удержаться при землѣ, отъ которой его отрываютъ аграрные кризисы, ухватившись, такъ сказать, другъ за друга: всевозможные союзы, кассы, синдикаты, имѣющіе цѣлью дешевый кредитъ, выгодный сбытъ и покупку орудій и продуктовъ, распространеніе знаній и усовершенствованіе производства,—распространяются и растутъ съ невиданной быстротой и представляютъ любопытнѣйшую разновидность именно групповаго, общиннаго обобществленія крестьянства, хотя пока распространившагося только преимущественно въ области обмѣна, но въ отдѣльныхъ случаяхъ доходящаго уже до проектовъ формальнаго общиннаго землевладѣнія. Рядомъ съ этимъ крестьянскимъ движеніемъ и отчасти въ связи съ нимъ возникло аналогичное новое теченіе и въ политическихъ рабочихъ организаціяхъ Германіи, Франціи, Бельгіи и частью другихъ странъ: эти партіи, строго державшіяся ранѣе марксовской схемы обобществленія всего производства, а въ томъ числѣ и земледѣлія, чрезъ капиталистическую фазу и признававшія своей цѣлью лишь государственное обобществленіе средствъ производства,—въ послѣднее время внесли въ свои программы защиту интересовъ крестьянства, какъ трудового класса и особенно прямо и энергично высказались въ пользу со-

храненія и развитія всюду, гдѣ это только возможно, остатковъ общиннаго землевладѣнія.

Если, такимъ образомъ, даже въ Западной Европѣ, сохранившей лишь ничтожные остатки земельной общины. разныя формы групповаго, общиннаго обобществленія крестьянскаго землевладѣнія начинаютъ зарождаться и прямо постулироваться въ партійныхъ программахъ крупныхъ политическихъ организацій, такъ что даже въ отдѣльныхъ случаяхъ взоры ученыхъ и политическихъ дѣятелей направляются уже прямо на русскую общину, то не лежитъ ли на насъ обязанность теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, сдѣлать все, что возможно, для выясненія того, на сколько эта форма быта и хозяйственной дѣятельности большинства русскаго народа живуча и жизнеспособна, представляетъ ли она въ соціальномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ плюсъ или минусъ и, значитъ, быть ей или не быть?..

ГЛАВА II.

Всякое явленіе можетъ быть изслѣдуемо или само по себѣ, или во взаимодѣйствіи съ другими явленіями: первое,—описаніе, опредѣленіе, классификація изучаемаго явленія,—составляетъ необходимую подготовительную ступень всякаго научнаго изслѣдованія; второе—установленіе причинозависимостей, законовъ.—есть цѣль и центръ того, что мы называемъ „научнымъ“ познаваніемъ.

Такъ и въ нашемъ изслѣдованіи общиннаго землевладѣнія въ Россіи первой предварительной задачей представляется описаніе, опредѣленіе, классификація существующихъ у насъ общинныхъ формъ, т.-е. отвѣтъ на вопросъ: „что такое община“ вообще и какія существуютъ ея разновидности? Вторая и основная задача состоитъ въ опредѣленіи, во-первыхъ, тѣхъ причинъ, слѣдствіемъ которыхъ являются разныя общинныя формы и разныя ихъ функціи и, во-вторыхъ, тѣхъ слѣдствій, причиной коихъ являются эти формы; выведя равнодѣйствующую изъ этихъ взаимодѣйствій, мы и получимъ отвѣтъ на наши вопросы о наиболѣе вѣроятномъ и наиболѣе желательномъ направленіи будущей трансформаціи общины.

Спрашивается: какимъ способомъ мы должны рѣшать эти задачи, чтобы рѣшить ихъ съ наибольшей точностью и достовѣрностью?

Я полагаю, что, если только вообще эти вопросы могутъ быть рѣшены, то — единственно лишь путемъ массоваго, статистическаго изслѣдованія, такъ какъ оно представляетъ единственный способъ научно-точнаго познанія въ области соціальныхъ явленій [1]).

Какъ вообще, такъ и въ примѣненіи къ нашимъ вопросамъ, это выясняется весьма простыми соображеніями.

Очевидно прежде всего, что мы можемъ дать вполнѣ точный отвѣтъ на вопросъ: что такое русская крестьянская земельная община?—лишь, во-первыхъ, точно изучивъ и описавъ всѣ разновидности общины въ Россіи, всѣ фазисы ея сложенія, функціонированія и разложенія, и, во-вторыхъ, подсчитавъ количество случаевъ каждаго рода, опредѣливъ, насколько, относительно,

---

[1]) Для читателей, менѣе знакомыхъ съ предметомъ, привожу нѣсколько замѣчаній изъ рѣчи проф. А. И. Чупрова, произнесенной въ общемъ собраніи IX съѣзда врачей и естествоиспытателей (въ Москвѣ 11 января 1894 г.). Здѣсь очень сжато и наглядно показано общее значеніе статистическаго метода въ соціальной наукѣ. (Цит. по Рус. Вѣд. 1894 г.). „Всѣ отрасли точнаго знанія,— какъ тѣ, которыя относятся къ внѣшней природѣ, такъ и тѣ, которыя изучаютъ человѣка, въ окончательномъ результатѣ основываются на наблюденіи и опытѣ. Но въ приложеніи того и другого между отдѣльными науками существуетъ крупное различіе. Когда физикъ точно установилъ, что одна капля ртути замерзаетъ при извѣстной температурѣ, то онъ питаетъ твердую вѣру въ примѣнимость его наблюденія ко всѣмъ рѣшительно каплямъ ртути въ мірѣ...

... Напротивъ, попробуйте изучать отношеніе мужскихъ и женскихъ рожденій въ одной семьѣ, смертность по различнымъ возрастамъ въ одной деревнѣ, составъ преступниковъ по полу въ одномъ судѣ, и вы не въ правѣ будете сдѣлать рѣшительно никакихъ заключеній не только о семьяхъ или деревняхъ, раздѣленныхъ большимъ пространствомъ и временемъ, но даже о сосѣднихъ. Но стоитъ расширить область наблюденій, стоитъ вмѣсто одной деревни взять тысячи деревень и городовъ, вмѣсто отдѣльной семьи десятки и сотни тысячъ семей и вы увидите, что въ рождаемости и смертности, въ такъ называемомъ естественномъ движеніи населенія, господствуетъ почти такая же правильность, какъ и въ движеніи небесныхъ тѣлъ. Столь коренная разница въ условіяхъ наблюденія объясняется самымъ свойствомъ явленій: одни явленія, находясь подъ вліяніемъ причинъ постоянныхъ, тождественны, однородны, въ другія же явленія вмѣшательство причинъ измѣнчивыхъ и случайныхъ вноситъ характеръ разнообразія и индивидуальности.

распространены эти фазисы и разновидности. Уже для отвѣта на первый вопросъ очевидна необходимость наблюденія и описанія общины во множествѣ случаевъ: совершенно очевидно, что мы уже a priori должны ожидать различныхъ общинныхъ формъ при разныхъ естественныхъ, экономическихъ, юридическихъ, культурныхъ условіяхъ, столь многообразныхъ въ Россіи: очевидно, что община не можетъ быть одинаковой въ Смоленской и Иркутской, въ Таврической и

Когда отъ внѣшней природы и отдѣльнаго человѣка мы обратимся къ изученію общества, то увидимъ, что здѣсь способы изслѣдованія, практикуемые въ статистикѣ, являются единственнымъ способомъ къ пріобрѣтенію сколько-нибудь точныхъ знаній.—Общественное цѣлое состоитъ изъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, которыхъ внутреннія, моральныя и умственныя способности обнаруживаютъ столь же безконечное разнообразіе, какъ и ихъ внѣшнія физическія отличія, и потому въ этой области единичное наблюденіе не можетъ дать ничего.

Если спросимъ мы себя, что именно выигрываетъ обществознаніе отъ примѣненія массовыхъ наблюденій, то на первомъ мѣстѣ должны поставить точное описаніе явленій, наблюдаемыхъ въ обществѣ. Но что еще важнѣе, взаимно сопоставляя по извѣстнымъ правиламъ числа, доставленныя массовымъ наблюденіемъ, мы получаемъ возможность выяснить взаимную зависимость и даже измѣрять относительное значеніе дѣйствующихъ на нихъ причинъ. Точное описаніе общественныхъ явленій на обширныхъ пространствахъ или за длинные ряды лѣтъ, въ особенности соединенное съ изученіемъ ихъ причинныхъ связей, даетъ право пойти еще дальше: оно открываетъ возможность расширять выводы за предѣлы уже произведенныхъ наблюденій, напримѣръ по опыту прошедшаго заключать о будущемъ. Какъ скоро явленія наблюдены въ большой массѣ случаевъ, то по закону большихъ чиселъ измѣняющіяся причины, которыя сообщаютъ случаю индивидуальную окраску, взаимно нейтрализуются, и передъ нами выступаетъ дѣйствіе однѣхъ постоянныхъ причинъ. Этимъ именно вліяніемъ постоянныхъ причинъ объясняется, что явленія общественной жизни, наблюдаемыя въ большомъ числѣ случаевъ, отличаются замѣчательною правильностью повторенія. Такъ, напримѣръ, каждый годъ, въ извѣстной странѣ или въ извѣстномъ классѣ населенія совершается примѣрно одно и то же количество браковъ, рожденій, смертей, самоубійствъ и преступленій и т. д. Отсюда, если взято количество случаевъ, достаточное для того, чтобы законъ большихъ чиселъ проявилъ свое дѣйствіе, мы можемъ при соблюденіи извѣстныхъ предосторожностей распространять выводы изъ этой группы случаевъ на другія однородныя, но неизвѣстныя намъ группы.

Такая возможность распространять наши заключенія на неизвѣданные случаи имѣетъ величайшую важность. Ею обусловливается наша способность дѣлать предположенія о будущемъ и на основаніи ихъ плодотворнымъ образомъ вліять на разныя стороны жизни".

Архангельской губерніяхъ, въ промышленной и земледѣльческой полосѣ, у крестьянъ бывшихъ государственныхъ и у помѣщичьихъ, у казаковъ и у колонистовъ, у великоруссовъ, малороссовъ и сибиряковъ, у нѣмцевъ, татаръ, вотяковъ, бурятъ и т. д. Такимъ образомъ, чтобы не пропустить ни одного оттѣнка въ типахъ общины и періодахъ ея трансформаціи, — необходимо по самой подробной программѣ изучить, по крайней мѣрѣ, по нѣсколько десятковъ общинъ для каждой губерніи, т.-е. навѣрное нѣсколько сотенъ общинъ для всей Россіи. Но это еще будетъ не статистическимъ, а монографическимъ изслѣдованіемъ. Совершенно, однако, очевидно, что безъ статистическаго изслѣдованія нельзя уже обойтись при количественномъ опредѣленіи распространенія разныхъ общинныхъ формъ во времени и въ пространствѣ. Если мы желаемъ имѣть отвѣтъ на самый первый вопросъ, представляющійся при изслѣдованіи шансовъ общины выжить или разложиться, а именно: въ какомъ количествѣ случаевъ она до сихъ поръ функціонировала, а въ какомъ разлагалась?—то очевидно, на основаніи отдѣльныхъ случаевъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и при извѣстныхъ только условіяхъ мы не можемъ позволить себѣ никакого отвѣта на этотъ огромнаго интереса вопросъ; строго говоря, вполнѣ точный отвѣтъ на него мы можемъ дать лишь изучивъ всѣ случаи общиннаго владѣнія въ Россіи, а для хотя бы минимально достовѣрнаго и точнаго отвѣта необходимо наблюдать во всякомъ случаѣ значительный % общинъ во всѣхъ мѣстностяхъ, при всевозможныхъ условіяхъ и въ разные періоды, — наблюдать при томъ такъ, чтобы имѣть полную гарантію типичности избранныхъ для изученія случаевъ.

Также, очевидно, только статистика можетъ разрѣшить вопросы о земельной мобилизаціи въ Россіи вообще и при общинномъ землевладѣніи въ особенности,—о томъ, образовались ли уже въ крестьянствѣ экономически различные или даже антагонистичные слои, каковы размѣры этого разслоенія, находится ли оно въ стаціонарномъ состояніи или представляетъ развивающійся процессъ и, въ послѣднемъ случаѣ, по какому именно типу и какимъ темпомъ онъ развивался и развивается? Всякому очевидно, что для рѣшенія этихъ огромной важности вопросовъ не имѣютъ ни малѣйшаго значенія отдѣльные факты, что мало-мальски точный отвѣтъ на нихъ могутъ дать только

цифры, — и при томъ крупныя цифры, касающіяся всевозможныхъ районовъ, періодовъ и условій наблюдаемаго явленія.

Настолько же, если не въ большей еще степени, необходимо статистическое изслѣдованіе и для установленія причинозависимостей общиннаго землевладѣнія. Если мы на основаніи глазомѣрнаго наблюденія или апріорныхъ разсужденій гипотезируемъ, что такія-то условія приводятъ къ такимъ-то видоизмѣненіямъ общины, или что такая-то форма общины имѣетъ такія-то слѣдствія для крестьянскаго хозяйства, то, какъ мы можемъ доказать, что эта причинная связь дѣйствительно существуетъ, т.-е. что явленіе, предположенное слѣдствіемъ, дѣйствительно всегда (если только не мѣшаютъ другія условія) слѣдуетъ за явленіемъ, принимаемымъ за причину и что тутъ дѣйствительно связь не только post hoc, но и propter hoc?

Совершенно очевидно, что отдѣльные случаи совпаденій предполагаемыхъ причинъ и слѣдствій сами по себѣ не могутъ считаться мало-мальски достовѣрными показателями, что причинная зависимость можетъ быть обнаружена и доказана лишь путемъ, такъ сказать, перекреснаго допроса большихъ цифръ, путемъ сопоставленія предполагаемыхъ причинъ и слѣдствій на возможно большемъ количествѣ случаевъ явленія и, при томъ, въ различныхъ комбинаціяхъ съ другими условіями, съ другими причинозависимостями, могущими видоизмѣнять дѣйствіе изучаемой причинозависимости.

Понятно, что a priori невозможно опредѣлить, какой именно процентъ случаевъ изучаемаго явленія долженъ войти въ такія сопоставленія, ибо для разныхъ явленій онъ можетъ быть весьма различенъ: онъ будетъ тѣмъ больше, чѣмъ сложнѣе и многообразнѣе изслѣдуемое явленіе, чѣмъ гадательнѣе или запутаннѣе отыскиваемая причинозависимость, въ болѣе же элементарныхъ вопросахъ, часто уже послѣ сопоставленій незначительнаго % случаевъ явленія, послѣдующія сопоставленія начинаютъ давать совпаденія, тождественныя или аналогичныя съ первыми, чѣмъ и показуется ихъ правильность и ненужность дальнѣйшихъ. Такимъ образомъ, въ нашихъ вопросахъ только опытъ можетъ опредѣлить объемъ необходимыхъ для точныхъ отвѣтовъ статистическихъ работъ. Однако, мы во всякомъ случаѣ, должны ожидать, что, если уже описательно-классификаціонное изученіе общины должно опираться минимумъ на многія сотни ея слу-

чаевъ, то для изслѣдованія причинозависимостей необходимы уже не сотни и даже не тысячи, а десятки тысячъ общинъ...

Очевидно, что все сказанное примѣнимо и къ необходимо связанному съ нашей проблемой изслѣдованію условій и слѣдствій земельной мобилизаціи при общинномъ и подворномъ владѣніи, т.-е., съ одной стороны значенія разныхъ типовъ и стадій передвиженія земли среди разныхъ крестьянскихъ группъ для функціонированія общиннаго механизма и, наоборотъ, вліянія, оказываемаго общинной функціей на направленіе и темпъ этого процесса. Ясно, что этотъ вопросъ, въ которомъ сложнѣйшимъ образомъ переплелись причины со слѣдствіями и съ явленіями, индифферентными, сопутствующими, трудно даже отчетливо поставить, а не то что изслѣдовать, безъ помощи сложныхъ комбинированныхъ статистическихъ сопоставленій.

Какъ выше было сказано, уже теперь представленъ земской статистикой богатѣйшій по количеству и весьма высокій по качеству матеріалъ, открывающій возможность такого статистическаго изслѣдованія причинозависимостей общиннаго землевладѣнія. Я полагаю, что этотъ матеріалъ уже сейчасъ позволяетъ произвести болѣе или менѣе объективное и реальное изученіе нашихъ вопросовъ, что, во всякомъ случаѣ, рѣшать эти столь важные и сложные вопросы до и безъ его разработки совершенно невозможно. Я лично кладу его въ основаніе своего изслѣдованія.

ГЛАВА III.

Трудно, если не невозможно, указать другой вопросъ, на которомъ въ такой степени и съ такой необходимостью могла и должна была проявиться самостоятельная работа русской соціологическо-политической мысли, какъ вопросъ: быть или не быть общинѣ въ Россіи? Съ одной стороны, огромная важность этого вопроса не позволяла никому обойти его: всевозможныя философскія, научныя, политическія воззрѣнія и умонастроенія, всевозможныя групповыя, сословныя, классовыя страсти и интересы должны были такъ или иначе сформулироваться по отношенію къ нему, т.-е. или прямо рѣшить, или косвенно

предрѣшить его. Съ другой стороны, вслѣдствіе крайней сложности этого вопроса и отсутствія готоваго шаблона для его рѣшенія (для тѣхъ, конечно, кто не принималъ безъ дальнихъ разсужденій тождественность русской общины и ея современныхъ условій съ разложившейся общиной Западной Европы), разныя теоретическія схемы и партійныя программы преломлялись по отношенію къ нему въ высшей степени разнообразно и своеобразно. Достаточно, напримѣръ, указать, что начатая Н. Г. Чернышевскимъ 40 лѣтъ тому назадъ горячая защита возможности и желательности сохраненія общины въ Россіи продолжалась потомъ въ числѣ многихъ другихъ, К. П. Побѣдоносцевымъ; или что, наоборотъ, въ самое послѣднее время на необходимости уничтоженія общины настаиваютъ, съ одной стороны, новомарксисты, отрицающіе ее, какъ оплотъ „мѣщанства", „мелко-буржуазнаго строя" и т. п.; а съ другой — нѣкоторые представители бюрократическихъ сферъ, уже десять лѣтъ тому назадъ опасавшіеся, что, „соціалистическіе инстинкты нашли себѣ почву въ общинѣ", что если „Россіи суждено когда-нибудь пережить потрясенія, вызванныя стихійными движеніями народныхъ массъ, то починъ въ этомъ дѣлѣ, вопреки примѣрамъ Западной Европы, будетъ принадлежать массѣ аграрной", а въ послѣднее время въ лицѣ кабинета гр. Витте стремящіеся подавить эти возникшія уже „стихійныя движенія" именно уничтоженіемъ общины.

Такое же, какъ и въ точкахъ зрѣнія, различіе проявляется у разныхъ авторовъ и въ самыхъ способахъ рѣшенія вопросовъ объ общинѣ, и въ размѣрахъ познаній по этимъ вопросамъ.

Здѣсь особенно рѣзко выдѣляются двѣ крайности: съ одной стороны, накопляется огромный фактическій и статистическій матеріалъ, по большей части разрабатываемый слабо и лишь эмпирически, съ другой же—множество авторовъ рѣшали и рѣшаютъ судьбу общины по своимъ собственнымъ апріорнымъ соображеніямъ, не только не пользуясь этимъ матеріаломъ, но даже часто какъ бы забывая или прямо не зная о его существованіи.

Было бы одинаково неумѣстно говорить въ этомъ краткомъ вступленіи къ моей работѣ, какъ о первой, такъ и о второй категоріи литературы по общинѣ. Произведенія второго рода, замѣняющія объективный методъ и матеріалы изслѣдованія построеніемъ готовыхъ рѣ-

шеній изъ своихъ субъективныхъ умонастроеній, представляютъ несомнѣнно живѣйшій интересъ именно потому, что община является такимъ критическимъ, если можно такъ выразиться, пунктомъ, на которомъ съ исключительной яркостью и живостью освѣщаются особенности русской научной и политической мысли, который составилъ бы едва ли не наиболѣе любопытную главу въ исторіи русской литературы и интеллигенціи; но не въ этомъ вѣдь теперь наша задача,—не въ изученіи генезиса и значенія воззрѣній на вопросъ: быть или не быть общинѣ?—а въ прямомъ научно-статистическомъ изслѣдованіи самаго этого вопроса,—поэтому вся эта, такъ сказать, субъективно-апріорная „словесность“ должна уступить первое мѣсто и очередь фактамъ и цифрамъ. Что же касается серьезныхъ фактическихъ объективныхъ работъ по общинѣ, то посвящать имъ особое введеніе опять таки неудобно, потому что по ихъ поводу пришлось бы, безполезно забѣгая впередъ и нарушая планъ изложенія, разбирать всѣ основные элементы нашей задачи по существу; гораздо раціональнѣе поэтому упоминать объ этихъ работахъ, гдѣ нужно, въ текстѣ самого изслѣдованія и затѣмъ уже, если понадобится, свести эти замѣчанія въ особый резюмирующій очеркъ, а пока ограничиться лишь самой сжатой схемой общаго движенія литературы по общинѣ.

Вотъ уже почти сорокъ лѣтъ, какъ вопросъ быть или не быть общинѣ?—необходимо вставшій при раскрѣпощеніи крестьянъ, виситъ надъ Россіей. И сорокъ лѣтъ тому назадъ онъ съ чрезвычайной ясностью и яркостью и во всю свою огромную величину былъ поставленъ Н. Г. Чернышевскимъ. Стоя теперь снова передъ этимъ вопросомъ и оглядываясь на эти сорокъ лѣтъ, представляющія огромный, по пережитой Россіей политической, экономической и культурной трансформаціи, періодъ, мы, какъ въ многосложной и любопытной исторіи самой общины за это время, такъ и въ развитіи ея изученія, успѣвшаго накопить огромную литературу, можемъ отмѣтить сначала періодъ относительной неподвижности,—съ 61 г. до конца 70-хъ гг., —а затѣмъ,—начиная съ 1876—1879 гг.—періодъ движенія, развитія усложненія. Очертимъ вкратцѣ основныя теченія въ этой литературѣ.

Начнемъ съ направленія, исходившаго отъ Чернышевскаго.

Уже заранѣе необходимо ожидать, что апріорно положительное отношеніе къ общинѣ, даже въ самой безусловной своей формѣ, логически болѣе должно располагать къ ближайшему объективно-фактическому ея изученію, чѣмъ безусловное апріорное ея отрицаніе.

Но точка зрѣнія Чернышевскаго и его послѣдователей была очень далека отъ такой безусловности: a priori и принципіально сохраненіе общины считалось желательнымъ, лишь поскольку она представляетъ соціальный плюсъ, какъ возможная первая ступень обобществленія земледѣльческаго производства, как форма теоретически совмѣстимая съ прогрессомъ земледѣлія и т. д.; a priori и принципіально сохраненіе общины считалось возможнымъ (какъ возможно и ея разложеніе) въ зависимости отъ тѣхъ реальныхъ условій, которыя на нее будутъ дѣйствовать. Понятно, что эта точка зрѣнія совершенно исключала всякіе философскіе и не философскіе „предразсудки", всякія апріорныя формулы, она всецѣло переносила рѣшеніе вопроса въ непосредственное изслѣдованіе самой общины, ея условій и слѣдствій. Она не замедлила привести къ такому изслѣдованію и въ дѣйствительности.

Уже въ шестидесятыхъ годахъ начинаютъ появляться въ журналахъ и газетахъ отдѣльные очерки общинныхъ порядковъ, общиннаго быта непосредственныхъ наблюдателей крестьянской жизни. Въ семидесятыхъ годахъ такіе очерки все быстрѣй и быстрѣй учащаются, расширяются, углубляются, систематизируются, становятся все сознательнѣе и критичнѣе, появляются уже и монографіи по отдѣльнымъ основнымъ вопросамъ общинной организаціи и функцій,—какъ напримѣръ, книги гг. Посникова, Трирогова и др. Такъ что къ концу 70-хъ годовъ непосредственное изученіе крестьянской общины на мѣстѣ и во всѣхъ ея деталяхъ настолько экстенсивируется, настолько захватываетъ русскую интеллигенцію, что въ 2—3 года, съ 1875 по 1878 гг., появляется не менѣе 5—6 подробныхъ программъ изслѣдованія общины (А. Посникова, Е. Якушкина, Трирогова, П. Ефименко, Географическаго Общества и Вольно-Экономическаго Общества), изъ коихъ, напримѣръ, одно первое изданіе программы Вольно-Экономическаго Общества разошлось все за четыре лѣтнихъ мѣсяца 1878 г. въ количествѣ 1200 экземпляровъ.

1879 годъ представляетъ поворотный пунктъ въ изслѣдованіи русской общины: въ этомъ году появляется знаменитая книга В. И. Ор-

лова объ общинѣ въ Московской губерніи, основанная на массовыхъ, т.-е. охватывающихъ огромное большинство общинъ Московской губерніи, данныхъ, собранныхъ при спеціальномъ статистическомъ изслѣдованіи этой губерніи, организованномъ губернскимъ земствомъ. Съ этого времени въ 80-хъ годахъ цѣлый рядъ губернскихъ земствъ (и нѣсколько уѣздныхъ) организуетъ статистическое изслѣдованіе крестьянскаго хозяйства и землевладѣнія и почти всегда это изслѣдованіе захватываетъ и общинную форму землевладѣнія. Такимъ образомъ, съ конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ изслѣдованіе общины переходитъ отъ отдѣльныхъ интересующихся этимъ вопросомъ добровольцевъ и ученыхъ обществъ въ руки земства; благодаря этому оно дѣлается, во-первыхъ, массовымъ, статистическимъ, а во-вторыхъ, болѣе глубокимъ и систематическимъ.

Со стороны количественной эти земско-статистическія изслѣдованія общины приблизительно опредѣляются слѣдующими цифрами: изъ 197 уѣздовъ, земско-статистическія изданія по которымъ мнѣ точно были извѣстны, къ 1900 году:

по 100	у.,	изсл.	съ	1876	г.	по	1885	г.	включ.,	опис.	28775	зем. общинъ
„ 75	„	„	„	1886	„	„	1990	„	„	„	25675	„ „
„ 22	„	„	„	1891	„	„	1900	„	„	„	3015	„ „
Итого 197	у.,	изсл.	съ	1876	г.	по	1900	„	опись.		58465	зем. общинъ.

Если же мы присоединимъ уѣзды, о которыхъ мнѣ прямо неизвѣстно, была ли въ нихъ изслѣдована община, но въ нѣкоторыхъ изъ коихъ она несомнѣнно была изслѣдована,—а такихъ особенно много за 90-е годы, да еще прибавимъ изслѣдованіе общины въ 4 сибирскихъ губерніяхъ (тоже происходившее въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ гг.), то придется повысить число изслѣдованныхъ къ 1900 г. общинъ далеко за 60 и, можетъ быть, до 70 тысячъ общинъ.

Со стороны качественной эти изслѣдованія достаточно обрисовываются ихъ программами, заключающими часто на ряду съ главнѣйшими внѣшними данными объ организаціи и функціяхъ общины еще такіе, напримѣръ, вопросы, какъ объ отношеніи къ общинѣ разныхъ слоевъ самихъ крестьянъ, о мотивахъ голосованія ихъ за или противъ общинно-уравнительныхъ передѣловъ земли, о числѣ хозяевъ, выигрывавшихъ и проигрывавшихъ отъ такихъ передѣловъ и т. д. и т. д. Цѣлый рядъ выдающихся изслѣдователей обработали эти цифровыя

данныя по многимъ отдѣльнымъ уѣздамъ и иногда губерніямъ, часто съ образцовой отчетливостью, детальностью, мѣткостью: послѣ знаменитой и дѣйствительно во всѣхъ отношеніяхъ образцовой работы В. И. Орлова послѣдовали замѣчательныя изслѣдованія гг. Григорьева, Щербины, Харизоменова, Черненкова, Южакова, Ермолинскаго, Личкова, Филимонова, Харламова, В. Пругавина и многихъ другихъ (ниже во введеніи къ I тому я привожу имена многихъ десятковъ этихъ изслѣдователей).

Въ концѣ 80-хъ годовъ и Министерство Государственныхъ Имуществъ организовало въ 4-хъ сибирскихъ губерніяхъ сплошное статистическое по земскому типу изслѣдованіе, и тутъ своеобразныя разновидности сибирской общины были особенно внимательно и глубоко изслѣдованы и описаны въ прекрасныхъ работахъ гг. Кауфмана (особенно замѣчательныхъ по исчерпывающей полнотѣ и образцовой отчетливости), Личкова, Филимонова, Дубенскаго, Осипова и др.

Такимъ образомъ, за послѣднія 20 лѣтъ это детальное статистическое изслѣдованіе, охватившее минимумъ 60 тысячъ крестьянскихъ общинъ во всѣхъ безъ исключенія районахъ Россіи, несомнѣнно принесло матеріалъ, достаточный для того точнаго описанія и классификаціи общинныхъ формъ и хотя отчасти для такого научно-статистическаго изслѣдованія причинозависимостей общиннаго землевладѣнія, которыя, какъ я выше старался показать, представляютъ единственный способъ научнаго рѣшенія вопросовъ о возможности и желательности сохраненія общины въ Россіи. — Естественно встаетъ вопросъ: не произведено ли уже такое изслѣдованіе? Увы, оно только кое-гдѣ начато.

Сами земскіе статистики, заваленные многосторонней обязательной работой, не могли далеко уходить въ глубь вопросовъ и принуждены были затрагивать только нѣкоторыя болѣе значительныя или болѣе замѣтныя причинозависимости, ограничиваясь преимущественно описательно-классификаціонной стороной изслѣдованія; притомъ они и не могли брать нашихъ вопросовъ объ общинѣ въ цѣломъ, такъ какъ всегда имѣли право говорить объ одномъ лишь изслѣдуемомъ уѣздѣ (или губерніи). Въ общей же литературѣ какъ-то почти не обращали вниманія на эту огромную работу эмпирическаго изученія общины земской статистикой, на эти добытыя ею груды сырого фактическаго

и цифрового матеріала... Я могу указать лишь на три заслуживающихъ упоминанія книги, имѣвшихъ цѣлью объединеніе этихъ матеріаловъ и, частью прямо, частью косвенно, пытавшихся съ ихъ помощью отвѣчать на вопросъ: быть или не быть общинѣ? Во-первыхъ,—это книга г. В. В. „Община“ (т. I „Итоговъ экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики“), изданная въ 1892 году; затѣмъ работа Ап. Корелина „Общинное владѣніе въ Россіи“, 1893 г. и, наконецъ изслѣдованіе А. А. Кауфмана „Крестьянская община въ Сибири“, 1897 года.

Я отнюдь не желаю умалять крупнаго значенія огромнаго и замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ труда г. В. В. Его книга это—своего рода энциклопедія современной крестьянской общины въ земскихъ губерніяхъ (г. В. В. пользовался въ этомъ трудѣ только земско-статистическими изданіями): трудно пожалуй найти явленія или вопросы, которые хотя бы отчасти не были тутъ обрисованы въ фактахъ и поясненіяхъ къ нимъ автора и земскихъ изслѣдователей; съ высокой аккуратностью и добросовѣстностью приведены всѣ факты,—какъ подтверждающіе положительныя воззрѣнія автора на общину, такъ и болѣе или менѣе противорѣчащіе имъ; все изложеніе, не смотря на огромную подробность, очень систематично и отчетливо; такимъ образомъ, эта работа представляетъ въ высшей степени цѣнное пособіе для спеціалиста и незамѣнимый источникъ для сренней публики, желающей точно и подробно ознакомиться съ общиной. Но книга г. В. В. именно только знакомитъ съ общиной, только затрагиваетъ на отдѣльныхъ фактахъ вопросы объ ея условіяхъ и слѣдствіяхъ, но не изслѣдуетъ ихъ прямо и статистически. Говоря, напримѣръ, о фактахъ, вліяющихъ на передѣлъ, т.-е. объ основныхъ причинозависимостяхъ общины, г. В. В. только указываетъ на возможность существованія такихъ-то и такихъ-то факторовъ, и иллюстрируетъ ихъ нѣсколькими готовыми цифрами, устраняясь отъ ихъ изслѣдованія прямымъ заявленіемъ, что онъ поставилъ себѣ цѣлью „не разработку, а сведеніе того, что уже сдѣлано земско-статистическимъ изслѣдованіемъ въ Россіи“. Понятно, что, такимъ образомъ, г. В. В. только суммировалъ работы земскихъ статистиковъ, а не приумножилъ ихъ, не произвелъ той новой разработки статистическаго матеріала, предъ

которой они остановились. Но, повторяю еще разъ, заслуга г. В. В. все-таки очень велика; никто въ Россіи не сдѣлалъ столько, какъ онъ, для изслѣдованія общины, и его убѣжденный неумолкающій голосъ: „а все таки она выживетъ!“—энергично зоветъ къ точному научному ея изслѣдованію.—И я лично, напримѣръ, съ благодарностью долженъ упомянуть, что именно по прочтеніи книги г. В. В. (хотя и отнюдь не согласившись съ оптимистическими выводами автора) я окончательно рѣшилъ приняться за ту самостоятельную разработку сырыхъ матеріаловъ земской статистики, которая предлагается теперь читателямъ.

Работа г. А. А. Кауфмана является какъ бы естественнымъ дополненіемъ къ труду г. В. В.: настолько же подробно и образцово-отчетливо знакомитъ она съ разновидностями сибирской общины, которую миновалъ г. В. В. (отчасти вѣроятно потому, что въ то время еще не появились всѣ матеріалы сибирскаго изслѣдованія). Хотя она также не имѣетъ статистическаго характера, но въ отличіе отъ работы г. В. В., достаточно ясно изслѣдуетъ причинозависимости: это потому, что послѣднія здѣсь сравнительно весьма элементарны и вполнѣ поддаются глазомѣрному опредѣленію и доказательству. Однако, интересъ ихъ нѣсколько ниже, потому что тутъ наблюдается первоначальный моментъ складыванія общиннаго землевладѣнія изъ формъ индивидуалистическаго типа, а не тѣ послѣдующіе непосредственно подразумѣваемые въ вопросѣ: быть или не быть общинѣ?—періоды ея дѣйствія и разложенія, съ которыми имѣетъ дѣло г. В. В. Въ общемъ повторяю, книга г. Кауфмана настолько же въ своей области цѣнна и для спеціалистовъ, и для большой публики, какъ и работа г. В. В.; въ ней очень много строгой критической вдумчивости и подкупающей любви къ ея огромнаго интереса темѣ.

Небольшая книжка Ап. Корелина представляетъ извѣстную цѣнность тѣмъ, что въ ней, въ сравнительно очень сжатомъ очеркѣ, довольно отчетливо обрисовываются всевозможныя общинныя (и полуобщинныя) формы на всемъ пространствѣ Россіи и дается нѣкоторая общая характеристика ихъ; авторъ весьма свободно распоряжается матеріаломъ, пожалуй даже не менѣе обильнымъ и болѣе разнообразнымъ (кромѣ изданій земской статистики, эксплуатируются

многія весьма интересныя книги и статьи, газетныя корреспонденціи и т. п., производятся и собственныя наблюденія автора), чѣмъ у г. В. В. Но изложеніе такъ странно сжато и отрывочно, что остается непонятна даже цѣль автора при написаніи его книги и, кромѣ какъ для первоначальнаго кратко-популярнаго ознакомленія съ общинными формами большой публики, да для нѣкоторыхъ библіографическихъ справокъ спеціалистамъ,—эта книжка ни для чего не можетъ служить. Статистическаго изслѣдованія причинозависимостей, какъ и вообще какихъ бы то ни было цифровыхъ опредѣленій, въ ней нѣтъ уже и слѣда...

Итакъ, подводя итоги всему сдѣланному направленіемъ, исходившимъ отъ Чернышевскаго, для изслѣдованія общины, ея значенія и ея будущаго, мы должны занести ему въ активъ огромный трудъ мѣстнаго эмпирическаго изученія общинныхъ формъ, произведенный земскими статистиками (надо замѣтить, что огромное ихъ большинство не только т е о р е т и ч е с к и должны быть признаны послѣдователями точки зрѣнія Чернышевскаго, но несомнѣнно и прямо признали бы свою солидарность съ общими принципами, имъ впервые въ этой области провозглашенными). Они собрали фактически и цифровой матеріалъ, быть можетъ, достаточный для научно-статистическаго изслѣдованія вопросовъ: желательно ли, возможно ли сохраненіе общины въ Россіи? Заслуга эта очень велика, какъ вообще велика научная и политическая заслуга земскихъ статистиковъ, выполнившихъ научный трудъ, равнаго которому по объему и, главное, по достоинствамъ не было и нѣтъ нигдѣ въ мірѣ, и проявившихъ въ этой работѣ глубокую и активную любовь къ рабочему крестьянскому народу.

Въ пассивѣ нужно отмѣтить прежде всего именно то, что лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ и только нѣкоторые (правда—важные) вопросы законовъ общиннаго землевладѣнія были изслѣдованы статистически, въ общемъ же эта работа еще не вышла изъ эмпирическаго описательно-классификаціоннаго изученія (съ глазомѣрнымъ лишь намѣченіемъ причинозависимостей). Затѣмъ, изслѣдователи направленія Чернышевскаго, совершенно свободные отъ сословныхъ и классовыхъ интересовъ и симпатій, иногда могли поддаваться идейнымъ предрасположеніямъ, нѣкоторой идеализаціи, напримѣръ, кре-

стьянства и общины... Необходимо, впрочемъ, подчеркнуть, что этотъ упрекъ приложимъ лишь къ тому выросшему, повидимому, изъ славянофильства правому крылу разбираемаго направленія,—къ народникамъ типа гг. Одарченко, Юзова и др., которые почти не принимали участія въ этомъ фактическомъ изученіи общины; въ средѣ же участниковъ послѣдняго, если и были отдѣльные случаи идеализаціи, то, во-первыхъ,—только, такъ сказать, на практикѣ, въ истолкованіи отдѣльныхъ наблюдаемыхъ явленій, принципіально же даже такіе горячіе сторонники общины, какъ гг. Златовратскій и В. В., вполнѣ признавали возможность ея разложенія и сами же первые обрисовывали отрицательныя ея проявленія [1]); во-вторыхъ, же, эти розовыя и радужныя краски тутъ же стирались стоящими рядомъ прозаическими сѣрыми цифрами, а затѣмъ, чѣмъ глубже шло изученіе, тѣмъ въ общемъ строже и безпристрастнѣе велась работа тѣмъ болѣе апріорно-субъективныя точки зрѣнія закрывались объективными цифровыми таблицами (это не значитъ, впрочемъ, какъ, можетъ быть, подумалъ читатель, чтобы выводы изслѣдователей земской статистики о настоящемъ и будущемъ общины дѣлались болѣе пессимистичными).

---

[1]) Приведу для иллюстраціи этого, а также, чтобы показать, какъ ясно ставилъ г. В. В. задачу изслѣдованія причинозависимостей общины еще въ началѣ 80-хъ годовъ, слѣдующій отрывокъ изъ одной его тогдашней статьи: „Можемъ ли мы подмѣтить одно опредѣленное направленіе общинной жизни, сказать, напримѣръ, что она развивается или разлагается, не выясняя пока причинъ того или другого? Вопросъ этотъ странно и задавать послѣ того, какъ всѣ согласны, что изученіе русской общины только начинается, что въ этомъ направленіи сдѣланъ пока лишь первый шагъ, по которому никакъ нельзя судить о послѣдующихъ. Поэтому мы оставимъ его не рѣшеннымъ („Отеч. Записки“ 82 г.). Еще яснѣе ставилась задача г. В. И. Орловымъ, съ котораго нужно начинать научно-статистическое изслѣдованіе русской общины; еще въ 1879 году онъ писалъ: „вопросъ о причинахъ передѣловъ, равно какъ вопросъ о частности ихъ заслуживаетъ наибольшаго вниманія при изученіи мірского землевладѣнія. Только изучивши причины извѣстнаго общественнаго явленія, можно составить себѣ правильное понятіе о немъ. Только обнаруживъ несомнѣнную причинную связь даннаго явленія со всею совокупностью условій, такъ или иначе на него дѣйствующихъ, можно разсуждать о возможности или невозможности устраненія этого явленія тѣмъ или инымъ путемъ“. См. его книгу „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губ. „т. IV, вып. I, стр. 166 и т. д.

Отдѣльно отъ обрисованнаго направленія, которое можно назвать прогрессивнымъ, такъ какъ оно отправлялось въ своемъ активномъ изученіи общины отъ взгляда на нее, какъ на возможный эмбріонъ высшей соціальной формы, нужно поставить направленіе, такъ сказать, консервативное, которое болѣе или менѣе категорически или условно высказывалось именно за современную форму общины, какъ за наиболѣе устойчивый типъ крестьянскаго землевладѣнія, наилучше обезпечивающій благосостояніе основной массы населенія, охраняющій консервативный слой крестьянства, предупреждающій развитіе пролетаріата и тяжелыхъ соціальныхъ потрясеній. Разныя изъ этихъ основаній имѣютъ разное значеніе для многочисленныхъ писателей этой категоріи, держащихся чаще всего такъ называемыхъ „либеральныхъ“ воззрѣній въ общихъ соціально-политическихъ вопросахъ. Напримѣръ, гг. Ивановъ, Сазоновъ и т. п. могутъ быть еще до извѣстной степени признаны послѣдователями точки зрѣнія Чернышевскаго, такъ какъ допускаютъ возможность дальнѣйшаго обобществленія общиннаго владѣнія и только скорѣе съ чисто аргументаціонной стороны могутъ быть отнесены къ консервативной фракціи. Наиболѣе же типичными представителями этой точки зрѣнія нужно признать такихъ ученыхъ, какъ, напримѣръ, гг. К. П. Побѣдоносцевъ, Ѳ. Тернеръ и др., типичная черта которыхъ — крайне осторожное, бережливое отношеніе къ общинному владѣнію, которое хотя и кажется нѣкоторымъ изъ нихъ обреченнымъ въ будущемъ на разложеніе по неприспособленности его къ прогрессу сельскаго хозяйства и вообще современному соціально-экономическому строю, но которое нѣтъ основаній разрушать искусственно, а, напротивъ, нужно добросовѣстно сохранить и даже пока частично доразвить и улучшить. На этой же точкѣ зрѣнія стояли и К. Д. Кавелинъ и г. Пв. Кейсслеръ [1]) и нѣкоторые другіе писатели, также высоко цѣнившіе общину и горячо предостерегавшіе

---

[1]) T. J. Keussler, бывшій профессоръ Дерптскаго университета, написалъ обширную работу на нѣмецкомъ языкѣ: „Für Geschichte und Kritik des bauerlichen Gemeindbesitzes in Russland“, 76—87 гг., ему же принадлежатъ и нѣсколько статей на русскомъ языкѣ (въ Вѣстн. Евр.).

отъ ея ломки [1]), но предлагавшіе уже въ то же время такія въ ней реформы, которыя фактически должны были бы свести ее собственно къ простому о б щ е м у владѣнію [2]). Такимъ образомъ, эта послѣдняя фракція стоитъ уже на границѣ между положительнымъ и отрицательнымъ отношеніемъ къ общинѣ.

Всѣ поименованные представители к о н с е р в а т и в н ы х ъ сторонниковъ общины, а также и нѣкоторые другіе, обладаютъ серьезной эрудиціей по сказаннымъ вопросамъ: напримѣръ, имя Кавелина достаточно говоритъ само за себя, гг. Тернеръ и Иванюковъ представили также очень вдумчивый, серьезный и мѣткій анализъ вопросовъ; работа же г. Кейсслера заслуживаетъ особаго вниманія, какъ въ значительной мѣрѣ построенная на данныхъ земской статистики, и въ этомъ отношеніи можетъ быть поставлена до извѣстной степени рядомъ съ трудами гг. В. В. и Кауфмана. Однако никто изъ этихъ авторовъ, а въ томъ числѣ и г. Кейсслеръ (не имѣвшій все-таки, кстати сказать, достаточнаго матеріала для тѣхъ рѣшительныхъ выводовъ, которые онъ часто себѣ позволяетъ), не только не произвели того научно-статистическаго изслѣдованія условій и слѣдствій общиннаго землевладѣнія, безъ котораго, очевидно, немыслимо даже съ приблизительной точностью и всесторонностью рѣшать вопросъ о желательности и возможности сохраненія общины въ Россіи, но даже и не задавались такими попытками (чаще всего, впрочемъ, просто потому, что писали до накопленія этого матеріала или говорили объ общинѣ лишь мимоходомъ), хотя часто и указывали сами

---

[1]) Вотъ что писалъ, напримѣръ, уже въ 80-е гг. К. Д. Кавелинъ г. Иванюкову: „Ваши мысли о значеніи... общиннаго землевладѣнія... въ настоящемъ и о вѣроятномъ развитіи въ будущемъ вполнѣ совпадаютъ съ моими давнишними задушевными убѣжденіями... я твердо, непоколебимо увѣренъ въ томъ, что этотъ обломокъ старины, обветшавшій въ своихъ формахъ, можетъ, если за него умѣло взяться, сослужить великую службу и стать могучимъ, благодатнымъ, ничѣмъ незамѣнимымъ средствомъ для правильнаго устройства и обезпеченія быта сельскаго населенія"... См. главу объ общинномъ землевладѣніи въ политической экономіи Иванюкова.

[2]) А именно, они предлагаютъ сократить или уничтожить періодическіе уравнительные передѣлы земли, которые составляютъ какъ разъ центральную функцію общиннаго владѣнія, основное отличіе его отъ такъ называемаго о б щ а г о владѣнія, представляющаго по принципу своему уже разновидность индивидуальной собственности.

на необходимость подобнаго изслѣдованія [1]). Въ непосредственномъ же мѣстномъ земско-статистическомъ изученіи общины представители этого направленія почти не принимали участія и не выставили тутъ сколько-нибудь видныхъ именъ. Такимъ образомъ, необходимо констатировать, что консервативные сторонники общины сдѣлали для объективнаго научно-статистическаго ея изслѣдованія гораздо меньше, нежели прогрессивное направленіе.

Понятно, что еще менѣе склонны были къ объективно-фактическому изслѣдованію общины тѣ авторы, которые уже на основаніи однихъ апріорныхъ соображеній пришли, въ противность осторожнымъ и условнымъ выводамъ ея сторонниковъ, къ прямому и категорическому отрицанію общины.

Можно различить три основныхъ взгляда, приводящихъ къ такой апріорной отрицательной точкѣ зрѣнія на возможность и желательность сохраненія общины.

Первый—это воззрѣніе на искусственность происхожденія общины. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ историковъ, во главѣ которыхъ надо поставить Б. Н. Чичерина, община не представляетъ самостоятельно выросшей соціально-экономической организаціи, а всецѣло создана государственной фискальной системой (круговой порукой) и крѣпостнымъ правомъ. Отсюда заключаютъ о неспособности ея къ самостоятельному существованію и требуютъ снятія съ народа этой давящей его бюрократической скрѣпы. Почти очевидно, какъ незаконно замѣнять такимъ косвеннымъ апріорнымъ разсужденіемъ прямое точное изслѣдованіе вопросовъ. Во-первыхъ, сказанная историческая гипотеза не можетъ же претендовать на непогрѣшимость и совершенно игнорировать аргументацію, выдвинутую многочисленными

---

[1]) Вотъ что писалъ Кавелинъ въ томъ же письмѣ Иванюкову: „Чтобы вполнѣ понять и оцѣнить такое сложное явленіе, какъ общинное владѣніе, связанное безчисленными и тончайшими нитями со всѣми сторонами народной жизни, необходимо взвѣсить всѣ его составные элементы и всѣ условія, которыя его создали и поддерживаютъ... Необходимо, какъ мнѣ кажется, сосредоточить всѣ силы науки и знанія (Кавелинъ говоритъ тутъ противъ спеціализированія на одномъ экономическомъ изученіи) на выясненіи тѣхъ преобразованій, какимъ должно подвергнуться общинное земледѣліе, чтобы изъ обломка старины стать живительнымъ и благодатнымъ условіемъ дальнѣйшаго развитія"...

ея противниками [1]); во-вторыхъ, вообще не понятно, почему эта гипотеза игнорируетъ сорокалѣтній пореформенный періодъ жизни общины, навѣрно стоющій, по пройденному историческому пути, ста—полутораста лѣтъ, до-реформеннаго времени и представляющій возможность наблюдать на окраинахъ Россіи въ дѣйствительности заключительные моменты того самаго развитія общины, разбираемая схема котораго покоится на однихъ архивныхъ документахъ; наконецъ, даже принявъ всецѣло эту гипотезу внѣшняго происхожденія общины, мы этимъ ни малѣйше не можемъ предрѣшить степени ея жизнеспособности въ настоящій моментъ: во-первыхъ, и насажденная извнѣ, она сразу же могла пустить собственные корни и быть охотно принятой большинствомъ населенія, а затѣмъ, еслибъ даже было доказано, что этого не было (чего никто не доказалъ), то это опять-таки еще вовсе не значитъ, что она не могла пустить самостоятельныхъ экономическихъ корней, срастись съ интересами и привычками большинства крестьянства, постепенно впослѣдствіи, — особенно при радикально-измѣнившихся условіяхъ пореформеннаго періода. Ясно, что болѣе, чѣмъ странно заключать по одному прошлому общины о ея настоящемъ, и тѣмъ болѣе о будущемъ, минуя настоящее, — ясно и то, мы должны прямо изслѣдовать законы дѣйствія и измѣненія современной общины и уже отсюда вывести равнодѣйствующую для будущаго.

Къ очерченному воззрѣнію отчасти примыкаетъ второе апріорное предубѣжденіе противъ общины, считающее общинный союзъ путами и тормазомъ, какъ для развитія личности въ крестьянинѣ вообще, такъ и для проявленія индивидуальной инціативы и общаго прогресса въ земледѣліи въ особенности. Этотъ взглядъ на сельско-хозяйственную, такъ сказать, реакціонность общины ведетъ начало еще отъ либеральныхъ оппонентовъ Чернышевскаго (а впервые, кажется, проявился еще въ посланіи Екатерины II къ Вольно-экономическому Обществу [2]) и хотя не выставилъ крупныхъ именъ въ наукѣ и литературѣ, но имѣетъ очень много сторонниковъ въ публицистикѣ и

---

[1]) „Наши историки права покинули мало-по-малу теорію г. Чичерина, которая въ настоящее время имѣетъ приверженцевъ только за границей, особенно во Франціи". (М. Ковалевскій, „Развитіе нар. хоз. въ Зап. Евр.", стр. 191).

[2]) См. напр. цитированную уже главу объ общинѣ въ „Политич. экономіи" г. Иванюкова.

особенно во „вліятельныхъ сферахъ“ общества, — среди, напримѣръ, землевладѣльцевъ, какъ либеральнаго, такъ, особенно, консервативнаго образа мыслей. Противъ этого взгляда, основаннаго исключительно на „простомъ здравомъ смыслѣ“ и „личномъ опытѣ“ его авторовъ, стоитъ, начиная съ Чернышевскаго, продолжая Посниковымъ и др. и кончая цѣлымъ рядомъ работъ земскихъ и сибирскихъ изслѣдователей, — цѣлая литература, категорически его отвергающая и противополагающая „здравому смыслу“ прямое изслѣдованіе дѣйствительности и „личному опыту“ массы объективно собранныхъ фактовъ и цифръ. При такихъ условіяхъ я могу не утруждать читателя подробнымъ разборомъ этой точки зрѣнія: читатель, конечно, и безъ меня понимаетъ, что весь этотъ огромной важности и сложности вопросъ о соціально-культурной и сельско-хозяйственной оцѣнкѣ общины далеко не можетъ считаться достаточно разслѣдованнымъ и долженъ быть для окончательнаго рѣшенія перенесенъ изъ области апріорныхъ разсужденій и случайныхъ наблюденій въ высшую инстанцію объективнаго научно-статистическаго изслѣдованія.

Наконецъ, рядомъ съ этими воззрѣніями, представители коихъ обыкновенно отрицаютъ общину въ пользу современной же индивидуалистической соціально-экономической организаціи и въ этомъ смыслѣ могутъ быть названы **консервативными** противниками общины (въ параллель консервативной фракціи ея сторонниковъ), нужно отмѣтить еще **прогрессивную** группу (также аналогирующую съ прогрессивными — защитниками общины), которая отрицаетъ возможность и желательность сохраненія общины именно потому, что не только не допускаетъ ее какъ возможную ступень къ высшимъ формамъ соціально-экономическаго обобществленія, но прямо считаетъ ее тормазомъ на пути къ этимъ формамъ. Этотъ взглядъ покоится частью на аналогіи, частью на другихъ апріорныхъ соображеніяхъ. Такъ какъ всюду въ цивилизованныхъ странахъ община разлагалась въ извѣстный періодъ ихъ экономической эволюціи, — а именно при наступленіи капиталистическаго фазиса въ промышленномъ производствѣ, — то такое же разложеніе общины считается неизбѣжнымъ и для Россіи, и многіе авторы почти принимаютъ прямо за очевидное, что капитализація неземледѣльческаго производства Россіи уже неизбѣжно подразумѣваетъ разложеніе крестьянской земельной общины.

Какъ извѣстно, конечно, читателю, это воззрѣніе усвоено русскими марксистами.

Врядъ ли нуженъ чей-либо авторитетъ для защиты преимуществъ прямого изслѣдованія вопросовъ предъ рѣшеніемъ ихъ по аналогіи. При сложности соціальныхъ явленій и условій, и вообще аналогическій методъ долженъ обыкновенно, въ основѣ своей, заключать non sens: вѣдь, чтобы, напримѣръ, заключать по прошлой эволюціи общины въ западной Европѣ о будущей эволюціи общины въ Россіи, нужно доказать тождество, какъ самой этой формы тамъ и тутъ, такъ и ея условій тогда и теперь, а очевидно, что для прочнаго установленія такого тождества все равно необходимо то самое прямое объективно-фактическое изслѣдованіе причинозависимостей современной русской общины, котораго именно, примѣняя аналогію, и хотятъ избѣжать. Но, конечно, при наличности этого послѣдняго изслѣдованія, дополнительное освѣщеніе его схемами другихъ аналогичныхъ процессовъ въ прошломъ было бы крайне важно, разъ эти схемы были бы уже твердо установлены. Однако въ нашемъ случаѣ именно не только послѣдняго нѣтъ, но, какъ разъ наоборотъ, въ то время, какъ для изученія законовъ современной русской общины и ея эволюціи имѣется огромный статистическій матеріалъ, трансформація и разложеніе общины въ западной Европѣ, за отдаленностью времени и за отсутствіемъ своевременнаго подробнаго и точнаго ихъ изученія, не были и не могутъ быть изслѣдованы даже съ ничтожной долей той точности и всесторонности, которыя возможны при прямомъ изслѣдованіи русской общины.

Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ пріемъ аналогіи состоитъ въ сведеніи явленія, болѣе изученнаго и легче изучимаго, къ гораздо менѣе изученному и труднѣе изучимому.

Понятно, что, предрѣшивъ вопросы аналогіей, русскіе марксисты и дальше не могутъ выйти изъ области чисто-апріорныхъ разсужденій, принимаютъ за доказанное какъ разъ то, что именно требуется доказать и не въ состояніи дойти даже до постановки вопросовъ во всей ихъ полнотѣ и сложности.

Въ Россіи натуральное хозяйство переходитъ въ денежное, развивается промышленный капитализмъ, крестьянство бѣднѣетъ и разоряется; въ немъ наблюдаются уже теперь различные, даже антаго-

нистичные слои,— вотъ явленія, для констатированія которыхъ въ общемъ видѣ не требуется много труда. Присоединивъ къ нимъ заимствованные у г. Ник — она выводы о неизбѣжности и дальнѣйшаго продолженія процесса обѣднѣнія крестьянства, обусловленнаго прежде всего малоземеліемъ, а затѣмъ капитализаціей кустарныхъ и частью ремесленныхъ промысловъ и денатурализаціей, такъ сказать, крестьянскаго хозяйства, т.-е. замѣной домашнихъ промысловъ покупкой соотвѣтственныхъ продуктовъ, наши марксисты уже перестаютъ сомнѣваться въ неизбѣжности „дифференціаціи" крестьянства и разложенія общины. Не очевидно ли, что такое „рѣшеніе" останавливается на самомъ порогѣ реальнаго критическаго изслѣдованія и затѣмъ дѣлаетъ огромный скачокъ чрезъ самые важные и самые трудные вопросы нашей проблемы?

Не ясно ли до очевидности, что въ этомъ отрицаніи общины русскими марксистами нѣтъ серьезныхъ логическихъ корней, въ видѣ новыхъ фактовъ, идей, аргументовъ, что оно могло, значитъ, вырасти только изъ новыхъ впечатлѣній, чувствъ, настроеній? Не очевидно ли, что если оно не представляетъ высшей ступени объективнаго изслѣдованія, то оно сводится къ тому же субъективизму отрицанія, какъ раньше несомнѣнно былъ субъективизмъ идеализаціи [1]), если въ немъ нѣтъ ни одного признака серьезной логической эволюціи?..

---

[1]) Слово „субъективизмъ" я въ данномъ случаѣ, какъ это очевидно, употребляю въ вульгарномъ смыслѣ, т.-е. понимаю подъ нимъ пріемы мышленія, основанные на непрокритикованныхъ предположеніяхъ и настроеніяхъ, противоположные объективнымъ, т.-е. реально-критическимъ методамъ познаванія. Но само собою разумѣется, что это не означаетъ отрицанія „субъективной точки зрѣнія" въ соціальной наукѣ, состоящей въ оцѣнкѣ соціальныхъ явленій. Мы можемъ, мы обязаны, мы не можемъ не оцѣнивать соціальныхъ формъ, ибо эта оцѣнка представляетъ такое же изслѣдованіе причинности и должна, и можетъ быть ведена точно такимъ же объективнымъ (напримѣръ, статистическимъ) методомъ, какъ и изученіе причинозависимостей самыхъ соціальныхъ формъ: только въ послѣднемъ случаѣ мы разсматриваемъ ихъ какъ слѣдствія различныхъ условій, а въ первомъ—какъ причины, блага или зла для человѣчества (напр., изслѣдуя средній уровень благосостоянія заработную плату, питаніе, % смертей, браковъ, преступленій и пр. среди рабочаго класса, мы, очевидно, производимъ изслѣдованіе съ субъективной точки зрѣнія, т.-е. оцѣниваемъ современный соціальный строй, исходя изъ интересовъ трудя-

Это теченіе явилось, такъ сказать, моральнымъ антитезисомъ для народническаго тезиса 70-хъ годовъ. Огромное разстояніе отъ слова „мужикъ“ въ устахъ не только Н. Н. Златовратскаго, но и Гл. Ив. Успенскаго до этого же слова въ устахъ Ант. Чехова, отъ слова „народъ“, какъ называли крестьянъ въ 70-е годы, до слова “мелко-буржуазная масса“ и т. п., какъ называютъ ихъ марксисты. Въ 70-е годы, по отношенію къ крестьянству вообще и общинѣ въ частности, царили у насъ вѣра, надежда и любовь. Въ долгія, очень долгія исторически послѣднія 15—20 лѣтъ эта вѣра и надежда, не подновляемыя никакими новыми яркими стимулами, стали блѣднѣть и стираться, и любовью тоже, какъ и „злобою“, „сердце питаться устало“... И на смѣну имъ наступили, наконецъ, скептицизмъ, отрицаніе, почти озлобленіе. Отъ крестьянства слишкомъ много ждали, но пока ничего не дождались, и вотъ его начали презрительно трактовать, какъ реакціонную массу, и переносятъ надежды съ „устоевъ“ и „міра“ на пролетаризацію крестьянъ и „капиталистическую выучку“...

Однако на воспитанномъ реакціей 90-хъ годовъ марксизмѣ не закончилось развитіе русской общественнонаучной и политической мысли. Слѣпое и свирѣпое подавленіе всѣхъ проявленій общественной жизни только замедлило и загнало внутрь глубокое соціальное броженіе, съ одной стороны разлагавшее бюрократическое государство, а съ другой складывавшее элементы новаго народнаго правосознанія и новыхъ общественныхъ формъ. Съ началомъ двадцатаго вѣка это броженіе стало бурнымъ, проявилось наружу, и мы видимъ, что оно уже наполовину подняло и разметало давившіе его могильные камни деспотизма... И вотъ съ новымъ политическимъ настроеніемъ является и новое идейное умонастроеніе.

Первое поколѣніе двадцатаго вѣка начинаетъ новое „народническо“ движеніе, и въ немъ трудовое, а не капиталистическое, обоб-

---

щагося большинства населенія, и т. п.). Несомнѣнно, что именно указанную „субъективную точку зрѣнія“ подразумѣвалъ Н. К. Михайловскій въ своихъ работахъ „О прогрессѣ“, хотя и употреблялъ неудачный терминъ „субъективный методъ“ (что своевременно и было ему указано гг. Миртовымъ, Южаковымъ и Лесевичемъ.) Только нѣкоторые ново-марксистскіе авторы не поняли или сдѣлали видъ, что не понимаютъ этого, приняли терминъ г. Михайловскаго въ вульгарномъ смыслѣ и обрушили на этотъ выдуманный ими самими „субъективизмъ“ всю тяжесть своей иронiи...

ществленіе землевладѣнія и земледѣлія становится центральнымъ практическимъ лозунгомъ. Понятно, что для этого направленія и въ такой моментъ начала великой перестройки вопросъ объ общинѣ, какъ объ основной донынѣ существовавшей ячейкѣ коллективнаго начала, является также центральнымъ вопросомъ.

Этого мало: не только „молодое народничество“, но и всѣ направленія, всѣ партіи,—кто тоже съ надеждой, кто съ сомнѣніемъ и недоумѣніемъ, а кто съ ожесточенной ненавистью,—но всѣ одинаково устремили напряженный взглядъ на общину,—что скажетъ она, на какую чашу вѣсовъ ляжетъ своей многомилліонной массой въ переживаемый Россіей критическій моментъ? Однако этого пассивнаго устремленія вниманія мало: необходимо,—и на этотъ разъ уже безотложно необходимо!—активное ея изученіе для всѣхъ, кто не хочетъ брести въ темнотѣ и ощупью. Особенно же обязательно и безотлагательно такое изученіе для „молодого народничества“: какъ приведетъ оно народъ къ самосознанію, не зная его? Чему его научитъ, не изучивши его? Какъ поведетъ его за собой, не подойдя къ нему, не войдя въ него?..

Такая необходимость изученія — индуктивнаго статистическаго изученія—крестьянства и общины на словахъ признавалась уже давно. Но пора, наконецъ, отъ словъ перейти къ дѣлу...

ОПИСАТЕЛЬНЫЙ ОЧЕРКЪ ОБЩИННЫХЪ ФОРМЪ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Прежде чѣмъ изслѣдовать причинозависимости общиннаго землевладѣнія, необходимо, очевидно, точно ознакомиться съ нимъ самимъ. Въ Россіи сотни тысячъ земельныхъ общинъ; изъ нихъ десятки тысячъ охвачены земско-статистическими и министерскими (по земскому типу) изслѣдованіями Сибири, дававшими съ одной стороны чисто эмпирическое и внѣшнее ихъ описаніе, а съ другой намѣчавшими среди нихъ основные роды, виды, разновидности, анализировавшими ихъ внутреннее значеніе. Необходимо разобраться въ этой массѣ сырого, полусырого и обработаннаго матеріала: собрать всѣ, какіе только попадались и могли попасться изслѣдователямъ оттѣнки общинныхъ формъ, опредѣлить ихъ, такъ сказать, взаимоположеніе, произвести общій юридическій и экономическій ихъ анализъ, намѣтить ихъ связь съ естественными и соціальными условіями, по скольку она можетъ быть уловлена глазомѣрно — и затѣмъ, примѣривъ къ этимъ отдѣльнымъ формамъ всѣ возможные критеріи для классификаціи, выбрать такой классификаціонный принципъ, который былъ бы сразу и наиболѣе практиченъ, и наиболѣ раціоналенъ, т.-е. охватывалъ бы всѣ возможныя разновидности общины, и объединялъ бы ихъ въ такой перспективѣ, въ которой уже сами собой вставали бы и получали предварительное глазомѣрное освѣщеніе также и вопросы о причинахъ и слѣдствіяхъ общинныхъ формъ, чтобы, такимъ образомъ, уже это описательно-классификаціонное изслѣдованіе послужило какъ бы рекогносцировкой для послѣдующаго основного и спеціальнаго изслѣдованія причинозависимостей.

Какъ уже было сказано, я нахожусь, приступая къ этой задачѣ, въ довольно выгодномъ положеніи: въ трудахъ гг. В. В. и А. А. Кауфмана это описательно-классификаціонное изслѣдованіе произведено для р а з н ы х ъ общинныхъ формъ по двумъ половинамъ Россіи съ такою полнотою и отчетливостью, что моя задача — окончательнаго объединенія всѣхъ общинныхъ формъ въ одну общую классификаціонную схему — значительно облегчается: всякое свое опредѣленіе и объясненіе я могъ провѣрить на систематизированныхъ уже матеріалахъ и очень часто опереть его на такомъ же или близкомъ къ нему выводѣ этихъ столь компетентныхъ авторовъ.

Долженъ, впрочемъ, оговориться, что вся моя описательно-классификаціонная работа произведена заново по первоисточникамъ, и въ частности книга г. Кауфмана собственно не имѣла для меня значенія, такъ какъ весь предлагаемый теперь I-й томъ моей работы былъ оконченъ весною 1896 года, т.-е. до изданія книги г. Кауфмана, и хотя теперь я переработалъ его совершенно заново, но, собственно, прочтеніе этой книги не внесло и не могло внести никакихъ существенныхъ измѣненій въ мою работу уже по той одной причинѣ, что въ этой работѣ нѣтъ новыхъ выводовъ по сравненію съ прежними работами того же автора, напримѣръ,—книгой по Ишимской общинѣ (1889 г.), статьей о формахъ землевладѣнія въ Томскомъ и Маріинскомъ округахъ Томской губерніи и сводной работой объ общинѣ въ Западной Сибири; нечего и говорить, что эти послѣднія образцово-отчетливыя работы съ самаго начала имѣли для меня самое существенное значеніе...

Работа же г. В. В., хотя и прочтенная мною до первоисточниковъ земской статистики, тоже не дала мнѣ никакой особой нити, такъ какъ она главнымъ образомъ лишь повторяла и компилировала схемы, данныя самими изслѣдователями земской статистики (В. П. Орловымъ и др.). Такимъ образомъ, работа г. В. В. имѣла для меня преимущественно, такъ сказать, отрицательное значеніе: она наглядно показала мнѣ, что именно еще остается сдѣлать, чего недостаетъ въ сдѣланныхъ до сихъ поръ попыткахъ схематизаціи общинныхъ формъ. И здѣсь мнѣ всего удобнѣе формулировать свою задачу именно какъ такое развитіе и дополненіе къ работѣ г. В. В.

Первый дефектъ работы г. В. В., какъ уже сказано, заключается въ томъ, что она даетъ понятіе не о русской крестьянской общинѣ вообще, а лишь объ общинѣ Европейской Россіи земскихъ губерній (и то не всѣхъ и не всякихъ), такъ что, напримѣръ, у г. В. В. даже нѣтъ никакихъ общихъ цифръ объ общинной территоріи и населеніи. Поэтому предо мною прежде всего сама собой встаетъ задача—классифицировать въ общую схему д ѣ й с т в и т е л ь н о всѣ разновидности русской общины, какъ въ Европейской, такъ и въ Азіатской Россіи и сдѣлать количественныя опредѣленія, какъ общихъ размѣровъ общиннаго владѣнія и числа общинныхъ владѣльцевъ, такъ и относительнаго распространенія отдѣльныхъ разновидностей общины.

Во-вторыхъ, кромѣ дополненія о п и с а н і я общинныхъ формъ, необходимо заново ихъ с х е м а т и з и р о в а т ь, необходимо новое и с т о л к о в а н і е, новое п о и м е н о в а н і е, новое р а с п о л о ж е н і е формъ, уже описанныхъ и анализированныхъ г. В. В. Иногда нельзя согласиться съ его оцѣнкой соціально-культурнаго значенія извѣстныхъ формъ; затѣмъ, въ частности, анализъ правовыхъ корней общины у г. В. В. недостаточенъ; наконецъ, у него почти нѣтъ терминологіи, равно какъ въ сущности нѣтъ и построенной на одномъ принципѣ схемы; необходимы болѣе отчетливый анализъ и болѣе рельефные термины, исходящіе изъ одного принципа и объединяющіе въ единую схему.

Третій основной недостатокъ изслѣдованія г. В. В., это — преобладаніе въ немъ статической точки зрѣнія надъ динамической. Это проявилось не только, какъ уже было указано, въ томъ, что г. В .В. не занялся спеціально статистическимъ изслѣдованіемъ законовъ общиннаго землевладѣнія, но и въ томъ, что онъ описываетъ и опредѣляетъ его разновидности больше какъ типы, чѣмъ какъ фазисы. Между тѣмъ рѣдко можно найти соціальную форму, болѣе, такъ сказать, текучую, хронически колеблющуюся и переходящую изъ одного состоянія неустойчиваго равновѣсія въ другое, отъ одной комбинаціи личнаго и общиннаго начала къ другому, чѣмъ русская земельная община; а разъ это такъ, то всякая систематизація этихъ формъ должна не только приводить ихъ въ фактическое или логическое лишь сосѣдство, а охватывать ихъ въ процессуальной послѣдовательности и связи.

Имѣя же, такимъ образомъ, дѣло уже сразу не только съ формами, но и съ трансформаціей общины, мы, конечно, не можемъ игнорировать и причинъ этой трансформаціи. Поэтому задачей нашей должно быть построеніе классификаціи разновидностей общины на такомъ принципѣ, который охватывалъ бы и ихъ самихъ, и ихъ трансформацію въ связи съ причинами этой трансформаціи. Только такая классификація, повторяю еще разъ, подготовитъ насъ къ прямому статистическому изслѣдованію причинозависимостей общиннаго землевладѣнія.

Указанные пробѣлы работы г. В. В. обусловливались тѣми матеріалами, которыми онъ располагалъ, и тѣмъ способомъ, какимъ онъ ими пользовался: задачей его было свести только данныя земской статистики и только тѣ изъ нихъ, которыя были уже обработаны или полуобработаны. Поэтому, чтобъ заполнить пробѣлы работы г. В. В., нужно расширить разработку матеріаловъ, охвативъ по возможности все, что напечатано по общинѣ до настоящаго времени.

А именно, такимъ образомъ, необходимо объединить: во-первыхъ, всѣ существенные цифровые матеріалы земской статистики, напечатанные до и послѣ работы г. В. В., что составитъ задачу второго и третьяго тома моей работы; во-вторыхъ тѣ обработанные, т.-е. текстовые матеріалы земской статистики, которые были пропущены г. В. В., хотя и вышли до изданія его книги [1]); въ-третьихъ, — всѣ матеріалы земской статистики, а также сибирскихъ изслѣдованій, вышедшіе въ печать позже книги г. В. В.; въ четвертыхъ— всѣ вообще другіе матеріалы, кромѣ земской статистики, т.-е., какъ нѣкоторыя правительственныя изданія, сообщающія массовыя данныя объ общинномъ землевладѣніи, такъ и книги и статьи частныхъ лицъ, имѣющія монографическій характеръ, изъ каковыхъ изданій многія

---

1) Г. В. В. не разъясняетъ, почему именно онъ не воспользовался этими матеріалами.

весьма важны и даже необходимы для отчетливаго отвѣта на вопросъ что такое община?

Въ нижеслѣдующей таблицѣ я даю отчетъ о земско-статистическихъ матеріалахъ, имѣющихся (насколько мнѣ извѣстно) вообще, имѣвшихся у г. В. В. и, наконецъ, о тѣхъ, которыми я до сихъ поръ воспользовался для своего изслѣдованія.

Изъ этой таблицы читатель ясно видитъ, насколько въ настоящій моментъ полнѣе можетъ быть выполнено описательно-классификаціонное изслѣдованіе, чѣмъ это было сдѣлано г. В. В.: не только у него было опущено 20 поуѣздныхъ статей изъ 87 изданныхъ тогда сборниковъ (особенно чувствительный пробѣлъ представляетъ пропускъ г. В. В. всѣхъ уѣздовъ Полтавской губерніи, заключающихъ весьма любопытныя данныя, и глубоко интересной статьи К. Ермолинскаго по своеобразной общинной формѣ у крестьянъ Хотинскаго уѣзда Бессарабской губерніи), но кромѣ того послѣ напечатанія книги г. В. В. литература очень разрослась, напечатано еще минимумъ 35—40 статей, изъ коихъ многія дорисовываютъ чрезвычайно существенныя черты нѣкоторыхъ особенно любопытныхъ типовъ и фазисовъ общины; въ общемъ, такимъ образомъ, у г. В. В. было только 56,8% тѣхъ статей, которыми воспользовался я для предлагаемаго изслѣдованія.

Но нужно присоединить еще сибирскія сплошныя экспедиціонныя изслѣдованія Министерства Государственныхъ Имуществъ и нѣкоторыя работы частныхъ лицъ въ Сибири и неземской части Европейской Россіи.

Въ Сибири министерское изслѣдованіе общиннаго землевладѣнія (рядомъ съ другими факторами) охватило 13 округовъ, или уѣздовъ, (3 округа Тобольской губерніи, 2 округа Томской, 4 Енисейской и 4 Иркутской) въ 9 статьяхъ; 3 округа Томской губерніи, такъ называемый Алтайскій Горный Округъ, находящійся въ вѣдѣніи Удѣловъ) были изслѣдованы г. Чудновскимъ экспедиціоннымъ способомъ (хотя и не сплошнымъ). Въ самое послѣднее время напечатано изслѣдованіе г. Кроля по Забайкальской области, основанное также на сплошномъ экспедиціонномъ изслѣдованіи. Наконецъ, съ большой полнотой было изслѣдовано общинное владѣніе у Донскихъ, Кубанскихъ и Уральскихъ казаковъ (а также частью и Терскихъ) — господами Харузинымъ, Щербиною и Бородинымъ [1]).

Если мы суммируемъ всѣ эти работы, то получимъ матеріалъ, который и по числу названій, и по объему работъ, и по обилію и интересу сгруппированныхъ въ нихъ фактическихъ данныхъ, по крайней мѣрѣ, вдвое превосходитъ тотъ, который разработанъ г. В. В.

Такимъ образомъ, уже одно это накопленіе новаго матеріала дѣ-

---

[1]) Привожу приблизительно въ хронологическомъ порядкѣ списокъ авторовъ наиболѣе интересныхъ статей о сибирской общинѣ: С. Капустинъ, Н. Петропавловскій, С. Чудновскій, П. Швецовъ, К. П. Михайловъ, А. А. Кауфманъ, Л. С. Личковъ, Е. Филимоновъ, М. Дубенскій, И. Осиповъ, М. Кроль и нѣк. др.

лаетъ необходимой новую работу, которая развила бы и дополнила работу г. В. В.

Нечего почти прибавлять, что лично я для настоящей своей работы располагалъ достаточной долей этого матеріала изъ 205 изслѣдованныхъ земской статистикой уѣздовъ я воспользовался 182, т.-е. почти 90%, при чемъ мнѣ извѣстны главнымъ образомъ только тѣ сборники, по которымъ не было напечатано данныхъ по общинѣ или тѣ, которые недавно лишь вышли изъ печати и о которыхъ я не знаю, есть ли въ нихъ статьи по общинѣ; изъ числа же земско-статистическихъ сборниковъ, навѣрно заключающихъ въ себѣ такія статьи, я воспользовался 118-ю изъ 123, т. е. 96%. Что же касается сырого матеріала въ описаніяхъ волостей и селеній и въ цифровыхъ таблицахъ, то я располагаю имъ почти всѣмъ, и здѣсь для моего изслѣдованія открывается почти нетронутое поле. По сибирской и казачьей общинѣ я тоже воспользовался всѣми указанными матеріалами, за исключеніемъ одной статьи Филимонова (по Томской губерніи) и работы г. Харузина о донскихъ казакахъ (я знакомъ съ ней лишь по выдержкамъ въ другихъ работахъ).

Я счелъ необходимымъ такъ настойчиво указать читателямъ на обиліе матеріаловъ земскаго и сибирскаго министерскаго статистическихъ изслѣдованій, чтобы оправдать себя въ томъ, что я сравнительно гораздо меньше пользовался правительственными данными и изслѣдованіями частныхъ лицъ.

Изъ правительственныхъ изданій, впрочемъ, я воспользовался обѣими наиболѣе и, пожалуй, единственно-существенными: во-первыхъ, крайне интересной книгой „Матеріалы для пересмотра узаконеній для взиманія окладныхъ сборовъ. Существующій порядокъ etc... по свѣдѣніямъ податныхъ инспекторовъ за 87 — 93 гг.“ (изд. 1894 и 1895 гг.) и, во-вторыхъ,— чрезвычайно цѣннымъ изданіемъ Канцеляріи Комитета Министровъ: „Сводъ статистическихъ матеріаловъ, касающихся экономическаго положенія сельскаго населенія Европейской Россіи“ (С.-Петербургъ 1894 годъ); насколько мнѣ извѣстно, кромѣ этихъ двухъ книгъ ни въ какихъ другихъ правительственныхъ изданіяхъ нѣтъ общихъ массовыхъ данныхъ объ общинномъ землевладѣніи въ Россіи въ настоящій моментъ (во-второмъ, собственно, перепечатаны прежнія данныя за 1877 и 1878 годы въ связи со многими другими цифрами).

Можно еще развѣ упомянуть объ отзывахъ крестьянскихъ присутствій въ Комиссію по пересмотру законоположеній о крестьянахъ, но, повидимому, эти матеріалы слишкомъ сжаты и не имѣютъ значенія по крайней мѣрѣ для первой части нашей задачи детальнаго фактическаго и статистическаго изслѣдованія общины.

Изъ книгъ же и журнальныхъ статей отдѣльныхъ изслѣдователей я ограничился лишь немногими наиболѣе существенными и преимущественно касающимися тѣхъ районовъ, которыя остались внѣ массового изслѣдованія земской и сибирской статистики (существеннѣй-

№№ по порядку.	Названіе губерній.	Число уѣздовъ, о которыхъ мнѣ извѣстно, что въ нихъ было экспедиціонное подворное земско-статистическое изслѣдованіе. (Въ скобкахъ число уѣздовъ съ полной подворной переписью изъ общаго числа уѣздовъ).	Изъ этихъ уѣздовъ сколькими пользовался г. В. В.	Сколькими изъ нихъ пользовался.	Число уѣздовъ, по которымъ описаны формы крестьянскаго землевладѣнія въ особыхъ статьяхъ. Всего мнѣ извѣстно (въ скобкахъ уѣзды, о которыхъ предполагаю, что должны быть).	Изъ нихъ эксплуатировано г. В. В.	Тожe мною.
1	Бессарабская.	1 (0)	0	1	1	0	1
2	Владимірская.	1 (0)	0	1	1	0	1
3	*Воронежская* [1])	12 (0)	2	12	2	2	2
4	Вятская.	10 (0)	0	10	1	0	1
5	Екатеринославская.	4 (0)	3	3	3	3	3
6	*Казанская*.	12 (12)	7	12	12	7	12
7	Калужская	1 (0)	0	1	1	0	1
8	*Курская*.	15 (0)	7	15	6	5	6
9	*Московская*	13 (11)	13	13	13	13	13
10	Нижегородская	7	3	5	5 (2)	3	5
11	Новгородская	9	0	3	0	0	0
12	Орловская.	9	6	9	5 (2)	1	5
13	Пермская.	6 (3)	0	2	1 (?)	0	1
14	*Полтавская*.	15	0	13	15	0	13
15	*Рязанская*.	12	5	9	11	1	11
16	*Самарская*	7	7	5	7	7	5
17	*Саратовская*	10	3	10	9	3	9
18	Смоленская.	7 (1)	4	7	6	4	6

Число статей по этимъ уѣздамъ.			Число уѣздовъ, по которымъ имѣются сырые пообщинные матеріалы о формѣ землевладѣнія въ видѣ: 1) текстовыхъ „описаній волостей и селеній“ и 2) замѣтокъ и цифръ въ цифровыхъ таблицахъ.					
Всего (въ скобкахъ число статей о существованіи которыхъ я лишь предполагаю, но мнѣ наверно неизвѣстно).	Изъ нихъ эксплуатировано г. В. В. (въ скобкахъ число опущенныхъ имъ).	Тоже мною (въ скобкахъ число статей, которыя мною не эксплуатированы).	Всего мнѣ извѣстно.		Эксплуатировано г. В. В. (въ скобкахъ число уѣздовъ, пропущенныхъ имъ).		Тоже мною (въ скобкахъ число уѣздовъ, которыми я не могъ воспользоваться).	
1 (0)	0 (1)	1 (0)	0	0	0 (0)	0 (0)	0 (0)	0 (0)
1 (0)	0 (0)	1 (0)	0	0	0 (0)	0 (0)	0 (0)	0 (0)
2 (0)	2 (0)	2 (0)	0	9	0 (0)	0 (3)	0 (0)	9 (0)
1 (0)	0 (0)	1 (0)	2	0	0 (1)	0 (0)	2 (0)	0 (0)
3 (0)	3 (0)	3 (0)	0	0	0 (0)	0 (0)	0 (0)	0 (0)
12 (0)	7 (2)	12 (0)	0	8	0 (0)	0 (5)	0 (0)	8 (0)
1 (0)	0 (0)	1 (0)	0	0	0 (0)	0 (0)	0 (0)	0 (0)
6 (0)	5 (1)	6 (0)	4	0	4 (0)	0 (0)	4 (0)	0 (0)
2 (0)	1 (1)	2 (0)	0	0	0 (0)	0 (0)	0 (0)	0 (0)
5 (2)	3 (0)	5 (2?)	0	0	0 (0)	0 (0)	0 (0)	0 (0)
0 (0)	0 (0)	0 (0)	0	0	0 (0)	0 (0)	0 (0)	0 (0)
5 (2)	1 (0)	5 (2?)	2	1	2 (0)	0 (0)	2 (0)	1 (0)
2 (?)	0 (0)	2 (4?)	2	0	0 (0)	0 (0)	2 (?)	0 (?)
15	0 (9)	13 (2)	12	0	0 (6)	0 (0)	12 (0)	0 (0)
2	1 (0)	2 (0)	10	0	4 (6)	0 (0)	7 (3)	0 (0)
7	7 (0)	5 (2)	0	0	0 (0)	0 (0)	0 (0)	0 (0)
9	3 (0)	9 (0)	5	0	0 (0)	0 (0)	5 (0)	2 (0)[2])
6	4 (2)	6 (0)	0	0	0 (0)	0 (0)	0 (0)	0 (0)

№№ по порядку.	Названіе губерній.	Число уѣздовъ, о которыхъ мнѣ извѣстно, что въ нихъ было экспедиціонное подворное земско-статистическое изслѣдованіе. (Въ скобкахъ число уѣздовъ съ неполною подворною переписью изъ общаго числа уѣздовъ).	Изъ этихъ уѣздовъ сколькими пользовался г. В. В.	Сколькими изъ нихъ пользовался.	Число уѣздовъ, по которымъ описаны формы крестьянскаго землевладѣнія въ особыхъ статьяхъ. Всего мнѣ извѣстно (въ скобкахъ уѣзды, о которыхъ предполагаю что должны быть).	Изъ нихъ эксплуатировано г. В. В.	Тоже мною.
19	*С.-Петербургская*	8	6	8	8	6	8
20	*Таврическая*.	8	8	8	8	8	8
21	*Тамбовская*	12	12	12	12	12	12
22	*Тверская*	12	3	11	10 (2)	3	10
23	Тульская	1 (1)	0	0	1	0	0
24	Харьковская	1	1	1	1	1	1
25	Херсонская.	6 (3)	5	6	5	5	5
26	Черниговская	6 (1)	1	5	2	1	2
	Итого по 26 губерніямъ.	205 (32) [3]	96	182	146 (6)	85	141

[1]) Подчеркнуты курсивомъ губерніи, гдѣ всѣ уѣзды изслѣдованы. Знакъ вопрос

[2]) По двумъ уѣздамъ Саратовской губерніи я, благодаря рѣдкой любезности г. з ными данными.

[3]) Кромѣ того по 6 уѣздамъ Уфимской губ. (изъ коихъ по двумъ сборники издан нѣсколько приближающееся къ нему экспедиціонное изслѣдованіе съ опросомъ отъ 20 д

[4]) Привожу алфавитный списокъ авторовъ статей объ общинномъ владѣніи въ зе И. Баскинъ, Н. А. Благовѣщенскій, С. Блекловъ, И. П. Боголѣповъ, А. С. Борцневичъ Ив. А. Вернеръ, И. А. Владимірскій, К. Я. Воробьевъ, Ф. Х. Граждинъ, В. Н. Григор скій. В. Ф. Залѣсскій, Я. К. Имшенецкій, Н. М. Катаевъ, П. М. Кисляковъ, П. Я. К С. Личковъ, С. А. Михайловскій, М. К. Мурзаевъ, Б. Недзялковскій, В. П. Орловъ. Т П. Плотниковъ, В. Покровскій. Викт. Пругавинъ, П. Е. Пудовиковъ, А. Пѣшехоновъ, меновъ, А. С. Семяновскій, В. П. Серебряковъ, Е. А. Смирновъ, Н. Терешкевичъ. А ковъ, Н. Н. Черненковъ, К. П. Шидловскій, О. Э. Шмидтъ, Ѳ. А. Щербина, В. П. Як спискѣ (хотя думаю, что это могло случиться только для тѣхъ сборниковъ, которыми извинить мнѣ этотъ невольный пропускъ.

Число статей по этимъ уѣздамъ.			Число уѣздовъ, по которымъ имѣются сырые пообщинные матеріалы о формѣ землевладѣнія въ видѣ: 1) текстовыхъ „описаній волостей и селеній“ и 2) замѣтокъ и цифръ въ цифровыхъ таблицахъ.					
о статей о существованіи которыхъ я лишь предполагаю, но мнѣ наверно неизвѣстно).	Изъ нихъ эксплуатировано г. В. В. (въ скобкахъ число опущенныхъ имъ).	Тоже мною (въ скобкахъ число статей, которыя мною не эксплуатированы).	Всего мнѣ извѣстно.		Эксплуатировано г. В. В. (въ скобкахъ число уѣздовъ, пропущенныхъ имъ).		Тоже мною (въ скобкахъ число уѣздовъ, которыми я не могъ воспользоваться).	
8	6 (0)	8 (0)	0	0	0 (0)	0 (0)	0 (0)	0 (0)
2	2 (0)	2 (0)	7	0	7 (0)	0 (0)	7 (0)	0 (0)
12	12 (0)	12 (0)	0	0	0 (0)	0 (0)	0 (0)	0 (0)
11 (2)	3 (2)	11 (2?)	8	0	2 (0)	0 (0)	8 (0)	0 (0)
1	0 (1)	0 (1)	0	0	0 (0)	0 (0)	0 (0)	0 (0)
1	1 (0)	1 (0)	0	0	0 (0)	0 (0)	0 (0)	0 (0)
6	5 (0)	6 (0)	3	0	0 (3)	0 (0)	3 (0)	0 (0)
2	1 (1)	2 (0)	0	0	0 (0)	0 (0)	0 (0)	0 (0)
23*) (6)	67 (20)	118 (15?)	55	18	19 (16)	0 (8)	52 (3)	20 (0)

кобкахъ означаетъ сомнѣніе въ данной цифрѣ.

ивающаго бюро Н. Н. Черепкова, могъ воспользоваться ненапечатанными по-общин-

898 году, а по остальнымъ еще не напечаны) произведено хотя не подворное, но
0 хозяевъ.

статистическихъ изданіяхъ: Я. Абрамовъ, А. Г. Алякринскій, Н. М. Аносовъ, Г. А. Бунинъ, А. С. Быховскій, Г. Н. Бычковъ, П. П. Бѣлоконскій, В. И. Василенко, В. А. Гурвичъ, Н. А. Добротворскій, Н. Н. Дроздовъ, А. А. Дудкинъ, К. Ермолинъ, П. М. Красноперовъ, Е. Красноперовъ, В. К. Кузнецовъ, Ѳ. П. Лазаревскій, Л. Осадчій, К. М. Панкѣевъ, В. П. Петровскій, И. Петрункевичъ, П. А. Плодовскій, М. Рихтеръ, Н. Н. Романовъ, С. Ѳ. Рудневъ, А. А. Русовъ, А. Селивановъ, Н. И. Сефеевъ. Е. С. Филимоновъ, С. А. Харизоменовъ, И. Н. Харламовъ, П. И. Чарушниковъ, С. П. Южаковъ. Возможно, что кого-либо изъ авторовъ я пропустилъ въ этомъ могъ пользоваться или для статей, которыхъ авторъ не былъ названъ); такихъ прошу

шія работы я частью уже указалъ, частью же указываю ниже, когда пользуюсь ими).

Пересмотръ остального матеріала отнялъ бы слишкомъ много времени, такъ какъ этотъ матеріалъ огроменъ, между тѣмъ результатъ не соотвѣтствовалъ бы тутъ затратѣ времени и силъ, такъ какъ очевидно, что эти старыя монографическія изслѣдованія не могутъ дать ничего существенно, неожиданно новаго послѣ новѣйшихъ массовыхъ изслѣдованій, на которыхъ основывается моя работа. Такъ что я счелъ дозволительнымъ пока не зарываться дальше въ этотъ сырой матеріалъ, полагая, что перегрузить работу балластомъ такъ же вредно, какъ и недогрузить...

Не лишне въ заключеніе замѣтить, что это же я имѣлъ въ виду и опредѣляя масштабъ изложенія: я старался какъ можно менѣе загромождать эту первую часть работы фактами и деталями и допускалъ ихъ лишь настолько, насколько это казалось мнѣ строго необходимымъ для иллюстраціи основныхъ моихъ положеній. Въ этомъ отношеніи я тоже стремился избѣжать дефекта работы г. В. В.: такъ какъ онъ не произвелъ статистическаго изслѣдованія причинозависимостей общиннаго землевладѣнія, то за отсутствіемъ массовыхъ цифръ, отдѣльные факты служили въ его изложеніи не только для иллюстраціи, но и для аргументаціи, а потому ему и пришлось загромоздить изложеніе сырымъ фактическимъ матеріаломъ, совершенно не интереснымъ для большой публики и весьма мало цѣннымъ для спеціалиста.

Для меня же эти нагроможденія однородныхъ фактовъ не нужны: для иллюстраціи изложенія достаточно нѣсколькихъ примѣровъ, а для аргументаціи послужатъ цифры спеціальнаго изслѣдованія законовъ общины, которому будутъ посвящены 2 или 3 томы предлагаемой работы.

Такимъ образомъ, мнѣ кажется, что принятый мною статистическій методъ изслѣдованія не только является единственнымъ точнымъ методомъ для рѣшенія озаглавливающихъ эту книгу вопросовъ, но и кромѣ того наиболѣе допускаетъ ясность и живость изложенія, доступность его не тѣснымъ лишь кружкамъ спеціально интересующихся вопросомъ, но и самымъ широкимъ кругамъ публики. Другой, конечно, вопросъ, насколько удачно самое выполненіе мною этой задачи; но объ этомъ уже судить не мнѣ, а читателю.

Со своей стороны замѣчу, что уже теперь я вижу многіе недостатки въ моей работѣ,—недостатки, обусловленные хотя бы уже тѣмъ, что въ данный моментъ для меня далеко не всѣ вопросы окончательно рѣшены во всѣхъ ихъ деталяхъ и не весь матеріалъ использованъ. Я знаю, что въ ней есть много пробѣловъ, допускаю, что достаточно встрѣтится и неясностей, боюсь, что найдутся и ошибки. Можетъ быть черезъ два—три года я опять заново переработаю ее, какъ переработалъ теперь написанное два года тому назадъ. Но такая переработка хронически неизбѣжна и изъ-за нея, конечно, невозможно откладывать печатаніе книги. Необходимо

только, чтобы въ общей схемѣ, въ главныхъ пунктахъ всегда оставалось нѣсколько твердыхъ неподвижныхъ точекъ; такія точки въ моей работѣ есть, и онѣ по мѣрѣ развитія ея не только не колеблются, но все болѣе укрѣпляются.

Прибавлю еще, что всякаго рода замѣчанія, возраженія, вопросы со стороны читателей, какъ по существу предмета, такъ и относительно внѣшней стороны изложенія, были бы чрезвычайно интересны и полезны для меня, и я былъ бы за нихъ глубоко благодаренъ.

ГЛАВА I.

§ 1.

Во всѣхъ Европейскихъ странахъ, кромѣ Россіи, почти вся земельная территорія находится во владѣніи индивидуальномъ (у физическихъ или юридическихъ лицъ,—это безразлично), и лишь сравнительно ничтожные клочки земли остались во владѣніи коллективномъ,— у государства, городовъ, деревень. Въ Россіи же, наоборотъ, коллективная земельная собственность составляетъ общее правило, а личная—исключеніе.

Это хорошо рисуется слѣдующими цифрами.

Въ 49 губерніяхъ Европейской Россіи (т.-е. всей Европейской Россіи за исключеніемъ Финляндіи, 9 губерній Польскихъ, Области Войска Донского и Кавказа) насчитывается приблизительно удобной земли: въ личномъ владѣніи 115,6 милліоновъ десятинъ (изъ коихъ 22,2 милліона десятинъ надѣльной крестьянской земли, 91,6 милліона десятинъ у физическихъ лицъ и 1,8 милліона десятинъ у обществъ и компаній), а въ коллективномъ владѣніи 108 милліоновъ десятинъ (изъ коихъ 4 милліона десятинъ у казны, 7,4 милліона десятинъ въ вѣдомствѣ удѣловъ, 94,6 милліона десятинъ у крестьянскихъ общинъ и 2 милліона десятинъ у городовъ); 6,5 милліоновъ десятинъ принадлежатъ главнымъ образомъ церквамъ и монастырямъ и въ незначительной части нѣкоторымъ другимъ учрежденіямъ,—я не причисляю ихъ ни къ одному изъ этихъ основныхъ видовъ собственности [1]).

Надо однако имѣть въ виду, что этотъ разсчетъ есть самый минимальный для коллективнаго землевладѣнія Европейской Россіи и въ сущности не можетъ быть названъ правильнымъ. Дѣло въ томъ, что во владѣніи казны, кромѣ сосчитанныхъ 4 милліоновъ десятинъ собственно удобной земли, имѣется еще 104 милліона десятинъ лѣса, преимущественно въ губерніяхъ Архангельской, Вологодской, Олонецкой и Пермской, а всего казенной земли въ Европейской Россіи—

---

[1]) Всѣ эти, равно какъ и всѣ послѣдующія цифры въ этомъ параграфѣ взяты мною въ готовомъ видѣ или вычислены по цифрамъ, приведеннымъ: 1) въ книгѣ г. А. Фортунатова „Сельско-хозяйственная статистика Европейской Россіи“ 93 г., 2) въ статьѣ Н. Карышева „Землевладѣніе“ въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгаузъ и Ефронъ, и 3) въ статьѣ г. Южакова „Статист. законъ землевлад. въ Россіи“. Сѣв. В. 86 г. 3 книга.

удобной, лѣсной и малоудобной, считается 150,4 милліона десятинъ: несомнѣнно, что изъ этого количества значительная часть, навѣрно, не менѣе нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ десятинъ,—тоже годится подъ земледѣліе; введя ихъ въ подсчетъ, мы найдемъ, что уже даже въ Европейской Россіи, взятой вмѣстѣ съ не-русской ея частью (съ губерніями Прибалтійскими и сѣверо- и юго-западными) все-таки коллективное владѣніе охватываетъ бо́льшую половину удобной въ данный моментъ для земледѣлія земли и почти двѣ трети всей земли (т.-е. удобной вмѣстѣ съ лѣсами). Если же мы перейдемъ въ Азіатскую Россію и на Кавказъ съ Донской Областью,—перейдемъ въ эти пространства, еще точно неизмѣренныя, но во всякомъ случаѣ измѣряемыя уже не милліонами десятинъ, а милліонами квадратныхъ верстъ,—то здѣсь въ общей ихъ суммѣ найдемъ не менѣе 90% разныхъ видовъ коллективной собственности (главнымъ образомъ государственныхъ земель, частью же казачьихъ и инородческихъ). Конечно, неизвѣстно еще, какая именно доля этой колоссальной территоріи представляется удобной для земледѣлія, но что эта доля, хотя относительно вѣроятно и небольшая, представитъ абсолютно огромную величину, навѣрно превосходящую въ нѣсколько разъ всю площадь коллективнаго землевладѣнія въ Европейской Россіи,—это и a priori очевидно, и ясно указывается нѣкоторыми отдѣльными такого, напримѣръ, рода цифрами: во владѣніи о д н и х ъ только к а з а ч ь и х ъ войскъ (казачьи земли въ выше приведенныя цифры крестьянскихъ земель вошли только въ ничтожномъ сравнительно количествѣ по губерніямъ Оренбургской и Астраханской) минимально-приблизительно считается въ Европейской (на Кавказѣ) и Азіатской Россіи 54,3 милліона десятинъ (изъ коихъ удобной 39 милліоновъ десятинъ, лѣсной 3,5 милліона десятинъ и средне-удобной и малоудобной 11,5 милліоновъ десятинъ [1]); или, напримѣръ, въ одной Тобольской губерніи одна только о т м е ж е в а н н а я уже въ пользованіе крестьянъ земля составляетъ — 10,5 милліоновъ десятинъ [2]), въ Алтайскомъ Горномъ Округѣ, составляющемъ наиболѣе плодородную и населенную половину Томской губерніи, считается всей территоріи до 50 милліоновъ десятинъ, при чемъ % удобной земли здѣсь уже несомнѣнно высокъ (здѣсь до послѣдняго времени успѣшно селилось значительное большинство переселенцевъ) и т. д., и т. д. [3]).

Приведенныя цифры о Европейской Россіи относятся къ 77—78 годамъ. Необходимо еще, поэтому, пояснить, что территорія коллективнаго владѣнія отнюдь съ годами не уменьшается, а остается приблизительно безъ измѣненій. Такъ, хотя „въ 1858 г. площадь земель, считавшихся собственностью казны, была въ $1^1/_2$ раза больше, чѣмъ теперь, но значительная часть этой площади фактически находилась

[1]) См. статью о „Казакахъ“ въ энциклопедическомъ словарѣ Еффрона и Брокгауза.

[2]) См. „Крестьянское землепользованіе и хозяйство въ Тобольской и Томской губерніяхъ“. 93 г. Изд. Мин. Гос. Им.

[3]) См. статью объ Алтаѣ въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза.

въ пользованіи государственныхъ крестьянъ, и если сравнить теперешнее государственное землевладѣніе съ площадью, находившеюся тогда въ непосредственномъ распоряженіи казны, то окажется, что казенное землевладѣніе возросло на 48%. Впрочемъ, главною причиною этого возрастанія служитъ отрѣзка земель въ пользу казны въ малонаселенныхъ сѣверныхъ губерніяхъ и если исключить эти губерніи, для остальныхъ 42 губерній получается убыль государственнаго землевладѣнія на 5,3%. Главная причина убыли—отводъ земель безземельнымъ поселенцамъ и отставнымъ солдатамъ, затѣмъ Высочайшія пожалованія (преимущественно до 65 г.) и льготная распродажа земель польскихъ и башкирскихъ" [1]). Такимъ образомъ, и эта ничтожная убыль въ 5% только частью представляетъ потерю для коллективнаго владѣнія, такъ какъ надѣленіе безземельныхъ происходило на общинномъ началѣ, и только пожалованія и льготныя распродажи перевели нѣкоторое, совсѣмъ уже сравнительно незначительное, количество земли изъ коллективнаго въ личное владѣніе. Въ общинномъ же крестьянскомъ владѣніи произошло уже приращеніе, а не убыль: хотя нѣкоторое количество общинной земли (нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ) было выкуплено отдѣльными крестьянами въ личную собственность (теперь этотъ выкупъ почти прекратился послѣ закона 93 года, ограничившаго его согласіемъ общины), но за то въ нѣсколько разъ большее количество земли было куплено крестьянскими общинами у частныхъ владѣльцевъ (къ 92 году только съ помощію крестьянскаго банка главнымъ образомъ крестьянскими обществами и товариществами и рѣже отдѣльными крестьянами) было куплено у частныхъ владѣльцевъ болѣе $2^1/_2$ милліоновъ десятинъ.

Итакъ, коллективныя формы землевладѣнія охватываютъ въ Россіи территорію, несомнѣнно въ нѣсколько разъ большую, чѣмъ площадь индивудуальнаго владѣнія, и при этомъ за пореформенную эпоху формы эти держались (по крайней мѣрѣ формально) очень крѣпко, отнюдь не уступая или почти не уступая мѣста личной собственности. Уже эти два обстоятельства даже съ самой эмпирической точки зрѣнія заставляютъ при изслѣдованіи современнаго положенія земледѣльческаго производства въ Россіи и вѣроятнаго развитія его въ будущемъ остановить первое и главное вниманіе на изученіи этихъ коллективныхъ формъ землевладѣнія. Интересъ этихъ формъ, помимо этого крупнаго значенія ихъ въ жизни, усиленно привлекается также чрезвычайною ихъ сложностью и своеобразностью, рѣзко отличающей ихъ отъ почти механически простого института индивидуальной собственности. Къ краткому анализу основныхъ ихъ элементовъ мы и перейдемъ теперь.

§ 2.

Коллективная форма владѣнія представляетъ много разновидностей, которыя можно расположить въ цѣлый рядъ переходныхъ ступеней отъ чисто личнаго владѣнія къ чисто коллективному.

---

[1]) А. Фортунатовъ, „Сельскохозяйственная статистика", стр. 71—72.

Подъ чисто личнымъ владѣніемъ я подразумѣваю такое, въ которомъ весь комплексъ правъ владѣнія, распоряженія и пользованія принадлежитъ безъ всякихъ ограниченій (кромѣ, конечно, ограниченій, неизбѣжно вытекающихъ изъ современной соціальной организаціи или имѣющихъ цѣлью именно обезпеченіе наиболѣе полнаго осуществленія самаго этого личнаго права) отдѣльному индивидууму; а подъ чисто коллективнымъ—такое, при которомъ всѣ эти права въ такой же мѣрѣ принадлежатъ той или иной группѣ индивидуумовъ (или непосредственно имъ самимъ, или чрезъ посредство представляющихъ ихъ лицъ и учрежденій), какъ цѣлому.

Самымъ чистымъ видомъ коллективнаго владѣнія представляется у насъ государственное землевладѣніе: государство (олицетворяемое самодержавной властью) ничѣмъ не ограничено въ своемъ владѣніи территоріей, объявленной его собственностью. Оно можетъ само непосредственно какимъ угодно образомъ п о л ь з о в а т ь с я этой землей, можетъ всячески р а с п о р я ж а т ь с я ею,—отчуждать ее, временно и навсегда, даромъ и за вознагражденіе, всѣмъ ли членамъ государства, или сословіямъ, группамъ лицъ, отдѣльнымъ лицамъ.

И цѣлью этого пользованія и распоряженія принципіально (фактически возможны, конечно, уклоненія) является благо всего государства, какъ цѣлаго. Эту высшую форму коллективнаго владѣнія, мнѣ кажется, всего точнѣе было бы назвать о б щ е с т в е н н ы м ъ типомъ владѣнія.

Съ противоположной стороны, на границѣ съ чистымъ индивидуальнымъ владѣніемъ, мы находимъ своеобразную форму, которую обыкновенно принято называть и я называю о б щ и м ъ владѣніемъ,—форму, въ главныхъ элементахъ скорѣе представляющую индивидуальное, а не коллективное владѣніе, но имѣющую также нѣкоторыя черты, несомнѣнно отличающія ее отъ перваго и представляющія переходныя ступени къ послѣднему.

Это владѣніе—коллективное во внѣшнемъ смыслѣ слова, т.-е. с о в м ѣ с т н о е владѣніе нѣсколькихъ лицъ однимъ н е р а з д ѣ л ь н ы м ъ о б ъ е к т о м ъ; вся общность владѣнія тутъ только и заключается въ этой нераздѣльности его о б ъ е к т а, а не субъекта; совладѣльцы не представляютъ никакого обладающаго особыми правами цѣлаго, и цѣлью владѣнія является осуществленіе суммы п р а в ъ о т д ѣ л ь н ы х ъ совладѣльцевъ, а не правъ и интересовъ этого ц ѣ л а г о.

Понятно огромное значеніе этого различія: разъ цѣлью владѣнія являются интересы и благо группы индивидуумовъ, какъ цѣлаго, то, во-первыхъ, за каждымъ членомъ этой группы a priori предполагается равное право на объектъ владѣнія и, во-вторыхъ, такъ какъ благо цѣлаго практически обыкновенно отождествляется съ благомъ большинства, то осуществленіе этого права каждаго можетъ колебаться и въ извѣстныхъ случаяхъ осуществляться у большинства полнѣе въ ущербъ правамъ меньшинства. При общемъ же владѣніи это невозможно: права отдѣльныхъ его совладѣльцевъ могутъ быть и почти

всегда бываютъ неравными (равенство ихъ обусловливается лишь случайнымъ совпаденіемъ) и всегда остаются неизмѣнными, такъ какъ никакое нарушеніе однихъ въ пользу другихъ невозможно, и всякое распоряженіе всѣмъ объектомъ владѣнія сразу не можетъ быть рѣшено большинствомъ, а можетъ быть постановлено лишь единогласно.—Спрашивается: въ чемъ же тутъ можно найти (какъ я выше сказалъ) черты, переходныя къ коллективному типу владѣнія?

Именно тѣмъ, что эта форма общаго владѣнія рѣзко нецѣлесообразна и такъ жметъ совладѣльцевъ своими противорѣчіями,—она и принуждаетъ ихъ въ концѣ концовъ или разойтись со своими противорѣчивыми и непримиримыми желаніями и интересами, подѣливъ между собой свой общій объектъ владѣнія, или, наоборотъ, слиться въ одно цѣлое, пожертвовавъ отдѣльными интересами общему, образовавъ единый субъектъ владѣнія.

Въ Россіи имѣются двѣ довольно распространенныя, любопытныя и типическія формы общаго владѣнія: такъ называемое четвертное владѣніе великорусскихъ губерній и южное нѣмецко-колонистское. Суть и того и другого заключается въ томъ, что каждая семья владѣетъ не опредѣленнымъ отмежеваннымъ въ одно мѣсто у ч а с т к о м ъ, а извѣстной д о л е й всей общей земли (размѣръ которой опредѣляется общимъ количествомъ потомковъ родоначальника и степенью родства данной семьи); эта доля отведена въ нѣсколькихъ мѣстахъ каждаго угодья (различныхъ по качеству, разстоянію отъ усадебъ и т. п.) и періодически между совладѣльцами можетъ происходить пересадка, обмѣнъ участками (чтобъ каждый поперемѣнно владѣлъ то худшимъ, то лучшимъ участкомъ).

Совершенно очевидно, къ какой запутанности, къ какимъ неудобствамъ ведетъ эта безконечная черезполосица и мелкополосица, какъ она соединяетъ въ себѣ всѣ неудобства и личнаго, и общиннаго владѣнія безъ ихъ достоинствъ, какъ вынуждаетъ она или къ окончательному размежеванію въ подворно-участковое владѣніе, или къ слитію въ общинное владѣніе. Подворный раздѣлъ однако слишкомъ труденъ и неудобенъ (при немъ невозможна уравнительность),—изъ-за чего, вѣдь, онъ и сразу не состоялся; переходъ же къ общинному часто облегчается особыми условіями,—тѣмъ, что выгонъ всегда уже у всѣхъ въ общенераздѣльномъ пользованіи, что у четвертныхъ крестьянъ часто лѣсъ и луга въ общинно-уравнительномъ владѣніи и т. д. И вотъ, дѣйствительно, весьма значительная доля четвертныхъ крестьянъ и нѣмцевъ-колонистовъ перешла къ общинному владѣнію; переходъ этотъ, впрочемъ, раньше (для четвертныхъ особенно) вызывался вліяніемъ правительственныхъ мѣръ, но есть случаи и самостоятельныхъ переходовъ, и еще, напримѣръ, въ настоящее время у нѣмцевъ Херсонской губерніи идетъ такая агитація въ пользу общины...

Этихъ бѣглыхъ замѣчаній намъ пока достаточно, чтобы указать на характеръ общаго владѣнія и на то, въ какой степени и въ какомъ смыслѣ его можно поставить переходной ступенью отъ личнаго къ коллективному владѣнію. Послѣ этихъ замѣчаній и послѣ того,

что сказано объ общественномъ владѣніи, намъ остается уже не много добавить для уясненія понятія общиннаго владѣнія.

Какъ по своему законодательному опредѣленію, такъ и въ своей обычно-правовой формулировкѣ, общинное владѣніе занимаетъ средину между общественнымъ, т.-е. чисто коллективнымъ, и общимъ владѣніемъ: оно представляетъ соединеніе элементовъ и коллективнаго, и индивидуальнаго права. Какъ по закону, такъ и по обычному праву, при общинномъ землевладѣніи рядомъ съ полнымъ правомъ общины, какъ цѣлаго (т.-е. всѣхъ ея членовъ, или, точнѣе, практически того или иного большинства ихъ), владѣть, распоряжаться и пользоваться всей ея землей, пріобрѣтать новыя земли и вообще имущество и т. д., извѣстныя права владѣнія предоставлены и каждому ея члену въ отдѣльности.

Закономъ были установлены два такихъ существеннѣйшихъ личныхъ права распоряженія: во-первыхъ,—усадебная земля находится въ наслѣдственномъ владѣніи отдѣльныхъ хозяевъ, а во-вторыхъ, каждый отдѣльный хозяинъ можетъ всегда выкупить въ свою личную собственность тотъ участокъ, которымъ онъ въ данный моментъ пользуется. Впрочемъ, въ 1893 году послѣднее право ограничено согласіемъ общины въ лицѣ $^2/_3$ ея членовъ; такое же верховное право общины, выражающееся не въ правѣ непосредственнаго распоряженія, а въ контролѣ и ограниченіи правъ распоряженія отдѣльныхъ членовъ, сложилось обыкновенно у самихъ общинъ и для личнаго права на усадебныя земли. Однако, все-таки и по обычаю право распоряженія въ той или иной мѣрѣ предоставлено отдѣльнымъ членамъ общины; врядъ ли найдется во всей Россіи хоть одна община, гдѣ послѣдніе были бы вовсе и безусловно лишены этого права; оно только, самое большее, поставлено подъ строгій контроль общины.

Но мало того, что община, какъ цѣлое, удѣляетъ часть своего права распоряженія отдѣльнымъ своимъ членамъ: она ограничена въ этомъ правѣ и сверху законодательно-административными нормами.

Государственная власть осуществляетъ всевозможныя мѣры по отношенію къ общинному владѣнію,—мѣры, проявляющія въ отдѣльныхъ случаяхъ почти полное отрицаніе права самихъ общинъ. Такъ, напримѣръ, земскимъ начальникамъ по закону 1893 года о передѣлахъ общинныхъ земель предоставлено отмѣнять не только формально-незаконные приговоры о передѣлѣ, но также и тѣ, которые они сочтутъ нераціональными (самый критерій для такой оцѣнки передѣловъ предоставленъ всецѣло усмотрѣнію отдѣльныхъ земскихъ начальниковъ); такимъ путемъ верховное право распоряженія (ибо недопущеніе передѣла есть такое же распоряженіе, какъ и приказаніе произвести его, и настолько же задѣваетъ интересы общины) какъ бы передовѣрено государствомъ мѣстной администраціи. Уже изъ этого яркаго факта, да и изъ множества другихъ, совершенно очевидно, что государственная власть несомнѣнно продолжаетъ считать себя верховнымъ распорядителемъ крестьянскихъ земель, хотя и

обратила ихъ на выкупъ въ собственность общинъ. Это чрезвычайно важный фактъ, заставляющій считать возможнымъ возвращеніе отъ общиннаго владѣнія къ общественно-государственному; недавняя пересрочка выкупныхъ платежей могла бы представить переходный шагъ къ обращенію ихъ въ „оброчную подать“ (чего проекты уже и появились въ печати), а общинной „собственности“ (все равно фиктивной) въ „безсрочное пользованіе“. Если же такого шага не будетъ сдѣлано и тѣмъ самымъ община будетъ признана окончательно собственникомъ, то юридически необходимой представляется отмѣна всѣхъ прежнихъ и новѣйшихъ законоположеній, такъ или иначе ограничивающихъ общину въ томъ правѣ собственности, которое послѣ раскрѣпощенія крестьянъ должно бы быть у нихъ, очевидно, также неприкосновенно, какъ и у другихъ сословій...

Итакъ, сопоставляя общинное владѣніе съ общественнымъ, мы находимъ его отличіе отъ послѣдняго въ неполнотѣ и неустойчивости общиннаго права распоряженія, вытекающихъ съ одной стороны (т.-е. въ ограниченіи этого права правами отдѣльныхъ членовъ общины) изъ самаго существа современной формы, или, лучше сказать, фазы общиннаго владѣнія, съ другой же—зависящихъ вѣроятно отъ непризнанія за крестьянами нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ вообще и права собственности въ частности.

Затѣмъ, самыми размѣрами общественно-государственнаго и общинно-крестьянскаго владѣнія обусловливается еще та разница между ними, что первое проявляется исключительно въ распоряженіи, второе же часто выражается и въ пользованіи землей (всегда по отношенію къ выгону и иногда по отношенію къ другимъ земельнымъ угодьямъ или другимъ предпріятіямъ).

Однако, если мы теперь отграничимъ общинное землевладѣніе съ другой стороны,—отъ общаго владѣнія, то намъ очевидно станетъ, что элементъ коллективный далеко перевѣшиваетъ въ немъ личный.

Какъ уже было упомянуто, при общинномъ владѣніи мы имѣемъ дѣло не съ суммой личныхъ правъ, какъ при общемъ владѣніи, а съ однимъ общимъ правомъ,—правомъ всѣхъ членовъ общины на землю. При общемъ владѣніи право каждаго совладѣльца точно опредѣлено наслѣдственно его положеніемъ въ родѣ: эта его доля не равна долямъ другихъ и неизмѣнна во времени. При общинномъ же владѣніи ничье право въ отдѣльности ничѣмъ не опредѣлено, поэтому оно можетъ быть только равнымъ правомъ всѣхъ семей совладѣльцевъ на землю въ каждый данный моментъ, т.-е., значитъ, доля каждаго должна измѣняться, по мѣрѣ измѣненія размѣровъ отдѣльныхъ семей и отношенія между количествомъ земли и ея владѣльцевъ (обусловленнаго или механическимъ и физическимъ движеніемъ населенія, или увеличеніемъ, либо уменьшеніемъ площади владѣнія).

Короче говоря, общее владѣніе остается неизмѣнно долевымъ-не равномѣрнымъ, а общинное является (по принципу сво-

ему) подвижнымъ и пропорціонально-уравнительнымъ; при общемъ владѣніи коллективнаго права распоряженія, перераспредѣленія земли между членами-совладѣльцами нѣтъ, а въ общинномъ оно составляетъ основную функцію.

Такимъ образомъ, резюмируя все вышеизложенное, мы можемъ сказать, что русская крестьянская земельная община представляетъ институтъ, въ которомъ, въ результатѣ взаимодѣйствія законодательства и обычая, права владѣнія раздѣлились: община, какъ цѣлое (т.-е. фактически большинство ея членовъ) осуществляетъ право распоряженія (право пользованія также всегда ей принадлежитъ, но сравнительно рѣдко осуществляется), а каждому члену ея въ отдѣльности принадлежитъ лишь право пользованія (право распоряженія принадлежитъ ему лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ и лишь условно съ санкціи общины). Всѣ разновидности общины подходятъ въ общемъ подъ это опредѣленіе и ихъ можно отличать одну отъ другой именно по степени согласованности съ этимъ опредѣленіемъ.

Сообразно съ вышесказаннымъ, мы можемъ практически разбить территорію коллективнаго владѣнія на слѣдующій рядъ его разновидностей, различающихся какъ по историческому происхожденію, такъ и по современнымъ юридическимъ основаніямъ.

1. Земли казны и удѣловъ (общегосударственныя и спеціально принадлежащія царствующему дому) представляютъ высшій и чистый видъ общественнаго владѣнія; крестьяне, поселенные на этихъ земляхъ, не считаются ихъ собственниками, а лишь безсрочно ими пользуются.

2. Земли казачьи и инородческихъ вѣдомствъ (киргизскія, башкирскія, бурятскія и т. п.) также можно причислить къ типу общественнаго владѣнія, хотя въ нихъ есть уже черты общиннаго владѣнія. А именно, казачьи войска и туземные народцы не обладаютъ уже полнымъ правомъ владѣнія этими землями: верховное право собственности на нихъ, очевидно, принадлежитъ государству и что вѣрно, не только для большинства казачьихъ территорій, отведенныхъ казакамъ государствомъ, но и для территорій Донскихъ и Уральскихъ казаковъ и инородцевъ, первоначально занятыхъ ими самими, ибо оно не только санкціонируетъ распоряженіе этими землями мѣстныхъ казачьихъ и инородческихъ управленій и т. д., но и прямо распоряжается этими землями, предписывая, напримѣръ, отвести изъ казачьихъ земель опредѣленныя пространства подъ запасныя земли въ надѣлъ казачьимъ офицерамъ, или даже вырѣзая изъ инородческихъ земель отдѣльныя дачи для поселенія русскихъ крестьянъ-переселенцевъ и т. п. Но все-таки владѣніе инородцевъ и казаковъ скорѣе общественное, чѣмъ общинное, во-первыхъ, по размѣрамъ своимъ: подъ общественнымъ владѣніемъ нужно понимать, какъ общее правило, цѣлыя территоріи (или остатки ихъ), а подъ общиннымъ — отдѣльныя земельныя дачи; во-вторыхъ же, оно общественное и по характеру осуществленія владѣнія: въ понятіи общиннаго

владѣнія необходимо подразумѣваются участниками лица, какъ общее правило, сами непосредственно утилизирующія объекты владѣнія, а въ такую общественную группу, какъ казачье войско или, напримѣръ, киргизскій народъ, входятъ разные классы, въ томъ числѣ и классъ, не прилагающій къ землѣ своего собственнаго труда, а располагающій уже для ея эксплуатаціи капиталомъ и чужой рабочей силой и представляющій ферментъ индивидуальнаго владѣнія. Наконецъ, такая группа, какъ казачье войско, представляетъ инстанцію, высшую надъ фактическими земельными общинами, въ которыя сложилось рабочее населеніе.

Такимъ образомъ, въ казачьемъ и инородческомъ землевладѣніи получается цѣлыхъ три инстанціи владѣльцевъ: 1) государство, 2) управленіе даннаго народа или войска и 3) сельская община (да еще иногда выселившіеся изъ нея и подчиненные ей хутора составляютъ четвертую инстанцію).

Понятно, такимъ образомъ, почему и въ какомъ смыслѣ я хотя еще отношу этотъ видъ владѣнія къ типу общественнаго владѣнія, но считаю его уже переходнымъ къ общинному.

3. Земли отдѣльныхъ общинъ, какъ бывшихъ помѣщичьихъ, такъ и бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, *состоящихъ на выкупѣ*, представляютъ основное ядро *общиннаго* землевладѣнія. Какъ упомянуто, это владѣніе еще имѣетъ элементы общественнаго, — оно сильно сдавлено извнѣ; но во всякомъ случаѣ можетъ въ значительной степени функціонировать внутри, и въ основныхъ чертахъ несомнѣнно способно къ самоопредѣленію и дѣйствительно самоопредѣляется.

4. Земли общинъ, уже *окончившихъ выкупъ* или не знавшихъ его, какъ, напримѣръ, нѣмецкіе и другіе колонисты, бывшіе помѣщичьи крестьяне, освобожденные съ дарственнымъ надѣломъ и т. п., — юридически должны бы представляться полноправно-общинными; въ дѣйствительности онѣ подчинены тому же законодательно-распорядительному воздѣйствію, какъ и всѣ вообще безъ исключенія общины, каково бы ни было ихъ историческое происхожденіе и современное юридическое положеніе. Однако, полная собственность открываетъ большій просторъ личному началу и a priori именно въ этихъ общинахъ нужно ожидать и искать борьбы личнаго права съ общиннымъ.

5. Земли, купленныя самими крестьянскими общинами, подвержены все тому же регламенту. Выдѣляю ихъ въ особую группу потому, что на нихъ все-таки всего ярче должна бы проявиться свободная инициатива обычнаго крестьянскаго права, свободнаго тутъ отъ всякой традиціи и инерціи (что еще есть въ предыдущемъ случаѣ).

Земли общаго владѣнія, не представляющія, впрочемъ, большой величины (ихъ наберется у четвертныхъ крестьянъ, нѣмцевъ-колонистовъ, крестьянскихъ товариществъ, купившихъ землю съ помощью крестьянскаго банка и т. п.,—всего нѣсколько милліоновъ десятинъ), я не отношу уже къ категоріи коллективнаго владѣнія, какъ нельзя

ихъ, впрочемъ, отнести и къ личному владѣнію. Общее владѣніе стоитъ какъ бы на распутьи между общиннымъ и личнымъ владѣніемъ. Если раньше это владѣніе у четвертныхъ крестьянъ и особенно у колонистовъ переходило въ общинное, то возможно это и въ будущемъ: форма можетъ вызвать и соотвѣтствующее содержаніе (ибо, собственно, общее владѣніе есть по формѣ тоже общинное, только безъ его содержанія, безъ пропорціонально-уравнительныхъ передѣловъ земли). Но надо замѣтить и то, что общинное владѣніе въ очень многихъ случаяхъ лишилось этого своего содержанія (передѣловъ) и, значитъ, фактически пребываетъ уже о б щ и м ъ, а не общиннымъ владѣніемъ. Куда идетъ процессъ трансформаціи этихъ видовъ владѣнія,—къ обобществленію или къ индивидуализаціи,—къ этому вопросу мы обратимся въ своемъ мѣстѣ.

Пока же перейдемъ къ количественному опредѣленію общиннаго землевладѣнія.

§ 3.

Выше мы приблизительно опредѣлили размѣры общинной т е р р и т о р і и, теперь мы подсчитаемъ вкратцѣ количество общиннаго н а с е л е н і я.

По приблизительнымъ свѣдѣніямъ, основаннымъ на данныхъ, сообщаемыхъ во всеподданнѣйшихъ отчетахъ губернаторовъ (составленныхъ на основаніи полицейскихъ свѣдѣній), въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи (съ Донской областью, безъ 9 польскихъ губерній и Кавказа) считалось къ 1 января 1892 года всего крестьянскаго населенія 67,6 милліона. Изъ этого числа около 50 милліоновъ, т.-е. 74%, владѣли (по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1877—1878 гг.) своей землей на общинномъ правѣ. По переписи 1897 года въ этихъ 50 губерніяхъ оказалось сельскаго населенія (всякихъ сословій, а не одного крестьянскаго) 82,3 милліона; если вспомнить, что въ городахъ живетъ временно очень много крестьянъ, и принять, что въ деревнѣ живетъ лицъ не-крестьянскаго сословія во всякомъ случаѣ меньше, чѣмъ въ городахъ, то можно, въ соотвѣтствіе съ прежними приблизительными цифрами 1892 года и съ обычнымъ у насъ приростомъ сельскаго населенія,— опредѣлить крестьянское населеніе 50 губерній въ настоящій моментъ не менѣе 75 и до 80 милліоновъ душъ обоего пола; если $^3/_4$ изъ первой цифры счесть общинными владѣльцами, то послѣднихъ получится въ настоящій моментъ 56,25 милліона. На Кавказѣ, въ Средней Азіи и въ Сибири по послѣдней переписи сосчитано 20,2 милліона душъ обоего пола сельскаго населенія; если принять, что лишь меньшая половина этой цифры придется на русское крестьянское и казачье и на осѣдло-земледѣльческое инородческое населеніе, владѣющее землей общинно (къ 1893 году только въ Тобольской и Томской губерніяхъ было болѣе 2 милліоновъ одного русскаго крестьянскаго населенія); одно же казачье (кромѣ крестьян-

скаго) населеніе всѣхъ казачьихъ войскъ (кромѣ Донского и Оренбургскаго, сосчитанныхъ выше) составляло къ 1892—1894 гг. тоже до 1,7 милліона душъ обоего пола, то мы должны будемъ опредѣлить все земледѣльческое населеніе Россіи, владѣющее землей на общинномъ правѣ, не менѣе чѣмъ въ 65 милліоновъ душъ обоего пола. Но необходимо прибавить, что и инородческое населеніе Кавказа, Средней Азіи и Сибири, какъ осѣдлое, такъ и кочевое и полукочевое (и быстро переходящее къ осѣдлости) тоже въ большинствѣ держится не личной собственности, а различныхъ видовъ общаго или общиннаго владѣнія. Такимъ образомъ, необходимо считать минимумъ 70 милліоновъ душъ, а быть можетъ и до 75 или даже болѣе милліоновъ душъ, населенія, надъ которыми непосредственно виситъ вопросъ: быть или не быть общинѣ? Не только общинная (и вообще коллективнаго владѣнія) территорія въ значительной степени господствуетъ въ Россіи, но и общинными владѣльцами здѣсь является большая половина,—вѣроятно, не менѣе $^3/_5$ ея населенія (если опять не считать Финляндіи и 9 польскихъ привислянскихъ губерній)...

Какъ распредѣлено общинное землевладѣніе въ разныхъ полосахъ Европейской Россіи? Г. Южаковымъ составлена интересная таблица, дающая отвѣтъ на вопросъ о сравнительномъ процентѣ территоріи общиннаго землевладѣнія по отношенію ко всему крестьянскому. Процентъ этотъ таковъ:

1) Восточная степь.	98,4	8) Слободская Украйна . .	80,4
2) Крайній сѣверъ	98,0	9) Бессарабія	77,0
3) Великор. Зап. (густо нас.).	97,1	10) Бѣлоруссія	39,0
4) „ „ (мало нас.).	96,5	11) Лѣвобережная Украйна.	33,0
5) Великороссія	95,8	12) Правобережная „	13,9
6) Пермскій край	93,0	13) Литва	0,0
7) Новороссія.	88,9	14) Балтійскій край . . .	0,0

Какъ видимъ, здѣсь обнаруживается большая правильность въ распространеніи общиннаго владѣнія: оно растетъ съ запада на востокъ. Въ первыхъ 6 группахъ, представляющихъ восточную и сѣверную окраину и центръ Россіи, оно составляетъ минимумъ 93% крестьянскаго землевладѣнія и до 98,4%; въ Южной Россіи (слѣдующія 3 группы) этотъ % уже понижается и колеблется отъ 77 до 88,9%; дальше на западъ (группы 10, 11 и 12) онъ уже представляетъ мало замѣтную величину, отъ 13,9% до 39,0% и, наконецъ, въ Литвѣ и Прибалтійскихъ губерніяхъ совершенно исчезаетъ.

Ту же правильность мы отмѣтимъ, если прослѣдимъ не % общинной территоріи, а % общиннаго населенія. Тутъ получатся слѣдующія цифры. Къ 1892 году считалось:

НАЗВАНІЕ ГРУППЪ.	Крестьянскаго населенія вообще въ тысячахъ.	Изъ него владѣющихъ землей на общинномъ правѣ.	% послѣднихъ къ первому числу.
Юго-восточн. степь 5 губ.	7,161,3	6,932,2	96,8%
Сѣверо-восточныхъ 5 губ.	9,816,5	9,438,4	96,2%
Сѣверныхъ 3 губ.	1,759,1	1,669,2	94,4%
Сѣверо-западныхъ 3 губ.	2,499,1	2,429,2	97,3%
Промышл. районовъ 6 губ.	6,856,8	6,630,5	96,6%
2 Великороссія черноземъ 8 губ.	14,034,4	12,595,6	89,6%
2 Южная степь 4 губ. .	5,156,2	4,471,5	86,7%
3 Юго-западныя всѣ малор. 7 г.	12,582,3	4,529,9	36,0%
3 Западн. (не русск.) 6 г.	5,961,3	1,384,8	23,2%
4. Прибалтійскія 3 губ.	1,755,2	—	0%
ИТОГО.			
1. 22 восточныхъ и сѣверныхъ губерн. съ промышлен. полосой. .	28,092,8	27,099,5	96,5%
2. Великорусск. и Южная степь 12 губерн. .	19,190,6	17,067,1	89,0%
3. Западныя и юго-западн. 13 губерн. .	18,543,6	5.914,7	31,9%
4. Прибалтійск. 3 губер..	1,755,2	0	0%

Какъ видимъ, въ восточной и сѣверной полосѣ Россіи общинное землевладѣніе господствуетъ почти безъ исключеній (личныхъ владѣльцевъ здѣсь всего $3,_5$%), въ Великороссіи и на Югѣ личное владѣніе встрѣчается уже замѣтнѣе; въ Юго-западныхъ и Западныхъ губерніяхъ общинное пользованіе въ среднемъ составляетъ уже всего $^1/_3$ и постепенно сходитъ на нѣтъ.

Само собой разумѣется, что такое распространеніе общины обусловливается исторіей этихъ областей Россіи: община не сложилась или разложилась въ бывшихъ польскихъ и прибалтійскихъ областяхъ.

Эти историческія условія отразились не только на формѣ, но и на размѣрахъ крестьянскаго землевладѣнія, а также на характерѣ личнаго землевладѣнія. Это прекрасно видно изъ слѣдующей таблицы г. Южакова:

НАЗВАНІЕ РАЙОНОВЪ.	% личнаго владѣнія.	Средняя величина имѣнія.	% крупн. землевладѣнія.	% народнаго владѣнія.	% общиннаго владѣнія.	Размѣръ среднихъ надѣловъ.
I. Восточная полоса 37 губ.	41,3	171	68,1	58.7	92,5	5,4
а) Типическая 27 губ. . .	36,4	168	70,1	63,6	95,6	5,5
б) Переходная 10 губ. . .	55.6	176	66,2	44,4	79.5	4,9
II. Западная 12 губ.	60,1	308	75,8	39,9	16,9	4,0
Средняя. . . .	45,0	193	70,6	55,0	81,7	5,1

Какъ видимъ, въ Россіи съ запада на востокъ уменьшается: % личнаго владѣнія, средняя величина личныхъ имѣній и % въ немъ крупнаго землевладѣнія, и увеличивается: % народнаго (т.-е., лучше сказать, трудового, рабочаго) владѣнія, % въ немъ общиннаго и размѣръ надѣловъ. Если бы продолжить сравненіе еще дальше на востокъ въ Сибирь, то правильность эта еще разъ подтвердилась бы и еще ярче выразилась бы, въ Сибири % личнаго владѣнія представляетъ почти незамѣтную величину (не болѣе нѣсколькихъ %), народное землевладѣніе охватываетъ почти всю территорію, затѣмъ, оно тутъ почти все безъ исключенія — общинное, и размѣръ надѣла раза въ 2—3 и болѣе превосходитъ максимальный надѣлъ Европейской Россіи.

Такая правильность въ пространственномъ распредѣленіи крестьянскаго общиннаго землевладѣнія заставляетъ искать тутъ не только объясненія прошлой исторіи общиной формы, но и условій современной ея трансформаціи и, во всякомъ случаѣ, уже a priori имѣть эти совпаденія въ виду при построеніи классификаціи разновидностей общины. Къ послѣдней задачѣ и перейдемъ теперь.

§ 4.

Первый принципъ классификаціи, какой всегда примѣнимъ и долженъ быть прежде всего примѣненъ въ какой угодно категоріи явле-

ній, (особенно когда нашей цѣлью является изслѣдованіе законовъ причинности), это—распредѣленіе ихъ по степени проявленія основного ихъ признака. Такимъ образомъ, въ нашемъ изслѣдованіи мы должны классифицировать всѣ случаи общиннаго владѣнія по степени, такъ сказать, ихъ общинности, т.-е. по относительному значенію въ нихъ общиннаго начала.

Примѣняя этотъ критерій ко всевозможнымъ случаямъ общиннаго владѣнія, мы различимъ множество разновидностей общины отъ самыхъ, такъ сказать, чистыхъ, типичныхъ, т.-е. такихъ, въ которыхъ общинное начало всецѣло господствуетъ, а личное почти отсутствуетъ,—къ которымъ можно примѣнить сдѣланное выше опредѣленіе безъ всякихъ оговорокъ, т.-е., гдѣ община всецѣло распоряжается и пользуется, а отдѣльные члены только пользуются,—и до такихъ, гдѣ, напротивъ, въ индивидуальное право входятъ не только пользованіе, но и всѣ функціи распоряженія отдѣльными участками общинной территоріи, а община нисколько не пользуется и не распоряжается, такъ что и самое ея право владѣнія, быть можетъ, остается лишь въ оффиціальныхъ документахъ, но совершенно, или почти, отсутствуетъ въ сознаніи самихъ членовъ общины.

Такимъ образомъ, при первомъ приложеніи нашего мѣрила общинности мы различаемъ два основныхъ класса общинъ: 1) такія, гдѣ общинное начало рѣзко перевѣшиваетъ личное,—т.-е. которыя вполнѣ оправдываютъ свое названіе и 2) гдѣ личное начало борется съ общиннымъ и въ большей или меньшей степени подавляетъ его. Конечно, цѣлый рядъ переходныхъ разновидностей лежитъ между этими крайними точками.

Однако при дальнѣйшемъ, болѣе конкретномъ и тщательномъ изученіи формъ второго класса и особенно формъ, промежуточныхъ между этими двумя классами, эта первоначальная элементарная классификація оказывается недостаточной. Во множествѣ случаевъ невозможно бываетъ найти мѣсто той или иной переходной формѣ: простымъ вѣдь ариѳметическимъ суммированіемъ правъ общинныхъ и индивидуальныхъ и выведеніемъ баланса между ними невозможво опредѣлить относительное ихъ значеніе и найти господствующій въ данной формѣ мотивъ,—невозможно, какъ по неизмѣримости и несоизмѣримости этихъ величинъ, такъ еще и потому, что и личныя, и общинныя права не остаются въ неподвижномъ состояніи, а измѣняются въ ту или другую сторону — или растутъ, или сокращаются, или принимаютъ новую форму и т. д. Понятно, что съ однимъ статическимъ принципомъ классификаціи при такихъ условіяхъ нельзя уловить значенія формы, потому что это значеніе опредѣляется не только данной сложившейся въ ней комбинаціей личнаго и общиннаго элемента, но также и тѣмъ направленіемъ, въ какомъ эта комбинація измѣняется, самой, такъ сказать, тенденціей формы. Очевидно, что опредѣлить, въ какую сторону, въ какой формѣ ближе, куда, такъ сказать, тянетъ данное противорѣчиво-неопредѣленное соотношеніе правовыхъ элементовъ, можно только, установивъ, куда оно на самомъ дѣлѣ тянетъ, т.-е.

какой изъ этихъ элементовъ уступаетъ и какой побѣждаетъ; иначе говоря, уже самая эмпирическая классификація, чтобы быть точной, необходимо требуетъ приложенія динамическаго критерія рядомъ со статическимъ.

Приложивъ же его, мы сразу находимъ, что второй классъ общинъ, — гдѣ общинное начало въ той или иной мѣрѣ подавлено личнымъ, — состоитъ изъ случаевъ двоякаго рода, имѣющихъ какъ разъ противоположное значеніе: въ одной категоріи личное право не только въ данный моментъ побѣждаетъ общинное, но кромѣ того это есть результатъ постепеннаго развитія его на счетъ общиннаго, и имѣются признаки, что дальше (при неизмѣнности вызвавшихъ его условій) оно еще болѣе подавитъ общинное начало; въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, констатируется какъ убываніе личнаго права и развитіе общиннаго въ прошломъ, такъ и тенденція къ тому же въ настоящемъ и будущемъ. Короче говоря, случаи слабаго проявленія общиннаго права иногда означаютъ, что община уже разлагается, иногда же,—что она еще не сложилась.— Такимъ образомъ, у насъ сама собою получается чисто динамическая классификація общинныхъ формъ; мы находимъ три основныхъ формы, точнѣе фазы, общины: 1) община слагающаяся, 2) дѣйствующая, 3) разлагающаяся.

Этимъ принципомъ классификаціи опредѣляется, конечно, всецѣло все послѣдующее изложеніе,—и форма и содержаніе описанія общины: описаніе это не представитъ только перечисленія разныхъ формъ общины, а главнымъ образомъ дастъ изображеніе ея трансформаціи. Дѣло очевидное, что это возможно будетъ сдѣлать, лишь сразу же связывая эти процессы видоизмѣненія общинныхъ формъ съ условіями, ихъ вызывающими (хотя, какъ уже было упомянуто, эта обрисовка причинныхъ зависимостей вообще отлагается до втораго тома и здѣсь будетъ допущена лишь въ формѣ краткой и апріорно-глазомѣрной). Это необходимо, какъ для уясненія смысла и значенія самыхъ этихъ формъ и этой трансформаціи, такъ и для послѣдующаго изслѣдованія ея законовъ. И это тѣмъ болѣе удобно, что наиболѣе основное и постоянное условіе открывается само собой, обнаруживается въ нѣкоторыхъ случаяхъ глазомѣрно и, что всего важнѣе, неотдѣлимо соединено съ объектомъ нашего анализа: я говорю о зависимости изслѣдуемой нами формы землевладѣнія отъ самыхъ размѣровъ этого землевладѣнія.

Выше было уже подчеркнуто характерное распространеніе общинной формы съ запада на востокъ. Такое же совпаденіе существуетъ и для намѣченныхъ выше фазисовъ общины: если провести линію отъ Восточной Сибири до Западныхъ губерній Европейской Россіи, то она въ общемъ послѣдовательно пройдетъ отъ общины слагающейся къ общинѣ сложившейся и затѣмъ разлагающейся,—т.-е. какъ бы получается такая картина, что на западѣ Россіи община уже въ прошломъ, въ центрѣ—въ настоящемъ и на востокѣ —въ будущемъ. Географическое расположеніе общинныхъ формъ совпадаетъ съ историческимъ.

Спрашивается: какимъ же именно изъ условій этихъ районовъ опредѣляется эта разница? Историческо-политическія условія приблизительно одинаковы въ разныхъ районахъ, и очень часто при одинаковости этихъ условій наблюдаются совершенно противоположныя общинныя формы; такія различія, какъ національныя и т. п., также не совпадаютъ съ разными общинными формами: у разныхъ національностей сплошь и рядомъ встрѣчаются буквально одинаковыя формы и наоборотъ и т. д. Всего постояннѣе сосуществуютъ разныя общинныя формы съ разными размѣрами крестьянскаго землевладѣнія. Разныя величины землевладѣнія географически распредѣлены съ востока на западъ съ той же правильностью, какъ и формы общины. Выше мы уже видѣли это совпаденіе ихъ съ $^0/_0$-омъ общиннаго землевладѣнія; теперь прибавлю еще нѣсколько цифръ, рисующихъ это правильное возрастаніе размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія съ запада на востокъ.

Если раздѣлить 50 губерній (съ Донской областью) Европейской Россіи на 4 части, при помощи параллели и меридіана Москвы, то въ юго-западной четверти будетъ приходится по 7,9 десятины всей (съ неудобной) надѣльной земли на 1 крестьянскій дворъ (при чемъ въ губерніяхъ Черниговской, Кіевской, Полтавской и Подольской даже менѣе 6 десятинъ), въ сѣверо-западной—14,2 десятинъ, въ сѣверо-восточной 13,6 десятины и въ юго-восточной—18,1 десятины на дворъ; затѣмъ, въ 6 юго-западныхъ округахъ Тобольской губерніи приходилось, круглымъ счетомъ, отъ 28 до 35 десятинъ удобной земли на 1 дворъ, въ 2 округахъ Томской губерніи, одномъ Тобольской и двухъ—Иркутской—отъ 65 до 77 десятинъ. Наконецъ въ Каинскомъ округѣ Томской губерніи—около 115 десятинъ и въ Нижнеудинскомъ округѣ до 150 десятинъ на 1 дворъ [1]).

Такимъ образомъ, черта, идущая изъ Восточной Сибири къ западнымъ губерніямъ Европейской Россіи, проходящая отъ зарождающихся общинныхъ формъ чрезъ зрѣлыя формы къ упадающимъ, отмѣтитъ въ то же время убываніе размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія, т.-е. получатся правильныя смѣны трехъ періодовъ крестьянскаго землевладѣнія: многоземельнаго-дообщиннаго, среднеземельнаго-общиннаго и малоземельнаго-послѣобщиннаго. Совпаденія эти повторяются не только въ грубомъ и общемъ видѣ на большихъ районахъ, они отмѣчаются въ предѣлахъ губерній и уѣздовъ, такъ что можно даже, какъ общее правило, сказать, что выше такихъ-то размѣровъ землевладѣнія не наблюдается разложенія общины, а ниже такихъ-то не наблюдается зарожденія общины. Наконецъ, апріорно-логическій анализъ, и глазомѣрное наблюденіе одинаково заставляютъ принять, что въ этихъ совпаденіяхъ проявляется причинная связь, что именно обиліе земли первоначально обусловливаетъ преобладаніе личнаго земельна-

---

1) См. цитир. кн. А. Ѳ. Фортунатова и „Матеріалы“ изслѣдованія Западной и Восточной Сибири.

го права и, затѣмъ сокращеніе размѣровъ землевладѣнія вызываетъ развитіе общиннаго права; правда, послѣдующее затѣмъ допущеніе, что извѣстная степень малоземелья, наоборотъ, начинаетъ разрушать общинное начало,—далеко не такъ понятно и общепризнано и для многихъ будетъ звучать парадоксомъ, однако и оно подтверждается какъ многими апріорными соображеніями, такъ и отзывами нѣкоторхъ выдающихся мѣстныхъ изслѣдователей и самихъ крестьянъ, и, даже, наконецъ, нѣкоторыми статистическими данными, о которыхъ ниже).

Такимъ образомъ, окончательно опредѣляется планъ нашего описательно-классификаціоннаго очерка общины: мы прослѣдимъ въ немъ трансформацію крестьянскаго общиннаго землевладѣнія по мѣрѣ сокращенія его размѣровъ.

Такая постановка вопроса имѣетъ особенное значеніе, потому что указанное сокращеніе размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія не есть явленіе случайное или колеблющееся, оно неизбѣжно будетъ развиваться и въ ближайшемъ по крайней мѣрѣ будущемъ, такъ какъ обусловливается физическимъ возрастаніемъ населенія, которое, очевидно, въ ближайшемъ будущемъ не можетъ ни само остановиться, ни быть остановлено преднамѣренно самимъ населеніемъ. Такимъ образомъ, это возрастаніе населенія, сокращающее размѣры его землевладѣнія, какъ вообще является наиболѣе постоянной послѣдней причиной множества соціальныхъ явленій и измѣненій, такъ въ частности и въ нашемъ случаѣ представляетъ нить, за которую постоянно нужно держаться, пробираясь въ лабиринтѣ сложныхъ и противорѣчивыхъ вліяній, опредѣляющихъ настоящее и предопредѣляющихъ будущее общины...

ГЛАВА II.

§ 1.

Начнемъ нашъ очеркъ общинныхъ формъ съ періода наименьшей населенности, т.-е. наибольшаго земельнаго простора.

Съ самаго начала Руси, какъ культурно-политическаго цѣлаго, и по настоящее время, она, сначала съ сѣвера, востока и юга, а теперь преимущественно только съ сѣвера и востока и лишь отчасти съ юга, окружена, употребляя старинное выраженіе, „дикимъ полемъ“, — пространствомъ, свободнымъ отъ всякой культуры, или вовсе не заселеннымъ или заселеннымъ лишь крайне слабо и при томъ исключительно дикими кочевыми инородческими племенами. Какъ уже было упомянуто, все это „дикое поле“ считается собственностью государства, но фактически не находится въ его распоряженіи (оно или вовсе неизмѣрено, или измѣрено лишь приблизительно, а частью хотя и точно отмежевано, но фактически продолжаетъ быть открытымъ для свободнаго захвата всякимъ желающимъ); для крестьянъ эти пространства являются землей „царской“, „божьей“, „ничьей“, причемъ эти три понятія представляются имъ почти синонимами [1]).

Естественно, что въ этомъ крайнемъ земельномъ привольѣ населеніе въ значительной мѣрѣ является охотничьимъ и скотоводческимъ и лишь мало-по-малу, сгущаясь, переноситъ центръ тяжести своего производительнаго труда въ земледѣліе. Въ этотъ періодъ, благодаря сказаннымъ условіямъ, происходитъ усиленное механическое движеніе населенія. Значительная его часть, — болѣе охотничья и скотоводческая, — хронически уходитъ изъ мѣстъ, гдѣ населеніе сгущается, и разбредается въ поискахъ за необходимымъ для его промысловъ привольемъ. Значительный % семей, занимающихся какъ главнымъ промысломъ земледѣліемъ, тоже слѣдуетъ за ними: это семьи, сильнорабочія и богатыя, имѣющія силу разыскивать и разрабатывать свѣжія земли; есть даже (въ Сибири, напримѣръ) особый типъ „бродячихъ“, „кочевыхъ“, такъ сказать, земледѣльцевъ, періодически переселяющихся, взявъ первые урожаи, съ новыхъ опять на новыя земли и продѣлывающихъ это по 2—3 раза въ свой вѣкъ.

---

[1]) Что именно таковъ взглядъ крестьянъ, этого не нужно подтверждать особыми ссылками на тѣ или другія наблюденія или изслѣдованія: всѣ безъ исключенія (извѣстные мнѣ) наблюдатели и изслѣдователи согласны въ томъ, что именно этотъ взглядъ твердо укоренился у всѣхъ крестьянъ этихъ мѣстностей.

Этотъ періодъ,—періодъ въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ „броженія“ населенія передъ тѣмъ, какъ оно окончательно осядетъ на землю,—очень важенъ. Въ немъ предопредѣляется типъ земледѣлія и землевладѣнія. Во-первыхъ, уже въ этотъ періодъ опредѣляется, будетъ ли землевладѣніе общиннымъ: если бы заселеніе шло постоянно хуторами, а деревни образовывались бы лишь какъ исключеніе, то этимъ уже почти предопредѣлено было бы въ будущемъ подворное, а не общинное владѣніе; но и затѣмъ, при разселеніи деревнями, открывающемъ возможность общиннаго владѣнія, важенъ типъ и размѣръ этихъ поселеній, такъ какъ онъ въ будущемъ можетъ имѣть рѣшающее значеніе для дальнѣйшихъ измѣненій въ системѣ земледѣлія и формахъ землевладѣнія.

Различныя природныя условія предопредѣляли въ Россіи и различные типы этого размноженія—дѣленія деревень. Сплошные лѣса, малоплодородная и разнокачественная почва, обиліе воды допускаютъ и требуютъ дѣленія на самыя мелкія деревни-починки и даже разселенія отдѣльными семьями — хуторами: семья должна выбрать болѣе удобный для земледѣлія и съ хорошимъ лугомъ для скота участокъ, употребить на срубъ лѣса, корчеваніе его, распашку и т. д. огромное количество труда, должна потомъ удобрять его,—очевидно, что она должна быть какъ можно ближе къ участку, что всегда и допускается обиліемъ лѣса (какъ матеріала для избы и потомъ топки) и воды, и разъ занявъ его, уже несклонна его бросать. Въ безводной же и безлѣсной степи съ хорошею ровною почвою нѣтъ причинъ лѣпиться къ участку, во-первыхъ, за ненужностью сначала удобренія, во-вторыхъ, потому, что участокъ скоро бросается подъ залежь, а всѣ гонятся за цѣлиной, не требующей тутъ особаго труда для распашки; такимъ образомъ, тутъ всѣ, стараясь быть ближе къ водѣ, постепенно группируются вдоль рѣкъ и прудовъ крупными селами (впрочемъ, здѣсь,—въ южной и восточной степи,—раньше была еще и политическая причина скучиваться большими селами: боязнь кочевыхъ народовъ, часто дѣлавшихъ набѣги). Такъ именно и опредѣлилось разселеніе въ этихъ различныхъ районахъ, такъ оно идетъ и сейчасъ: на сѣверѣ въ лѣсахъ преобладаютъ мелкія деревеньки,—напримѣръ, въ Орловскомъ уѣздѣ Вятской губерніи приходится въ среднемъ 12 дворовъ на деревню, въ Оханскомъ уѣздѣ Пермской губерніи приходится 14 дворовъ на деревню и всѣхъ деревень считается 3,617, изъ коихъ въ 2,292 деревняхъ живетъ отъ 1—10, а въ среднемъ 5 дворовъ и т. д.; въ центральной Россіи селенія имѣютъ различные, а въ общемъ средніе размѣры; въ губерніяхъ же восточныхъ и южныхъ—Воронежской, Самарской, Саратовской, Черниговской, Таврической (а также въ Донской и Кубанской областяхъ) и т. д. во многихъ уѣздахъ средній размѣръ селенія равенъ 200—250 дворамъ и почти никогда не ниже 100—150 дворовъ [1]).

---

[1]) См. „Матеріалы по оцѣнкѣ земель Пермской губерніи“, т. I. Оханскій уѣздъ, Пермь 98 г. 386 стр. отдѣльн. таблицъ и „Сводный статистическій

Необходимо однако замѣтить, что, благодаря ли условіямъ историческимъ и бытовымъ, напримѣръ, опасности отъ дикихъ инородцевъ или „лихихъ“ людей (какъ, напримѣръ, теперь отъ ссыльныхъ въ Сибири) и т. п. или естественнымъ, (трудности, напримѣръ, устроить дороги, долгому бездорожію осенью и весной и т. д.),—но только въ Россіи совершенно почти нигдѣ въ мало-мальски замѣтныхъ размѣрахъ не установилось окончательной формой разселеніе семейно-хуторское. Въ Россіи хутора, или по-сибирски „заимки“, почти никогда не остаются хуторами или „заимками“: они, какъ общее правило, пріобрѣтаютъ значеніе „починковъ“, т.-е. представляютъ начало, зародышъ хотя бы и не большой, но деревни. При этомъ и размѣръ самыхъ деревень въ общемъ сравнительно великъ даже и во многихъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ: вся почти сибирская „тайга“, напримѣръ, отнюдь не представляетъ царства мелкихъ починковъ, напротивъ, они, какъ общее правило, постепенно разрастаются въ деревни средняго или очень часто даже крупнаго размѣра.

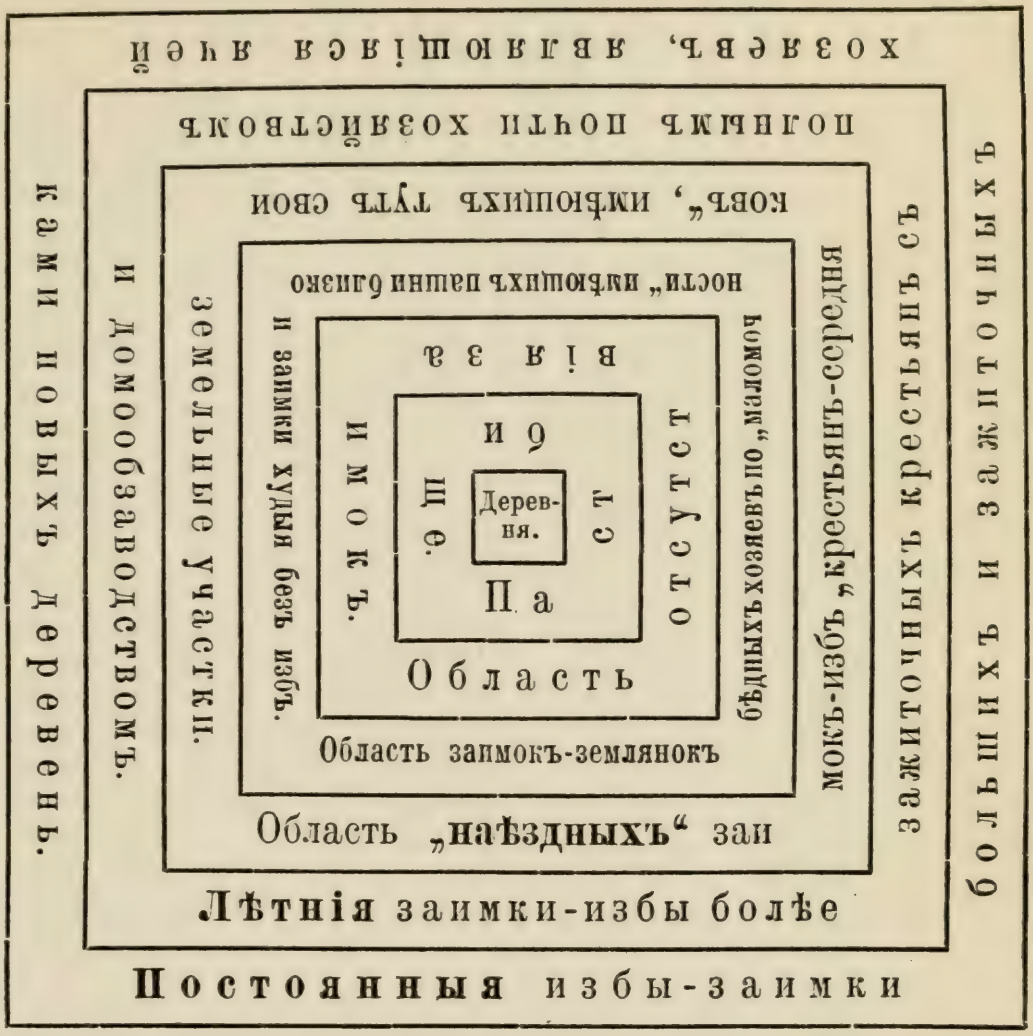
Не надо думать, что такое преобладаніе крупныхъ деревень даже въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ представляетъ явленіе случайное или непрочное по той причинѣ, что противорѣчитъ экономическимъ условіямъ, т.-е. слишкомъ отдаляетъ земледѣльца отъ пашни: противорѣчія этого тутъ нѣтъ или оно сводится къ минимуму, благодаря тому, что рядомъ съ жилыми „заимками“ образуется всегда цѣлая система хозяйственныхъ заимокъ отдѣльныхъ семей на далекихъ отъ деревни поляхъ, гдѣ сосредоточиваются земледѣльческія работы, при чемъ эти „заимки“ часто кочуютъ съ одного мѣста на другое, по мѣрѣ того, какъ хозяинъ захватываетъ новые участки пашни. Эта особенно типичная для Сибири заимочная система хорошо выражена въ слѣдующей схемѣ, начерченной г. Е. Филимоновымъ (извѣстнымъ земскимъ статистикомъ и участникомъ сибирско-статистическаго изслѣдованія).

Поясню этотъ чертежъ: „наѣздныя“ заимки это—такія, гдѣ нѣтъ полнаго хозяйственнаго обзаводства (хлѣвовъ для скота и т. п.), куда выѣзжаютъ на недѣлю или на двѣ для необходимыхъ на заимочной пашнѣ работъ; на „лѣтней“ заимкѣ уже есть почти все обзаводство, только она иногда холодна для зимы, да и нечего дѣлать на ней зимой; а на постоянную заимку уже выѣзжаютъ жить совсѣмъ, все хозяйство на нее переносится. Возлѣ такой постоянной заимки появляется другая,—когда семья на ней размножится и раздѣлится или когда новая къ ней приселится,—и такимъ-то путемъ возникаетъ изъ заимки поселокъ, а изъ поселка деревня, которая снова распускаетъ изъ себя заимки, изъ которыхъ иныя опять могутъ разрастись въ деревни, и такъ далѣе.

Такимъ образомъ, эта деревенско-заимочная система разселенія необходимо возникаетъ изъ данныхъ естественныхъ условій и не

сборникъ по земскимъ подворнымъ переписямъ“; т. I, Москва 1893 года, Н. А. Благовѣщенскаго.

противорѣчитъ экономическимъ условіямъ, представляя едва ли не наиболѣе цѣлесообразную форму при данныхъ системахъ (обыкновенно экстенсивныхъ) земледѣлія.



Естественно, поэтому, что совершенно та же картина „заимочнаго“ землевладѣнія и земледѣлія представляется и представлялась и во всѣхъ окраинныхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи въ тотъ періодъ многоземелья, который теперь переживаетъ Сибирь.

Такъ, напримѣръ, въ Суражскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи, по описанію того же г. Филимонова, еще въ началѣ нынѣшняго вѣка, всякій крестьянинъ имѣлъ два участка земли—одинъ близъ поселенія, другой въ лѣсахъ... „Отправляясь для разработки послѣднихъ, хозяинъ съ работниками забиралъ съ собой весь скотъ, который имѣлъ тамъ обильную паству: многіе имѣли вторые свои гумна, скотскіе сараи и пасѣки, а по лѣсу разсѣянныя бортовыя деревья“. Такимъ образомъ „заимки“ производились обыкновенно концентри-

чески: сначала расчищалась ближайшая къ населенію мѣстность, потомъ болѣе отдаленная и т. д. Въ этихъ „вытеребахъ“, „займищахъ“, „заимкахъ“, „распрятахъ“, „чищахъ“, „разработкахъ“, „разробахъ“, „лядцахъ“, „шматкахъ“ и т. д. хозяйство велось совершенно самостоятельно каждымъ по любой произвольной системѣ, каждое (?) отдѣлялось изгородью“ [1]).

Такимъ образомъ, тому же г. Филимонову пришлось обрисовать современную заимочную систему въ Томской губерніи совершенно почти тѣми же чертами, какъ и въ Черниговской губерніи 80—90 лѣтъ назадъ...

Съ тѣми или иными незначительными варіаціями эта схема вѣрна и для огромнаго большинства всѣхъ вообще случаевъ разселенія, какія только мы наблюдаемъ въ настоящее время, или о которыхъ сохранились написанія или воспоминанія,—одинаково какъ въ Сибири, такъ и на сѣверныхъ, восточныхъ, южныхъ окраинахъ Европейской Россіи. Такъ что, собственно говоря, мы находимъ заимочную форму разселенія (и пользованія землей) всюду, гдѣ сохранился до сихъ поръ соотвѣтствующій ей земельный просторъ, или гдѣ только дошли до насъ какія-либо свѣдѣнія о періодѣ такого простора. Поэтому мы должны принять, что за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда земля отводилась кому-либо особо государствомъ или когда захватывалась лицами, располагавшими чужой рабочей силой (помѣщиками), или, наконецъ, занималась крупными общинными союзами (какъ, напримѣръ, казаками,—Запорожскими, Донскими, Уральскими),—за исключеніемъ этихъ случаевъ регулированнаго разселенія,—все, такъ сказать, самовольно-народное разселеніе всегда и всюду происходитъ и происходило въ Россіи по вышеобрисованному типу: „заимка — починокъ — деревня — заимка“ и т. д.

§ 2.

а. Въ очерченномъ процессѣ разселенія должны, очевидно, устанавливаться между этими деревнями, починками и заимками такія или иныя земельныя границы. Совершенно очевидно, что этотъ процессъ развитія границъ или представляетъ фактическое, эмпирическое, такъ сказать, выраженіе сложенія и эволюціи самыхъ формъ землевладѣнія, или, по крайней мѣрѣ, является непосредственнымъ условіемъ этой эволюціи (иногда же, если угодно, можетъ быть разсматриваемъ, наоборотъ, какъ слѣдствіе ея). Такимъ образомъ, опредѣливъ схему этого развитія границъ, мы этимъ самымъ частью намѣтимъ и процессъ образованія формъ землевладѣнія въ періодъ наименьшей населенности.

---

[1]) См. „Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные Черниговскимъ Статистическимъ Отдѣленіемъ при Губернской Земской Управѣ т. IX, Суражскій уѣздъ. „Подворная опись“ статья Е. С. Филимонова „Формы землевладѣнія въ Суражскомъ уѣздѣ“, стр. 13 и 14.

Итакъ, какія же формы развитія границъ были обусловлены обрисованными формами разселенія крестьянъ и тѣми формами земледѣльческаго производства, которыя возникли изъ природныхъ условій и данной степени населенности?

Между заимками, наиболѣе отдаленными отъ селеній и совершенно отдѣленными другъ отъ друга значительнымъ разстояніемъ, границы настолько же не нужны, — да и невозможны, — какъ между, напримѣръ, островами на морѣ. И ихъ нѣтъ.

Если происходитъ въ этотъ періодъ формальное, юридическое, правительственное межеваніе, какъ это случалось въ Сибири напримѣръ, —то оно почти не вліяетъ на фактическое развитіе границъ [1]); это развитіе вообще только въ послѣднее время испытываетъ сильное вліяніе правительственнаго размежеванія, раньше же послѣднее шло обыкновенно позади фактическаго и въ общемъ лишь подтверждало его. Такимъ образомъ, въ этотъ періодъ наименьшей населенности, въ мѣстностяхъ, граничащихъ съ „дикимъ полемъ", землевладѣніе носитъ „не столько юридическій, сколько фактическій характеръ" (такъ характеризуетъ его г. Харизоменовъ для Новороссіи за нѣсколько десятилѣтій тому назадъ); въ этотъ періодъ „крестьяне не столько владѣли землями на опредѣленныхъ площадяхъ и въ опредѣленныхъ границахъ", сколько просто „работали промежду себя" (выраженіе г. Плотникова [2]).

Поэтому, этотъ періодъ крестьянскаго землевладѣнія на наинизшей ступени населенности всего точнѣе будетъ назвать періодомъ отсутствія границъ.

При отсутствіи границъ какая форма землевладѣнія можетъ установиться: личная (семейная) или общинная?

Очевидно, только такая, какая установилась форма земледѣльческаго производства: гдѣ каждая семья обрабатываетъ землю отдѣльно для себя одной, тамъ, значитъ, при отсутствіи всякихъ границъ,—и владѣніе ею личное, семейное; и только, гдѣ ее обрабатываютъ группами семей, общинами, тамъ и владѣніе ею—общинное. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ встрѣчается, конечно, первое и только какъ рѣдкое исключеніе—второе [3]).

---

[1]) Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ послѣднее время съ усиленіемъ переселенческаго движенія въ Сибирь очень ускорилось и правительственное межеваніе, такъ что теперь уже это межеваніе играетъ гораздо большую роль, чѣмъ раньше, и самостоятельное развитіе границъ среди крестьянскихъ общинъ стало или становится теперь скорѣе исключеніемъ, а не правиломъ. О прошлой исторіи государственнаго межеванія въ Сибири см. А. А. Кауфмана „Крест. землепол. и хозяйство въ Тобольской и Томской губ." стр. 11—30 и „Община въ Сибири", стр. 1—12 и частью 12—44.

[2]) См. „Сборн. статист. свѣд. по Семеновскому у. Нижегор. губ.", статья объ общинѣ.

[3]) Такъ, напримѣръ, мордовскія общины, Барановской волости, Хвалынскаго уѣзда обратились къ регулированію землепользованія (передѣлу) потому, что съ самаго начала поселенія расчистка дремучихъ лѣсовъ подъ пашню, стоившая громадныхъ усилій, производилась не отдѣльными хозяевами, а всѣмъ обществомъ, въ силу чего лѣсныя чищобы дѣлились тотчасъ же на всѣ души. Такіе же слу-

Всѣ эти „займки“, всѣ эти семьи, разсыпавшіяся по „дикому полю“, забравшіяся въ глушь „тайги“, являются своего рода Робинзонами на необитаемыхъ клочкахъ земли. Какъ онѣ должны относиться къ воздѣлываемымъ ими землямъ и вообще къ окружающимъ ихъ полямъ и лѣсамъ? При полномъ отсутствіи людей вокругъ нихъ, каждая такая семья считаетъ эти земли с в о и м и; каждый займщикъ скажетъ, указавъ широкимъ и неопредѣленнымъ жестомъ на окрестности его займки: „это м о я земля“. И онъ правъ: земля была ничьей,—слѣдовательно, ее можетъ захватывать всякій, но когда ее кто-нибудь захватилъ, то у захватившаго ее никто не можетъ взять, ибо никто не можетъ доказать, что онъ имѣлъ на ничью землю права большія, чѣмъ тотъ, кто ее первый захватилъ. Короче, — никто не можетъ оспаривать право на землю п е р в а г о е е з а х в а т и в ш а г о. На этомъ п р а в ѣ п е р в а г о з а х в а т а (которое я ниже анализирую подробнѣе) и основано личное семейное землевладѣніе въ періодъ наименьшей населенности, въ періодъ о т с у т с т в і я г р а н и ц ъ.

в. Но по мѣрѣ того, какъ населеніе увеличивается, займки разрастаются, разсыпаются и мѣстами сгущаются, превращаясь въ новыя селенія, отдѣльныя семьи начинаютъ встрѣчаться въ своихъ захватахъ новыхъ земельныхъ участковъ, начинаютъ, значитъ, возникать споры изъ-за земли, и слѣдовательно, является необходимость въ такихъ или иныхъ границахъ, — въ обще-условномъ, приблизительно-фактическомъ или даже точномъ юридическомъ разграниченіи. Этотъ-то моментъ появленія первыхъ границъ и былъ особенно важенъ въ исторіи крестьянскаго землевладѣнія окраинныхъ мѣстностей: въ этотъ моментъ до извѣстной степени предрѣшились будущія его (землевладѣнія) формы.

Суть вопроса была тутъ въ томъ, свершится ли первое размежеваніе между о т д ѣ л ь н ы м и с е м ь я м и, фактически уже владѣвшими землей лично, или между такими или иными г р у п п а м и ихъ: въ первомъ случаѣ сразу установилось бы семейное владѣніе, во-второмъ открылась бы возможность и даже сдѣланъ былъ бы первый шагъ къ образованію землевладѣнія общиннаго.

Почти повсюду, какъ въ сѣверной, восточной и южной окраинахъ Европейской Россіи, такъ во всей Сибири, эти границы сложились первоначально не между семьями, а между группами семей. Главнѣйшими, если не единственными, причинами этого были два настолько же важныхъ, насколько простыхъ обстоятельства: во-первыхъ,—выше схематизированное размѣщеніе населенія главнымъ образомъ въ деревняхъ и, во-вторыхъ,—характеръ земледѣльческаго хозяйства, всюду крайне экстенсивнаго при этой степени населенности.

Первымъ было обусловлено то, что весьма часто споры и столкновенія при захватахъ новыхъ участковъ между семьями разныхъ се-

---

чаи артельно-общинной расчистки земли разныхъ угодій сообщаются для Вятской губерніи (Орловскаго уѣзда) г. Добротворскимъ (см. его статью „Поземельная община Орловскаго уѣзда Вятской губерніи“, Русская Мысль 1884 г. 9 кн.) и нѣкоторыми другими.

леній сводились и превращались въ споры между этими селеніями: когда такія столкновенія случались уже нѣсколько разъ, при чемъ изъ каждаго селенія нѣсколько семей сталкивались съ нѣсколькими же семьями другого селенія, то, конечно, группа семей каждаго селенія поддерживалась своими родственниками и вообще нѣкоторыми или всѣми однодеревенцами и такимъ образомъ, мало-по-малу, частное размежеваніе между одной или нѣсколькими семьями разныхъ селеній превращалось въ общее размежеваніе (принципіальное лишь и условное, или подробно-фактическое) между этими селеніями (съ тяготѣющими къ каждому группами заимокъ).

Но этого перехода семейнаго размежеванія въ деревенское могло бы и не быть, если бы не самый характеръ пользованія землей, обусловливавшій необходимость размежеванія не отдѣльныхъ захваченныхъ и воздѣланныхъ уже участковъ земли, а цѣлыхъ районовъ захвата; для полу-скотоводовъ, для полу-бродячихъ земледѣльцевъ важно закрѣпить за собой не тотъ воздѣланный участокъ, который уже отчасти выпаханъ и скоро, можетъ быть, будетъ брошенъ, а цѣлый районъ, просторъ для выбора новыхъ, свѣжихъ угодьевъ. Очевидно, насколько мудрено было бы размежевать ничью, не занятую землю на районы захвата отдѣльныхъ семей: проводить столько границъ и на такихъ громадныхъ пространствахъ было бы прямо немыслимо, да и немыслимо было бы нарѣзать постоянные участки какой-либо семьѣ, тогда какъ семьи эти безпрерывно то убываютъ, то прибываютъ, однѣ быстро растутъ, вырастаютъ въ цѣлыя деревни, другія безслѣдно разсѣиваются. Ясно, что при такихъ условіяхъ размежеваніе районовъ захвата не могло произойти между отдѣльными семьями, а необходимо должно было совершиться между тѣми или иными группами семей.

Необходимо еще къ сказанному прибавить, что часто могла имѣть мѣсто и третья причина: воздѣйствіе со стороны государства, которому во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣе было отмежевать надѣлъ селеніямъ и даже группамъ селеній (гдѣ онѣ были мелки), а не отдѣльнымъ семьямъ (хотя были случаи, когда, наоборотъ, общинная, по сознанію крестьянъ, земля отмежевывалась администраціей отдѣльнымъ крестьянамъ); но, какъ уже упомянуто, такое воздѣйствіе государственнаго межеванія обыкновенно могло имѣть лишь второстепенное значеніе, такъ какъ по большей части оно лишь подтверждало уже фактически намѣтившееся, подъ вліяніемъ вышеуказанныхъ факторовъ, разграниченіе между селеніями.

Спрашивается теперь: между какими же именно группами семей впервые возникаютъ и развиваются земельныя границы?

Въ появленіи и развитіи границъ можно различать два основныхъ типа: границы появляются или вокругъ извѣстныхъ группъ людей, или вокругъ извѣстныхъ участковъ земли.

Въ первомъ случаѣ заимкѣ, селенію, просто группѣ селеній, или группѣ селеній, составляющей сельское общество или волость,—отходитъ вся лежащая окрестъ данной поселенной единицы земля со

всѣми къ ней относящимися угодьями. Во второмъ же случаѣ не всѣ угодья группируются вокругъ данныхъ селеній a, напротивъ, селенія группируются вокругъ данныхъ *отдѣльныхъ угодій*: данный, напримѣръ, участокъ сѣнокоса сплачиваетъ въ общемъ имъ пользованіи селенія a, b и c, а два, скажемъ, участка пахотныхъ земель группируютъ вокругъ себя: одинъ селенія a, c, k и f, а другой селенія b, d, h, x и z; выгонами же пользуются — a-c-z, b-c-x, k-c-e, f-c-d-g-h и т. д. Такимъ образомъ, въ первомъ случаѣ мы имѣемъ владѣнія заимочныя, т.-е. семейныя, общины - селенія, общины изъ группъ селеній, сельско-общественныя (т.-е. совпадающія съ административной единицей, селомъ-обществомъ), волостныя и, наконецъ, „юридическія“, т.-е. выходящія въ одну земельную дачу по офиціальному межеванію. Во второмъ случаѣ изъ селеній, заимокъ и группъ ихъ образуются общины—пахотныя, сѣнокосныя, выгонныя, лѣсныя, при чемъ не только одно и то же селеніе можетъ входить въ пахотную общину съ одними селеніями, въ сѣнокосную—съ другими и въ выгонную съ третьими, но даже двѣ части даннаго селенія могутъ составлять отдѣльныя общины [1]). Очевидно, что при первой формѣ владѣніе и его границы сравнительно ясны и просты. Во-второмъ же случаѣ черезполосность, спутанность границъ и независимость ихъ отъ границъ государственнаго межеванія достигаютъ крайней степени; напримѣръ, въ Иркутской губ. въ одномъ случаѣ 25 селеній 3-хъ волостей составляютъ 5 офиціальныхъ или „юридическихъ“ общинъ, а по отношенію къ владѣнію пашнями они составляютъ 6 общинъ (въ новой комбинаціи),—по отношенію къ покосамъ—17 общинъ, и, наконецъ, по отношенію къ выгонамъ—8 общинъ и т. д.

Не существуетъ данныхъ о томъ, какое размежеваніе въ Сибири болѣе распространено—по *населеннымъ* единицамъ или по *угодьямъ*. Есть мѣстности, гдѣ преобладаетъ первое: напримѣръ, цѣлыхъ восемь южныхъ волостей Туринскаго Округа (Тобольской губерніи) составляютъ каждая волостную земельную общину, т.-е. всѣ селенія каждой волости владѣютъ совмѣстно всей ея территоріей. Но мѣстности съ такимъ точнымъ размежеваніемъ по волостямъ, несомнѣнно составляютъ незначительное меньшинство, вообще же, такъ какъ въ Сибири очень много неудобныхъ земель, а удобныя, какъ пахотныя, такъ и сѣнокосныя, разбросаны островами, то общины тутъ очень часто должны группироваться вокругъ отдѣльныхъ угодій и по отношенію къ каждому роду угодій отдѣльно. Въ трехъ, напримѣръ, изслѣдованныхъ округахъ Иркутской губерніи преобла-

---

[1]) Интересно отмѣтить, что кромѣ этихъ общинъ по отношенію къ *сельскохозяйственнымъ* угодьямъ, есть особыя сочетанія группъ семей и деревень въ пользованіи участками лѣсовъ и водныхъ пространствъ, первыми какъ охотничьими, вторыми, какъ рыболовными угодьями и какъ механическимъ двигателемъ и запасомъ для орошенія,—т. е. есть особыя *охотничьи, рыболовныя, мельничьи, поливныя* общины и т. д. О нихъ будетъ сказано подробнѣе въ IV главѣ.

даетъ размежеваніе по угодьямъ (по пахотнымъ, сѣнокоснымъ и т. д. общинамъ); въ Иркутскомъ, Балаганскомъ, Нижнеудинскомъ округахъ—24 волости (о коихъ въ данномъ отношеніи можно было изъ имѣющихся матеріаловъ извлечь свѣдѣнія), заключающихъ 94 юридическихъ общины (т.-е. эти волости официально размежеваны на 94 земельныя дачи), 137 сельскихъ обществъ и 319 селеній (не считая „заимокъ“) разбиваются въ разныхъ комбинаціяхъ на 166 пахотныхъ общинъ и 216 сѣнокосныхъ общинъ, (распредѣленіе по выгонамъ извѣстно лишь по 270 селеніямъ 85 юридическихъ общинъ, составляющихъ 118 сельскихъ обществъ: а именно они группируются въ 210 выгонныхъ общинъ). Повидимому, этотъ же типъ развитія границъ между общинами по угодьямъ преобладаетъ и въ Енисейской губерніи. Такой же порядокъ найденъ г. Кауфманомъ и въ нѣкоторыхъ волостяхъ Туринскаго округа Тобольской губерніи и въ изслѣдованныхъ имъ волостяхъ Томскаго и Маріинскаго округовъ Томской губерніи.

Описанная форма групповаго размежеванія, которую по внѣшнему ея виду можно бы назвать путаницей границъ, а по цѣли и значенію—производственнымъ или экономическимъ разграниченіемъ, въ противоположеніе административному (т.-е. волостной общинѣ) и „юридическому“—(дачамъ государственнаго межеванія),—эта форма, столь распространенная и едва ли не преобладающая въ Сибири,—до сихъ поръ извѣстна сравнительно гораздо меньше волостной общины, а между тѣмъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представляетъ гораздо большій интересъ [1]).

Прежде всего при ней совершенно исключается обычное у идеализировавшихъ общину авторовъ и повторяемое за ними нѣкоторыми новѣйшими противниками общины воззрѣніе на волостную общину, какъ на первую и высшую ступень общинной организаціи, разложеніе которой на общины - селенія представляется какъ бы первымъ актомъ разложенія общинной формы вообще. Мы видѣли уже, что первая стадія вовсе не волостная община, а отсутствіе границъ;

---

[1]) На сколько мнѣ извѣстно, первый вполнѣ отчетливый очеркъ развитія границъ въ Сибири сдѣлалъ покойный Н. Е. Петропавловскій (какъ беллетристъ извѣстный подъ именемъ Каронина) въ статьѣ „Схема исторіи Сибирской общины“ въ „СПБ. Сборникѣ, приложеніи къ Восточному Обозрѣнію“, II кн. за 1886 годъ). Первый періодъ Петропавловскій такъ и характеризуетъ: „тогда не было никакихъ границъ“; вторымъ періодомъ онъ считаетъ волостную общину; хаотическая форма путаницы границъ слабо имъ отмѣчена краткимъ лишь упоминаніемъ о томъ, что часто общее владѣніе нѣсколькихъ селеній прекращается по отношенію къ однимъ угодьямъ и остается по отношенію къ другимъ; третьимъ періодомъ онъ ставитъ размежеваніе между отдѣльными селеніями и къ этому же времени относитъ параллельнее размежеваніе между семьями,—т.-е. начало передѣла лежащихъ близъ деревни земель. Статья Петропавловскаго—кратка и мало фактична (да и не могла быть иной при отсутствіи тогда какихъ бы то ни было статистическихъ данныхъ о Сибири), но, несмотря на это, очень отчетливо обрисовываетъ главные моменты разсматриваемаго процесса. Небезъинтересные очерки волостной и вообще сложныхъ общинъ даны г. В. В. („Община“, стр. 535—551) и г. Карѣевымъ („Общ. влад.“ 219—229).

теперь же мы видимъ, что и на второй ступени очень часто, если не въ большинствѣ случаевъ, волостная община не имѣетъ мѣста, такъ что она вовсе не является какой-то первой и необходимой ступенью общины.

Мало этого, не только по распространенности, но и по принципіальному значенію, мы врядъ ли можемъ считать волостную общину наиболѣе типичной формой перваго послѣ отсутствія границъ крестьянскаго размежеванія: вѣдь въ ней и самыя границы, и форма даны извнѣ административнымъ дѣленіемъ населенія и государственнымъ межеваніемъ земли (не всегда, но по большей части), такъ что самоопредѣленіе крестьянскихъ общинъ тутъ сравнительно меньше могло проявляться. Производственный же или экономическій типъ размежеванія всецѣло вытекъ изъ иниціативы самихъ крестьянъ и потому въ немъ наиболѣе чисто и ясно проявилось приспособленіе развитія границъ къ условіямъ разселенія (заимками—починками—селами) и земледѣльческаго производства (крайне экстензивнаго при неравномѣрности и разнокачественности различныхъ угодій). Такъ что въ тѣхъ случаяхъ, когда государственное межеваніе уже провело нѣсколько крупныхъ межевыхъ штриховъ, дальнѣйшее фактическое развитіе детальныхъ границъ у крестьянъ внутри этихъ схематическихъ государственныхъ границъ обыкновенно принимаетъ видъ той же путаницы границъ, группированія ихъ вокругъ угодій, сообразно съ производственными цѣлями и потребностями...

Мы должны, затѣмъ, подчеркнуть полную неосновательность замѣчаемой у иныхъ авторовъ идеализаціи фазиса „составныхъ“ (т.-е. состоящихъ изъ нѣсколькихъ селеній) общинъ.

Что касается волостной общины, то уже одинъ тотъ фактъ, что возникаетъ она извнѣ, ставитъ подъ подозрѣніе силу и цѣлесообразность общиннаго въ ней принципа. Нельзя, впрочемъ, конечно, отрицать, что очень часто волостныя границы удачно сплачиваютъ въ одну общину заключающіяся въ нихъ селенія и вырабатываютъ замѣчательно правильно и точно функціонирующій уравнительно — распредѣлительный механизмъ [1]), но въ очень многихъ случаяхъ волостная община представляетъ лишь механическое объединеніе, порождаетъ массу споровъ между входящими въ ея составъ селеніями, стремящимися обособиться въ отдѣльныя общины, а затѣмъ и вообще на извѣстной ступени сгущенія населенія она почти всегда (особенно въ Сибири) становится крайне нецѣлесообразной, уже хотя бы по одному тому, что охватываетъ пространства въ десятки верстъ совер-

[1]) См., напримѣръ, въ „Мат. по Зап. Сиб.“, выпускъ XIII, на страницѣ 1—25 описаніе г. Кауфмана волостной общины въ Туринскомъ Округѣ Тобольской губерніи... Необходимо представить себѣ, какую сложную задачу представляетъ передѣлъ земель между отдѣльными селеніями и семьями въ волости, растянувшейся иногда на 50—70 верстъ, какъ трудно достигнуть уравнительности на такой большой площади и при разнокачественности угодій, какъ строго выработаны всѣ подробности передѣловъ съ выборомъ уполномоченныхъ и такъ далѣе, чтобы понять, какъ высоко развитъ бываетъ иногда въ волостной общинѣ общинный элементъ.

шенно разнокачественныхъ угодій, требующихъ огромнаго количества труда для періодическаго равномѣрнаго распредѣленія и поэтому разложеніе ея на общины-селенія представляетъ шагъ къ развитію, а не къ упадку общинной организаціи, такъ какъ въ этомъ случаѣ общинная форма, переставшая соотвѣтствовать уравнительному распредѣленію, замѣняется формой, болѣе къ тому приспособленной [1]). Особенно во многихъ мѣстностяхъ Европейской Россіи сохранившіеся остатки волостной общины представляютъ уже чисто и рѣзко отрицательное явленіе; напримѣръ, въ Казанской губерніи, гдѣ о ней особенно много писалось въ земской статистикѣ, во многихъ случаяхъ крестьянскія деревни ссорятся, дерутся, безъ конца судятся другъ съ другомъ изъ-за земель общаго владѣнія и тратятъ многія тысячи рублей на судбище и на размежеваніе, такъ что тутъ даже въ земствѣ возбуждался вопросъ о прекращеніи такого разорительнаго для крестьянъ порядка [2])...

Когда же мы на мѣсто этого, хотя и съ такимъ трудомъ дѣйствующаго или даже совсѣмъ останавливающагося, но все-таки уравнительнаго механизма волостной общины, поставимъ ту безпорядочно вспыхивающую и затихающую земельную войну, которая опредѣляетъ взаимныя земельныя отношенія селеній при вышеобрисованной п у т а н и ц ѣ г р а н и ц ъ, и въ которой исходъ опредѣляется вовсе не какимъ-нибудь постоянно дѣйствующимъ правомъ или вообще правиломъ, такъ какъ въ этой междуусобной борьбѣ отдѣльныхъ селеній и займокъ слишкомъ часто побѣждаютъ сила и случай, то переходъ отъ такого хаотическаго состоянія къ владѣнію отдѣльныхъ селеній уже во всякомъ случаѣ нужно считать шагомъ къ развитію общиннаго принципа, къ обобществленію землевладѣнія, а не наоборотъ....

Зависимость обрисованнаго процесса развитія границъ отъ сгущенія населенія и сокращенія размѣровъ землевладѣнія врядъ ли нуждается въ подробномъ доказательствѣ, такъ какъ она съ очевидностью постулируется самыми простыми апріорными соображеніями: всякая граница, очевидно, или имѣетъ причиной споръ, или цѣлью предупрежденіе спора и, значитъ, границы развиваются именно вслѣдствіе возникновенія споровъ и борьбы за землю, очевидно, обусловливаемыхъ развитіемъ земельной тѣсноты.

§ 3.

а. Пора теперь перейти отъ изученія процесса развитія границъ къ разсмотрѣнію эволюціи формъ землевладѣнія, являющихся параллельными или производными этого процесса. Въ этой главѣ мы оста-

---

[1]) Именно такой взглядъ высказанъ еще И. Е. Петропавловскимъ и приблизительно такого же мнѣнія держатся и г. Кауфманъ и другіе компетентные изслѣдователи.

[2]) См. Земско-статистическіе сборники Казанской губерніи.

новимся пока на самомъ первомъ фазисѣ этой эволюціи,—на выше уже слегка очерченномъ „захватномъ“ владѣніи.

Какъ уже тоже было замѣчено, эта форма устанавливается въ періодъ „отсутствія границъ“. Однако, она можетъ уживаться и со всѣми послѣдующими фазисами развитія границъ. Это ясно изъ самаго существа ея: захватное владѣніе можетъ, очевидно, быть тамъ, гдѣ не всѣ еще земли захвачены, разобраны и держатся отдѣльными хозяевами, а есть еще кромѣ того свободный районъ для захвата. Значитъ, захватное владѣніе возможно, вообще говоря, при размѣрахъ землевладѣнія, замѣтно превышающихъ рабочую норму (т.-е. площадь, которая можетъ быть обработана всѣми рабочими силами данной общины). Но развитіе границъ происходитъ при размѣрахъ землевладѣнія, часто даже послѣ окончательнаго размежеванія между селеніями превышающихъ рабочую норму. При такихъ условіяхъ ничто не мѣшаетъ захватному владѣнію оставаться и въ этомъ заключительномъ фазисѣ размежеванія.

Поэтому захватное владѣніе не только типично для всей Восточной и большей части Западной Сибири (и Средней Азіи), но встрѣчается до сихъ поръ въ замѣтныхъ размѣрахъ и на сѣверной, восточной и южной окраинахъ Европейской Россіи. А именно оно характерно для всего здѣшняго казачьяго землевладѣнія (казачьихъ войскъ Донского, Кубанскаго, Терского, Уральскаго, Оренбургскаго) [1]). Мѣстами весьма еще замѣтно распространено и иногда даже преобладаетъ „заимочное“ владѣніе въ сѣверныхъ губерніяхъ: Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Вятской, Пермской (отдѣльные его случаи не рѣдки даже въ губерніяхъ: Костромской, Казанской и Нижегородской [2]), а также и въ нѣкоторыхъ южныхъ и восточныхъ, какъ, напримѣръ, въ Астраханской, Ставропольской, Оренбургской [3]). Еще очень недавно,—20, 30, 50 лѣтъ тому назадъ,—оно было частымъ и даже обыкновеннымъ явленіемъ также въ губерніяхъ: Самарской, Саратовской, Таврической, Екатеринославской, Херсонской [4]). Наконецъ, отдѣльные случаи заимочнаго владѣнія (въ болѣе уже блѣдной, впрочемъ, его формѣ) встрѣчаются изрѣдка даже въ населенныхъ центральныхъ губерніяхъ, напримѣръ, земско-статистическое изслѣдованіе констатировало ихъ въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ (Петербургской губерніи), Темниковскомъ уѣздѣ (Тамбовской губерніи), Разанскомъ уѣздѣ, Трубчевскомъ уѣздѣ (Орловской губерніи), Мглинскомъ уѣздѣ (Черниговской губер-

---

[1]) См. Ѳ. А. Щербина „Земельная община Кубанскихъ казаковъ“. 1889 г. И Бородинъ „Очеркъ общиннаго хозяйства Уральскихъ казаковъ“, Сѣверный Вѣстникъ 1890 г.—2, 3, 4, 5 книг.. А. Кареллнъ. „Общинное владѣніе въ Россіи“ стр. 200. Е. Якушкинъ „Обычное право“ выпускъ II-й 1896 года, и др.

[2]) См. напр. земско-статистическіе сборники по Оханскому и Красноуфимскому уѣздамъ Пермской губерніи и таблицы о подворныхъ земляхъ по многимъ уѣздамъ Вятской губерніи; А. Кареллнъ „Общинное владѣніе“ стр. 198—199. Земско-статистическіе сборники по Казанской и Нижегородской г.г и т. д.

[3]) А. Кареллнъ, стр. 202; изд. Мин. Финансовъ, „Существующій порядокъ взиманія окладныхъ сборовъ съ крестьянъ“, стр. 50, 51 и др.

[4]) См. „земско-статистич. сборн.“ этихъ губерній.

ніи) и т. д. [1]) (въ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ случаевъ, впрочемъ, захватъ сохранился не благодаря большому количеству земли вообще или отдѣльныхъ угодьевъ въ частности, а вслѣдствіе ея низкаго качества, такъ что при большихъ затратахъ труда и капитала, при унаваживаніи, напримѣръ, получался слабый доходъ; понятно, что при такихъ условіяхъ только отдѣльныя семьи брались за разработку этихъ малоцѣнныхъ земельныхъ участковъ).

Изъ этого приблизительнаго очерка распространенія захватнаго владѣнія читатель уже съ полной очевидностью видитъ, какъ глубока въ этомъ случаѣ причинная связь формы землевладѣнія съ его размѣрами. Но не только съ количественной стороны захватъ встрѣчается все рѣже съ востока на западъ по мѣрѣ убыванія размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія: кромѣ того, и съ качественной стороны самыя формы его становятся все менѣе чистыми. Вѣдь очевидно, во-первыхъ, что вполнѣ чистая форма захвата, ничѣмъ неограниченнаго, возможна только въ періодъ отсутствія границъ: только тогда захватъ ограниченъ лишь захватомъ же и ничѣмъ бобѣе. А по мѣрѣ развитія границъ ему становится предѣлъ извнѣ общиной, т.-е. значитъ, рядомъ съ нимъ является начало, стоящее выше его. Такимъ образомъ, линіей развитія междуобщинныхъ границъ, также идущей съ востока на западъ, обозначается и развитіе перваго ограниченія захвата. Во-вторыхъ, почти никогда собственно захватъ не практикуется по отношенію ко всѣмъ безъ исключенія угодьямъ, ибо почти всегда однихъ бываетъ больше, чѣмъ другихъ, и „утѣсненіе“ въ нихъ наступаетъ не одновременно: и тутъ опять-таки черта съ востока на западъ обозначитъ убываніе % угодій, состоящихъ въ захватномъ владѣніи, и прибываніе % угодій, вышедшихъ изъ свободнаго захвата; такъ что, начавъ съ полнаго почти господства на всей территоріи, подъ конецъ онъ оттѣсняется на отдѣльные небольшіе клочки одного какой-нибудь угодья, случайно оставшагося у той или другой общины въ большомъ количествѣ.

Съ полной очевидностью рисуется, такимъ образомъ, мѣсто и значеніе захватнаго владѣнія: всюду оно является на первой ступени разселенія, всюду его приносятъ первыя рѣдкія волны колонизаціоннаго потока и затѣмъ его вытѣсняетъ послѣдующее сгущеніе населенія.

в. Перейдемъ къ ближайшему опредѣленію захватнаго владѣнія, какъ оно сложилось въ обычномъ крестьянскомъ правѣ.

Самое названіе и первоначальная общая характеристика этой формы не представляютъ затрудненій: они сравнительно очень просты и даны почти въ готовомъ видѣ самими крестьянами. При этомъ на всемъ пространствѣ отъ Амура до Черниговской губерніи, гдѣ имѣются хотя слѣды захватнаго владѣнія,—въ дѣйствительности, въ воспоминаніи старожиловъ или въ преданіи,—оно называется одними и

[1]) См. „земско-статистическіе сборники“ этихъ уѣздовъ и А. Карелинъ „Общинное владѣніе“, стр. 202—253.

тѣми же почти словами и характеризуется одинаковыми опредѣленіями.

Вотъ для примѣра нѣсколько такихъ крестьянскихъ названій захватнаго владѣнія: „вольница“ (Хвалынскій уѣздъ Саратовской губерніи), „захватъ“ (Иркутская губернія), „займанщина“ (Тираспольскій уѣздъ Херсонской губерніи), „батьковщина“ (Бахмутскій уѣздъ) „отеческія земли“ (Западная Сибирь), „родовое владѣніе“ (Иркутская губернія), „захватница“ (Саратовскій и Славяносербскій уѣзды), „Жакъ“ (Славяносербскій уѣздъ) и т. д. Сущность же этого „вольнаго“, „захватнаго“ и „родового“ (т.-е. семейно-наслѣдственнаго) владѣнія особенно хорошо выражена въ слѣдующемъ, напримѣръ, объясненіи крестьянъ Суражскаго уѣзда Черниговской губерніи: „въ старые годы у насъ была „вольница“ или „займанщина“: тогда каждый воленъ былъ занимать земли столько, сколько ему было нужно“... „Расчисти и твое“... „Кто бере, тотъ и оре“ [1]).

Приведенное опредѣленіе изслѣдуемой формы землевладѣнія совершенно ясно выражаетъ ея сущность: при ней отдѣльныя семьи свободно захватываютъ землю и наслѣдственно владѣютъ ею. Я буду поэтому называть эту форму семейно-захватнымъ владѣніемъ.

Обрисуемъ и анализируемъ вкратцѣ основныя черты этой своеобразной формы.

Площадь, на которой господствуетъ семейно-захватное владѣніе, представляетъ такую картину: нѣкоторые участки заняты отдѣльными семьями прочно и надолго, такъ что передаются по наслѣдству, другіе захватываются временно и часто—то однѣми, то другими семьями; остальная же часть территоріи свободна отъ всякой эксплуатаціи. Эти различія зависятъ отъ различій въ угодьяхъ. Первый видъ долгаго и наслѣдственнаго захвата практикуется всегда по отношенію къ усадьбамъ, обыкновенно по отношенію къ пашнѣ и по большей части по отношенію къ сѣнокосамъ: онъ обусловливается большей субъективной цѣнностью этихъ угодій, т.-е. или тѣмъ, что ихъ сравнительно мало и ихъ спѣшатъ прочно захватить, чтобы не захватилъ другой, или сравнительно значительной затратой на нихъ труда захватчика. Кратковременный захватъ практикуется по отношенію частью къ лѣсу (т.-е. къ пользованію деревьями, а не расчистками подъ пашню и не лѣсистыми участками, охраняемыми и взращиваемыми отдѣльными хозяевами), пастбищамъ и иногда сѣнокосамъ, а также къ рыбнымъ ловлямъ, каменоломнямъ и т. п., т.-е. по отношенію къ тѣмъ угодьямъ до тѣхъ поръ, гдѣ и пока производственный моментъ совпадаетъ, такъ сказать, съ эксплуатаціоннымъ, гдѣ производимыя природой полезности просто собираются безъ всякихъ

---

[1]) „Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій“, т. IX, Суражскій уѣздъ, стр. 13.— Или, напр., въ Енисейской губ. въ глухихъ мѣстностяхъ крестьяне говорили изслѣдователю о пользованіи сѣнокосами: „дѣлить ихъ намъ не зачѣмъ: каждый хозяинъ можетъ накосить столько сѣна, сколько душѣ его угодно,—была бы сила“. Мат., Енис. губ., т. IV, в. 3. стр. 214.

предварительныхъ затратъ на то труда; такъ что когда, напримѣръ, вслѣдствіе сокращенія хорошихъ сѣнокосовъ и пастбищъ (при увеличеніи населенія), начинаютъ очищать сѣнокосы изъ-подъ кустарника, устраивать искусственную ихъ поливку и т. д., или начинаютъ огораживать лучшія пастбищныя мѣста, то этимъ самымъ и захватное владѣніе ими всегда упрочивается и удлиняется на пропорціонально долгій срокъ.

Такимъ образомъ, обѣ эти разновидности захвата,—временно-періодическаго и долгосрочно-наслѣдственнаго, — различаются въ этотъ періодъ наибольшаго земельнаго простора болѣе внѣшне, чѣмъ по существу, т.-е. по размѣрамъ правъ „заимщика“. Заимщикъ тутъ могъ бы захватить и сѣнокосъ, и пастбище также на долго и передавать ихъ наслѣдственно, никто не воспрепятствовалъ бы ему для того ихъ и загородить; и если онъ не дѣлаетъ этого, то только потому, что это ему не нужно: незачѣмъ затрачивать трудъ на городьбу, на заблаговременный захватъ, когда и такъ всегда всего ему хватитъ. Такимъ образомъ, самый объемъ захватнаго права также неограниченъ и безсроченъ при кратковременномъ захватѣ, какъ и при долговременномъ; и тутъ, и тамъ всякій воленъ захватывать всякіе незахваченные участки, на какой угодно срокъ и для какой угодно цѣли, и только именно этой цѣлью опредѣляется, пріобрѣтаетъ ли захватъ видъ постояннаго владѣнія или спорадическаго пользованія. Поэтому я нахожу излишнимъ выдѣленіе этихъ двухъ случаевъ захвата въ двѣ особыя формы, какъ то дѣлается гг. Филимоновымъ, Дубенскимъ и отчасти г. Кауфманомъ и г. Кролемъ (впрочемъ г. Кауфманъ представляетъ эти формы лишь, такъ сказать, какъ разновидности одного вида), принимающихъ только долгосрочный захватъ за собственно-захватное или „заимочное“ владѣніе, а краткосрочный его видъ выдѣляющихъ въ особую форму „вольнаго“ или „свободнаго“ пользованія. При наибольшемъ земельномъ просторѣ и къ тому, и къ другому случаю захвата одинаково приложимъ терминъ семейно-захватнаго владѣнія, такъ какъ при нихъ совершенно тождественны и объемъ, и, какъ ниже увидимъ, основанія этого семейно-захватнаго права [1]).

---

[1]) Наиболѣе отчетливое описаніе и опредѣленіе „вольнаго“ и „захватно-родового“ владѣнія сдѣлано кажется г. Дубенскимъ. (См. его статью въ „Матеріалахъ“ по Енисейской губ. т. IV вып. 3, стр. 141—144). Г. Кауфманъ въ своихъ первыхъ изслѣдованіяхъ Западно-Сибирской общины („Крестьянское землепользованіе и хозяйство въ Тобольской и Томской губерніяхъ“ стр. 31—43 и статья въ „Алтайскомъ сборникѣ“) упустилъ форму „вольнаго“ владѣнія, неудачно назвавъ этимъ терминомъ форму, являющуюся, наоборотъ, фактически первымъ ограниченіемъ захвата. Затѣмъ въ своей книгѣ (1897 г.) г. Кауфманъ, присоединяясь въ общемъ къ дѣйствительно наиболѣе удачнымъ терминамъ г. Дубенскаго, вноситъ еще существенное разъясненіе, подчеркивая одновременность „вольнаго“ и собственно захватнаго владѣнія, между тѣмъ какъ г. Филимоновъ и, повидимому, отчасти и г. Дубенскій (впрочемъ, можетъ быть это только неудачное выраженіе) считаютъ „вольное“ владѣніе формой какъ бы первичной, предшествующей „заимочному“. Мнѣ остается только указать, что г. Кроль показалъ, что „вольное“ владѣніе дѣйствительно иногда предшествуетъ „захват-

Уже изъ этого краткаго очерка внѣшней формы захватнаго владѣнія вырисовывается также своеобразный субъектъ его.

Занмщикъ, поселившійся вдали отъ селенія и представляющій нѣчто вродѣ Робинзона на необитаемомъ островкѣ уютнаго мѣстоположенія и удобныхъ угодій среди тайги или степи, безъ сомнѣнія, называетъ всю окрестъ лежащую землю: м о я земля, м о я заимка. Затѣмъ, когда семья этого перваго заимщика разрастется, или когда къ ней приселятся другія семьи, когда такъ или иначе изъ первой заимки разрастется починокъ, тогда на вопросъ чужого человѣка: чья это земля? каждый изъ хозяевъ отвѣтитъ: н а ш а. А на дальнѣйшіе разспросы разъяснитъ: это вотъ м о й участокъ, м о я заимка, это е г о, это т о г о и т. д. [1]). Такимъ образомъ, здѣсь въ одномъ опредѣленіи сливаются два взаимно другъ друга исключающихъ термина: м о я и н а ш а (земля), уживаются вмѣстѣ два діаметрально противоположныхъ начала, — л и ч н о е и о б щ и н н о е. Какъ уже показано, это возможно потому, что земли больше, чѣмъ сколько ее заимщики могутъ держать въ захватномъ владѣніи: м о е й землей каждый называетъ тѣ участки, которые уже формально имъ захвачены подъ разработку и еще окончательно изъ-подъ нея не брошены, а н а ш е й землей называется вся остальная территорія, служащая запаснымъ фондомъ, райономъ захвата для всѣхъ заимщиковъ, которые всѣ имѣютъ на захватъ р а в н о е право и всѣ потому, — и только потому, — говорятъ о ней н а ш а земля.

Итакъ, что касается субъекта захватнаго владѣнія, то имъ мы должны признать сложный аггрегатъ личнаго и общиннаго элементовъ. Анализируемъ сначала первое, потомъ второе начала въ ихъ проявленіяхъ, объемѣ, основаніяхъ и во взаимномъ ихъ соотношеніи.

§ 4.

Уже изъ выше сдѣланнаго внѣшняго очерка неограниченнаго семейно-захватнаго владѣнія легко усмотрѣть, что оно представляетъ самое чистое проявленіе индивидуальнаго права, т. е., собственно говоря, ничѣмъ на первый взглядъ не отличается отъ обыкновенной

ному“ (См. его кн. „Мат. Забайкал. Обл.“, в. 10, стр. 10—20). Но я считаю обѣ эти формы логически и юридически тождественными съ тѣмъ только оттѣнкомъ, что, какъ ниже будетъ показано, въ „вольномъ“ владѣніи обыкновенно еще очень слабъ собственно п р а в о в о й элементъ, что оно представляетъ б о л ѣ е ф а к т ъ, чѣмъ п р а в о.

[1]) „Первый посельщикъ не можетъ не смотрѣть на данную мѣстность, какъ на результатъ своихъ поисковъ, какъ на собственное открытіе, на свой уголокъ никѣмъ не занятаго края. А всѣ, кто къ нему приселится въ первое время, тоже будутъ считать эту мѣстность своимъ уголкомъ. Они будутъ называть окрестности „нашими землями“ и въ случаѣ оскудѣнія ихъ удобными участками будутъ ревниво относиться къ каждому новому пришельцу, желающему захватить часть остальныхъ свободныхъ удобныхъ мѣстъ“... См. цитированную выше ст. Личкова стр. 123.

личной собственности. Это указывается едва ли не единогласно всѣми наблюдателями и изслѣдователями. Приведу въ примѣръ нѣсколько такихъ опредѣленій: „Подворно-наслѣдственное владѣніе, — говоритъ г. Дубенскій, — по содержанію своему вполнѣ аналогично захватно-родовому“ [1]). Г. Личковъ: „количественно захватъ обыкновенно неограниченъ, владѣніе захватно-родовой землей—безсрочно, право продажи, сдачи въ залогъ, въ аренду — неограниченно и веденіе какой угодно культуры безконтрольно“ [2]). Г. Кауфманъ: „сходное съ правомъ собственности по своимъ основаніямъ, заимочное право сходно съ нимъ и по своимъ проявленіямъ — по объему тѣхъ полномочій, которыя оно даетъ заимщику. Заимщикъ фактически полновластный хозяинъ земли: онъ не допускаетъ никого пахать или косить входящую въ составъ его заимки землю, хотя бы самъ въ данное время ея и не эксплуатировалъ; для защиты своего права исключительнаго владѣнія землей онъ не останавливается предъ насиліемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ опираться и на авторитетъ волостного суда; неограниченное право пользованія землей ясно само собой: заимщикъ можетъ любую часть своей земли засѣвать хлѣбомъ, обратить подъ покосъ или выгонъ, загородить, застроить, зарастить, никто рѣшительно не стѣсняетъ въ этомъ отношеніи его неограниченной свободы. Наконецъ, въ смыслѣ распоряженія заимщикъ можетъ свободно продавать свою землю и сдавать ее въ аренду (хотя въ виду изобилія свободныхъ земель, эти права очень рѣдко осуществляются), можетъ дарить ее и передавать по завѣщанію; при отсутствіи послѣдняго, заимка переходитъ къ наслѣдникамъ, согласно правиламъ мѣстнаго обычнаго права“ [3]).

Въ подтвержденіе и для иллюстраціи этихъ опредѣленій можно привести цѣлый рядъ какъ нельзя болѣе яркихъ примѣровъ. Ограничусь однимъ, особенно характернымъ, касающимся кстати не подробно теперь изслѣдованной Сибири, а мало сравнительно извѣстной Вятской губерніи. Здѣсь, въ Орловскомъ уѣздѣ, еще не очень давно... „право перваго захвата было такъ широко, что никто изъ постороннихъ не осмѣливался поселиться возлѣ починка перваго поселенца безъ его дозволенія. Напримѣръ, крестьянинъ Шадрой, имѣя мало семейныхъ рабочихъ силъ, принялъ къ себѣ на починокъ еще двѣ семьи изъ сосѣдней деревни. Но вотъ разнесся слухъ, что вышелъ будто бы царскій указъ, чтобы отвести надѣлъ крестьянамъ на томъ мѣстѣ, гдѣ они живутъ въ данный моментъ. Тогда Шадрой, не желая, чтобы его трудовая земля (онъ самъ землю расчистилъ, высушилъ болота для покоса и. т. п.) досталась чужимъ, прогналъ припущенниковъ и остался на починкѣ одинъ со своей семьей“... [4])

---

[1]) См. „Матеріалы Енисейской губерніи“ т. IV, выпускъ 3-й, стр. 142.

[2]) См. цитиров. статью г. Личкова, стр. 135.

[3]) См. „Крестьянское землепользованіе и хозяйство въ Тобольской и Томской губерніяхъ“ ст. г. Кауфмана.

[4]) См. „Поземельная община въ Орловскомъ уѣздѣ Вятской губерніи“, Н. А. Добротворскаго, Русская Мысль 1884 г. 9 кн., 30 стр.

Какъ видимъ, по объему личное право семейно-захватнаго владѣнія врядъ ли въ чемъ-либо уступаетъ обыкновенной личной собственности.

Обратимся теперь къ анализу его основаній. Здѣсь мы сразу найдемъ уже нѣкоторыя своеобразныя черты, достаточно рѣзко отличающія его отъ чистой личной собственности.

Необходимо прежде всего подчеркнуть, что какъ вообще при наименьшей населенности землевладѣніе, по прекрасному (уже цитированному выше) выраженію г. Харизоменова, „имѣетъ не столько юридическій, сколько фактическій характеръ“,— такъ въ особенности самое обладаніе отдѣльныхъ семей захваченными ими участками при полномъ земельномъ просторѣ, при отсутствіи, напримѣръ, границъ или въ самыхъ первыхъ фазисахъ ихъ развитія, есть въ большей степени фактъ, чѣмъ право.

Это будетъ намъ ясно, если мы вдумаемся въ основанія обычнаго права. Всѣ его проявленія (какъ, впрочемъ, и права вообще) могутъ быть подведены подъ двѣ формулы: 1) такъ есть, значитъ такъ должно быть, (т. е. я владѣю,—значитъ имѣю право владѣть) и 2) такъ должно быть,— поэтому такъ есть, (т. е. я владѣю, потому что имѣю право владѣть).

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько и въ какомъ смыслѣ первая формула можетъ быть, строго говоря, названа правовой, замѣтимъ, что правообразованія по обоимъ этимъ типамъ одинаково не успѣваютъ сложиться въ первомъ, самомъ чистомъ фазисѣ неограниченнаго захвата. Поскольку въ этотъ періодъ земледѣлецъ остается еще полу-бродячимъ или по крайней мѣрѣ держится крайне экстенсивныхъ системъ агрикультуры, т. е. не держитъ долго въ обработкѣ однихъ и тѣхъ же участковъ, постольку его владѣніе не успѣваетъ достаточно утвердиться на фактѣ и привычкѣ, или, какъ говорятъ, на давности, чтобы отсюда вырасти въ право. Съ другой стороны, полный земельный просторъ, исключающій возникновеніе споровъ изъ-за земли, не даетъ ярко проявиться и точно формулироваться и чисто правовымъ основаніямъ, скрытымъ въ этомъ владѣніи. Такимъ образомъ, тутъ нѣтъ еще ни правовой идеализаціи факта владѣнія, ни реализаціи правовыхъ его основаній; въ этотъ періодъ семьи владѣютъ не столько на опредѣленныхъ основаніяхъ за это владѣніе, сколько вслѣдствіе отсутствія основаній противъ него, такъ что, хотя владѣніе протекаетъ безпрепятственно, но именно только протекаетъ, а не кристаллизуется въ твердыя правовыя нормы [1]).

Приведу хоть одинъ примѣръ, чтобы читатель могъ конкретнѣе представить себѣ мою мысль. Въ Забайкальской области у той части инородцевъ, которая пользуется полнымъ земельнымъ просторомъ,

[1]) Нѣчто подобное по аналогичному же поводу говоритъ г. М. Ковалевскій: „Кратковременная аппропріація земельныхъ продуктовъ далеко не является синонимомъ собственности: фактическое пользованіе не есть право“... (М. Ковалевскій „Развитіе народн. хозяйства въ Западной Европѣ“. стр. 188).

крайне интересны порядки владѣнія з а г о р о ж е н н ы м и сѣнокосами [1]) Прежде всего здѣсь не успѣли еще даже твердо образоваться самыя сѣнокосныя общины: хотя обыкновенно у разныхъ группъ семей (и у отдѣльныхъ семей) имѣются особыя постоянно ими эксплуатируемые районы, но часто, — напримѣръ, при неурожаѣ травы въ данномъ районѣ, — однѣ группы безвозбранно косятъ траву въ районахъ другихъ группъ, такъ что мы имѣемъ тутъ дѣло съ самымъ первымъ моментомъ размежеванія или, пожалуй, съ заключительнымъ моментомъ фазиса отсутствія границъ. Этой расплывчатости между-общинныхъ разграниченій соотвѣтствуетъ такая же, такъ сказать, аморфность и внутреннихъ отношеній. Съ одной стороны, для захвата сѣнокосовъ нѣтъ никакихъ ограниченій: каждая семья въ отдѣльности или въ артели съ другими можетъ какъ ежегодно косить въ любомъ мѣстѣ и въ любое время, такъ и захватывать отдѣльные сѣнокосные участки на неопредѣленно долгое время путемъ огораживанія ихъ такъ называемыми здѣсь „поскотинами“ [2]). Съ другой же стороны, даже и это огораживаніе, имѣющее здѣсь цѣлью (при полномъ обиліи сѣнокосовъ) не упроченіе завладѣнія ими, а просто — защиту отъ потравъ скотомъ, не даетъ исключительнаго права захватчикамъ: при совмѣстномъ огораживаніи сѣнокосовъ группой семей, во-первыхъ, постоянно остается совершенно свободнымъ какъ удаленіе изъ со-пользованія любого члена, такъ и входъ въ него новыхъ, во-вторыхъ, хотя обыкновенно каждый коситъ свой опредѣленный участокъ, но при неравномѣрномъ урожаѣ травы въ загороженномъ сѣнокосѣ тѣ, у кого былъ неурожай, косятъ на участкахъ другихъ семей. Смутность и противорѣчивость такого порядка увеличиваются еще тѣмъ, что, рядомъ съ обрисованной неограниченностью личнаго захвата, въ „поскотинно-сѣнокосныхъ“ общинахъ вырисовываются яркія черты какъ бы общиннаго права: по словамъ г. Кроля „по мнѣнію настоящихъ кочевниковъ, не тронутыхъ еще земледѣльческой культурой, каждый имѣетъ право косить травы столько, сколько ему н у ж н о..., но городить каждый долженъ по своему с о с т о я н і ю“; поэтому, хотя, какъ общее правило, эти „поскотинно“-сѣнокосныя общины образовались совершенно естественно (единственно для сокращенія въ нѣсколько разъ труда), и въ нихъ не было первоначально „ни единой капли принудительнаго элемента“, такъ что каждый пользуется приблизительно такой долей сѣнокоса, какую долю онъ сдѣлалъ городьбы, но обыкновенно сильныя семьи по обычаю пользуются меньшимъ участкомъ сѣнокоса, чѣмъ имъ слѣдовало бы по размѣрамъ ихъ городьбы, слабыя же семьи — наоборотъ, а полные бѣдняки и вдовы получаютъ сѣнокосные участки въ „поскотинѣ“, даже совсѣмъ не участвуя въ ея устройствѣ, — т.-е., иначе говоря, въ это пользованіе вносится явственный общинно-

---

[1]) См. прекрасный очеркъ г. Кроля въ „Матеріалахъ комиссіи ст.-секр. Куломзина“, вып. 10, стр. 10—15.

[2]) Вообще въ Сибири „поскотиной“ называется не самая городьба сѣнокосовъ, а огороженное пастбище.

уравнительный принципъ. Интересно, что затѣмъ, при первыхъ признакахъ „утѣсненія“ въ сѣнокосахъ, этотъ аморфный въ правовомъ отношеніи порядокъ кристаллизуется въ твердое личное захватно-наслѣдственное владѣніе загороженными сѣнокосами и лишь впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ ихъ сокращеніи, онъ, подобно всѣмъ другимъ такимъ формамъ, постепенно и уже съ трудомъ и борьбой долженъ будетъ подчиниться общинному началу...

Итакъ, на этомъ примѣрѣ читатель ясно видитъ, какъ, при полномъ просторѣ и потому отсутствіи споровъ, совершенно остается еще скрытымъ внутреннее противорѣчіе захватнаго права, состоящаго, съ одной стороны, въ общемъ правѣ на захватъ, а съ другой—въ личномъ правѣ на захваченное. Только первые споры и борьба за землю вполнѣ вскрываютъ эти два антагонистичныхъ элемента, и только тогда начинается формированіе отношеній, вполнѣ заслуживающихъ названія права, начинается та борьба между этими элементами, которая составляетъ содержаніе всей правовой эволюціи крестьянскаго землевладѣнія отъ семейно-захватныхъ къ общинно-уравнительнымъ формамъ. Однако въ самомъ началѣ этой борьбы, очевидно, тоже еще не можетъ быть правовой организаціи въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ самой глубокой и типичной чертой первоначальнаго захвата является господство „права сильнаго“, почти буквально—„кулачное право“, олицетворяющееся въ богатѣяхъ,—заимочникахъ, сильныхъ своей или наемной рабочей силой, не позволяющихъ и за версту „подступаться“ къ своимъ „занятіямъ“ и часто безвозбранно „залѣзающихъ“ во владѣнія слабыхъ хозяевъ... Такъ какъ при крайнемъ обиліи земли существуютъ скорѣе лишь отношенія отдѣльныхъ семей къ этой землѣ, а не отношенія ихъ между собой по поводу этой земли, то въ этотъ періодъ, по прекрасному выраженію г. Плотникова, „крестьяне не столько владѣли землей, сколько просто работали промежду себя“ (курсивъ мой); и поскольку, затѣмъ, при первыхъ спорахъ за землю побѣждала сила, а не правовые мотивы, постольку крестьяне еще не имѣли землевладѣнія въ полномъ смыслѣ, а просто, какъ очень мѣтко сами они опредѣлили въ одной деревнѣ въ Забайкальской области,—„имѣли между собою самовольство въ хлѣбопахотныхъ и луговыхъ мѣстахъ“...[1]). Съ сожалѣніемъ долженъ отмѣтить, что этотъ полуюридическій, если можно такъ выразиться, характеръ первоначальныхъ захватныхъ формъ, являющихся болѣе экономическимъ фактомъ, чѣмъ юридическими нормами, остался пока почти невыясненнымъ, почти какъ бы не замѣченнымъ для сибирскихъ изслѣдователей общины [2]).

---

[1]) См. „Матеріалы комиссіи для изслѣд. землев. и землеп. въ Забайк. обл.“, в. 10, стр. 182.

[2]) Г. Дубенскій, напримѣръ, отличаетъ семейно-захватное (или по его терминологіи „захватно-родовое“) владѣніе отъ личной собственности по основанію владѣнія: „въ первомъ случаѣ имъ является захватъ, а во второмъ—наслѣдованіе; конечно, захватъ далеко не даетъ владѣнію такой прочной санкціи, какъ наслѣдо-

Спѣшу, однако, еще разъ напомнить, что этотъ полюридическій, или преимущественно экономическій фазисъ семейно-захватнаго вла-

---

ваніе... Наконецъ, подворно-наслѣдственная форма представляется формой законченной... между тѣмъ какъ форма захватно-родовая является лишь переходной, при чемъ переходъ отъ нея къ любому виду владѣнія можетъ совершиться очень быстро и очень легко" (см. „Матеріалы Енисейской губерніи", т. IV. вып. 3, стр, 141—144).

Спрашивается: почему же наслѣдованіе,—„конечно" сильнѣе захвата? и почему личная собственность—форма законченная, а захватъ—переходная и даже легко и быстро переходная? Да именно только потому, что исключительно при многократныхъ наслѣдованіяхъ и, прибавимъ, многихъ еще другихъ проявленіяхъ личной собственности, рельефъ права, съ одной стороны, о б о с т р я е т с я многочисленными с п о р а м и, а съ другой—у г л у б л я е т с я п р и в ы ч к о й,—что основанія личной собственности стали б е з с п о р н ы м и п о с л ѣ с п о р а, побѣдивши въ немъ; въ первичныхъ же случаяхъ семейно-захватнаго владѣнія обладаніе безспорно потому, что еще не подвергалось спору. Именно поэтому въ то время, какъ личный собственникъ необходимо считаетъ свое право о к о н ч а т е л ь н ы м ъ, т. е., собственно говоря, в ѣ ч н ы м ъ, у „заимщика" нѣтъ и не можетъ быть этого сознанія и, хотя терминъ владѣнія „на вѣчно" имъ употребляется, но, несомнѣнно, какъ установлено анализомъ многихъ такихъ конкретныхъ случаевъ, онъ значитъ тутъ не вѣчность, а лишь б е з с р о ч н о с т ь. Такъ что собственность о к о н ч а т е л ь н о и ф о р м а л ь н о п р и з н а е т с я, а захватъ лишь ф а к т и ч е с к и н а н е о п р е д ѣ л е н н о е в р е м я сосѣдями и общиной д о п у с к а е т с я.

Совершенно подобно г. Дубенскому и г. Кауфманъ еще ближе подходитъ къ констатированію первоначальной, такъ сказать, слабой юридичности семейнаго захвата, столь просто объясняющей своеобразныя особенности и противорѣчія этой формы, но все-таки не формулируетъ ея. Спрашивая себя, нужно ли признать семейно-захватное (по его терминологіи „захватное въ комбинаціи съ вольнымъ") владѣніе общиннымъ или подворнымъ, такъ какъ въ немъ есть признаки и того и другого,—Кауфманъ говоритъ, что „отвѣтъ очень простъ: оно есть зародышъ... какъ въ зародышѣ, въ захватной формѣ есть признаки, свойственные и общинному и подворному владѣнію,—какъ изъ зародыша, изъ него съ теченіемъ времени можетъ развиться и чисто подворное и чисто общинное владѣніе (см. „Крестьянская община въ Сибири" стр. 59—60).

Что собственно значитъ здѣсь слово з а р о д ы ш ъ? Какъ и всякая біологическая аналогія въ соціальномъ изслѣдованіи, оно, конечно, н е о б ъ я с н я е т ъ изслѣдуемаго явленія, а лишь п о я с н я е т ъ мысль автора. Въ этомъ смыслѣ ничего нельзя противъ него возразить: именно, какъ въ зародышѣ, въ первичной чистой формѣ семейнаго захвата совмѣстились противоположные признаки—но совмѣстились, конечно, (и и м е н н о э т о н е д о с к а з а н о г. К а у ф м а н о м ъ) в ъ н е р а з в и т о м ъ в и д ѣ. И въ этой ихъ неразвитости все объясненіе ихъ совмѣщенія, иначе, понятно, совершенно немыслимаго: съ одной стороны, (какъ увидимъ ниже), формы и проявленія о б щ и н н а г о права намѣтились пока минимально слабо, съ другой же—въ л и ч н о м ъ владѣніи еще не успѣлъ отвердѣть скелетъ самаго п р а в а... Приведу еще одинъ примѣръ такого захватнаго порядка, удачно названнаго г. Кролемъ „зачаточнымъ" изъ его же изслѣдованія по Забайк. обл. Здѣсь въ нѣкоторыхъ инородческихъ „булукахъ" отдѣльные хозяева владѣютъ одними и тѣми же сѣнокосными участками, даже и не огороженными, безсрочнонаслѣдственно, но по первому требованію они уступаютъ часть своихъ покосовъ и чужимъ семьямъ (даже изъ другого булука); при этой формѣ, которая, по словамъ г. Кроля, „содержитъ въ себѣ э л е м е н т ы и у р а в н и т е л ь н о й и з а х в а т н о й формы, но которая все-таки не можетъ быть названа ни т о й ни д р у г о й"... хозяева не мѣняютъ участковъ, т а к ъ к а к ъ в ъ э т о м ъ н е п р е д с т а в л я е т с я н и к а к о й н а д о б н о с т и, и покосы естественно переходятъ отъ отца къ сыну, хотя стоитъ явиться новому члену, чтобы и для него нашлось мѣсто"... (См. „Матер. по Забайк. Обл.", в. 10, стр. 16—19).

дѣнія, охватываетъ лишь меньшинство случаевъ этого владѣнія (хотя и наиболѣе типичные случаи), а въ большинствѣ случаевъ семейно-захватное владѣніе уже въ общихъ чертахъ формулируется въ право, т. е. не только опредѣляетъ свой объемъ и формы, но и опирается на извѣстныя основанія. Главнымъ изъ этихъ основаній представляется мнѣ трудъ; но, несомнѣнно, имѣютъ замѣтное значеніе также захватъ и давность[1]).

Первоначально, когда земли полное обиліе и поэтому возникающіе изъ-за нея споры — крайне рѣдки и не упорны, мотивировка права перваго захвата носитъ, въ соотвѣтствіи съ вышеуказаннымъ, совершенно эмпирическій и преимущественно лишь отрицательный, такъ сказать, характеръ; первому захватившему достаточно указать на то, что онъ захватилъ ничью землю,—этимъ его право на нее уже устанавливается, ибо никто позже пришедшій не можетъ указать никакихъ основаній, почему бы онъ имѣлъ на обладаніе захваченнымъ участкомъ право большее, чѣмъ тотъ, кто его первый захватилъ (это право г. Личковъ называетъ правомъ находки). Но по мѣрѣ сокращенія земельнаго простора и учащенія и ожесточенія споровъ занмщиковъ, претендующихъ на одинъ и тотъ же участокъ, такое обоснованіе, въ сущности сводящееся къ формулѣ „я имѣю право владѣть, потому что я владѣю“, — уже становится недостаточнымъ,—и для полновѣсности права перваго захвата начинаетъ требоваться другой элементъ. На нижеслѣдующемъ примѣрѣ мы конкретнѣе увидимъ это. Одинъ крестьянинъ нашелъ камень для мельничнаго жернова и сдѣлалъ на немъ отмѣтку; другой тоже набрелъ на этотъ камень и, несмотря на сдѣланный на немъ знакъ, привезъ его къ себѣ и обдѣлалъ; первый, отмѣтившій камень, пожаловался въ волостной судъ. Судъ присудилъ камень второму, ибо „иначе такъ каждый безъ всякаго труда можетъ намѣтить себѣ всѣ годные камни“... Мотивировка не очень ясная по формѣ, но вполнѣ понятная по существу: простой захватъ (или находка по г. Личкову), объявляющій о себѣ лишь условнымъ знакомъ, признается уже не дающимъ права владѣнія, это право признается лишь за тѣмъ, кто фактически завладѣлъ даннымъ средствомъ производства, т. е., конкретнѣе говоря, началъ посредствомъ него самый процессъ производства, вложилъ уже въ него свой трудъ. Такимъ образомъ, самъ по себѣ захватъ при возникновеніи споровъ, повидимому, перестаетъ быть основаніемъ права: онъ получаетъ такое значеніе, лишь когда соединяется съ нѣкоторымъ минимумомъ труда.

Этого мало: строго говоря, врядъ ли можно вообще наблюдать такіе случаи, чтобы захватъ самъ по себѣ служилъ основаніемъ права, ибо трудно себѣ представить захватъ совсѣмъ безъ труда. Даже захватъ, такъ сказать, символическій, при которомъ захватываемая пашня не запахивается вся, а только опахивается вокругъ,

[1]) По г. Личкову основанія захватнаго права „состоятъ для отдѣльныхъ хозяевъ въ правѣ находки и захвата, труда, давности владѣнія и наслѣдства, и для міра въ правѣ распорядителя земель общины“ (стр. 135, цит. ст.).

расчищаемый изъ-подъ лѣса участокъ не вырубается, а лишь деревья на немъ „зачерчиваются“ и т. д., даже этотъ захватъ все-таки не представляемъ безъ извѣстнаго минимума труда; не надо забывать, что помимо нѣсколькихъ, быть можетъ, часовъ работы топоромъ, косой или сохой, всегда уйдетъ нѣкоторой минимумъ дней на поиски подходящаго для захвата участка. А затѣмъ, если этотъ трудъ и ничтожно малъ, то это, вѣдь, не имѣетъ никакого значенія: какъ бы ни былъ онъ малъ, онъ все-таки представляетъ извѣстную положительную величину и также необходимо перевѣшиваетъ право всякаго, позже пришедшаго и ни капли труда не затратившаго, какъ чашка вѣсовъ съ однимъ миллиграммомъ перевѣшиваетъ пустую чашку.

А что въ этомъ случаѣ имѣетъ правовой вѣсъ не самый фактъ захвата, а именно необходимо соединенная съ нимъ затрата труда, это выясняется многими фактами и соображеніями.

Прежде всего, мы непремѣнно должны это предположить, уже судя по той доминирующей роли, которую трудовой элементъ несомнѣнно и по общему признанію наблюдателей играетъ въ формахъ ограниченнаго захвата, возникающихъ изъ неограниченнаго: трудно было бы допустить, чтобы трудъ сталъ въ этихъ формахъ сразу такимъ исключительнымъ, безраздѣльнымъ основаніемъ права, не будучи вовсе или лишь слабо признаваемъ раньше, — совершенно непонятна была бы такая быстрая и не вызываемая никакими условіями пертурбація во взглядахъ крестьянъ. Необходимо поэтому, наоборотъ, принять, что уже съ того самаго момента, какъ владѣніе изъ факта начало превращаться въ право, сразу же трудъ сдѣлался главнымъ основаніемъ и мѣриломъ этого права, и если это сначала не проявлялось съ полной очевидностью, то именно только вслѣдствіе первоначальной слабости, невыработанности, неясности этого зарождающагося права. Къ тому же заключенію мы придемъ, если подумаемъ о глубинѣ и силѣ этого завладѣнія трудомъ, при которомъ въ объектъ его какъ бы вносится частица самого трудящагося (объ этомъ еще будетъ сказано подробнѣе ниже), если вспомнимъ какъ всеобще и безспорно вообще у крестьянъ признаніе трудового права во всѣхъ ихъ имущественныхъ, а не въ однихъ только земельныхъ, отношеніяхъ [1]).

[1]) Нечего и говорить, что въ Сибири это лично-семейное трудовое право вполнѣ господствуетъ среди крестьянъ, такъ что рѣшенія, напр., волостного суда всегда строго съ нимъ сообразованы. Изслѣдователи, особенно г. Дубенскій по Енис. г., приводятъ много любопытныхъ тому образчиковъ. Изъ нихъ укажу, напр., на тотъ фактъ, что въ цѣломъ рядѣ рѣшеній по спорамъ о наслѣдованіи между вдовой и братьями ея покойнаго мужа волостной судъ старается тщательно разобраться, въ какой именно мѣрѣ въ спорное имущество (домъ, гумно, зем. участокъ и т. п.) затраченъ былъ трудъ мужа наслѣдницы, а въ какой—его братьевъ, и сообразно съ этимъ и присуждаетъ каждому весь объектъ спора или ту или иную его долю; интересны также случаи рѣшеній волостного суда, отправлявшихся не отъ затраченнаго уже въ предметъ спора труда, а отъ того, сколько каждый изъ спорящихъ можетъ на него употребить труда въ будущемъ, при чемъ, напр., судъ находитъ, что «спорная мѣстность принадлежитъ по праву наслѣдства болѣе брату Митрофану, чѣмъ брату Евграфу, такъ какъ послѣдій желаетъ воспользоваться этой мѣстностью только для того, чтобы ее перепродать»... И т. д. (См. «Мат. Енис. губ.» т. IV, В. З., стр. 157—158).

Наконецъ, на доминирующую роль трудового права въ самыхъ первичныхъ и чистыхъ случаяхъ неограниченнаго захватнаго владѣнія уже прямо указываетъ то очень важное обстоятельство, что именно на немъ основаны непосредственно всѣ тѣ обширныя права распоряженія „занмщиковъ“ ихъ участками,—ихъ продажа, дареніе, завѣщаніе, сдача въ аренду,—которыя такъ характерны для него и такъ сближаютъ его съ личной собственностью.

А именно, напримѣръ, наиболѣе активная форма распоряженія — продажа, — никогда тутъ не имѣетъ мѣста относительно неразработанной земли: вѣдь неразработанную землю всякій можетъ при семейно-захватномъ владѣніи самъ занять, такъ какъ при немъ всегда подразумѣвается достаточная для того степень земельнаго простора, а продается всегда лишь разработанный участокъ,—лѣсныя „чищобы“, вспаханное поле. взрощенный лѣсъ, расчищенный отъ кустовъ покосъ, а чаще всего поле съ цѣлой усадьбой и строеніями, городьбой и т. д. Очень часто притомъ продажей называютъ аренду. настолько долгосрочную, что она даетъ купившему весь или часть результата труда. затраченнаго на „проданный на года“ участокъ [1]). Итакъ, разъ никогда не продается земля безъ вложеннаго въ нее труда, то ясно, во-первыхъ. что эта самая продажа з е м л и представляетъ, собственно говоря. продажу вложеннаго въ нее т р у д а и что, во-вторыхъ, только трудъ служитъ основаніемъ активнаго права распоряженія семейно-захватными участками...

Всѣмъ сказаннымъ я отнюдь не хочу утверждать. что захватъ самъ по себѣ нисколько не является основаніемъ семейно-захватнаго права. Я нахожу необходимымъ установить только, что, во-первыхъ, элементъ труда невыдѣлимъ изъ захвата, такъ какъ каждый захватъ представляетъ затрату труда, и что. во-вторыхъ, трудъ уже въ самыхъ первыхъ проявленіяхъ семейно-захватнаго права представляетъ основаніе болѣе вѣское, чѣмъ захватъ [2]).

---

[1]) Этотъ вопросъ особенно отчетливо разработанъ въ статьѣ г. Марусина: „Купля-продажа крестьянскихъ земель въ Тобольской губерніи“. См. Сибирскій сборникъ, приложеніе къ Восточному Обозрѣнію за 1887 г.

[2]) На этомъ вопросѣ мнѣ приходится не совсѣмъ согласиться съ г. Кауфманомъ, который, наоборотъ, въ своей книгѣ полагаетъ, что при захватномъ владѣніи „начала трудовое и захватное представляются болѣе или менѣе равнозначащими: и если моментъ приложенія труда всего ео ipso сопровождается захватомъ, то этотъ послѣдній моментъ, при разсматриваемой формѣ, и самъ по себѣ создаетъ уже прочныя отношенія къ захваченной землѣ“ (стр. 55—56).

Чрезвычайно съ перваго взгляда вѣскій. но, пожалуй, единственный серьезный аргументъ въ пользу этого мнѣнія г. Кауфманъ находитъ въ тѣхъ фактахъ, когда, при крайнемъ земельномъ просторѣ, „занмщику“ принадлежатъ не только всѣ уже однажды культивированные или символически захваченные участки всякаго рода угодій, но даже и все ближайшее пространство вокругъ его занмки, въ которое уже непосредственно не вложено ни капли его труда. Г. Кауфманъ приводитъ слѣдующій примѣръ такого рода: волостной судъ по спору объ обоюдныхъ захватахъ земли захватчиковъ А. и Ш. „имѣя въ виду, что А. въ 50 саженяхъ отъ „поскотины“ (загородки для скота) и въ одной верстѣ отъ занмки Ш. распахалъ и посѣялъ хлѣбъ, а Ш. никакихъ стѣсненій А. не сдѣлалъ, а распахивалъ землю вблизи своей занмки“... постановилъ: „распаханную землю Ш.

Посмотримъ теперь, насколько вѣско право давности. Г. Кауфманъ указываетъ, что въ глазахъ крестьянъ давность владѣнія показываетъ согласіе общины на это владѣніе и безспорность владѣнія, тоже доказывающую его справедливость. Тѣмъ не менѣе г. Кауфманъ не считаетъ права давности особенно вѣскимъ. И это совершенно справедливо. Укажу прежде всего, что давность владѣнія не доказываетъ еще безспорности его (споры могли быть, но лишь по случайнымъ причинамъ не имѣть результата), а безспорность владѣнія вовсе — не синонимъ его справедливости въ глазахъ крестьянъ. Г. Личковъ (въ цитированной выше статьѣ) приводитъ такъ называемые „отводные приговоры“ (о нихъ ниже), въ которыхъ земля отбирается обществомъ у владѣющихъ ею хотя бы давно и безспорно, но „не по праву“, т.-е. у тѣхъ, которые не пріобрѣли ея (сами или ихъ предки) трудомъ. Этимъ же примѣромъ подрывается и то предположеніе,

---

оставить во владѣніе его, Ш., а А. сдѣлать внушеніе, чтобы онъ не распахивалъ нигдѣ вблизи заимки Ш. (курсивъ г. Кауфмана), такъ какъ А. имѣетъ около своей заимки много пустопорожней земли“ (мой курсивъ).

Мнѣ кажется, что именно на этомъ, дѣйствительно наиболѣе яркомъ, образчикѣ силы захватнаго права съ неменьшей же очевидностью проявляется и трудовая его подкладка: если разные виды производственнаго труда даютъ каждый право на соотвѣтственное угодье, начатое разработкой,—„зачерчиваніе“—на лѣсъ, „закосъ“—на лугъ и опахиваніе—на пашню,—то какъ можно не замѣчать, что такой сравнительно огромный трудъ, какъ постройка „заимки“,—цѣлой хозяйственной, а можетъ быть и жилой, усадьбы, — долженъ далъ право уже на весь тотъ окрестъ лежащій районъ всякихъ свѣжихъ угодьевъ, близость къ которому и удобство эксплуатаціи котораго и были именно цѣлью этого труда; что если другіе заимщики позахватываютъ этотъ районъ и тѣмъ сдѣлаютъ эту „заимку“ безполезной, то они самымъ прямымъ и чувствительнымъ образомъ лишатъ заимщика результатовъ его труда, рѣзко нарушатъ его несомнѣнное трудовое право. Даже при самомъ скрупулезномъ вычисленіи сравнительной затраты труда въ этихъ случаяхъ, мы должны признать, что, если бы первый заимщикъ опахалъ одной круговой бороздой пространство въ версту или больше радіусомъ, въ каковомъ случаѣ уже нельзя было бы отрицать непосредственную затрату труда, то эта затрата была бы во много разъ меньше, чѣмъ сооруженіе въ центрѣ этого пространства усадьбы; но нѣтъ надобности вычислять относительныя количества захватнаго труда: какъ бы мало они ни были, они, очевидно, всегда достаточны, пока у оспаривающаго это трудовое право нѣтъ большаго трудового же или какого-либо иного права, а именно такъ и обстоитъ дѣло въ нашемъ случаѣ: трудового права у второго захватчика нѣтъ вовсе, не признанъ за нимъ судомъ и другой правовой мотивъ,—недостатокъ земель въ собственномъ его районѣ захвата („онъ имѣетъ около своей заимки много пустопорожней земли“). Не ясно ли, что въ разбираемомъ рѣшеніи волостного суда всецѣло восторжествовало именно трудовое право?

Если, такимъ образомъ, трудовой элементъ невыдѣлимъ и необходимъ даже въ случаяхъ, служащихъ, повторяю, дѣйствительно наиболѣе удачнымъ возраженіемъ противъ доминирующей его роли, то врядъ ли можно отрицать послѣднюю. Долженъ замѣтить, что и самъ г. Кауфманъ иногда какъ бы вполнѣ признаетъ это. Напр., говоря въ ст. объ общинѣ въ Маріинскомъ и Томскомъ округахъ Томской губерніи о причинахъ существованія „вольнаго“, а не „заимочнаго“ владѣнія лугами, онъ видитъ эти причины „въ отсутствіи въ этомъ случаѣ важнаго элемента, на которомъ только и можетъ установиться заимочное право—элемента трудового“ (мой курсивъ). См. „Мат. Зап. Сиб.“, в. XVIII, стр. 235.

что давность доказываетъ согласіе общества: давность владѣнія можетъ доказывать лишь временное и условное согласіе общества, часто лишь его, такъ сказать, попущеніе: земли всѣмъ довольно, и только потому общество временно допускаетъ владѣніе даннымъ участкомъ, хотя можетъ быть, вовсе и несогласно съ правильностью этого владѣнія. Ясно, что при такихъ условіяхъ владѣніе, хотя бы и очень давнее, есть, какъ я выше старался показать, скорѣе просто фактъ, чѣмъ право, основнымъ признакомъ какового,—способностью устоять въ спорѣ, — давность, очевидно, сама по себѣ не обладаетъ. Но особенно яркимъ показаніемъ слабаго значенія давности, какъ основанія въ глазахъ крестьянъ права владѣнія, служитъ тотъ фактъ, что давность въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ служитъ аргументомъ то въ пользу права владѣнія, то противъ этого права! Я встрѣтилъ, напримѣръ, у г. Личкова два рѣшенія волостного суда, которыми земельные участки оставлены за отвѣтчиками на томъ основаніи, что они извѣстный срокъ ими владѣли (5 лѣтъ и 29 лѣтъ), и, значитъ, вложили въ нихъ извѣстное количество труда; и встрѣтилъ также два рѣшенія, коими участки (залежные) присуждены отъ стараго новому захватчику, именно по тому же основанію давности: старые владѣльцы долгое время владѣли ими, не обрабатывая ихъ, т. е., не влагая въ нихъ труда.

Совершенно очевидно, что въ этихъ случаяхъ давность владѣнія сама по себѣ не служитъ основаніемъ права, она является просто мѣрой другого, трудового основанія права владѣнія: чѣмъ дольше влагался трудъ, тѣмъ больше право, чѣмъ дольше онъ не влагался, тѣмъ меньше право. Если бы давность имѣла самостоятельное значеніе, какъ основаніе права, то во второмъ случаѣ она должна бы до извѣстной степени замѣнить, нейтрализовать отсутствіе трудового права, она же только, наоборотъ, еще подчеркиваетъ это отсутствіе права, играетъ, такъ сказать, роль нуля при единицѣ, — каковой единицей несомнѣнно тутъ является право труда...

Итакъ, какъ видимъ, уже на той ступени сгущенія населенія и сокращенія размѣровъ землевладѣнія, когда, вслѣдствіе учащенія споровъ, вырабатываются отношенія, вполнѣ заслуживающія названія права, давность и захватъ почти не имѣютъ самостоятельнаго значенія; они сохраняютъ значеніе преимущественно лишь поскольку въ нихъ заключается или подразумѣвается элементъ труда. Давность, какъ основаніе права владѣнія, обозначаетъ въ большинствѣ случаевъ долгую затрату труда и первый захватъ обозначаетъ, собственно, первую затрату труда. Этотъ трудовой корень русско-крестьянскаго семейно-захватнаго владѣнія является такимъ глубокимъ основаніемъ, что почти можно сказать, что тутъ не столько человѣкъ захватываетъ землю, сколько орудія его труда. Это, собственно, и выражено въ старинной исконной захватной формулѣ, по коей заимщикъ овладѣваетъ всей той землей, „куда его топоръ, коса и соха ходила“...

§ 5.

Прослѣдимъ теперь элементы общиннаго права въ семейно-захватномъ владѣніи.

Не знаю, можно ли представить себѣ такую его форму, въ которой это право вовсе не существовало бы [1]).

Если мы вообразимъ себѣ однѣ заимки отдѣльныхъ семей, разбросанныя среди необитаемой мѣстности, то тутъ въ ихъ владѣніи не проявляется дѣйствительно никакого не только общиннаго, но и вообще какого бы то ни было коллективнаго начала. Государственное право на занятую ими землю можетъ ни въ чемъ не проявляться [2]) и терминъ моя земля можетъ безраздѣльно господствовать среди „вольной", „ничьей", „Божьей", „царской" земли [3]) (такъ называютъ крестьяне „дикое поле", формально считающееся государственной собственностью).

Однако, другую сторону этого чистаго, неограниченнаго личнаго владѣнія захваченной землей представляетъ вѣдь право захватывать землю: и это право уже несомнѣнно основано на коллективномъ началѣ, на равномъ правѣ всякаго крестьянина, т. е. всѣхъ крестьянъ на „ничью" или „царскую", т. е., точнѣе, государственную землю. Такимъ образомъ, мы съ очевидностью видимъ, что самое неограниченное проявленіе личнаго семейно-захватнаго владѣнія основывается уже какъ на необходимо подразумѣваемой посылкѣ, на понятіи общаго, т. е. (по нашему предыдущему опредѣленію) коллективно-общественнаго земельнаго фонда, открытаго для владѣнія и пользованія всего крестянства, какъ цѣлаго.

---

[1]) Въ послѣдней книгѣ г. Кауфмана встрѣчается такая фраза: при захватномъ владѣніи въ «первоначальномъ, чистомъ видѣ... права общины, какъ цѣлаго, на землю рѣшительно ни въ чемъ не проявляются, остаются, такъ сказать, въ скрытомъ состояніи» (страница 55; курсивъ г. Кауфмана). Изъ предыдущихъ фразъ можно однако заключить, что уважаемый авторъ подразумѣваетъ это непроявленіе только по отношенію къ внутреннимъ порядкамъ захвата: ибо въ другомъ мѣстѣ (въ своей статьѣ въ Алтайскомъ сборникѣ) онъ самъ указываетъ на одно проявленіе общины «при захватѣ въ чистомъ видѣ», о чемъ ниже.

[2]) Раньше въ Сибири бывали даже такіе случаи (иногда встрѣчающіеся и до сихъ поръ), что иныя заимки были даже неизвѣстны администраціи и, значитъ, не имѣли къ остальному міру никакихъ отношеній, кромѣ экономическихъ и культурныхъ.

[3]) Въ Енисейской губерніи «населеніе считаетъ государственныя пустопорожнія земли, никѣмъ не занятыя»—«Божьими» или «ничьими»; тѣ изъ нихъ, которыми оно завладѣло, — своими собственными, и только тѣ земли, которыя вымежеваны въ казенно-оброчныя статьи — «казенными» (Матеріалы по Енисейской губерніи, т. IV. в. 3, стр. 140). Въ другихъ мѣстахъ «ничьи» земли также называются и «царскими», такимъ образомъ, крестьяне различаютъ общій государственный фондъ земель — «царскихъ» отъ находящихся въ непосредственномъ распоряженіи государства — «казенныхъ».

Такимъ образомъ, въ самомъ захватѣ уже таится корень коллективнаго владѣнія [1]).

Можетъ показаться однако, что это корень, обреченный не на развитіе, а на постепенное уничтоженіе: вѣдь захваченные участки поступаютъ въ личное владѣніе, такъ что общій земельный фондъ все исчерпывается и съ захватомъ послѣдняго свободнаго участка прекращаетъ свое существованіе. Но такъ могло бы быть (и вѣроятнѣе всего, что и было бы) только въ случаѣ разселенія заимками, хуторами; въ дѣйствительности же такое разселеніе представляется рѣдкимъ и скоро преходящимъ моментомъ, какъ общее же правило, заимки развиваются въ починки и деревни, вслѣдствіе чего, рядомъ съ коллективнымъ общественнымъ началомъ въ самомъ вольнокрестьянскомъ захватѣ, является еще вышеуказанное коллективно-общинное право на данный совмѣстный для отдѣльныхъ группъ семей районъ захвата.

Значитъ имѣется три рода земли: ничья, наша и моя. И вотъ изъ этого понятія о нашей землѣ вырастаетъ община.

Это понятіе объ общинномъ правѣ на землю совершенно ясно и твердо даже въ наиболѣе малонаселенныхъ и многоземельныхъ мѣстностяхъ. „Если вы спросите Забайкальскаго крестьянина, чья у нихъ земля, то вамъ сейчасъ будетъ данъ отвѣтъ, „знамо, мірская, общественная". „Земля, — говорятъ Ленскіе крестьяне, — ничья, а Божья, государственная, общественная мірская" [2]) Въ Иркутской губерніи, по словамъ Личкова, сознаніе того, что земля — мірская собственность, совершенно повсемѣстно и твердо установилось [3]). Въ Енисейской губерніи „во всѣхъ случаяхъ право общества регулировать поземельныя отношенія принадлежащихъ къ его составу лицъ никогда никѣмъ не оспаривается; если же возникаютъ нерѣдко протесты по поводу отдѣльныхъ соотвѣтственныхъ распоряженій общества, то протесты эти никогда не касаются самой сущности права, а направляются только противъ различныхъ дѣйствительныхъ, или предполагаемыхъ злоупотребленій имъ" [4]).

Такое полное и всеобщее сознаніе и признаніе общиннаго права объясняется именно тѣмъ, что лично захваченные участки представляютъ только островки среди общиннаго района захвата, право (общее, равное для всѣхъ общинниковъ) на который для всѣхъ

---

[1]) Мнѣ весьма пріятно указать, что г. Кауфманъ и нѣкоторые другіе изслѣдователи также полагаютъ, что зародышъ общиннаго права лежитъ въ понятіи крестьянъ о «ничьей», «Божьей» землѣ. Г. Кауфманъ, напримѣръ, основной, первой причиной того, что изъ семейно-захватнаго владѣнія развивалось и развивается общинное, а не личное владѣніе, считаетъ «присущее крестьянину-пахарю... воззрѣніе (на землю, какъ на «ничью», «Божью», «государеву», какъ на фондъ, изъ котораго каждый имѣетъ равное съ другими право черпать себѣ средства существованія». Крестьянская община въ Сибири, стр. 61).

[2]) Изъ статьи А. Щапова, цитирую по Ап. Каренину «Общинное владѣніе въ Россіи», стр. 189, см. тутъ же и слѣдующія страницы о томъ же сознаніи въ Олонецкой губерніи и др. мѣстахъ.

[3]) «Матеріалы по Иркутской и Енисейской губ.» Т. II, вып. 3-й.

[4]) «Матеріалы Енисейской губ.» т. IV, вып. 3-й стр. 137.

безусловно ясно и твердо. Мало этого, нужно вспомнить, что вѣдь не всѣ участки и угодья захватываются въ безсрочное личное владѣніе,—нѣкоторые, какъ выше указано, захватываются только на короткій срокъ, такъ что ими владѣльцы могутъ мѣняться очень часто, хоть ежегодно, и въ этомъ случаѣ общность этихъ участковъ, принадлежность ихъ всѣмъ и каждому и никому въ отдѣльности какъ нельзя болѣе ярко выясняется.

Спрашивается теперь: можетъ ли такое ясное сознаніе общинности района захвата и особенно участковъ краткосрочнаго захвата остаться безъ реальнаго выраженія, безъ проявленія въ той или иной функціи общиннаго владѣнія и распоряженія.

Уже a priori это было бы совершенно невѣроятно, и, дѣйствительно, при самыхъ первичныхъ, чистыхъ формахъ семейнаго захвата въ періодъ отсутствія границъ, т. е., значитъ, отсутствія точно-конкретной общинной территоріи, это общинное право уже можетъ проявляться и проявляется, хотя и совсѣмъ еще не стѣсняетъ индивидуальнаго захвата, а, напротивъ, утверждаетъ его. Прежде всего это право проявляется именно въ дозволеніи или недозволеніи захвата земли въ районѣ, тяготѣющемъ къ данному селенію, лицамъ постороннимъ, не принадлежащимъ къ коренному крестьянскому населенію деревни или сельскаго общества. Совершенно ясно, что разъ эти лица не могутъ захватывать землю прямо безъ дозволенія данной группы семей (селенія или сельскаго общества), то этимъ выясняется право владѣнія этой группы, какъ общиннаго цѣлаго, и когда эта община дозволяетъ захватъ постороннимъ, то очевидно, что она распоряжается тѣмъ райономъ захвата, который считаетъ „нашей“, „мірской“, „общественной землей [1]).

По утвержденію г. Кауфмана, въ этомъ только отношеніи къ постороннимъ и заключаются проявленія общиннаго права при чистомъ захватѣ, по отношенію же къ внутреннему, такъ сказать, захвату, они „рѣшительно ни въ чемъ не проявляются“. Полагаю, что г. Кауфманъ тутъ имѣлъ въ виду именно только тѣ случаи чистаго семейно-захватнаго владѣнія, когда еще нѣтъ столкновеній занимщиковъ, т. е. когда владѣніе еще болѣе экономическое, чѣмъ юридическое,—тогда, конечно, и общинное право также всецѣло находится въ скрытомъ состояніи. Но разъ есть столкновенія изъ-за лучшихъ участковъ, возможныя, собственно говоря, почти всегда, такъ какъ почти всегда есть какія-либо различія въ угодьяхъ,—если не въ качествѣ ихъ, то въ расположеніи, въ близости къ водѣ или жилью

---

[1]) „Пока заимочное владѣніе существуетъ въ чистомъ его видѣ,—говоритъ Кауфманъ,—верховное право общины на землю осуществляется—и то, впрочемъ, не всегда—только по отношенію къ непринадлежащимъ къ составу общины лицамъ, которыхъ община не допускаетъ (г. Кауфману слѣдовало бы прибавить: и допускаетъ) до пользованія землей. По отношенію къ членамъ общины права послѣдней находятся въ скрытомъ состояніи и, такъ сказать, выжидаютъ появленія такихъ условій, которыя способствовали бы ихъ проявленію“. Алтайскій сборникъ, выпускъ 1-ый, стр. 109.

и т. п.,—то уже могутъ обнаружиться и внутреннія, такъ сказать, права общины.

Правда, что, благодаря игнорированію закономъ обычно сложившихся судебныхъ функцій деревни-общины и перенесенію обычно-правового суда въ искусственно созданный волостной судъ, въ очень многихъ спорахъ заимщики прямо обращаются въ послѣдній, совершенно игнорируя общину-деревню, но, во-первыхъ, по замѣчанію изслѣдователей, волостной судъ теперь въ Сибири довольно удовлетворительно осуществляетъ обычно-крестьянское земельное право, въ общемъ точно слѣдуя за его быстрою эволюціей; а во-вторыхъ, во многихъ случаяхъ споры заимщиковъ разрѣшаются и общиной. И вотъ, уже въ рѣшеніяхъ этихъ споровъ,—особенно изъ-за того подступанія къ „заимкѣ“ захватчика, характерный случай котораго мы анализировали въ предыдущемъ § (въ примѣчаніи) и въ которомъ проявляется такое огромное лично-захватное право,—явственно проступаетъ общинный принципъ: споры эти рѣшаются и самое право на не „подступаніе“ устанавливается не на основаніи только формальнаго принципа неприкосновенности захваченнаго, но также на основаніи общихъ интересовъ заимщиковъ, а именно захватъ тутъ регулируется для того и такъ, чтобы захватчики не мѣшали сельскохозяйственной дѣятельности другъ друга (въ выше разобранномъ примѣрѣ г. Кауфмана запретъ „подступаться“ основывается на томъ, что у подступившаго довольно земли вблизи его собственной заимки, такъ что къ стѣсненію другого нѣтъ мотивовъ). Г. Дубенскій прекрасно выясняетъ этотъ же принципъ для Енисейской губерніи. Тутъ тоже въ рѣдкихъ случаяхъ полнаго земельнаго простора „каждый членъ общества, осуществляя свое право захватывать пустующія земли и пользоваться ими, можетъ „подступаться“ къ пашнямъ сосѣда лишь до тѣхъ поръ, пока это не стѣсняетъ пользованія послѣдняго и, такимъ образомъ, между пашнями двухъ сосѣдей остается болѣе или менѣе значительное пространство, которое уже никто не имѣетъ права обращать въ свое непосредственное пользованіе. На этомъ пространствѣ сосѣди во время земледѣльческихъ работъ держатъ свой скотъ, разбиваютъ „станы“, оборачиваютъ, наконецъ, свои земледѣльческія орудія. Ясно, что такія ограниченія въ правѣ завладѣванія пустопорожними землями главнѣйшей своей цѣлью имѣютъ предупредить по возможности возникновеніе на пахотныхъ полосахъ сервитута прохода и проѣзда, а особенно такого тяжелаго сервитута, какъ право оборота орудій; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду отсутствія въ изучаемомъ краѣ принудительной обработки полей, этими ограниченіями стараются по возможности уменьшить постоянные споры о потравахъ сосѣднихъ полей во время земледѣльческихъ работъ“ [1]).

Нужно отмѣтить еще, что при самомъ чистомъ захватѣ, даже при невозможности споровъ при самыхъ захватахъ, всегда могутъ возникать споры семейно-наслѣдственные и т. п. Въ такихъ случаяхъ

---

[1]) „Матеріалы Енисейской губерніи“, томъ IV, вып. 3, стр. 176—177.

„міръ“ выступаетъ формально только какъ бы с у д ь е й, однако, если вглядѣться въ категоричность и безотмѣнность его рѣшеній, то придется признать, что, по крайней мѣрѣ отчасти, онъ фигурируетъ тутъ уже и х о з я и н о м ъ земли [1]). По крайней мѣрѣ волостной судъ въ Енисейской, Иркутской и другихъ губерніяхъ, разсматривая тяжбы, въ которыхъ одинъ хозяинъ основывается на рѣшеніи общины, а другой такого основанія не имѣетъ, иногда даже не входитъ въ разборъ дѣла по существу, указывая на права общины, и обыкновенно признаетъ правымъ перваго, т.-е. принципіально подтверждаетъ распорядительство общины.

Могутъ, наконецъ, иногда встрѣчаться отдѣльные случаи непосредственнаго распоряженія общины тѣмъ или инымъ участкомъ земли по особымъ причинамъ и съ особыми цѣлями: могутъ иногда отбираться участки за недоимки, община можетъ распоряжаться выморочными землями (при чистомъ захватѣ, впрочемъ, случаи перваго и второго рода могутъ быть лишь очень рѣдко); могутъ отводиться и регулироваться усадебныя мѣста, иные участки могутъ обращаться подъ тѣ или иныя постройки и учрежденія,— мельницы, школы и т. п.

Весьма важно, затѣмъ, для полной оцѣнки значенія общиннаго начала въ самый первый фазисъ семейно-захватнаго владѣнія принять во вниманіе всякія другія проявленія этого начала, кромѣ моментовъ владѣнія и распоряженія землей. Не надо забывать, во-первыхъ, что общія дѣйствія тѣхъ или иныхъ группъ крестьянъ (волостей, сельскихъ обществъ, общинъ-селеній) необходимо складываются и практикуются въ функціяхъ самоуправленія и административно-податныхъ. Во-вторыхъ же, и по отношенію къ землѣ начало коллективное проявляется помимо распоряженія еще въ п о л ь з о в а н і и: именно въ періодъ наименьшей населенности и семейнаго захвата эти формы бываютъ довольно часты, въ видѣ ли большихъ семей (встрѣчающихся и до сихъ поръ, а раньше весьма частыхъ), или артелей отдѣльныхъ заимщиковъ для отдѣльныхъ работъ въ формѣ „помочей“ и т. п. (расчистки лѣса, уборки хлѣба и т. д.), или иногда даже цѣлыхъ общинныхъ организацій для тѣхъ или иныхъ цѣлей [2]).

---

[1]) Приведу интересный примѣръ такого рода рѣшенія изъ „Матеріаловъ по Енисейской губерніи“. „Приговоръ Никольскаго сельскаго схода (Рыбинской волости изъ книги за 1890 годъ) по поводу жалобы крестьянина Я. на то, что отецъ желаетъ лишить его „надѣла“, выгоняя изъ дому: „Зная хорошо,—говорится въ постановленіи по этому поводу,—что Я. въ чрезмѣрномъ употребленіи вина и другихъ предосудительныхъ поступковъ замѣченъ не былъ, ведетъ жизнь трезвую, и отецъ его выгоняетъ напрасно, мы приговорили: обязать крестьянина Я. (отца) все имущество (движимое и недвижимое) отдать сыну съ тѣмъ, чтобы онъ: 1) все хранилъ въ цѣлости до раздѣла съ младшимъ братомъ, и 2) обязанъ былъ отца своего прокармливать и ни въ чемъ не стѣснять („Матеріалы Енис. губ.“ т. IV, в. 3, стр. 176).

[2]) Весьма интересные случаи большихъ семей существуютъ и теперь въ Сибири; въ Забайкальѣ, напримѣръ, ихъ описываетъ г. Михайловъ (см. „Русскую Мысль“ 1885 года 12 кн.); Румянцевская опись малороссійскихъ полковъ, произведенная въ 1763 г., даетъ намъ очень много примѣровъ такихъ семей—часто

Во всѣхъ этихъ разнообразныхъ общественныхъ соединеніяхъ несомнѣнно вырабатываются воззрѣнія, склонности, привычки, заставляющія каждаго отдѣльнаго крестьянина постоянно помнить, что онъ—часть того или иного общественнаго цѣлаго, въ нихъ постепенно накопляется нѣкоторая, такъ сказать, общинная потенція.

Такимъ образомъ, суммируя всѣ эти, хотя бы и рѣдкія, мелкія, косвенныя или даже сомнительныя, проявленія общиннаго начала въ первичный періодъ неограниченнаго захвата, мы получаемъ все-таки

въ 15—20 человѣкъ и очень часто въ 10 человѣкъ. Эти большія семьи, или маленькія общины, состояли не изъ однихъ родныхъ членовъ семьи,—въ нихъ участвовали и посторонніе, такъ называемые „дольники".

Относительно артелей-помочей изъ нѣсколькихъ семей встрѣчаются тоже интересныя данныя. Приведу для примѣра описаніе этихъ формъ изъ статьи „Очеркъ формъ пользованія землей у крестьянъ Тюкалинскаго округа" (Восточное Обозрѣніе 1887 года №№ 15, 18, 20): „Если 50—30 лѣтъ назадъ нельзя подмѣтить въ пользованіи пахотными землями общиннаго начала у Тюкалинскихъ крестьянъ, зато въ уборкѣ хлѣбовъ мы наблюдаемъ проявленіе общинно-мірского духа въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Во многихъ деревняхъ Кабырданской волости, наиболѣе хлѣбородной и богатой части округа, въ особенности въ тѣ времена, хлѣбъ убирался съ полей не иначе, какъ сообща, помочами; вся деревня участвовала въ помочи и переходила отъ одного крестьянина къ другому, пока не убирался весь хлѣбъ деревни". И теперь помочи распространены, но имѣютъ иной характеръ: бываютъ въ исключительныхъ случаяхъ, если хозяинъ не можетъ найти рабочихъ, и кромѣ того собираются на помочь только нѣкоторые, жадные до угощенія, тогда какъ прежде сходилась вся деревня и угощенія вовсе не было. Помочи въ прежнее время вызывались слишкомъ большими посѣвами, короткимъ періодомъ уборки, неравномѣрнымъ у разныхъ хозяевъ на разныхъ участкахъ поспѣваніемъ хлѣбовъ, вслѣдствіе какихъ причинъ одному хозяину трудно, а иногда и невозможно справиться самому отдѣльно; и угощеній не было, ибо каждый получалъ одинаковую выгоду, обмѣнивался равными услугами. Меньшія запашки и наплывъ дешевыхъ наемныхъ рабочихъ въ лицѣ уголовно-ссыльныхъ были причиной сокращенія и перемѣны прежняго характера помочей".—Не знаю, впрочемъ, составляли ли помочи описаннаго рода общее явленіе, хотя бы въ одной лишь Сибири. Но несомнѣнно, что какъ эти, такъ и другія формы артельнаго труда широко были и иногда остались распространены въ фазисѣ неограниченнаго семейно-захватнаго владѣнія. Къ частымъ и иногда довольно обширнымъ примѣненіямъ кооперацін принуждала не только борьба съ природой (вырубка лѣса, осушеніе болотъ, орошеніе и т. п.), но и съ сосѣдними инородцами. Такъ, напр., въ Кубанской области въ станицахъ, пограничныхъ съ кавказскими горцами, еще въ 1841 г. находимъ слѣдующіе военно-артельные порядки: „Ежедневно предъ началомъ покоса,—говорится въ одномъ изъ приказовъ командира Лабинскаго линейнаго полка,—общество должно „выслать конную команду для осмотра мѣстности; команда, занявъ высоты, извѣщаетъ станичнаго начальника объ этомъ; станичный начальникъ высылаетъ косцовъ, поручая ихъ офицерамъ... строжайше имъ приказавъ въ случаѣ тревоги спѣшить немедленно на указанныя сборныя мѣста для отраженія хищниковъ"... Сѣно въ такихъ случаяхъ обыкновенно косилось сообща на всѣхъ жителей станицы и затѣмъ дѣлилось между ними также по распоряженію полкового командира"... (О. А. Щербина „Земел. община Кубанск. казаковъ", стр. 143).

Приводя здѣсь эти нѣсколько фактовъ только съ цѣлью дать читателю понятіе о томъ, какъ разнообразны и даже курьезны бываютъ примѣненія кооперацін въ окраинномъ „дикомъ полѣ", при первой его колонизацін, я отлагаю подробное и систематичное ихъ описаніе до 4-го тома своей работы. Пока могу указать читателю, что у г. Карелина („Общ. влад.", стр. 206—219) собрано нѣсколько любопытныхъ примѣровъ разныхъ артельныхъ организацій.

впечатлѣніе, что и въ этотъ періодъ это общинное право, въ общемъ скрытое, иногда однако уже тамъ и сямъ болѣе или менѣе явственно выступаетъ, или по крайней мѣрѣ просвѣчиваетъ сквозь оболочку лично-захватнаго владѣнія.

Но до сихъ поръ мы говорили исключительно о самомъ первомъ фазисѣ, — о фазисѣ отсутствія границъ. Понятно, однако, какое крупное проявленіе общиннаго начала заключается въ самомъ фактѣ развитія междуобщинныхъ границъ.

Уже при разграниченіи волостей, тѣмъ болѣе при отграниченіи отдѣльныхъ угодій группамъ селеній, а особенно при отмежеваніи отдѣльныхъ селеній (когда, впрочемъ, семейно-захватное владѣніе уже обыкновенно перестаетъ существовать въ чистомъ видѣ), нашей землей начинаетъ обозначаться уже не какъ раньше опредѣленное какое-то, куда хватитъ глазъ, пространство, а вполнѣ опредѣленная площадь, конкретные и извѣстными (болѣе или менѣе точными) знаками отграниченные участки: такимъ образомъ конкретизируется общинная территорія.

Но при этомъ размежеваніи слагается и функціонируетъ и самая община: въ этомъ случаѣ не отдѣльныя семьи захватываютъ и другъ съ другомъ сталкиваются, а цѣлыя группы семей съ обѣихъ сторонъ (одного или нѣсколькихъ селеній,—это пока все равно), такъ что при этомъ каждый хозяинъ, хотя лично отстаиваетъ и охраняетъ свой собственный уже захваченный остатокъ, но кромѣ того сообща съ другими хозяевами отстаиваетъ и охраняетъ отъ другихъ группъ общій районъ захвата; договариваясь о разграниченіи этихъ районовъ, каждая группа, очевидно, уже распоряжается землей, какъ общинное цѣлое; такимъ образомъ, при этомъ размежеваніи конкретизируется и сама община и ея функціи [1]).

Въ этомъ процессѣ и вообще въ этотъ періодъ общинное право выступаетъ уже такъ ясно и сильно, что начинаетъ задѣвать личное право захвата, и потому, параллельно съ процессомъ развитія границъ и по мѣрѣ его, чистая неограниченная форма семейно-захватнаго владѣнія уже начинаетъ исчезать и смѣняться различными разновидностями ограниченнаго захвата.

§ 6.

Сказаннаго достаточно, чтобы формулировать основныя черты семейно-захватнаго владѣнія (неограниченнаго).

---

[1]) Это проявляется съ особенной яркостью въ случаяхъ выселенія части хозяевъ. Даже при самомъ чистомъ неограниченномъ семейно-захватномъ владѣніи такія выселенія часто приводятъ къ общему уравнительному передѣлу всей земли ушедшихъ между всѣми оставшимися (такіе случаи обстоятельно описаны, напр., г. Кролемъ для Забайкальской области, см. „Матеріалы“ по этой области, в. 10, стр. 164—165, 189 и др.). Ясно, что при этомъ съ полной очевидностью вскрывается общее равное право всѣхъ хозяевъ на землю, т. е. именно общинное право. Но затѣмъ послѣ такихъ передѣловъ, вынужденныхъ и преждевременныхъ, снова устанавливается наслѣдственно-захватное владѣніе, общинное право временно снова уходитъ въ глубь, въ потенцію...

Это владѣніе господствовало и господствуетъ при полномъ земельномъ просторѣ въ періодъ первоначальнаго разселенія заимками — починками — деревнями, въ періодъ перваго развитія границъ между ними.

Оно представляетъ весьма сложную и своеобразную комбинацію личнаго и коллективнаго начала. При немъ, какъ, впрочемъ, и при многихъ другихъ формахъ и фазисахъ общиннаго владѣнія, имѣются три субъекта владѣнія, располагающіеся въ три суживающіяся ступени: вся земля принадлежитъ государству; отдѣльные отграниченные районы ея вокругъ крестьянскихъ деревень—этимъ общинамъ; и захваченные подъ обработку участки въ этихъ районахъ — отдѣльнымъ семьямъ.

Такое сосуществованіе трехъ въ принципѣ взаимно исключающихъ другъ друга субъектовъ владѣнія (рѣзко отличающее семейно-захватное владѣніе отъ чисто личной собственности) возможно отчасти, благодаря извѣстному распредѣленію между ними отдѣльныхъ функцій владѣнія, распоряженія и пользованія, отчасти же благодаря невыработанности, неразвитости самыхъ этихъ правъ. Право общественное, государственное существуетъ (или, вѣрнѣе, существовало до сихъ поръ) болѣе формально, лишь сравнительно рѣдко проявляясь въ самомъ общемъ размежеваніи, только подтверждающемъ фактическое размежеваніе самихъ общинъ; право общинное только принципіально сознается и признается, и хотя постепенно уже проходитъ нѣкоторый путь реализаціи и конкретизаціи, но еще (какъ общее правило) проявляется только въ этомъ между-общинномъ разграниченіи, а не задѣваетъ еще личнаго права; личное же владѣніе, при семейномъ захватѣ, сначала представляющее лишь ничѣмъ неограниченный фактъ, а затѣмъ постепенно свободно, такъ сказать, юридифицирующееся на основѣ труда (чѣмъ опять явственно отличается отъ личной собственности),—соединяетъ въ себѣ всѣ функціи владѣнія. Такимъ образомъ, семейно-захватное владѣніе не есть періодъ неподвижнаго существованія общиннаго и личнаго права (неподвижно пока только государственное право), а тотъ періодъ параллельнаго развитія этихъ правъ, пока они еще не развились настолько, чтобы встрѣтиться и вступить въ борьбу, пока знаки и межи заимщиковъ еще неприкосновенны, границы же между общинами ихъ не исключаютъ, а включаютъ въ себя,—пока, однимъ словомъ, общинное право стоитъ не противъ личнаго, а надъ нимъ, пока оно, такъ сказать, „царствуетъ, но не управляетъ“...

Но неизбѣженъ, конечно, моментъ, когда, вслѣдствіе сгущенія населенія и культивированія страны, всѣ эти три начала должны выступить рѣзче и столкнуться. Возможны, очевидно, два результата этого столкновенія: побѣда либо личнаго, либо общиннаго начала. Исходъ тутъ опредѣляется, повидимому, всецѣло, или главнымъ образомъ, поведеніемъ государства.

Тамъ, гдѣ оно отказывается отъ своего права собственности въ пользу личнаго начала, надѣляя отдѣльныхъ лицъ участками въ пол-

ную собственность, или объявляя такою собственностью ихъ семейно-захватные участки, — общинное владѣніе тѣмъ самымъ уничтожается или оттѣсняется, и устанавливается въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ обыкновенная личная собственность. Происходитъ это не только потому, что государство прямо объявляетъ часть своей территоріи личной собственностью, но еще потому, что этимъ самымъ оно вызываетъ и у другихъ владѣльцевъ процессъ самопроизвольнаго перерожденія семейно-захватнаго владѣнія въ личную собственность; установленные выше примѣры послѣдней являются ферментомъ, переводящимъ семейно-захватное владѣніе въ личное, — заимочники заражаются понятіями собственниковъ (врядъ ли нужно доказывать, какъ силенъ моментъ „подражанія“ въ эволюціи права вообще и первичныхъ малосознательныхъ фазисовъ его въ особенности),—заражаются неизбѣжно, такъ какъ ихъ право представляетъ почти ту же личную собственность, только, такъ сказать, текучую, не успѣвшую кристаллизоваться. Вѣроятно именно такова была исторія замлевладѣнія въ Малороссіи, исторія такъ называемаго четвертного землевладѣнія и т. п.

Когда же государство не отказывается отъ своего права въ пользу личной собственности, а или передаетъ его въ той или иной степени общинамъ или даже только сохраняетъ пассивное положеніе,—тогда, напротивъ, постепенно общинное начало усиливается, реализуется и въ большей или меньшей степени вытѣсняетъ личное. Послѣднее обыкновенно и имѣло мѣсто во всемъ крестьянско-колонизаціонномъ процессѣ въ Россіи и наблюдается еще въ мѣстностяхъ, гдѣ этотъ долгій процессъ еще продолжается и завершается.

Въ слѣдующихъ двухъ главахъ мы и прослѣдимъ эту глубоко интересную для основного вопроса о будущности общины и наблюдающуюся въ настоящее время у нѣсколькихъ милліоновъ крестьянъ борьбу общиннаго начала съ личнымъ, въ результатѣ коей складывается общинная форма землевладѣнія.

ГЛАВА III.

Общинное начало можетъ проявляться по отношенію къ индивидуальному семейно-захватному праву въ двухъ формахъ: во-первыхъ, въ установленіи извѣстныхъ общихъ нормъ, видоизмѣняющихъ и ограничивающихъ семейно-захватное право, и, во-вторыхъ, въ непосредственномъ выступленіи общины въ качествѣ распорядителя тѣми или иными земельными участками. Первую форму проще всего называть ограниченымъ семейно-захватнымъ [1]) владѣніемъ, вторую же я буду называть общинно-отводнымъ владѣніемъ. Понятно, что общинное ограниченіе захвата и общинный отводъ могутъ встрѣчаться и очень часто встрѣчаются одновременно, примѣняясь къ разнымъ угодьямъ или къ разнымъ моментамъ владѣнія ими, но ихъ слѣдуетъ отдѣлять въ виду существеннаго принципіальнаго въ нихъ различія. Обрисуемъ сначала эволюцію общиннаго ограниченія захвата, а затѣмъ—общинныхъ „отводовъ".

§ 1.

Выше мы разсматривали періодъ обилія земли вообще и всякаго рода угодій въ частности, когда право каждаго захватывать землю ничѣмъ не стѣснено, такъ какъ земли больше, чѣмъ можно захватить, потому и право владѣть захваченными участками также ничѣмъ неограничено. Но когда всѣ лучшіе участки того или иного угодья уже захвачены, и для захвата остались только замѣтно худшіе, или даже совсѣмъ почти никакіе не остались,—тогда право на захватъ вступаетъ въ конфликтъ съ правомъ владѣть захваченнымъ: между двумя хозяевами, желающими захватить одинъ участокъ, или между захватившимъ и ищущимъ захватить,

---

[1]) Мнѣ весьма пріятно указать, что на этомъ терминѣ я буквально сошелся съ г. Кролемъ, весьма интересную работу котораго о формахъ землевладѣнія въ Забайкальской Области (въ „Матеріалахъ" комиссіи ст. с. Куломзина, вып. 10) я, къ сожалѣнію, прочелъ лишь послѣ того, какъ вся эта книга была уже написана, что не позволило мнѣ воспользоваться фактами и выводами этой работы съ такой полнотой, какъ она этого заслуживала бы. Въ частности терминологическія замѣчанія г. Кроля (см. ст. 1—6 его книги) очень мѣтки и отчетливы и, пожалуй, лучше всѣхъ предыдущихъ характеризуютъ многочисленныя классификаціонно-терминологическія схемы сибирскихъ формъ землевладѣнія. Приходится только поставить г-ну Кролю въ упрекъ то искусственное отличеніе особаго „вольнаго" владѣнія отъ семейно-захватнаго, которое онъ повторяетъ за предшествовавшими ему авторами...

возникаютъ споры. Само собою разумѣется, что споры эти иногда могутъ окончиться полюбовнымъ соглашеніемъ между спорящими, могутъ, наоборотъ, привести къ насилію, къ рѣшенію спора физической силой, но ясно, что очень часто,—навѣрно въ значительномъ большинствѣ случаевъ,—они, въ концѣ концовъ, не могутъ не привести къ публичному, общественному спору между захватчиками, причемъ на сторону каждаго становятся его родственники, сосѣди и т. п., чѣмъ постепенно вводится въ споръ и весь „міръ", какъ судья въ спорѣ. Съ учащеніемъ споровъ учащаются и случаи мірского, общиннаго ихъ разбирательства и рѣшенія, и, въ концѣ концовъ, сами спорящіе часто сразу же обращаются къ „схожанамъ" (мірскому сходу въ полномъ или частномъ составѣ).

Въ большинствѣ этихъ рѣшеній и соглашеній дѣло рѣшается въ пользу права на захватъ и противъ права на захваченное. Происходитъ это именно потому, что главное основаніе захвата, выступающее въ спорахъ заимочниковъ, заключается въ трудѣ: захватъ или давность представились бы недоступными для оспариванія и ограниченія, какъ основанія формальныя и не поддающіяся, или мало поддающіяся измѣренію и соизмѣренію, затрата же труда, представляющая явленіе реальное и измѣримое и могущая варіироваться отъ самой крупной до ничтожно малой величины, является по существу основаніемъ упругимъ, способнымъ къ сжиманію, сокращенію предъ другимъ принципомъ. И вотъ, весь процессъ ограниченія права на захваченные участки въ пользу права захватывать именно, какъ общее правило, и состоитъ въ постепенномъ оспариваніи т о л ь к о такихъ захватныхъ владѣній, которыя н е д о с т а т о ч н о о с н о в ы в а л и с ь н а з а т р а т ѣ т р у д а, т. е., такимъ образомъ, въ этомъ процессѣ не только не оспаривается право затраченнаго труда, но, напротивъ, весь процессъ именно и состоитъ во все болѣе точномъ сведеніи захватнаго владѣнія къ трудовому основанію. Мы съ полной конкретностью увидимъ это, обрисовавъ самый ходъ развитія этихъ ограниченій захвата.

Выше я указалъ на то, что уже при чистомъ семейно-захватномъ владѣніи въ одномъ случаѣ совершенно отчетливо проявляется право общины нормировать захватъ: это именно—въ самомъ дозволеніи захвата въ общинномъ районѣ лицамъ постороннимъ. Съ нихъ же легче всего можетъ начаться и установленіе постоянныхъ нормъ для захвата. И дѣйствительно, уже очень рано начинаютъ отмѣчать различныя ограниченія захватнаго владѣнія постороннихъ. Въ Иркутской, напр., губерніи постороннихъ начинаютъ облагать сборами за пользованіе землей [1]). Въ иныхъ селеніяхъ уже состоялись рѣшитель-

---

[1]) Привожу типичный примѣръ такого рода особенно рѣшительнаго мірского ограниченія постороннихъ. Приговоръ: „1885 г. 27 февраля. Въ виду того, что до сихъ поръ не исполненъ еще приговоръ крестьянъ Александровскаго общества Усть-Балейской волости отъ 1 апрѣля минувшаго года о платежѣ оброка въ пользу ихъ со стороны лицъ пришлаго не крестьянскаго населенія за пользованіе послѣдними усадебными и пахотными землями, лѣсомъ, покосами, выгономъ и пр.;

ные приговоры объ этомъ, въ другихъ крестьяне только собираются приступить къ этому: „пустили ихъ („разночинцевъ“), когда свободно было, а теперь и надо бы ограничить,—либо землю отнять, либо обложить, да не знаемъ какъ“... Такимъ образомъ, въ этихъ случаяхъ самый принципъ ограниченія захватнаго владѣнія посторонних уже вполнѣ признанъ и не осуществленъ только по незнанію формальныхъ къ тому способовъ. Въ Енисейской губерніи также лицамъ постороннимъ при началѣ „утѣсненія въ землѣ“ начинаютъ отводить для захвата районы похуже и т. п. Такимъ образомъ, на этомъ захватномъ владѣніи чужихъ общинѣ людей легче всего проявляется верховное общинное право владѣнія землей.

Вслѣдъ или рядомъ съ этимъ ограниченіемъ захватнаго владѣнія „чужихъ“, начинаютъ постепенно претерпѣвать нѣкоторыя стѣсненія и свои деревенскіе заимочники. Этотъ огромной важности моментъ наступаетъ незамѣтно и естественно: ограниченія захвата начинаются въ пунктахъ, во-первыхъ, наибольшаго напряженія права на захватъ, т. е. съ тѣхъ угодій и участковъ, которыхъ раньше начинаетъ не доставать для захвата, и, во-вторыхъ,—наименьшаго сопротивленія со стороны права труда, т. е. гдѣ затрата труда минимальна, почти равна нулю. Оба эти условія соединяются и соединялись обыкновенно въ сѣнокосахъ. Въ Большей части Сибири, въ сѣверныхъ Европейскихъ губерніяхъ, въ земляхъ казачьихъ войскъ Донского, Уральскаго, Кубанскаго и т. д. сѣнокосовъ, особенно благодаря крупнымъ обыкновенно размѣрамъ скотоводства при земельномъ просторѣ, начинаетъ не хватать раньше, чѣмъ мѣстъ подъ пашню; [1]) впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ больше, чѣмъ пашни, такъ тутъ зато и захватъ сѣнокосовъ ограничивается позже, чѣмъ захватъ пашни.

Затрата же труда на сѣнокосныя угодья обыкновенно равна нулю,

---

что сами лица не-крестьянскаго сословія отказались отъ участія въ мірскихъ платежахъ и что между тѣмъ на крестьянъ собственно приходится по $^1/_2$ десятины пахотной земли и 3 десятины покосовъ, а платятъ казенныхъ, волостныхъ, мірскихъ сборовъ и несутъ натуральныхъ повинностей всего на 3855 руб. или по 20 руб. на душу, и что, кромѣ того, для общества необходимо училище, содержаніе котораго обойдется до 600 руб.,—въ виду всего этого общество постановило просить правительство (правительствомъ въ Сибири называютъ мѣстную администрацію): 1) объ обложеніи оброкомъ лицъ не крестьянскаго сословія, 2) понудить всѣхъ лицъ, не желающихъ платить оброкъ, снести свои постройки съ общественной земли, 3) отобрать у этихъ лицъ земли и покосы въ пользу общества, 4) обязать всѣхъ разночинцевъ участвовать въ отбываніи квартирной и пожарной повинностей, ночныхъ карауловъ, и акты на усадебныя земли свидѣтельствовать только въ сельскомъ управленіи“. Подобныя же постановленія начинаютъ дѣлать и многія другія общины въ Иркутской губерніи. См. „Мат. по Иркутской губ.“ т. II, в. 3, стр. 175–182.

[1]) Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что во многихъ мѣстностяхъ,—преимущественно у инородцевъ,—скотоводство еще недавно находилось, а часто и до сихъ поръ находится въ такомъ фазисѣ, что сѣна вовсе не косятъ, а скотъ питается самъ, добывая себѣ кормъ изъ-подъ снѣга; такіе случаи указаны, напр., для Забайкальской Области (См. „Матеріалы Комиссіи статс.-секр. Куломзина“ выпускъ 10, стр. 8).

такъ какъ тутъ весь трудъ состоитъ въ уборкѣ продукта безъ предварительной обработки,—поэтому-то уже при неограниченномъ семейно-захватномъ владѣніи рѣдко встрѣчается долгое наслѣдственное владѣніе сѣнокосами, и только при полномъ ихъ изобиліи они входятъ въ личныя „занятія“ занимщиковъ, а обыкновенно захватываются ежегодно и могутъ часто мѣнять своихъ владѣльцевъ; если же и тутъ затраченъ трудъ, въ видѣ расчистки изъ-подъ кустарника, орошенія, загородки и т. п., то къ такимъ сѣнокосамъ ограниченія захватнаго владѣнія примѣняются всегда позже, чѣмъ къ обыкновеннымъ.

Такимъ образомъ, на процессѣ ограниченія захватнаго владѣнія сѣнокосами съ полной отчетливостью проявляется основной законъ этого процесса: вообще не только, какъ общее правило, онъ тутъ начинается съ пунктовъ сразу и наибольшей силы права на захватъ, права на трудъ, и наименьшей силы права на захваченное, права труда, но и самыми исключеніями изъ этого правила оно особенно ярко подтверждается. Очертимъ вкратцѣ самый процессъ ограниченій захвата сѣнокосовъ.

Первыя такія ограниченія, при самомъ еще мало замѣтномъ сокращеніи сѣнокосныхъ угодій, представляютъ собственно еще не формальныя ограниченія захватнаго права, а скорѣе, такъ сказать, постановку занимщиковъ въ правильный строй. Прежде всего устанавливается (тамъ, гдѣ покосы не составляютъ отдѣльныхъ участковъ, неотъемлемыхъ отъ заимки) запрещеніе косить до назначеннаго всѣмъ міромъ срока. Это и понятно: хозяинъ, начавшій косить на недѣлю раньше другихъ, очевидно накоситъ больше другихъ, а, главное, перепортитъ не подросшую еще траву, да и вообще при такой свободной конкуренціи хозяевъ они всегда будутъ начинать косьбу до полнаго созрѣванія травы,—значитъ, всѣ тутъ потеряютъ. Въ иныхъ общинахъ только день и устанавливается; въ другихъ—начало покоса сопровождается цѣлымъ ритуаломъ: еще до восхода солнца всѣ хозяева собираются около околицы на телѣгахъ и верхомъ на лучшихъ лошадяхъ, по данному сигналу всѣ бросаются вскачь къ сѣнокосу, стараясь другъ друга обогнать и попасть на лучшее покосное мѣсто [1]).

При такомъ точномъ опредѣленіи момента начала косьбы, которая въ этомъ случаѣ и является захватомъ, появляется уже обыкновенно и другой пріемъ: каждый хозяинъ не принимается прямо за косьбу, а предварительно закашиваетъ возможно большій кругъ, и этотъ кругъ уже и считается его участкомъ, въ коемъ никто другой косить не смѣетъ. Вмѣстѣ съ этимъ точнымъ опредѣленіемъ момента и съ обычаемъ предварительнаго закоса появляется и еще ограниченіе, пожалуй, въ извѣстныхъ случаяхъ гораздо болѣе существенное: опредѣляется, какое число наемныхъ рабочихъ имѣетъ право брать на косьбу каждая семья (столько, напримѣръ, сколько въ семьѣ ревизскихъ душъ и т. п.); или дозволяется брать съ собой только годо-

[1]) Такой обычай описываетъ, напримѣръ, Петропавловскій (Каронинъ) въ Тобольской губерніи въ статьѣ „По Ишиму и Тоболу“, въ „Запискахъ Западн. Сиб. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ.“ кн. VIII, вып. I.

выхъ рабочихъ или вообще срочныхъ, но не поденныхъ и т. п., а при извѣстной ограниченности покосовъ и вовсе запрещается брать на покосъ наемныхъ рабочихъ. Такіе порядки систематизированнаго ограниченнаго захвата существовали еще недавно — (лѣтъ 30 тому назадъ) въ Новороссіи (въ Бердянскомъ и Мелитопольскомъ уѣздахъ [1]). На Дону еще въ 70-хъ годахъ „каждый казакъ имѣлъ право выкосить такой участокъ, какой онъ сможетъ самолично обкосить съ восхода до заката“ (войсковая же администрація установила право нанимать рабочихъ пропорціонально чину: простой казакъ — одного рабочаго, урядникъ—двухъ и т. д. [2]). Подобный же порядокъ предварительнаго „закоса“ съ ограниченіемъ числа наемныхъ рабочихъ и т. д. существуетъ и въ общинахъ Уральскихъ и др. [3]).

Потомъ во многихъ общинахъ уничтожается обычай закоса. При немъ захватъ бываетъ крайне неравномѣренъ и притомъ пропорціоналенъ часто не количеству труда, а просто удачѣ, быстротѣ захвата, а то и физической силѣ захватчиковъ, — поэтому его замѣняетъ порядокъ, при коемъ просто всѣ косятъ свободно, каждый гдѣ хочетъ, хотя бы и рядомъ съ другимъ. Но и тутъ есть крупныя неудобства (о нихъ ниже), и потому слѣдующая ступень систематизаціи, а вмѣстѣ и регламентаціи захвата возникаетъ незамѣтно само собой: „для того, чтобы слишкомъ многимъ не встрѣтиться на одномъ сѣнокосномъ участкѣ и не терять времени на излишніе переѣзды съ мѣста на мѣсто, начинаютъ передъ выѣздомъ на покосъ условливаться, кому куда ѣхать: „ты здѣсь коси, а я туда поѣду“; при такомъ уговорѣ, конечно, каждый дѣйствуетъ съ такимъ расчетомъ, чтобы не попасть въ урочище, куда набралось много желающихъ, и такимъ образомъ достигается уже нѣкоторая уравнительность. На дальнѣйшей ступени всѣ общинники въ опредѣленный день выѣзжаютъ на осмотръ покосовъ, при чемъ каждый намѣчаетъ себѣ мѣсто для сѣнокошенія и сообщаетъ объ этомъ остальнымъ; если затѣмъ кому-либо при такой разбивкѣ досталось слишкомъ мало, то общество дѣлаетъ ему прирѣзку отъ сосѣдей. Очевидно, что переходъ отъ такого порядка, котораго еще нельзя назвать передѣломъ, къ настоящему передѣлу представляется уже совершенно незамѣтнымъ. Переходъ отъ каждой изъ намѣченныхъ ступеней къ послѣдующей также совершается немедленно и незамѣтно, такъ что сами крестьяне затруднились бы, если бы имъ пришлось указать годъ, съ котораго они стали передѣлять сѣнокосы. Любопытны, наконецъ, случаи, когда пользованіе сѣнокосами облекается въ двоякую форму: сѣнокосы передѣляются только при дурныхъ урожаяхъ травы, при хорошихъ же продолжаетъ практиковаться вольный захватъ“ [4]).

---

[1]) См. сборники земской статистики по этимъ уѣздамъ, а также ст. о формахъ землевладѣнія въ „Памятной книжкѣ Тавр. губ.“ 1889 г.

[2]) См. „Общинное владѣніе“ А. Карелина.

[3]) „Очеркъ общиннаго хозяйства Уральскихъ казаковъ“, Н. Бородина, Сѣверн. Вѣст. 1890 г., IV кн. V, стр. 40—45.

[4]) См. А. Кауфмана „Крест. землеп. и хозяйство въ Тобольск. и Томск. гг.“, стр. 42. Такіе же факты указываются г. Кролемъ и для инородцевъ Забайкаль-

Такимъ образомъ, ограниченія захватнаго владѣнія покосами, разъ зародившіяся въ формахъ почти незамѣтныхъ, развиваются съ такой же незамѣтностью и постепенностью. Право на захватъ, на трудъ, по мѣрѣ развитія „утѣсненія“ все возрастаетъ, праву же труда некогда и не за что ухватиться и проявиться. Поэтому трансформація неограниченнаго захвата покосовъ въ ограниченный (и затѣмъ замѣна его періодическими передѣлами) происходитъ сравнительно легко и быстро. На столько же быстро и отчетливо формулируется при этомъ сознаніе общиннаго права на ограниченіе захвата, а это и служитъ сейчасъ же толчкомъ и прецедентомъ для такого ограниченія захватнаго владѣнія пашней.

Едва ли не первыя проявленія ограниченія захвата пашни заключаются въ требованіи, что самый захватъ былъ дѣйствительно и вполнѣ трудовымъ, т. е. онъ начинаетъ считаться дѣйствительнымъ лишь съ того момента, когда начата дѣйствительная обработка захватываемаго участка, а прежніе условные символы захвата, разныя зарубки, опахиванія и т. п., требующія очень малаго сравнительно труда, признаются, какъ основанія владѣнія, ничтожными. Выше я уже приводилъ примѣръ недѣйствительности захвата камня простой мѣткой на немъ: тамъ же ясно высказанъ и мотивъ этого: „такъ каждый могъ бы намѣтить себѣ всѣ годные камни“; тоже и съ пашней: и тутъ всякій могъ бы понамѣтить себѣ всѣ лучшіе участки. Понятно, что такъ какъ съ самаго же начала въ захватѣ уважается только трудъ, то при сокращеніи пашеннаго простора захватъ безъ немедленной же затраты серьезнаго труда для обработки постепенно самъ собою сводится къ абсурду и къ нему перестаютъ относиться серьезно. Прекрасныя иллюстраціи къ сказанному представлены г. Дубенскимъ для Енисейской губерніи въ видѣ рѣшеній волостного суда. Характеренъ, напр., такой случай: „Крестьянинъ Вѣнчаковъ, съ цѣлью завладѣть свободнымъ участкомъ пашни, надѣлалъ, какъ говоритъ запись, „захватныхъ складовъ“, т. е. провелъ нѣсколько бороздъ, служащихъ по обычному праву знакомъ завладѣнія; однако участка онъ не распахалъ ни въ первый годъ, ни въ слѣдующій. Тогда крестьянинъ Еськинъ, несмотря на то, что зналъ о проведенныхъ Вѣнчаковымъ складахъ, землю вспахалъ; Вѣнчаковъ же, считая по праву первой оккупаціи землю своею, засѣялъ ее; на это Еськинъ подалъ жалобу въ судъ, указывая, что право на землю принадлежитъ ему, Еськину, какъ лицу, которое ее впервые вспахало; Вѣнчаковъ же, хотя и провелъ захватные склады, землею въ теченіе двухъ лѣтъ не пользовался. Судъ согласился съ мнѣніемъ истца, и спорный участокъ былъ оставленъ за нимъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы Вѣнчаковъ воспользовался половиною урожая, въ возмѣщеніе затраченныхъ

ской обл.: „Степные покосы обыкновенно косятся въ Урищевскомъ булукѣ вольно, но если на лугахъ трава родится плохо, начинаютъ косить и степные покосы по раздѣлу“... (См. „Матеріалы комиссіи для изслѣд. землевл. и землепольз. въ Забайк. обл.“, вып. 10, стр. 17).

имъ на посѣвъ сѣмянъ“ [1]). Въ приведенномъ случаѣ символъ захвата, „склады“, еще признается, но съ условіемъ уже не слишкомъ опаздывать съ дѣйствительной разработкой участка,—иначе его можетъ захватывать всякій. Ясно, что отсюда уже одинъ шагъ до полнаго игнорированія этихъ предварительныхъ символовъ захвата, до требованія для дѣйствительности захвата дѣйствительнаго же начала производства...

Въ общемъ, однако, этотъ путь проходится медленно и постепенно. Въ немъ можно отличить три фазиса: 1) Прежде всего начинаетъ отрицаться захватъ чисто-символическій—въ степи постановка знака, въ лѣсу зарубки на нѣсколькихъ деревьяхъ и затѣмъ занятіе угодій, просто только близкихъ къ заимкѣ [2]); 2) потомъ устанавливается захватъ началомъ обработки: опахиваніемъ вокругъ степного участка и „зачерчиваніемъ“ (снятіемъ коры для засыханія деревьевъ) въ лѣсныхъ мѣстностяхъ [3]) и 3) наконецъ, это считается недостаточнымъ, и захватное право устанавливается только полной первой разработкой,—вспашкой въ степи и вырубкой деревьевъ въ лѣсу [4]).

Кромѣ сведенія начала захватнаго владѣнія къ моменту начала на немъ процесса производства, устанавливается предѣлъ этому владѣнію и по окончаніи на немъ этого прогресса. Выражается это прежде всего въ установленіи сроковъ, на которые участокъ

---

[1]) „Мат. Енис. губ.“ т. IV, вып. 3—стр. 146. Крайне интересно отмѣтить, что такое присужденіе возмѣщенія за затраченный трудъ, даже когда затратившему отказано въ правѣ владѣнія, представляетъ, по словамъ изслѣдователя, общее правило, котораго всегда строго держится волостной судъ; мало этого, признавая, что „никто не долженъ обогащаться на чужой счетъ“, волостной судъ не отказываетъ въ вознагражденіи труда даже почти завѣдомо недобросовѣстнымъ захватчикамъ... (тамъ же, стр. 148).

[2]) Въ Забайкальской обл. у инородцевъ иногда сѣнокосный участокъ считается уже захваченнымъ, если на немъ только поставленъ столбъ для коновязи; также захватываются и усадебныя мѣста (см. „Матер. Забайк. обл.“, в. 10, стр. 19 и 63).

[3]) Напр. въ Курганскомъ окр. Тобольской губ. въ захватный періодъ „вѣрили складамъ“ (нѣсколькимъ отвороченнымъ сохою пластамъ земли) и „вѣрили тяпкамъ“ (тяпка—мѣсто, выкашиваемое въ одинъ взмахъ косою).

[4]) Напримѣръ, въ Кулачинской волости Тюкалинскаго округа (Тобольской губерніи) постановка одного знака въ полѣ уже не устанавливаетъ права владѣнія. Но распашку для завладѣнія можетъ замѣнить и проведеніе вокругъ участка только одной борозды. „Затѣмъ уже и круговая распашка признается недостаточной и требуется полная вспашка участка („Литературный сборникъ“ издан. „Восточнаго Обозрѣнія“. „Очерки порядковъ поземельной общины въ Тобольской губерніи“, г. Капустина). Эволюція завладѣнія зачерчиваніемъ особенно хорошо выяснена г. Личковымъ для Иркутской губерніи; таковы же порядки и въ Енисейской губерніи; здѣсь сначала зачерченный лѣсъ можетъ стоять сколько угодно неприкосновеннымъ въ ожиданіи разработки; затѣмъ назначаются сроки, сначала неопредѣленные и долгіе, а затѣмъ все болѣе краткіе, послѣ которыхъ, если зачертившій не началъ разработку, то „чертежъ“ могутъ захватывать другіе; наконецъ, сроки эти сокращаются до нуля, т. е., иначе говоря, зачерчиваніе само по себѣ перестаетъ означать захватъ. (см. „Матеріалы по Иркутской губерніи“, томъ II, вып. 3, стр. 158 и „Матеріалы по Енисейской губ.“, томъ IV, вып. 3, стр. 187).

можетъ быть брошенъ заимочникомъ въ залежь и послѣ которыхъ онъ опять поступаетъ подъ вольный захватъ. При этомъ опять наблюдается обыкновенно строгая постепенность. Напримѣръ, въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ сначала сроки эти долгіе и не точно опредѣленные, напримѣръ, „лѣтъ 15—20“ и т. п., а потомъ, послѣ споровъ изъ-за этой неопредѣленности и стѣсненій, изъ-за этой долговременности ожиданія, когда опять вздумается хозяину возвратиться къ залежному участку,—срокъ быстро сокращается и устанавливается точное правило, что если заимочникъ, напримѣръ, 3 года не трогалъ залежь, то она свободна для захвата [1]).

Наконецъ, и этотъ краткій срокъ залежности начинаетъ нарушаться и исчезать, и каждый участокъ становится свободнымъ для захвата съ того самаго момента, когда онъ фактически перестаетъ обрабатываться заимочникомъ.

Обрисованная форма назначенія и затѣмъ сокращенія и уничтоженія сроковъ залежности, параллельно съ указаннымъ передъ тѣмъ развитіемъ требованія для захвата дѣйствительнаго начала обработки представляетъ наиболѣе распространенную форму захвата. А именно, такимъ способомъ развивалось и развивается ограниченіе захватнаго владѣнія въ Иркутской, Енисейской, Томской и частью Тобольской губерніяхъ; этотъ же способъ примѣнялся и иногда до сихъ поръ встрѣчается не только въ сѣверныхъ губерніяхъ Европейской Россіи (напримѣръ, въ Олонецкой губерніи и другихъ), но даже въ отдѣльныхъ случаяхъ, напр., въ Нижегородской губерніи; онъ же отмѣченъ въ прошломъ, а иногда и въ настоящемъ и во всей южной степи—въ Херсонской и Таврической губерніяхъ (не только въ русскихъ селахъ материковыхъ уѣздовъ, но и въ общинахъ крымскихъ татаръ), и у Донскихъ казаковъ и т. д. [2]).

---

[1]) Въ этомъ преобладаніи въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ, именно 3-хлѣтняго, а не иного какого срока залежности, опять-таки проявляется естественность, неизбѣжность и цѣлесообразность даже самыхъ мелкихъ деталей въ этихъ ограниченіяхъ захвата: 3-хлѣтній срокъ установился не только потому, что въ теченіе его уже съ несомнѣнностью успѣваетъ выясниться нежеланіе хозяина продолжать немедленно обработку, но часто еще потому, что послѣ того эта обработка уже неудобна; залежь за это время успѣваетъ „задурѣть“ (зарасти сорной травой), такъ что становится негодной ни заимочнику, ни другимъ, и продолженіе владѣнія ею заимочникомъ представляло бы буквально картину „собаки, которая сама не ѣстъ и другимъ не даетъ“...

Съ той же правильностью развивается ограниченіе захвата и въ другихъ деталяхъ назначенія сроковъ залежности, явленіи, вообще особенно отчетливо разработанномъ гг. Личковымъ и Дубенскимъ для Иркутской и Енисейской губерній (см. „Матер. Енис. губ.“, т. IV, в. 3, стр. 182—184).

[2]) Напримѣръ, въ Олонецкой губерніи „участокъ, не воздѣлываемый въ теченіе опредѣленнаго времени, года, двухъ, пяти, и иногда даже десяти лѣтъ,—можетъ быть захваченъ любымъ членомъ общины; при этомъ, если общинникъ пересталъ его обрабатывать по болѣзни или по другой, независящей отъ него причинѣ, то міръ увеличиваетъ сверхъ обычнаго срокъ, въ теченіе коего участокъ нельзя захватывать“.— (см. „Общин. влад.“ Ап. Каренина, стр. 200 и 190).

Въ этомъ ограниченіи сроковъ не рабочаго, такъ сказать, владѣнія захваченными участками право труда проявляется съ чрезвычайной яркостью. Длинные сроки для залежи назначаются исключительно въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, гдѣ первоначальная разработка стоила большого труда и не могла вознаградиться въ одинъ, такъ сказать, пріемъ пользованія,—почему и позволяютъ хозяину выпахать участокъ, дать ему отдохнуть, снова выпахать и т. д. При этомъ это право перваго и самаго тяжелаго труда такъ скрупулезно признается, что, напримѣръ, отмѣчены такіе случаи, когда данный участокъ, запущенный первымъ заимочникомъ въ залежь, выпедшій потомъ снова изъ культурнаго состоянія и заново разработанный другимъ хозяиномъ,—затѣмъ послѣ нѣкотораго пользованія этого послѣдняго (въ возмѣщеніе его затраты труда), возвращается опять первому.

Въ степныхъ же мѣстностяхъ, гдѣ первая затрата труда (поднятіе цѣлины) немногимъ больше обыкновенной вспашки,—и сроки залежности устанавливаются самые короткіе, или обыкновенно даже вовсе не устанавливаются, т. е., какъ только первый заимочникъ перестанетъ сѣять, такъ участокъ можетъ быть захваченъ другимъ. И здѣсь опять такая же скрупулезность: очень часто (въ Иркутской, напр., губерніи и въ Забайкальѣ), въ одной и той же деревнѣ залежь участка изъ-подъ лѣса (на который затрачено много труда) можетъ лежать безсрочно неприкосновенной, а залежь изъ-подъ луга, или, какъ говорятъ крестьяне, „свѣтлыя“ мѣста, свободно захватываются, если оставляются безъ разработки въ теченіе 3-хъ лѣтъ и т. п.

Такимъ образомъ, когда захватное владѣніе и начинается съ момента начала на немъ процесса производства, и оканчивается съ момента прекращенія этого процесса, тогда въ этой наиболѣе развитой и типичной формѣ ограниченнаго семейно-захватнаго владѣнія это владѣніе, очевидно, сводится, собственно говоря, къ чисто-трудовой нормѣ: каждый заимочникъ владѣетъ приблизительно такой площадью, которую онъ при данныхъ своихъ семейныхъ и наемныхъ рабочихъ силахъ можетъ держать, такъ сказать, въ рабочемъ, эксплуатаціонномъ состояніи. По удачному выраженію г. Филимонова, въ этотъ періодъ „тотъ не владѣлецъ, кто не пахарь“, или иначе, по замѣчательной крестьянской поговоркѣ въ Вятской губерніи: „чья рожь—того и земля“...

Поэтому это чисто трудовое владѣніе можетъ, очевидно, быть безсрочно-наслѣдственнымъ: въ томъ именно случаѣ, если устанавливается интенсивная система земледѣлія, съ сильнымъ, напр., удобреніемъ, при которой земля не выходитъ изъ эксплуатаціи и, значитъ, никакимъ другимъ хозяиномъ болѣе не можетъ быть захвачена. Такимъ образомъ, описанный видъ ограниченія захватнаго владѣнія почитаетъ право труда принципіально неприкосновеннымъ и, собственно говоря, открываетъ ему возможность такъ глубоко укорениться, чтобы потомъ переродиться въ чистую личную собствен-

ность, и послѣднее не случается только, главнымъ образомъ, благодаря экстенсивнымъ системамъ земледѣлія, при которыхъ заимочники сами бросаютъ свои участки подъ захватъ другимъ.

Но, помимо этого нормированія захвата назначеніемъ срока залежности,—вообще ограниченіемъ права оставлять безъ эксплуатаціи захваченный участокъ, захватное владѣніе часто ограничивается и прямо назначеніемъ максимальнаго опредѣленнаго срока эксплуатаціи. Это ограниченіе по принципу своему гораздо рѣзче обрѣзаетъ личное право захвата въ пользу общиннаго: оно прямо уже устанавливаетъ срочность захватнаго владѣнія, т. е., собственно говоря, превращаетъ уже его изъ владѣнія въ пользованіе. Ясно, что въ этихъ случаяхъ трудовое право не имѣетъ такого безусловнаго и самодовлѣющаго значенія, не является какимъ-то неприкосновеннымъ „табу", а, напротивъ, само подвергается анализу и критикѣ и взвѣшивается на однихъ вѣсахъ съ общимъ правомъ на захватъ, на трудъ. При этомъ анализѣ однако самое это право труда опять-таки не только не отрицается, но, наоборотъ, именно берется, какъ исходная аксіома, и весь анализъ состоитъ именно въ выводѣ формулы самаго строгаго и чистаго права труда.

Дѣло вѣдь въ томъ, что, хотя трудъ, вложенный въ землю, и невыдѣлимъ изъ нея, но, во-первыхъ, онъ является причиной не всей цѣнности этой земли (она всегда имѣется и до затраты труда) и, во-вторыхъ, онъ погашается своими полезными результатами, такъ что каждый вложившій въ землю трудъ имѣетъ въ силу того право въ сущности не на самую эту землю, а только на тѣ измѣненія въ ней, которыя явились результатомъ соединенія и взаимодѣйствія труда и земли. Значитъ всякая затрата труда, какъ бы ни была она долга и велика, пріобрѣтаетъ эту землю не навсегда, или пока продолжается, а лишь до тѣхъ поръ, пока не извлечетъ изъ этой земли въ видѣ полезныхъ продуктовъ всего своего результата; чѣмъ больше или чѣмъ дольше — и, прибавимъ еще, чѣмъ болѣе высокаго качества трудъ влагалъ заимочникъ, — тѣмъ на большее количество продуктовъ, или тѣмъ на дольшее пользованіе землей имѣетъ онъ право. Весь этотъ принципъ вознагражденія затраченнаго труда результатомъ его цѣликомъ и проявляется всегда въ ограниченіяхъ захватнаго владѣнія максимальнымъ срокомъ.

Количество труда, необходимаго для приготовленія поля подъ посѣвъ, варьируется въ очень широкихъ предѣлахъ въ зависимости отъ естественныхъ условій. И вотъ, насколько больше этотъ трудъ, настолько выше оцѣниваются общиной права заимочника на разработанный имъ участокъ. Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Сибири и на сѣверѣ Европейской Россіи особенно часто устанавливается 40-лѣтній срокъ владѣнія захваченными участками [1]). Очень часто, впро-

[1]) Такъ, напримѣръ, „въ Забайкальской Области участокъ, расчищенный изъ-подъ лѣса, въ который, очевидно, затрачивается очень много труда,

чемъ, встрѣчается и меньшій срокъ пользованія расчистками изъ-подъ лѣса: такое сокращеніе происходитъ, во-первыхъ, тамъ, гдѣ земли мало и гдѣ, значитъ, она значительно выпахана и гдѣ потому свѣжая расчищенная пашня даетъ особенно большія выгоды сравнительно съ остальной землей, притомъ въ такихъ же мѣстностяхъ часто уже и лѣсъ представляетъ не дремучую тайгу, а малорослую заросль, требующую меньше труда для расчистки; въ нѣсколькихъ общинахъ, напримѣръ, Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, гдѣ сохранились еще небольшіе лѣсные участки, разрабатываемые по праву захвата, міръ оставляетъ захваченные участки въ пользованіи расчистившихъ всего лишь 6—9—12 лѣтъ, на 4 хлѣба и т. п. [1]). Въ степныхъ же мѣстностяхъ сроки пользованія захваченными пашенными участками устанавливаются общиной самые минимальные: такъ, въ Мелитопольскомъ уѣздѣ раньше „въ деревнѣ Ново-Николаевкѣ, Богдановкѣ и другихъ установленъ былъ 3-хлѣтній срокъ владѣнія пашней, послѣ чего ее могъ занять другой хозяинъ". „Въ нѣкоторыхъ общинахъ Царицынскаго уѣзда послѣ двукратнаго посѣва на участкѣ его могъ занять всякій членъ общины"... И т. д.

Кромѣ этихъ ограниченій захватнаго владѣнія во времени, соотвѣтственно продолжительности затраты труда, ограничиваются еще иногда и самыя формы и размѣры этой затраты труда: опредѣляется число и характеръ орудій, которыми единственно дозволяется обработка, и устанавливаются сроки ея начала, а иногда и окончанія. Такъ, напр., въ Уральской казачьей общинѣ установлено запрещеніе косить сѣно сѣнокосилками; (нужно, впрочемъ, отмѣтить, что это регрессивное по принципу правило вызвано скорѣе не развитіемъ общиннаго принципа, а, напротивъ, недостаточнымъ развитіемъ его: въ той же Уральской области въ трехъ отдѣльныхъ общинахъ, перешедшихъ уже къ высшей общинной формѣ—передѣламъ покосовъ — такого запрещенія совершенно нѣтъ, такъ какъ тутъ, при уничтоженіи самаго захвата, оно теряетъ всякій смыслъ. Интересно также установленное въ Уральской же казачьей общинѣ правило, по которому каждый казакъ имѣетъ право распахивать землю съ 1 іюня по 1 іюля однимъ только плугомъ, при чемъ возникалъ также вопросъ, за сколько плуговъ считать двухъ- и трехъкорпусные плуги, проводящіе одновременно по 2 и 3 борозды, и рѣшили пока считать ихъ за одинъ плугъ [2]). Еще болѣе разработано это правило въ общинахъ Кубанскихъ казаковъ, гдѣ часто тоже запрещено пахать болѣе, чѣмъ однимъ плугомъ, а иногда запрещены и многолемешные плуги; другія же общины устанавливаютъ тутъ срокъ

остается у вложившаго въ него этотъ трудъ долгое время: лѣтъ 40 и болѣе". (К. П. Михайловъ „Общинный бытъ у крестьянъ Забайкальской Области", Рус. М. 85, 12).

[1]) См. „Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій Нижегородской губ., Экономическая часть" Семен. уѣз. стр. 132.

[2]) П. Бородинъ, „Очерк. Общ. Хоз. Уральскихъ казаковъ", Сѣв. Вѣст. 90 г. 4 и 5 книги.

начала и максимальное число дней для распашки цѣлинныхъ и другихъ земель... И т. д. [1]).

Совершенно очевидно, что въ этихъ ограниченіяхъ захвата во времени и по способу община отводитъ захватное право въ довольно узкія рамки, превращая его изъ безсрочно-наслѣдственнаго во временное (приблизительно отъ 40 до 3 лѣтъ, — пропорціонально труду, затраченному заимочникомъ въ захваченный участокъ) и что этимъ ограниченіемъ совершается и ограниченіе его размѣра. Но многія общины той же цѣли достигали непосредственно, т. е. прямо устанавливая размѣръ захвата и не допуская захвата участковъ выше этой нормы. Къ такому способу общины прибѣгаютъ не часто, но онъ все-таки встрѣчается въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ.

Въ Кубанской области ограниченіе захвата, кажется, почти всегда шло именно этимъ путемъ. А именно, здѣсь прежде всего казачьи общины разбивали всю свою территорію на нѣсколько частей, одну отводя подъ пашню, другую — подъ покосъ, а остальную оставляя цѣлиной и налагая подъ страхомъ штрафа запрещеніе на захватъ здѣсь участковъ подъ пашню; затѣмъ, кромѣ этого общаго ограниченія района захвата, выступаетъ и болѣе тѣсное: начинаютъ назначаться максимальные размѣры захватнаго посѣва, въ каковомъ случаѣ мы имѣемъ уже дѣло съ зачаточной формой уравнительно-передѣльнаго владѣнія [2]), которое вскорѣ затѣмъ и наступаетъ въ видѣ „отводовъ“ земли отъ однихъ хозяевъ другимъ. Подобный же приблизительно порядокъ максимальной нормы захвата введенъ по иниціативѣ казачьей администраціи и въ Уральской казачьей общинѣ. Тѣ же его разновидности представляются, повидимому, въ казачьемъ землевладѣніи Терской области. Здѣсь, напримѣръ, въ станицѣ Ессентукской, владѣніе покосами очень своеобразно: оно двоякое, — подъ вольный захватъ (только съ назначеніемъ срока начала косьбы) оставлены только дальніе и худшіе участки, а ближніе и лучшіе ежегодно дѣлятся уравнительно между хозяевами, при чемъ, однако, каждый долженъ начинать покосъ своего участка въ опредѣленный день, долженъ косить только своими силами безъ наемныхъ

---

[1]) См. Ѳ. Щербина „Зем. Общ. Куб. каз.“ стр. 93, 110 и др. До какой высокой формы общинной уравнительности можетъ непосредственно доразвиться это ограниченіе захвата срокомъ и орудіями обработки, показываетъ слѣдующій хотя бы примѣръ. Въ станицѣ Сужской общество, „рѣшивъ производить распашки и сѣнокошеніе съ заранѣе назначенныхъ дней, постановило, чтобы каждый общинникъ, „выѣхавши въ поле, останавливался у перваго незанятаго мѣста, намѣчалъ со стороны другого заимщика „границу“ своей заимки“, чтобы вслѣдъ за нимъ такъ же поступали слѣдующіе, распахивая, такимъ образомъ, всплошную назначенный для этой цѣли клинъ земли. Подобнымъ образомъ рѣшено было занимать и сѣнокосныя мѣста. Но при этомъ бѣднякамъ и вдовамъ общество постановило „отдавать землю по ихъ выбору“ и притомъ такъ, чтобы они заняли свои мѣста и начали на нихъ работы за три дня до назначеннаго для остальныхъ жителей времени запмокъ. Съ этой цѣлью общество опредѣлило сдѣлать для всѣхъ бѣдняковъ и вдовъ особый списокъ“ (Тамъ же, стр. 124).

[2]) См. Ѳ. А. Щербина „Земельная община Кубанскихъ казаковъ“ 90 г., стр. 90, 92.

рабочихъ, и кто не успѣетъ въ первый же день обкосить свой участокъ вокругъ, тотъ теряетъ на него право, и его опять можетъ захватывать всякій другой хозяинъ (такъ что слабо-рабочіе хозяева часто захватываютъ только часть своего участка [1]). Г. Карелинъ [2]) указываетъ, что въ Сибири встрѣчаются приговоры, ограничивающіе право захвата извѣстнымъ числомъ десятинъ, разрѣшающіе малоземельному крестьянину разыскать излишне захваченную землю и потребовать ее себѣ. Не знаю, о какой мѣстности говоритъ здѣсь г. Карелинъ, но въ 3-хъ округахъ Иркутской губерніи г. Личковъ дѣйствительно отмѣчаетъ нѣсколько селеній, ограничивающихъ самый размѣръ захвата [3]). То же встрѣчается и въ Саратовской губерніи: здѣсь въ мордовскихъ общинахъ „захватный способъ подчиненъ строгой регламентаціи: прямо назначается пространство земли, которое можетъ расчистить и запахать желающій“ [4]). „Въ селѣ Терпѣньи Мелитопольскаго уѣзда Таврической губерніи, вновь населенномъ послѣ изгнанія духоборовъ въ 44 году, и гдѣ первый передѣлъ совершился въ 58 году, съ 46 года вся пахотная земля была разбита на круги въ 15 десятинъ и каждый хозяинъ могъ свободно пахать, не выходя изъ доставшагося ему круга“. И т. д. [5]).

Ясно, что во всѣхъ такихъ случаяхъ территоріальнаго ограниченія захвата имѣется въ виду и достигается та же цѣль, что и въ ограниченіи захвата сроком ъ: съ болѣе или менѣе грубымъ приближеніемъ устанавливается соотвѣтствіе захватнаго владѣнія съ рабочей силой и влагаемымъ трудомъ; захватъ мощныхъ семей, часто нахватывающихъ гораздо болѣе, чѣмъ могутъ обработать, уменьшается въ пользу маломощныхъ семей, часто уже не успѣвающихъ находить участки для приложенія всей своей рабочей силы.

Это ограниченіе крупнаго захвата въ пользу мелкаго міръ иногда устанавливаетъ и прямо назначеніемъ для захвата очереди, въ каковой даются преимущества малоземельнымъ или съ малымъ числомъ скота и вообще маломощнымъ предъ многоземельными и мощными хозяевами. Напримѣръ, въ селеніи Михайловкѣ въ 30-хъ годахъ хозяева съ малымъ количествомъ скота имѣли право выѣхать въ поле раньше другихъ и обойти кругомъ любой клокъ земли, который съ этого момента считался неприкосновеннымъ въ теченіе года; это давало бѣдняку возможность засѣять землю постепенно, въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ, безъ опасенія, что въ это время вся удобная земля будетъ распахана богачами. Первый передѣлъ произошелъ здѣсь въ 1850 году, а за нѣсколько лѣтъ до него установленъ былъ 3-хлѣтній срокъ пользованія пашней [6]).

---

[1]) Послѣдніе два примѣра цитирую по статьѣ Н. Бородина „Очеркъ общиннаго хозяйства Уральскихъ казаковъ“ Сѣверн. Вѣст. 90 г., 4 и 5 кн.

[2]) „Общинное владѣніе“, стр. 195.

[3]) „Матеріалы по Иркутской губерніи“ т. II, в. 3, стр. 165.

[4]) Фактъ приводится Трироговымъ. Цитирую по „Общинному владѣнію“, стр. 202.

[5]) См. зем. стат. сб. по этому уѣзду.

[6]) Тамъ же.

Я остановился нѣсколько подробнѣе на послѣднихъ случаяхъ ограниченія захвата размѣромъ и очередью потому, что они сравнительно менѣе извѣстны, а между тѣмъ на нихъ мы можемъ особенно явственно разглядѣть не одно уже только это начало ограниченія личнаго захвата, но и прямое проявленіе общиннаго права непосредственнаго распоряженія землей. Когда община изъемлетъ изъ захвата одни участки и отводитъ для него другіе, позволяетъ всѣмъ хозяевамъ захватывать не болѣе извѣстной нормы и однимъ предпочтительно предъ другими, то, очевидно, этимъ самымъ община ограничиваетъ захватъ не посредствомъ общихъ только правилъ и нормъ для него, но уже и конкретнымъ распредѣленіемъ — отводомъ для него извѣстныхъ участковъ, только пока еще въ грубо приблизительномъ видѣ. Этими случаями и заканчиваются, такимъ образомъ, проявленія ограниченнаго семейнаго захвата и отъ нихъ уже легко перейти къ изученію другой промежуточной между семейно-захватнымъ и чистымъ общинно-уравнительнымъ владѣніемъ формы, которую и называю — общинно-отводнымъ владѣніемъ.

§ 2.

Въ развитіи общинныхъ отводовъ наблюдается такая же строгая постепенность и закономѣрность, какъ и въ эволюціи ограниченій личнаго захвата.

Подобно тому, какъ ограниченіямъ захвата легче всего начаться съ чужихъ владѣльцевъ и ихъ владѣній, такъ конкретное распоряженіе общины отдѣльными участками должно, очевидно, легче осуществляться по отношенію къ участкамъ ничьимъ, т. е. выморочнымъ или по-крестьянски „безроднымъ“,—вообще по тѣмъ или инымъ причинамъ вышедшимъ изъ захватно-наслѣдственнаго, родового владѣнія. При чистомъ семейно-захватномъ владѣніи случаи такого рода рѣдки, ибо занимцикъ безъ наслѣдниковъ обыкновенно еще при жизни своей продаетъ или завѣщаетъ кому-нибудь свой участокъ, съ появленіемъ же ограниченій этихъ правъ завѣщанія и продажи, одновременныхъ и параллельныхъ съ ограниченіями захвата (о нихъ будетъ сказано ниже), неизбѣжно учащаются случаи выморочности, и на нихъ развивается функція общины. Понятно, почему такъ: кому, какъ не общинѣ, или вообще группѣ постороннихъ незаинтересованныхъ семей, взять на себя опеку „безроднаго“ участка со вложеннымъ въ него трудомъ прежняго владѣльца? Только такая группа семей можетъ изыскать какой-нибудь принципъ для рѣшенія спора объ этомъ участкѣ нѣсколькихъ претендентовъ, установить за кѣмъ-либо изъ нихъ какое-нибудь право на этотъ участокъ-капиталъ, только община можетъ быть хранительницей „ничьей“ земли и вложеннаго въ нее „ничьего“ труда [1]).

[1]) Съ особенной ясностью обрисовано это развитіе общиннаго распорядительства безродными землями г. Личковымъ для Иркутской губ. „Здѣсь“, пишетъ г. Личковъ, „по замѣчанію крестьянъ и инородцевъ многихъ деревень и улусовъ

Эти безродные участки, такимъ образомъ, становятся, такъ сказать, зародышами чисто общинной территоріи; на этихъ кусочкахъ общинники сживаются съ реальнымъ представленіемъ объ общинѣ, какъ землевладѣльцѣ; потомъ, когда такое понятіе уже прочно укоренится, и различныя обстоятельства толкнутъ его къ дальнѣйшему развитію, то именно на этихъ безродныхъ участкахъ и начнетъ впервые дѣйствовать общинно-передѣльный механизмъ; и значительно позже, когда механизмъ этотъ станетъ замирать и останавливаться, — именно на этихъ безродныхъ ничьихъ земляхъ съ ничьимъ въ нихъ трудомъ будетъ послѣднее его прибѣжище...

Довольно сходное значеніе имѣютъ случаи, — одновременные и параллельные съ распоряженіемъ безродными участками, — отобранія захватныхъ участковъ, частью или даже (очень рѣдко) полностью, у недоимщиковъ [1]). Въ этихъ случаяхъ, хотя участки—не чужіе и не ничьи, но ихъ владѣльцы сами рѣзко подорвали свое личное-захватное право, не осуществивъ невыдѣлимо связанной съ нимъ обязанности, и тѣмъ прямо вынуждаютъ міръ такъ или иначе вмѣшаться для сведенія права къ его основанію.

Затѣмъ, когда въ результатѣ ряда прецедентовъ такихъ спорадическихъ отводовъ (въ связи съ другими ограниченіями захвата), общинно-отводное право достаточно выяснится и утвердится, то этотъ общинный отводъ начинаетъ примѣняться по просьбѣ самихъ же захватчиковъ и ко всѣмъ свободно захватываемымъ ими участкамъ изъ общаго раіона захвата, во избѣжаніе споровъ, для укрѣпленія ихъ владѣнія. Такіе отводы становятся все чаще, все обычнѣе и, наконецъ, сдѣлавшись общимъ правиломъ, начинаютъ имѣть уже,

---

естественно зарождалось съ утѣсненіемъ въ землѣ это вмѣшательство міра: на одинъ и тотъ же выморочный участокъ являлось сразу нѣсколько претендентовъ, и въ разрѣшеніи возникавшихъ вопросовъ неизбѣжно принимали участіе родственники, сосѣди, т. е. въ обсужденіе спора вводились міряне въ большемъ или меньшемъ количествѣ, а затѣмъ спорящіе стали обращаться и къ цѣлому міру". Г. Личковъ поименовываетъ 25 селеній, характеризуя отношеніе въ нихъ общинъ къ безроднымъ участкамъ. Въ 10 изъ этихъ селеній община не вступается въ распоряженіе ими, повидимому, по слабости сознанія своихъ правъ: участки бездѣтными или завѣщаются, или еще при жизни передаются кому-либо съ условіемъ содержать за то владѣльца до его смерти; участки выселившихся, ушедшихъ и находящихся въ безвѣстной отлучкѣ захватываются арендаторами этихъ участковъ (снявшими ихъ отъ ушедшихъ) или просто богачами и т. д.; въ 5-ти другихъ селеніяхъ община не интересуется выморочными землями за обиліемъ земли; наконецъ, въ 10 изъ 25 селеній общины „вступаются" за свои права на безродныя земли. „Въ громадномъ большинствѣ остальныхъ селеній, гдѣ только есть или были выморочныя земли, онѣ считаются собственностью общества, которое не позволяетъ ихъ захватывать, а само отводитъ общинникамъ или постороннимъ или сдаетъ въ аренду"—обыкновенно сдаетъ въ аренду, т. е. значитъ, оставляетъ въ своемъ непосредственномъ владѣніи и распоряженіи, и гораздо рѣже отводитъ въ родовое владѣніе своимъ членамъ. Подобная же картина рисуется и г. Дубенскимъ для Енисейской губерніи. (См. „Матер. Енис. г.", т. IV, в. 3. стр. 190—192.

[1]) Объ этомъ см., напримѣръ, „Матер. Енисейской губ.", т. IV, вып. 3, стр. 172—173.

закъ сказать, и обратное дѣйствіе: такъ какъ для каждаго личнотахватнаго владѣнія, требуется санкція общиннаго отвода, то захватныя владѣнія, возникшія безъ такого отвода, когда онъ еще не былъ обычнымъ, начинаютъ считаться общиной принципіально неправильными, не имѣющими полной силы и потому въ отдѣльныхъ случаяхъ особенной сомнительности правъ захватчиковъ или нужды въ землѣ другихъ семей, такіе участки община начинаетъ частью отбирать и отводить другимъ.

Такимъ образомъ, въ этомъ распространеніи общиннаго отвода обнаруживается самая строгая постепенность и логичность. Настолько же постепенно и логично совершается и развитіе и усиленіе самыхъ его проявленій.

При своемъ началѣ отводъ имѣетъ видъ скорѣе отреченія общины отъ ея земельныхъ правъ, чѣмъ признанія и проявленія ихъ: отводные приговоры міра, или даже только части міра, небольшой группы хозяевъ, гласятъ очень часто такъ: „отведено въ пользованіе его и его потомства“, „которымъ мѣстомъ онъ и его наслѣдники имѣютъ право владѣть, какъ своею собственностью“... „въ потомственное владѣніе отнынѣ и навсегда“... Иногда лишь встрѣчаются оговорки: „а въ случаѣ смерти безъ наслѣдниковъ земля должна отойти въ общество“. Ясно, что община тутъ только, такъ сказать, свидѣтельствуетъ личный захватъ.

Но достаточно вдуматься въ самыя эти выраженія, чтобы понять неизбѣжность развитія изъ этихъ отводовъ-отреченій отводовъ-передѣловъ. Вѣдь, разъ община отводитъ, то этимъ самымъ она вполнѣ проявляетъ свое право владѣнія и распоряженія, значитъ, въ результатѣ ряда отводовъ „навсегда“, вырабатывается сознаніе, что она можетъ и не отводить и можетъ отвести не навсегда, а лишь временно. Съ развитіемъ земельной тѣсноты отводъ постепенно и пріобрѣтаетъ такой характеръ, и массой этихъ послѣднихъ прецедентовъ временнаго отвода совершенно покрываются предыдущіе окончательные отводы,—настолько, что самое слово отводъ начинаетъ обозначать только временный отводъ или надѣлъ, которымъ община „жалуетъ“ хозяина впредь до „могущаго послѣдовать передѣла“ или вообще до новаго общиннаго распоряженія [1]).

Съ особенной ясностью этотъ процессъ развитія общиннаго элемента въ отводѣ можно прослѣдить на отводахъ каждаго рода угодій въ отдѣльности.

Начнемъ съ усадебныхъ мѣстъ.

По отношенію къ нимъ эволюція отводовъ такъ отчетливо обрисована г. Дубенскимъ для Енисейской губерніи, что я приведу это

---

[1]) „Въ этомъ случаѣ для получающаго отводный участокъ срокъ пользованія опредѣляется или извѣстнымъ періодомъ лѣтъ, или наступленіемъ какого-либо условленнаго момента, или, наконецъ, хотя о срокѣ прямо не говорится, но изъ смысла отводнаго акта ясно слѣдуетъ, что пользованіе можетъ быть прекращено въ любой моментъ, по желанію общества — владѣльца“. (См. „Матер. Енисейской губерніи“. т. IV. в. 3).

его описаніе въ выдержкѣ для характеристики этого процесса вообще.

Въ Енисейской губерніи отводы усадебныхъ мѣстъ „сначала имѣютъ цѣлью придать существующему владѣнію болѣе прочную санкцію, а затѣмъ, распространяясь на мѣста, никѣмъ еще не занятыя, они ставятъ на первый планъ интересы усадебно-строительнаго порядка. Но очень скоро они начинаютъ связывать съ этими интересами цѣль, вполнѣ отъ послѣднихъ независимую, именно количественную равномѣрность вновь возникающихъ усадебъ; иначе говоря, міръ, взявъ въ свои руки распоряженіе землями въ интересахъ административно-полицейскихъ, начинаетъ параллельно этому распоряжаться землями въ интересахъ хозяйственно-экономическихъ, въ результатѣ чего устанавливается извѣстная норма отвода на одинъ дворъ. Разъ идея объ одинаковой для всѣхъ хозяевъ нормѣ получаетъ право гражданства по отношенію ко вновь возникающимъ владѣніямъ, то она затѣмъ естественно начинаетъ распространяться и на владѣнія, уже существующія, и, такимъ образомъ, начинаютъ входить въ практику отводы отъ однихъ хозяевъ, у кого излишекъ противъ нормы, къ другимъ,— у кого недостатокъ. Естественно далѣе, что подобнымъ отводамъ— отрѣзкамъ прежде всего начинаютъ подвергаться усадебныя земли,— во-первыхъ, какъ такія, которыя ранѣе всякихъ другихъ подвергаются простымъ отводамъ, а, во-вторыхъ,—какъ такія, которыя даютъ наиболѣе поводовъ къ спорамъ и столкновеніямъ и недостатокъ въ которыхъ обнаруживается обыкновенно довольно скоро и ощутительно. Но такъ какъ усадебныя мѣста требуютъ для своей эксплуатаціи значительныхъ затратъ труда, то они не могутъ подвергаться всеобщимъ поравненіямъ безъ существеннаго нарушенія интересовъ ихъ владѣльцевъ; поэтому идея поравненія хотя и возникаетъ очень часто на почвѣ урегулированія усадебно-поземельныхъ отношеній, но ни значительной распространенности, ни, вмѣстѣ съ тѣмъ, серьезной будущности она на этой почвѣ нигдѣ въ изучаемомъ краѣ не пріобрѣтаетъ и переносится уже на другія угодья“ [1]).

Едва ли не точно такова же эволюція отводовъ усадебныхъ мѣстъ и въ другихъ мѣстностяхъ.

Отводы сѣнокосовъ развиваются параллельно съ отводами усадебъ. Выше, обрисовывая эволюцію ограниченій захватнаго сѣнокошенія, я уже указалъ на фазу, представляющую уже, собственно, прямой отводъ: когда хозяева, выѣзжая сразу на покосъ, взаимно условливаются, гдѣ кому косить, то при недостачѣ кому-нибудь мѣста въ этомъ распредѣленіи общество тому отводитъ добавочный участокъ. Часто же и вообще семейно-захватное владѣніе покосами переходитъ въ общинно-передѣльное чрезъ ступень общиннаго отвода.

Напримѣръ, „въ одной изъ пригородныхъ волостей Томскаго округа... Первымъ еще робкимъ шагомъ къ душевому (передѣльному) пользованію явился отводъ прибылымъ душамъ, властью общины, покосовъ изъ пустолежащихъ или выморочныхъ мѣстностей, съ пол-

[1]) „Мат. Енис. г.“, т. IV, в. 3. стр. 168—170.

нымъ признаніемъ въ то же время общей неприкосновенности права на уже занятые покосы. Затѣмъ, когда въ умахъ общинниковъ, въ результатѣ ряда такихъ отводовъ, укоренилось сознаніе правъ общины, какъ верховнаго распорядителя земли,—общины для надѣленія прибылыхъ душъ начинаютъ отбирать часть захваченныхъ покосовъ у тѣхъ изъ общинниковъ, „занятія“ (захватныя владѣнія) которыхъ особенно обширны; отрѣзки дѣлаются не на основаніи какихъ-либо обмѣровъ, а на глазъ, на основаніи точнаго знакомства общины съ размѣромъ фактическаго землепользованія каждаго изъ ея членовъ“ [1]). А дальше уже слѣдуютъ формы, которыя, повидимому, послѣдовательнѣе будетъ отнести къ первымъ элементарнымъ разновидностямъ общинно-передѣльнаго, чѣмъ къ послѣднимъ наивысшимъ ступенямъ общинно-отводнаго владѣнія.

Послѣ всего сказаннаго мы можемъ окончательно формулировать основные моменты развитія общинно-отводнаго владѣнія в о о б щ е, каковая формула будетъ въ то же время точно характеризовать и развитіе отводовъ п а ш е н ъ. Я различаю именно четыре главныхъ ступени въ развитіи отводовъ.

С т у п е н ь 1-ая. Отводъ обыкновенно совершается по просьбѣ хозяина, захватившаго свободный, никѣмъ не занятый и не оспариваемый участокъ, но желающаго заранѣе обезпечить свое владѣніе отъ какихъ бы то ни было споровъ и непріятностей въ будущемъ, для каковой цѣли, несмотря на полную безспорность и вѣскость своего права перваго захвата, онъ считаетъ не лишнимъ припечатать еще это свое право форменной бумагой, „о т в о д н ы м ъ а к т о м ъ“, гарантирующимъ ему владѣніе „отнынѣ и на всегда“. Въ такихъ случаяхъ община, съ извѣстной даже торжественностью отводящая ему участокъ, является просто лишь штемпелюющимъ, такъ сказать, захватъ автоматомъ.

С т у п е н ь 2-ая. Когда община имѣетъ дѣло съ просьбой заимщика объ отводѣ даннаго участка въ виду заявленнаго на него спора другими заимщиками, или когда оба спорящихъ одновременно просятъ объ отводѣ даннаго участка,—въ такихъ случаяхъ міръ уже отправляетъ не ф о р м а л ь н у ю, н о т а р і а л ь н у ю, такъ сказать, функцію, а с у щ е с т в е н н у ю, с у д е й с к у ю: онъ отвергаетъ или устанавливаетъ право того или другого, сообразно съ принимаемымъ имъ самимъ принципомъ [2]).

---

[1]) См. „Крест. землепользованіе и хозяйство въ Тоб. и Томск. г.“, статья А. А. Кауфмана, стр. 42—43.

[2]) Значенія сказаннаго нисколько не уменьшаютъ тѣ случаи, когда міръ рѣшаетъ не сообразно съ принципомъ, а въ зависимости отъ вліятельности спорящихъ, количества выставленнаго ими угощенія, родственныхъ чувствъ и т. п., не принципіальнаго характера мотивовъ: если въ судѣ происходятъ злоупотребленія, это не значитъ, что судъ не имѣетъ власти, если функція верховнаго распоряженія общинной землей иногда осуществляется міромъ не цѣлесообразно или несправедливо, то это не дѣлаетъ самую эту функцію менѣе реальной; впрочемъ, по общему свидѣтельству компетентныхъ наблюдателей, злоупотребленія эти лишь исключенія, а не общее правило.

Ступень 3-я. Отводъ изъ „безродныхъ“ участковъ или изъ отдѣльныхъ угодій общаго района захвата. Въ этомъ случаѣ община въ полномъ смыслѣ и прямо распоряжается извѣстными земельными участками, но функція эта имѣетъ тутъ, такъ сказать, половинное значеніе, такъ какъ община только даетъ, надѣляетъ этими участками, но не отбираетъ ихъ. А это, конечно, весьма существенное обстоятельство.

Ступень 4-я. Отводъ земли отъ однихъ хозяевъ другимъ представляетъ уже извѣстное перераспредѣленіе земли, т. е. несомнѣнно, является грубой зачаточной формой общинно-передѣльнаго владѣнія. Какъ ни существенно отличается этотъ моментъ отъ предыдущихъ тѣмъ, что при немъ община прямо отбираетъ часть участка (почти никогда—цѣлый) заимщика и тѣмъ и формально, и по существу уничтожаетъ семейно-захватное владѣніе въ его принципѣ и проявленіи,—однако, онъ, благодаря особымъ условіямъ, первоначально наступаетъ по внѣшности тоже легко и мягко.

Какъ уже указано, особенно легкимъ и незамѣтнымъ шагомъ является тутъ отобраніе части надѣловъ у недоимщиковъ: это какъ бы не зависитъ собственно отъ общины, а, съ одной стороны, вынуждается закономъ и мѣрами администраціи, и съ другой, вызывается самимъ заимщикомъ-неплательщикомъ. Представляются и другія такія же вынуждающія на отводъ внѣшнія обстоятельства, - напримѣръ, отрѣзка земли у данной общины (при государственномъ межеваніи вообще и особенно при нарѣзкѣ надѣловъ переселенцами, въ послѣднее время при отмежеваніи земли желѣзной дорогѣ и т. п.): ясно, что тутъ нельзя не отвести земель тѣмъ, чьи участки отрѣзаны, и которые остались совсѣмъ или почти безъ земли, а разъ свободной земли совсѣмъ нѣтъ (или есть только плохая, непахотная), то приходится поотрѣзать у тѣхъ, у которыхъ ея особенно много. Отсюда уже недалекъ переходъ къ отрѣзкѣ участковъ отъ однихъ хозяевъ другимъ для введенія, напр., на нихъ болѣе интенсивной культуры; крайне интересны такого рода случаи въ Енисейской губерніи: здѣсь, напримѣръ, общество отводитъ отъ крестьянина X. крестьянину З. участокъ въ 6 десятинъ подъ пасѣку, „въ виду того, что пасѣка, по нашему разумѣнію, есть болѣе полезное предпріятіе, чѣмъ сѣнокошеніе, о которомъ (пчеловодствѣ) заботится и правительство“; также отводится обыкновенно сѣнокосъ подъ посѣвъ льна или подъ устройство орошаемаго покоса и т. п. [1]).

Во всѣхъ этихъ случаяхъ фигурируютъ два мотива; съ одной стороны, особенно острая нужда въ данномъ участкѣ, за невозможностью найти подходящій свободный участокъ, для того, кому отводятъ, и съ другой — сравнительная ненужность этого участка фактическому его владѣльцу [2]). Когда эти принцины нужды,

---

[1]) „Мат. Енис. губ.“, т. IV, в. 3, стр. 172—174.

[2]) Напр., въ Енисейск. губ. покосы для скотоводовъ-инородцевъ крайне важны и потому, несмотря на работы по расчисткѣ и орошенію, производятся отводы сѣнокосовъ мало ихъ имѣющимъ отъ тѣхъ „у кого ихъ стало завѣдомо

потребности въ землѣ, лежащіе въ глубинѣ самаго права на захватъ, повтореніемъ крѣпко укоренятся и ясно сформулируются, тогда станутъ возможными отдѣльные случаи прямого и чистаго отобранія небольшого участка у „старозаймочника“ только потому, что у него земли „и такъ достаточно“ и отведенія ея „малолѣту“ (молодому хозяину), который крайне въ землѣ нуждается, а несетъ уже подати и т. д. Понятно, что такіе отводы сначала очень рѣдки и незначительны, а затѣмъ рядомъ прецедентовъ все увеличиваются и учащаются [1]).

Итакъ, какъ видимъ, развитіе общиннаго права въ отводахъ, начинаясь съ чисто-формальнаго и по существу самоотрицающагося проявленія, цѣлымъ рядомъ оттѣнковъ, длинной правильной гаммой тоновъ и полутоновъ повышается до максимальнаго по принципу проявленія общиннаго права, уже собственно совершенно исключающаго семейно-захватное право. Не надо, однако, думать, чтобы этотъ путь былъ пройденъ чрезъ подавленіе права труда: наоборотъ, и тутъ, какъ и всегда, развитіе общины шло по направленію наименьшаго сопротивленія со стороны права труда. Укажу на нѣкоторые изъ множества фактовъ и соображеній, дѣлающихъ это очевиднымъ.

Выше мы уже видѣли, какъ отводы остановились и отступили предъ самымъ сильнымъ проявленіемъ права труда, предъ личнымъ правомъ на усадебные участки: здѣсь отводы дѣлались навсегда и, значитъ, такъ и сохранили значеніе отреченія общины отъ своего права владѣнія. Наоборотъ, по отношенію къ сѣнокосамъ, гдѣ право труда равно нулю, отводы развивались легко, быстро и неуклонно, чрезъ нѣсколько уже видоизмѣненій, доходя до формъ общинно-передѣльныхъ. Ту же правильность въ чрезвычайно характерномъ и тонкомъ проявленіи мы отмѣтили и для пашни,—здѣсь право труда нарушается въ пользу болѣе интенсивной затраты труда же: косарь уступаетъ не косарю, а пахарю или пасѣчнику, или косарю, который предварительно затратилъ много труда на улучшеніе покоса. Укажемъ теперь, кстати, интересный фактъ, который еще не былъ отмѣченъ выше: при обще-правовыхъ ограниченіяхъ захвата также всегда побѣждаетъ тотъ, кто захватываетъ болѣе интенсивнымъ трудомъ, а именно, напр., при развитіи земельнаго утѣсненія каждый можетъ запахивать покосъ другого заимщика (даже и тогда, если этотъ покосъ — изъ-подъ пашни заимщика, только въ послѣднемъ случаѣ первый заимщикъ имѣетъ иногда нѣ-

---

много, такъ что отрѣзокъ для нихъ необиденъ“. („Мат. Енис. губ.“, т. IV, в. 3, стр. 216).

[1]) Особенно яркіе такого рода примѣры я нашелъ для Кубанской обл., Здѣсь, по словамъ г. Щербины, „иногда, какъ въ станицахъ малорусскихъ, общинники со свойственною малороссамъ прямотою, заставляли богачей отдавать излишки пахотныхъ полей нуждавшимся въ нихъ бѣднякамъ. Такъ общество ст. Варениковской въ одно время избрало „комитетъ“, который долженъ былъ указывать свободныя мѣста для распашекъ и отбирать излишки у тѣхъ, кто имѣлъ много пахотной земли для передачи нуждающимся“... И т. д. и т. д. (См. „Зем. Общ. Куб. каз.“, стр. 124).

который срокъ безпрепятственнаго пользованія травой), и крестьяне въ этомъ случаѣ такъ прямо и говорятъ, что „сохѣ препятствовать нельзя“, такъ что тутъ буквально коса владѣетъ лишь до тѣхъ поръ, пока не придетъ соха. Наконецъ, въ случаяхъ отрѣзковъ участковъ у „старозанмщиковъ“, они (отрѣзки) часто прямо мотивируются не только тѣмъ, что старозаимочнику участокъ „не нуженъ“, но и тѣмъ, что тотъ владѣлъ имъ „не по праву“, т.-е. онъ пріобрѣтенъ не трудомъ владѣльца или его предковъ, а другимъ способомъ [1]). Конечно, нельзя думать, чтобы на самомъ дѣлѣ это право труда никогда не нарушалось при общинныхъ отводахъ, какъ оно можетъ нарушаться и въ другихъ случаяхъ (въ личныхъ столкновеніяхъ между заимщиками и въ рѣшеніяхъ волостного суда и т. д.), но очевидно, что при столь многообразномъ, тонкомъ и тщательномъ соблюденіи этого права во множествѣ случаевъ, эти отдѣльные факты его нарушенія могутъ быть именно только злоупотребленіями, и таковыми признаются они прямо и самими крестьянами, такъ что поэтому они представляются исключеніями, только еще болѣе подтверждающими правило.

§ 3.

Я потому такъ подробно анализирую и такъ настойчиво прошу читателя обратить самое пристальное вниманіе на закономѣрность въ развитіи ограниченно-захватнаго и общинно-отводнаго владѣнія и ненарушимое господство въ этомъ процессѣ права труда, что въ этихъ двухъ явленіяхъ особенно ясно проявляется обстоятельство чрезвычайной важности: полная или почти полная независимость этого процесса эволюціи семейно-захватной формы въ общинную отъ условій политическихъ,—отъ законодательныхъ нормъ и административныхъ воздѣйствій. Достаточно съ полной конкретностью представить себѣ безукоризненную постепенность, строгую логичность и выдержанность всей этой трансформаціи, чтобы убѣдиться въ ея самопроизвольности, въ ея зависимости отъ однихъ лишь измѣняющихся естественно-экономическихъ условій (возрастанія населенія и сокращенія размѣровъ землевладѣнія); достаточно вглядѣться въ это неуклонное движеніе ея по колеѣ права труда, ни въ какомъ кодексѣ прямо не предусмотрѣннаго и никакой администраціей не внушаемаго, чтобы отбросить всякія сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ вырастающимъ обычнымъ правомъ, а не съ законодательно-административной постройкой. Вся роль политическихъ условій тутъ или чисто отрицательная, или только посредствующая: общинная форма раньше въ потенціи предопредѣлена, ибо она предусматривается и допускается правительствомъ:

---

[1]) „Мат. Иркутск. губ.“, ст. Личкова.

межеваніе. сокращающее земельный просторъ, дѣйствуетъ посредствомъ этого на складываніе общиннаго механизма; взиманіе податей съ круговой порукой иногда даетъ этому процессу отдѣльные ускоряющіе толчки, отнюдь, однако, не необходимые, ибо онъ очень часто идетъ совершенно безъ нихъ,—вотъ и вся роль внѣшне-политическихъ вліяній. Но каждый мельчайшій моментъ этого процесса наступаетъ только потому, что онъ признается необходимымъ и справедливымъ самими крестьянами. На тѣхъ послѣднихъ штрихахъ, которыми намъ осталось еще дорисовать процессъ развитія общиннаго и сокращенія личнаго права, мы еще разъ съ полной яркостью увидимъ это.

Суммируемъ прежде всего тѣ ограниченія въ правахъ личнаго владѣнія, распоряженія и пользованія, которыя устанавливаются выше очерченнымъ развитіемъ ограниченій захвата и общинныхъ отводовъ.

Во всѣхъ случаяхъ, когда владѣніе захваченнымъ участкомъ ограничено установленнымъ общиной срокомъ, очевидно, у заимщика нѣтъ уже права владѣнія (ибо срочное владѣніе, обставленное при томъ разными условіями, уже не есть владѣніе, а есть лишь пользованіе). Въ тѣхъ же случаяхъ, когда захватное владѣніе ограничено не срокомъ, а другими (выше очерченными) условіями, устанавливающими, всѣ вмѣстѣ или порознь, постоянную возможность лишенія заимщика его участка не въ силу незаконности владѣнія, или вообще даже не по какимъ-либо отъ него, заимщика, зависящимъ обстоятельствамъ, а по совершенно постороннимъ, внѣ его лежащимъ причинамъ (напримѣръ, вслѣдствіе нужды въ землѣ другого хозяина и т. п.,—лишенія, при томъ, безъ вознагражденія — въ такихъ случаяхъ, очевидно, тоже нельзя столь условное и непрочное личное право захватчика назвать владѣніемъ; его скорѣе нужно признать лишь пользованіемъ.—Итакъ, мнѣ кажется, что при ограниченно-захватномъ и общинно-отводномъ владѣніи у отдѣльныхъ хозяевъ уже положительно нѣтъ права владѣнія, а остается лишь право пользованія; хотя это право у нихъ тутъ, конечно, еще несравненно шире, чѣмъ при общинно-передѣльномъ владѣніи.

Остается ли за отдѣльными хозяевами при ограниченно-захватномъ и общинно-отводномъ владѣніи право распоряженія ихъ участками? Въ извѣстной мѣрѣ остается, но значительно ограничивается.

Гдѣ захватное владѣніе ограничено срокомъ, тамъ, очевидно, уже не можетъ быть продажи заимщикомъ его участка: онъ можетъ лишь сдавать его въ аренду на срокъ, не большій того, который остается ему самому пользоваться участкомъ; также завѣщать или подарить онъ можетъ лишь во временное и условное пользованіе, а не во владѣніе. Гдѣ же захватное владѣніе не ограничено срокомъ, тамъ право пользованія сужено постольку, поскольку за отдѣльнымъ хозяиномъ нѣтъ уже права владѣнія, а есть лишь право пользованія: онъ не можетъ уже продать, завѣщать,

подарить въ общепринятомъ смыслѣ передачи вмѣстѣ правъ и владѣнія и пользованія, а, очевидно, можетъ распорядиться лишь правомъ пользованія.

Но помимо этихъ ограниченій, вытекающихъ изъ самаго превращенія безсрочно-наслѣдственнаго семейно-захватнаго владѣнія во временно-трудовое, развиваются одновременно съ послѣдними и прямыя ограниченія личнаго семейно-захватнаго права распоряженія. Право заимщиковъ завѣщать, дарить, продавать, сдавать въ аренду захватные ихъ участки начинаетъ постепенно обставляться разными условіями и ограниченіями, попадаетъ подъ усиленный контроль общины и теряетъ самостоятельное значеніе.

Прекрасно обрисованъ этотъ процессъ гг. Личковымъ и Дубенскимъ для Иркутской и Енисейской губерній. Крайне интересны, напримѣръ, та трудность и постепенность, съ которыми волостные суды Енисейской губерніи, правильно отражая эволюцію народнаго права, переходятъ въ своихъ рѣшеніяхъ отъ личнаго къ общинному началу. Сначала они формально признаютъ неограниченное личное право при покупкахъ-продажахъ захваченныхъ участковъ, вовсе не входя въ анализъ основаній права владѣнія заимщиковъ, а отправляясь отъ формальныхъ документовъ,—разныхъ расписокъ, называемыхъ крестьянами и волостнымъ судомъ „купчими крѣпостями“. Затѣмъ наступаетъ періодъ колебанія, при чемъ въ иныхъ случаяхъ волостной судъ настолько не въ состояніи дать себѣ отчетъ въ основаніяхъ права, что отказываетъ тяжущимся въ рѣшеніи дѣла, „не считая себя вправѣ рѣшать такіе вопросы“, или даже даетъ дѣлу, такъ сказать, задній ходъ: напримѣръ, при споръ о томъ, продана ли заимщикомъ земля навсегда, или лишь на срокъ его военной службы, волостной судъ, не разобравшись во взаимныхъ правахъ продавца и покупателя, приговариваетъ купившему возвратить продавцу землю, а продавцу—возвратить покупателю полученные отъ него за нее 5 руб... Въ концѣ же концовъ, волостные суды постепенно рѣшительно становятся на сторону общиннаго права, объявляя недостаточными всякія иныя основанія владѣнія, кромѣ общиннаго „отвода“ или вообще признанія спорнаго владѣнія общиной, т.-е., собственно говоря, отказываясь отъ разбора личныхъ земельныхъ тяжбъ и направляя ихъ въ общину [1]).

Въ 3 округахъ Иркутской губерніи, описанныхъ г. Личковымъ, міръ тоже послѣдовательно и постепенно ограничиваетъ разными условіями сначала право завѣщанія, потомъ продажи, и наконецъ, и аренды: завѣщать, напримѣръ, міръ дозволяетъ лишь въ пользу своихъ членовъ, а въ пользу лицъ постороннихъ или вовсе запрещаетъ, или дозволяетъ лишь при отсутствіи наслѣдниковъ, или, наконецъ, только при условіи своевременнаго на то согласія міра; для продажи тоже требуется согласіе общества, или вообще міръ запрещаетъ продажу лицамъ постороннимъ (не членамъ общины); устана-

[1]) См. объ этомъ „Матеріалы Енисейской губ.“ Т. IV, в. 3, стр. 160—163.

вливается еще такое оригинальное послѣдствіе продажи: продавшій участокъ тѣмъ самымъ лишается права на захватъ другого участка, т.-е., значитъ, вообще лишается земельнаго права; срокъ аренды ограничивается въ такой мѣрѣ, что прежде эта „продажа на года“ совершалась часто на 40, иногда даже на 80 лѣтъ, а теперь, при общинно-отводномъ владѣніи, устанавливается максимальный срокъ въ 3—10 лѣтъ и т. д. (все это относится и къ усадебной землѣ, и къ пашнѣ) [1]). Такія же ограниченія отмѣчаются не только въ Сибири, но и въ другихъ мѣстностяхъ. Напримѣръ, въ Соликамскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи;—„право продажи не только окончательно и „на годы“, т.-е. собственно, аренды, ограничено согласіемъ міра: безъ такого согласія можно отдавать землю лишь въ самую краткосрочную аренду,—на годъ, на два (прежде отдѣльные хозяева продавали свои участки безъ спроса міра, но послѣ нѣсколькихъ случаевъ отобраніе міромъ проданныхъ участковъ у покупщиковъ, больше безъ согласія міра продажъ не бываетъ [2])“ и т. д.

Итакъ, параллельно съ превращеніемъ семейно-захватнаго владѣнія изъ безсрочнаго владѣнія во временное пользованіе и съ вытекающимъ отсюда ограниченіемъ присущаго ему раньше права распоряженія, это послѣднее право и прямо ограничивается и урѣзывается во всѣхъ его проявленіяхъ, и мало-по-малу окончательно растаиваетъ въ общинномъ правѣ владѣнія и распоряженія...

Сказаннаго, полагаю, достаточно для отчетливаго резюмированія процесса развитія общиннаго права изъ семейно-захватнаго.

Эволюція эта идетъ двумя параллельными теченіями.

Съ одной стороны, личное семейно-захватное право постепенно ограничивается и сокращается. Право владѣнія захваченными участками постепенно отступаетъ предъ правомъ на захватъ, вводится въ этой борьбѣ во все болѣе тѣсныя границы трудовой нормы, такъ что вмѣсто прежняго безсрочно-наслѣдственнаго владѣнія всей той землей, куда однажды „топоръ, коса и соха ходили“, остается временное обладаніе тѣмъ куда и до сихъ поръ, „топоръ, коса и соха ходятъ“. Этимъ, а равно и прямыми ограниченіями всѣхъ правъ распоряженія (продажи, аренды, завѣщанія, даренія) семейно-захватное владѣніе уже превращается въ пользованіе, такъ какъ элементы владѣнія и распоряженія мало-по-малу стираются подъ давленіемъ общиннаго права.

Съ другой стороны, одновременно прямо развивается общинное право распоряженія. Сначала оно является и признается, повидимому, только формально и даже какъ бы имѣетъ характеръ самоотреченія и самоотрицанія (пока состоитъ въ нотаріально-судейскомъ утвержденіи лично-захватныхъ правъ), но потомъ оно начинаетъ про-

---

[1]) См. „Матеріалы Иркутской губерніи“, т. II, в. 3, стр. 157.
[2]) См. „Екат. Недѣля“ 89 г., № 20—23.

ляться и по существу въ непосредственномъ распоряженіи отдѣльными участками, — сначала „ничьими“, а затѣмъ и состоящими въ захватномъ владѣніи (которыя отбираются сначала лишь въ особыхъ исключительныхъ случаяхъ или у владѣльцевъ не по праву и т. п., а потомъ уже и просто потому, что данные участки не такъ нужны ихъ владѣльцамъ, какъ другимъ хозяевамъ).

Такимъ образомъ, фазисъ ограниченно-захватнаго и общинно-отводнаго владѣнія представляетъ процессъ постепеннаго растворенія личнаго права въ общинномъ: личное право перестаетъ распоряжаться, управлять, а общинное уже не только „царствуетъ“, но начинаетъ и „управлять“...

Мы очертили этотъ процессъ пока преимущественно въ его юридическомъ проявленіи.

Теперь необходимо точнѣе и подробнѣе выяснить его съ экономической стороны — прослѣдить ту развивающуюся, вслѣдствіе сокращенія земельнаго простора, при возрастаніи населенія, борьбу за землю, ходомъ и исходомъ которой обусловливается эта юридическая трансформація.

§ 4.

Намъ нужно здѣсь, во-первыхъ, доказать, что именно вслѣдствіе сокращенія земельнаго простора развивается эта борьба за землю, приводящая къ замѣнѣ неограниченнаго семейно-захватнаго владѣнія ограниченнымъ и общинно-отводнымъ и, во-вторыхъ, показать, какъ именно эта борьба приводитъ къ этому результату.

Первое положеніе, собственно говоря, граничитъ съ очевидностью. Во-первыхъ, уже a priori понятно, что эта борьба за землю ненужна и потому невозможна при полномъ земельномъ просторѣ и, значитъ, если появляется, то именно вслѣдствіе его сокращенія (все равно, послѣдуетъ ли оно отъ возрастанія населенія, — естественнаго, или благодаря переселенію,—или отъ отрѣзки земли при межеваніи и т. п.).

Во-вторыхъ, это a priori необходимое совпаденіе и наблюдается въ дѣйствительности едва ли не во всѣхъ извѣстныхъ случаяхъ: оно указывается самими крестьянами [1]), оно едва ли не единогласно глазомѣрно констатируется наблюдателями, оно, наконецъ, устанавливается статистическими сопоставленіями.—Ограниченія захвата и общинные отводы постоянно, какъ вообще появляются и появлялись прежде всего именно въ болѣе малоземельныхъ мѣстностяхъ Сибири и Евро-

---

[1]) Приведу нѣсколько такихъ отзывовъ, записанныхъ въ Иркутской губерніи:
Деревня Залари: „народу умножилось,—отъ того тѣснота, споры“.
Деревня Кутуликъ: „тѣснота, вслѣдствіе увеличенія населенія“.
Деревня Евсеево: „Отводъ нынѣ все чаще и чаще; даютъ отводъ, если двое стали расчищать одно мѣсто, чтобъ поширить. Надо ихъ брать на расчистки и крестьянамъ, и поселянамъ на случай спора“. И т. д. (См. „Матер. Ирк. г.“, т. II, в. 3).

пейской Россіи, такъ и въ каждомъ округѣ (уѣздѣ) начинаются прежде всего въ менѣе многоземельныхъ общинахъ, и, наконецъ, въ каждой общинѣ они начинаются именно съ тѣхъ угодій, въ которыхъ больше, чѣмъ въ другихъ, чувствуется недостатокъ (исключенія тутъ, какъ уже показано и еще будетъ показано, всегда объясняются дѣйствіемъ права затраченнаго труда [1]).

Приведу нѣсколько цифръ, ярко поясняющихъ сказанное.

По тремъ округамъ Иркутской губерніи г. Личковымъ составлены слѣдующія таблицы, сопоставляющія размѣры землевладѣнія съ распространенностью общинныхъ отводовъ.

ГРУППЫ ОБЩИНЪ.	Число наличныхъ хозяевъ.	% отводной пашни.	Всей пашни десятинъ		% хозяевъ, имѣющихъ всю или часть земли, отводную къ общему числу хозяевъ, имѣющихъ пашни.
			на 1 дворъ.	на 1 душу.	
I безъ отводовъ или съ отводами, занимающими менѣе 2% всей земли	11717	0,1	12,5	4,5	2
II съ отводами до 7,6% всей земли	4238	5,7	10,6	4,2	22
III съ отводами болѣе 7,6% . .	1316	9,1	10,4	4,1	30
IV районъ общинно-передѣльный	4124	передѣлъ вмѣсто отвода	10,1	3,7	—

Какъ видимъ, тутъ полное соотвѣтствіе: отводовъ почти нѣтъ тамъ, гдѣ земли 12,5 десятинъ, они появляются въ замѣтныхъ размѣрахъ на той ступени земельной тѣсноты, которая отмѣчена 10,6 десятинъ на дворъ, и затѣмъ отводы быстро растутъ и сейчасъ же замѣняются болѣе совершеннымъ регулированіемъ передѣлами. Также и % хозяевъ, имѣющихъ вполнѣ или частью отводную пашню, правильно повышается съ пониженіемъ размѣра землевладѣнія.

---

[1]) Особенно интересно отмѣтить, что факторъ количества угодій оказывается сильнѣе, чѣмъ даже факторъ затраты труда, когда они сталкиваются: такъ, напримѣръ, хотя обыкновенно ограниченія захвата и общинные отводы начинаются съ покосовъ, какъ не требующихъ затраты труда, но это объясняется также и тѣмъ, что покосовъ относительно меньше, чѣмъ пашень, въ случаяхъ же, когда покосовъ больше, чѣмъ пашенъ, передѣлъ начинается съ пашенъ (см. объ этомъ у г. Кауфмана „Крестьянская община въ Сибири“, стр. 71—72).

Совершимъ теперь группировку съ другого конца: сгруппируемъ селенія не по количеству отводовъ (чтобы посмотрѣть, сколько у нихъ земли), а, наоборотъ, распредѣлимъ ихъ по количеству земли и посмотримъ, насколько разницѣ въ количествѣ земли соотвѣтствуетъ разница въ распространенности отводовъ:

	Въ группѣ волостей, имѣющихъ въ среднемъ на 1 муж. д. пашни.	% отводной пашни къ общему количеству пашни.
Русскіе крестьяне.	до 2 д. включительно	6,7
	отъ 2—4 десятинъ	0,9
	отъ 4—6 десятинъ	0,9
	свыше 6 десятинъ.	0,0
Инородцы.	до 4 десятинъ включительно	2,6
	свыше 4 десятинъ.	0,1

Въ этой табличкѣ пояснять нечего: обратная пропорціональность между количествомъ земли (пашни) и распространенностью отводнаго владѣнія выражена въ ней съ полной отчетливостью...

Разсмотримъ теперь, какимъ же именно образомъ уменьшеніе размѣровъ землевладѣнія приводитъ къ смѣнѣ семейно-захватнаго владѣнія общинно-отводнымъ.

При семейно-захватномъ владѣніи хозяйственному развитію отдѣльныхъ семей не положено никакихъ предѣловъ; весьма понятно поэтому, что при большомъ различіи семей по рабочей ихъ силѣ и по размѣрамъ накопленнаго уже капитала (въ видѣ построекъ, скота, инвентаря, а очень часто и денежнаго капитала) образуется громадная разница и въ размѣрахъ землевладѣнія отдѣльныхъ семей. Въ той вышеприведенной группѣ общинъ, гдѣ отводовъ не бываетъ вовсе, или они не превышаютъ 2% всей пашни, изъ числа наличныхъ хозяйствъ, имѣющихъ пашню:

1,3%	имѣютъ	менѣе	1			десят.
5,8%	„	отъ	1	до	3	„
7,3%	„	„	3	„	5	„
25,0%	„	„	5	„	10	„

21,2%	„	„	10	„	15	„
12,7%	„	„	15	„	20	„
9,3%	„	„	20	„	25	„
17,4%	„	„	25	„	и болѣе.	

Выходитъ, значитъ, что среднихъ по размѣрамъ землевладѣнія хозяевъ, т.-е. имѣющихъ отъ 5 — 15 десятинъ — всего 46,2%, а остальные 53, 8% представляютъ уже крайности въ ту или другую сторону: 14,4% (имѣющихъ менѣе 5-ти, 3-хъ и даже 1-ой десятины) бѣдняковъ, 22% (отъ 15 до 25 десятинъ)—зажиточныхъ и цѣлыхъ— 17,4%—богатыхъ, изъ коихъ нѣкоторые являются равными мелкимъ и даже среднимъ помѣщикамъ Европейской Россіи, ибо у нѣкоторыхъ размѣры захватно-родовой пашни доходятъ въ среднемъ до 135 десятинъ (у земледѣльческихъ инородцевъ Иркутскаго округа), до 206 десятинъ (у русскихъ крестьянъ Нижнеудинскаго округа) и даже до 289 десятинъ (у русскихъ крестьянъ Балаганскаго округа). Въ многоземельныхъ же районахъ Томскаго и Маріинскаго округовъ г. Кауфманъ отмѣчаетъ случаи, когда у нѣкоторыхъ богачей подъ пашню, покосъ и выгонъ занято по 500 десятинъ и болѣе.

При полномъ обиліи земли никакой хозяинъ не можетъ ничего имѣть противъ такой неравномѣрности, ибо она обусловливается исключительно размѣрами рабочей силы и капитала и никому пока не мѣшаетъ. Но съ возрастаніемъ населенія и уменьшеніемъ земельнаго простора для нарождающихся молодыхъ семей районъ захвата все суживается и, наконецъ, онѣ перестаютъ находить себѣ сколько-нибудь удобныя угодья, и въ этотъ періодъ захватъ богачей не безразличенъ для такихъ малоземельныхъ, но часто мощныхъ по рабочей силѣ семей. Для такихъ семей въ этотъ моментъ единственное средство добиться увеличенія своего землевладѣнія состоитъ въ томъ, чтобы настаивать на правѣ міра ограничивать захватъ отдѣльныхъ лицъ. Крестьяне же богачи, округлившіе себѣ заимки-помѣстья во многіе десятки десятинъ, конечно, наоборотъ, стоятъ за святость и неприкосновенность личнаго права владѣнія распоряженія и пользованія захватно-родовыми участками. Такимъ образомъ, по мѣрѣ уменьшенія размѣровъ землѣвладѣнія начинается борьба за землю между многоземельными и малоземельными хозяевами; съ прибавленіемъ каждаго новаго члена въ общинѣ и съ обусловливаемымъ этимъ уменьшеніемъ района захвата эта борьба должна все обостряться и развиваться. На извѣстномъ фазисѣ ея развитія та устойчивая комбинація правъ общиннаго и личнаго, которая существуетъ въ семейно-захватномъ владѣніи, уже не можетъ сохраняться: кто-нибудь да побѣдитъ, наконецъ, въ этой борьбѣ.

Каждая группа имѣетъ за собой, извѣстную силу. Какъ можно видѣть изъ выше приведенныхъ цифръ, численно должна быть сильнѣе группа малоземельныхъ (въ этой группѣ если, отправляться отъ выше приведенныхъ цифръ, нужно считать всѣхъ бѣдняковъ, имѣющихъ до 5 десятинъ, и среди нихъ хозяевъ съ землевладѣніемъ отъ 5—15 деся-

тинъ,—а такихъ болѣе 60%, т. е. $^3/_5$ всѣхъ хозяевъ). Но численный перевѣсъ еще не означаетъ перевѣса въ физической силѣ: богачи часто нанимаютъ столько рабочихъ, что могутъ иногда успѣшно сопротивляться большинству прямо силой, что изрѣдка и случается. Численный перевѣсъ малоземельныхъ тѣмъ менѣе можетъ дать имъ экономическое преобладаніе: весьма многіе изъ малоземельнаго большинства спутаны экономическою зависимостью отъ богатѣевъ, вслѣдствіе чего и голосуютъ часто на сходѣ за нихъ. Численный перевѣсъ, правда, можетъ дать въ концѣ концовъ „большинство голосовъ", въ которомъ какъ бы выражается общественное мнѣніе, но за то голоса многоземельныхъ „старо-заимщиковъ", состоящихъ въ родствѣ, свойствѣ и дружбѣ съ торговцами, кулаками, волостнымъ начальствомъ и т. д., „вѣсятъ" больше, чѣмъ голоса бѣдноты, „малолѣтовъ" (т. е. молодыхъ малоземельныхъ хозяевъ).

И та и другая сторона выдвигаютъ въ свою защиту каждая весьма вѣское п р а в о: многоземельные указываютъ на исконную безспорность личнаго права перваго захвата, освященнаго трудомъ, вложеннымъ заимщикомъ въ участокъ: „наши участки, говорятъ они, дѣды и прадѣды чистили: развѣ мы виноваты, что ихъ (оспаривающихъ это право) отцы съ лѣнью обнямшись жили?" [1]). Малоземельные опираются на то исконное и „общее крестьянское воззрѣніе", что, во-первыхъ, вообще земля —„Божья", „ничья", „мірская" и, значитъ, к а ж д ы й на нее имѣетъ право и что, во-вторыхъ, исполненіе обязанностей предъ государствомъ (главнымъ образомъ, податей и солдатской службы) уже во всякомъ случаѣ даетъ каждому крестьянину то неотъемлемое право на землю, которое въ данномъ случаѣ нельзя иначе осуществить, какъ ограниченіемъ захвата.

Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ борьба между этими группами бываетъ крайне упорна и иногда долго не имѣетъ рѣшительнаго исхода. „Вытѣсненіе заимочной формы пользованія вольною (или, по моей терминологіи,—ограниченно-захватнаго и отводнаго), —говоритъ г. Кауфманъ,—происходитъ не сразу; оно является результатомъ упорной борьбы, которую защитникамъ формъ вольнаго (ограниченно-захватнаго) пользованія приходится выдержать противъ богачей заимщиковъ; въ борьбѣ этой заимочники дѣйствуютъ самыми разнообразными способами: такимъ осторожнымъ, какъ опахиваніе и окашиваніе смѣльчаковъ, рѣшающихся вторгаться въ предѣлы ихъ заимокъ [2]), и болѣе рѣшительнымъ до прямого насилія включительно;

---

[1]) «Поземельная община въ Орловскомъ у. Вятск. губ.», Н. Добротворскаго; «Рус. М.» 84 г. 9 кн. стр. 36.

[2]) „Орудіе для такого сопротивленія заимочники находятъ въ самомъ принципѣ вольнаго пользованія; обыкновенный пріемъ ихъ въ борьбѣ за исключительное обладаніе заимками заключается въ затрудненіи для лица, вторгающагося въ предѣлы ихъ заимки, возможности распахивать себѣ пашню: „подъѣзжай къ нему (богачу) на одной сохѣ, говорятъ бѣдняки, а онъ на четырехъ, а то и на шести выѣдетъ, да кругомъ тебя опашетъ и заборонитъ, — такъ ты на одномъ лѣхѣ и останешься; хоть бы онъ-то къ намъ не лѣзли, а намъ, бѣднотѣ, гдѣ ужъ у нихъ пашню отбивать"!.. Такимъ образомъ, заимочникъ какъ будто бы не отрицаетъ

они обращаются къ защитѣ волостного суда, который, пока заимочное владѣніе не окончательно утратитъ подъ собою почву, очень часто ограждаетъ права заимщиковъ на захваченныя ими земли [1]); не останавливаются они иногда и передъ ложными доносами по злобѣ и т. п. [2]).

Однако съ увеличеніемъ населенія и съ уменьшеніемъ земельнаго простора шансы въ этой борьбѣ между старозаимочниками—„широкодачниками“ и малоземельными „малолѣтами“ передвигаются постепенно, но неуклонно, на сторону послѣднихъ. И сила и право ихъ увеличиваются.

Какъ я уже упомянулъ, каждый новый членъ общины увеличиваетъ, какъ общее правило, число сторонниковъ ограниченія захвата [3]).

за другими общинниками права пахать въ предѣлахъ его заимки; но стоитъ кому-либо попытаться осуществить это право, онъ также осуществляетъ свое право „пахать гдѣ угодно“, опахивать со всѣхъ сторонъ распаханный пришельцемъ загонъ и такимъ образомъ фактически „выживаетъ“ его изъ предѣловъ своей заимки. Этотъ пріемъ борьбы оказался настолько дѣйствительнымъ, что бѣдняки, пашущіе „въ одну соху“, и не осмѣливаются приближаться къ заимкамъ“... (См. „Алтайскій сборникъ“, ст. А. Кауфмана, стр. 114). То же самое отмѣчено въ захватномъ владѣніи покосами у Уральскихъ казаковъ: „казаку-одиночкѣ при покосѣ дохнуть, что называется, не дадутъ, не посмотрятъ, что у него мѣсто занято станомъ или что онъ обкосилъ себѣ кругъ; все выдерутъ кругомъ, загонятъ его самого въ телѣгу, только убирай ноги“ (Н. Бородинъ „Очеркъ общиннаго хозяйства Уральскихъ казаковъ“, Сѣвер. Вѣст. 1890 г. 4 кн. стр. 45).

[1]) „Крестьянское землепользованіе и хозяйство въ Тобольской и Томской губерніяхъ“, стр. 39.

[2]) „Первые шаги общины на этомъ пути очень нелегки. Владѣльцы покосовъ, старожилы, нерѣдко отказываются отдавать свою „отцовщину“, свои чищобы, ссылаясь то на право давности, то на право затраченнаго на расчистку покоса труда; они галдятъ на сходѣ и нерѣдко, благодаря свой зажиточности и связанному съ нею вліянію, успѣваютъ воспрепятствовать постановленію сходомъ неудобнаго для нихъ рѣшенія; если же такое рѣшеніе состоялось, они пытаются отстоять свои притязанія путемъ жалобъ начальству, волостному суду и т. п.,—наконецъ, нерѣдко не останавливаются и передъ насильственными мѣрами, чтобы не допустить лица, получившаго отъ общины отводъ, до осуществленія его права. Приведемъ здѣсь характерный отрывокъ изъ заявленія, имѣющагося въ дѣлѣ Семилужнаго волостного суда за 1886 годъ.: „крестьянами деревни Аркашевой былъ данъ мнѣ покосъ, которымъ раньше пользовался крестьянинъ В. И. Сафроновъ; на этотъ покосъ, на пользованіе имъ мнѣ дана общественная бумага; и когда я пришелъ косить его, то Сафроновъ не допустилъ меня до этого, угрожая сжечь его, и бросился первоначально на косившаго вмѣстѣ со мной крестьянина И. Сиротина съ литовкой (косой), а потомъ бросился съ нею на меня и ударилъ въ грудь; хотя таковой (покосъ) и былъ мною скошенъ по приказанію сельскаго старосты, но тѣмъ не менѣе В. Сафроновъ, вопреки приказанію старосты, сгребъ его и сметалъ и теперь взялъ это сѣно въ свое пользованіе и мнѣ не отдаетъ!.. Случаи, подобные описанному, повторяемъ, вначалѣ бываютъ нерѣдки... (А. Кауфманъ. Алтайскій сборн. вып. 1, стр. 126).

[3]) Насколько выгоденъ для большинства хозяевъ переходъ отъ семейно-захватнаго къ общинно-отводному владѣнію, это косвенно показываетъ слѣдующая таблица:

Какъ видимъ, % хозяевъ съ среднимъ размѣромъ пашни, каковыми, очевидно, вырисовываются имѣющіе отъ 5 до 15 десятинъ, правильно повышается по мѣрѣ развитія отводовъ съ 46,2% (при отсутствіи почти отводовъ) до 48,7% (при отводахъ, обнимающихъ до 7,6% пашни), затѣмъ до 51,8% (при отводахъ въ количествѣ болѣе 7,6% пашни) и затѣмъ сразу доходитъ до 70,7% при установленіи

Не только ихъ большинство на сходѣ возрастаетъ, но и извѣстная группа среднихъ не заинтересованныхъ и нейтральныхъ хозяевъ становится мало-по-малу на ихъ сторону, ибо съ очевидностью видитъ, что „малолѣтамъ“ все труднѣе и труднѣе становится вести хозяйство и отправлять повинности, а всему вѣдь обществу невыгодно допускать появленіе недоимщиковъ; да и по справедливости эта нейтральная группа не можетъ не сочувствовать малоземельнымъ: слишкомъ уже вопіющъ становится контрастъ между помѣстьями лучшихъ угодьевъ въ сотню десятинъ у „старозаимщиковъ“ и клочками старой брошенной выпаханной земли, единственно остающейся для захвата „малолѣтамъ“; а вѣдь земля общая...

Такимъ образомъ, партія за ограниченіе захвата вырастаетъ количественно и выигрываетъ качественно, представляя общее мнѣніе не только маломощныхъ, но и нѣкоторыхъ крестьянъ „съ вѣсомъ“. Съ этого времени, если не происходитъ еще формальнаго постановленія о той или другой формѣ ограниченія захвата, то отдѣльные маломощные хозяева начинаютъ нарушать захватныя владѣнія старозаимочниковъ на свой рискъ и страхъ, прямо „залѣзая“ въ тѣ участки, которыхъ въ данный моментъ послѣдніе не обрабатываютъ, но считаютъ своими. Какъ упомянуто выше, старозаимочники сопротивляются всѣми средствами, но, во-первыхъ, иной разъ вторженіе

ГРУППЫ ОБЩИНЪ.	Изъ числа наличныхъ хозяйствъ, имѣющихъ пашню, сколько % имѣютъ ее въ количествѣ:							
	менѣе 1 дес.	отъ 1 до 3	отъ 3 до 5	отъ 5 до 10	отъ 10 до 15	отъ 15 до 20	отъ 20 до 25	отъ 25 и болѣе.
I безъ отводовъ или съ отводами, занимающими до 2% всей земли.	1,3	5,8	7,3	25,0	21,2	12,7	9,3	17,4
II съ отводами до 7,6% . . .	2,4	8,3	9,3	26,2	22,5	10,7	8,5	12,1
III „ „ болѣе 7,6% . .	0,8	7,0	9,7	28,4	23,4	12,1	7,7	10,9
IV районъ, производивш. „поравненія“	0,3	2,3	5,5	38,6	32,1	12,3	5,8	3,1

уже общинно-передѣльнаго владѣнія. % богатѣевъ также правильно сокращаетя съ 26,7% до 20,6% и затѣмъ до 18,6%, а при передѣлахъ даже 8,9%. Процентъ хозяевъ малоземельныхъ не уменьшается, а увеличивается, очевидно, потому, что параллельно съ увеличеніемъ отводовъ и еще до нихъ сильно сокращается, какъ мы видѣли, общій размѣръ землевладѣнія.

проходитъ безнаказанно,—когда участокъ и самому старозаимочнику не очень нуженъ, и онъ какъ-нибудь помирится съ „залѣзшимъ“ въ его владѣнія малолѣтомъ, во-вторыхъ, часто борьба оканчивается уже побѣдой нарушителя старо-захватнаго владѣнія: иной разъ малоземельная, но сильная рабочими силами семья не побоится и не уступитъ „широкодачнику“ съ его рабочими, иной разъ и самъ послѣдній не рѣшится гнать залѣзшихъ къ нему силой, а судъ, къ которому онъ обратится, уже станетъ на сторону обездоленныхъ малолѣтовъ и откажетъ въ искѣ старозаимочнику [1]). Послѣ нѣсколькихъ такихъ отдѣльныхъ побѣдъ малолѣтовъ надъ старозаимочниками, служащихъ прецедентами для дальнѣйшихъ вторженій, и устанавливается мало-по-малу, какъ обычай или какъ формальное постановленіе, одна изъ вышеприведенныхъ формъ ограниченія захватнаго владѣнія.

Но не только сила, а въ особенности право всецѣло на сторонѣ партіи противниковъ захвата. За ними не только общее право всякаго крестьянина на землю, какъ на общее достояніе, какъ на собственность всего міра,—за ними, кромѣ того, и то самое право труда, на которое единственно могли бы опереться и, дѣйствительно, стараются опереться старозаимочники. Я достаточно подробно показалъ уже выше, что всѣ виды ограниченія захвата не только не противорѣчатъ трудовому началу, но именно на немъ и построены. Какъ заключительное резюме этого правила, приведу еще только одинъ особенно яркій примѣръ. Въ селѣ Мало-Разводинскомъ Смоленской волости Иркутской губерніи прежде всего весь трудовой захватъ изъемлется отъ всякаго ограниченія, но именно чисто трудовой,—участки, воздѣланные не предками когда-то и много разъ уже окупившіеся, а именно самими тѣми, кто владѣетъ; кто сколько обработалъ, тотъ ровно столькимъ и имѣетъ право владѣть. Земля же сверхъ этой, непосредственно трудомъ захваченной, уже часто подвергается форменному передѣлу: только она раздѣляется не вполнѣ уравнительно, а лишь по минимальной нормѣ: никто не долженъ имѣть меньше 4-хъ десятинъ на душу (у кого не хватаетъ, тому прирѣзываютъ); а у нѣкоторыхъ остается попрежнему больше [2]). Какъ видимъ, дальше уже итти некуда въ этой точности и сознательности ограниченія именно только нетрудового захвата и полной неприкосновенности трудового...

На чемъ же, спрашивается, остается старозаимочникамъ основывать свое право, если главное его основаніе, затрата труда, не только не оспаривается противниками, но съ полной правильностью обращается

---

[1]) Для Кубанской области я встрѣтилъ интересные случаи, когда сами общины „опахивали“ сопротивляющихся общиннымъ ограниченіямъ захвата хуторянъ-заимщиковъ; такъ, напр., станица Петровская формально постановила „оборать хутора Черныя Лозы и засѣять хлѣбомъ“, пока они не переселятся, какъ это было предписано общиной, на другое мѣсто, приказавъ при этомъ и хуторянамъ, живущимъ на Ростовскихъ хуторахъ, притѣснять черноозцевъ, чтобы „не позволять пяти хуторамъ дѣлать вредъ всей станицѣ“. (См. „Зем. общ. Куб. Коз.“ стр. 74).

[2]) См. „Матеріалы Иркут. г.“ т. II в. 3.

противъ самого захвата? Остаются права перваго захвата и давности,— основанія, какъ уже было показано, малозначащія, по сравненію съ трудовымъ правомъ второстепенныя и не безспорныя уже при семейно-захватномъ владѣніи и вызывающія лишь насмѣшки въ разгаръ борьбы за ограниченія захвата: „ты и твои дѣды владѣли землею столько лѣтъ,—такъ сколько же разъ вы вернули затраченный въ нее трудъ?“—вотъ смыслъ отвѣтовъ на этотъ послѣдній аргументъ старозаимочниковъ, отвѣтовъ, всецѣло построенныхъ на принципѣ трудового начала, и противъ которыхъ поэтому нечего возразить старозаимочникамъ [1]).

Есть, наконецъ, на сторонѣ партіи ограниченія захватнаго владѣнія еще одно обстоятельство, на которое хотя и мимоходомъ, но весьма отчетливо указываетъ г. Щербина [2]). „Въ этомъ обстоятельствѣ,—говоритъ онъ,—собственно и заключается та черта, которою отличаются позднѣйшіе земельные порядки отъ болѣе раннихъ, примитивныхъ. Пока извѣстное угодье не даетъ р е н т ы, до тѣхъ поръ къ нему общинники обыкновенно прилагаютъ вольное пользованіе; но разъ общественныя условія создали ренту, съ нею бываютъ соединены тѣ или другія ограниченія и правила общиннаго пользованія“. Мы видѣли, что это въ общемъ вѣрно. Пока удобныхъ угодій для всѣхъ довольно, до тѣхъ поръ близко къ нулю число случаевъ продажъ и арендъ, и они означаютъ лишь продажу труда, заключеннаго въ продаваемый участокъ, почему нисколько не стѣсняются міромъ. Но впослѣдствіи, при сокращеніи земельнаго простора и оскудѣніи района захвата удобными угодьями, въ этихъ продажахъ и арендахъ уже заключается несомнѣнная рента. Это рентное, такъ сказать, пѣнкосниманіе старозаимочниковъ наиболѣе рѣзко задѣваетъ какъ интересы большинства общинниковъ (ибо потомъ труднѣе будетъ ограничить владѣніе купившаго землю, чѣмъ первоначальнаго

---

[1]) Долженъ оговориться, что если мнѣ не удалось здѣсь съ достаточной ясностью и конкретностью нарисовать самую борьбу партій при первыхъ передѣлахъ во всѣхъ ея своеобразныхъ и глубоко интересныхъ деталяхъ, то это объясняется прежде всего полнымъ почти отсутствіемъ данныхъ для того въ матеріалахъ. Послѣдніе почти всѣ безъ исключенія крайне сухи: скупо цитируются даже рѣшенія волостныхъ судовъ, буквальныя же записи словъ самихъ крестьянъ такъ рѣдки, что, строго говоря, я цитировалъ чуть ли не всѣ маломальски интересныя. Нельзя не пожалѣть объ этомъ обычаѣ изслѣдователей давать читателю лишь сухіе контуры своихъ выводовъ и анализа, да балластъ подтверждающихъ ихъ фактовъ и совсѣмъ почти не заботиться о непосредственномъ отраженіи явленій въ мысли и словѣ самого крестьянства, обыкновенно столь сильныхъ и мѣткихъ и во всякомъ случаѣ необходимыхъ для приданія красокъ и колорита, „духа жива“ этимъ сухимъ схемамъ. И нужно пожелать, чтобы поскорѣе наблюдатели и изслѣдователи начали освѣщать изучаемый народный обычай народнымъ мнѣніемъ, чтобы тутъ каждая статистическая таблица была иллюстрирована полу-беллетристическимъ изображеніемъ изучаемыхъ явленій. Для этого вовсе ненуженъ талантъ Златовратскаго (онъ все равно не снялъ съ него въ нѣкоторыхъ случаяхъ розовыхъ очковъ), достаточно одной внимательной, какъ можно болѣе подробной, стенографически точной записи рѣчи крестьянъ...

[2]) См. „Зем. статист. сб. по Воронежск. у.“, стр. 60.

старозаймочника), такъ и принципъ верховнаго права міра на землю: подразумѣвается, что право это не проявляется лишь потому и постольку, поскольку владѣнія займочниковъ основаны на трудѣ,— этимъ только трудомъ, кристаллизовавшимся въ ихъ участкахъ, и могутъ они пользоваться и даже распоряжаться; когда же продается уже не трудъ, заключенный въ участкѣ, а самыя природныя или иныя свойства участка, тогда продается самая земля, принадлежащая всей общинѣ. И община обыкновенно не допускаетъ такого чувствительнаго нарушенія ея права; мы видѣли, что по мѣрѣ развитія захвата ограничиваются и сокращаются продажи отдѣльныхъ участковъ,—община прекращаетъ рентное пѣнкосниманіе старозаймочниковъ...

Итакъ, въ борьбѣ противъ ограниченія захвата старозаймочникамъ ничего иного не остается, какъ укрыться за оградой чистаго трудового права, и вмѣстѣ съ этимъ, значитъ, лишиться значительной территоріи, лежащей внѣ этой ограды — подчиниться тѣмъ ограниченіямъ захватнаго владѣнія, которыя все болѣе и болѣе приближаютъ его къ рабочей нормѣ землевладѣнія. Этимъ завоеваніемъ и довольствуется на время малоземельная партія общины.

Изъ сдѣланнаго очерка, полагаю, въ общемъ ясенъ процессъ воздѣйствія развивающейся земельной тѣсноты на переходъ семейно-захватнаго владѣнія въ общинно-отводное. Съ этимъ земельнымъ утѣсненіемъ растетъ число тѣхъ, кому оно невыгодно. На сторонѣ малоземельныхъ противниковъ захвата и обще-идеальное крестьянское земельное право и государственно-податное, равно какъ они не отрицаютъ и трудового. У старозаймочниковъ же одна ограда: право труда; но право это не безусловное, оно доступно сокращенію, оно сжимается въ пунктахъ наименьшаго своего напряженія, уступая натиску права на трудъ; и эти пункты наименьшаго сопротивленія права труда представляютъ ступени, по которымъ поднимается общинное право.

Эта борьба тянется десятки, иногда многіе десятки лѣтъ; въ теченіе ея успѣваютъ смѣниться одно, два, три поколѣнія, она сливается, такимъ образомъ, съ процессомъ общей культурной эволюціи, являющейся результатомъ сгущенія населенія и общей политико-культурной трансформаціи Россіи. И именно въ этой ея медленности, трудности и постепенности лежатъ признаки ея прочности, самопроизвольности и ея закономѣрности, т. е. неизбѣжности при сгущеніи населенія и при условіи невмѣшательства или благопріятнаго вмѣшательства государства.

И дѣйствительно, во всѣхъ мѣстностяхъ, о которыхъ только имѣются какія-либо свѣдѣнія, дѣйствовалъ этотъ законъ. Такія мѣстности, какъ Воронежская, Саратовская, Самарская, Екатеринославская, Херсонская, Таврическая, Нижегородская, Казанская, Вятская, Пермская и др. губерніи — всѣ, по мѣрѣ сгущенія населенія, прошли черезъ эту первую общинную ступень ограниченно-захватнаго или общинно-отводнаго владѣнія нѣсколько (обыкновенно уже много) де-

сятковъ лѣтъ тому назадъ, сохранивъ его слѣды въ живыхъ еще остаткахъ этихъ формъ или въ памяти стариковъ. Такія мѣстности, какъ Архангельская, Уфимская г.г., Донская, Кубанская, Терская области, еще проходятъ послѣдніе этапы этого фазиса. Большая же часть Сибири, начиная еще съ области Уральскаго казачьяго войска,—проходитъ именно теперь чрезъ разные моменты этого фазиса: на востокѣ она еще только въ него вступаетъ, а на западѣ уже большей частью изъ него вышла; и чѣмъ сильнѣе течетъ сюда переселенческій потокъ, тѣмъ быстрѣй и интенсивнѣй наступаетъ фазисъ растворенія семейнаго захвата въ разныхъ формахъ общиннаго земельнаго права... Болѣе точное количественное опредѣленіе территоріи и населенія района, гдѣ господствуетъ теперь этотъ фазисъ, я оставляю до второго тома, такъ какъ этотъ вопросъ имѣетъ уже прямое отношеніе къ вопросу о шансахъ общины выжить или разложиться.

ГЛАВА IV.

Послѣ того, какъ различными ограниченіями личнаго захватнаго права оно сведено въ тѣсныя границы временнаго пользованія, а общинное право распоряженія безспорно признано и конкретизировалось въ длинномъ рядѣ проявленій, остается уже сравнительно небольшое разстояніе до высшей формы проявленія этого общиннаго распорядительства — до періодическихъ уравнительныхъ передѣловъ всей или части общинной земли. Однако въ наступленіи этого основного, центральнаго момента въ развитіи общины наблюдается та же строгая постепенность и закономѣрность, какую мы видѣли и во всѣхъ предыдущихъ его стадіяхъ. Постараемся какъ можно глубже вскрыть эту закономѣрность, а для того тщательно прослѣдимъ развитіе общинно-уравнительнаго права отдѣльно для каждаго изъ его объектовъ.

§ 1.

Первые передѣлы земли, и особенно пашни, не составляютъ рѣзкаго скачка и небывалаго нововведенія прежде всего потому, что имъ обыкновенно предшествуютъ передѣлы податей.

Какъ раньше во всей Россіи, такъ и до послѣдняго времени въ Сибири крестьяне были обложены подушной податью, которую должны были платить всѣ мужскія души, записанныя при „ревизіи“. Пока ревизіи повторялись періодически черезъ 15—20 лѣтъ (и чаще), до тѣхъ поръ ими же самими постоянно производилось и перераспредѣленіе подати; но съ 1858 года ревизіи прекратились, и подушная подать, наложенная на всѣ мужскія души, записанныя въ ревизію 1858 года, съ вымираніемъ этихъ душъ теряла всякій смыслъ, сдѣлалась, очевидно, вслѣдствіе неодинаковаго измѣненія численности и рабочаго состава крестьянскихъ семей, крайне неуравнительной и требовала отъ иниціативы самихъ крестьянъ такой или иной реформы.

Такимъ образомъ, сыздавна, еще въ періодъ чистаго семейно-захватнаго владѣнія, всѣ крестьяне уже привыкли къ передѣлу податей, правда, при ревизіяхъ еще чисто автоматическому; въ пореформенный же періодъ повсюду въ Сибири началась уже мало-по-малу

самопроизвольно въ самихъ общинахъ борьба за новую болѣе уравнительную и выгодную для большинства разверстку какъ подушной, такъ и другихъ податей. Къ началу 80-хъ годовъ эта борьба развилась уже очень сильно, но рѣдко приводила къ податнымъ передѣламъ, такъ какъ большинство крестьянъ не знало, что имѣетъ по закону право на такой передѣлъ. Послѣ того же, какъ это имъ было, по указу Сената въ 1884 г., разъяснено губернской администраціей, которая при этомъ даже сама часто довольно энергично склоняла крестьянъ къ болѣе уравнительной перекладкѣ податей, эта перекладка сразу приняла широкіе размѣры, и министерское изслѣдованіе Сибири въ концѣ 1880 г.г. застало уже ревизскую разверстку податей сохранившейся только кое-гдѣ. Господствующей же формой явилась раскладка податей по рабочимъ силамъ, при которой всѣ подати разлагались на „могучія“ души, или „дѣльныя“, или „бойцовъ“, т. е. работоспособныхъ мужчинъ съ 16—18 до 50—60 лѣтъ, „полубойцовъ“ — въ возрастѣ 14—18 и 50—65 лѣтъ (иногда и на подростковъ и на „годныхъ“, т. е. не дряхлыхъ и не калѣчныхъ стариковъ до самой ихъ смерти, иногда же съ освобожденіемъ отъ податей „негодницъ“, „негодныхъ душъ“ и т. д.); или смѣшанная ревизско-рабочая, при которой часть податей оставалась на ревизскихъ душахъ, а только часть тѣмъ или инымъ способомъ перекладывалась на рабочихъ; рядомъ съ рабочей кое-гдѣ замѣтно развилась поимущественная разверстка податей (почти всегда, впрочемъ, только по отношенію къ части налоговъ), чаще всего въ видѣ налога на скотъ, рѣже — на землю вообще и на посѣвъ въ особенности, а иногда въ видѣ глазомѣрныхъ „накладокъ“ на отдѣльныхъ болѣе богатыхъ заимочниковъ вообще по ихъ „состоянію“ [1]).

---

[1]) Поимущественная раскладка податей, вводившаяся въ Сибири сначала самими крестьянами, а иногда въ послѣднее время рекомендуемая имъ и администраціей, представляетъ крайне интересный образецъ примѣняемаго крестьянскими общинами подоходнаго обложенія. Въ ней можно различить три основныхъ разновидности. Раскладка не по опредѣленному какому-либо признаку, а вообще „по состоянію“, „по жизни“, „по всему завороту“ — сравнительно рѣдка и примѣняется преимущественно къ „разночинцамъ“ (торговцамъ и т. п.), не участвующимъ въ круговой порукѣ, а между тѣмъ пользующимся усадьбами, выгонами, а то и пашней и т. п.; она накладывается обыкновенно глазомѣрно и доходитъ примѣрно отъ 2—3 до 25—50 руб. на семью. Затѣмъ раскладка по пашнѣ, по посѣвамъ, „по занятію“ представляетъ своего рода поземельный налогъ; при передѣлахъ земли всѣ подати сами собой ложатся на землю, такъ какъ распредѣляются по тѣмъ или инымъ „душамъ“ вмѣстѣ съ землей, пока же „душевыя поравненія“ земли еще не начались и семейно-захватные участки неравномѣрны, приходится подати прямо перелагать на нихъ. Но всего распространеннѣе третій видъ подоходнаго обложенія—по скоту; часто оно состоитъ въ обложеніи поголовнымъ всего скота, часто же опредѣляется максимальное количество скота, равное для каждаго хозяина, и облагается лишь скотъ „залишній“ сверхъ этой нормы,—тутъ уже видимъ зачатокъ принципа прогрессивности обложенія; наконецъ, очень распространенъ кое-гдѣ въ Сибири особый видъ обложенія—такъ называемая „расположка скотскаго выпуска“, при коей все число головъ скота въ общинѣ дѣлится на число платежныхъ въ ней душъ, въ частномъ получается число головъ скота, выражающее идеальную долю каждой платежной души въ правѣ на пользованіе пастбищемъ, и тѣ, кто имѣетъ скота

Достаточно хотя немного взвѣсить и анализировать значеніе этого податнаго поравненія, чтобы понять, насколько имъ облегчается и даже прямо стимулируется и земельное „поравненіе“.

Въ самомъ дѣлѣ, наиболѣе распространенная раскладка по рабочимъ силамъ служитъ какъ бы налогомъ на трудъ,—всякій вообще трудъ, независимо отъ того, имѣются ли у его обладателя средства для его приложенія, т. е. земля. Ясно, что такая новая обязанность, возложенная на трудъ, даетъ ему и новое право на землю. Если раньше малоземельный „малолѣтъ“ могъ добиваться себѣ отвода земли лишь на основаніи общаго права всѣхъ общинниковъ на землю,—лишь на томъ основаніи, что „земля—мірская и кормиться всѣмъ надо“ и т. п.,—то теперь, какъ плательщикъ „царскихъ податей“, онъ имѣетъ гораздо болѣе конкретное основаніе для такого права.

Такимъ образомъ, именно разложеніе податей на трудъ и выдвигаетъ особенно сильно то право на трудъ, на землю для обработки, которое есть уже собственно и въ захватномъ правѣ и которое, какъ общинное начало, выступаетъ противъ личнаго права затраченнаго труда.

Раскладки по скоту, по запашкѣ и „по состоянію“ на первый взглядъ могли бы, пожалуй, показаться скорѣе усиливающими захватныя права, чѣмъ очищающими дорогу общинному земельному поравненію: перелагая подати на факторы производства или его результаты, эти системы увеличиваютъ этой обязанностью право на владѣніе ими фактическихъ владѣльцевъ—„старозаимочниковъ“. Но въ дѣйствительности и тутъ дѣло выходитъ наоборотъ. Для многихъ старозаимочниковъ становится трудно выносить эту подать (если, напримѣръ, они „нахватали“ издавна много земли, но въ данный моментъ ослабѣли рабочей силой и т. п.), и они часто сами охотнѣе уступаютъ нѣкоторую часть ея „малолѣтамъ“, такъ что и тутъ распредѣленіе земли начинаетъ складываться въ бо̀льшемъ соотвѣтствіи съ рабочими силами семей.

А затѣмъ,—и это, пожалуй, главное, — для развитія общиннаго земельнаго права имѣетъ громадное значеніе это самое складываніе и функціонированіе общинно-передѣльнаго механизма на передѣлѣ податей, ибо этимъ пріобрѣтается принципіальное общинное, такъ сказать, правосознаніе,—сознаніе верховныхъ правъ міра,—и складываются практическіе навыки къ добросовѣстному и умѣлому веденію

больше этой нормы, платятъ за излишній скотъ тѣмъ, у кого скота меньше нормы. Эти суммы и идутъ на подати. (Особенно хорошо описана эта раскладка г. Кауфманомъ для Ишимскаго округа, Тобольской губ. См. „Мат. Зап. Сиб.“ в. V, ч. II, стр. 24—97). Подобныя же формы встрѣчаются и въ Европейской Россіи,—напримѣръ, въ уѣздахъ Херсонскомъ, Днѣпровскомъ, Евпаторійскомъ, Перекопскомъ, Хотинскомъ, въ Полтавской и Рязанской губ. При этомъ надо особенно подчеркнуть, что въ Сибири всѣ эти виды поимущественной раскладки податей распространяются съ чрезвычайной быстротой, въ нѣсколько лѣтъ охватываютъ цѣлыя волости и такимъ образомъ во многихъ мѣстахъ обѣщаютъ въ ближайшемъ же будущемъ вытѣснить другія менѣе уравнительныя формы...

мірскихъ дѣлъ, къ мірскому распорядительству вообще. А когда общинно-передѣльный механизмъ сложится на передѣлѣ податей, онъ переходитъ и къ передѣламъ земли [1]).

Все сказанное отнюдь не представляетъ только моихъ апріорныхъ соображеній: часто сами крестьяне сознательно смотрятъ на передѣлъ платежей, какъ на предварительную, палліативную и временную диверсію въ борьбѣ за передѣлъ земли. Примѣры этого встрѣчаются во всѣхъ мѣстностяхъ. Встрѣчаются, напр., упоминанія объ этомъ въ сообщеніяхъ объ Ачинскомъ и Минусинскомъ округахъ Енисейской губерніи; въ Алтайскомъ Горномъ округѣ (Бійскомъ, Барнаульскомъ, Кузнецкомъ и части Томскаго окр. Томской губерніи), по словамъ г. Чудновскаго, „масса населенія далеко не удовлетворяется существующими системами разверстки платежей и повинностей, и не удовлетворяется она ими именно потому, что по убѣжденію народа системы эти недостаточно гармонируютъ съ требованіями справедливости. По мнѣнію тѣхъ, съ кѣмъ мнѣ приходилось бесѣдовать, такая гармонія осуществима лишь при передѣлѣ земли по душамъ“ [2]). Въ Иркутскомъ, Балаганскомъ и Нижнеудинскомъ округахъ Иркутской губерніи обыкновенно, перенося раскладку податей съ ревизскахъ душъ на наличныя, постановляютъ привлечь къ платежамъ малолѣтковъ „и за то посадить ихъ на землю“ (т. е. нарѣзать на каждаго хотя бы по минимальному участку изъ выморочныхъ, „безродныхъ“ земель); тотъ же этотъ процессъ часто начинается и съ другого конца: сначала платежи разверстываютъ соотвѣтственно **захваченной пашнѣ**, а потомъ начинаютъ понемногу и пашню уравнивать, такъ что, какъ видимъ, и поимущественная разверстка податей также служитъ удобной и естественной ступенькой къ постепенному земельному поравненію... [3]).

Итакъ, въ побѣдоносной для общины борьбѣ за „податное поравненіе“, во-первыхъ, либо **углубляются** основанія общинно-передѣльнаго права на трудъ, на землю, либо **сокращается сопротивленіе** земельному поравненію со стороны старозаимочни-

---

[1]) Вообще при податныхъ развесткахъ у міра вырабатываются пріемы самой строгой уравнительности. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, г. Кауфманъ объ Ишимскомъ округѣ Тобольской губ. „При раскладкѣ самыхъ мелкихъ натуральныхъ повинностей, имѣющихъ чисто мѣстный характеръ, замѣчается стремленіе къ раскладкѣ ихъ по такимъ объектамъ, которыми до извѣстной степени опредѣляется размѣръ пользованія, являющимися результатомъ отбытія повинности удобствами; такъ участки гатей на пашенныхъ дорогахъ иногда раскладываются по числу рабочихъ лошадей; сборы на содержаніе въ трактовыхъ селеніяхъ сторожей у поскотинныхъ воротъ по числу скота, пользующагося поскотиною, и т. д.“. „Несомнѣнно, избраніе во всѣ должности (по крайней мѣрѣ, первыхъ двухъ степеней, за исключеніемъ волостныхъ старшинъ и, конечно, церковныхъ старостъ) производится въ принципѣ пропорціонально числу тѣхъ единицъ, по которымъ производится вообще раскладка натуральныхъ повинностей; при этомъ, однако, въ прохожденіи разныхъ выборныхъ должностей соблюдается нѣкоторая градація“. („Мат. Зап. Сиб.“, в. V. Статья А. Кауфмана стр. 96).

[2]) Чудновскій „Алт. позем. община“. „Сѣв. В.“ 88 г. 11 кн. обл. Отд.

[3]) „Матеріалы по Иркутской губ.“, т. II, вып. 3. Л. С. Личковъ, стр. 206.

ковъ, а во-вторыхъ, складывается и начинаетъ правильно функціонировать самый общинно-передѣльный механизмъ. Такимъ образомъ, податные передѣлы не только довершаютъ развитіе условій, необходимыхъ для передѣловъ земли, но и даютъ имъ уже готовую внѣшнюю форму. Вполнѣ естественно поэтому, что параллельно и одновременно съ податными поравненіями мы наблюдаемъ уже и первые передѣлы земли въ тѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ и по отношенію къ тому виду угодій, гдѣ они легче всего могли осуществиться: наблюдаемъ прежде всего и главнымъ образомъ передѣлы покосовъ.

§ 2.

Читатель помнитъ, что сѣнокосы (неискусственные) представляютъ по сравненію съ пашнями пунктъ меньшей силы права труда и бо́льшей силы права на трудъ. Именно поэтому, какъ съ нихъ начались ограниченія захвата и общинные отводы, такъ на нихъ же зарождаются и первые земельные передѣлы.

Въ бо́льшей части того огромнаго района, гдѣ господствуетъ еще семейно-захватное (неограниченное или ограниченное) владѣніе пашней и который мы поэтому и вообще относили именно къ этому типу владѣнія, сѣнокосы уже передѣляются. Въ юго-восточной окраинѣ Тобольской губ. (не говоря объ остальной ея части, гдѣ господствуютъ уже передѣлы и пашни) захватное пользованіе покосами сохранилось только кое-гдѣ и, по словамъ г. Кауфмана, „доживаетъ тутъ послѣдніе дни“. Въ сѣверной болѣе многоземельной части Томской губ. передѣлы покосовъ распространены пока мало и очень неравномѣрно, но въ трехъ южныхъ ея округахъ (въ такъ называемомъ Алтайскомъ горномъ округѣ) они уже преобладаютъ; въ Енисейской губ. изслѣдованіемъ насчитано 21,1% общинъ съ выработанными видами передѣловъ, 39,2% — съ „общими поравненіями“ (грубыми, приблизительными видами передѣла), 22,7% — съ „частными поравненіями“ (охватывающими не всѣхъ, а лишь часть хозяевъ и въ захватномъ владѣніи покосы оставались еще липь въ 17% общинъ; въ 3-хъ округахъ Иркутской губ. захватное владѣніе покосами встрѣчается только въ 4-хъ волостяхъ и инородческомъ „вѣдомствѣ“, а во всѣхъ остальныхъ покосы сплошь передѣляются [1]) и т. д. Наконецъ, въ окраинныхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи, проходящихъ еще чрезъ захватный фазисъ владѣнія, въ общемъ тоже обыкновенно передѣлы сѣнокосовъ шли впереди передѣловъ пашни [2]).

---

[1]) См. А. Кауфманъ, „Общ. въ Сиб.“, стр. 88—89. „Матер. Зап. Сиб.“, вып. XVIII, стр. 230—248 и др.; Л. Чудновскій. „Алтайская поземельная Община“, „Сѣв. Вѣст.“, 88,11; „Матер. Ирк. и Енис. гг.“, т. II, в. 3, ст. Личкова и т. IV, в. 3, ст. Дубенскаго и др.

[2]) Это было не совсѣмъ такъ только у казаковъ (донскихъ, кубанскихъ, терскихъ, уральскихъ, а также и сибирскихъ, какъ, напримѣръ, семипалатинскихъ и т. п. (см. Каренина „Общ. вл.“, стр. 205—206), надѣленныхъ большими пространствами

Повсюду это обрисованное развитіе передѣловъ сѣнокосовъ не только шло одновременно и параллельно съ развитіемъ передѣловъ податей, но и совершенно сливалось съ нимъ, совершаясь примѣнительно къ одной и той же единицѣ: сѣнокосы уравнительно распредѣлялись между семьями именно по числу въ нихъ душъ, обложенныхъ податями, такъ что, собственно говоря, тутъ уже подати перекладывались на сѣнокосы.

Изъ этого краткаго очерка мы видимъ, какъ значительно распространены передѣлы покосовъ и какую, значитъ, замѣтную роль могутъ они играть для выработки общиннаго правосознанія. Разсмотримъ теперь вкратцѣ самые способы ихъ, весьма характерные для начала передѣльнаго порядка.

Ступень, на которой, какъ можно приблизительно намѣтить, кончается отводъ и начинается передѣлъ сѣнокосовъ, представляетъ порядокъ, при которомъ общинники предварительно уговариваются: „ты тамъ коси, я здѣсь буду“, или когда община начинаетъ нарѣзывать покосы не только изъ „безродныхъ“ земель, но также и отрѣзываетъ глазомѣрно у слишкомъ много захватившихъ. Слѣдующая ступень состоитъ въ такомъ постепенномъ развитіи этихъ глазомѣрныхъ отводовъ, при которомъ крайнія неравномѣрности уже исчезаютъ, и доли покосныхъ владѣній каждой семьи уже довольно близки къ средней нормѣ. Эта же ступень въ другомъ отвѣтвленіи нормировки захвата,—въ общемъ уговорѣ относительно захвата,—представляетъ такія, напримѣръ, формы: всѣ хозяева выѣзжаютъ на средину покоса и разъѣзжаются добровольно, куда кто желаетъ: часть направо, часть налѣво; потомъ каждая группа опять добровольно раздѣляется на двѣ части, эти части опять разъѣзжаются направо и налѣво т. д.; такимъ образомъ, когда всѣ разъѣдутся, у каждаго будетъ участокъ, приблизительно средній къ нормѣ (ибо заранѣе больше хозяевъ ѣдутъ туда, гдѣ трава лучше, и наоборотъ). При другой разновидности этого порядка покосъ уже предварительно осматривается и раздѣляется на участки и всѣмъ хозяевамъ предоставляется „записываться“ у старосты на какой угодно участокъ и дозволяется переходить изъ одного въ другой, пока не запишется послѣдній хозяинъ; затѣмъ каждый участокъ дѣлится между участниками уже равномѣрно.

Слѣдующая наиболѣе выработанная и повсемѣстно наиболѣе распространенная форма передѣла покосовъ заключается въ сдачѣ ихъ съ своего рода аукціоннаго торга: рѣже встрѣчается распредѣленіе по общему полюбовному соглашенію безъ торга и распредѣленіе по жребію. Этотъ аукціонный способъ передѣла въ соединеніи или рядомъ съ жеребьевкой и полюбовнымъ раздѣломъ

степной земли, представляющей въ большей своей части сѣнокосъ; тутъ поэтому регулированіе пользованія этими сѣнокосами не было болѣе настоятельнымъ, чѣмъ регулированіе пашневладѣнія, и шло почти одновременно съ послѣднимъ; впрочемъ, и тутъ у уральскихъ, напримѣръ, казаковъ, владѣющихъ въ общемъ захватно, недавно начались первые передѣлы именно съ сѣнокосовъ. (См. Бородина „Очеркъ обществ. хоз. ур. каз.“, „Сѣв. В.“ 90 г. 4 кн.).

широко распространенъ и мѣстами даже господствуетъ въ Сибири и въ казачьемъ землевладѣніи Европейской Россіи [1]). Въ общей схемѣ всѣ эти „торги“, „ряды, „аукціонъ“, „переторжка“, „накладка душъ“, „набивка душъ“, „набой душъ“, „въ надорожку“, „на сбавку“ и т. д. сводятся къ слѣдующему. Сѣнокосъ раздѣляется на разнокачественные участки (или по расположенію, или по качеству травы) и на каждый участокъ вызываются добровольно желающіе сѣсть на него (начинаютъ передѣлъ съ лучшаго и кончаютъ худшими участками), которые и торгуются: каждый хозяинъ или группа хозяевъ (если участокъ великъ) набавляетъ число душъ, на которое согласны они принять участокъ (очевидно, что чѣмъ на большее число „душъ“ придется участокъ, тѣмъ меньше придется на душу); это будетъ аукціонъ „въ надорожку“, а возможенъ аукціонъ и на „сбавку“, сущность котораго та же, но только при немъ не набавляютъ число душъ на данный участокъ, а сбавляютъ размѣръ участка, который соглашаются взять на данное число душъ... При этомъ аукціонномъ способѣ передѣла, построенномъ на чисто конкуренціонномъ началѣ, возможно и даже часто необходимо все-таки примѣненіе и полюбовнаго начала: когда подбирается группа на участокъ, то въ ней уже полюбовное соглашеніе относительно того, на сколько душъ соглашаться брать участокъ, а затѣмъ и вообще наблюдателями отмѣчено, что въ случаяхъ, когда отдѣльные хозяева въ погонѣ за хорошимъ участкомъ зарываются и назначаютъ за него слишкомъ ужъ много душъ, то община или товарищи ихъ останавливаютъ и стараются привести къ какому-нибудь компромиссу „по согласію“ [2]).

Обрисованный (нарочно съ нѣкоторой подробностью) процессъ развитія первыхъ сѣнокосныхъ передѣловъ чрезвычайно любопытенъ. Мы могли видѣть, что въ основаніи всего этого развитія остается конкуренціонный, такъ сказать, принципъ, что за каждымъ хозяиномъ всегда еще оставляется извѣстная доля свободы выбора, свободной борьбы, свободнаго соглашенія съ другими общинниками, что, такимъ образомъ, не только эти передѣлы вырастаютъ рядомъ незамѣтныхъ тонкихъ переходовъ изъ неограниченнаго захвата, но,

---

[1]) См. А. Кауфманъ, „Крестьянское землевладѣніе и хозяйство въ Тобольской и Томской гг.“, стр. 64 и 66; Чудновскій, „Алтайская поземельная община“. „Сѣв. Вѣстн.“ 88 г. 11 кн.; Л. С. Личковъ. „Матеріалы по Иркутской губ., т. II, вып. 3; М. Дубенскій, „Матер. Вост. Сиб.“, т. IV, в. 3; П. Бородинъ, „Общ. хоз. ур. каз.“ „Сѣв. Вѣст.“ 90 г. 4,5 и др.

[2]) У г. Личкова приведено нѣсколько случаевъ, когда недоимщикамъ покосовъ недостается: на ихъ покосныя души торгуются, за купленныя души тутъ же „на покосномъ сходѣ" вносятся деньги, поступающія въ уплату недоимки, и потомъ покосъ дѣлится на покосныя купленныя души. Встрѣчаются и злоупотребленія: „міръ“ за вино отводитъ участокъ покоса получше, или, напр., нарочно затягиваютъ передѣлъ на 5—6 дней, что неудобно для малорабочихъ (съ однимъ, напр., работникомъ) семей, и тѣ уходятъ со схода, заранѣе согласившись на худшій участокъ лишь бы отпустили... „Но злоупотребленія эти составляютъ дѣйствительно рѣдкое исключеніе, встрѣчаются единицами: обыкновенно, даже можно сказать всегда, передѣлы покосовъ производятся строго уравнительно (См. „Матер. по Иркутск. губ.“, т. II, вып. 3, стр. 234—236).

строго говоря, по самому принципу своему остаются еще тоже захватомъ, только съ максимально уравненными шансами захватчиковъ и примиренными и соглашенными формами ихъ соперничества. Нечего и говорить, что эти формы сѣнокосныхъ передѣловъ всецѣло обусловлены сравнительнымъ еще многоземельемъ окраинныхъ мѣстностей и что затѣмъ, по мѣрѣ сокращенія покосныхъ угодій, онѣ смѣняются все болѣе строгой и точной общинной регламентаціей. Чтобы потомъ въ слѣдующихъ главахъ не возвращаться снова къ эволюціи владѣнія сѣнокосами, я изложу вкратцѣ здѣсь же эти послѣдующіе и заключительные ея фазисы.

Какъ владѣніе сѣнокосами первымъ вступаетъ на путь развитія общинно-передѣльнаго начала, такъ затѣмъ оно заходитъ дальше другихъ на этомъ пути. Объясняется это, какъ уже указано, прежде всего отсутствіемъ въ нихъ предварительной затраты труда, благодаря чему индивидуальному праву на нихъ не на чемъ обосноваться, и общинное право не встрѣчаетъ серьезнаго противодѣйствія. А этотъ факторъ усиливается и осложняется еще другой особенностью: крайней разнокачественностью сѣнокосныхъ угодій, рѣзко обостряющей несправедливость индивидуальнаго владѣнія ими и необходимо требующей постояннаго общиннаго количественно-качественнаго ихъ „поравненія“.

Благодаря этому, сѣнокосы только въ тѣхъ случаяхъ передѣляются тѣми же способами, въ тѣ же сроки и т. д., какъ пашни, когда въ нихъ тоже затраченъ трудъ отдѣльныхъ общинниковъ (напр., расчистка изъ-подъ лѣса, камней, орошеніе, осушеніе, загородка и т. п.). Но такъ какъ въ большинствѣ случаевъ этого нѣтъ, то общинно-передѣльный порядокъ осуществляется на нихъ почти всегда гораздо полнѣе, чѣмъ на пашняхъ [1]). Хотя они распредѣляются между хозяевами по тѣмъ же „душамъ“, т. е. въ той же пропорціи, какъ и пашня, но дѣлятся гораздо чаще, очень часто ежегодно, и болѣе уравнительными способами, — съ самой тонкой разбивкой, напр., луговъ на сорта, съ примѣненіемъ ежегодной жеребьевки (вмѣсто оставленія изъ года въ годъ хозяевамъ однихъ и тѣхъ же участковъ) и т. д. Замѣчательно, что въ очень многихъ случаяхъ общаго-долевого владѣнія, какъ, напр., такъ называемаго четвертного и нѣкоторыхъ другихъ, при которомъ наслѣдственныя доли пашни, конечно, никогда не передѣляются (могутъ быть лишь обмѣны участками для уравненія въ ихъ качествѣ), сѣнокосы (а также лѣса) находятся часто въ самомъ типичномъ и чистомъ общинно-передѣльномъ владѣніи; то же замѣчается и въ нѣкоторыхъ случаяхъ общиннаго владѣнія, фактически уже превращающагося или превратившагося въ безпредѣльное наслѣдственно-долевое. Такимъ образомъ, владѣніе сѣнока-

---

[1]) Исключенія рѣдки и, кажется, объясняются, главнымъ образомъ, крайней мелкостью и разбросанностью покосныхъ участковъ, по самой топографіи своей не дающихся, такъ сказать, общинѣ. Такіе случаи, напр., отмѣчены для Весьегонскаго уѣзда („Св. сб. по Тв. губ.“, т. XIII, в. I, стр. 48) и нѣк. др.

сами, несомнѣнно, представляетъ самую активную и самую, такъ сказать, живучую функцію общино-передѣльной организаціи.

Особенно ярко и глубоко это проявляется еще и въ томъ, что именно на сѣнокосномъ угодьѣ мы можемъ наблюдать въ болѣе или менѣе серьезныхъ размѣрахъ тотъ переходъ отъ общиннаго владѣнія и распоряженія къ общинному же п о л ь з о в а н і ю, апріорно предположенная возможность котораго именно и заставляетъ насъ съ такимъ глубокимъ интересомъ заниматься судьбою общины. Оставляя подробный очеркъ общино-артельныхъ формъ пользованія покосами до 4-го тома, посвященнаго всецѣло этому огромной сложности и огромной важности вопросу мы сейчасъ замѣтимъ только, что не найдется, пожалуй, въ Россіи уѣзда, гдѣ бы не встрѣтилось хотя нѣсколькихъ случаевъ артельной уборки сѣнокосовъ, при чемъ они часты, напр., даже въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Полтавская губ. и т. п. Есть же уѣзды, гдѣ даже въ б о л ь ш и н с т в ѣ общинъ луга или вовсе не передѣляются, а косятся сообща всѣмъ „міромъ“ (и дѣлится уже сѣно), или раздѣляются лишь между группами хозяевъ („сотнями“, „десятками“ и т. п.), которые убираютъ ихъ затѣмъ артелями. Напр., такой порядокъ „преобладаетъ“ въ Тетюшскомъ уѣздѣ Казанской губ.; въ Елецкомъ у. Орловской губ. онъ практикуется почти въ $^3/_5$ всего числа общинъ, имѣющихъ покосы, и т. д. [1]). Нечего и говорить, что это возникновеніе артельнаго пользованія покосами всецѣло обусловливается специфическими особенностями этого угодья; при отсутствіи затраты индивидуальнаго труда это прямо постулируется прежде всего крайней разнокачественностью и измѣнчивостью урожаевъ сѣнокосовъ, дѣлающими невозможнымъ вполнѣ уравнительное ихъ распредѣленіе, и крайняго неудобства и самого передѣла, сопровождающагося вытаптываніемъ травы, нераціональной потерей времени, такъ какъ иной маленькій покосъ можно сообща всѣмъ міромъ выкосить за то время, какое потребуется для передѣла и т. д. и т. д.

Итакъ, въ развитіи владѣнія сѣнокосами мы прослѣдили эволюцію

---

[1]) См. статью по общинѣ и описанія волостей и селеній въ Земско-Статист. Сб. по этимъ уѣздамъ. И вотъ какая, напр., картина рисуется г. Плотниковымъ для нѣкоторыхъ районовъ Семеновскаго у. Нижегородской губ. Здѣсь часто покосами владѣютъ совмѣстно множество селеній (иногда до 45). И вотъ „ежегодно въ пору сѣнокоса съѣзжаются „въ луга“ на Волгу сотни деревень; и тысячи косцовъ, разбиваясь по обширнымъ группамъ однообщественниковъ, размѣщаются въ чертѣ своего надѣла. Съ точностью и однообразіемъ разъ навсегда установленной машины совершается сложная организаціонная работа „развода луговъ“. Параллельно тому какъ луга дѣлятся на все меньшія и меньшія однокачественныя доли, тысячи косцовъ дѣлятся на все меньшія и меньшія группы и подгруппы—„сотни“, „десятки“, „пятяны“, „четверики“. По указанію жеребья, расходятся эти группы по своимъ мѣстамъ, выпавшимъ „на счастье“. Звенитъ артельная коса, и на мѣстѣ широко раскинувшейся ярко-зеленой поймы къ осени вытягиваются безконечные ряды стоговъ. Глубокой осенью, почти зимой, снова въ лугахъ оживленіе: стога „разваливаютъ“ въ копны и вновь обычный жеребій распредѣляетъ продуктъ общаго труда по душамъ, по тягламъ, по работникамъ“... („Мат. къ оц. зем. Нижегор. губ-“, часть экон., в. XI, стр. 170).

самаго перваго ростка общиннаго владѣнія [1]). Мы видѣли, что этотъ ростокъ опережаетъ всѣ другіе и дорастаетъ до наибольшей мыслимой высоты общинной формы; намъ очевидно, что это обусловливается тѣмъ, что именно этотъ ростокъ всего сильнѣе питаемся общиннымъ правомъ и наименѣе заглушается побѣгами индивидуальнаго права. Если мы хоть немного вдумаемся въ эти очевидныя до безспорности положенія, то почти настолько же безспорнымъ представится намъ и то, что въ этомъ случаѣ общинная организація складывается и складывалась (по крайней мѣрѣ, въ послѣднія десятилѣтія) не извнѣ, не механически, а извнутри, органически: приспособленіемъ интересовъ и правъ общинниковъ къ измѣняющимся внѣшнимъ условіямъ, внутри-общинной борьбой за землю при возрастаніи населенія и сокращеніи землевладѣнія.

Если такое заключеніе правильно, то оно въ равной же степени должно оправдаться и по отношенію ко всѣмъ другимъ угодьямъ. Жертвуя внѣшней послѣдовательностью изложенія внутренней связности и цѣльности анализа, я позволю себѣ въ этой же главѣ прослѣдить также всю эволюцію и остальныхъ второстепенныхъ угодій. Такое изученіе лучше всего подготовитъ насъ къ пониманію основного момента въ эволюціи общины—первыхъ передѣловъ пашни.

§ 3.

Пастбищами (или выгонами) крестьянамъ служатъ либо отдѣльныя и постоянныя, собственно для того отведенныя пространства, либо временно для того употребляемые участки сѣнокосовъ и пашни, когда они подъ залежью или подъ паромъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ трансформація владѣнія пастбищами расчленяется на два момента: 1) пастбище становится изъ индивидуальнаго общиннымъ и 2) пользованіе имъ уравнивается.

Первоначально при неограниченномъ земельномъ просторѣ пастбища находятся въ такомъ семейно-захватномъ владѣніи, какъ и всѣ остальныя угодья: каждый хозяинъ пасетъ свой скотъ всюду, гдѣ хочетъ, за исключеніемъ лишь тѣхъ мѣстъ, которыя уже заняты для какой-либо цѣли другимъ заимщикомъ,—пасетъ или свободно повсюду въ окрестностяхъ своей „заимки“, какъ это бываетъ обыкновенно въ степныхъ мѣстностяхъ, или въ особыхъ огороженныхъ участкахъ, называемыхъ въ Сибири „поскотинами“. Но по мѣрѣ того, какъ вслѣдствіе сгущенія „заимокъ“ начинаетъ ощущаться нѣкоторый недостатокъ въ удобныхъ пашняхъ и покосахъ, такой порядокъ начинаетъ нарушаться: не можетъ одинъ заимщикъ пользоваться неограниченнымъ привольемъ для скота въ то время, какъ у другого не хватаетъ пашни

[1]) См. въ дополненіе къ этому по необходимости крайне бѣглому очерку сводъ данныхъ о владѣніи сѣнокосами у. г. В. В. „Община“, стр. 459 — 469 и 495—501 и у А. Карелина „Общ. вл.“ стр. 43—47 и нѣкоторыя другія.

или покоса,—какъ косарь уступаетъ пахарю, такъ пастухъ уступаетъ и пахарю, и косарю. Сначала община требуетъ у заимщиковъ очистить отъ скота особенно обширныя „поскотины“; если они не уступаютъ, то часто сама силой разгораживаетъ ихъ [1]), въ концѣ же концовъ рѣшительно запрещаетъ отдѣльныя семейно-захватныя „поскотины“ обыковенно (кромѣ маленькихъ оградъ для мелкаго скота, такъ называемыхъ „телятниковъ“) и обязываетъ весь крупный скотъ пасти въ общемъ стадѣ въ мѣстахъ, опредѣленныхъ для того общиной. Этотъ процесъ, такъ сказать, о б о б щ е с т в л е н і я п а с т б и щ а связанъ, такимъ образомъ, съ одной стороны съ общей борьбой деревни съ ея выселками, хуторами, заимками богатыхъ „старозаимочниковъ“, имѣющими обыкновенно болѣе скотоводческій характеръ (эта борьба особенно интенсивна и характерна въ казачьемъ землевладѣніи, напримѣръ, у кубанскихъ казаковъ) [2]), а съ другой,—съ упорядоченіемъ общинной территоріи, т.-е. съ правильнымъ раздѣленіемъ ея на постоянныя отдѣльныя угодья. Мало-по-малу выгонъ отводится общиной во все болѣе точныя границы (гдѣ нѣтъ „поскотинъ“, тамъ онъ сначала неопредѣленно обозначается живыми урочищами, а затѣмъ отграничивается плуговой бороздой и т. п.), за нарушеніе конхъ запахиваніемъ или пастьбой скота въ неуказанномъ мѣстѣ устанавливаются болѣе или менѣе строгіе штрафы и взысканія (у казаковъ, напримѣръ, арестъ по приговору схода и т. п.). Интересно при этомъ отмѣтить, что и тутъ проявляется право труда: въ Кубанской, напримѣръ, области особенно ревниво охраняются общиной горныхъ и скалистыхъ ея мѣстностей пастбища, искусственно устроенныя общиной, т.-е. очищенныя отъ мелкаго кустарника [3]).

Наконецъ, при послѣдующемъ сокращеніи земельнаго простора, когда вся общинная территорія захвачена, и пашня еще дальше стремится расшириться на счетъ пастбища, является вмѣсто переложной системы та или иная правильная смѣна полей, а вмѣстѣ съ этимъ пашенныя поля обращаются періодически подъ пастбище; тутъ уже, понятно, общинная регламентація, какъ пастбищной территоріи, такъ и самаго процесса пастьбы скота, ея срока, напримѣръ, и т. п., достигаютъ высшей степени и формы.

Съ самаго момента обобществленія пастбища возникаетъ въ общинахъ борьба за равномѣрное имъ пользованіе. Общинники, вполнѣ освоившись съ представленіемъ о пастбищѣ, какъ общинномъ владѣніи, и, значитъ, о р а в н о м ъ правѣ на пользованіе имъ каждаго хозяина,—

---

[1]) См. А. Кауфманъ. „Община въ Сибири“, стр. 206.

[2]) См. Ѳ. Щербина. „Земел. община куб. каз.“, стр. 69—87 и 154—161. Еще въ 58 г. казачій генералъ. И. Попко писалъ: „Чтобъ остановить и сократить земельные захваты хуторовъ, курени (села—станицы) выдвигаютъ противъ нихъ свои плуги, подходятъ подъ нихъ траншеями, ископанными раломъ, а хутора въ видѣ усиленныхъ вылазокъ напускаютъ на куренныя пашни свои стада и табуны. Борьба, какъ видите, земледѣльческаго быта съ пастушескимъ. Неурядицамъ, жалобамъ и искамъ, самымъ нелѣпымъ, нѣтъ числа“... (стр. 40).

[3]) Тамъ же.

пропорціонально ли его рабочимъ силамъ (числу рабочихъ), потребностямъ (числу душъ) или обязанностямъ (числу податныхъ душъ),— начинаютъ бороться противъ неравномѣрности въ этомъ пользованіи, которая въ полускотоводческій семейно-захватный періодъ бываетъ огромна. Въ это время многіе зажиточные крестьяне помимо огромнаго количества хозяйственнаго скота очень часто еще нагуливаютъ цѣлыя стада овецъ и рогатаго скота для продажи, и на нихъ не можетъ не „обижаться“ бѣдная часть хозяевъ, имѣющая по какой-нибудь парѣ лошадей и коровъ и по десятку овецъ (двулошадные хозяева, считающіеся средними или даже выше среднихъ въ центральной Россіи, въ Сибири и у казаковъ являются бѣдняками). И вотъ повсюду, какъ общее правило, община устанавливаетъ для устраненія этой неравномѣрности денежное обложеніе скота [1]). Рѣдко облагается гуртомъ и одинаково в е с ь скотъ каждаго хозяина, а обыкновенно извѣстное минимальное, нормальное для средняго или бѣднаго хозяина число штукъ каждаго скота не облагается или облагается въ уменьшенномъ размѣрѣ и только съ каждой штуки, „залишней“ противъ этой нормы взимается ежегодная плата (обыкновенно отъ 10—15 к. до 50 к. — 1 р. [2]).

Наиболѣе же высокую по уравнительности и разработанности форму представляетъ описанная выше въ примѣчаніи о поимущественной раскладкѣ податей — „расположка скотскаго выпуска“. Этимъ сложнымъ способомъ производится, по справедливому замѣчанію г. Осипова, такое уравненіе пользованія пастбищемъ, какое могло бы быть достигнуто прямымъ его подушнымъ передѣломъ между хозяевами. Интересно, что буквально эта же форма встрѣчается не только въ Сибири, но и, напримѣръ, въ Ѳеодосійскомъ уѣздѣ Таврической губ. и др. [3]).

Слѣдуетъ затѣмъ упомянуть еще объ одномъ сравнительно мелкомъ, но характерномъ для выработки общинной организаціи и принциповъ общиннаго права вопросѣ: объ уравнительности въ загораживаніи общинныхъ „поскотинъ“. Въ большинствѣ случаевъ въ Си-

---

[1]) Иногда рядомъ съ этимъ встрѣчаются и формальныя запрещенія извѣстнымъ хозяевамъ,—завѣдомымъ скотопромышленникамъ,—пасти ихъ промысловый скотъ на общинномъ пастбищѣ.

[2]) Особенно разработана эта система обложенія въ Уральской казачьей общинѣ, владѣющей огромными и цѣнными пастбищами; тутъ скотоводство такъ велико, что нормой опредѣлено для семьи рядового казачества 50 головъ крупнаго скота (рогатаго и верблюдовъ), 50 лошадей и 300 штукъ овецъ и козъ, (а для офицеровъ и генераловъ отъ 100 до 200 лошадей, столько же крупнаго и отъ 800 до 1600 штукъ овецъ); излишній противъ этой нормы скотъ обложенъ по 60 коп. крупный и по 20 коп. мелкій; съ постороннихъ же (не казаковъ) берутъ ежегодно по 80 коп. и по 30 коп.; и съ этого обложенія скота, называемаго почему-то тутъ „акцизомъ“, собираются въ пользу войска крупныя суммы. (См. Н. Бородинъ. „Очеркъ общин. хоз. ур. каз. войска“, „Сѣв. Вѣст.“, 90 г. стр. 51), Въ кубанскихъ казачьихъ общинахъ эта норма опредѣляется въ 10—12 головъ крупнаго и 100—200 мелкаго скота, при чемъ въ иныхъ станицахъ хозяева съ 2 лошадьми совсѣмъ не облагаются и т. п. (Ѳ. Щербина. „Поз. общ. куб. каз.“ стр. 160—161).

[3]) См. земско-статистич. сб. по этому уѣзду и др.

бири эта городьба раскладывается на хозяевъ пропорціонально числу у нихъ скота, но въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и съ теченіемъ времени все шире распространяется теперь раскладка городьбы по количеству пахотной земли (въ Иркутской губ. также по „могущимъ“ душамъ, на которыя передѣлены покосы). Въ этомъ на первый взглядъ странномъ основаніи проявляется, однако, съ полной логичностью одинъ изъ двухъ основныхъ принциповъ всякаго общиннаго распредѣленія,—принципъ потребности. „Кабы не пашня да покосъ,—и городить не надо бы“,—говорятъ крестьяне [1]) и все чаще и чаще начинаютъ раскладывать трудъ городьбы пропорціонально заинтересованности, нуждѣ въ ней отдѣльныхъ общинниковъ [2]).

Въ самомъ наблюденіи общины за исправностью городьбы и и охранѣ пашенъ и сѣнокосовъ отъ потравъ скота проявляется та же своеобразная логичность: обыкновенно за эти потравы отвѣчаетъ не владѣлецъ лошади, а тотъ хозяинъ, чрезъ чей участокъ въ городьбѣ пробрался скотъ изъ поскотины; но и тутъ все-таки степень вины этого хозяина строго взвѣшивается; такъ, напримѣръ, если потрава произведена сильнымъ и бойкимъ жеребцомъ, называемымъ въ Сибири за способность преодолѣвать всякія изгороди „ломуномъ“ или „скакалемъ“, — то это не вмѣняется въ вину хозяину, работавшему проломанную имъ изгородь... И т. д. [3]).

Необходимо, наконецъ, заключить этотъ краткій очеркъ развитія общиннаго владѣнія пастбищами указаніемъ на очень важный фактъ, который съ перваго взгляда могъ бы показаться нарушающимъ только что обрисованную правильность возрастанія въ немъ общиннаго начала и равномѣрности пользованія: всѣ эти точныя и сложныя нормированія пользованія пастбищами практикуются исключительно въ многоземельныхъ окраинныхъ общинахъ, переживающихъ періодъ, такъ сказать, до-передѣльный, при господствѣ же, какъ въ центральной Россіи, высшаго по общинности порядка уравнительныхъ передѣловъ, вся эта уравнительная система наблюдается лишь очень рѣдко [4]). Тутъ, однако, нѣтъ никакого противорѣчія: дѣло объясняется простѣмъ, что въ густозаселенныхъ малоземельныхъ общинахъ центральной Россіи неравномѣрность въ пользованіи пастбищемъ исчезаетъ сама собой, такъ какъ здѣсь уже совершенно немыслимы не только спеціальное содержаніе богатыми хозяевами промысловыхъ стадъ, но и всякая вообще рѣзкая неравномѣрность въ скотоводствѣ, по необходимости всегда приблизительно пропорціональномъ, размѣрамъ семьи, ея рабочихъ силъ и размѣрамъ надѣла, такъ что спеціальное

---

[1]) А. Кауфманъ. „Община въ Сибири“, стр. 210—211.

[2]) При этомъ самая работа распредѣляется съ строгой уравнительностью, такъ что, напримѣръ, мѣста изгороди, граничащія съ пашней и которыя потому должны быть прочнѣе, распредѣляются особо отъ остальныхъ такъ, чтобы каждый хозяинъ участвовалъ въ обоихъ видахъ городьбы. А. Кауфманъ, тамъ же.

[3]) „Мат. Зап. Сиб.“, в. XVIII, статья А. Кауфмана, стр. 270.

[4]) Отсылаю вообще читателя интересующагося деталями этого вопроса къ 469—477 стран. книги г. В. В. „Община“, гдѣ объединены довольно подробныя данныя о владѣніи выгонами въ общинахъ земской Россіи.

обложеніе скота явилось бы тутъ неизбѣжно почти буквальнымъ повтореніемъ обложенія или „земельныхъ“, или „рабочихъ“ и т. п. душъ.

Такимъ образомъ, именно это отсутствіе уравниванія пользованія выгономъ при наивысшихъ общинныхъ формахъ и обнаруживаетъ съ особенной яркостью строгую приспособленность этого владѣнія пастбищами къ основному его внѣшнему условію—размѣрамъ землевладѣнія.

§ 4.

Объ эволюціи владѣнія лѣсами имѣется въ мѣстныхъ изслѣдованіяхъ нѣсколько особенно отчетливыхъ очерковъ, а именно: по Кубанской области г. Щербины, по Ишимскому (Тобольской губ.) и Томскому съ Маріинскимъ округахъ (Томской губ.) г. Кауфмана, по Курганскому округу (Тобольской губ.) г. Осипова, по Уральскому казачьему войску г. Бородина и нѣкоторыхъ др.; въ совокупности эти работы даютъ яркую и характерную картину обобществленія лѣсовладѣнія по мѣрѣ сокращенія его размѣровъ [1]). Во всѣхъ этихъ разнообразныхъ мѣстностяхъ пользованіе лѣсомъ совершается въ формѣ эксплуатаціи не только самыхъ деревьевъ какъ топлива и матеріала для построекъ и разныхъ подѣлокъ, но также и разнообразныхъ плодовъ ихъ. Въ казачьихъ областяхъ Европейской Россіи нужно сюда же отнести и пользованіе камышомъ, играющимъ въ безлѣсномъ степяхъ роль лѣса и какъ топливо, и какъ строительный матеріалъ.

Что касается собственно лѣсовладѣнія, т.-е. пользованія самыми деревьями, то тутъ можно различить три главныхъ фазиса.

Фазисъ первый—такой избытокъ лѣса, при которомъ его не только во много разъ больше, чѣмъ крестьянамъ нужно для себя и даже чѣмъ они могутъ продать на сторону (при рѣдкости городовъ, огромности разстояній и неудовлетворительности дорогъ въ Сибири лѣсопромышленность можетъ тутъ развиться только въ отдѣльныхъ районахъ), но когда онъ по отношенію къ земледѣлію представляетъ даже не плюсъ, а минусъ. „Не рубить лѣсу, такъ изба зарастетъ“—говорятъ въ сибирскихъ таежныхъ мѣстностяхъ крестьяне, и, дѣйствительно, онъ тутъ и понижаетъ урожаи, и вредитъ скотоводству тучами водящагося въ немъ „гнуса“ (комаровъ и мошекъ). Въ такихъ мѣстностяхъ крестьяне и поступаютъ съ лѣсомъ, какъ съ врагомъ: для одного бревна срубаютъ огромное дерево или даже нѣсколько, чтобъ потомъ выбрать лучшее; лѣсъ тутъ заваленъ валежникомъ, сучьями, цѣлыми стволами и какъ бы приспособленъ для пожаровъ... Такую же роль играетъ и камышъ въ прирѣчныхъ, напр., мѣстностяхъ Кубанской области: тутъ онъ портитъ пашню и покосы, и казаки

---

[1]) Весь нижеслѣдующій очеркъ эволюціи лѣсовладѣнія основанъ почти всецѣло на указанныхъ статьяхъ, и потому я не буду больше каждый разъ ссылаться на нихъ.

не только усиленно пользуются имъ для крышъ на постройку „кошаръ“ (сараевъ для овецъ), для топлива и въ неурожайные на траву годы, какъ кормомъ для скота, но и прямо ведутъ съ нимъ борьбу, вытаптывая его скотомъ и выжигая огнемъ. Совершенно понятно, что при такихъ условіяхъ, когда возможно большее пользованіе продуктомъ со стороны каждаго общинника не только не лишаетъ этого продукта остальныхъ, а, напротивъ, всѣмъ приноситъ пользу, не можетъ быть и нѣтъ никакихъ общинныхъ ограниченій въ этомъ пользованіи. Оно тутъ безусловно „вольное“, т.-е. неограниченно-захватное до такой степени, что вырубка лѣса дозволяется каждому не только во всемъ свободномъ районѣ захвата, но даже въ чертѣ заимокъ или „занятій“ другихъ семей, вообще въ этотъ періодъ совершенно неприкосновенныхъ; и относительно лѣса даже не устанавливается тѣхъ разграниченій между селеніями, которыя въ этотъ періодъ уже иногда появляются для сѣнокосовъ.

Второй періодъ лѣсовладѣнія нужно начинать съ того момента, какъ съ лѣсомъ перестаютъ вести борьбу и начинаютъ его цѣнить все выше и выше, но въ то же время еще и нѣтъ рѣзкаго въ немъ недостатка, и потому частью сохраняется совсѣмъ безпечное къ нему отношеніе, выражающееся формулой: „на нашъ вѣкъ хватитъ“, — формулой весьма вообще характерной для хищнически-экстенсивнаго крестьянскаго хозяйства многоземельныхъ окраинъ [1]), частью же постепенно проявляются нѣкоторыя слабыя мѣры къ его охраненію или уравнительному распредѣленію. Эти мѣры такъ или иначе ограничиваютъ захватное пользованіе лѣсомъ, уменьшаютъ его размѣры: устанавливается, напр., запрещеніе вывозить деревьевъ для продажи больше, чѣмъ можетъ хозяинъ увезти на собственныхъ лошадяхъ (съ требованіемъ очищать отъ сучьевъ вырубки на сѣнокосныхъ мѣстахъ); затѣмъ, вообще въ извѣстныхъ лѣсныхъ участкахъ запрещаютъ вырубки для продажи или вырубки молодыхъ деревьевъ и т. п. У казаковъ кубанскихъ и уральскихъ устанавливаются также точные сроки рубки лѣса и таловыхъ зарослей (отъ восхода до заката солнца) съ запрещеніемъ при томъ ссоръ и дракъ (за каковыя въ одной станицѣ положено штрафовать „въ 2 руб. за ссору и въ 3 руб. за драку“), или даже вводятся особые билеты на такую рубку или ограниченіе ея извѣстнымъ максимумомъ и съ запрещеніемъ рубки на продажу; относительно камыша здѣсь устанавливаются тѣ же ограниченія вольнаго захвата, какъ и при сѣнокосахъ: назначается срокъ начала его косьбы и запрещается нанимать для того работниковъ (или устанавливается предѣльная норма для такого найма) и т. д. Въ этотъ же періодъ уже совершается образованіе „лѣсныхъ“ общинъ и устанавливается запрещеніе рубить лѣсъ крестьянамъ чужихъ общинъ.

---

[1]) Такое отношеніе замѣчается въ Сибири отнюдь не у однихъ крестьянъ. Въ „Мат. по Иркутск. губ.“ (т. II, в. 3, стр. 248) отмѣченъ, напр., характерный случай неисполненія общиннаго приговора объ охранѣ лѣса, вслѣдствіе противодѣйствія тому исправника, который приказалъ не запрещать рубку лѣса, а поощрять ее „для развитія пароходства“... И. т. д.

Въ третій періодъ, когда быстро убывающій лѣсъ уже начинаетъ высоко цѣниться крестьянами, общины начинаютъ усиленно нормировать пользованіе имъ, въ чемъ выказываютъ обыкновенно очень много энергіи и иниціативы. Послѣдняя замѣчательно проявляется въ поразительномъ разнообразіи самыхъ формъ этой нормировки всюду, гдѣ ей не препятствуютъ законодательно-административныя воздѣйствія; это разнообразіе доходитъ мѣстами,—и какъ разъ въ районахъ наиболѣе быстрой убыли лѣса и наибольшей цѣнности его,—до того, что, напр., въ одной волости возлѣ Томска отмѣчено больше системъ лѣсопользованія, чѣмъ самыхъ общинъ (ибо нѣкоторыя общины практикуютъ разныя системы по отношенію къ разнымъ сортамъ лѣса). Этотъ порядокъ, при которомъ не только—„что деревня, то обычай", но даже больше обычаевъ, чѣмъ деревень, — крайне любопытенъ не только какъ удивительно яркій образчикъ иниціативы и самопроизвольности въ развитіи общиннаго права, но и какъ показатель строжайшей закономѣрности его. Дѣло въ томъ, что это огромное разнообразіе въ способахъ обобществленія и уравненія лѣсовладѣнія, въ которомъ общины какъ бы бросаются во всевозможныя стороны, силясь уловить наилучшій для него принципъ, логически неизбѣжно и всецѣло обусловливается специфическими свойствами самого лѣсного угодья. Съ одной стороны, общинное равное для всѣхъ общинниковъ право на пользованіе лѣсомъ, въ формѣ ли захватной или передѣльной, особенно сильно, такъ какъ, во-первыхъ, лѣсъ представляетъ наиболѣе ц ѣ н н о е угодье и, во-вторыхъ, въ него не з а т р а ч е н о ничьего т р у д а, съ другой же стороны, самый процессъ пользованія лѣсомъ прекращаетъ его существованіе, какъ такового, на долгое время или даже навсегда, и, значитъ, полное осуществленіе этого права пользованія могло бы быть равносильнымъ лишенію лѣса не только будущихъ поколѣній на счетъ нынѣшняго, но и въ данный моментъ—хозяина, болѣе бережливаго на счетъ жаднаго. Такимъ образомъ, по отношенію къ лѣсу общины силятся каждая посвоему изыскать такую систему его обобществленія и распредѣленія, которая соединяла бы наибольшую у р а в н и т е л ь н о с т ь послѣдняго съ наилучшей о х р а н о й лѣса отъ истребленія.

Въ настоящемъ томѣ моей работы я вообще не имѣю цѣлью о ц ѣ н и в а т ь общинныя формы со стороны ихъ справедливости и цѣлесообразности, потому и сейчасъ не буду разбирать, насколько вообще удачно сибирская община разрѣшила эту чрезвычайно сложную проблему, вполнѣ разрѣшимую, по моему мнѣнію, лишь при о б щ и н н о й э к с п л у а т а ц і и лѣса, но долженъ констатировать, что по мѣрѣ развитія недостатка въ лѣсѣ неуклонно вырабатывались порядки, все болѣе и болѣе приспособленные къ обрисованнымъ цѣлямъ и условіямъ лѣсовладѣнія.

Обыкновенно прежде всего община налагаетъ временныя запрещенія на захватныя вырубки тѣхъ или другихъ участковъ [1]) или

[1]) Иногда такіе участки обращаются въ постоянныя общинныя рощи, охраняемыя и устраиваемыя возлѣ деревень для прохлады скоту, защиты отъ бури и

даже всего лѣса. Затѣмъ вводится принципъ передѣла, т.-е. уравнительнаго распредѣленія лѣса между отдѣльными семьями, еще, однако, по большей части глазомѣрнаго и представляющаго ту же картину взаимнаго уговора и соглашенія захватчиковъ, какую мы видѣли въ развитіи первыхъ передѣловъ сѣнокоса, при чемъ часто надѣленіе „прибылыхъ“ (нарождающихся) душъ не предусмотрѣно. Наконецъ, появляются уже случаи точнаго передѣла съ измѣреніемъ и отрѣзками отъ однихъ въ пользу другихъ, т.-е. съ надѣленіемъ „малолѣтковъ“. Чѣмъ дальше на западъ отъ вышеупомянутаго Томскаго округа, тѣмъ болѣе выработанныя встрѣчаются формы лѣсныхъ передѣловъ. Во-первыхъ, гдѣ здѣсь практикуется порядокъ періодическихъ запрещеній лѣса по частямъ, то онъ гораздо болѣе систематизированъ и обыкновенно соединяется съ глазомѣрнымъ передѣломъ пускаемыхъ въ рубку частей лѣса, при чемъ и на этихъ отведенныхъ отдѣльнымъ семьямъ участкахъ все-таки запрещается рубить молодыя деревья („въ оглоблю“ и т. п.); [1]) затѣмъ въ большинствѣ общинъ уже установились точные и систематическіе передѣлы лѣса. Въ развитіи ихъ, опять-таки съ востока на западъ, можно различить два типа. Сначала обыкновенно передѣлы производятся по тому же принципу „набоя“ душъ, „торговъ“ на извѣстные участки лѣса, достающіеся тѣмъ, кто согласится взять ихъ на наибольшее число душъ (или на данное число душъ взять наименьшій участокъ), какъ и сѣнокосы, при каковомъ порядкѣ, очевидно, выигрываютъ небережливые и наиболѣе нуждающіеся въ лѣсѣ хозяева (обыкновенно болѣе бѣдная часть общинниковъ) и теряютъ воздерживающіеся отъ вырубки хозяева, такъ какъ участки ихъ идутъ въ передѣлъ и частью отъ нихъ отходятъ тѣмъ, у кого лѣса убавилось, т.-е. кто его не сберегъ. Затѣмъ устанавливается порядокъ передѣла „по старшинству“, „по вотчинѣ“, „по старозаимочности“, при которомъ каждому хозяину при передѣлѣ оставляется весь (если число надѣляемыхъ общиною душъ не увеличилось) или часть (если увеличилась) его прежняго участка, его „отцовщины“; этотъ порядокъ въ своемъ чистомъ видѣ построенъ на принципѣ „любой“ половины, т.-е. хозяину, у котораго отрѣзывается излишекъ лѣсного надѣла, представляется выбирать себѣ лучшую „любую“ часть изъ своего надѣла и уступить худшую, и поэтому онъ, наоборотъ, чрезмѣрно невыгоденъ для вновь надѣляемыхъ „малолѣтовъ“ (получающихъ обыкновенно совсѣмъ плохой лѣсъ или даже одни пеньки); при

т. п. Въ Иркутской губерніи въ бурятскихъ улусахъ встрѣчаются иногда небольшія священныя шаманскія рощи, а въ одномъ по настоянію „тайши“ запретили лѣсъ на горахъ, какъ сохраняющій влагу и пастбище отъ выгоранія и „ради красоты“; въ с. Горячинскомъ Забайкальской обл. запрещенъ общественный лѣсъ вокругъ сѣрнистаго горячаго ключа (цѣлебнаго) для предохраненія его отъ высыханія... И т. д.

[1]) Такъ же систематичны и строги запрещенія лѣса у кубанскихъ и частью уральскихъ казаковъ; за самовольныя порубки назначаются и взимаются штрафы, иногда съ офицера больше, чѣмъ съ рядового казака (въ одной станицѣ штрафъ установленъ отъ 1 до 3 руб., „смотря по качеству ума и состоянія виновнаго“); назначаются и арестъ, и экзекуція пастуха за пропускъ скота въ лѣсъ и т. п.

томъ имъ недостаточно стимулируется сбереженіе лѣса: скорѣй, наоборотъ, каждый хозяинъ въ ожиданіи отрѣзки спѣшитъ вырубить отходящій отъ него участокъ.

Но интереснѣе всего компромиссная система, такъ сказать, пропорціональныхъ отрѣзковъ, установившаяся въ Курганскомъ округѣ Тобольской губ., гдѣ вообще общинные передѣлы выработались раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ (давно уже передѣляется и пашня): у хозяевъ, лѣсные надѣлы которыхъ при передѣлѣ подлежатъ сокращенію, отрѣзывается и худшій, и лучшій лѣсъ либо въ общей установленной общиною для всѣхъ пропорціи, либо въ той именно пропорціи, въ какой его засталъ у него передѣлъ (если, положимъ, у хозяина было 6 дес. лѣса, изъ коихъ $4^1/_2$ дес., т.-е. $75^0/_0$, хорошаго и $1^1/_2$, т.-е. $25^0/_0$, худого, а должно остаться послѣ передѣла только 4 дес., то ему и оставляютъ въ числѣ этихъ 4 дес. 3 дес. ($75^0/_0$) хорошаго и 1 дес. ($25^0/_0$) худшаго и т. п.). Вообще эти двѣ основныхъ разновидности лѣсныхъ передѣловъ имѣютъ массу варіацій, и обыкновенно каждая изъ нихъ, установившись первоначально въ чистой формѣ, потомъ постепенно ограничивается и корректируется противуположной [1]). И очевидно, что сейчасъ описанная система компромисса этихъ двухъ принциповъ въ общинахъ мѣстности, являющейся и географически, и исторически передовой въ развитіи общинныхъ передѣловъ, представляетъ наиболѣе точную равнодѣйствующую трехъ цѣлей: во-первыхъ, интересовъ старыхъ владѣльцевъ, во-вторыхъ, новонадѣляемыхъ молодыхъ и бѣдныхъ семей и, наконецъ, сбереженіе лѣса.

Если мы перейдемъ отъ этихъ все-таки еще лѣсистыхъ мѣстностей къ тѣмъ южнымъ степнымъ или центральнымъ общинамъ Европейской Россіи, гдѣ остались лишь ничтожные клочки лѣса, то тутъ найдемъ еще гораздо болѣе высокую заботливость о немъ и уравнительность въ его пользованіи. За недостаткомъ мѣста укажу только въ примѣръ на тѣ случаи въ степной безлѣсной части Кубанской области, гдѣ иныя казачьи станицы съ величайшей тщательностью взращиваютъ лѣсъ изъ случайныхъ мелкихъ порослей, которыя они, по характерному ихъ выраженію, „закохиваютъ“. Напр., станица

---

[1]) Особенно, напр., интересныя и особенно разнообразныя въ разныхъ общинахъ рѣшенія представляетъ вопросъ о судьбѣ такъ называемыхъ „рощъ“ или „садочковъ“, т.-е. участковъ лѣса, долгое время выращивавшихся и оберегавшихся отдѣльными хозяевами. Отнять ихъ у послѣднихъ для другихъ безъ всякаго вознагражденія — крайне несправедливо, оставить просто прежнимъ хозяевамъ — часто тоже нельзя и несправедливо, дозволить имъ ихъ вырубить — несправедливо по отношенію къ новому владѣльцу, получающему участокъ, который чрезъ десятки лѣтъ лишь будетъ лѣсомъ, а для обращенія подъ пашню требуетъ тяжелой работы очистки отъ пней. Поэтому, хотя встрѣчаются и такія крайнія рѣшенія, но при недостаткѣ въ лѣсѣ обыкновенно дѣло рѣшается компромиссомъ: или участки лѣса идутъ старому хозяину въ счетъ его пашеннаго надѣла, или ему дозволяютъ вырубить только крупный лѣсъ, оставивъ мелкій новому и т. п. Объ этомъ см. статью г. Кауфмана по Ишимскому округу. „Мат. Зап. Сиб.“, в. V, стр. 2 и 283.

Петровская въ 72 г. приговорила: такъ какъ въ такихъ-то, мѣстахъ „начинаетъ расти лоза“, то постановляемъ „заборонить ее, т.-е. не дозволить никому рубить и тѣмъ дать возможность усовершенствоваться“. Такимъ способомъ нѣкоторыя степныя станицы, дѣйствительно, успѣли уже „усовершенствовать“, а иногда даже и прямо насадить недурныя рощи [1]). Тутъ же, а также въ центральной Россіи отмѣчены случаи и прямого насажденія крестьянскими общинами лѣсныхъ рощъ [2]). Способы же передѣла въ малоземельныхъ общинахъ, успѣвшихъ спохватиться и сохранить отъ вырубки небольшіе клочки лѣса (едва ли не въ большинствѣ общинъ лѣсъ успѣли до чиста истребить) [3]), уже обыкновенно скрупулезны и точны порой почти до курьеза: во многихъ и самыхъ различныхъ мѣстностяхъ, — напр., въ Московской, Самарской, Полтавской г.г. и др. часты или даже обыкновенны случаи сосчитыванія всѣхъ деревьевъ въ участкѣ, пущенномъ въ вырубку, при чемъ каждое дерево относится въ извѣстный сортъ (и не только по толщинѣ его ствола, но и по количеству сучьевъ и т. д.), иногда даже деревья нумеруются и потомъ каждый хозяинъ получаетъ по извѣстному количеству деревьевъ каждаго сорта; при этомъ очень часто, кое-гдѣ даже въ большинствѣ случаевъ,—вырубка производится коллективнымъ трудомъ всей общины или отдѣльныхъ ея артелей и дѣлятся уже срубленныя деревья [4]).

Итакъ, эволюція лѣсовладѣнія проходитъ особенно длинный и интересный путь: начинается оно формами чисто индивидуальными,— семейнымъ захватомъ, безусловно неограниченнымъ,— и чрезъ рядъ

---

[1]) Необходимо отмѣтить, что въ 65 г. наказной атаманъ Кубанскаго казачьяго войска предписалъ каждой станицѣ завести „лѣсныя плантаціи“; но, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, изъ этого почти ни въ одной станицѣ ничего не вышло, сбережены же и выращены были рощи только въ нѣкоторыхъ станицахъ, которыя сами до этого дошли, иногда даже до циркуляра.

[2]) См. напр., земско-статист. сборники по у.у. Липецкому Тамбовской губ., Днѣпровскому Таврической губ. и нѣкот. др.

[3]) Напр., въ Хвалынскомъ у. Саратовской губ., по словамъ г. Харизоменова, крестьяне сначала „обращались къ лѣснымъ надѣламъ, какъ дѣти, не думая о будущемъ. Кромѣ того, охрана лѣсовъ была затруднительна при обычномъ воззрѣніи крестьянъ, что „лѣсъ—Божій“, что „его никто не растилъ“. Сплошь и рядомъ сосѣднія общины въѣзжали въ чужіе лѣса, какъ въ свои, и рубили ихъ, несмотря на стражу... Общинно-волостное владѣніе крайне способствовало безпорядку лѣсного хозяйства: оно вызывало безконечныя столкновенія между совладѣльцами-селеніями, заставляло ихъ конкуррировать въ истребленіи общаго лѣса изъ опасенія, что одни совладѣльцы воспользуются лѣсомъ въ ущербъ другимъ. Наконецъ, общинѣ не легко было бороться и съ отдѣльными хозяевами, которые дѣлали чищобы въ лѣсахъ и распахивали ихъ. Всѣ эти причины заставляли крестьянскія общества торопиться раздѣлить лѣсъ по душамъ и вырубить его, чтобы трудно устранимое истребленіе лѣса сдѣлать по крайней мѣрѣ уравнительнымъ. Такъ Мордовскій Шемалакъ и Каменный Ключъ 10 лѣтъ тому назадъ вырубили красный строевой лѣсъ въ виду того, что его много воровали Печаурскіе крестьяне“... (Сборн. статист. св. по Хвалынск. уѣзду, стр. 50 и 51). И т. д.

[4]) См. книгу Орлова по Московской губ.; довольно много интересныхъ случаевъ приведено также у г. В. В., стр. 491—495 и особенно 516—534.

постепенныхъ переходныхъ ступеней развитія общиннаго права и убыванія личнаго доходитъ во многихъ случаяхъ до высшаго предѣла общинности—до общиннаго не только владѣнія и распоряженія, но также и пользованія. Это объясняется и этого a priori нужно было ожидать потому, что по отношенію къ лѣсу, съ одной стороны, наименѣе могло пустить корней личное право, такъ какъ въ немъ отсутствуетъ главное основаніе послѣдняго,—право затраченнаго труда, и съ другой — наиболѣе глубоко должно было укорениться общинное право, во-первыхъ, вслѣдствіе максимальной цѣнности этого угодья, а, во-вторыхъ,—необходимости его охраны отъ истребленія.

§ 5.

Разсмотримъ теперь въ самыхъ общихъ чертахъ владѣніе остальными видами второстепенныхъ угодій. Почти всѣ они, подобно лѣсу, сѣнокосу и выгону, имѣютъ обыкновенно, такъ сказать, экстенсивный характеръ, т.-е. на нихъ не требуется предварительныхъ процессовъ для производства продуктовъ, а послѣдніе лишь собираются тѣмъ или инымъ способомъ въ болѣе или менѣготовомъ для потребленія видѣ.

А. Покончимъ прежде всего со второй стороной лѣсовладѣнія — съ пользованіемъ лѣсными плодами.

Наиболѣе крупные и интересные ихъ случаи представляетъ пользованіе „кедровниками“ въ Сибири, особенно въ Томскомъ окр., и дикими грушами, яблоками, орѣхами, „торномъ“ (или терномъ) и т. д. въ Кубанской, а также и въ Уральской области. Тутъ мы находимъ тѣ же основные типы и стадіи, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ.

Первоначально, когда плодовъ этихъ полное изобиліе, и въ собираніи ихъ, какъ и по отношенію къ другимъ угодьямъ, господствуетъ неограниченное семейно-захватное право. Характерно, что такое же полное отсутствіе общинной регламентаціи наблюдается и въ тѣхъ случаяхъ, когда этихъ плодовъ или вообще мало, или въ данный годъ они такъ слабо уродились, что сборъ ихъ не представляетъ маломальски серьезнаго дохода, а служитъ больше дѣтскимъ занятіемъ. Когда же цѣнность лѣсныхъ плодовъ не понижается ни избыткомъ, ни чрезмѣрнымъ недостаткомъ, то по отношенію къ нимъ вырабатываются типичныя формы ограниченнаго захвата. Въ Уральской обл. для сбора „торна“ (дикая вишня, ежевика, хмель, калина и пр. собираются вольно) объявляется обыкновенно на второй Спасъ (6 августа) „обволька“, т.-е. освобожденіе отъ запрещенія, наложеннаго на его сборъ до этого времени, и въ это болѣе свободное отъ работъ время наѣзжаетъ съ низовьевъ на верховья Урала собирать торнъ множество народа. Тотъ же порядокъ встрѣчается и у Донскихъ казаковъ, а также какъ въ бѣдной лѣсными плодами степной части Кубанской области, такъ, особенно въ гористомъ и лѣсистомъ

Закубанье, где не только дико растутъ цѣлые лѣса грушъ (мало уступающихъ садовымъ), яблонь („кислицы“), кизила, орѣха, терна, но отъ бѣжавшихъ горцевъ остались цѣлые одичавшіе плодовые сады, такъ что закубанскія станицы вывозятъ массы сырыхъ и сушеныхъ фруктовъ и получаютъ отъ того значительный доходъ; тутъ за преждевременный сборъ этихъ плодовъ уже очень строго штрафуютъ [1]). Въ Томскомъ окр. кедровниковъ также не бываетъ чрезмѣрно много, и ими очень дорожатъ, какъ высокодоходной статьей (кедровые орѣшки щелкаетъ буквально вся Сибирь отъ мала до велика, и въ иныхъ богатыхъ кедровниками общинахъ выручаютъ по 50—70, даже по 100—150 и до 200 руб. въ годъ на работника). Поэтому во всемъ этомъ районѣ по отношенію къ отмежеваннымъ общинамъ кедровникамъ только въ одной общинѣ сборъ кедровыхъ шишекъ регламентируется однимъ лишь назначеніемъ дня начала его и запрещеніемъ нанимать для него рабочихъ, во всѣхъ же остальныхъ регламентація гораздо точнѣе, а именно, кромѣ назначенія дня, въ большинствѣ случаевъ право каждой семьи на сборъ опредѣляется количествомъ лежащихъ на ней „податныхъ душъ“: обыкновенно каждая „податная душа“ имѣетъ право выставить по одному собственному или наемному рабочему—„лазаку“ („колотильщику“ и т. п., сбивающему шишки съ деревьевъ, для чего требуется ловкость и искусство, такъ что извѣстныхъ „лазаковъ“ нанимаютъ по 5 руб. въ день) и по 2, 3 и болѣе (смотря по урожаю „шишки“) подбирающихъ и увозящихъ орѣхи. Аналогичный порядокъ наблюдается въ Туринскомъ окр. Тобольской губ., гдѣ даже однимъ кедровникомъ владѣетъ цѣлая волость. Что же касается сбора ягодъ въ Сибири, то малину въ при-Томскихъ волостяхъ, несмотря на доходность этого промысла, сбираютъ совершенно вольно, но сборъ брусники на сѣверѣ Тобольскаго окр., составляющій здѣсь одинъ изъ главныхъ доходовъ для крестьянъ, уже урегулированъ назначеніемъ дня начала его, а часто также и числомъ сборщиковъ на каждую душу [2]).

Вторая функція общины состоитъ въ охранѣ плодовыхъ лѣсовъ отъ порчи. Порубки кедровниковъ, гдѣ они вошли въ черту общиннаго владѣнія (часто кедровники расположены на казенныхъ земляхъ, и тогда пользованіе ими безпорядочно и ухода нѣтъ), воспрещены безусловно (дозволяется только срубать дерево на „домовище“, т.-е. гробъ); [3]) община слѣдитъ, чтобы сборъ орѣха производился осторожно, очищаетъ (артелью или наймомъ) кедровники отъ мелкой по-

---

[1]) Мотивируется это, между прочимъ, тѣмъ, что отъ срыванія незрѣлыхъ плодовъ „бываютъ даже сильныя болѣзни“, а жители „остаются на зиму безъ фруктовъ“.

[2]) См. А. Кауфманъ. „Кр. Общ. въ Сиб.“, стр. 224, а такж. „Мат. Зап. Сиб.“ вып. XVIII, стр. 15—34 и вып. XIII, стр. 124, 19, 21 и слѣд.

[3]) Постановленіе Спасскаго волостн. суда: «..... за самовольную вырубку въ поскотинѣ (обыкновенно кедровники лежатъ въ общинной поскотинѣ) двухъ кедровъ, принадлежащихъ крестьянамъ села и д. Протопоповой, отставного жандарма Пл. Ром. Филиппова арестовать при волостн. правленіи на 7 сутокъ“. („Мат. Зап. Сиб.“, в. XVIII, стр. 16).

сторонней поросли, валежника и т. д., а въ нѣсколькихъ случаяхъ общины даже сами создавали кедровники изъ нѣсколькихъ рѣдкихъ кедровыхъ деревьевъ, вырубая другія деревья, послѣ чего появлялась молодая кедровая поросль и выростали густыя кедровыя рощи. Такъ же точно и кубанскія казачьи станицы крайне энергично охраняютъ плодовые лѣса, назначая за ихъ порчу по истинѣ свирѣпые штрафы и наказанія, напр., за одно срубленное фруктовое дерево по 10 р. — 25 р., или даже по 25 руб. штрафа съ тѣхъ, кто сталъ бы обивать груши палкой, или, чтобъ достать ихъ, рубить вѣтви (за подобные проступки община наказываетъ виновныхъ и общественными работами, примѣрно отъ 6 до 15 дней). Затѣмъ, высшую сравнительно форму пользованія представляетъ также продажа сбора лѣсныхъ плодовъ общиной отдѣльнымъ лицамъ, при чемъ вырученныя деньги обращаются на нужды общества; указаны такіе случаи и для кедровниковъ въ Сибири, и для плодовыхъ лѣсовъ въ Кубанской области.

Наконецъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ наибольшей цѣнности лѣсныхъ плодовъ общинное регулированіе пользованія ими возвышается до формальныхъ и точныхъ уравнительныхъ ихъ передѣловъ. Такъ, въ трехъ общинахъ Томскаго округа передъ каждымъ сборомъ кедровники „глазомѣрно“ распредѣляются между семьями по числу платежныхъ душъ, при чемъ иногда дѣлятся на участки по сортамъ, (лучшему, среднему и худшему) и въ каждомъ передѣляютъ особо, а также при отводѣ участковъ принимаютъ во вниманіе условія, облегчающія или затрудняющія сборъ „шишки“... То же начинаетъ практиковаться въ Закубаньѣ: напр., въ станицѣ Неберджаевской послѣ нѣсколькихъ попытокъ ограниченія захвата и охраны плодовыхъ деревьевъ общество постановило „раздѣлить на паи всѣ плодородныя (т.-е плодовыя) деревья, оставшіяся въ азіатскихъ (казаки зовутъ „азіатами“ черкесовъ) садахъ, на каждое семейство по числу душъ мужского пола“ и при этомъ обязать всѣхъ ухаживать за своими паями и обрабатывать ихъ, а въ противномъ случаѣ отбирать „въ пользу общества или въ надѣлъ новорожденнымъ“... [1]).

Такимъ образомъ, развитіе общиннаго вмѣшательства въ пользованіе лѣсными плодами идетъ параллельно съ сокращеніемъ ихъ и развитіемъ этого пользованія и, начавшись съ ничѣмъ неограниченнаго „вольнаго“ сбора ихъ отдѣльными семьями въ глухихъ лѣсахъ, доходитъ до превращенія послѣднихъ въ общинно-передѣльные сады.

В. Если мы измѣримъ береговую линію океана, морей, озеръ и большихъ и среднихъ рѣкъ въ Россіи, то получимъ навѣрное, не менѣе сотни тысячъ верстъ, представляющихъ, такъ сказать, полосу рыболовнаго промысла. Отсюда намъ понятно огромное зна-

---

[1]) Необходимо замѣтить, что въ этомъ случаѣ въ концѣ концовъ получится, вѣроятно, индивидуализація этихъ садовъ, такъ какъ, чѣмъ больше будетъ затрата личныхъ трудовъ владѣльцевъ въ ихъ участки, тѣмъ труднѣе ихъ будетъ потомъ пустить въ передѣлъ; и можно, кажется, предсказать, что къ этимъ садамъ примѣнится порядокъ, общій для усадебныхъ и приусадебныхъ угодій, о которомъ см. ниже.

ченіе для населенія пользованія рыбными угодьями и высокій интересъ развившихся въ немъ общинныхъ и артельныхъ формъ. Немудрено, что именно тутъ мы наблюдаемъ наибольшее количество наиболѣе крупныхъ и наиболѣе выработанныхъ и интересныхъ общинныхъ нормъ и артельныхъ организацій, вродѣ. напр., знаменитой уральской казачьей рыболовной общины въ 80 слишкомъ тысячъ душъ и нѣкотор. др. Но я подробно займусь этими замѣчательными формами въ четвертомъ томѣ, пока же долженъ ограничиться только самыми краткими и общими о нихъ замѣчаніями.

Въ пользованіи водой, какъ рыбнымъ угодьемъ, примѣняются оба основныхъ типа общинной регламентаціи: и нормировка индивидуальнаго захвата, и прямое уравнительное распредѣленіе угодья между общинниками.

Первый, значительно болѣе частый, повидимому, способъ примѣняется при ловлѣ на водѣ (на морѣ, озерѣ или большой рѣкѣ) вдали отъ берега, такъ какъ это водное пространство съ заключающейся въ немъ рыбой, очевидно, слишкомъ трудно подвергнуть прямому уравнительному передѣлу. Самая ловля тутъ ведется или отдѣльными хозяевами, или свободно подобравшимися артелями ихъ (соединеніе въ артели, по крайней мѣрѣ, изъ двухъ человѣкъ необходимо требуется въ значительномъ большинствѣ случаевъ самыми способами промысла) вольно-захватно по всей рѣкѣ или морю (при чемъ обыкновенно каждая артель имѣетъ свое излюбленное постоянное мѣсто); общиной же регламентируется только время, способы, рабочія силы и орудія промысла. Какъ упомянуто, особенно выработанъ этотъ регламентъ,— выработанъ искони, постепенно и самостоятельно казаками (а не администраціей), — въ огромной уральской казачьей общинѣ. Прежде всего здѣсь безусловно запрещено нанимать для лова въ рѣкѣ Уралѣ въ рабочіе кого бы то ни было кромѣ казаковъ же (для морской ловли такого запрета пока нѣтъ, но идетъ агитація за его установленіе); затѣмъ всѣ ловцы должны имѣть одинаковыя орудія; самая ловля (весенняя) начинается не только въ назначенный день, но и ея начало и конецъ въ данный день возвѣщаются выстрѣломъ сигнальной пушки (отчего казаки это массовое по сигналу рыболовство называютъ „ударнымъ“ или по „удару“), при чемъ артелямъ низовымъ, откуда идетъ главная масса рыбы, дозволяется ловить только черезъ день и то лишь до 1 часу пополудни, чтобъ уравнять ихъ шансы съ рыбачащими наверху и т. д. [1]).

При ловлѣ же въ небольшихъ рѣчкахъ и озерахъ или по берегамъ большихъ рѣкъ, озеръ и морей (Чернаго, Каспійскаго, Ледовитаго океана и т. д.) общинная нормировка принимаетъ видъ прямого уравнительнаго передѣла между общинниками рѣки или ея берега въ натурѣ, такъ что получаются такія же „водныя души“ (именно такъ и называемыя самими крестьянами), какъ бываютъ души „земель-

---

[1]) Всѣ приведенныя данныя взяты изъ прекраснаго очерка Н. Бородина. „Оч. общ. хоз. урал. каз.“ „Сѣв. Вѣст.“ 90 г., 3 кн.

ныя“ (покосныя, лѣсныя и т. п.) и „податныя“ Еще болѣе высокій типъ во владѣніи рыбными угодьями представляетъ довольно часто встрѣчающееся общинное ими пользованіе, т.-е. ловля рыбы всей общиной общими орудіями съ уравнительнымъ распредѣленіемъ между семьями, какъ участія въ ловлѣ рабочей силой, такъ и доли въ продуктѣ. Хотя передѣлы „водныхъ душъ“ и общинно-артельное пользованіе примѣняются, повидимому, лишь въ меньшинствѣ случаевъ, но они все-таки довольно часты, и многочисленные примѣры ихъ наблюдаются во всевозможныхъ мѣстностяхъ, начиная съ Сибири и Архангельской губ., и кончая Ураломъ, Кубанью, Дономъ и т. п. [1]).

Однако, если мы посмотримъ на чередованіе указанныхъ формъ во времени, то получимъ картину, на первый взглядъ рѣзко противорѣчащую той схемѣ, которая у насъ до сихъ поръ оправдывалась на эволюціи владѣнія всѣми остальными угодьями: владѣніе рыбными угодьями не только не начинается съ рѣзко индивидуалистическаго порядка неограниченнаго захвата съ переходомъ затѣмъ къ общиннымъ его ограниченіямъ и далѣе, къ общинно-передѣльнымъ или даже общинно-артельнымъ формамъ, но, наоборотъ, мы обыкновенно наблюдаемъ переходъ отъ послѣднихъ къ первымъ формамъ. Объясняется это, какъ главной и наиболѣе общей причиной, во-первыхъ, просто тѣмъ, что уже нигдѣ почти, за исключеніемъ развѣ пустынь сѣверной Сибири, не сохранилось въ настоящее время такого изобилія рыбы, которое дѣлало бы излишней и, значитъ, невозможной общинную регламентацію ея ловли; такимъ образомъ, всюду уже миновалъ періодъ неограниченнаго захвата, и наступили тѣ или иные фазисы общинной нормировки. Съ другой стороны, эта убыль рыбы дошла уже во многихъ случаяхъ до такой степени, что рыбная ловля потеряла характеръ массоваго промысла, а превратилась въ спорадическое занятіе отдѣльныхъ семей часто больше для собственнаго потребленія, чѣмъ для продажи: понятно, что община считаетъ не стоющимъ заниматься регулированіемъ такого совершенно малозначущаго промысла, подобно тому, какъ она не мѣшаетъ никому „забавляться шишкой“ въ плохихъ кедровникахъ [2]), тѣмъ болѣе, что крестьяне обыкновенно смотрятъ на рыболовныя угодья, какъ на „Божью пазуху“ (Сибирь), и считаютъ грѣхомъ запрещать ловлю рыбы „на свою потребу“...

---

[1]) Нѣсколько примѣровъ объ окраинахъ Россіи см. у А. Карелина. „Общин. влад.“, стр. 250—255 и о центральныхъ губерн. у г. В. В. „Община“, стр. 557—559.

[2]) Встрѣчаются, конечно, и другія причины. Такъ, напримѣръ, въ Тверской губ. и особенно въ Осташковскомъ уѣздѣ еще до сихъ поръ кое-гдѣ сохранились не только рыболовныя артели изъ цѣлой общины, но даже артели изъ нѣсколькихъ общинъ, совмѣстно владѣющимъ озеромъ, ведущихъ весь промыселъ сообща, съ засѣваніемъ даже, напримѣръ, всей общиной конопли для сѣтей и т. д.; раньше же такія общины-артели были общимъ правиломъ. Но онѣ раздробились, благодаря переходу озеръ изъ собственности общинъ къ монастырямъ и частнымъ лицамъ. См. „Сводъ сб. стат. св. по Тв. губ.“, т. XIII, в. стр. 47, статья И. Красноперова (и его же ст. въ „Русск. Бог.“ 94 г., 6 кн.).

Что это именно такъ, можно видѣть, напр., на Кубанской области, гдѣ рыболовство всегда строго регламентировано общинами тамъ, гдѣ много рѣкъ, много рыбы, и оно ведется въ серьезныхъ размѣрахъ (гутъ запрещена ловля постороннимъ, опредѣлены способы ловли, запрещены хищническія ея формы, установленъ максимумъ рыболовной снасти на каждаго хозяина, иногда же, наконецъ, вся ловля сдается общиной въ аренду), а въ остальныхъ случаяхъ оно совершенно свободно для всѣхъ [1]). Это же проявляется въ томъ фактѣ, что наивысшая по строгости, выработанности, раціональности и уравнительности регламентація рыбнаго промысла наблюдается какъ разъ въ самой огромной рыболовной общинѣ—уральской, ежегодный доходъ которой отъ рыбнаго промысла исчисляется нѣсколькими милліонами рублей [2]). Наконецъ, для сибирскихъ рыболовныхъ общинъ г. Кауфманъ прямо указываетъ именно на очерченную послѣдовательность и зависимость. А именно, здѣсь въ наиболѣе богатыхъ рыбой водахъ пользованіе ими—о б щ и н н о-артельное, т.-е. рыба ловится всей общиной, при чемъ каждая семья участвуетъ въ ловлѣ и получаетъ рыбу въ такой долѣ, сколько за ней „водныхъ душъ“, совпадающихъ съ податными и земельными (сѣнокосными и др.) душами; гдѣ же рыбы мало, или въ тѣхъ же общинахъ по мѣрѣ ея убыванія, устанавливается с е м е й н о-артельная ловля, въ которой отдѣльныя семьи соединяются свободно на свой рискъ и страхъ, а многія семьи совсѣмъ отстаютъ отъ промысла и ничего не получаютъ; такое превращеніе происходитъ, по словамъ г. Кауфмана, именно по мѣрѣ и вслѣдствіе убыванія ц ѣ н н о с т и этого промысла, т.-е., точнѣе, его р е н т н о й доходности. Первоначально отдѣльныя семьи могли часто не пользоваться своими „водными душами“, а уступать за плату другимъ или нанимать вмѣсто личнаго участія въ ловлѣ работниковъ; но, затѣмъ, по мѣрѣ убыли рыбы, желающихъ покупать „водныя души“ являлось все меньше, прибыль ихъ сверхъ уплаты рабочимъ все сокращалась и, наконецъ, эта рента „водныхъ душъ“ сошла приблизительно и въ среднемъ къ нулю: тогда то и установился самъ собой порядокъ семейныхъ артелей, частью выручающихъ доходъ, не превышающій заработную плату, частью-же въ зависимости отъ своихъ и н д и в и д у а л ь н ы х ъ качествъ,—знаній, опыта, ловкости, лучшихъ снастей и проч., очень много значащихъ для удачи рыбной ловли, успѣвающихъ промыслить своимъ квалифицированнымъ трудомъ и болѣе крупный доходъ [3]).

Такимъ образомъ, рыбный промыселъ и н д и в и д у а л и з и р у е т с я самой у б ы л ь ю рыбы и обусловленной тѣмъ и н д и в и д у а л и-

---

[1]) См. Ѳ. Щербина. „Поз. общ. куб. каз.“, стр. 183—190.

[2]) Если не ошибаюся, въ 97 г. было выловлено рыбы болѣе, чѣмъ на 6 мил. руб. (по газетному извѣстію).

[3]) См. А. Кауфманъ. „Община въ Сиб.“, стр. 218—223; „Мат. Зап. Сиб.“, в. XVIII, стр. 1—10 и 274; особенно же ярко формулировано указанное явленіе въ его статьѣ о Туринскомъ округѣ, Тобольской губ. „Мат. Зап. Сиб.“, в. XIII, стр. 125—128.

зацiей способовъ ея ловли: огромные общинные невода, разсчитанные на сотни пудовъ рыбы, теряютъ примѣненіе и замѣняются сначала мелко-артельными сѣтями, а затѣмъ „мелкой снастью“ и удочками отдѣльныхъ рыбаковъ [1]).

Е. Въ пользованіи охотничьими угодьями проходитъ, повидимому, то же правило индивидуализаціи ихъ по мѣрѣ исчезновенія, вслѣдствіе убыли птицы и звѣря, рентной ихъ доходности. Въ Туринскомъ и Тобольскомъ округахъ у инородческихъ общинъ, имѣющихъ настолько богатые дичью лѣса, что за право охоты въ нихъ члены другихъ, русскихъ общинъ, охотно платятъ этимъ общинамъ особую плату, т. е. гдѣ, значитъ, лѣса, какъ охотничьи угодья, даютъ рентный доходъ, они всюду подвергнуты съ этой стороны общинной регламентаціи. Во-первыхъ, повсюду они строго разграничены между селеніями, т.-е. образовались, такъ сказать, „охотничьи общины“ и, во-вторыхъ, въ каждой такой общинѣ или установлено типичное ограниченно-захватное право охоты, при которомъ, напр., каждый хозяинъ имѣетъ право промышлять не болѣе, чѣмъ однимъ „ружьемъ“ съ каждой развересточной души (рѣдко двумя), и уже сами охотники размежевываются, уговариваются, гдѣ кому охотиться, или даже производится формальный раздѣлъ лѣса на отдѣльные для каждой семьи охотничьи участки (отграниченные живыми урочищами); при этомъ раньше эти участки были въ потомственномъ наслѣдственномъ пользованіи, но въ послѣднее время стали подвергаться поравненіямъ въ пользу молодыхъ семей, которымъ общины отрѣзываютъ охотничьи лѣса отъ семей съ чрезмѣрно большими участками; почти буквально тотъ же порядокъ и та же эволюція наблюдается и въ Архангельской губерніи и у бурятъ въ Забайкальской области .. [2]). Въ отдаленныхъ же лѣсахъ Иркутской губ. ловля звѣрей разными снарядами производится на неограниченномъ наслѣдственно-захватномъ правѣ: тутъ, очевидно, рента еще невозможна вслѣдствіе крайняго охотничьяго приволья; наоборотъ, въ мѣстностяхъ Тобольской и Томской губерній, гдѣ охота сократилась настолько, что только кое-гдѣ и лишь для части семей сохранила серьезное значеніе, уже не наблюдается въ настоящее время и никакой общинной ея регламентаціи, очевидно, ставшей невозможной тамъ, гдѣ, напр., охотники не желаютъ охотиться даромъ, предпочитая уходить въ дальніе лѣса, чтобы тамъ охотиться за плату (какъ въ русскихъ общинахъ Туринскаго округа, Тобольской губ.), т. е., гдѣ, значитъ, охотничьи угодья потеряли вся-

---

[1]) Эта ловля почти повсюду и всегда свободна отъ общинныхъ ограниченій.

[2]) См. А. Каренинъ. „Общ. влад.“, стр. 248. Напр., въ Забайкальѣ „у инородцевъ Чикойско-Харанутскаго рода всѣ горные хребты „по ключикамъ и рѣчкамъ“ были въ 1858 г. (т. е при ревизіи) распредѣлены по душамъ по 2—3, 10—30 душъ на отдѣльный участокъ, смотря по его размѣрамъ. Эти души составляютъ артели; каждая изъ артелей имѣетъ на своемъ участкѣ общее зимовье, юрты и балаганы, въ которыхъ живутъ звѣровщики въ періодъ охоты“... (См. „Матер. Забайкальской обл.“ в. 10, стр. 72).

кую рентную цѣнность [1])... При обиліи дичи примѣняются и артельныя формы охоты; курьезную форму ея описываетъ г. Добротворскій для Орловскаго у., Вятской губ.: здѣсь „по первозимью“ иногда ежедневно всей деревней ходятъ „зайца гонять“ (загоняютъ облавой зайцевъ въ тенета), при чемъ добыча дѣлится поровну [2])...

Д. Эксплуатація минеральнаго содержимаго земли, какъ, напр., дѣланіе изъ нея сырого или обоженнаго кирпича (и другихъ подѣлокъ изъ глины), ломка камня (на постройки и на известь), мѣла, брусяноточильныхъ скалъ, гипса (въ Уральской обл.), добыча соли съ соляныхъ озеръ (тамъ же и на Кубани), нефти на Кубани и т. п., въ значительномъ большинствѣ случаевъ совершается на неограниченно-захватномъ правѣ. Однако, тутъ въ случаяхъ особой цѣнности этихъ угодій или истощенія ихъ, или неудобствъ и убытковъ для общины отъ ихъ эксплуатаціи, устанавливается обыкновенно извѣстная плата въ пользу общины за право пользованія ими, и даже, въ большинствѣ случаевъ, пользованіе этими угодьями либо воспрещено лицамъ постороннимъ, либо они обложены за то платой. Затѣмъ, въ Кубанской обл., гдѣ нефть собирается казаками съ поверхности воды изъ небольшихъ устраиваемыхъ для того ямъ и колодцевъ, устанавливается, напр., обычай брать нефть изъ общественнаго колодца каждому хозяину сразу не больше одной „мазницы“; въ другихъ же общинахъ пользованіе нефтью отдается общиной въ свою пользу въ аренду; то же наблюдается тутъ иногда и по отношенію къ каменоломнямъ. Въ Уральской казачьей общинѣ для добычи мѣлового камня, гипса и проч. требуется разрѣшеніе, и размѣръ ея для каждаго даннаго лица опредѣляется казачьею администраціей [3]). Приблизительно тотъ же порядокъ наблюдается по отношенію къ разсматриваемымъ угодьямъ и въ общинахъ центральной Россіи [4]).

Пользованіе рѣчными водами для поливки, само собой разумѣется, также начинаетъ требовать общинной регламентаціи при ограниченности этихъ водъ; наиболѣе, кажется, интересные порядки такого уравнительнаго распредѣленія между общинниками и общинами поливочной воды наблюдаются въ татарскихъ общинахъ долинъ Крыма [5]). Наконецъ, что касается пользованія рѣчными водами, какъ двигателемъ, для устройства, главнымъ образомъ, мельницъ, то сравнительно рѣдко постройка и пользованіе ими совершенно свободны для отдѣльныхъ семей. Гораздо чаще для устройства ихъ требуется разрѣшеніе общины.

---

[1]) См. А. Кауфманъ. „Общ. въ Сиб.“, стр. 223—224 и „Мат. Зап. Сиб.“, в. XIII, стр. 128—129.

[2]) См. „Позем. общ. Орловскаго у., Вятской губ.“ „Русск. М.“, 84 г., 9 кн. 50 стр.

[3]) См. А. Кауфманъ. „Общ. въ Сиб.“, стр. 226; „Мат. Зап. Сиб.“, в. V, стр. 294; Ѳ. Щербина. „Позем. общ. куб. хоз., стр. 180—182 и Н. Бородинъ. „Очерк. общ. хоз. ур. каз.“, „Сѣв. Вѣст.“, 90 г. 5 кн., стр. 66.

[4]) См. у г. В. В. стр. 551—555.

[5]) См. „Пам. книжка Таврич. губ.“, ст. г. Мурзаева, стр. 87, 88; см. также нѣсколько случаевъ въ Ферганской обл., въ Оренбургск. губ. и у бурятъ въ кн. г. Карелина, стр. 256, 257.

которая, давая таковое и иногда даже помогая при устройствѣ мельницы разными работами, соблюдаетъ въ то же время свои интересы (а иногда и интересы другихъ мельниковъ), либо обязывая мельниковъ молоть членамъ общины по пониженной таксѣ, либо облагая ихъ арендной платой, либо, наконецъ, условливаясь, что чрезъ извѣстный срокъ (12—20 лѣтъ и т. п.) мельница безвозмездно поступаетъ въ собственность общества. Общинныя мельницы, получившія начало, повидимому, чаще всего, именно, этимъ путемъ, а иногда купленыя или построенныя самими общинами, встрѣчаются уже иногда въ Западной Сибири, а въ центральной Россіи онѣ встрѣчаются уже по 2—5—12—20 и болѣе на уѣздъ, такъ что, повидимому, и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ постепеннымъ процессомъ обобществленія [1])...

§ 6.

Въ прослѣженной сейчасъ эволюціи владѣнія экстенсивными угодьями мы могли съ особенной ясностью прослѣдить развитіе общиннаго права на трудъ, такъ какъ оно здѣсь разросталось болѣе или менѣе свободно, почти или вовсе не встрѣчая противодѣйствія со стороны индивидуальнаго права труда (затраченнаго).

Въ дополненіе къ этому очерку мы теперь вкратцѣ разсмотримъ прямо противоположные случаи эволюціи владѣнія наиболѣе интенсивными угодьями: такъ называемыми усадебными и пріусадебными землями. Если вѣрно наше положеніе о томъ, что каждая отдѣльная деталь общинной организаціи и каждый моментъ ея трансформаціи представляютъ равнодѣйствующую двухъ началъ обычнаго крестьянскаго права — права на трудъ и права труда, то во владѣніи этими угодьями, по отношенію къ которымъ наиболѣе сильно личное право труда, мы должны a priori ожидать наименьшаго развитія общинныхъ нормъ и вообще максимума личнаго и минимума общиннаго права. Посмотримъ, такъ ли это въ дѣйствительности.

Нужно прежде всего отмѣтить, что и по отношенію къ усадебнымъ угодьямъ мы, несомнѣнно, наблюдаемъ ту же самопроизвольную внутри-общинную эволюцію обычнаго права, какъ по отношенію ко всѣмъ другимъ угодьямъ, несмотря на то, что усадебныя земли закономъ поставлены въ особое положеніе. А именно земля „подъ крестьянскими жилыми, хозяйственными, промышленными, обществен-

[1]) См. упомянутыя въ предыдущихъ примѣчаніяхъ статьи и книги и г. В. В. стр. 559—562, а также интересно описаніе душевого пользованія мельницами (по очереди по суткамъ) въ Туринск. окр. Тобольск. губ.; см. „Мат. Зап. Сиб.“, в. XIII, стр. 129—130. Весьма также любопытны факты и выводы о формахъ владѣнія мельницами въ статьѣ г. Щербины по Воронежскому у. (См. Сб. по этому у. стр. 60); между прочимъ г. Щербина выводитъ и для пользованія водою, какъ механическимъ двигателемъ, то же общее правило, что общинныя его ограниченія начинаются съ момента, когда оно начинаетъ приносить ренту...

ными и всякими другими строеніями съ принадлежащими къ нимъ въ чертѣ селенія или поселка крестьянскими огородами, садами, конопляниками, гумнами, хмѣльниками, пчельниками, левадами, займищами и другими угодьями, а также водопоемъ, выпускомъ для скота и промежутками между крестьянскими строеніями, кромѣ проулковъ, нужныхъ для проѣзда" („Мѣстн. Велик. Пол.", ст. 37),—вся эта земля, кромѣ той ея части, которая состоитъ въ общественномъ пользованіи, должна быть въ подворно-наслѣдственномъ владѣніи, при чемъ она „переходитъ къ наслѣдникамъ согласно существующему въ каждой мѣстности обычному порядку наслѣдованія" (ст. 110), но уступить эту землю другому крестьянинъ можетъ, какъ и весь надѣлъ, лишь съ согласія общества и только однообщественнику (ст. 109); и только въ случаѣ выморочности усадебные участки поступаютъ въ полное распоряженіе общины (111). Этотъ установленный сверху закономъ порядокъ въ дѣйствительности наблюдается, повидимому, лишь въ томъ меньшинствѣ общинъ, гдѣ онъ соотвѣтствуетъ реальнымъ условіямъ владѣнія, въ большинствѣ же обычное право въ данный моментъ уклоняется отъ него либо въ сторону еще бо́льшаго перевѣса личнаго права, либо, напротивъ, въ направленіи общинной нормировки, и притомъ, въ общемъ, проходитъ, по мѣрѣ сокращенія размѣровъ землевладѣнія, чрезъ многоразличныя видоизмѣненія какъ первой, такъ и второй системы.

Само собой разумѣется, что при полномъ земельномъ просторѣ, владѣніе усадебными и пріусадебными землями—такое же неограниченное семейно-захватное, какъ и всѣми другими угодьями. Въ этотъ періодъ личныя права по отношенію къ усадьбамъ обыкновенно еще гораздо шире, чѣмъ они опредѣлены закономъ: каждый, напримѣръ, можетъ отчуждать усадьбы не только однообщественникамъ, но и постороннимъ и притомъ безъ всякаго спроса о томъ „міра". Такая же полная семейно-наслѣдственная собственность остается во многихъ общинахъ и въ періодъ общинно-передѣльнаго владѣнія, но уже именно по отношенію лишь къ самой усадьбѣ, т.-е. только постройкамъ и двору, а не къ пріусадебнымъ землямъ. Но, обыкновенно, по мѣрѣ сгущенія населенія и вздорожанія прилегающей къ селенію земли происходитъ тотъ процессъ ограниченія, который мы уже частью прослѣдили въ предыдущей главѣ: для занятія новыхъ усадебъ требуется мірской „отводный приговоръ" и т. п.; для усадебъ вырабатывается максимальная и минимальная норма и т. д.; обыкновенно при этомъ начинаетъ практиковаться и предусмотрѣнный въ законѣ контроль общины надъ переуступкой усадебъ особенно лицамъ постороннимъ. Наконецъ, при значительной земельной тѣснотѣ развиваются часто даже нѣкоторые какъ бы суррогаты усадебныхъ передѣловъ: обыкновенно усадьбы перемѣриваются, назначается норма, и тѣ хозяева, у кого окажется больше нормы, или лишаются за это соотвѣтственной части причитающейся имъ пахотной земли (иныя общины за десятину усадебной земли вычитаютъ десятину же, но самой лучшей пашни, другія $1^1/_2$ десятины, 2 десятины и т. д.), или облагаются де-

нежнымъ сборомъ (болѣе или менѣе значительнымъ и идущимъ либо въ уплату части податей, либо на мірскія надобности, а иногда даже на водку). Формальные передѣлы усадебъ въ натурѣ со сносомъ построекъ, конечно, почти никогда не происходятъ (хотя нѣсколько случаевъ такого фанатическаго примѣненія общинно-передѣльнаго начала я все-таки встрѣтилъ по Самарской и Тверской губ. [1]), но они, едва-ли не какъ общее правило, совершаются въ тѣхъ достаточно частыхъ случаяхъ, когда эти постройки уничтожаются пожарами: обыкновенно, выгорѣвшая (вся или частью) деревня выстраивается по новому плану со строго уравненными усадебными мѣстами.

Такимъ образомъ, въ эволюціи владѣнія собственно усадьбами мы находимъ, именно, то, что должны были ожидать a priori: общинное право на трудъ проходитъ тутъ наименьшій путь и не успѣваетъ доразвиться до настоящаго передѣльнаго порядка; а что это не вызывается закономъ, а обусловливается, именно, сравнительно огромнымъ въ данномъ случаѣ личнымъ правомъ затраченнаго труда, это съ очевидностью доказывается и косвенной системой компенсаціи усадебной неуравнительности отрѣзкой земли или денежной приплатой, и сейчасъ указанными случаями моментальнаго выступленія на сцену общиннаго уравненія, какъ только эти затраченные труды уничтожены стихійной силой, да и многими другими соображеніями...

Тѣ же принципы оправдываются и относительно наиболѣе интенсивныхъ изъ приусадебныхъ угодій, изъ коихъ главныя—сады и пчельники [2]).

Пчеловодство, несомнѣнно, представляетъ одинъ изъ интенсивнѣйшихъ промысловъ, такъ какъ требуетъ значительной затраты труда и притомъ въ результатахъ своихъ много зависитъ отъ вниманія, знаній, ловкости и др. индивидуальныхъ свойствъ. Поэтому и владѣніе небольшими участками, занятыми пасѣками, бываетъ всегда такимъ же подворно-наслѣдственнымъ, какъ и владѣніе усадьбой, и возможны лишь внѣшнія и сравнительно незначительныя его ограниченія. Такъ, напримѣръ, въ Сибири обычай требуетъ, чтобы всякая новая пасѣка основывалась не слишкомъ близко отъ уже существующей (такъ какъ болѣе сильная пчела можетъ истреблять слабую), да иногда, какъ мы уже видѣли въ Енисейской губ., община отводитъ пасѣчникамъ мѣста подъ пасѣку, въ иныхъ случаяхъ отрѣзая ихъ у другихъ заимщиковъ; такіе же отводы констатированы и въ уральской казачьей общинѣ... [3]).

Значительно большій интересъ представляютъ способы владѣнія садами (фруктовыми, ягодными, виноградными), которые мѣстами у

---

[1]) См. напримѣръ, „Св. сб. по Тверск. губ.“, т. XII, в. I, стр. 47—48 и „Свод. сб. по Самар. губ.“, стр. 31; въ Самарской губ. при этихъ передѣлахъ усадебъ постройки (риги, амбары и т. п.) переносятся на другое мѣсто на счетъ общества.

[2]) И тѣ и другіе, впрочемъ, часто въ Сибири, а иногда и въ Европейской Россіи устраиваются отдѣльно отъ усадебъ, но это не измѣняетъ характера владѣнія ими.

[3]) См. „Мат. Енис. губ.“, т. IV, в. 3 и „Оч. общ. хоз. ур. каз.“, „Сѣв. Вѣстн.“, 1890 г. 5 кн., стр. 60.

крестьянъ значительно распространены и составляютъ у многихъ изъ нихъ весьма серьезную доходную статью. Напримѣръ, въ Хвалынскомъ у. Саратовской губ. насчитано у крестьянъ до 1500 дес. подъ садами (и иные получаютъ отъ одной вишни 100—200 руб. въ годъ), а въ Мелитопольскомъ у. Таврической губ. даже до 16,000 дес., такъ что, напр., въ одномъ только большомъ (болѣе 15 тыс. душъ) селеніи оказалось подъ виноградниками и садами 1,149 дес., при чемъ у иныхъ хозяевъ оказывалось по нѣсколько десятинъ и даже до 15 дес. сада [1]). И чѣмъ болѣе развито садоводство, тѣмъ болѣе, повидимому, строго примѣняется къ нему личное право владѣнія. Повсюду садъ составляетъ какъ бы личную собственность хозяина, разведшаго его, и обыкновенно наслѣдуется, продается и пр. безъ всякаго контроля со стороны общины. Передѣловъ садовъ почти не отмѣчено; при этомъ относительно нѣсколькихъ случаевъ такихъ отрѣзокъ части садовъ отъ одного хозяина другому, указанныхъ въ Московской губ. [2]), интересно замѣтить, что тутъ часто потерявшій часть сада хозяинъ получаетъ за то денежное вознагражденіе или даже имѣетъ право въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пользоваться урожаемъ, при чемъ уходъ за садомъ лежитъ уже не на немъ, а на новомъ владѣльцѣ, такъ что послѣдній пріобрѣтаетъ садъ тоже съ предварительной затратой неокупающагося немедленно труда, а первый хотя частью получаетъ возмѣщеніе своей первой затраты труда. Обыкновенно же поравненіе садовъ достигается косвеннымъ путемъ: либо они облагаются денежнымъ сборомъ, либо сады „выворачиваются“ (выверстываются, вычитаются) изъ пашни и т. п., а въ нѣкоторыхъ случаяхъ при очень большихъ садахъ практикуется одновременно и то и другое. Необходимо при этомъ замѣтить, что очень часто эта компенсація устраивается по предложенію общины частнымъ соглашеніемъ между сосѣдями... Совершенно тотъ же порядокъ, что и по отношенію къ садамъ, наблюдается и въ случаяхъ насажденія отдѣльными хозяевами лѣса; напримѣръ, въ Мелитопольскомъ у. нѣсколько общинъ отвели участки неудобной земли подъ засадку шелюгомъ, и при этомъ хотя засадка производилась сначала по числу ревизскихъ, а потомъ наличныхъ душъ, т. е. уравнительно, но потомъ поступала въ полную собственность произведшихъ ее хозяевъ [3]).

Что касается, наконецъ, владѣнія участками подъ другими интенсивными культурами, обыкновенно примыкающими къ усадьбамъ, но часто и отдѣльными отъ нея, — табачными плантаціями, огородами, баштанами, конопляниками и т. п., то это владѣніе представляетъ уже формы, переходныя и аналогичныя съ владѣніемъ пашней. Во-первыхъ, они уже почти никогда не остаются, какъ это довольно часто бываетъ съ усадьбами, навсегда захватно-неравномѣрными, а подвергаются такимъ же уравнительнымъ передѣламъ, какъ и пашня.

---

[1]) См. прекрасныя статьи С. Харизоменова въ зем. стат. сб. по Хвалынскому (стр. 48) и Мелитопольскому у. (стр. 77—78).

[2]) См. „Сб. ст. св. по Моск. губ.“, т. IV, в. I, ст. В. И. Орлова, стр. 81 и др.

[3]) См. „Сб. ст. св. по Таврич. губ.“, т. I, в. II, стр. 78—82.

Затѣмъ, для нихъ уже почти всегда дѣйствуетъ принципъ душевого, а не двороваго поравненія, т. е. въ то время, когда самыя мѣста подъ строенія, дворъ и т. п. отводятся каждой семьѣ одинаковыя, участки подъ интенсивныя культуры уже нарѣзываются пропорціонально размѣрамъ семьи, т. е. по числу въ ней душъ или количеству рабочихъ силъ. Наконецъ, они уже передѣляются обыкновенно въ натурѣ такъ же, какъ и другія угодья, и лишь по отношенію къ наиболѣе интенсивнымъ изъ нихъ еще примѣняется часто система полнаго оставленія участковъ за хозяевами съ отрѣзкой или прирѣзкой за то пашни (или сѣнокоса и т. п.); при этомъ, однако, очень часто передѣлы этихъ угодій совершаются значительно рѣже и при нихъ стараются обыкновенно оставлять каждаго хозяина на прежнемъ участкѣ, лишь отрѣзая или прирѣзая излишнее или недостающее; также рѣже бываютъ и чисто качественныя поравненія, — такъ называемыя переверстки, жеребьевки [1]). Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, данная интенсивная культура обусловливается лишь особенностями расположенія, почвы, поливки и т. п., а не затратой удобренія и исключительно тщательнаго воздѣлыванія, т. е. когда, значитъ, преобладаетъ право на трудъ, благодаря рентной цѣнности этихъ угодій, чѣмъ право затраченнаго труда,—тогда общинно-уравнительные ихъ передѣлы развиваются иной разъ даже скорѣе и интенсивнѣе, чѣмъ передѣлы пашни [2]). Такъ, напримѣръ, огороды въ Сибири повсюду обыкновенно въ захватномъ владѣніи, но въ волостяхъ, пригородныхъ къ Томску, гдѣ они очень велики и доходны, общины не позволяютъ захватывать подъ огородъ больше извѣстной нормы, а въ одной общинѣ близъ Красноярска, снабжающей городъ овощами, постепенными отрѣзками установлена даже полная равномѣрность огородовъ, затѣмъ, въ той части Ишимскаго округа, гдѣ коноплеводство представляетъ одинъ изъ главныхъ источниковъ благосостоянія и удобными для унаваживанія подъ конопляники участками очень дорожатъ, эти участки были передѣлены на души еще когда всѣми остальными угодьями владѣли захватно, и т. д. [3]). Иногда же, наконецъ, когда на пріусадебныхъ земляхъ не возникаетъ никакой интенсивной культуры, а на нихъ (особенно на огуменникахъ) образуются, напримѣръ, небольшіе сѣнокосы и т. п., тогда тутъ развиваются самыя обыкновенныя передѣльныя формы...

Въ этомъ бѣгломъ очеркѣ я могъ намѣтить только самыя общія и типичныя черты въ формахъ и фазисахъ владѣнія усадебными и пріусадебными землями. Но ихъ, полагаю, вполнѣ достаточно для

---

[1]) См., напр., „Сб. ст. св. по Кузнецк. у.“, ст. Н. Черненкова, стр. 147—150.

[2]) По этому интересному вопросу сгруппировано довольно много данныхъ у г. В. В. „Община“, стр. 477—491 и 501—516 и нѣсколько интересныхъ фактовъ у г. Карелина „Общ. влад.“, стр. 26—29.

[3]) См. А. Кауфманъ „Общ. въ Сиб.“, стр. 218. Такой же порядокъ отмѣченъ для капустниковъ, картофельниковъ, коноплянниковъ въ Хвалынскомъ у., расположенныхъ тутъ обыкновенно отдѣльно отъ усадебъ по теченію рѣкъ, ключей и по влажнымъ ложбинамъ. См. „Сб. ст. св.“ по этому у., статья С. Харизомекова, стр. 46.

установленія основныхъ интересующихъ насъ положеній. Мы ясно видимъ, что въ общемъ, какъ и нужно было ожидать, эти угодья остаются какъ бы островками индивидуализма среди общаго разлива общиннаго права, что именно тутъ въ своемъ домѣ, дворѣ и на прилегающемъ къ нимъ участкѣ (а часто также на особыхъ участкахъ въ другихъ мѣстахъ) каждый хозяинъ остается, дѣйствительно, вполнѣ или почти вполнѣ хозяиномъ, и тутъ наиболѣе или даже единственно можетъ обнаруживаться, по выраженію В. И. Орлова, „личная инициатива, своеобразная предпріимчивость отдѣльныхъ домохозяевъ“ [1]), могущихъ въ зависимости отъ сельскохозяйственныхъ условій завести пасѣку, садъ — фруктовый, виноградный или ягодный, устроить огородъ для самыхъ высокихъ культуръ, какъ клубника и т. п., и кончая свеклой, капустой и картофелемъ, могущихъ культивировать коноплю, табакъ, подсолнечникъ, кукурузу, арбузы и дыни, медовыя и лѣкарственныя растенія, дѣлать опыты травосѣянія и др. культуръ и т. д. Не менѣе очевидно, что именно въ этой индивидуальной инициативѣ и индивидуальномъ трудѣ, заключающихся въ усадебныхъ угодьяхъ, а не постановленіяхъ закона, лежитъ основаніе этого столь полнаго личнаго на нихъ права: лучше всего это доказывается исключеніями изъ этого правила,—тѣми случаями, когда рядомъ съ полной собственностью на строенія, съ почти настолько же неприкосновеннымъ личнымъ правомъ на многолѣтнія культуры на пріусадебныхъ участкахъ, устанавливаются самыя рѣшительныя общинно-передѣльныя нормы по отношенію къ однолѣтнимъ и менѣе интенсивнымъ культурамъ на этихъ же участкахъ...

Такимъ образомъ, и на этомъ полюсѣ господства личнаго права на интенсивныхъ угодьяхъ мы такъ же получаемъ равнодѣйствующую права труда и права на трудъ, какъ и на противоположномъ полюсѣ,— въ ультра-общинныхъ формахъ владѣнія экстенсивными угодьями. Пора теперь прослѣдить это правило и въ главномъ центральномъ пунктѣ, гдѣ ни личное, ни общинное право не побѣждаютъ и не исчезаютъ окончательно,—во владѣніи пахотными угодьями. Но предварительно резюмируемъ нѣсколько отчетливѣе самыя эти личное право труда и общинное право на трудъ въ ихъ происхожденіи и основаніяхъ.

§ 7.

Какъ было уже сказано, право каждаго члена общины на трудъ и орудія труда—въ данномъ случаѣ землю,—является тѣмъ зерномъ, изъ котораго вырастаетъ община, и оно необходимо заключается уже въ семейно-захватномъ правѣ, представляющемъ только, съ одной стороны, право на захваченную землю, поскольку въ нее вложенъ трудъ, а съ другой—также право каждаго на захватъ, на трудъ на ничьей землѣ. Каковы основанія этого права на трудъ? Общее его основа-

[1]) „Сб. ст. св. Моск. г.“, т. IV, в. I, стр. 78.

ніе—это право всѣхъ людей на существованіе, т. е. на удовлетвореніе всѣхъ потребностей. Это послѣднее право въ общемъ смыслѣ признается, собственно говоря, всѣми цивилизованными людьми: всякій возмущается смертью бѣдняковъ, умершихъ отъ голода, истощенія или холода и т. п., и въ этомъ возмущеніи необходимо подразумѣвается признаніе права за всякимъ человѣкомъ на существованіе. Но такого рода „право“ имѣетъ, во-первыхъ, скорѣе моральный, а не политико-юридическій характеръ и поэтому, во-вторыхъ, изъ него выводится не право на производительный трудъ, обезпечивающій существованіе, но лишь право на извѣстный минимумъ продуктовъ потребленія, минимально удовлетворяющихъ потребности и предохраняющихъ на время отъ смертныхъ случаевъ (такое имѣетъ значеніе, напр., помощь пищей и одеждой голодающимъ и т. п.). Только это морально-благотворительное пониманіе права на существованіе и господствуетъ теперь въ обществѣ; политическое же его толкованіе, выводящее изъ права каждаго человѣка на существованіе право каждаго на трудъ и, значитъ, въ той или иной формѣ, на пользованіе орудіями труда, лишь косвенно начинаетъ признаваться государствомъ и господствующими слоями населенія и лишь частично иногда осуществляется въ видѣ, напр., мѣръ противъ безработицы, страхованія работающихъ, или хотя бы, напр., общественныхъ работъ въ извѣстныхъ случаяхъ, или организуемаго государствомъ и земствомъ снабженія лошадьми обезсилѣвшихъ крестьянскихъ хозяйствъ и т. п.

И вотъ именно послѣдняго рода конкретное представленіе о правѣ на трудъ, вытекающемъ изъ права на существованіе, широко сыздавна развилось и до сихъ поръ, несомнѣнно, существуетъ среди русскихъ крестьянъ. Оно развилось на самой глубокой и реальной почвѣ. „Исторія Россіи—исторія колонизаціи“. И въ теченіе всей этой долгой колонизаціонной исторіи Россіи значительныя массы крестьянъ, разселявшихся по окраинамъ, воспитывались въ привычкѣ „права на трудъ“: они видѣли вокругъ себя „вольную“, „ничью“, „Божью“, „царскую“ землю, свободную отъ личнаго права затраченнаго труда, открытую для „вольнаго захвата“ каждому, и безсознательно изъ поколѣнія въ поколѣніе усваивали взглядъ, что поскольку каждый крестьянинъ имѣетъ право существовать, постольку онъ имѣетъ право добывать себѣ все необходимое обработкой этой „ничьей“ земли; право жить слилось съ правомъ обрабатывать землю, „кормиться отъ земли“. Этотъ взглядъ и эта привычка врядъ ли могли бы и сами по себѣ сразу уступить мѣсто праву труда послѣ занятія всей земли подъ обработку, но въ дѣйствительности они обыкновенно и совсѣмъ не уступали, такъ какъ всегда, кромѣ этого сравнительно, быть можетъ, смутнаго и отвлеченнаго мотива, искони существовалъ еще и другой крайне конкретный и глубокій корень права на трудъ: это тѣ наложенныя на крестьянство обязанности, податныя и личныя, которыя безусловно были бы невыполнимы безъ пользованія извѣстнымъ количествомъ земли. Такъ что даже допустивъ, что крестьянинъ не сознаетъ

своего права жить отъ земли, мы никакъ уже не можемъ отрицать у него сознанія своего права платить съ земли... Полагаю, что въ этомъ изображеніи „права на трудъ“ никто ни найдетъ „подкрашиванія мужицкихъ идеаловъ“, такъ какъ такого сорта „правосознаніе“ предположимо не только „на границѣ человѣка“, но, пожалуй, и у служащихъ человѣку животныхъ [1]).

Итакъ, не предрѣшая, въ какой именно степени право каждаго крестьянина вообще и каждаго плательщика въ особенности кормиться собственнымъ трудомъ отъ земли основано въ сознаніи крестьянъ на правѣ на существованіе, а въ какой — на обязанности нести государственныя повинности, мы должны только констатировать несомнѣнную силу, глубину и реальность этого права, составляющаго основное зерно общиннаго владѣнія [2]).

---

[1]) Необходимо при томъ подчеркнуть, что это общее право крестьянъ, какъ сословія, на землю отнюдь не есть какая-нибудь чисто крестьянская фантазія или фикція, только временно пощаженная дѣйствительностью: это право, очевидно, всегда признавалось или, по меньшей мѣрѣ, не отрицалось въ Россіи не только государствомъ, съ 18 столѣтія постоянно, періодически при ревизіяхъ надѣлявшимъ государственныхъ крестьянъ для отбыванія повинностей по извѣстной нормѣ землей, но также и помѣщиками, отводившими землю всѣмъ крестьянскимъ семьямъ по мѣрѣ ихъ вступленія въ крѣпостное рабочее „тягло“, что, собственно, и выражено въ извѣстной формулѣ крѣпостныхъ крестьянъ: „мы ваши, а земля—наша“. Въ настоящее же время общее право крестьянъ на землю не менѣе ярко признано въ законѣ о переселеніяхъ на „вольныя“ земли восточной окраины, дозволенныхъ всѣмъ крестьянамъ вообще, поскольку они въ нихъ нуждаются и могутъ ихъ осуществить, при чемъ на практикѣ и по послѣднему дополненію къ указанному закону землю получали и должны впредь получать и тѣ крестьяне, которые переселились „самовольно“ (безъ установленнаго по закону предварительнаго административнаго разрѣшенія), только во вторую очередь и безъ нѣкоторыхъ льготъ, предоставленныхъ переселяющимся съ формальнаго разрѣшенія.

Что вообще обрисовываемое мною здѣсь право на трудъ не представляетъ мало обоснованнаго отвлеченнаго обобщенія, а сознается хотя отчасти и въ обществѣ, этому можно бы привести много характерныхъ примѣровъ; ограничусь въ качествѣ такого образчика только слѣдующимъ особенно любопытнымъ разсужденіемъ г. Гр. Шрейдера („С.-Петерб. Вѣд.“, мартъ 1899 г.). Разбирая дворянскіе проекты переселенія дворянъ въ Сибирь и надѣленія ихъ тамъ землею, онъ говоритъ, что „можно было бы только порадоваться тому, если бы въ самомъ дѣлѣ среди безземельнаго дворянства явилось стремленіе сѣсть на землю и заняться производительнымъ трудомъ. И была бы нелѣпою и напрасною попытка доказывать, что безземельный дворянинъ не имѣетъ такого же права на трудъ (курсивъ автора), слѣдовательно, и на землю, какое признается за крестьяниномъ. А въ такомъ случаѣ, надѣляя землею крестьянъ-переселенцевъ, нѣтъ никакихъ основаній отказывать въ одинаковомъ, на тождественныхъ началахъ построенномъ, надѣленіи землею и переселенцевъ дворянъ, ибо равныя права должны получить и равное удовлетвореніе.“ Какъ видимъ, г. Шрейдеръ не только совершенно отчетливо выясняетъ нашъ принципъ, но даже употребляетъ и подчеркиваетъ именно нашъ терминъ...

[2]) Прошу извиненія за крайнюю бѣглость этого очерка вопроса, заслуживавшаго бы самаго тщательнаго изслѣдованія: это обусловливается отчасти ограниченными размѣрами моей работы, отчасти же самымъ свойствомъ вопроса, требующаго чисто исторической разработки, не составляющей сейчасъ моей задачи. Что касается, впрочемъ, имѣющихся уже въ литературѣ попытокъ анализа этого правового принципа, называемаго мною „правомъ на трудъ“, то таковыхъ я встрѣтилъ лишь очень мало, да и тѣ разбираютъ вопросъ лишь въ самой общей

Но чрезвычайно сильно и личное право труда. Мнѣ кажется, что основаніе права на землю у обработавшаго ее, собственно говоря, совершенно аналогично съ правомъ родителей на ихъ ребенка. Какъ ребенокъ есть органическая и функціональная частица организма отца и матери, есть матеріальная частица ихъ, такъ и земля въ обработанномъ видѣ относится къ земледѣльцу, какъ слѣдствіе къ причинѣ, есть матеріальная частица его, ибо она заключаетъ въ себѣ въ превращенной формѣ часть энергіи его организма [1]).

и по большей части весьма смутной формѣ. Приведу поэтому для примѣра лишь два такого рода опредѣленія, сравнительно болѣе отчетливыхъ и принадлежащихъ выдающимся изслѣдователямъ. А именно, напр., г. Ѳ. Щербина противопоставляетъ личному трудовому началу (наилучше анализированному г-жей Ефименко) начало „общественной солидарности", повидимому, равнозначущее въ общемъ тому, что я понимаю подъ правомъ на трудъ. „Трудовое начало оказывается факторомъ, регулирующимъ по преимуществу успѣхъ и направленіе личнаго дѣла общинника. Принципъ общественнаго блага служитъ высшей нормой, опредѣляющей конечный результатъ частнаго предпріятія въ общинной жизни и при помощи общинно-земельной собственности". Признавая въ самомъ дѣлѣ регулирующую роль въ обычномъ правѣ за однимъ только трудовымъ началомъ, совсѣмъ нельзя было бы объяснить такихъ фактовъ, какъ переходъ заимокъ, возникшихъ при помощи частнаго предпринимательскаго труда, отъ заимочника къ лицамъ, до того положительно не пошевельнувшимъ пальцъ о пальцъ на приведеніе заимки въ надлежащій видъ"... „Въ свое время до появленія общинныхъ передѣловъ дѣйствительно трудовое начало оказывалось въ этомъ отношеніи могучимъ и единственнымъ въ своемъ родѣ факторомъ. Но когда измѣнились внѣшнія условія, благопріятствующія такому порядку дѣлъ, въ обычно-правовыя отношенія въ затронутой нами области былъ внесенъ и другой элементъ общественной солидарности, подчинившій личные интересы предпринимателя интересамъ общины". (См. ст. г. Ѳ. Щербины въ „Рус. М." за 80 г. „Сѣверо-русская свободная заимка земель," стр. 105—107). Этотъ же элементъ „общественной солидарности" разсматриваетъ г. Щербина подъ названіемъ „круговой поруки„ (въ самомъ широкомъ смыслѣ въ статьѣ „Прародительница общинно-земельныхъ порядковъ". „Сѣв. В.", 86 г., II кн.). Послѣднее понятіе, пожалуй, еще ближе къ нашему „праву на трудъ"...

Еще болѣе приближаются къ послѣднему и разсужденія г. Капустина въ его статьѣ „Очерки порядковъ поземельной общины въ Тобольской губ." (См. Литерат. Сборникъ, прилож. къ „Вост. Обозр." за 85 г.). „Въ Сибирской общинѣ, говоритъ онъ,—точно такъ же, какъ и въ россійской, главное начало, зиждущее общину, лежитъ не въ землѣ, а въ трудѣ; земли можетъ и не быть, а существованіе общиннаго строя жизни все-таки будетъ продолжаться"... И затѣмъ: „Обѣднѣвшіе хозяева, исходя изъ присущаго общинному складу жизни начала равненія, или говоря иначе, обезпеченія каждому возможности трудиться, потребуютъ осуществленія для себя этого начала... Законность требованія бѣдныхъ понимается всѣми членами общины—и богатыми и среднезажиточными, которые въ душѣ исповѣдываютъ указанный принципъ и на дѣлѣ постоянно проявляютъ его"... (мой курсивъ).

[1]) Если только нужно доказывать, что въ этой аналогіи нѣтъ никакого преувеличенія, то это едва ли не ярче всего проявляется въ возможности обратной аналогіи, т. е. объясненія отношенія матери къ ребенку, какъ отношенія собственника къ вещи; такую аналогію я встрѣтилъ, напримѣръ, у Бена. „Въ любви матери къ ребенку встрѣчается усиливающее обстоятельство, возникающее изъ первоначальнаго отношенія къ ней самой и особеннаго употребленія ея энергіи, направленной на поддержаніе жизни ребенка. Такое сочетаніе собственныхъ интересовъ и ассоціацій серьезной заботливости могло бы при извѣстныхъ обстоятельствахъ запечатлѣть извѣстный предметъ

Понятно, что болѣе глубокаго и твердаго основанія для права владѣнія не можетъ быть, и это основаніе, дѣйствительно, столь же глубоко сознается самимъ земледѣльцемъ и даже почти буквально формулируется имъ, когда онъ отстаиваетъ свои права на землю, „орошенную его потомъ“, или, по замѣчательному выраженію корана, „оживленную“ имъ... На этомъ-то болѣе или менѣе ясномъ сознаніи, что обработанная земля неотъемлемо принадлежитъ обработавшему ее, такъ какъ въ нее неотдѣлимо заключена частица его самого, и основывалось трудовое право на землю, существовавшее едва ли не у всѣхъ народовъ въ извѣстный, по крайней мѣрѣ, періодъ ихъ исторіи; это право, собственно, вполнѣ теоретически всѣми признаваемое и въ настоящее время, съ особенной ясностью выступаетъ именно въ захватный періодъ, — когда земельныя права только зарождаются и складываются [1])...

Изъ сказаннаго читатель достаточно ясно видитъ, какъ упорна и ожесточенна должна быть борьба между этими непримиримо антагонистичными и принципіально одинаково неоспоримыми правами. Но они бываютъ то сильнѣе, то слабѣе: право на трудъ усиливается по мѣрѣ сокращенія размѣровъ землевладѣнія и, значитъ, обостренія потребности въ землѣ, а право труда—по мѣрѣ интенсификаціи земледѣлія, т. е. увеличенія затраты въ нее труда. Сообразно съ комбинаціями этихъ двухъ условій и опредѣляются типы и фазы владѣнія различными угодьями. Такимъ образомъ, общинная организація представляетъ намъ какъ бы соединеніе нѣсколькихъ отдѣльныхъ ростковъ, изъ которыхъ каждый развивается и развѣтвляется въ томъ особомъ направленіи и до того извѣстнаго именно предѣла, которые обусловливаются относительной силой въ нихъ права на трудъ и права труда. Выше всѣхъ вырастаетъ обобществленіе наиболѣе экстенсивнаго угодья—пастбища; отъ него нѣсколько отстаетъ владѣніе сѣнокосами и лѣсами, въ отдѣльныхъ случаяхъ, впрочемъ, поднимающееся до того же уровня; ростки общиннаго права въ пользованіи плодами и животнымъ населеніемъ лѣсовъ, степей и водъ часто или даже обыкновенно достигаютъ значительной высоты, но затѣмъ чаще всего отмираютъ вслѣдствіе крайняго истощенія этихъ угодій; наконецъ, во владѣніи усадебными и пріусадебными землями сѣмена общиннаго начала часто совсѣмъ остаются безъ развитія и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ сравнительной слабости личнаго права даютъ жизнеспособные, но все-таки не очень высокіе ростки.

въ умѣ: домъ или садъ, занимающіе такое положеніе, возрастаютъ въ чувствахъ владѣтеля“... (А. Бенъ. „Психологія“, рус. пер., стр. 262—263; курсивъ мой).

[1]) Вотъ какъ, напр., формулировали на вопросъ изслѣдователей современные потомки запорожскихъ казаковъ тогдашнее заимочное право: „полковникъ могъ занять такое пространство, какое съ одного мѣста окинетъ окомъ, сотникъ—сколько въ день объѣдетъ верхомъ, а казакъ—сколько въ день опашетъ сохою“. (См. „Сб. ст. св.“ по Суран. у. Черниг. г. стр. 7). Какъ видимъ, трудно было бы яснѣе и нагляднѣе формулировать два основныхъ источника завладѣнія: силу и трудъ, войну и производство, оружіе и орудіе...

Въ общемъ, въ этомъ развитіи общинной организаціи на экстенсивныхъ угодьяхъ, обыкновенно представляющемъ какъ бы первые ея побѣги, (а также частью и въ первой нормировкѣ усадебныхъ земель и въ связанныхъ со всѣмъ этимъ процессомъ передѣлахъ), развивается и накопляется сильный запасъ общинной, такъ сказать, энергіи, — сознанія общиннаго права на всѣ угодья и привычки распорядительства ими, который затѣмъ питаетъ и ускоряетъ развитіе и основного ствола общины, — общинно-передѣльнаго владѣнія пашней. Къ разсмотрѣнію этого послѣдняго центральнаго въ эволюціи общины момента мы и перейдемъ теперь.

§ 8.

Если я вынужденъ былъ остановиться хотя на основныхъ деталяхъ эволюціи владѣнія угодьями, считаемыми обыкновенно второстепенными,—частью потому, что они или все-таки необходимы, или въ отдѣльныхъ случаяхъ выступаютъ даже въ своемъ хозяйственномъ значеніи на первый планъ, частью же для уясненія эволюціи пашневладѣнія,—то понятно, что теперь приходится съ еще большей подробностью очертить этотъ поворотный моментъ первыхъ передѣловъ пашни, приходится какъ можно пристальнѣе вглядѣться и разобраться въ томъ, *почему и какъ именно* совершается эта самая важная въ развитіи общины побѣда общиннаго права на трудъ надъ личнымъ правомъ труда.

А. Прежде всего мы можемъ замѣтить, что есть случаи, въ которыхъ личнаго права затраченнаго труда вовсе не существуетъ также ни въ пашнѣ, ни въ другихъ интенсивныхъ угодьяхъ: это — когда самая *первоначальная* ихъ *разработка* совершается *общиной*. Понятно, что тутъ право труда переходитъ къ общинѣ и тѣмъ самымъ сливается съ правомъ на трудъ. Случаи такой общинно-артельной разработки, вообще говоря, рѣдки, но все-таки они встрѣчаются повсюду и въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ. Я уже упоминалъ выше объ общинной разработкѣ пастбищъ въ Кубанской обл., объ устройствѣ кедровыхъ рощъ въ Томскомъ окр., и т. п. Но часто также самая первоначальная расчистка лѣса подъ пашню производится общиной-артелью; такіе случаи отмѣчены не только въ Сибири, но и въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи, какъ, напр., въ Хвалынскомъ у. Саратовской губ., въ Орловскомъ у. Вятской губ., и т. д. [1]). Особенно же часты случаи общинной разработки сѣнокосовъ; напр., въ Иркутской и Енисейской гг. отмѣчено замѣтное число случаевъ общиннаго устройства орошаемыхъ покосовъ (такъ называемыхъ „богуловъ“ или „мочаговъ“) путемъ вырытія всѣмъ обществомъ оросительныхъ канавъ; всѣ такіе

[1]) См. Зем. ст. сб. по Хвалынск. у. и ст. Н. А. Добротворскаго въ „Рус. Мысли“ 84 г., 9 кн., стр. 37.

покосы раздѣляются уравнительно на души или сразу между всѣми общинниками, или сначала временно только между частью общинниковъ, работавшихъ канавы, чтобы вознаградить ихъ трудъ, а потомъ уже—между всѣми. Въ Енисейской же губ. и въ Забайкальской области въ послѣднія десятилѣтія было уже нѣсколько крайне интересныхъ случаевъ устройства орошаемой пашни.[1]). Подобные же случаи общиннаго орошенія, а также и осушенія луговъ и пахотныхъ полей встрѣчаются и въ Европейской Россіи, хотя и имѣютъ слабое практическое значеніе (впрочемъ, кое-гдѣ иныя работы, особенно по осушенію, встрѣчаются часто), но, несомнѣнно, очень важны теоретически, такъ какъ по принципу своему представляютъ максимальную степень и высшую форму развитія общиннаго начала.[2]).

Но помимо этихъ рѣдкихъ случаевъ полнаго отсутствія личнаго права труда въ извѣстныхъ интенсивныхъ угодьяхъ, встрѣчаются, едва ли не какъ общее правило, въ извѣстный періодъ ограниченно-захватнаго и общинно-отводнаго владѣнія такія условія, которыя дѣлаютъ даже при полной реальности этого права пользованіе имъ неудобнымъ для самихъ его обладателей и заставляютъ ихъ хотя отчасти поступаться имъ.

Прежде всего надо указать на крайнюю запутанность, спорность и невѣрность владѣнія при ограниченномъ захватѣ и общинныхъ отводахъ. Уже при первоначальномъ захватѣ участковъ подъ пашню каждый хозяинъ старается имѣть ихъ нѣсколько въ разныхъ мѣстахъ въ силу природныхъ сельскохозяйственныхъ условій (пригодности разныхъ почвъ для разныхъ хлѣбовъ, возможности уберечь на многихъ клочкахъ хоть часть хлѣба отъ града, засухи, изморози и т. п.); затѣмъ же, вслѣдствіе наслѣдованій, дробленій, оспариваній, новыхъ захватовъ, продажъ, общинныхъ отрѣзокъ и т. д., эти черезполосица и мелкополосица достигаютъ, чѣмъ дальше, тѣмъ большихъ размѣровъ и, наконецъ, часто запутываютъ лично-захватные участки въ такой узелъ, который становится почти невозможнымъ распутать при этой же формѣ владѣнія и который можно только разрубить уравнительными передѣлами. Именно такой глубоко любопытный исходъ отмѣченъ изслѣдователями даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ

---

[1]) См. „Мат. по Ирк. и Енис. г.г.“, т. II, в. 3, стр. 231 и т. IV, в. 3. стр. 223—225 и особенно 195—197 и „Матеріалы по Забайк. обл.“, в. 10, стр. 189—190; въ одномъ случаѣ тутъ, напр., часть хозяевъ двухъ сосѣднихъ общинъ „произвели неудобную мѣстность... въ удобную землю посредствомъ прокопа для поливки канавы около 8 верстъ“... (93 стр.). Особенно интересны Ольхонскіе буряты (въ Верхоленскомъ окр. Иркут. г.), которые въ количествѣ 1,172 хозяйствъ орошаютъ 1,064 десят. „утуговъ“, составляющихъ 65% всего количества утуговъ у нихъ; по ихъ словамъ, они унаслѣдовали оросительныя сооруженія отъ монголовъ (ушедшихъ отсюда при приходѣ русскихъ) и въ свою очередь у нихъ ихъ перенимаютъ сосѣднія бурятскія и русскія общины; всѣ работы производятся по наряду общины артелью; вообще артельныя работы всякаго рода, помочи и т. д. сильно тутъ распространены. См. книжку П. Е. Кулакова „Ольхонъ и т. д.“, въ Зап. Геогр. Общ., т. VIII, в. 11).

[2]) См. о такихъ случаяхъ, а также о всякихъ другихъ общинно-оросительныхъ работахъ у г. В. В., стр. 580—586 и у А. Карелина, стр. 206—218.

переходовъ отъ четвертного владѣнія, представляющаго типичный семейный захватъ, уже кристаллизовавшійся въ наслѣдственную собственность, къ общинно-передѣльному: крестьяне иногда тутъ такъ запутывались въ наслѣдственныхъ доляхъ отдѣльныхъ семей, въ хроническихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе спорахъ о нихъ, что не находили иного выхода, какъ въ уравнительномъ передѣлѣ земли по душамъ [1]). Понятно, что такой исходъ послѣ долгаго вполнѣ упрочившагося за много поколѣній семейно-наслѣдственнаго владѣнія можетъ быть только сравнительно рѣдкимъ и обусловливается въ еще большей степени и другими причинами (главнымъ образомъ, стремленіемъ малоземельныхъ получить прирѣзку земли при передѣлѣ); ясно также, что въ нашемъ случаѣ, — въ до-передѣльной стадіи владѣнія, мелкополосица и черезполосица тоже могутъ быть устранены просто новымъ распредѣленіемъ, концентраціей участковъ съ сохраненіемъ прежней доли каждаго, а не съ уравненіемъ этихъ долей по душамъ въ каждомъ семействѣ. Однако, такой исходъ, во-первыхъ, все равно такъ или иначе нарушилъ бы право затраченнаго труда, а во-вторыхъ, онъ уже часто и не приходитъ въ голову общинникамъ въ тотъ моментъ, когда уравнительный передѣлъ пашни подсказывается всей совокупностью условій и отчасти уже необходимо постулируется массой прецедентовъ общиннаго распорядительства: ограниченій захвата пашни, отводовъ ея, передѣловъ податей и другихъ угодій и т. д. Такимъ образомъ, первыхъ передѣловъ ждутъ многіе и изъ тѣхъ хозяевъ, которые, вѣроятно, даже нѣсколько потеряютъ при нихъ количественно, но зато надѣются выиграть въ удобствахъ расположенія участковъ, въ опредѣленности и спокойствіи владѣнія [2]).

Второе неудобство ограниченно-захватнаго владѣнія (едва ли не еще болѣе значительное) представляетъ связанная съ нимъ непрочность владѣнія, невозможность оставить участокъ пашни въ залежъ, чего, однако, обыкновенно требуетъ почва Сибири, изъ боязни, чтобы каждый другой хозяинъ не запахалъ ее себѣ, постоянное ожиданіе отрѣзки части пашни общинной для отвода малолѣтнимъ и т. п.

---

[1]) Напр., у четвертныхъ владѣльцевъ татарской деревни Степные Епали Тетюшскаго у. (Казанской губ.) „единственнымъ лицомъ, знающимъ и вѣдающимъ дѣла односельцевъ, является Хасанъ Исламовъ. „Безъ Хасана бѣда,—горятъ крестьяне, — онъ кончалъ (умретъ) айда споръ, лучше бы ужъ подъ одну шапку". Въ с. Тресномъ при размежеваніи въ половинѣ 50-хъ годовъ „вспомнить роды (т. е. высчитать долю каждаго хозяина по родословной) было почти невозможно, и произошла вообще страшная путаница въ землевладѣніи; малоземельные еще больше раздували ее и добились, наконецъ, составленія приговора объ уравнительномъ раздѣлѣ земли по числу душъ IX ревизіи; многоземельные сначала не соглашались,—имъ хотѣли даже вырѣзать дачи въ особнякъ, но потомъ они уступили". (См. Зем.-Стат. Сборн. по этимъ уѣздамъ). И т. д.

[2]) Очень часто сами крестьяне указываютъ, что перешли къ передѣламъ изъза произвола, борьбы и вражды, неизбѣжныхъ при захватномъ владѣніи. Напр., въ Забайкальск. обл. крестьяне с. Кударинскаго съ видимымъ чувствомъ удовлетворенія сообщили о бывшемъ у нихъ передѣлѣ, ибо раньше „имѣли между собою самовольство въ хлѣбопахатныхъ и луговыхъ мѣстахъ", въ с. Туруншаевскомъ передѣлили „вслѣдствіе общественной вражды" („Мат. по Забайк. обл." в. 10, стр. 92 и 96) и т. д.

Немудрено, что при этихъ условіяхъ у крестьянъ назрѣваетъ крайнее недовольство такимъ порядкомъ, затрудняющимъ уже прямо раціональную при данныхъ условіяхъ систему хозяйства, вносящимъ въ общее землепользованіе крайнюю безпорядочность, чрезмѣрно истощающимъ общинную землю и въ то же время оставляющимъ каждому хозяину меньше свободы въ хозяйствованіи на своемъ участкѣ, чѣмъ онъ имѣлъ бы при уравнительныхъ передѣлахъ на извѣстный срокъ. Немудрено, что большинство начинаетъ выражать желаніе „подѣлить землю, по душамъ, ибо, имѣя душевую землю, хозяинъ могъ бы дать ей отдохнуть не такъ, какъ теперь“... [1]). И т. д.

Въ это же время идутъ и еще два другихъ процесса, также рѣзко антагонизирующихъ съ этой путаницей заимочнаго владѣнія: во-первыхъ, обыкновенно совершается точное разграниченіе между общинами (государственнымъ межеваніемъ или между самими крестьянами), и, значитъ, нѣкоторые заимочники каждой общины теряютъ свои участки, отошедшіе къ другой общинѣ; ясно, что въ этихъ случаяхъ надѣленіе послѣднихъ отрѣзками отъ другихъ, у которыхъ „и такъ земли довольно“, прямо вынуждается при недостаточности свободнаго района захвата. Во-вторыхъ же, на мѣсто множества семейно-заимочныхъ выгоновъ, покосовъ и пашенъ обособляется одинъ общій для всѣхъ общинниковъ выгонъ, одинъ покосъ (или нѣсколько, но точно отграниченныхъ), одна пашня, и при этомъ тоже всегда отдѣльные участки заимочниковъ отходятъ отъ нихъ (покосъ можетъ пойти подъ пашню, пашня подъ покосъ или выгонъ и т. д.) [2]), и ужъ ихъ община не можетъ не надѣлять новыми участками.

Наконецъ, очень часто ко времени первыхъ передѣловъ пашни наступаетъ уже пора интенсификаціи земледѣлія (такъ какъ это именно—періодъ рабочей нормы землевладѣнія), установленія общаго правильнаго сѣвооборота съ пастьбой скота на поляхъ и т. д.; ясно, что этотъ крайне важный шагъ въ общинной систематизаціи земледѣлія долженъ дать сильный и часто рѣшающій толчекъ къ высшей формѣ общинной систематизаціи и землевладѣнія въ формѣ періодическихъ уравнительныхъ передѣловъ. Такъ именно и происходитъ дѣло въ дѣйствительности. Въ значительномъ числѣ случаевъ моменты перваго передѣла и перехода къ трехполью бываютъ очень близки: часто пашня, ближайшая къ селенію, представляетъ передѣльное трехполье, а болѣе отдаленные участки

---

[1]) „Мат. по Ирк. и Енис. г.г.“. т. IV, в. 3, стр. 190.

[2]) Съ особенной энергіей происходитъ при этомъ разрушеніе заимочно-хуторскихъ владѣній въ степныхъ казачьихъ общинахъ (напр., у Кубанскихъ казаковъ см. у Щербины стр. 87—129) гдѣ нѣтъ, какъ въ Сибири, природныхъ естественныхъ угодій, гдѣ степь всюду годна и подъ покосъ, и подъ пашню, и подъ выгонъ, потому особенно важно распредѣленіе общиною всей ея территоріи на постоянныя и точно ограниченныя угодья. Также, напр., и у бурятъ Забайкальской области часто одинъ и тотъ же участокъ можетъ быть поперемѣнно то покосомъ, то пастбищемъ, то усадьбой, то пашней (См. напр., „Матеріалы по Забайк. обл.“ в. 10, стр. 61, 62, 68, 69 и др.), и т. д.

остаются захватно-отводной залежью. Такъ, напримѣръ, въ с. Быстрый Истокъ (на Алтаѣ) передѣлъ былъ именно вызванъ желаніемъ „ввести больше равномѣрности въ повинностяхъ и стремленіемъ замѣнить залежную систему хозяйства трехпольной съ удобреніемъ полей". [1]) И т. д.

Итакъ, къ тому времени, какъ развитіе общиннаго права доходитъ до требованія общаго уравнительнаго распредѣленія не только экстенсивныхъ, но и интенсивныхъ угодій, назрѣваютъ также заключительныя задачи разграниченія, фиксаціи, упорядоченія, упроченія владѣній отдѣльныхъ семей и общаго упорядоченія и интенсификаціи земледѣлія,—задачи, тѣсно сливающіяся съ наиболѣе просто и радикально рѣшающими ихъ уравнительными передѣлами и въ тоже время неизбѣжно требующія извѣстныхъ уступокъ отъ права труда. Понятно, что это право, которое ожесточенно боролось бы съ уравнительными передѣлами pures et simples, уступаетъ имъ гораздо легче, когда они несутъ съ собой безспорный и необходимый прогрессъ и въ землевладѣніи и въ земледѣліи [2]).

B. Но какъ ни подготовлена почва, какъ ни благопріятенъ, такимъ образомъ, моментъ для общинно-передѣльнаго права на трудъ, все-таки оно всегда старается обойти стороной право труда и лишь очень медленно и постепенно, лишь въ крайнихъ случаяхъ, прямо переходитъ по отношенію къ нему въ наступленіе.

Въ этомъ смыслѣ крайне характерны прежде всего случаи, когда первый передѣлъ охватываетъ не захваченные уже подъ пашню участки, а уравнительно дѣлится лишь часть выгона (рѣже лѣса и сѣнокоса) обращаемая тѣмъ самымъ общиной подъ пашню: здѣсь передѣлъ какъ бы забѣгаетъ впередъ лично-захватнаго права труда; предвидя, что скоро данные участки могутъ быть захвачены отдѣльными хозяевами, община заранѣе спѣшитъ уравнительно раздѣлить ихъ на всѣхъ хозяевъ [3]). Интересенъ также аналогичный порядокъ, отмѣченный въ Туринскомъ окр. Тобольской губ.: здѣсь часть пашенъ (ближнія) уже давно передѣляется, но вдали отъ селеній сохранился свободный районъ захвата, который община хотя не пускаетъ сразу въ передѣлъ, но сдаетъ годные подъ пашню участки лѣса въ

---

[1]) См. Чудновскій. „Алтайская поземельная община". „Сѣв. Вѣсти.", кн. 10.

[2]) Въ Енисейской, напримѣръ, губ., говоритъ г. Дубенскій, „замѣна залежно-паровой системы полеводства болѣе совершенной и удовлетворяющей измѣнившимся хозяйственно-экономическимъ условіямъ, ограниченіе хищнической эксплуатаціи земель, повышеніе интенсивности обработки, введеніе одновременности и порядка въ сельскохозяйственныхъ работахъ, устраненіе неравномѣрности и спорности владѣнія, устраненіе такихъ фактовъ, когда за обработку приходится приниматься тайкомъ и украдкой, чтобы кто-нибудь не помѣшалъ и не отнялъ,— все это такіе вопросы, серьезность которыхъ уяснилась въ сознаніи мѣстнаго населенія уже достаточно опредѣленно, но разрѣшить которые не подъ силу отдѣльному лицу. Поэтому, взоры огромнаго большинства членовъ сельскаго общества обращаются къ „міру", и отъ него ожидается существенная въ этомъ направленіи помощь". „Мат. Ирк. и Енис. губ.", т. IV, в. 3, стр. 198.

[3]) Цѣлый рядъ такихъ случаевъ весьма интересно описанъ въ Енисейской губ. „Мат. по Ирк. и Енис. губ.", т. IV, в. 3, стр. 194—196.

расчистку (а иногда и небольшія болота для осушки) отдѣльнымъ хозяевамъ за небольшую плату въ аренду (обыкновенно на 10—12—15 и до 20 лѣтъ), послѣ чего они уже идутъ въ передѣлъ... [2]).

Затѣмъ, и переходя на земли, уже разработанныя, первые передѣлы соблюдаютъ все-таки строгую постепенность, неуклонно двигаясь по линіи наименьшаго сопротивленія со стороны права труда, т.-е. сначала охватываютъ тѣ виды пашни, гдѣ право труда слабѣе, т.-е. гдѣ или меньше его было затрачено, или онъ больше вознаградился. Такъ, напримѣръ, въ Иркутской губ. и Забайкальской обл., отмѣчено при передѣлахъ разное отношеніе къ разнымъ участкамъ пашни: тѣ, которые расчищены заимочниками давно (положимъ, 20 и болѣе лѣтъ тому назадъ) и, значитъ, уже вознаградили первую затрату труда, пущены въ передѣлъ, а расчищенные позже оставлены на извѣстный срокъ ихъ владѣльцамъ; при этомъ въ отдѣльныхъ случаяхъ сроки установлены для разныхъ участковъ разные: для участковъ „тяжелой чистки“ сроки безпередѣльнаго періода дольше, а для „легкой чистки“ меньше [3]). Приблизительно тотъ же смыслъ имѣютъ постановленія нѣкоторыхъ общинъ Туринскаго окр. Тобольской губ. (и нѣкоторыхъ другихъ) о передѣлѣ участковъ, расчищенныхъ „отцами“ теперешнихъ ихъ хозяевъ, а „кто самъ добывалъ“, у того участковъ пока не отбирали [4]).

Тотъ же принципъ выражается и въ томъ характерномъ для огромнаго большинства общинъ, нереживающихъ періодъ первыхъ передѣловъ, правилѣ, что прежде всего передѣляются ближайшія, опоясывающія селеніе пашни: всегда это и есть земли, наиболѣе давно расчищенныя и наилучше успѣвшія вознаградить трудъ первой разработки.

Очень важно замѣтить, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ дѣло отнюдь не въ одной только правовой тонкости, но тутъ дѣйствуетъ и прямой матеріальный интересъ: хозяева, лишающіеся пашни своей разработки, не только чувствуютъ въ этомъ случаѣ на нее меньшее право, но они обыкновенно меньше и дорожатъ ими, такъ какъ при обычныхъ въ до-передѣльный періодъ многоземельныхъ экстенсивныхъ системахъ земледѣлія эти старые участки наиболѣе выпаханы и даютъ наихудшіе урожаи. Это однако не значитъ, что вслѣдствіе этого настолько же теряютъ „маломочные“ „малолѣты“, получающіе по передѣлу эти участки: для послѣднихъ, какъ бѣдныхъ лошадьми, очень важна близость разстоянія пашни отъ селенія, они обыкновенно прямо не въ силахъ были бы справиться съ отдаленными участками и часто добровольно предпочитаютъ худшія, выпаханныя, но ближнія поля лучшимъ, свѣжимъ, но дальнимъ [1]). Такимъ образомъ, ближ-

---

[1]) См. „Мат. Зап. Сиб.“, в. XIII, стр. 89, 90, 91.

[2]) См. „Мат. Ирк. и Енис. губ“, т. II, в. 3, стр. 286 и К. Михайловъ. „Общ. бытъ у крестьянъ Забайк. обл.“, „Р. М.“ 85 г., 12 кн.

[3]) „Мат. Зап. Сиб.“, в. XII, стр. 98. См. также стр. 99—100.

[4]) „Вопросамъ о передѣлѣ нѣтъ мѣста до тѣхъ поръ, пока всѣ ближайшія къ селенію земли не окажутся въ рукахъ людей состоятельныхъ. Тогда для не-

нія пашни представляютъ какъ бы поле компромисса: въ нихъ лежитъ и наиболѣе справедливое рѣшеніе юридической коллизіи, и наиболѣе обоюдно выгодная съ экономической стороны комбинація. Немудрено, что почти всегда именно съ нихъ и начинаются первые формальные и массовые передѣлы пашни.

Несмотря, однако, на такую малозамѣтность и почти безобидность для права труда этихъ первыхъ его нарушеній, или скорѣе именно благодаря ей, значеніе этихъ нарушеній чрезвычайно велико. Вѣдь, какъ никакъ, а тутъ уже право на трудъ, несомнѣнно, подчинило себѣ право труда, тутъ уже „чужіе труды“, по энергичному крестьянскому выраженію, прямо экспропріируются общиной въ пользу потребностей отдѣльныхъ ея членовъ; рядомъ съ трудовымъ основаніемъ владѣнія и выше его становится начало потребительное. Снеся легко первые мягкіе толчки этого начала, допустивъ ихъ умножаться, повторяться, стать безспорными и обычными, и, стало быть, прецедентами для будущаго, право труда хотя мало теряетъ въ данный моментъ фактически, но совершенно подкапывается въ принципіальныхъ своихъ основаніяхъ на будущее время.

Но право на трудъ нападаетъ также и съ другой стороны: оно пробиваетъ первыя бреши не только въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ, какъ мы сейчасъ обрисовали, право затраченнаго труда слабо абсолютно, но также и въ тѣхъ, гдѣ оно слабо относительно, т.-е. сравнительно съ повышенной энергіей права на трудъ. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда данное интенсивное угодье особенно, исключительно необходимо или цѣнно, т.-е. когда потребность въ немъ особенно напряженна; это же имѣетъ мѣсто тогда, когда въ немъ рѣзко ощущается недостатокъ вообще, или оно быстро истощается и, наконецъ, когда оно имѣетъ рентную доходность, зависящую отъ особыхъ либо природныхъ, либо спеціальныхъ условій.

Легко представить, какъ дѣйствуетъ острый недостатокъ только въ одномъ какомъ-либо необходимомъ угодьѣ; агитація за его передѣлъ чуть ли не такъ же сильна, какъ если бы дѣло шло объ общемъ передѣлѣ, сопротивленіе же ему не можетъ быть такъ сильно, во-первыхъ, потому, что вопросъ поставленъ все-таки только объ одномъ угодьѣ, а, во-вторыхъ, и самимъ „старозаимочникамъ“ крайняя нужда въ этомъ угодьѣ для „малолѣтовъ“, очевидно, что оно не вопросъ роскоши, а вопросъ „быть или не быть“ для ихъ

зажиточныхъ крестьянъ настанетъ пора бросать работу на себя, потому что хозяйство на дальнихъ поляхъ неудобно для бѣднаго малосемейнаго, владѣющаго всего одною или хоть парою лошадей. Оставшись безъ возможности пахать на себя, малохозяйные предъявятъ, конечно, запросъ на отводъ подходящихъ надѣловъ. Слѣдуетъ въ этомъ будущемъ имѣть въ виду, что ближайшія къ селенію земли по отсутствію здѣсь унаваживанія будутъ болѣе или менѣе истощены; вслѣдствіе этого зажиточные дворы не подорожатъ ими: для нихъ дальняя непахотная новь представитъ болѣе интереса...“ („Лит. сборн., изд. ред. „Вост. Обозрѣнія“. „Очерки порядковъ поземельной общины въ Тобольской губ.“ Капустина).

хозяйства... Такъ именно и рисуется дѣло мѣстнымъ изслѣдованіемъ. Напр., у бурятъ Иркутской губ. передѣлы пахотныхъ земель еще только кое-гдѣ начинаютъ появляться, а между тѣмъ уже довольно широко распространились передѣлы „утуговъ“, — особаго вида сѣнокосныхъ лужковъ, искусственно очищаемыхъ и унаваживаемыхъ, требующихъ, такимъ образомъ, затраты труда, часто не меньшей, нежели пашня. Сами буряты такъ объясняютъ это нарушеніе трудового права. При обиліи новыхъ земель „старательный человѣкъ всегда можетъ расчистить пашню, зачѣмъ же дѣлить чужіе труды? Другое дѣло утуги: тѣхъ немного, подъ нихъ хоть бы и хотѣлъ расчистить, да мѣста нѣтъ подходящаго, потому ихъ можно дѣлить между собою“ [1]). Такая же правильность проявляется и вообще въ отношеніи къ этимъ угодьямъ у разныхъ группъ населенія въ Иркутской губ.: „кочевымъ, скотоводческимъ бурятамъ усадебные „утуги“ всего важнѣе, они всего сильнѣе чувствуютъ утѣсненіе въ покосахъ, поэтому и передѣлъ „утуговъ“ у нихъ скорѣе и больше распространился, а именно изъ нихъ до 80% передѣлили или постоянно дѣлятъ „утуги“. У осѣдлыхъ инородцевъ „утуги“ играютъ менѣе важную роль.—и передѣловъ ихъ почти не встрѣчается, а у русскихъ, которымъ не нужно такъ широко раскидываться на своихъ усадьбахъ, и нѣтъ потому въ нихъ такого утѣсненія,—вовсе нѣтъ и усадебныхъ передѣловъ. И обратно, передѣлы и отводы, — больше у русскихъ, чѣмъ у осѣдлыхъ инородцевъ, а у этихъ больше, чѣмъ у кочевыхъ. Такъ что выходитъ, что чѣмъ дороже данное угодье, т. е. чѣмъ оно важнѣе въ хозяйствѣ, тѣмъ скорѣе другихъ, менѣе важныхъ, оно поступаетъ изъ захвата въ распоряженіе „міра“ [2]).

Уже въ приведенныхъ примѣрахъ мы въ усиленной цѣнности даннаго угодья рядомъ съ вліяніемъ относительной его недостаточности легко можемъ различить и вліяніе его рентной цѣнности: напр., подходящія для „утуговъ“ мѣста, несомнѣнно, имѣютъ рентную цѣнность и представляютъ доходность, являющуюся не результатомъ „чужихъ трудовъ“, а „Божьимъ даромъ“, по самой природѣ своей „ничьимъ“ и потому подлежащимъ особенно уравнительному распредѣленію. На другихъ примѣрахъ еще ярче можно увидѣть это. Напр., по словамъ г. Кауфмана, „значительные успѣхи поравненія по отношенію къ сѣнокоснымъ угодьямъ являются въ Томскомъ районѣ понятнымъ слѣдствіемъ ограниченности ихъ количества и особенно высокихъ, обусловливаемыхъ городскимъ спросомъ, цѣнъ на сѣно, дающихъ сѣнокоснымъ угодьямъ (главнымъ образомъ, поемнымъ лугамъ, а дру-

---

[1]) „Мат. Ирк. и Енис. гг.“, т. II, в. 3, стр. 200. Крайне любопытно, что у Забайкальскихъ бурятъ, наоборотъ, утуги обыкновенно еще не идутъ въ передѣлъ, и это еще разъ подтверждаетъ указанную правильность: какъ видно изъ подробнаго описанія ихъ устройства и эксплоатаціи (см. „Матеріалы Забайкальской Обл.“, в. 10, стр. 61—62), для нихъ не выбираютъ здѣсь какихъ либо исключительно удобныхъ мѣстъ, они устраиваются на всякихъ вообще покосахъ,—а потому пока не наступаетъ въ нихъ и утѣсненія.

[2]) Тамъ же, стр. 242.

гимъ видамъ покосовъ—только въ ближайшихъ окрестностяхъ города) довольно высокую рентную доходность [1]). Еще болѣе характерный примѣръ такого же явленія я нашелъ въ казачьемъ землевладѣніи Уральской обл.: здѣсь при полномъ отсутствіи передѣловъ какихъ бы то ни было угодій (въ общемъ здѣсь установились разныя формы ограниченно-захватнаго владѣнія), передѣляются въ нѣкоторыхъ станицахъ участки „бахчевой“ (засѣваемой баштанами) земли „по суходоламъ и берегамъ ильменей“, орошаемыхъ разливомъ рѣки и особенно удобныхъ для бахчей и огородовъ. Интересно отмѣтить, что и тутъ очень ярко проявляется вліяніе сокращенія даннаго угодья: въ годы сильныхъ разливовъ иногда вольно захватываютъ эти мѣста, ибо ихъ много, а при среднихъ и слабыхъ разливахъ уже дѣлятъ между всѣми желающими и съ тѣмъ большей уравнительностью и точностью, чѣмъ меньше бываетъ удобныхъ мѣстъ [2])... Очень часты, затѣмъ, случаи, что и передѣлы пашни съ полной правильностью начинаются именно съ лучшихъ пахотныхъ участковъ и лишь постепенно распространяются на худшіе участки; для Забайкальской обл. это является общимъ правиломъ, равно какъ и въ другихъ: напр., въ одной общинѣ въ Томской губ. пашенныя земли трехъ лучшихъ сортовъ „подѣлены лѣтъ 60 тому назадъ и больше, а земли четвертаго и пятаго сорта (читатель замѣчаетъ всю точность и тонкость этого различенія сортовъ пашни!) пошли въ первый разъ въ передѣлъ только въ 85 г. Въ Кубанской области чрезвычайно ярко и постоянно выраженнымъ правиломъ является такой порядокъ, что прежде всѣхъ другихъ подвергаются общиннымъ ограниченіямъ и идутъ въ передѣлъ цѣлинныя (не паханныя), т.-е. наиболѣе урожайныя земли. Въ Ишимскомъ округѣ въ той части общинъ, гдѣ не весь лѣсъ сразу былъ передѣленъ, въ передѣлъ шли сначала участки лучшаго лѣса,—иногда они передѣлялись даже раньше пашенъ, очевидно, именно въ виду ихъ высокой рентной цѣнности,—а потомъ уже передѣлялись и худшіе клочки, мелкія заросли и т. д. [3]). На этомъ правилѣ мы ужъ какъ нельзя болѣе ярко видимъ, какъ точно различаютъ крестьяне въ цѣнности даннаго угодья ту долю ея, которая является результатомъ затраченнаго труда, отъ доли, представляющейся „Божьимъ даромъ“, какъ строго пропорціонально развитіе общиннаго права на трудъ относительной слабости доли затраты труда и вѣскости доли „Божьяго дара“...

Итакъ, мы видимъ, что и въ развитіи первыхъ передѣловъ пашни едва ли не съ большей еще очевидностью, чѣмъ на другихъ угодьяхъ, проявляется самая строгая закономѣрность въ борьбѣ общиннаго

---

[1]) „Алтайскій Сбор.“, „Общин. порядки“, стр. 117.

[2]) Н. Бородинъ. „Оч. общ. хоз. ур. каз.“ „Сѣв. В.“, 90, 5, стр. 48—50.

[3]) См. статью г. Чудновскаго объ Алтаѣ („Сѣв. Вѣст.“, 88 г. 10 кн.), „Матер. по Забайк. обл., в. 10, стр. 78—103“. „Зем. общ. Куб. каз.“, стр. 112, 93, 94 и 95 и статью г. Кауфмана по Ишим. окр. („Мат. Зап. Сиб.“, в. V, стр. 147) и др.

права на трудъ съ личнымъ правомъ труда. Первое, зародившись, развившись, укоренившись первоначально на почвѣ, совершенно или почти свободной отъ второго, мало-по-малу, по мѣрѣ развитія земельнаго „утѣсненія“, пускаетъ затѣмъ ростки и тамъ, гдѣ послѣднее сравнительно слабо; укоренившись тутъ, оно прорастаетъ постепенно все дальше и дальше и, наконецъ, повсюду сплетается съ нимъ и постепенно перерастаетъ его. Но никогда не заглушаетъ его окончательно. Вся дальнѣйшая эволюція общины представляетъ все ту же безпрерывную борьбу этихъ началъ, принимающую разныя формы и приходящую къ разнымъ исходамъ въ строгой зависимости отъ размѣровъ и качества различныхъ общинныхъ угодій и разныхъ другихъ условій.

С. Пора теперь обратить вниманіе читателя на другую сторону закономѣрности въ развитіи первыхъ передѣловъ: они не только, какъ мы сейчасъ видѣли, идутъ строго и неуклонно по линіи наименьшаго сопротивленія, но кромѣ того идутъ по ней очень медленно и постепенно.

Выше мы уже ясно видѣли, что почти никогда вся пашня (или другое интенсивное угодье) не идетъ сразу въ передѣлъ, а всегда поравненія охватываютъ участокъ за участкомъ строго постепенно годами и десятилѣтіями. Такимъ образомъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ типичной картиной передѣловъ представляется селеніе, окруженное только поясомъ передѣленной пашни съ полосами за нимъ пашни ограниченно-захватнаго (а иногда даже неограниченно-захватнаго) владѣнія.

Какая небольшая доля пашни пускается первоначально въ передѣлъ, это показываютъ слѣдующія, напр., цифры: „въ Верхоленскомъ окр. общинъ съ передѣлами пашни уже 40,6% всего ихъ числа, площадь же передѣляемой пашни составляетъ лишь 5,4% всей распаханной въ округѣ земли“.

Такая же постепенность, какъ въ расширеніи площади первыхъ передѣловъ, наблюдается и въ усовершенствованіи самыхъ способовъ ихъ, въ точности и детальности осуществляемаго ими „поравненія“. Съ этой стороны г. Кауфманъ прекрасно сравнилъ этотъ процессъ развитія точныхъ передѣловъ изъ грубой формы отводовъ „съ работой струга, который сначала срѣзываетъ только наиболѣе значительныя неровности, а затѣмъ начинаетъ захватывать и наиболѣе мелкія“ [1]).

Какъ уже было указано, возникающіе рядомъ съ ограниченіями семейнаго захвата общинные отводы въ своихъ послѣднихъ формахъ принципіально тождественны съ передѣлами; но они именно захватываютъ только отдѣльныя слишкомъ уже выдающіяся неровности, дѣлаютъ отрѣзки, притомъ незначительные, у тѣхъ, чрезмѣрность чьего владѣнія для всѣхъ очевидна, и надѣляютъ очень слабо лишь крайне нуждающихся. Но послѣ такихъ первыхъ случаевъ, которые, пожалуй,

---

[1]) См. „Общ. въ Сиб.“, стр. 85.

даже точнѣе было бы сравнить съ грубымъ первоначальнымъ обтесываніемъ топоромъ,—работа „поравнительнаго“ струга все утончается: отрѣзки дѣлаются все чаще и у бо́льшаго числа богатыхъ „старозаимочниковъ“; устанавливается обычай надѣлять такими отрѣзками всѣхъ „малолѣтовъ“, не находящихъ себѣ свободныхъ для захвата участковъ; затѣмъ, появляется извѣстная максимальная или минимальная (или и та, и другая) норма для надѣла на одну душу и совершаются уже групповыя „поравненія“ для сведенія владѣнія всѣхъ хозяевъ къ этой нормѣ; напр., въ Иркутской губ. предоставляется каждому хозяину отыскивать у другихъ участки, захваченные сверхъ нормы, и такіе участки отводятся „міромъ“ просящему и имѣющему земли меньше нормы [2]).

Однако, всѣ такія „поравненія“ представляютъ еще скорѣе неопредѣленное перераспредѣлительное, такъ сказать, броженіе, чѣмъ правильно функціонирующій передѣльный механизмъ. Во-первыхъ, уравнительность преслѣдуется пока лишь грубо приблизительная (часто „малолѣтъ“ не настаиваетъ именно на опредѣленномъ количествѣ земли, а доволенъ какой ни на есть прирѣзкой), перемѣрки полей обыкновенно не происходитъ, а все перераспредѣленіе совершается глазомѣрно („на махъ“, „на глазъ“) наконецъ, объ уравненіи качественномъ участковъ разныхъ хозяевъ не возникаетъ обыкновенно и рѣчи. Во-вторыхъ, совершенно не выработанъ самый процессъ передѣла: часто отводы-отрѣзки совершаются даже не цѣлымъ „міромъ“, а лишь десяткомъ-другимъ хозяевъ, — понятно, что тутъ сравнительно часты злоупотребленія, подкупы, подпаиванія и т. д. Наконецъ, не выяснено даже и будущее передѣловъ, ибо обыкновенно не назначается срока для слѣдующихъ передѣловъ, и совершаются они какъ бы случайно: по мѣрѣ образованія настойчиво требующей ихъ группы хозяевъ (или отдѣльныхъ хозяевъ) и часто сопровождаются каждый разъ ожесточенной борьбой. Но именно въ этомъ хаотическомъ процессѣ и подготовляются прецеденты, постепенно вырабатываются принципы, нормы, частныя правила передѣловъ, частью взятыя изъ передѣловъ сѣнокосовъ и другихъ угодій, частью видоизмѣненныя,—и именно на этомъ процессѣ и проявляется съ особенной яркостью то, что передѣлы пашни медленно и самопроизвольно выростаютъ изъ внутри-общинной борьбы за землю, а отнюдь не привносятся сверху (какъ то иные думаютъ) законодательно-административными вліяніями...

Мало-по-малу именно самая эта безсистемность первыхъ передѣловъ-отводовъ становится аргументомъ для ихъ дальнѣйшаго развитія,—для ихъ упорядоченія и систематизаціи, и постепенно они дѣйствительно вырабатываются и систематизируются. Появляются сроки передѣловъ, точное обмѣриваніе, раздѣленіе на сорта (лучшіе — „материкъ“, „доброта“ и худшіе—„подморина“, „неудобіе“, „подметошная“,

---

1) Именно эта же постепенность не только теперь наблюдается, но констатирована и для первыхъ передѣловъ 50—70 лѣтъ тому назадъ; см., напр., крайне характерный очеркъ ихъ въ Курганскомъ округѣ Тобольской губ. „Мат. Зап. Сиб.“, в. XXI, стр. 30—35.

„подлая“ и т. п.); въ нихъ участвуетъ весь сходъ; самый ритуалъ ихъ вырабатывается, выбираются иногда для нихъ особые уполномоченные, въ каковые выбираютъ лицъ гораздо болѣе уважаемыхъ и заслуженныхъ, нежели, напр., въ сельскіе старосты. Самыя системы этихъ первыхъ уже вполнѣ оправдывающихъ свое названіе передѣловъ очень напоминаютъ описанные уже порядки сѣнокосныхъ и частью лѣсныхъ передѣловъ, но по большей части отличаются отъ нихъ различными деталями, вытекающими изъ необходимости обезпечить каждому вознагражденіе затраченнаго въ его участкѣ труда

При передѣлахъ пашни въ Сибири (какъ, впрочемъ, и повсюду) „способы раздачи полосъ, — говоритъ г. Кауфманъ, — слагаются изъ борьбы интересовъ двухъ частей общины: зажиточныхъ — „добрыхъ пахарей“ — и бѣдныхъ — „худыхъ пахарей“. Каждая сторона имѣетъ свою правду и свою неправду; если „добрый пахарь“ на сходѣ будетъ заявлять, что онъ свою полосу „угоилъ“ и потому не хочетъ переходить на другую, быть можетъ, дурно обработанную полосу, то „бѣднота“ съ полнымъ правомъ возразитъ ему: „ты и такъ уже шестьдесятъ лѣтъ первую землю пашешь и дальше насъ не пускаешь“; если же „бѣднота“ распространяется на тему: „всѣ мы хозяева“ и потому никакихъ при отводѣ участковъ преимуществъ ни для кого не должно быть,—зажиточные совершенно справедливо возражаютъ: „вы свои пашни застрамили, а теперь насъ съ полосъ сживаете: вы нашими трудами хлѣбъ ѣсть будете, а мы вамъ опять къ будущему дѣлу (передѣлу) пашню готовь“!..

Въ самыхъ первыхъ грубыхъ передѣлахъ — „поравненіяхъ“ мы имѣемъ для Сибири двѣ формы, представляющія обѣ эти антагонизирующія „правды“. Когда „малолѣты“ надѣляются лишь отрѣзками отъ надѣловъ, имѣющихъ больше нормы, и при этомъ послѣднимъ предоставляется выбирать себѣ лучшія земли (или, напр., на 10 – 15 „старыхъ“ земельныхъ душъ „приписывается“ по одной „малолѣтской душѣ“, которая и получаетъ отъ тѣхъ по обоюдному соглашенію отрѣзки, худшія уже хотя бы благодаря своей разбросанности), — то тутъ всецѣло торжествуютъ „добрые пахари“. Иногда же къ пашнѣ примѣняется сѣнокосный принципъ „развода по урочищамъ“, при которомъ всѣ общинники добровольно разбиваются на группы въ каждое урочище, которое потомъ каждая группа внутри себя дѣлитъ уравнительно, уже не стараясь и не имѣя возможности стараться о томъ, чтобъ каждому доставались его прежніе участки, — тутъ, очевидно, права затраченнаго труда совершенно игнорируются.

Но очень характерно, что эти двѣ крайнія формы распредѣленія „по старшинству“, „по отечеству“ и по аукціонному принципу встрѣчаются въ чистомъ видѣ лишь очень рѣдко и преимущественно именно въ мѣстахъ, гдѣ передѣлы только еще выростаютъ изъ отводовъ; въ громадномъ же большинствѣ случаевъ каждая изъ нихъ корректируется другой и онѣ взаимно сближаются. Такъ, при передѣлахъ „по старшинству“, происходитъ уже полный передѣлъ и всѣ надѣлы сдвигаются, такимъ образомъ, что „малолѣты“ получаютъ обыкновенно не мно-

жество мелкихъ отрѣзковъ, а столько же цѣлыхъ участковъ, какъ и „старыя души“, причемъ, однако, стараются „старыя души“ „не шевелить“ и даже новымъ давать участки ихъ родственниковъ,—„отцовщину“, а при отрѣзкахъ участковъ отъ „старыхъ душъ“ дозволяютъ послѣднимъ отдавать подъ отрѣзокъ худшіе участки,—такъ что тутъ „малолѣты безъ отечества“ (молодые хозяева безъ наслѣдственныхъ участковъ) всегда еще все-таки сильно бываютъ обижены. И вотъ вводится постепенно въ эту систему коррективъ, названный г. Осиповымъ (изслѣдовавшимъ эту форму въ Курганскомъ округѣ) системой „уравновѣшенія сортовъ:“ [1]) въ разныхъ комбинаціяхъ предоставляется каждому хозяину оставить себѣ при передѣлѣ извѣстнаго размѣра „любую“ часть своего стараго надѣла, но зато слѣдуемая ему остальная часть отводится уже общиной и съ такимъ расчетомъ, чтобъ она по качеству уравновѣсила выбранную хозяиномъ, т.-е. тѣмъ хуже, чѣмъ лучше послѣдняя. Въ аукціонную же систему, въ чистомъ видѣ мало чѣмъ отличающуюся отъ „развода по урочищамъ“, жертвующую интересами „добрыхъ пахарей“ и при томъ всегда нѣсколько затемненную элементомъ игры, азарта,—почти всегда вводятся разныя ограниченія въ пользу первыхъ: напр., дозволяется имъ брать свои участки за назначенную на торгахъ оцѣнку преимущественно предъ прочими [2]), или община оставляетъ за собой право вмѣшиваться въ аукціонъ, чтобъ сдержать хозяевъ, слишкомъ увлекающихся или просто недобросовѣстно „роющихся въ землѣ“ (съ цѣлью лишь заставить ея хозяина взять ее по дорогой оцѣнкѣ); или, наконецъ, напр., первый сортъ пашни вовсе исключается изъ „надорожки“, а извѣстный его участокъ предоставляется каждому хозяину взять изъ его прежняго надѣла на выборъ и т. д. [3]); всѣми этими способами, по словамъ г. Осипова, въ аукціонной системѣ передѣловъ азартъ совершенно умѣряется и интересы „добрыхъ пахарей“ достаточно ограждаются...

Въ высшей степени характерно территоріальное распредѣленіе обрисованныхъ типовъ передѣла. Г. Кауфманомъ прекрасно выяснено, что система надѣленія „по старшинству“ (особенно „уравновѣшеніемъ

---

[1]) См. „Мат. Зап. Сиб.“, в. XXI, стр. 62—63 и др.

[2]) „Аукціонъ“, „торгъ“, „перебой“ и т. п. пашни происходитъ такъ же, какъ и сѣнокосовъ: торгуются либо въ „надорожку“, т. е. повышая оцѣнку пашни,—соглашаясь взять участокъ, оцѣненный, положимъ, въ 1 дес. 1-го сорта, 1 дес.—2-го и 1 дес.—3-го сорта, примѣрно, за $1^1/_2$ дес. перваго. 1 дес. второго и $^1/_2$ дес. 3 сорта и т. п., либо „на сбавокъ“, когда получаетъ участокъ тотъ, кто предложитъ принять за полную его десятину наименьшую дробь десятины.

[3]) Привожу еще способы такихъ же коррективовъ, интересные по ихъ выработанности и сложности: „гдѣ допускается „надороживаніе“ участковъ перваго сорта путемъ прибавленія къ нимъ полосъ низшаго сорта, принимаемыхъ „надораживающимъ“ за высшій, тамъ иногда прямо постановляется, что нельзя переводить въ высшій сортъ менѣе половины десятины или цѣлой десятины, иногда же минимальная величина установляется въ размѣрѣ $^1/_2$ и $^1/_3$ „надораживаемаго“ участка высшаго сорта; нѣкоторыя общины, наконецъ, допускаютъ „надорожку“ только въ извѣстной части высшихъ сортовъ, а на другой части вовсе не допускаютъ ея“. (А. Кауфманъ „Общ. въ Сиб.“, стр. 146).

сортовъ"), основанная на объективномъ принципѣ, на сравнительно болѣе точномъ распредѣленіи пашни на сорта, должна, разсуждая a priori, встрѣтиться намъ въ общинахъ съ болѣе однокачественной почвой, ибо при разнокачественности пришлось бы дѣлить на слишомъ много сортовъ и получилась бы крайняя мелкополосица; къ тому же именно при однокачественности почвы яснѣе проявляется вліяніе лучшей обработки, и, значитъ, больше имѣетъ шансовъ на признаніе право труда „добрыхъ пахарей". Аукціоннаго же порядка мы должны ожидать при разнокачественныхъ земляхъ, во-первыхъ, потому, что при невозможности разбивки ихъ на много сортовъ и невозможности, значитъ, объективнаго ихъ уравненія, приходится ввести субъективный принципъ свободно-конкурренціонной оцѣнки ихъ каждымъ хозяиномъ по своему вкусу и, во-вторыхъ, еще потому, что затраченный на обработку трудъ на разнокачественныхъ земляхъ менѣе ярко обнаруживается своими результатами, почему и долженъ возобладать принципъ права на трудъ „малолѣтовъ". И вотъ именно такое распространеніе системы по старшинству на однокачественныхъ и аукціонныхъ системъ на разнокачественныхъ земляхъ и наблюдается, по описанію того же г. Кауфмана, съ величайшей точностью въ Ишимскомъ округѣ Тобольской губ. Еще болѣе, пожалуй, характерно то, что рѣзкія крайнія разновидности обѣихъ этихъ системъ встрѣчаются именно въ этихъ двухъ различныхъ половинахъ Ишимскаго окр., гдѣ передѣлы начались сравнительно недавно (а кое-гдѣ еще даже не развились), въ сосѣднемъ же Курганскомъ округѣ, прошедшемъ періодъ первыхъ передѣловъ замѣтно раньше, установились уже повсюду именно среднія, компромиссныя системы, при которыхъ и право труда, и право на трудъ уживаются, взаимно приспособившись.

Такимъ образомъ, намъ еще разъ ясно вырисовывается та черта съ востока на западъ, о которой мы говорили въ началѣ: изъ царства семейнаго захвата чрезъ его ограниченія и общинные отводы мы доходимъ до передѣловъ, сначала грубыхъ и рѣзко колеблющихся въ своихъ правовыхъ основаніяхъ, а затѣмъ все болѣе точныхъ, все болѣе юридически, такъ сказать, уравновѣшенныхъ...

§ 9.

Кто внимательно прочелъ сдѣланный сейчасъ очеркъ зарожденія и развитія общинно-уравнительныхъ передѣловъ въ современныхъ многоземельныхъ окраинныхъ общинахъ, тотъ, конечно, не потребуетъ отъ меня теперь спеціальнаго указанія и доказательства причинъ этого процесса. Онѣ очевидны и безспорны уже изъ сказаннаго. Мы видѣли, что каждая мельчайшая деталь въ развитіи общинно-передѣльнаго и сокращеніи лично-захватнаго права всегда съ строгой логичностью сводится къ борьбѣ и взаимодѣйствію двухъ основаній— права на трудъ и права труда; иначе говоря, вся эта трансформація

представляетъ чистую или почти чистую внутри-общинную эволюцію обычнаго крестьянскаго права. Съ такой же безспорностью обнаруживаются экономическія и естественныя причины этой эволюціи: мы видѣли, что въ каждомъ безъ исключенія пунктѣ своемъ она движется внутри-общинной борьбой за землю (или иныя угодья), вызываемой сокращеніемъ ея размѣровъ,—либо относительнымъ вслѣдствіе возрастанія населенія, либо абсолютнымъ, благодаря убыли или истощенію тѣхъ или иныхъ угодій.

Строго говоря, это должно бы быть намъ ясно уже даже a priori: ясно, что въ заключительномъ моментѣ эволюціи общиннаго начала должны дѣйствовать тѣ же подробнѣе указанныя въ концѣ предыдущей главы причины, которыя дѣйствовали и въ первые фазисы этой эволюціи. Остается указать, что, очерченный механизмъ этой эволюціи признается единогласно всѣми извѣстными мнѣ изслѣдователями и такъ глазомѣрно очевиденъ, что, напр., Гр. Елисеевъ (покойный редакторъ „Отеч. Запис.“) еще въ 58 г. предсказалъ совершающійся теперь процессъ развитія общинно-передѣльнаго владѣнія въ Сибири [1]). Сами крестьяне также почти всегда прямо или косвенно указываютъ „на утѣсненіе въ землѣ“, какъ на причину первыхъ передѣловъ. Интересенъ случай, когда они почти привѣтствуютъ это „утѣсненіе“ изъ-за приносимаго имъ земельнаго уравненія; въ одной деревнѣ г. Кауфманъ записалъ слѣдующій отзывъ крестьянъ по поводу отрѣзки у нихъ части земли: „богатымъ, тѣмъ обидно, а намъ, ровненькимъ (среднесостоятельнымъ),—такъ лучше стало: прежде богатые сидѣли по заимкамъ, а намъ некуда и податься было, а какъ отобрали землю подъ россійскихъ, такъ мы на заимки глядѣть не стали“ [2]). Наконецъ, и статистическія сопоставленія размѣровъ землевладѣнія общинъ, начинающихъ первые передѣлы и держащихся семейно-захватнаго и общинно-отводнаго владѣнія, отчетливо указываютъ на ту же зависимость (въ концѣ предыдущей главы уже приведена подобная таблица, нѣсколькихъ же другихъ подобныхъ цифръ не привожу за недостаткомъ мѣста). Но, не имѣя права сомнѣваться въ томъ, что именно извѣстная степень сокращенія размѣровъ землевладѣнія представляетъ безспорную причину первыхъ передѣловъ, мы еще не рѣшаемъ вопроса: является ли эта причина единственной, т.-е. необходимой и достаточной, не дѣйствуетъ ли она въ комбинаціи съ какимъ-либо другимъ одинаково или даже еще болѣе важнымъ факторомъ?

На такой вопросъ въ особенности наталкиваютъ встрѣчающіяся иногда заявленія самихъ крестьянъ, что они начинаютъ передѣлы, „такъ какъ земли служатъ обезпеченіемъ государственныхъ податей“... или даже иной разъ прямо ссылаются на административные циркуляры, которые принимаютъ за приказъ производить передѣлы и заявляютъ, что дѣлятъ

---

[1]) См. „Современникъ“ за 1858 г., т. 72, стр. 160.
[2]) „Общ. въ Сиб.“, стр. 67.

именно на основаніи этого приказа. Не должны ли мы въ виду такихъ фактовъ допустить, что быть можетъ, уже одна дѣйствующая нынѣ податная система въ связи съ прямымъ воздѣйствіемъ администраціи, представляетъ достаточное, а быть можетъ, и необходимое условіе возникновенія передѣловъ?

Что касается собственно фискальной системы вообще и круговой поруки въ частности, то выше я уже формулировалъ свой взглядъ на важную ихъ роль, какъ наиболѣе конкретнаго мотива въ общинно-передѣльномъ правѣ на трудъ. Изъ этого видно, что въ этомъ смыслѣ и въ этой степени я вполнѣ признаю фискально-политическую систему однимъ изъ условій развитія передѣловъ. Но къ болѣе точному выясненію этого вопроса, какъ и вообще вопроса о томъ, какую роль игралъ политическій и какую экономическій факторъ въ происхожденіи общинной формы землевладѣнія въ Россіи, я обращусь въ слѣдующихъ отдѣлахъ моей работы, такъ какъ эта задача уже выходитъ изъ предѣловъ настоящей части моего изслѣдованія, посвященной преимущественно лишь эмпирическому изученію современныхъ общинныхъ формъ. Поэтому пока мы разсмотримъ съ нѣкоторой подробностью только болѣе частный и конкретный вопросъ о вліяніи собственно административнаго воздѣйствія въ послѣднія десятилѣтія на возникновеніе и развитіе передѣловъ въ окраинныхъ мѣстностяхъ.

Въ послѣднее время въ Сибири это воздѣйствіе администраціи имѣло интересный характеръ. Здѣсь у крестьянъ, какъ уже было указано, прежде всего шла ожесточенная борьба за уравнительный передѣлъ податей, а не земли. Долгое время, однако, борьба эта была безуспѣшна, такъ какъ большинство крестьянъ было увѣрено, что они вовсе не имѣютъ права „самовольно“ измѣнять установленную при послѣдней ревизіи разверстку податей по крайней мѣрѣ до новой „ревизіи“. Потребовался по этому предмету спеціальный указъ Сената (отъ 5 октября 1884 года), согласно которому въ Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерніяхъ послѣдовали циркулярныя распоряженія губернаторовъ, разъяснявшія крестьянамъ ихъ право самостоятельно разверстывать подати на какихъ угодно основаніяхъ, частью же пояснявшія (для Иркутской, напримѣръ, губерніи) и право при этомъ передѣлять землю соотвѣтственно податямъ.

Во множествѣ общинъ циркуляры, объявленные крестьянамъ чрезъ низшую администрацію, были часто не только крестьянами, но иногда и самими чиновниками поняты, какъ „приглашеніе“, „предложеніе“, „предписаніе“, „приказъ“ передѣлить подати или землю. Послѣ всѣхъ этихъ „разъясненій“, „предписаній“ и предложеній“ по всѣмъ упомянутымъ четыремъ губерніямъ прошла сильная волна передѣловъ: именно съ 84, 85 и въ слѣдующіе годы были переверстаны въ большинствѣ сибирскихъ общинъ платежи съ ревизскихъ душъ на другія единицы, тогда же совершилось и большинство всѣхъ отмѣченныхъ изслѣдованіемъ конца 80-хъ годовъ

передѣловъ земли, не только первыхъ—но и повторныхъ (тамъ, гдѣ они уже начались значительно раньше и гдѣ теперь перешли отъ распредѣленія земли и податей по ревизскимъ душамъ къ разверсткѣ на живыя, наличныя). Спрашивается: не были-ли эти передѣлы прямо и всецѣло результатомъ циркуляровъ? На такое предположеніе наводятъ не только отзывы самихъ крестьянъ, часто, какъ сказано, прямо заявлявшихъ въ приговорахъ о передѣлѣ, что дѣлятъ „по предписанію“ чиновниковъ по крестьянскимъ дѣламъ (въ Иркутской губ. и въ Ишимскомъ округѣ Тобольской губ.), но и распредѣленіе передѣловъ во времени: напримѣръ, въ 3-хъ округахъ Иркутской губ. изъ 20 бывшихъ здѣсь „поравненій“ только 5 произошли до циркуляровъ, а 15—послѣ и т. д.

Уже самыя элементарныя, однако, апріорныя соображенія устраняютъ такое предположеніе. Если первые, самые трудные шаги общины въ ея борьбѣ съ лично-захватнымъ владѣніемъ — разные фазисы ограниченія захвата и общинныхъ отводовъ,—были ею пройдены совершенно самопроизвольно, безъ всякихъ рѣшительно толчковъ извнѣ, то почему бы послѣдніе могли стать необходимыми въ заключительномъ, гораздо болѣе легкомъ, только, такъ сказать, резюмирующемъ и систематизирующемъ предыдущую эволюцію моментѣ первыхъ передѣловъ пашни, возникающихъ при томъ изъ предыдущихъ формъ цѣлымъ рядомъ такихъ тонкихъ переходовъ, что часто ихъ совершенно нельзя отличить отъ послѣднихъ [2]); если, на-

---

[1]) Для того, чтобы вполнѣ ясно и конкретно представить ходъ этого процесса требовалось бы привести просто подробную исторію землевладѣнія нѣсколькихъ общинъ за нѣсколько десятковъ лѣтъ. Къ сожалѣнію ни однимъ изслѣдователемъ не были представлены такія данныя; только г. Щербина привелъ по Кубанской области такую протокольно-подробную схему для развитія владѣнія сѣнокосами. Помѣщаю ее здѣсь, такъ какъ и этотъ отрывокъ даетъ довольно яркую картину... „Въ станицѣ Новодеревянковской 20 мая 1873 г. общество постановило „обозначить бороздою“ сѣнокосныя мѣста, а самое сѣнокошеніе начать съ 1 іюня; за потраву сѣнокосовъ при этомъ положено штрафовать по 25 коп. со штуки рогатаго скота, по 3 рубля съ сотни овецъ, съ иногородныхъ лицъ брать по 3 рубля съ лошади и по 1 рублю съ воза накошеннаго сѣна. 28 мая общество установило, чтобъ каждый дворъ помимо своихъ рабочихъ рукъ нанималъ не болѣе двухъ косарей подъ угрозою штрафа въ 10 руб. за каждаго лишняго косаря. Того же числа было опредѣлено въ особомъ приговорѣ оштрафовать одного домохозяина, позволившаго себѣ косить два дня, по 5 руб. съ мажары сѣна. 20 мая 77 г. общество, разрѣшивъ свободно косить траву въ царинахъ, общій покосъ назначило съ 3 іюня, при чемъ до 29 іюня положено было нанимать только по два косаря на дворъ, не считая своихъ рабочихъ рукъ и одного годового или срокового работника, и за нарушеніе этого опредѣлило штрафъ въ 5 руб. за косаря въ день. 11 мая 75 г. общество опять назначило срокъ и постановило штрафовать по 3 руб. въ день съ лишняго косаря и т. д. „Дабы уравнять каждаго въ сѣнокошеніи, говорится въ приговорѣ за 76 г., начать покосъ съ 7 іюня въ первыя двѣ недѣли по 2 косаря на дворъ; кто начнетъ косить раньше, у того забирается сѣно въ станичное правленіе для обывательскихъ троекъ и, кромѣ того, штрафовать по 5 руб. за каждаго косаря въ день, а за каждаго косаря сверхъ нормы—3 руб. штрафа въ день. Въ 77 г. былъ повторенъ прошлогодній приговоръ съ буквальной точностью, при чемъ лишь штрафъ для перваго случая пониженъ до 3-хъ руб. То же самое было въ 78 и 79 гг. Въ 80 г. первыя двѣ недѣли съ назначеннаго для начала покоса срока полага-

примѣръ, даже поравненія усадебъ, т.-е. гораздо болѣе интенсивнаго, чѣмъ пашня, угодья, возникали часто, если не обыкновенно, не только безъ всякихъ циркуляровъ, но даже до извѣстной степени вопреки законодательной нормѣ (часто, впрочемъ, бывали и административныя поощренія къ тому) [1]), то почему бы это было невозможно для пашни? Если, затѣмъ, вся эта чрезвычайно долгая, сложная и трудная эволюція совершенно ни въ одномъ звенѣ своемъ непредставима внѣ этой внутри-общинной экономической и правовой борьбы за землю подъ вліяніемъ ея убыванія, то можно ли допустить, что для послѣдняго ея фазиса было достаточно одного внезапнаго внѣшняго воздѣйствія, какъ бы игнорирующаго и минующаго весь этотъ процессъ внутренняго постепеннаго перерожденія [2])? Не ясно ли уже изъ

лось имѣть по 2 наемныхъ косаря на дворъ. Въ 81 г. постановили то же, что и въ 80 г. Наконецъ, въ 82 г., юртъ былъ раздѣленъ на паи, т. е. передѣленъ уравнительно, и каждый хозяинъ могъ уже косить сѣно на своемъ паѣ, когда ему вздумалось-бы". („Зем. общ. Куб. каз.", стр. 131, 132). На этомъ эпизодѣ изъ исторіи одной общины, постепенно въ десятилѣтній періодъ перешедшей отъ захвата, ограниченнаго мѣстомъ, временемъ и количествомъ рабочей силы, къ передѣлу, мы какъ нельзя болѣе осязательно видимъ, какъ годъ за годомъ все сильнѣе и гуще всходятъ и развиваются ростки общиннаго права,—видимъ несомнѣнное внутреннее самопроизвольное развитіе.

Эта же постепенность и правильность накопленія мелочей общинной регламентаціи и сложенія ихъ затѣмъ въ сложную и прочную организацію особенно ярко проявляется въ развитіи способовъ качественнаго уравниванія полосъ при передѣлахъ. „Въ этой таксаціи,—говоритъ г. Осиповъ въ своей работѣ по Кург. Окр. („Мат. Зап. Спб.", вып. XXI, стр. 18)—кристаллизовался опытъ и наблюденія надъ землей всѣхъ прошедшихъ поколѣній, постоянно пополняющійся новыми данными... Постепенно, по мѣрѣ ознакомленія крестьянъ со своими землями, и по мѣрѣ измѣненія условій, въ которыхъ они находились, расцѣнка этихъ земель дѣлалась все болѣе и болѣе точной, все болѣе и болѣе исправляла прежнія ошибки. Ничто не создастъ болѣе прочной увѣренности въ высокомъ достоинствѣ крестьянской таксаціи земель, какъ изученіе этого процесса смѣны однихъ способовъ передѣла другими: вы ясно видите, почти осязаете народную мысль, работавшую въ тишинѣ полей надъ изобрѣтеніемъ лучшихъ формъ раздѣла земель въ интересахъ справедливости, удобства и хозяйственности"...

[1]) Необходимо замѣтить, что въ Сибири и по отношенію къ усадьбамъ было косвенное вліяніе администраціи въ видѣ требованія построенія селеній по планамъ, но это слишкомъ уже косвенное вліяніе, и оно имѣло результаты опять-таки только тамъ, гдѣ и безъ него тотъ же результатъ вынуждался развитіемъ земельной тѣсноты.

[2]) Всего ярче рисуется эта сила и самопроизвольность развитія общинно-передѣльнаго порядка именно рѣзкостью, ожесточенностью борьбы за первые передѣлы. Весьма сожалѣю, что по недостаточности данныхъ (какъ упомянуто, изслѣдователи до сихъ поръ слишкомъ рѣдко пытались представить подлинную детально-протокольную картину внутри-общинной жизни и борьбы) долженъ ограничиться въ этомъ случаѣ лишь двумя-тремя штрихами...

Въ общинахъ, гдѣ идетъ борьба за первый передѣлъ, общій припѣвъ малоземельныхъ: „бѣдные и богатые одинаково платятъ, а богатые, между тѣмъ, забираютъ земли получше"... Въ д. Песчаной бѣдные хозяева съ запальчивостью кричали: „намъ житья не будетъ, пока не передѣлятъ землю. Богатые захватили всѣ земли. Они говорятъ намъ: „пашите, гдѣ хотите,—у насъ вольно. А явишься ты,—вездѣ то окажется его земля, его пашня. Они захватили лучшія пашни, огородили ихъ; лучшіе покосы—все ихніе"... Въ д. Новотырышкинскомъ не только маломощные и средніе хозяева, но богатые даже выразили сильное желаніе, чтобы земля поскорѣе передѣлена была по душамъ: богачи полагаютъ, что тогда „меньше грѣха"

этихъ соображеній, что административное воздѣйствіе могло играть при развитіи первыхъ передѣловъ лишь роль повода, но не могло быть само по себѣ необходимой и достаточной причиной этого явленія?

Детальное разсмотрѣніе самаго хода процесса уже съ полной очевидностью покажетъ намъ это.

Были ли циркуляры достаточной причиной передѣловъ?

Начнемъ съ передѣловъ податей. Въ большинствѣ мѣстностей они были переверстаны послѣ разъясненій администраціи, но въ нѣкоторыхъ общинахъ осталась попрежнему ревизская ихъ разверстка. Особенно энергично пропагандировала въ 87—88 г.г. администрація Енисейской губ. (чрезъ полицію и волостныхъ старшинъ) по-имущественную раскладку податей (см. о ней выше). Однако, она здѣсь, повидимому, не имѣла большого успѣха. Вотъ что писалъ корреспондентъ „Восточнаго Обозрѣнія“ въ 89 г. (№ 12 „Письмо изъ Минусинскаго Округа“): „Реформа эта, не смотря на ея обязательность для всѣхъ обществъ, (какъ видимъ, корреспондентъ тоже не знаетъ, что администрація вовсе не имѣла права къ чему бы то ни было обязывать крестьянъ въ этомъ вопросѣ) пришлась нашимъ ку-

---

было бы... Но „грѣха“ выходитъ обыкновенно очень много и при совершеніи самыхъ первыхъ передѣловъ: сравнительно рѣдко совершаются они миролюбиво, а чаще всего сопровождаются ссорами, драками и жалобами по начальству, къ каковымъ (жалобамъ) особенно склонны, по словамъ г. Кауфмана, сибирскіе крестьяне и каковыя предусматриваются иногда уже въ самыхъ приговорахъ о передѣлѣ: „земляной раздѣлъ мы учинили дружелюбно, чтобы намъ другъ на друга не приходить“ („приходить“ — т.-е. съ жалобами къ начальству), „землю раздѣлить между собою по совѣсти, не доводя до свѣдѣнія начальства“... (Матеріалы по Тобольской и Томской г.г., статья—выпускъ V, Ишимскій округъ—Кауфманъ, стр. 197, 198). До какихъ средствъ борьбы противъ передѣла доходятъ иногда старозанмочники, показываетъ такой примѣръ: въ селѣ Усть-Ижорѣ, Петербургскаго уѣзда, гдѣ до сего еще времени сохранился захватъ (вслѣдствіе дурной почвы), богачи, сопротивлявшіеся передѣлу, не останавливались даже передъ арестомъ на сходѣ крестьянъ, поднимавшихъ вопросъ о передѣлѣ, какъ будто бы пьяныхъ...

Наконецъ, особенно ярко видѣли мы силу и натиска, и сопротивленія въ тѣхъ довольно частыхъ случаяхъ, когда уже рѣшенный передѣлъ, но долго не осуществленный или даже уже осуществленный, снова отмѣняется. „Раздѣлъ по душамъ даже и послѣ рѣшенія общины часто осуществлялся не сразу,—говоритъ г. Кауфманъ объ Ишимскомъ округѣ; такъ, на глазахъ г. Кауфмана 7 общинъ, начавъ раздѣлъ, не довели его до конца,—двѣ общины заподозрили довѣренныхъ передѣльщиковъ въ злоупотребленіяхъ и стали передѣлять сызнова, въ третьей помѣшало сопротивленіе богатѣевъ, а въ четырехъ не сумѣли передѣлить разбросанныя безпорядочно угодья. Г. Чудновскій также упоминаетъ о случаяхъ отмѣны уже состоявшихся передѣловъ и о задержкѣ состоявшихся рѣшеній, вслѣдствіе скрытаго или явнаго сопротивленія богатѣевъ...

Читатель долженъ согласиться, что эти неудачные первые передѣлы (въ концѣ концовъ все-таки, конечно, совершающіеся), обнаруживающіе столь сильное „треніе“ при первыхъ движеніяхъ слагающагося общинно-передѣльнаго механизма, съ особенной яркостью проявляютъ намъ тѣмъ самымъ силу двигающаго имъ рычага,—съ особенной очевидностью демонстрируютъ самопроизвольность, закономѣрность, неизбѣжность развитія общинно-передѣльнаго владѣнія на извѣстной ступени земельной тѣсноты...

лакамъ не по вкусу. Сходы, обсуждавшіе это мѣропріятіе, были очень бурны. Бѣдняки поняли, что новая система распредѣленія податей облегчитъ ихъ существованіе и рѣшили сбросить съ себя часть налоговъ. Но кулаки, благодаря крючкотворному пріему, подсказанному имъ сельскими писарями, поворотили дѣло такъ, что тѣ же бѣдняки опять наложили на себя петлю, постановивъ приговоръ объ оставленіи всей раскладки по старому. Именно, циркуляръ губернскаго совѣта истолкованъ такъ, что міру предоставлено право согласиться или нѣтъ на „предложеніе“ совѣта. Въ иныхъ деревняхъ прямо говорилось, что это новый налогъ на землю и скотъ. Бѣдняки поэтому не осмѣлились противиться такимъ резоннымъ толкованіямъ циркуляра и кулаки опять взяли верхъ“... Итакъ, мы видимъ, что если циркуляръ приходитъ въ общины, гдѣ вся сила во внутри-общинной борьбѣ еще на сторонѣ противниковъ передѣла „старозаимочниковъ“, то даже и такая сильная форма административнаго давленія оказывается недостаточной, чтобы вызвать передѣлы — не земли даже, а лишь податей, — не смотря на то, что таковой передѣлъ и легче совершается, чѣмъ передѣлъ земли, и ставится крестьянами въ большую зависимость отъ воли начальства.

И дѣйствительно, мѣстное изслѣдованіе, происходившее въ Енисейской губ., нашло тутъ всего 22,9% платежей разложенными по-имущественно, такъ что цѣлыхъ $^3/_4$ платежей были по прежнему разложены на тѣ или иныя категоріи „душъ“; и при этомъ изслѣдователь нашелъ, что съ теченіемъ времени дальше по-имущественная раскладка почти не распространяется. Итакъ, однихъ настояній администраціи оказалось недостаточно для введенія новой системы раскладки, хотя бы она казалась чрезвычайно раціональной, справедливой и выгодной для большинства „ровненькихъ“ и бѣдныхъ хозяевъ. Интересно тутъ отмѣтить, что % этой раскладки колебался по разнымъ округамъ отъ 8,8% до 30,0%; еще замѣчательнѣе, что въ сосѣднихъ съ Енисейской губ. округахъ Томской губ. аналогичная пропаганда администраціи имѣла, по наблюденіямъ г. Кауфмана, гораздо большій успѣхъ, а въ Иркутской губ. не имѣла, наоборотъ, совершенно никакого результата [1]). Эти обстоятельства какъ нельзя осязательнѣе указываютъ на то, что сѣмена административной пропаганды укоренились и принесли плодъ только тамъ, гдѣ попали на подготовленную уже почву (особенно характерно въ этомъ смыслѣ то, что иногда крестьяне, боясь ослушаться административныхъ увѣщаній, вводили по-имущественное обложеніе только для вида, облагая, напримѣръ, по 1 коп. десятину и т. п.)...

Еще лучше обнаруживается недостаточность административнаго воздѣйствія самого по себѣ на передѣлахъ земли. Въ Иркутской губ. на приглашеніе дѣлить землю отозвалось какихъ-нибудь 15 общинъ, при томъ исключительно Иркутскаго округа и самыхъ малоземельныхъ. При этомъ и у этихъ передѣлившихъ общинъ слу-

[1]) „Крест. община въ Сибири“, стр. 110, 111.

жебная роль циркуляра ясна не только изъ апріорнаго предположенія, что въ нихъ передѣлъ вынуждался малоземельемъ (см. конецъ предыдущей главы), но и прямо указывается самими крестьянами: здѣсь шла борьба за передѣлъ уже до циркуляра, и передѣлъ не совершался только потому, что крестьяне думали, что не имѣютъ на то права. Точно такъ же въ Туринскомъ окр. Тобольской губ. въ шести сѣверо-западныхъ волостяхъ послѣ циркуляровъ чиновниковъ передѣлили (уже повторно, а не въ первый разъ) почти всѣ общины, а въ трехъ юго-восточныхъ не передѣлила ни одна, — и это объясняется большей тѣснотой и цѣнностью земли въ первыхъ и многоземельемъ и приблизительнымъ равенствомъ арендныхъ цѣнъ съ платежами во вторыхъ. Наконецъ, въ Ишимскомъ округѣ, гдѣ чиновники по крестьянскимъ дѣламъ, мѣстами по недоразумѣнію, прямо приказывали передѣлять землю (хотя и не имѣли на то законнаго права), въ большинствѣ общинъ сравнительно малоземельныхъ передѣлы (тоже уже не первые, а повторные) прошли сейчасъ же послѣ циркуляровъ быстро и легко; въ другихъ же съ большимъ трудомъ и только черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ повторныхъ предписаній чиновника, да и то часто тутъ приговоры остались только на бумагѣ, а передѣла никакого не было, а были и такіе случаи, что попробовали дѣлить, но сейчасъ возвратились къ старому порядку (захватному); наконецъ, въ многоземельной Сладковской волости (гдѣ сохранилось захватное владѣніе) передѣлъ и вовсе не осуществился, такъ какъ „всѣ настоянія чиновника разбились объ упорное сопротивленіе богатой части населенія“... [1]). И т. д.

Полагаю, изъ сказаннаго съ безспорностью явствуетъ, что разъ вліяніе администраціи, примѣняясь даже въ самой сильной степени, часто либо не вызывало передѣловъ вовсе, либо достигало лишь формальной имитаціи ихъ, то оно не было достаточной причиной передѣловъ въ Сибири. И такъ какъ этотъ отрицательный результатъ получался именно тогда, когда передѣлы прямо не вызывались развитіемъ земельной тѣсноты, — то, значитъ, этотъ послѣдній факторъ являлся именно условіемъ sine qua non, — являлся необходимой причиной передѣловъ.

---

[1]) „Мат. Зап. Сиб.“, в. XIII, стр. 29 и в. V, стр. 940—142 и „Крестьянская община въ Сиб.“, стр. 68—69. Точно такъ же для Забайкальской области г. Кроль какъ нельзя болѣе осязательно доказываетъ, что „...тамъ, гдѣ потребности въ уравнительномъ пользованіи еще нѣтъ, циркуляры очень рѣдко приводятъ къ дѣйствительнымъ поравненіямъ. Чаще всего „во исполненіе предписанія начальства“ производится какое-нибудь фиктивное поравненіе въ видѣ отрѣзки въ пользу особенно безпокойныхъ отъ имѣющихъ черезчуръ большіе участки. Само собою разумѣется, что такія поравненія очень мало мѣняютъ положеніе безземельныхъ. Настоящіе же передѣлы или поравненія наступаютъ лишь тогда, когда въ поравненіи земельныхъ угодій заинтересовано значительное большинство членовъ общины, которые при раздѣлахъ земли ревниво слѣдятъ, чтобы всѣ малоземельные были удовлетворены „по справедливости“... „Матеріалы комиссіи для изслѣд. землевл. въ Забайк. обл.“, в. 10, стр. 178.

Представляло ли административное вліяніе **необходимую** причину передѣловъ, т.-е. дѣйствительно ли, разъ **не было его**, то не могло быть и передѣловъ?

Выше мы уже могли, на примѣрѣ, хотя бы Иркутской губ., замѣтить, что это не такъ: здѣсь всюду началась борьба за передѣлы до циркуляровъ, и въ 5 общинахъ уже самые передѣлы состоялись безъ всякихъ циркуляровъ исключительно по причинѣ земельнаго „утѣсненія". То же отмѣчено и повсюду. Напр., поимущественная раскладка, столь горячо пропагандированная въ Енисейской губ., не есть изобрѣтеніе администраціи: она совершенно самопроизвольно еще до циркуляровъ появилась отдѣльными случаями въ г.г. Томской и Иркутской, а въ Тобольской губ. такъ даже широко уже распространилась. Вспомнимъ затѣмъ, что выше рѣчь шла о развитіи передѣловъ **пашни**, передѣлы же покосовъ развились въ Сибири уже давнымъ давно, постепенно, и совершенно безъ всякаго воздѣйствія администраціи, подъ однимъ лишь вліяніемъ утѣсненія въ покосахъ. Вспомнимъ, наконецъ, что все это воздѣйствіе администраціи было собственно отраженнымъ результатомъ внутри-общинной правовой и экономической борьбы: **вѣдь, именно изъ-за нея и вызванныхъ ею споровъ и недоразумѣній и послѣдовалъ вышеупомянутый указъ сената губернаторамъ**...

Итакъ, съ не меньшей, чѣмъ раньше, очевидностью мы видимъ, что административныя вліянія не представляются также и **необходимой** причиной передѣловъ, что передѣлы могутъ быть и безъ нихъ, разъ есть основной ихъ факторъ—**развитіе земельной тѣсноты**. Выходитъ значитъ, что этотъ факторъ есть не только **необходимая**, но и сама по себѣ **достаточная причина** передѣловъ [1])

---

[1]) Необходимо замѣтить, что такой выводъ получается отнюдь не для одной только Сибири, но и для всѣхъ вообще мѣстностей, переживающихъ нынѣ или недавно переживавшихъ фазисъ первыхъ передѣловъ, и гдѣ тоже были административныя поощренія къ нимъ (если только, конечно, о послѣднихъ имѣются по этому вопросу мало-мальски обстоятельныя свѣдѣнія). Такъ, напр., относительно первыхъ передѣловъ въ Кубанской области г. Щербина утверждаетъ, что „сложившіеся въ черноморскихъ общинахъ земельные порядки составляютъ продуктъ преимущественно народной мысли" и „мнѣніе о томъ, будто бы дѣлежи были результатомъ циркулярныхъ распоряженій бывшаго начальника области Н. Н. Кармалина, не выдерживаетъ ни малѣйшей критики"... „Правда, какъ голосъ начальника области, онъ по одному уже этому долженъ былъ предпочитаться всѣмъ другимъ голосамъ, но общества вольны были принять рекомендуемые способы дѣлежей, вольны и не принять, тѣмъ болѣе, что въ циркулярахъ не было и тѣни намека на какія-либо понужденія. Такъ, совершенно свободно общества и отнеслись къ этимъ циркулярамъ. Какъ мы видѣли выше, общество, напр., стан. Брюховецкой не послушалось циркуляра начальника области въ 79 г. и послушалось автора газетной статьи въ 81 г. Тамъ, гдѣ не назрѣли еще потребности въ дѣлежѣ земли, какъ это было въ стан. Переяславской, Тимошевской и др., общества въ своихъ приговорахъ отвѣчали отрицательно на циркуляры начальника области. Въ то же время они присматривались къ практикѣ другихъ станицъ, **посылали даже съ этой цѣлью выборныхъ лицъ** (мой курсивъ), вырабатывали свои собственные порядки,

Такимъ образомъ, приходится значитъ, признать за административнымъ вліяніемъ лишь ту роль, которая выражается въ понятіи „повода". Подъ поводомъ нужно понимать въ историческомъ процессѣ такія явленія, которыя лишь вызываютъ въ дѣйствіе накопившуюся уже совершенно независимо отъ нихъ энергію, бывшую до того въ потенціальномъ состояніи, изъ коего она могла бы быть, однако, выведена и другими условіями и даже послѣ извѣстной степени накопленія могла бы перейти въ дѣйствіе и сама, безъ всякаго внѣшняго воздѣйствія. Именно такимъ поводомъ и нужно признать административные циркуляры, приглашавшіе крестьянъ къ передѣламъ: они лишь усилили энергію хозяевъ, и безъ того добившихся передѣла, и умѣрили сопротивленіе передѣлу со стороны тѣхъ, кому онъ невыгоденъ. Но то же положеніе,—такое же усиленіе партіи за передѣлъ и ослабленіе партіи противъ него,—могло бы явиться и дѣйствительно является въ результатѣ и другихъ какихъ-нибудь обстоятельствъ,—въ результатѣ, напр., пріема въ общество переселенцевъ (что и наблюдается очень часто), могло бы получиться и получается и просто на извѣстной ступени развитія земельной тѣсноты, вслѣдствіе одного лишь естественнаго прироста населенія [1]).

какъ въ ст. Дядьковской, Камышеватской и др.,—короче творили земельные порядки такимъ образомъ, какъ подсказывали имъ это ихъ общественный разумъ, пониманіе окружающей среды и господствующія потребности" („Земск. Общество Кубанск. каз." стр. 107—108).

[1]) Долженъ еще указать, что всѣ компетентнѣйшіе сибирскіе изслѣдователи, какъ г.г. Кауфманъ, Личковъ и др., держатся въ общемъ приблизительно такого же воззрѣнія; его же держатся даже и сами крестьяне... Привожу для образца особенно мѣткія замѣчанія г. Осипова о ходѣ передѣловъ въ изслѣдованномъ имъ Курганскомъ округѣ Тобол. губ. (гдѣ, впрочемъ, повторяю, передѣлы были уже раньше при ревизіяхъ и вопросъ шелъ лишь о „самовольномъ", какъ выражались крестьяне, ихъ возобновленіи)... „Самыя первыя и самыя главныя причины передѣловъ, говоритъ г. Осиповъ, почти во всѣхъ обществахъ Курганск. окр. формулировались фразами: „некому стало служить; сдѣлалось такъ, что всѣ на службѣ (у нѣкоторыхъ семей)—пахать земли некому; у малолѣтовъ свои малолѣты пошли—питаться стало нечѣмъ"... „Но прежде чѣмъ отлилась въ сознаніи крестьянъ эта краткая и ясная формула, прошло много времени, и во многихъ случаяхъ нужны были или внѣшніе толчки, или безусловная невыносимость положенія для обѣихъ сторонъ, чтобы рѣшено было приступить къ земельнымъ передѣламъ. Съ теченіемъ времени потребность въ перемѣнѣ положенія сдѣлалась столь настойчивою, что состояніе всего крестьянскаго населенія можно уподобить извѣстному физическому явленію: въ спокойномъ состояніи жидкость можетъ дойти до 20°R. и все-таки не замерзнуть; но достаточно малѣйшаго толчка, чтобы вода мгновенно превратилась въ ледъ (курсивъ мой). „Причина, которая удерживала крестьянъ отъ передѣла на наличныя души, заключалась въ ожиданіи государств. переписи (и въ мнѣніи, что безъ нея они не имѣютъ права дѣлить). „И когда эта причина была устранена (съ введеніемъ чиновниковъ по крест. дѣламъ, которые разъяснили крестьянамъ ихъ права), все населеніе мгновенно заволновалось и очень быстро перешло къ такому порядку, который былъ діаметрально противоположенъ: нужда, назрѣвшая въ теченіе 30 лѣтъ, была разрѣшена всего въ 1—3 года"... (См. „Мат. Зап. Сиб.", в. XXI, стр. 93–94).

Буквально такъ же формулируетъ значеніе для передѣловъ административнаго воздѣйствія и г. Кроль относительно Забайкальской обл.,—одинаково, какъ для крестьянъ, такъ и для инородцевъ. Частью они остались безрезультатными,

Итакъ, сгущеніе населенія **необходимо** и оно уже **достаточно**, чтобы крестьянское землевладѣніе изъ неограниченнаго семейно-захватнаго трансформировалось, чрезъ ограниченно-захватное и общинно-отводное, въ общинно-передѣльное. Но одинъ естественный приростъ населенія ведетъ къ этому результату медленно, въ теченіе многихъ и многихъ десятилѣтій. Огромное ускореніе вноситъ въ этотъ процессъ переселенческій потокъ, частью сгущающій населеніе въ самихъ сибирскихъ общинахъ (когда „новоселы“ приписываются въ „старожильскія“ селенія), частью все тѣснѣе съуживающій ихъ территорію межеваніемъ, отрѣзывающимъ надѣлы „россійскимъ“. И вотъ уже сами крестьяне на всемъ пространствѣ Сибири все яснѣе и яснѣе начинаютъ сознавать неизбѣжность перехода къ общинно-передѣльному владѣнію въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Это замѣчалось даже въ Иркутской губ., когда туда еще не докатилась переселенческая волна и ничто не угрожало особенно быстрымъ сокращеніемъ земельнаго простора. На Алтаѣ же, куда въ 80 г.г. вливался основной потокъ переселенческаго движенія и гдѣ во многихъ мѣстностяхъ уже теперь стало „тѣсно“, а также въ Минусинскомъ, напр., округѣ, вселеніе въ который развивается все быстрѣй и быстрѣй и даже въ остальныхъ многоземельныхъ округахъ Томской губ., гдѣ у старожиловъ тоже уже отрѣзываютъ для переселенцевъ все новые и новые участки (особенно по линіи Сибирской желѣзной дороги),—всюду въ этихъ все быстрѣе и быстрѣе наполняемыхъ толпами „рассейцевъ“ мѣстностяхъ всѣ наблюдатели отмѣчаютъ совершенно отчетливое сознаніе самими крестьянами неизбѣжности передѣловъ въ ближайшемъ же будущемъ. Г. Чудновскій объѣхалъ на Алтаѣ, напр., **до ста** селеній, изслѣдуя формы землевладѣнія, и лишь **въ двухъ** селеніяхъ встрѣтилъ рѣшительное нерасположеніе къ передѣлу,—да и то эти селенія принадлежатъ къ самымъ многоземельнымъ (и притомъ населены безпоповцами, бытъ которыхъ – патріархальный, между которыми особенно развито единеніе и взаимопомощь, отчасти сглаживающія и предупреждающія имущественную неравномѣрность и антагонизмъ общинныхъ партій)...

Такимъ образомъ, предъ нами вырисовывается огромная картина заключительнаго акта колонизаціонной исторіи Россіи и параллельнаго процесса складыванія общинно-передѣльной формы землевладѣнія. Предъ нами во всей Сибири—въ Пріамурьѣ, Забайкальѣ, въ губерніяхъ—Иркутской, Енисейской, Томской и частью Тобольской, въ Средне-Азіатскихъ областяхъ (Акмолинской, Семипалатинской,

---

тамъ же, гдѣ послѣ нихъ были передѣлы, они только „являются послѣднимъ толчкомъ къ осуществленію давно назрѣвшей потребности въ поравненіи, и тогда, сыгравъ скромную роль этого толчка, начальственное предписаніе перестаетъ имѣть какое бы то ни было значеніе: жизнь общины продолжаетъ идти своимъ путемъ, поравненія или передѣлы повторяются по мѣрѣ надобности, регулируемые, согласно выработаннымъ общиной на этотъ счетъ обычно-правовымъ воззрѣніямъ“. („Матер... комиссіи для изсл. землев. и землеп. въ Заб. обл.“, в. 10, стр. 178).

Семирѣченской), въ пограничныхъ съ ними Тургайской обл., губерніяхъ Оренбургской и Уфимской, на земляхъ казачьихъ войскъ Уральскаго, Терскаго, Кубанскаго, Донского (въ послѣдней только, впрочемъ, отчасти), частью въ губерніяхъ сѣверныхъ и сѣверовосточныхъ, а въ отдѣльныхъ случаяхъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, — во всемъ этомъ огромномъ районѣ лежитъ, такъ сказать, о б щ и н а б у д у щ а г о и, несомнѣнно, самаго б л и ж а й ш а г о, при томъ, будущаго.

Такимъ образомъ, для всего этого района и всего его населенія мы должны видоизмѣнить нашъ вопросъ: с о х р а н и т с я ли община? въ вопросъ: р а з о в ь е т с я-л и община? и должны отвѣтить на него утвердительно: должны сказать, что пока тутъ будутъ дѣйствовать тѣ условія, которыя дѣйствовали до сихъ поръ, до тѣхъ поръ и община будетъ здѣсь развиваться [1]).

---

[1]) Хотя этотъ выводъ граничитъ съ очевидностью, однако на всякій случай считаю не лишнимъ сдѣлать еще нѣсколько поясните льныхъ замѣчаній. Я боюсь, именно, что при современномъ ультра-скептическомъ отношеніи къ общинѣ эта грандіозная картина „общины будущаго“ на всей огромной земледѣльческой территоріи „страны будущаго“ поразитъ иныхъ читателей своей неожиданностью, и они спросятъ меня: да неужели дѣйствительно повсюду тутъ община только складывается? Неужели нѣтъ такихъ случаевъ, чтобъ она разлагалась, не успѣвши сложиться? и нѣтъ ли вѣроятія, что такіе случаи будутъ учащаться и станутъ общимъ правиломъ? На такія возможныя сомнѣнія считаю обязанностью отмѣтить, что во всѣхъ окраинныхъ мѣстностяхъ существуетъ, насколько знаю, лишь одинъ районъ, гдѣ сразу непосредственно (безъ предварительнаго семейно-захватнаго фазиса) возникаетъ индивидуальное землевладѣніе: это—Уссурійскій край, гдѣ п р а в и т е л ь с т в о отводитъ земли переселенцамъ (преимущественно болѣе зажиточнымъ семьямъ изъ малороссійскихъ губерній) и м е н н о в ъ л и ч н о е, а н е о б щ и н н о е владѣніе. Помимо же этихъ случаевъ извнѣ, законодательно, установленной личной собственности, я встрѣтилъ т о л ь к о д в а-т р и факта с а м о п р о и з в о л ь н а г о отклоненія о б ы ч н а г о о б щ и н н а г о п р а в а послѣ семейно-захватнаго фазиса къ индивидуалистическому порядку, да и эти факты при ближайшемъ разсмотрѣніи говорятъ скорѣе въ пользу нашего вывода. А именно, въ Алтайскомъ Горномъ Округѣ д. Черга (цитирую по статьѣ г. Чудновскаго „Алт. Зем. общ.“, Сѣв. В., 88 г., 10 кн.) произвела п е р в ы й передѣлъ пашни „н а в ѣ ч н о“ и тѣмъ какъ бы отказалась на будущее время отъ общинно-передѣльнаго владѣнія; однако, съ одной стороны, мы не видимъ здѣсь еще несомнѣннаго разложенія общины, ибо передѣлъ „навѣчно“, какъ будетъ доказано въ послѣдней главѣ, еще далеко не означаетъ не только дѣйствительнаго перехода къ подворному владѣнію, но даже и прекращенія передѣловъ, что въ данномъ случаѣ и подтверждается оставленіемъ общиною особаго запаснаго участка для подростающихъ членовъ; съ другой же стороны этотъ передѣлъ „навѣчно“ произведенъ, по словамъ крестьянъ, в с л ѣ д с т в і е м а л о з е м е л ь я: значитъ и этотъ исключительный случай какъ бы регрессивнаго движенія общины какъ разъ произошелъ при отсутствіи основного условія окраинныхъ мѣстностей—многоземелья,—и значитъ является именно исключеніемъ, подтверждающимъ правило. Совершенно такой же характеръ имѣетъ и второй фактъ этого рода: одна бурятская община Забайк. обл. постановила при передѣлѣ „порядокъ этотъ оставить навсегда“, и однако при этомъ предусмотрѣла въ будущемъ переходъ захватныхъ расчистокъ въ распоряженіе общества (см. Матер. Забайк. обл., в. 10, стр. 199) и т. д.

Если мы отъ матеріаловъ мѣстныхъ изслѣдованій обратимся къ мнѣніямъ и выводамъ самихъ изслѣдователей, то и тутъ я тоже нашелъ лишь одно исключеніе и, при томъ, тоже только подтверждающее общее правило: всѣмъ безъ исклю-

Въ частности переселенческій потокъ, развившійся за послѣднія 20 лѣтъ съ 15 до 150 и затѣмъ до 250 – 300 тысячъ душъ въ годъ, несомнѣнно еще въ нѣкоторое время будетъ развиваться все шире,

---

ченія выше цитированнымъ (и многимъ другимъ, не цитированнымъ) высоко компетентнымъ изслѣдователямъ даже и въ голову не приходило предположеніе о возможности для окраинной многоземельной общины, такъ сказать, отцвѣсть, не успѣвши расцвѣсть, и нашелся только одинъ авторъ, высказавшій такую гипотезу, но обосновалъ онъ ее до того слабо, что я не считаю даже возможнымъ тратить мѣсто на детальное ея опроверженіе. Ограничусь нѣсколькими самыми общими замѣчаніями (умолчать совсѣмъ не рѣшаюсь изъ страха передъ тѣми же ультраскептическими читателями).

Упомянутый авторъ, г. Грауздинъ,—въ статьѣ о формахъ крестьянскаго землевладѣнія въ Оханскомъ у. Пермск. губ. (См. „Мат. по оц. зем. Пермск. г.“, т. I, изд. 98 г.) строитъ всю свою схему послѣднихъ исключительно на личномъ правѣ затраченнаго труда, совершенно игнорируя самое существованіе того обычнаго общиннаго права, которое я обрисовалъ подъ именемъ права на трудъ; такимъ образомъ, онъ видитъ въ трансформаціи крестьянскаго землевладѣнія только усиленіе права труда по мѣрѣ интенсификаціи земледѣлія и какъ бы совершенно не замѣчаетъ идущаго всегда рядомъ усиленія общиннаго права на трудъ по мѣрѣ сокращенія размѣровъ землевладѣнія. Отсюда уже понятно, до какихъ несообразностей можетъ довести такая „точка зрѣнія“. И дѣйствительно, по мнѣнію г. Грауздина, „вся сложная цѣпь эволюціонной дифференціаціи общины принимаетъ видъ слѣдующей схемы: община—волость, община—общество (сельское изъ нѣсколькихъ деревень), община—деревня, община—семья“ (см. „Мат.“ стр. 93, курсивъ мой). Читатель, надѣюсь, послѣ всего вышесказаннаго сразу замѣчаетъ, что эта щегольски симметричная схема изображаетъ процессъ буквально навыворотъ: мы уже знаемъ, что при процессѣ развитія границъ, изображенномъ въ этой схемѣ (не имѣющей, кстати сказать, и интереса новизны, т. к. она почти буквально повторяетъ вышеприведенную схему покойнаго Петропавловскаго) происходитъ параллельно развитіе общиннаго и сокращеніе личнаго права, и дѣло кончается не личной собственностью,—какъ это, очевидно, хочетъ выразить г. Грауздинъ своей „общиной-семьей“, а, наоборотъ, — максимумомъ общиннаго права, уравнительно-передѣльнымъ владѣніемъ...

Само собою разумѣется, что г. Грауздинъ просто выдумалъ свою схему, a priori вывелъ ее изъ права труда, поэтому фактическое положеніе дѣла и въ Оханск. у.—какъ разъ обратное, что обнаруживается даже изъ тенденціознаго изложенія самого г. Грауздина (впрочемъ, къ счастью, по части Оханск. у. издано раньше еще другое изслѣдованіе г. Е. И. Краснoперова, въ которомъ по-волостныя описанія общинныхъ порядковъ достаточно ясно возстановляютъ истинную картину формъ и трансформаціи Оханской общины). Г. Грауздинъ силится, въ соотвѣтствіе къ своей схемѣ, изобразить дѣло такъ, будто сначала тутъ происходили общіе передѣлы по цѣлымъ сельскимъ обществамъ, потомъ они смѣнились частными передѣлами, отдѣльными для каждой изъ составляющихъ общество деревни, обособившейся въ отдѣльную земельную общину; затѣмъ эти частныя „поравненія“, охватывающія все-таки всѣхъ или значительную часть хозяевъ деревни, смѣняются „перекладками душъ“, касающимися только отдѣльныхъ семей; и, наконецъ, эти перекладки изъ акта общиннаго и принудительнаго превращаются въ различныя сдѣлки „по согласію“ отдѣльныхъ хозяевъ. Приходится констатировать, что ни одно звено этой цѣпи не существуетъ въ дѣйствительности. Во-первыхъ, отправная точка процесса—не общіе передѣлы, а захватный порядокъ, часто еще сохранившійся въ Оханск. у., а по сравненію съ нимъ всякіе передѣлы представляютъ огромный процессъ общиннаго права. Во-вторыхъ, замѣна крупныхъ сельско-общественныхъ передѣловъ частными деревенскими представляетъ не регрессъ, а процессъ общиннаго права, потому что первые были вызваны извнѣ государственнымъ межеваніемъ и представляютъ собственно не общинный передѣлъ, а именно между-общинное разграниченіе;

осѣдать все гуще; и благодаря ему, все быстрѣй будутъ въ Сибири стираться изолированные и безпорядочно разбросанные островки с е м е й н ы х ъ з а и м о к ъ, и мало-по-малу вся ея огромная земледѣльческая территорія разобьется на правильныя о б щ и н н ы я п о л я, затянется сплошной сѣтью о б щ и н н о-у р а в н и т е л ь н ы х ъ д у ш ъ.

это и проявляется въ томъ, что деревенскія поравненія уравнительнѣе и разработаннѣе сельско-общественныхъ передѣловъ: первые производились часто по ревизскимъ душамъ, а вторые—„всегда производятся по наличнымъ душамъ“; затѣмъ, самъ г. Грауздинъ указываетъ, что „при уравненіи в е л и ч и н а надѣла болѣе тонко приспособляется къ семейному составу домохозяйства, чѣмъ это возможно при передѣлѣ“, а затѣмъ „при уравненіяхъ возможна болѣе тонкая оцѣнка—съ к а ч е с т в е н н о й стороны отводимаго на долю каждаго домохозяина надѣла (стр. 107) и т. д. Въ-третьихъ, никакой замѣны деревенскихъ „поравненій“ „перекладкой душъ“ въ дѣйствительности вовсе нѣтъ; тутъ г. Грауздинъ просто очень курьезно играетъ словами, говоря, что въ мелкихъ общинахъ уже наблюдаются вмѣсто уравненій перекладки и, повидимому, не замѣчая, что тутъ и в с е г д а могли быть только перекладки или, если угодно, только поравненія, т. к. въ общинѣ изъ 5—10 дворовъ перекладка и будетъ именно поравненіемъ. Въ-четвертыхъ, смѣна перекладокъ, принудительно производимыхъ общиною, перекладками „по согласію“ не представляетъ вовсе упадка общиннаго права, а объясняется обстоятельствомъ внѣшнимъ и временнымъ: равновѣсіемъ между доходностью надѣла и лежащими на немъ платежами, при которомъ одни хозяева (слабые) добровольно отказываются отъ надѣловъ, а другіе (сильные) добровольно ихъ берутъ (это, конечно, указывается и самимъ г. Грауздинымъ); объ этомъ любопытномъ моментѣ и освѣщеніи его г. Грауздинымъ я скажу еще подробнѣе въ 6-й главѣ, пока же поясню, что онъ бываетъ и можетъ быть (какъ это ясно изъ самаго существа его) только преходящимъ и при томъ обыкновенно скоропреходящимъ (не знаю, извѣстно ли это г. Грауздину): какъ раньше, при превышеніи доходности надѣла платежами, общины принудительно „н а в а л и в а л и“ надѣлы, такъ затѣмъ, когда доходность возрастетъ, и платежи понизятся настолько, что первая значительно превыситъ вторые (а это—процессъ всеобщій въ Россіи въ послѣднія десятилѣтія), то сейчасъ же опять можетъ начаться—и въ массѣ мѣстностей дѣйствительно уже началась, — принудительно-общинная уже „с в а л к а“ надѣловъ... Такимъ образомъ, отъ всей сложной цѣпи „эволюціонной дифференціаціи общины“ г. Грауздина не остается рѣшительно ни одного звена, — вся она при первомъ же прикосновеніи къ фактамъ разлетается безслѣдно „яко дымъ“... Приходится съ грустью отмѣтить, что раньше такого сорта работъ, кажется, не встрѣчалось въ земской статистикѣ.

ГЛАВА V.

Въ предыдущихъ главахъ мы прослѣдили на многоземельныхъ окраинахъ, преимущественно на Азіатской Россіи, всѣ основныя фазы развитія общины и обрисовали уже высшій моментъ въ этомъ развитіи: сложеніе общинно-передѣльной формы. Теперь мы перейдемъ въ Европейскую Россію, гдѣ находится огромное большинство общиннаго населенія (хотя и меньшая доля общинной территоріи). Здѣсь, при сравнительномъ малоземельи (въ очень различныхъ, впрочемъ, его степеняхъ), мы найдемъ преимущественно послѣдующія фазы трансформаціи общины: во-первыхъ, моментъ ея апогея, во-вторыхъ, формы, представляющія особое уклоненіе отъ общинно-передѣльнаго типа, и, въ третьихъ, періодъ ея упадка и разложенія. Процессы и причинозависимости этого передѣльнаго и послѣ-передѣльнаго періода общины гораздо многочисленнѣе, разнообразнѣе и сложнѣе (а также и матеріаловъ о нихъ гораздо больше), чѣмъ въ прослѣженной выше до-передѣльной ея эволюціи, и необходимо требуютъ поэтому точнаго статистическаго изслѣдованія; этому изслѣдованію и будутъ всецѣло посвящены II и III части моей работы. Здѣсь же я буду касаться динамической стороны, т.-е. трансформаціи общины, лишь постольку, поскольку во-первыхъ, таковая съ безспорностью можетъ быть установлена глазомѣрно, и, поскольку это во-вторыхъ, необходимо для пониманія самой статики,—самыхъ формъ и типовъ общины. Кромѣ того, я буду говорить преимущественно или даже исключительно о владѣніи пашней, такъ какъ эволюція владѣнія другими угодьями уже освѣщена выше настолько, что легко представится читателю сама собою изъ каждаго типа и фазиса пашневладѣнія. Все это, позволитъ мнѣ повести послѣдующее изложеніе нѣсколько болѣе бѣглымъ темпомъ, чѣмъ предыдущее.

§ 1.

Въ предшествующихъ главахъ намѣчены уже всѣ основные признаки общинъ-передѣльнаго владѣнія, такъ что мы можемъ теперь сдѣлать полное и точное его опредѣленіе. При немъ въ каждый данный моментъ каждый членъ общины (т.-е. каждая ведущая отдѣльное хозяйство семья) имѣть равное право на общинную

землю, и въ результатѣ основанной на этомъ правѣ борьбы за землю она постоянно равномѣрно между ними перераспредѣляется. Если читатель сопоставитъ съ этой формулой сдѣланное нами въ I главѣ опредѣленіе общиннаго землевладѣнія вообще, то онъ замѣтитъ, что первая представляетъ только болѣе конкретное выраженіе второго. И дѣйствительно, строго говоря, только въ общинно-передѣльномъ владѣніи есть всѣ признаки общиннаго владѣнія, такъ что когда мы говоримъ о „русской общинѣ", то собственно всегда подразумѣваемъ уравнительно-передѣльное владѣніе. Ибо еслибъ постоянно возникающая неравномѣрность въ участкахъ отдѣльныхъ семей (вызываемая всегда движеніемъ населенія и измѣненіемъ величины семей при неизмѣнности общинной территоріи, а иногда и измѣненіемъ размѣровъ послѣдней) не уничтожалась періодическими уравнительными перераспредѣленіями, то не осуществлялось бы равное право каждой семьи въ каждый данный моментъ, а наслѣдственно переходило бы разъ навсегда установившееся право лишь нѣкоторыхъ данныхъ семей—родоначальниковъ; это же было бы уже общимъ (долевымъ), а не общиннымъ владѣніемъ. А еслибъ, съ другой стороны, это развитіе неравномѣрности было въ корнѣ сдѣлано невозможнымъ замѣной дѣлежа земли общей обработкой общинныхъ угодій и дѣлежемъ продуктовъ (такія формы пока фактически очень рѣдко наблюдаются), то это уже было бы не общиннымъ владѣніемъ, а общиннымъ производствомъ. Такимъ образомъ, въ этой главѣ, посвященной общинно-передѣльному владѣнію, мы познакомимся съ основнымъ ядромъ русской крестьянской общины, съ центральнымъ и, такъ сказать, апогейнымъ ея моментомъ, когда она уже вполнѣ сложилась и еще не разлагается и не переходитъ въ высшую форму обобществленія.

Но необходимо еще разъ подчеркнуть, что такой характеръ имѣютъ далеко не всѣ непремѣнно общины съ уравнительными передѣлами, а лишь тѣ изъ нихъ, гдѣ послѣдніе являются результатомъ внутри-общинной борьбы за землю. Ибо имѣется значительное число общинъ, гдѣ, благодаря низкой доходности земли (часто въ соединеніи съ трудностью ея обработки) и относительно высокимъ платежамъ, крестьяне своей надѣльной землей не дорожатъ (или не дорожили), а предпочитаютъ ей аренду или промыслы, и гдѣ поэтому каждый хозяинъ (или большинство ихъ) борется противъ надѣленія землей. Въ такимъ случаяхъ общинно-передѣльная функція является чисто механической, извнѣ вынужденной, и понятно, что такой типъ общины мы не имѣемъ права относить къ апогейному общинному моменту, а должны выдѣлить его, какъ совершенно особую категорію, какъ своеобразное уклоненіе отъ чистой и дѣйствительной общинно-предѣльной формы. Этой особой категоріи, называемой мною общинно-выкупнымъ владѣніемъ, будетъ посвящена вся шестая глава.

Итакъ, обращаясь теперь къ чистому общинно-передѣльному вла-

дѣнію, мы должны прежде всего опредѣлить съ полной точностью самое понятіе „передѣла", какъ основной функціи общины. Первое и самое важное тутъ замѣчаніе—это о двойственномъ характерѣ, который можетъ имѣть уравнительный передѣлъ: онъ можетъ имѣть цѣлью, во-первыхъ, количественное и, во-вторыхъ, качественное уравненіе участковъ отдѣльныхъ семей. Во всемъ послѣдующемъ изложеніи я буду исключительно говорить о количественныхъ передѣлахъ, т.-е. о такихъ, гдѣ, хотя почти всегда въ большей или меньшей мѣрѣ участки уравниваются и по качеству, но основной цѣлью и непремѣннымъ условіемъ является измѣненіе размѣра долей въ общинной землѣ всѣхъ или части хозяевъ. О чисто же качественныхъ передѣлахъ, при которыхъ доля каждаго остается неизмѣнной, а только всѣ или часть хозяевъ мѣняются (по назначенію или по жребію) участниками съ цѣлью уравновѣсить ихъ по цѣнности (по качествамъ почвы, расположенію, разстоянію отъ усадьбы и т. д., и т. д.), я буду подробно говорить во II томѣ (поскольку въ этихъ разнообразныхъ и сложныхъ распорядкахъ проявляется сила или слабость общиннаго принципа) и въ III томѣ (со стороны преимущественно ихъ сельскохозяйственнаго значенія). Я настойчиво указываю читателю на это различеніе, во-первыхъ, потому, что оно имѣетъ огромную важность: ибо, очевидно, только количественные передѣлы составляютъ основную и необходимую функцію общины, качественные же могутъ быть и обыкновенно и бываютъ и при общемъ владѣніи; во-вторыхъ же, потому что удивительнымъ образомъ это различеніе далеко не вполнѣ вошло въ терминологію, употреблявшуюся до сихъ поръ, какъ всѣми вообще изслѣдователями общины, такъ въ частности и земскими статистиками. Понятно, какъ затрудняется изслѣдованіе такимъ положеніемъ; я, напр., по личному опыту знаю, что по многимъ уѣздамъ для цѣлыхъ основныхъ группъ (преимущественно для общинъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ) невозможны никакія мало-мальски точныя статистическія сопоставленія, исключительно благодаря невозможности понять, означаютъ ли употребленные составителями термины—качественные или количественные передѣлы [1])...

---

[1]) „Въ Программѣ для собиранія свѣдѣній о сельской поземельной общинѣ", выработанной Вольно-Экономическимъ Обществомъ и принятой Географическимъ (я говорю о второмъ исправленномъ и дополненномъ изданіи ея 79 г.), сводившей во всемъ основномъ предыдущія программы и, повидимому, давшей терминологію большинству земско-статистическихъ изслѣдованій, виды передѣловъ классифицированы поразительно поверхностно и неясно.

„Слѣдуетъ рѣзко отличать три главныхъ вида передѣловъ:

1) Коренной передѣлъ, при которомъ крестьяне измѣняютъ число всѣхъ полосъ, на которыя дѣлится общинная земля, а слѣдовательно, и ширину всѣхъ полосъ...

2) Въ другомъ случаѣ не измѣняется общее число полосъ, а дѣло ограничивается лишь тѣмъ, что крестьяне обмѣниваются полосами между собою, „кому возлѣ кого становиться". Такъ какъ это происходитъ большею частью посредствомъ жеребьевъ, то подобный передѣлъ обыкновенно называютъ жеребьевкой...

Вслѣдъ за этимъ основнымъ различіемъ передѣловъ по ихъ цѣли, необходима классификація по ихъ кругу, объему (какъ указано въ примѣчаніи, общепринятая терминологія и въ этомъ отношеніи крайне неудовлетворительна). Ясно, что могутъ встрѣчаться и дѣйствительно встрѣчаются два основныхъ вида передѣловъ: общіе, т.-е. охватывающіе всѣхъ хозяевъ и всю площадь даннаго угодья, и частные, касающіеся лишь части хозяевъ и земельныхъ угодій. Установить границу между общими и частными передѣлами труднѣе, чѣмъ между количественными и качественными передѣлами. Трудно,

---

3) Наконецъ, бываетъ еще третій случай, когда общее число полосъ не измѣняется, какъ и во второмъ случаѣ, но когда не происходитъ простой жеребьевки, а совершается новая переверстка числа полосъ между нѣкоторыми хозяевами, т. е. однимъ дворамъ прибавляется число полосъ, у другихъ же дворовъ число полосъ убавляется.

Для избѣжанія путаницы желательно было бы, чтобы при упоминаніи указанныхъ трехъ случаевъ употреблялись выраженія: коренной передѣлъ—для перваго случая, жеребьевка—для второго, и переверстка—для третьяго случая".

Какъ видимъ, относительно „коренного передѣла" и „жеребьевки" абсолютно невозможно понять, означаютъ ли они качественный или количественный передѣлъ; даже и о „переверсткѣ" этого нельзя понять, такъ какъ убавка и прибавка „числа полосъ" еще вовсе не означаетъ уменьшенія или увеличенія общихъ размѣровъ надѣла.

И вотъ эти-то удивительно смутныя понятія и положительно сами по себѣ ничего не выражающіе крестьянскіе термины и усвоены въ нашей литературѣ до такой степени прочно, что въ ней можно встрѣтить упоминанія о „коренныхъ передѣлахъ" не только въ Россіи, но даже, напр., у Лангобардовъ VIII вѣка и т. п. Понятно, какая отсюда пошла смутность и путаница.

Хотя конкретныя работы по общинѣ въ разныхъ мѣстностяхъ и внесли мало-по-малу нѣкоторый смыслъ и опредѣленность въ эти безсмысленные или многосмысленные термины,—коренной передѣлъ сталъ означать количественный передѣлъ; жеребьевка—качественный и переверстка—частный количественный передѣлъ, но отступленія и перетолкованія основного употребленія этихъ словъ такъ многочисленны, что я даже не могу поручиться за то, что указанное сейчасъ употребленіе—дѣйствительно наиболѣе частое. Такъ, напр., хотя значительное большинство изслѣдователей употребляютъ слово „коренной" въ смыслѣ количественный передѣлъ, но нѣкоторые соединяютъ съ этимъ непремѣнно и понятіе объ общемъ передѣлѣ, другіе же различаютъ „общіе" и „частные" „коренные передѣлы"; съ другой стороны, г. Коршуновъ, напр., въ статьѣ объ общинѣ Казанской губ. говоритъ, что „видомъ коренного передѣла является такъ называемая жеребьевка" („Свод. сб. по Каз. губ., стр. 252); затѣмъ, подъ „переверстками" многіе (въ томъ числѣ и г. В. В., см., напр., стр. 404 его книги) понимаютъ чисто качественные передѣлы, къ чему и вынуждаетъ заведомо для самихъ авторовъ термина неправильное называніе жеребьевкой каждаго качественнаго передѣла. (Читатель видѣлъ, что они сами указываютъ, что жребій бросается при „обмѣнѣ полосъ" только большей частью, а не всегда). Если же держаться строго этой терминологіи Вольно-Экономическаго Общества, то пришлось бы качественные передѣлы безъ жеребьевки называть въ отличіе отъ таковыхъ же съ жеребьевкой „жеребьевками безъ жеребьевокъ".. Такіе результаты получаются благодаря тому, что три крестьянскихъ слова, имѣющихъ каждое или неопредѣленный смыслъ, или даже нѣсколько смысловъ, употребляются вмѣсто четырехъ элементарно ясныхъ понятій: количественный и качественный, общій и частный,—понятій, вполнѣ опредѣляющихъ со стороны объема и цѣли всѣ существующіе и всѣ мыслимые виды передѣловъ...

напр., сказать, куда послѣдовательнѣе отнести такіе передѣлы, когда изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ полей даннаго угодья, — положимъ, пашни, — въ каждомъ изъ которыхъ каждый хозяинъ имѣетъ свою долю, передѣляются только одно поле или нѣсколько, а не всѣ (я лично отношу такіе случаи все-таки къ общимъ передѣламъ, такъ какъ считаю болѣе логичнымъ принимать основнымъ признакомъ послѣднихъ — участіе въ нихъ всѣхъ хозяевъ, а не всей земли). Затѣмъ, частные передѣлы представляютъ цѣлую длинную гамму разновидностей отъ такихъ, въ которыхъ участвуютъ почти всѣ хозяева и которые практически равносильны общимъ передѣламъ, — таковы, кажется, въ большинствѣ случаевъ передѣлы, называемые крестьянами: „уравненія“, „поравненія“ (Сибирь, Пермск. г. и т. д.), „поровенокъ“ (Тобольская г.), „поровенка“ (Петербургск. губ.), и т. д., вообще отъ корня „рав“, — и кончая касающимися лишь единичныхъ хозяевъ. — такъ называемыя у крестьянъ „перекладка душъ“, переводка душъ“, „свалка-навалка душъ“ и т. п.

Третій важный вопросъ общинно-передѣльной функціи касается времени передѣловъ: они могутъ происходить случайно безъ всякой правильности, или неопредѣленно пріурочиваться къ какимъ-либо періодически измѣняющимся условіямъ, или, наконецъ, происходить въ точно опредѣленные и заранѣе назначенные сроки; въ послѣднемъ случаѣ сроки эти варіируются въ очень широкихъ предѣлахъ, — отъ 1 года до 20—30 лѣтъ и даже „навѣчно“.

Наконецъ, самой сутью, самой, такъ сказать, душой собственно количественныхъ передѣловъ является принципъ ихъ, т.-е. тотъ критерій, по которому производится уравнительное распредѣленіе земли между отдѣльными хозяевами. Ясно, что эти принципы и критеріи могутъ быть весьма разнообразны и что именно ими, въ связи, конечно, съ двумя другими только что указанными условіями, опредѣляется степень и характеръ того земельнаго уравненія, которое служитъ цѣлью количественныхъ передѣловъ. Поэтому на этихъ системахъ разверстки общинной земли я и строю все нижеслѣдующее описаніе и классификацію общинно-передѣльныхъ формъ. Къ нимъ послѣ этихъ краткихъ общихъ замѣчаній мы и перейдемъ теперь.

§ 2.

Едва-ли я ошибусь, если скажу, что въ современной русской общинѣ мы можемъ найти всѣ основные виды и болѣе того — всѣ главнѣйшія разновидности всевозможныхъ системъ уравненія земли, какія только вообще логически представимы. Постараюсь показать это на фактахъ и сообразно съ этимъ начну съ формъ, логически наиболѣе элементарныхъ: мы увидимъ, что именно эти формы и наблюдаются очень часто именно въ первый, тоже, такъ сказать, элементарный періодъ общинно-передѣльнаго владѣнія.

Если мы возьмемъ за единственную основную посылку для уравнительнаго распредѣленія земли равное право на землю каждаго хозяина, то должны будемъ вывести изъ этого, что каждый хозяинъ долженъ быть надѣленъ равнымъ количествомъ земли (одинаковаго, конечно, притомъ, качества). Такую разверстку поровну на дворъ мы и находимъ въ отдѣльныхъ случаяхъ во всевозможныхъ мѣстностяхъ Россіи и въ приложеніи ко всякого рода угодьямъ. При уравниваніи усадебъ, гдѣ только оно практикуется, надѣленіе поровну на дворъ является даже общимъ правиломъ. Лѣсъ также довольно часто надѣляется поровну на каждаго хозяина. По отношенію къ сѣнокосамъ и пашнѣ эта разверстка встрѣчается только отдѣльными, сравнительно очень рѣдкими случаями, но все-таки во многихъ и самыхъ различныхъ мѣстностяхъ; такъ, я нашелъ ее (въ настоящемъ или въ недалекомъ прошломъ) въ Сибири, въ Кубанской области, въ Уфимской губ., въ Семеновскомъ у. Нижегородской г., въ Камышинскомъ у. Саратовской г., въ Бахмутскомъ и Ростовскомъ на Дону у. у. Екатеринославской г., Золотоношскомъ, Прилукскомъ, Переяславскомъ и Кобелякскомъ у.у. Полтавской губ., въ Карачевскомъ у. Орловской г., Симферопольскомъ и Ѳеодосійскомъ у.у. Таврической г. и нѣкот. друг.

Но возникаетъ, конечно, вопросъ: дѣйствительно ли изъ равнаго права на землю вытекаетъ надѣленіе равнымъ количествомъ земли? Вѣдь, равное право на землю, поскольку оно основано на крестьянско-обычномъ правѣ на трудъ, несомнѣнно, означаетъ не объективное, а субъективное равенство, т.-е. не равное для каждаго количество земли, а равную степень удовлетворенія нуждъ или соотвѣтствія рабочимъ силамъ каждой семьи, означаетъ, коротко говоря, не равное, а равномѣрное надѣленіе семей. Поэтому, при всегдашней и повсюдной неодинаковости потребительнаго и рабочаго состава семей, надѣленіе поровну на дворъ является неравномѣрнымъ, и для равномѣрнаго надѣленія требуется разверстка именно не поровну на дворъ, а въ разныхъ пропорціяхъ на разные дворы. Чѣмъ же, спрашивается, объясняется и оправдывается появленіе разверстки поровну на дворъ?

Прежде всего, въ рядѣ отдѣльныхъ случаевъ она является простой случайностью: въ иныхъ очень маленькихъ общинахъ (изъ 2, 4 — 7 и т. п. дворовъ) иногда случается, что семьи почти одинаковы, и вотъ онѣ, вмѣсто того, чтобъ скрупулезно разбивать землю на полосы, мельчить ихъ, возиться и т. д., разбиваютъ землю сразу по дворамъ (такъ, напр., чаще всего объясняется разверстка по дворамъ въ Тверской губ., гдѣ, впрочемъ, иногда она не поддается этому объясненію; такіе же случаи встрѣчаются, повидимому, и въ Подольскомъ у. Московской губ. и нѣкот. др.). Затѣмъ уравненіе усадебъ поровну на дворъ объясняется именно тѣмъ, что къ этому угодью все наше разсужденіе не приложимо: какъ бы ни были велики различія въ размѣрахъ и рабочей силѣ отдѣльныхъ семей, потребность ихъ въ усадебномъ мѣстѣ почти или совершенно одинакова, поэтому

въ этомъ случаѣ надѣленіе поровну на дворъ является именно наиболѣе равномѣрнымъ. То же самое нужно сказать и о передѣлахъ лѣса: тутъ крестьяне часто разсуждаютъ такъ, что потребность въ топкѣ у всѣхъ почти одинакова, поэтому и дѣлятъ деревья и дрова „по печамъ“, т.-е. „по хатамъ„ [1]).

Наконецъ, иногда распредѣленіе поровну на дворъ отдѣльныхъ участковъ пашни мотивируется отбываніемъ натуральныхъ повинностей именно поровну каждымъ дворомъ; это равное выполненіе части податныхъ обязанностей и компенсируется равнымъ же распредѣленіемъ также части пахотной земли [2]).

Но разверстка поровну на дворъ пашни и покосовъ обыкновенно имѣетъ мѣсто вовсе не потому, что совпадаетъ съ наиболѣе равномѣрнымъ при данныхъ случайныхъ или постоянныхъ условіяхъ распредѣленіемъ, а, наоборотъ, именно представляетъ самую первую, грубую и несовершенную форму этого уравненія, — представляетъ первый шагъ общины въ переходѣ отъ неравномѣрно-захватнаго къ уравнительно-передѣльному порядку. Выше я уже приводилъ примѣры нарѣзокъ изъ отдѣльныхъ болѣе цѣнныхъ участковъ пашни поровну на дворъ у Кубанскихъ казаковъ. Подобные этому случаи я встрѣтилъ и въ Уфимскомъ уѣздѣ: въ районѣ, гдѣ еще господствуетъ захватное владѣніе, въ Савинскомъ починкѣ „въ 94 году лѣсъ раздѣленъ по 1 десят. на дворъ для разсчистки“...[3]). Въ Уфимскомъ уѣздѣ отмѣчены передѣлы поровну на дворъ еще въ 6 общинахъ и въ Белебеевскомъ уѣздѣ въ двухъ общинахъ [4]).

Это же надѣленіе поровну на дворъ представляло первые шаги передѣльнаго порядка и почти во всѣхъ другихъ вышеуказанныхъ его случаяхъ. Такъ, напр., въ одной слободѣ Драгунской волости, Карачевскаго уѣзда, Орловской губ. до сихъ поръ сохранились, какъ счетная единица, 64 пая, на которые „еще изстари была раздѣлена

---

[1]) См., напримѣръ, Сб. стат. св. по Семеновскому уѣзду, стр. 126, по Переяславскому, стр. 42—43, Кобелявскому у.,—37 стр. и т. д. Тотъ же порядокъ въ Валковскомъ и Богодуховскомъ уѣздахъ Харьковской губ. (о нихъ см. „Матер. по взим. оклад. сборовъ по даннымъ податн. инсп.“, в. II, стр. 2) и т. д.

[2]) Такой порядокъ установился, напр., въ д. Бѣлькахъ Золотоношскаго уѣзда (См. сб. по этому у., стр. 17), въ двухъ общинахъ Симферопольскаго у. (См. памятн. книжку Таврич. губ., стр. 91) и т. д. Интересные случаи уравненія сѣнокосовъ поровну на дворъ я встрѣтилъ по Льговскому и Дмитровскому уѣздамъ Курской губ. Здѣсь это, можетъ быть, объясняется приблизительно одинаковой потребностью разныхъ дворовъ въ сѣнѣ для скота, или желаніемъ при незначительныхъ размѣрахъ сѣнокосовъ обезпечить каждому хозяину извѣстный минимумъ сѣна, достаточный хоть для одной лошади; на это указываетъ то, что тутъ только въ нѣкоторыхъ общинахъ всѣ дворы получаютъ луга поровну, а въ другихъ—только тѣ дворы, которые имѣютъ рабочій скотъ, и въ послѣднемъ случаѣ часто распредѣляютъ сѣнокосъ уже не поровну на дворъ, а пропорціонально количеству скота въ каждой семьѣ. (См. „Матеріалы под. инсп.“, в. II, стр. 26).

[3]) См. сб. ст. св. по Уфим. г., т. I, изд. 98 г. „Описанія волостей и селеній“, стр. 736, 685, 719, 734.

[4]) См. сб. ст. св. по Уфим. губ., т. IV, 98 г. „Описанія волостей и селеній“, стр. 945—947.

земля по числу первыхъ заимщиковъ—64 казаковъ“ [2]). По Бахмутскому уѣзду изслѣдователь также указываетъ, что „на смѣну захватно-подворнаго владѣнія явилось общинное съ уравнительными передѣлами пахотной земли сперва по числу домохозяевъ“...[1]) Интересно, что въ крымской татарской общинѣ эти попытки подворныхъ уравнительныхъ передѣловъ, повидимому, существовали искони и продолжаются и понынѣ; такъ, г. Лашковъ въ своемъ „Историческомъ очеркѣ крымско-татарскаго землевладѣнія“ указываетъ, что своеобразное дѣленіе земли „на паи“ констатировано тутъ русскимъ межеваніемъ начала этого вѣка, и извѣстны случаи его даже, напр., въ 1679 г., а затѣмъ г. Лашковъ, равно какъ и земско-статистическое изслѣдованіе Таврической губ., констатируютъ, что именно теперь нѣкоторыя татарскія общины переходятъ отъ неопредѣленно-захватнаго владѣнія пашней къ уравнительнымъ передѣламъ „по паямъ“ или „по ярмамъ“ поровну на дворъ (при чемъ часто опять таки сначала идетъ въ передѣлъ только часть пашни) [2]). То же самое еще ярче обрисовывается по Золотоношскому у.: здѣсь, въ с. Самовицѣ Мойсенской вол., „дѣлежъ“ на хаты“ въ противоположность дѣлежу на ревизскія души считается „старымъ завѣтомъ“, откуда можно заключить, что обычай дѣлежа на хаты существовалъ еще до установленія счета „ревизскихъ душъ“, а въ д. Кропивной, наоборотъ, именно въ настоящее время „въ видѣ опыта раздѣлили всѣ угодья на 1 годъ поровну на каждый дворъ“ [3]). Такимъ образомъ, и искони, и въ настоящее время разверстка поровну на дворъ часто служила первымъ пробнымъ шагомъ къ уравнительнымъ передѣламъ... Нужно ли пояснить, что этотъ фактъ частаго начала передѣловъ не съ извнѣ предустановленной счетной и податной единицы—ревизской души, а съ того именно принципа, съ котораго ихъ всего логичнѣе начать [4]), еще разъ и особенно ярко говоритъ намъ о той самопроизвольности и закономѣрности въ складываніи общинно-передѣльнаго владѣнія, на которой мы такъ настаивали выше. Эти же черты еще яснѣе проявляются и на тѣхъ формахъ не равнаго, а равномѣрнаго уравненія по дворамъ, который иногда возникали и возникаютъ или сами по себѣ, или часто именно изъ разверстки поровну на дворъ.

Любопытнѣйшіе такого рода примѣры представляютъ 6 армян-

---

[1]) См. сбор. стат. св. по Карачевскому уѣзду, томъ V, вып. II, изд. 92 года, стр. 22.

[2]) См. сб. ст. св. по Бахмутскому у., стр. 98.

[3]) См. упомянутую работу Ѳ. Ѳ. Лашкова, стр. 98, 99 и др. и „Памятную кн. Таврическ. губ.“, стр. 77—84.

[4]) См. ст. сб. по Золотоношск. у., стр. 15—17.

[5]) Интересенъ случай, когда именно устраненіе этой извнѣ установленной податной единицы дало поводъ къ передѣлу поровну на дворъ: въ с. Лучкахъ, Кобелякскаго у., Полтавской губ. „104 дес. общинной пашни... были раздѣлены въ 86 г. по отмѣнѣ подушной подати на 160 дворовъ поровну“. (Сб. ст. св. по Колебякск. у., стр. 38).

скихъ общинъ Ростовскаго-на-Дону уѣзда и 51 нѣмецкая община Камышинскаго уѣзда Саратовской губ.

Армяне выселились изъ Крыма и получили въ 1779 г. по Высочайшей грамотѣ вмѣстѣ со всякими льготами и нѣкоторымъ внутреннимъ самоуправленіемъ огромную неопредѣленно обозначенную территорію, въ которой потомъ, по отмежеваніи въ 1781 г., оказалось 87 тысячъ десятинъ, такъ что еще въ настоящее время у нихъ приходится на 1 нал. работника 25,7 десятинъ (т.-е. чисто сибирская норма). При пожалованіи форма владѣнія, повидимому, вовсе не была точно опредѣлена, а лишь предопредѣлена ея общинность самой общностью пожалованія земли всѣмъ армянамъ вообще (вродѣ того, какъ жаловались въ то же время территоріи казакамъ). И вотъ, у армянъ мало-по-малу выработалась въ высшей степени своеобразная система уравнительныхъ передѣловъ „по ярмамъ“. Съ одной стороны, „ярмо есть единица надѣла, а съ другой—извѣстная опредѣленная мѣра ($^2/_3$ десят. казенной или $^1/_2$ десят. экономической 3200 кв. с.) [1]). Размѣръ ярма, какъ единицы надѣла, опредѣляется общимъ количествомъ земли, предназначеннымъ къ обработкѣ и подъ сѣнокосъ, раздѣленнымъ на число домохозяевъ въ общинѣ“. Затѣмъ, „на каждую семью опредѣляется, какъ нормальный надѣлъ, одно ярмо, (такъ что безземельныхъ уже быть не можетъ), при чемъ всякій домохозяинъ, имѣющій много работниковъ и вообще большую семью, можетъ просить общество прибавить ему полъ-ярма или цѣлое ярмо (не какъ мѣру, а какъ единицу надѣла), и общество обыкновенно исполняетъ просьбу, почему въ армянскихъ селахъ есть не мало семей, которыя имѣютъ отъ 1 до 3 яремъ, но не болѣе“ [2]).

Еще интереснѣе владѣніе „по фамиліямъ“, существовавшее въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка у нѣмцевъ—колонистовъ Камышинскаго у., получившихъ по указамъ отъ 1763 и 1764 годовъ надѣлы по 30 дес. на дворъ, съ тѣмъ, чтобъ каждая семья получила надѣлы особо, „чтобъ наслѣдовали меньшіе сыновья“ (минорат) и чтобы семьи не имѣли права продавать и вообще отчуждать свои надѣлы, а послѣдніе остались бы „нераздѣльно во владѣніи жителей той деревни“... Трудно разобрать, предполагалось ли тутъ учредить своеобразную форму общаго минораторнаго владѣнія, или даже чисто подворную минораторную собственность, но фактически ничего подобнаго не вышло, а всѣ, или почти всѣ, нѣмецкія колоніи Камышинскаго у. прошли обычный путь эволюціи русской

---

[1]) Читатель замѣчаетъ, что армяне выселились изъ Крыма, т.-е. точнѣе изъ Бахчисарая, что именно въ татарскихъ общинахъ Крыма,—напр., въ Колымтаѣ, находящемся въ 15 верстахъ отъ Бахчисарая,—и въ настоящее время наблюдается та же разверстка „по ярмамъ“. Такое совпаденіе не можетъ быть случайнымъ: или аналогичныя условія вызвали аналогичную разверстку или же армяне прямо заимствовали разверстку „по ярмамъ“ у татаръ, среди которыхъ раньше жили; въ послѣднемъ случаѣ устраняется всякое сомнѣніе въ существованіи этой и вообще общинно-паевой разверстки у крымскихъ татаръ уже очень давно,—не менѣе, чѣмъ 200 лѣтъ тому назадъ.

[2]) См. „Сб. ст. св.“ по Ростов.-на-Дону у., стр. 56—58, 80 и 101—105.

общины: сначала они владѣли отведенною имъ землей **захватно**, затѣмъ стали ее уравнивать **по дворамъ** или „**по фамиліямъ**“ и уже лишь въ началѣ 19-го вѣка, а иногда и въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, эта разверстка смѣнилась обще-крестьянской разверсткой по ревизскимъ душамъ, вызванной уже извнѣ наложеніемъ на колонистовъ подушной подати и новыми прирѣзками имъ земли именно по числу ревизскихъ душъ. По воспоминаніямъ стариковъ земско-статистическому изслѣдованію удалось достаточно отчетливо возстановить общую картину этой разверстки „по фамиліямъ“. По видимому, очень часто она вводилась лишь постепенно, такъ что сначала дѣлились по фамиліямъ только ближніе участки (преимущественно сѣнокоса и пашни), а дальніе оставались въ захватномъ владѣніи и лишь потомъ уже, при дальнѣйшемъ развитіи „утѣсненія“, поступали въ передѣлъ. При этомъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ „всѣ фамиліи, или семьи получали **одинаковые** участки“, причемъ тѣ, для кого они были велики, пахали лишь часть ихъ, а для кого они были малы, тѣ распахивали землю въ дальнихъ мѣстахъ, предназначенныхъ для „вольнаго пользованія“. Въ другихъ колоніяхъ было иначе. Напримѣръ, въ колоніи Таловкѣ „за единицу была принята средней величины семья, на которую давался цѣлый пай (eine ganze Familie); на меньшую семью давалось — $^1/_2$ пая (eine halbe Familie) и на большую — $1^1/_2$ пая (ein und halb Familie); при этомъ земля была разверстана уравнительно по качеству почвы и разстоянію отъ усадьбы“. Въ колоніи Карамышевкѣ съ самаго поселенія въ ближнемъ участкѣ всѣ угодья подѣлили сначала **поровну** на всѣ семьи, а затѣмъ за „фамилію стали принимать лишь „брачную пару“, и каждая семья получала землю по числу въ ней брачныхъ паръ (полная аналогія съ „тягловой“ разверсткой у русскихъ крестьянъ, о которой ниже). Тотъ же порядокъ былъ еще въ двухъ колоніяхъ, гдѣ при этомъ взрослые, но неженатые мужчины принимались за $^1/_2$ фамиліи. Въ колоніи В.-Кулагинкѣ „различалось 2 рода хозяйствъ: Gros und Klein Wirthschaft, при чемъ первое было вдвое больше второго“ [1]). И т. д.

Не замѣчательно ли, что не только буквально эту же систему, но даже эти же самые термины мы находимъ въ настоящее время у казаковъ Кубанской области. Такъ, здѣсь въ станицѣ Суворовской въ 1876 г. было подушное поравненіе цѣлинныхъ земель, но въ 1877 г. „общество постановило отводить цѣлину по 15 саж. въ ширину загона на каждое „**большое**“ семейство и по 10 саж. на семейство „малое“, которое опредѣлялось въ 9 душъ“; а въ станицѣ Константиновской сначала въ 1874 г. установили норму для распашки земель подъ бахчи **поровну на дворъ**, а въ 1876 г. перешли къ слѣдующей ступени уравнительной по дворамъ разверстки, а именно: были установлены двѣ нормы для распашки цѣлины—одна въ 10 саж. ширины и 160 саж. длины для **малолюдныхъ** семействъ и другая

[1]) См. сб. ст. св. по Камышинск. у., стр. 44—50 и 142—145, а также въ „Описаніи вол. и сел.“.

въ 15 саж. ширины при той же длинѣ для семействъ многолюдныхъ“ [1])... И т. д.

Итакъ, какъ видитъ читатель, мы находимъ уравнительную по дворамъ разверстку во всевозможныхъ мѣстностяхъ и у всевозможныхъ группъ населенія,—у крестьянъ, казаковъ, колонистовъ, военныхъ поселянъ, у великороссовъ, сибиряковъ, малороссовъ, татаръ, армянъ и нѣмцевъ и при всевозможныхъ внѣшнихъ юридическихъ условіяхъ, но только при одномъ лишь общемъ условіи: при началѣ складыванія общинно-передѣльнаго владѣнія (и обыкновенно при многоземельи). Очевидно, что тутъ и лежитъ ихъ причина. Изъ корня „рав“ сначала выростаетъ „поровну“, а потомъ уже „уравнительно“; сначала болѣе грубыя, случайныя, общія формы уравнительности приблизительно по дворамъ, и только затѣмъ уже болѣе точныя формы подушнаго уравненія.

Но прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ этимъ послѣднимъ, я долженъ упомянуть еще объ одномъ случаѣ примѣненія принципа дворового поравненія. Мы разбирали случаи, когда послѣднее возникаетъ потому, что еще не нашли болѣе точныхъ способовъ и они еще не настоятельно нужны: но случается, что оно является тогда, когда послѣдніе уже невозможны. Это мы иногда находимъ при передѣлахъ въ крайне малоземельныхъ общинахъ. Если при многоземельи неполное соотвѣтствіе между потребительнымъ и рабочимъ составомъ семьи и размѣромъ надѣла никого особенно не затрудняетъ, — когда, напр., даже у многосемейныхъ земли приблизительно столько, сколько только они могутъ обработать, — то при такомъ малоземельи, когда данный надѣлъ уже не можетъ прокормить все населеніе общины, наоборотъ, полная уравнительность надѣленія была бы особенно тяжела и иногда гибельна для тѣхъ малосемейныхъ хозяевъ, которые не могутъ удѣлить часть рабочаго времени и рукъ на внѣнадѣльный заработокъ, а между тѣмъ получили бы надѣлъ, далеко не удовлетворяющій ихъ потребностямъ; ясно, что всего справедливѣе и цѣлесообразнѣе для общины, какъ цѣлаго, недонадѣлить наиболѣе многосемейныхъ и многорабочихъ, которымъ несравненно легче восполнить надѣльный дефицитъ стороннимъ заработкомъ. Именно по такимъ соображеніямъ при послѣднихъ передѣлахъ, — особенно часто на югѣ Россіи, напр., въ Таврической, Екатеринославской, Полтавской губерніяхъ, — нѣкоторыя общины устанавливали чаще всего

---

[1]) См. Ѳ. Щербина „Зем. Община Кубан. каз.“, стр. 111 и 117. Интересно, что аналогичный же порядокъ, какъ оказывается, былъ въ прежнее время принятъ и администраціей знаменитыхъ военныхъ поселеній на югѣ Россіи: тутъ различались хозяева трехъ разрядовъ: „богатые (1-го разряда), средніе (2-го разряда) и бѣдные, пользовавшіеся далеко не одинаковымъ количествомъ земли“. Именно этотъ порядокъ приняли и въ по-реформенный періодъ нѣкоторыя общества бывшихъ военныхъ поселянъ; такъ, напр., въ Каменно-Потоцкомъ обществѣ хозяйство состоящее изъ 2 душъ обоего пола, получаетъ 5 дес., состоящее изъ 4—5 душъ обоего пола 10 дес., имѣющее же 7—8 душъ обоего пола пользуется 15 дес.“ (См. Т. Осадчій „Крестьянское над. землевладѣніе въ Херсонск. г.“, стр. 173 и „Мат. для оц. зем. Херсонск. г.“, т. III, стр. 168—169).

максимумъ или иногда минимумъ надѣленія каждой семьи и тѣмъ приближали принятую ими за основаніе подушную разверстку къ подворной.

Такъ, напр., въ нѣкоторыхъ общинахъ Бердянскаго у., надѣляя всѣхъ хозяевъ по числу у нихъ мужскихъ душъ, въ то же время постановили не давать никому больше 4-хъ душевыхъ надѣловъ (хотя бы въ семьѣ мужскихъ душъ и было больше). Такая же максимальная норма въ 4 надѣла на семью установилась и въ Новомосковскомъ у. Екатеринославской губ. [1]). Въ селеніяхъ Андрушахъ и Иваньковѣ Переяславскаго у. (Полтавской г.) тотъ же 4-хъ душевой максимумъ; въ д. Процѣвкѣ, „вычисливши среднее число ревизскихъ душъ на дворъ (оказалось $1^1/_2$ души), однимъ хозяевамъ, смотря по общему рабочему составу, накидывалось нѣсколько большее количество земли сверхъ того, которое соотвѣтствовало среднему числу ревизскихъ душъ (maximum $^1/_2$ души)“ [2]), — въ каковомъ случаѣ, очевидно, „душа“ осталась лишь счетной земельной единицей, а дѣйствительная разверстка уже производилась поровну и уравнительно по дворамъ. Приведу, наконецъ, приговоръ о подобномъ же передѣлѣ въ мѣстечкѣ Орликѣ Кобелякскаго у., гдѣ сами крестьяне прямо излагаютъ выше указанный мотивъ этого отступленія отъ болѣе точной душевой къ менѣе точной уравнительно-подворной разверсткѣ: установивъ (подобно и другому селу Солошину того же у.) максимальную норму на 1 хозяина въ 3 душевыхъ надѣла, сходъ мотивируетъ это тѣмъ, что „по малоземелью нашего общества, малосемейные домохозяева за выдѣломъ многосемейнымъ земли на всѣ имѣющіяся у нихъ души мужскаго пола легко могутъ подорвать свое благосостояніе“ [3])...

Я позволилъ себѣ съ нѣкоторой подробностью обрисовать разверстку поровну и уравнительно по дворамъ потому, что, насколько знаю, до сихъ поръ ни одинъ изслѣдователь не выдѣлялъ ее для мало-мальски пристальнаго и обстоятельнаго анализа, а между тѣмъ, она, мнѣ кажется, представляетъ какъ самый живой общій соціально-психологическій, такъ и крупный спеціально историческій интересъ. Вопросъ: съ какого принципа начинались у русскихъ крестьянъ общинно-уравнительные передѣлы земли?—составляетъ суще-

---

[1]) См. „Мат. по взим. окл. сб.“ по даннымъ под. инспект., стр. 113 и 128.

[2]) См. „Сб. ст. св.“, по Переяславск. у., стр. 49.

[3]) См. „Сб. ст. св.“ по Кобелякск. у., стр. 40. Аналогичный же случай уравнительныхъ по дворамъ передѣловъ представляютъ нѣсколько общинъ Хотинскаго у. Бессарабской г. (См. „Сб. ст. св.“ по этому у., стр. 93 и др.). Здѣсь эти передѣлы только что въ 70-е годы впервые начались, но уже при такомъ малоземельи, что будутъ, вѣроятно, и послѣдними (это указывается и изслѣдователемъ, и частью крестьянами). При нихъ устанавливаются примѣрно три нормы надѣленія,—для крупныхъ, среднихъ и мелкихъ семействъ, но при этомъ зажиточныхъ и давно владѣющихъ участками надѣляютъ относительно больше, чѣмъ бѣдныхъ „новоженовъ“, только что выдѣлившихся на отдѣльное хозяйство. Такимъ образомъ, мы видимъ такое интересное совпаденіе, что въ этомъ случаѣ, когда уравнительно-передѣльное владѣніе, такъ сказать, „отцвѣтаетъ, не успѣвши расцвѣсть“,—оно останавливается и распадается именно на этой какъ бы зачаточной почкѣ уравнительной по дворамъ разверстки...

ственнѣйшій элементъ общаго вопроса: откуда пошла русская община?

Если бы было доказано, что крестьяне всегда начинали уравнительные передѣлы сразу, именно по установленной государствомъ единицѣ ревизской души, логически слишкомъ высокой, слишкомъ детальной и точной для первыхъ попытокъ поравненія, что у крестьянъ не было и нѣтъ никакихъ болѣе грубыхъ, элементарныхъ, болѣе соотвѣтствующихъ данной цѣли и даннымъ условіямъ разверстокъ, то этимъ мы почти на чисто отрѣзали бы всякіе экономическіе и обычно-правовые корни у русской общины, признали бы ее скорѣе всего, такъ сказать, „пристройкой“ къ „политической надстройкѣ“. Но вотъ мы находимъ у крестьянъ именно самостоятельные зачаточные ростки—тѣ общія, элементарныя, приблизительныя, округленныя разверстки поровну и уравнительно по дворамъ, которыя ожидаемъ найти, считая ихъ логически неизбѣжной первой формулой поравненія, находимъ, при томъ, какъ бы для полнаго обнаруженія строжайшей зависимости ихъ отъ цѣлей и условій внутри-общинной экономической и правовой эволюціи, не только въ первыхъ передѣлахъ, при многоземельи, когда болѣе точныя системы еще не нужны, но и въ послѣднихъ передѣлахъ, когда, вслѣдствіе малоземелья, эти системы невозможны...

Читатель понимаетъ, что этими общими замѣчаніями я не думаю исчерпать вопросъ о происхожденіи русской общины. Строго держась въ этомъ томѣ въ предѣлахъ эмпирическаго изслѣдованія современныхъ общинныхъ формъ и не выступая изъ матеріаловъ современныхъ мѣстныхъ изслѣдованій общины, я оставляю до слѣдующихъ отдѣловъ болѣе обстоятельное изученіе этого крайне сложнаго и труднаго вопроса, и пока же лишь попутно намѣчаю отдѣльные его элементы.

§ 3.

Перейдемъ теперь отъ этихъ рѣдкихъ пережитковъ зачаточныхъ общинно-уравнительныхъ формъ къ разновидностямъ, болѣе сложнымъ и приспособленнымъ къ средѣ, доселѣ живымъ, жизнеспособнымъ, развивающимся и размножающимся. Начнемъ при этомъ опять таки съ относительно болѣе рѣдкихъ, смутныхъ, логически и исторически недоразвитыхъ формъ и закончимъ наиболѣе распространеными, типичными и законченными системами.

Выше читатель могъ уже замѣтить, что всѣ зачаточныя по-дворныя уравненія либо растворялись впослѣдствіи въ ревизской разверткѣ,—т.-е разверткѣ по всѣмъ мужскимъ душамъ, записаннымъ при ревизіи,—либо появлялись, такъ сказать, на фонѣ этой же разверстки (оставляя часто, напр., счетной земельной единицей „ревизскую душу“ и т. д.). Эта-то ревизская разверстка была также и въ пореформенный періодъ отправнымъ пунктомъ уравнитель-

ной эволюціи всѣхъ или почти всѣхъ общинъ Россіи. Для значительнаго большинства общинъ государственныхъ крестьянъ, а именно для всѣхъ общинъ съ установившимися еще въ дореформенный періодъ передѣлами она представляла реальное традиціонное распредѣленіе земли: именно при ревизіяхъ, періодически сосчитавшихъ число всѣхъ мужскихъ душъ, облагавшихъ общины соотвѣтственно этому числу подушной податью и часто (при малоземелыи) надѣлявшихъ ихъ въ той же пропорціи землей, эти общины и перераспредѣляли всѣ платежи и всю свою землю, понятно, именно по этимъ самымъ мужскимъ ревизскимъ душамъ. Но, какъ мы уже видѣли, даже и для государственныхъ (и казачьихъ) общинъ съ семейно-захватнымъ владѣніемъ и безъ передѣловъ пашни „ревизская душа“ въ пореформенный періодъ имѣла огромное значеніе, какъ податная единица, и вслѣдствіе того обыкновенно первоначальная же единица для уравненія сѣнокосовъ и т. п. Наконецъ, и всѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне (а также и удѣльные и нѣкоторыя другія сравнительно малочисленныя категоріи общиннаго земледѣльческаго населенія) получили при освобожденіи надѣлъ по числу ревизскихъ душъ въ каждой общинѣ и въ значительномъ большинствѣ случаевъ, по крайней мѣрѣ первоначально, приняли это надѣленіе за постоянную обязательную для нихъ систему разверстки (чего, конечно, по закону вовсе не было), почему при полученіи надѣла и распредѣлили его почти всѣ по ревизскимъ мужскимъ душамъ. Такимъ образомъ, вся крестьянская общинная Россія представляла въ концѣ 50-хъ и началѣ 60 г.г. механически правильную и однообразную картину: вся она была извнѣ выравнена, обрѣзана, подстрижена, подобно садовымъ аллеямъ, подъ одну форму—подъ ревизскую душу. Задачей всего послѣдующаго нашего (въ этомъ томѣ) изложенія и является изученіе тѣхъ разнообразныхъ формъ, которыя получились изъ этого однообразія въ зависимости отъ различныхъ условій въ пореформенную эпоху, когда періодическое подстриганіе извнѣ прекратилось, когда общины получили возможность расти, развиваться, развѣтвляться въ значительной мѣрѣ самопроизвольно.

Само собой разумѣется, что въ первое время общины не могли вырасти изъ приданной имъ извнѣ формы уравнительной разверстки. Во-первыхъ, сначала она на нѣкоторое время достаточно уравняла землепользованіе семей. А во вторыхъ, когда уравнительность, вслѣдствіе неравномѣрнаго разростанія разныхъ семей, нарушилось, и образовались въ общинахъ группы хозяевъ, обдѣленныхъ даннымъ распредѣленіемъ и желавшихъ новаго „поравненія“, то крестьянамъ именно настолько труднѣе было приступить къ нему, насколько раньше это поравненіе вызывалось внѣшней силой. Крестьяне государственные привыкли къ тому, что къ передѣламъ періодически, какъ разъ приблизительно по мѣрѣ обостренія надобности въ нихъ, напр., чрезъ 12—18 лѣтъ, давался толчекъ ревизіями, и ждали новой ревизіи, не умѣли себѣ представить, что ея больше не будетъ (да и прекращеніе ревизій еще до половины 80-хъ г.г. дѣйствительно не было рѣшено),

и въ огромномъ большинствѣ случаевъ даже не зная своихъ „правовъ“ дѣлить и безъ ревизіи; „ревизская душа“, какъ формально и свыше получившая право на надѣлъ и отбывающая государственную повинность, почиталась единственнымъ обладателемъ общинно-передѣльнаго права на трудъ, пріобрѣтала въ этомъ смыслѣ часто какой-то прямо фетишистскій характеръ. Бывшіе же помѣщичьи крестьяне раньше даже вовсе не знали, строго говоря, никакихъ мало-мальски самостоятельныхъ общихъ уравнительныхъ передѣловъ; мало того, отводъ надѣловъ на ревизскія души съ выкупомъ они въ массѣ случаевъ приняли за „покупку“ ихъ именно этими душами въ подворную собственность; такъ что, какъ увидимъ ниже, у нихъ очень часто, быть можетъ даже въ большинствѣ случаевъ, стоялъ и стоитъ вопросъ даже надъ самой возможностью въ будущемъ какихъ бы то ни было уравнительныхъ передѣловъ, а не то что надъ выработкой для нихъ самостоятельнаго наилучшаго принципа и формы. Немудрено, что при такихъ условіяхъ очень часто первые побѣги вольнаго переформеннаго общинаго поравненія лишь слабо и робко, лишь мало-по-малу отклонялись отъ традиціоннаго „ранжира“ ревизской души.

Наиболѣе запечатлѣна чисто фетишистскимъ отношеніемъ къ ревизской душѣ удивительная и на первой взглядъ кажущаяся совершенно непонятной и нелѣпой разверстка по живымъ ревизскимъ душамъ, или какъ я ее называю, ревизско-передѣльная разверстка. При ней, по мѣрѣ вымиранія мужскихъ ревизскихъ душъ, ихъ надѣлы (а также всѣ вообще выморочные надѣлы) не остаются наслѣдственно въ ихъ семьяхъ (что представляло бы чистую ревизскую или ревизско-безпередѣльную разверстку), а перераспредѣляются между остальными остающимися въ живыхъ ревизскими мужскими душами [1]). Такимъ образомъ, это распредѣленіе въ принципѣ, собственно, вовсе не имѣетъ характера уравненія, являющагося цѣлью и сущностью общинно-передѣльнаго владѣ-

---

[1]) Кромѣ этой типичной формы есть еще другая, похожая по виду, но, какъ ясно указалъ еще г. В. В., совершенно отличная по значенію разверстка, по наличнымъ ревизскимъ душамъ. Въ противность разверсткѣ по живымъ ревизскимъ душамъ эта разверстка возникаетъ не изъ борьбы хозяевъ за землю, а, наоборотъ, вслѣдствіе слабаго интереса ихъ къ ней,—главнымъ образомъ, изъ-за тяжести связанныхъ съ ней платежей, когда значительная часть хозяевъ разбредается на сторону, бросая свои надѣлы. Эти-то надѣлы съ лежащими на нихъ платежами и приходится остающимся, т. е. „наличнымъ“, волей-неволей разверстывать между собой. Такимъ образомъ, въ то время, какъ при разверсткѣ по оставшимся въ живыхъ ревизскимъ душамъ происходитъ несомнѣнное и преднамѣренное перераспредѣленіе земли,—уменьшеніе надѣла однѣхъ и увеличеніе надѣла другихъ семей,—при разверсткѣ по оставшимся въ наличности ревизскимъ, принципъ распредѣленія въ сущности не измѣняется, а только каждая семья получаетъ прирѣзку пропорціонально тому же числу въ ней ревизскихъ душъ, которому пропорціоналенъ и весь ея прежній надѣлъ. Но понятно, что эта разверстка, при нѣкоторомъ вздорожаніи земли и при введеніи снятія надѣловъ хотя съ нѣкоторыхъ умирающихъ ревизскихъ душъ въ пользу остальныхъ, очень легко и незамѣтно превращается въ разверстку по живымъ ревизскимъ, такъ что на практикѣ многіе случаи трудно бываетъ съ увѣренностью отнести къ той или другой изъ нихъ...

нія, а представляетъ чисто автоматическое неосмысленное перекладываніе земли на однажды извнѣ данную, слѣпо принятую и нелогично примѣненную единицу. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣло принимаетъ совсѣмъ другой видъ.

Прежде всего нельзя не замѣтить того, что въ теченіе цѣлыхъ, по крайней мѣрѣ 10, 15—20 лѣтъ послѣ ревизіи эта разверстка представляетъ не что иное, какъ просто надѣленіе всего взрослаго мужского населенія, т.-е разверстку по рабочимъ силамъ (и, значитъ, до извѣстной степени и по потребностямъ); такимъ образомъ, это кажущееся намъ абсурднымъ пониманіе права ревизской души, — не какъ наслѣдственнаго права семей съ данными ревизскими душами, а такъ пожизненнаго права именно самыхъ ревизскихъ душъ,—оказывается на практикѣ въ извѣстный періодъ въ отношеніи уравнительности во всякомъ случаѣ болѣе цѣлесообразнымъ, чѣмъ чистое ревизско-наслѣдственное владѣніе, при которомъ возникающая неравномѣрность надѣленія ничѣмъ не нарушается. Но затѣмъ, чрезъ 25, 30—35 и т. д. лѣтъ послѣ ревизіи эта разверстка уже все болѣе теряетъ характеръ рабочей разверстки и превращается въ надѣленіе стариковъ, съ полнымъ лишеніемъ земли нарождающихся и выдѣляющихся въ новыя хозяйства—„новорожденцевъ“ и „новоженовъ“, т.-е. иначе говоря, (по выраженію г. Плотникова) „долговременное ея существованіе повело бы къ нарушенію связи между землею и населеніемъ“. Такимъ образомъ, эти постоянные передѣлы по живымъ ревизскимъ душамъ чрезъ 35—40 лѣтъ послѣ ревизіи неизбѣжно приводятъ сами себя къ абсурду, — къ сосредоточенію земли въ рукахъ меньшинства хозяевъ, къ обдѣленію большинства и, значитъ, къ неизбѣжному для послѣдняго новому передѣлу — уже волей-неволей по какому-либо живому уравнительному, а не мертвому механическому принципу. Итакъ, очевидно, что мы должны признать ревизско-передѣльную разверстку формой, или безусловно общинно-передѣльной, или, по крайней мѣрѣ, переходной къ ней въ томъ смыслѣ, что она, во-первыхъ, дѣлаетъ невозможнымъ установленіе съ самаго начала пореформеннаго періода безпередѣльной ревизско-наслѣдственной формы владѣнія (переходной къ подворному владѣнію), во-вторыхъ, въ теченіе извѣстнаго времени приблизительно уравнительно распредѣляетъ землю и, въ третьихъ, вскорѣ же затѣмъ неизбѣжно приходитъ къ самоуничтоженію, къ новой непремѣнно болѣе уравнительной разверсткѣ.

Именно такъ дѣло происходитъ и въ дѣйствительности. Я встрѣтилъ всего какихъ-нибудь два-три отдѣльныхъ случая, когда эта разверстка замѣняла собою болѣе уравнительныя и сознательныя системы (что вѣроятно, объясняется или такими случайными совпаденіями въ распредѣленіи ревизскихъ душъ и надѣловъ по отдѣльнымъ семьямъ, при которыхъ эта разверстка была въ интересахъ большинства хозяевъ, или просто несознательностью дѣйствія общины или подчиненіемъ ея нѣсколькимъ вліятельнымъ богачамъ и т. п.). Обыкновенно же отмѣчается именно переходъ отъ ревизско-передѣльной къ раз-

версткѣ по всѣмъ наличнымъ мужскимъ душамъ и т. п. уже чисто уравнительнымъ системамъ. Такъ, напр., помимо десятка уѣздовъ, гдѣ были констатированы случаи ревизско-передѣльной разверстки г-номъ В. В., я нашелъ ее въ вполнѣ типичныхъ формахъ, описанныхъ земско-статистическимъ изслѣдованіемъ, всего лишь въ двухъ уѣздахъ (въ Аткарскомъ и Балашовскомъ у.у. Саратовской губ.) и въ обоихъ уже даже въ 80-е г.г., т.-е. чрезъ 20, 25, 30 лѣтъ послѣ ревизіи, отъ нея начинаютъ переходить къ уравнительно-наличной разверсткѣ, при чемъ въ одномъ случаѣ (по Балашовск. у.) прямо указано, что именно это „сокращеніе числа надѣловъ", связанное съ вымираніемъ ревизскихъ душъ, въ связи съ тяжестью лежащихъ на нихъ платежей и привело къ передѣлу на наличныя души [2]). Наконецъ, и вообще, какъ и нужно было ожидать для формы, представляющей какъ бы случайный, уродливый побѣгъ пореформенной общины,—мы встрѣчаемъ ее лишь очень рѣдко: я могъ бы, вѣроятно, къ десятку уѣздовъ, поименованныхъ у г. В. В. прибавить еще тоже не болѣе 20—25 уѣздовъ (въ „Мат. под. инсп." я насчиталъ всего 16 уѣздовъ, гдѣ она встрѣчается) и главное — ни въ одномъ почти уѣздѣ она не констатирована въ мало-мальски замѣтныхъ размѣрахъ (только по одному Валковскому у. Харьковской губ. по „Мат. под. инсп." въ цѣлыхъ 47 селеніяхъ, составляющихъ 3 волости, надѣлы „убылыхъ душъ распредѣляются между живыми ревизскими душами", обыкновенно же рѣдко-рѣдко гдѣ наберется по 5, самое большее по 10, держащихся ея общинъ, а обыкновенно и того меньше). Такъ что я обрисовалъ ее здѣсь только для полноты и въ виду ея своеобразнаго соціально-психологическаго интереса.

Несравненно распространеннѣе и типичнѣе для пореформеннаго общинно-передѣльнаго владѣнія другая форма съ особливо почтительнымъ отношеніемъ къ ревизской душѣ: такъ называемая ревизско-наличная разверстка. При ней также ревизскія души неприкосновенно владѣютъ своими надѣлами до смерти и только послѣ смерти они отбираются, но распредѣляются затѣмъ уже не между ревизскими, а именно только между молодыми неревизскими душами. При этомъ, такъ какъ обыкновенно послѣднихъ рождается больше, чѣмъ умираетъ первыхъ, то разверстка эта принимаетъ два основныхъ типа: или періодически скапливающимися ревизскими надѣлами надѣляются молодыя души въ уменьшенной по сравненію съ ревизскимъ надѣломъ пропорціи, либо онѣ получаютъ

---

[1]) См. „Сб. ст. св. по Саратовской г., т. VI, в. 2, стр. 176—177 и вып. 2-й по Балашовск. у., стр. 121. Также и въ Херсонск. у., какъ указалъ еще г. В. В., хотя всѣ общины начали передѣлы съ ревизско-передѣльной разверстки, но въ моментъ земской переписи она была констатирована всего въ 6 общинахъ, а въ 26 уже замѣнилась налично-мужской. (В. В. „Община", стр. 234). Также и „Мат. под. инсп.", отмѣчая ее, напр., по Котельничскому у. Вятской губ., указываютъ, что она „замѣтно выходитъ изъ обычая" („Мат. под. инсп.", в. I стр. 30). И т. д.

по полному ревизскому надѣлу, но тогда уже не всѣ, а лишь часть ихъ, обыкновенно по очереди, т. е. старшія по возрасту.

Особенно распространена. повидимому, послѣдняя разновидность. Она встрѣчается въ замѣтномъ числѣ случаевъ въ нечерноземномъ промышленномъ районѣ, какъ, напр., въ губерніяхъ Ярославской, Тверской и т. п. [1]), въ особенности же она типична для Нижегородской губ., и „Матеріалы“ по пяти ея уѣздамъ даютъ очень ясное понятіе о всевозможныхъ ея типахъ и градаціяхъ. Самое первое и слабое ея проявленіе представляетъ, напр., такой порядокъ, при которомъ собственно ревизскіе надѣлы еще не отбираются изъ семей съ умершими ревизскими душами, а „за-ревизные“ „новорожденцы“ надѣляются одними выморочными надѣлами, т.-е. надѣлами выселившихся. безъ вѣсти пропавшихъ, удаленныхъ по суду или сосланныхъ самими крестьянскими обществами, умершихъ совершенно безъ наслѣдниковъ, почему-либо случайно отказавшихся отъ надѣла (что, конечно, бываетъ очень рѣдко при надѣлѣ, окупающемъ платежи), наконецъ надѣлами недоимщиковъ (эти часто составляютъ болѣе замѣтный земельный фондъ) [1]). Такимъ образомъ, на этой ступени „за-ревизнымъ“ достается лишь та незначительная часть общинной земли, которая накопляется отъ отслояющихся изъ общины семей, такъ что этотъ порядокъ нельзя еще назвать вполнѣ общинно-передѣльнымъ владѣніемъ, а нужно видѣть въ немъ лишь близкую, переходную къ нему ступень. Послѣднее же начинается собственно съ тѣхъ формъ, когда надѣлы умирающихъ ревизскихъ душъ **отбираются у ихъ наслѣдниковъ въ пользу** „за-ревизныхъ“ въ другихъ семьяхъ; но правила этого отбиранія тоже весьма различны въ разныхъ общинахъ и представляютъ длинный рядъ тонкихъ переходовъ отъ полной почти наслѣдственно-безпередѣльной ревизской разверстки къ самому типичному уравнительно-передѣльному порядку.

Первыя разновидности мы имѣемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда надѣлъ умершей ревизской души отбирается у ея семьи, только если въ ней нѣтъ наслѣдниковъ; при этомъ въ опредѣленіи круга этихъ послѣднихъ опять-таки наблюдается множество градацій: иногда ревизскій надѣлъ наслѣдуется дядьями умершей ревизской души, братьями

---

[1]) Попадается, впрочемъ, она иногда въ довольно замѣтныхъ размѣрахъ и въ другихъ мѣстностяхъ. Напр., „Мат. под. инсп.“ констатируютъ ее въ четырехъ уѣздахъ Вологодской губ., въ Саратовской г., въ Харьковской г. и въ области Войска Донского (См. эти „Матеріалы“, в. I, стр. 25, 83 ч. 108 и в. II, стр. 2).

[2]) Высшую, но болѣе рѣдкую форму этой же системы представляетъ порядокъ, при которомъ хотя „на всѣхъ крестьянъ, родившихся до X ревизіи, считается по полному душевому надѣлу, который переходитъ послѣ ихъ смерти къ ихъ наслѣдникамъ, но крестьянамъ, не получившимъ „ревизскихъ“ душъ по наслѣдству, дается по $^1/_2$ или по $^1/_3$ надѣла, для чего къ числу ревизскихъ душъ прибавляется еще нѣсколько добавочныхъ душъ, такъ что разверстка земли производится на число нѣсколько свыше числа ревизскихъ душъ“. (См. „Мат. для оц. земли Ниж. г.“. Васильскій у., стр. 57). Такіе же случаи я встрѣтилъ въ Балашов. у. Саратов. г. („Сб. ст. св.“ по этому у., в. II, стр. 119—120). И т. д.

ями ея; затѣмъ за этими родственниками уже не признается права наслѣдованія и если кромѣ нихъ нѣтъ другихъ наслѣдниковъ, то надѣлъ отбирается, но при этомъ право наслѣдованія еще признается за вдовой и всѣми дѣтьми обоего пола умершей ревизской души; наконецъ въ другихъ случаяхъ и отъ этихъ послѣднихъ надѣлъ отбирается, а оставляется исключительно лишь сыновьямъ. Ясно, что чѣмъ болѣе сужается такое преимущественное право наслѣдованія родныхъ умирающихъ ревизскихъ душъ, тѣмъ больше надѣловъ поступаетъ въ общинно-передѣльный механизмъ. Во многихъ же, наконецъ, общинахъ это право наслѣдованія и вовсе или почти уничтожается. Напр., въ Княгининскомъ у. Нижегородской губ., „по обычаю, установившемуся въ большинствѣ общинъ, въ случаѣ смерти лица, за которымъ числится земельный надѣлъ, надѣлъ этотъ передается старшему подростку, не имѣющему земли. При этомъ въ нѣкоторыхъ общинахъ не дѣлается никакого преимущества для той семьи, за которой числилась земля прежде, а въ другихъ надѣлъ передается въ чужія руки только въ томъ случаѣ, если въ семьѣ, гдѣ освободилась душа, нѣтъ безнадѣльнаго подростка мужского пола“ [1]). Затѣмъ, въ Васильскомъ у. (Нижегородской же губ.), „во многихъ общинахъ „мертвая“, „палая“ душа „выносится“ изъ семьи умершаго даже и въ томъ случаѣ, если въ ней есть свои подростки, на которыхъ еще не давалось надѣла, если только они не самые старшіе изъ всѣхъ безземельныхъ подростковъ данной общины. Для сверстниковъ въ общинахъ этой группы или мечутъ жребій, или же выясняютъ старшинство самымъ точнымъ образомъ, по дню рожденія, о чемъ получаютъ свѣдѣнія отъ священниковъ“ [2]). Читатель ясно видитъ, что въ послѣднихъ случаяхъ мы имѣемъ уже чистую уравнительную общинно-передѣльную разверстку, только устанавливающуюся не сразу, а по мѣрѣ вымиранія ревизскихъ душъ: самое движеніе населенія медленно, плавно и неуклонно двигаетъ тутъ общинно-передѣльный механизмъ, который безпрерывно возстановляетъ безпрерывно образующуюся неравномѣрность надѣленія.

При обрисованномъ типѣ ревизско-наличной разверстки, который можно назвать частно-передѣльнымъ, обыкновенно надѣляется землей не все „за-ревизное“ молодое поколѣніе, а лишь старшіе его возрасты (только на нихъ хватаетъ освобождающихся ревизскихъ душъ), поэтому фактически эта разверстка принимаетъ обыкновенно характеръ распредѣленія по рабочимъ силамъ. Но и при ней встрѣчается надѣленіе всѣхъ „за-ревизныхъ“ той дробью ревизскаго надѣла, которая получается отъ дѣленія числа умершихъ ревизскихъ на число народившихся „за-ревизныхъ“ душъ. Этотъ же способъ почти всегда практикуется въ тѣхъ случаяхъ ревизско-наличной разверстки, когда она устанавливается путемъ общихъ передѣловъ. Такой способъ лишь изрѣдка встрѣчается на сѣверѣ и вообще въ Великороссіи [3]),

[1]) „Мат. для оц. зем. Ниж. г.“ Княгининск. у., стр. 49.

[2]) „Мат. Ниж. г.“ Васильскій у., стр. 54.

[3]) Нѣсколько такихъ случаевъ надѣленія „за-ревизныхъ“ половиной ревизскаго надѣла отмѣчены, напр., по 2 уѣздамъ Казанской губ., и т. п.

но очень распространенъ въ нѣсколькихъ южныхъ, особенно же въ материковыхъ уѣздахъ Таврической и кое-гдѣ въ Херсонской и Екатеринославской г. г.

При немъ борьба за уравненіе земли идетъ въ общинѣ обыкновенно въ болѣе бурныхъ формахъ. Долгое время за-ревизные не получаютъ вовсе надѣловъ; количество такихъ обдѣленныхъ семей все растетъ и, наконецъ, они побѣждаютъ на сходахъ и устанавливаютъ либо чистую разверстку по всѣмъ наличнымъ душамъ (обыкновенно лишь мужскимъ), либо промежуточную и смягчающую переходъ къ ней ревизско-наличную. Часто случалось при этомъ даже и такъ, что изъ чистой ревизской—устанавливалась сначала чисто-наличная, а потомъ общины возвращались отчасти назадъ, къ компромиссу ревизско-наличной разверстки: „Способъ пользованія землей, какъ на ревизскія, такъ и на наличныя души, какъ мы убѣдились на опытѣ, для всего общества крайне обиденъ, несправедливъ и разорителенъ. Раздѣлъ земли на наличныя души неудобенъ потому, что для живыхъ ревизскихъ душъ крайне обидно то обстоятельство, что, пользуясь въ теченіе 20 лѣтъ всей землей, обрабатывая ее, неся за нее всѣ платежи и повинности, получаютъ земли столько же, сколько и молодое поколѣніе, между тѣмъ, какъ и доходность земли теперь выше и повинности (напр., воинская) легче. Раздѣлъ же земли на ревизскія души еще несправедливѣе въ томъ отношеніи, что безсемейные, не отбывая натуральныхъ повинностей, какъ одиночки, и пользуясь при этомъ нерѣдко надѣлами своихъ умершихъ родственниковъ, владѣютъ слишкомъ большимъ сравнительно количествомъ земли; между тѣмъ, какъ многіе, имѣя взрослыхъ сыновей, несутъ на себѣ всю тяжесть натуральныхъ повинностей, пользуясь только однимъ душевымъ надѣломъ... А потому находимъ самымъ удобнымъ подѣлить нашу землю на живыя ревизіонныя и новорожденныя души такъ, чтобы каждый новорожденный пользовался землей въ половинномъ размѣрѣ противъ бывшаго въ ревизіи, неся въ томъ же размѣрѣ и всѣ денежныя повинности [1])".

При такихъ передѣлахъ въ материковыхъ уѣздахъ Таврическ. губ.,

---

[1]) См. „Памятную книжку Таврич. губ., стр. 44".

Такого же приблизительно рода мотивы указаны, напр., и въ Полтавской губ. Такъ, здѣсь въ Константиноградскомъ у 3 общества съ ревизско-наличной разверсткой „имѣли въ виду, что такъ какъ въ теченіе очень долгаго времени земля была распредѣлена на ревизскія души, то перераспредѣленіе ея на наличныя души можетъ рѣзко измѣнить положеніе многихъ хозяевъ, превративъ ихъ изъ многоземельныхъ въ малоземельныхъ и наоборотъ; при этомъ, малоземельные, не имѣющіе ни соотвѣтствующаго инвентаря, ни достаточно скота, въ первое время не могли бы извлечь всей пользы изъ увеличенія своихъ надѣловъ, между тѣмъ, какъ многоземельные могли бы понести значительные убытки, не только вслѣдствіе уменьшенія количества земли, но и вслѣдствіе послѣдовавшаго за этимъ нарушенія всего строя ихъ хозяйствъ. Поэтому, чтобы переходъ отъ пользованія землею по ревизскимъ душамъ къ пользованію по наличнымъ сдѣлать менѣе рѣзкимъ... въ первый коренной передѣлъ... выдѣляли на наличныя ревизскія души большіе участки, а на „новыя" неревизскія меньшіе... (См. „Сб. ст. св. Полтавск. г.", т. XIV, стр. 31—32).

обыкновенно „за каждой живой ревизской душой оставляется количество пахотной земли, находившееся въ ея распоряженіи при надѣленіи крестьянъ землею, а между остальными (наличными душами) распредѣляется вся пашня, числившаяся за умершими уже ревизскими душами. Въ другихъ случаяхъ общество, не принимая въ разсчетъ количества пашни, приходившагося прежде на ревизскую душу, назначаетъ на долю каждой оставшейся въ живыхъ количество большее, чѣмъ остальнымъ наличнымъ душамъ; при опредѣленіи этихъ количествъ не послѣднюю роль играетъ желаніе упростить производство самаго передѣла опредѣленіемъ каждой живой ревизской душѣ, напр., вдвое большаго количества пашни, чѣмъ остальнымъ наличнымъ“ [2]). Прибавимъ еще, что при такомъ надѣленіи обыкновенно разверстка принимаетъ потребительный характеръ, такъ какъ надѣляются всѣ, а не старшія лишь по возрасту мужскія души, но иногда встрѣчается и послѣдняя комбинація...

Сказаннаго, полагаю, достаточно для обрисованія первыхъ побѣговъ уравнительнаго распредѣленія земли, выступающихъ въ переформенной общинѣ изъ традиціонной рамки ревизіонной разверстки. Мы видѣли, что эти ростки обычнаго права еще слабы, робки; въ передѣльно-ревизской разверткѣ, отрицающей умершія ревизскія души въ пользу живыхъ ревизскихъ же, они представляются логически уродливыми, въ ревизско-наличной, надѣляющей уже не-ревизскія души, но ждущей для того смерти ревизскихъ,—нерѣшительными и непослѣдовательными. Но фактически эти системы уравненія съ теченіемъ времени, съ вымираніемъ ревизскихъ душъ и нарожденіемъ не-ревизскихъ, неизбѣжно все болѣе и болѣе отрѣшаются отъ фетишизма ревизской души и вслѣдствіе самаго физическаго движенія населенія вырастаютъ, выпрямляются и перерождаются въ разверстки, всецѣло основанныя на томъ или иномъ живомъ уравнительномъ принципѣ. Выше я указывалъ уже это для ревизско-передѣльной разверстки. То же самое нужно сказать и о ревизско-наличной: повсюду отмѣчается переходъ ея въ чистую наличную; такъ, напр., въ вышеупомянутомъ Константиноградскомъ у. одна община въ 83 г. передѣлила неравномѣрно на ревизскія и неревизскія мірскія души (первымъ—по $3^1/_2$ дес., а вторымъ—всего 0,8 дес.), но въ 89 г. уже

---

[1]) См. „Памятную книжку Таврич. г.“, стр. 38. Аналогичный, но нѣсколько уже болѣе уравнительный порядокъ находимъ въ нѣсколькихъ общинахъ Константиногр. у.; здѣсь, напр., въ хуторѣ Бурты „на ревизскую наличную душу дали по $3^1/_2$ десят., на одну наличную неревизскую душу въ тѣхъ хозяйствахъ, въ которыхъ совсѣмъ нѣтъ ревизскихъ наличныхъ душъ,—по 3 дес., а на остальныя наличныя души (т.-е. въ семьяхъ съ живыми ревизскими душами)—по $1^1/_4$ дес.. См. „Сб. ст. св.“ по этому уѣзду, стр. 32.

Надо еще затѣмъ отмѣтить, что въ отдѣльныхъ случаяхъ слабой прибыли населенія (или даже отсутствія ея) освобождающіеся отъ ревизскихъ надѣлы составляютъ фондъ совершенно, или почти достаточный, для полнаго надѣленія заревизныхъ; напр., въ д. Софіевкѣ Херсонскаго у. 133 ревизскія души имѣютъ $131^1/_2$ надѣлъ, а 41 неревизская 40 надѣловъ, оставшихся отъ умершихъ душъ или снятыхъ съ неплательщиковъ; слѣдовательно, здѣсь размѣръ надѣла ревизскихъ и неревизскихъ душъ одинаковъ (См. „Сб. по Херсонск. у.“, стр. 195).

предполагала передѣлить поровну на всѣ мужскія души; также въ Бердянскомъ у. земско-статистическое изслѣдованіе констатировало въ половинѣ 80-хъ г.г. преобладаніе неравномѣрной ревизско-наличной разверстки, а „Матеріалы податн. инспекторовъ“ въ 87—93 г.г. констатируютъ уже, что „въ послѣднее время съ уменьшеніемъ числа живыхъ ревизскихъ душъ все больше и больше распространяется разверстка по наличному мужскому населенію безъ различія между ревизскими душами и неревизскими“ [1]). и т. д. Нужно, такимъ образомъ, считать, что чрезъ 40—50 и болѣе лѣтъ послѣ ревизіи съ вымираніемъ дореформеннаго поколѣнія вымрутъ и эти пережиточныя промежуточныя формы, и въ ближайшіе же годы, примѣрно въ первое десятилѣтіе 20-го столѣтія, замѣнятся живыми уравнительными системами.

Перейдемъ теперь къ наиболѣе многочисленной категоріи общинъ, гдѣ послѣднія уже теперь развились и дальше развиваются.

§ 4.

Совершенно очевидно, что для равномѣрнаго распредѣленія земли между всѣми хозяевами общины необходимо анализировать самое это понятіе двора, хозяйства, необходимо расчленить его на составные элементы, т.-е. на разнаго пола и возраста души, въ немъ заключающіяся. Очевидно, что на каждую изъ этихъ душъ приходится извѣстная доля того равнаго права на землю, которое принадлежитъ каждому хозяину. Но доли эти могутъ быть различны и опираться на различныя основанія. Подъ общиннымъ правомъ на трудъ мы подразумѣваемъ право на обработку земли для жизни. Значитъ, каждая семья имѣетъ право на землю постольку, поскольку ей необходимы средства къ жизни и поскольку она можетъ ее обрабатывать. Такъ что во внутри-общинной борьбѣ за землю на нее имѣютъ право, такъ сказать, рты, требующіе пропитанія, и руки, требующія приложенія. Значитъ и земля можетъ распредѣляться по двумъ основаніямъ: по „нуждѣ“ въ ней семей или по „мощи“ ихъ (крестьянскія слова),—по потребительному, или по рабочему ихъ составу. Оба эти основанія всегда частью сливаются, частью антагонизируютъ и въ своемъ морально политическомъ корнѣ трудно соизмѣримы и едвали не равносильны: трудно сказать, какой принципъ выше,—каждому по его потребностямъ, или каждому по его труду; и если первый выше, то зато второй ближе, осуществимѣе...

Въ дѣйствительности въ русской крестьянской общинѣ обыкновенно примѣнялся и примѣняется тотъ изъ этихъ принциповъ и та именно форма и степень его, какія соотвѣтствовали и соотвѣтствуютъ

[1]) См. „Сб. ст. св. по Константиноградск. у.“, стр. 32, и „Матер. под. инсп.“ вып. I, стр. 114.

реальнымъ условіямъ, весьма различнымъ для разныхъ періодовъ исторіи общины и для разныхъ мѣстностей въ данный періодъ. Въ до-реформенный періодъ эти принципы разверстки были всецѣло предустановлены для крестьянской общины извнѣ.

Бывшіе государственные крестьяне не могли, какъ выше уже обрисовано, принять иного распредѣленія, какъ потребительно-податную разверстку по всѣмъ наличнымъ ревизскимъ мужскимъ душамъ. У крѣпостныхъ же крестьянъ, впряженныхъ въ ярмо обязательной работы для помѣщика, естественно установилось распредѣленіе этой работы по рабочимъ силамъ семей, соотвѣтственно чему, конечно, по рабочимъ же силамъ распредѣлялась и земля (объ этомъ я еще скажу подробнѣй ниже). Но съ уничтоженіемъ крѣпостного труда и съ прекращеніемъ ревизій (а затѣмъ и отмѣной подушной подати для Европейской Россіи съ 83—86 г.г., а для Сибири съ 99 г.), та или иная изъ указанныхъ системъ разверстки стала устанавливаться у крестьянскихъ общинъ уже въ зависимости отъ естественныхъ, экономическихъ и юридическихъ условій, различныхъ для разныхъ общинъ.

Общее правило для этой зависимости таково, что производительныя разверстки устанавливаются при многоземельи, напримѣръ, при рабочей нормѣ надѣла, или при такихъ его свойствахъ (трудности обработки и неплодородіи) и такой комбинаціи ихъ съ размѣромъ лежащихъ на немъ податей, когда выгоды его эксплуатаціи обусловливаются размѣрами рабочихъ силъ семьи и прямо пропорціональны имъ. Случаи, когда доходность надѣла даже замѣтно ниже платежей по сравненію съ арендой внѣ-надѣльныхъ земель, я, какъ уже указано, отношу къ особому типу общинно-выкупного владѣнія; потребительныя же разверстки наблюдаются при потребительной нормѣ надѣла и при чисто потребительномъ значеніи его,—т.-е. когда онъ представляетъ извѣстный плюсъ для всѣхъ семей, независимо отъ ихъ рабочихъ силъ.

Держась попрежнему историческаго порядка изложенія,—отъ многоземельныхъ къ малоземельнымъ общиннымъ формамъ,—обрисуемъ сначала производительныя разверстки.

При такихъ размѣрахъ надѣла, когда онъ не только даетъ средства для жизни всему населенію общины (потребительная норма), но и занимаетъ почти или вполнѣ всѣ ея рабочія силы (рабочая норма), или даже ихъ нехватаетъ для полной его обработки,—при такомъ многоземельи начинающіеся передѣлы очень часто, если не обыкновенно, должны совершаться по рабочимъ силамъ хозяевъ. Ибо если они произойдутъ по потребительному составу семей, то, вслѣдствіе несоотвѣтствія его съ рабочимъ составомъ, всегда получатся съ одной стороны такія семьи, у которыхъ часть рабочихъ силъ останется безъ приложенія, а съ другой—такія, которыя не смогутъ обработать часть своей земли. Правда, послѣднія могутъ сдавать первымъ этотъ излишекъ въ аренду, но такая сдача уже представитъ уклоненіе отъ общиннаго права на землю, представляющаго право

на обработку земли, а не на ренту отъ нея. Однако трудно поручиться, что дѣйствительно въ большинствѣ случаевъ передѣлы начинаются съ рабочихъ разверстокъ; очень часто,—возможно даже, что чаще,—они начинаются прямо съ потребительнаго распредѣленія. Это происходитъ, во-первыхъ, потому, что очень часто до рабочей нормы и при ней практикуются выше описанныя формы ограниченія захвата и отводовъ, сводящіяся фактически къ надѣленію разныхъ семей по рабочимъ силамъ, а передѣлы начинаются уже позже, при размѣрахъ надѣла уже ниже рабочей нормы; иногда же общины сознательно уклоняются отъ чистаго права на трудъ, прямо заранѣе имѣя въ виду сдачу многосемейными, но малорабочими семьями ихъ надѣловъ „для поправки“ въ аренду многорабочимъ [1]).

Но очевидно, что такіе случаи начала передѣловъ съ потребительной разверстки могутъ быть лишь при такой степени населенности, при такой доходности надѣла и такихъ размѣрахъ его обложенія, когда его арендная цѣна значительно превышаетъ лежащіе на немъ платежи. Когда же первая почти или даже вполнѣ равна послѣднимъ, то, очевидно, многосемейнымъ-малорабочимъ семьямъ нѣтъ никакой выгоды брать надѣлъ сверхъ своей рабочей силы, такъ какъ его не удастся сдать въ аренду и придется только платить за него подати, не получая отъ него дохода. Поэтому въ случаяхъ низкихъ арендныхъ цѣнъ (главнымъ образомъ вслѣдствіе обилія земли) такъ или иначе должно установиться распредѣленіе надѣла по рабочимъ силамъ семей. Такъ оно и происходитъ въ дѣйствительности.

Этотъ порядокъ наблюдается прежде всего въ тѣхъ случаяхъ, когда земледѣліе еще вполнѣ не развилось и представляетъ только подсобное занятіе при скотоводствѣ, рыболовствѣ, охотѣ и т. п. промыслахъ. Въ такихъ случаяхъ подати, во избѣжаніе недоимки, нельзя раскладывать прямо только на землю, независимо отъ ея распредѣленія между хозяевами, а приходится ихъ накладывать на промыслы, на рабочую силу и вмѣстѣ съ тѣмъ на землю, откуда сама собой и получается рабочая разверстка земли. Такъ, напримѣръ, одинаково у Ледовитаго океана и у Каспійскаго моря, (въ Кемскомъ у. Архангельской губ. и въ Астраханскомъ у.) мы находимъ въ общинахъ, не занимающихся земледѣліемъ (по условіямъ климата и почвы), а эксплуатирующихъ лишь сѣнокосы,—разверстку ихъ по однимъ мужскимъ душамъ рабочаго возраста, т.-е., начиная минимумъ съ 19, а чаще съ 18 лѣтъ (въ Кемскомъ у.) и съ 16—18 до 60 лѣтъ (въ Астраханскомъ у.) [2]). Также въ одномъ районѣ Туринскаго округа (Тобольской губ.), гдѣ населеніе больше занимается кедровымъ и охотничьимъ промысломъ и потому арендныя

---

[1]) См., напримѣръ, такіе случаи для Оренбургской губ. въ „Мат. податн. инсп.“, в. I, стр. 51, нѣкот. др.

[2]) См. „Мат. под. инсп.“, св. I, стр. 22 и 104.

цѣны земли, требующей при томъ большой обработки, очень низки, при передѣлахъ фактически принудительно надѣлялись землей съ лежащими на ней платежами всѣ мужскія души, старше 10 л., а до 10 л. предоставлялось брать землю только „желающимъ“, „съ воли“, чѣмъ пользовались лишь зажиточные, ибо у слаборабочихъ семей, по ихъ заявленію, на дѣтей моложе 10 лѣтъ „сила не беретъ платить“ [2]).

Равнымъ образомъ въ пріозерномъ районѣ Курганскаго округа (Тобольской губ.), сравнительно съ остальнымъ многоземельнымъ, но менѣе плодороднымъ, съ обширными при томъ пастбищами и доходными рыбными ловлями, гдѣ много хозяевъ предпочтительно предъ земледѣліемъ „бьются около рыбешки, да скотинешки“, установилась разверстка „на желающихъ“, при которой каждому хозяину предоставлялось самому брать, сколько онъ хочетъ, надѣловъ,—только обыкновенно не меньше числа годныхъ къ общественной службѣ рабочихъ въ семьѣ и не больше числа въ ней ревизскихъ или наличныхъ мужскихъ душъ. Подобныхъ же случаевъ можно бы привести еще много, какъ относительно Сибири, такъ и для такихъ мѣстностей, какъ губерніи Архангельская, Вятская, Пермская, Уфимская, Оренбургская, Астраханская, Область Войска Донскаго и т. п.

Но и когда цѣнность земледѣльческихъ угодій не понижается другими, такъ сказать, до-земледѣльческими промыслами, она можетъ быть низка сама по себѣ, съ одной стороны, вслѣдствіе малой населенности и, значитъ, малаго спроса на землю, а съ другой — малаго плодородія ея, вслѣдствіе чего она имѣетъ гораздо большую цѣну для сильно-рабочихъ хозяевъ, могущихъ хорошо ее обработать, удобрить и пр., чѣмъ для малорабочихъ, не имѣющихъ средствъ для этого. Такое происхожденіе имѣютъ множество производительныхъ системъ разверстки, очень распространенныхъ въ вышеуказанныхъ окраинныхъ мѣстностяхъ.

Среди нихъ наиболѣе типичны такія, такъ сказать, ультра-производительныя разверстки, при которыхъ земля распредѣляется даже не по населенію, не по рабочему составу дворовъ, а по самымъ средствамъ производства. Такія системы мы находимъ, напримѣръ, въ Верхнеуральскомъ у. Оренбургской губ., гдѣ въ прежнее время основаніемъ для разверстки служила имущественная состоятельность отдѣльныхъ хозяевъ, выражающаяся въ количествѣ скота [1]). Упоминанія объ этой же разверсткѣ встрѣчаются въ прошломъ и на совсѣмъ другомъ концѣ Россіи: напримѣръ, въ с. Привольномъ Бахмутскаго уѣзда (Екатеринославской губ.) бывшіе помѣщичьи крестьяне передѣлили въ первый разъ землю тоже по числу скота [2]). Въ одной изъ упомянутыхъ выше нѣмецкихъ колоній Камышинскаго у. непосредственно послѣ захвата установилось владѣніе „по плугамъ“: „у кого было скота на одинъ плугъ, тотъ и получалъ 1 пай, а у кого было

[1]) „Мат. Зап. Сиб.“, в. XIII, стр. 52 и 104.
[2]) См. „Мат. податн. инсп.“, в. I, стр. 51.
[3]) См. „Сб. ст. св.“, по этому уѣзду.

скота на два плуга—получалъ вдвое больше; платежи также взимались по 3 руб. съ плуга“ [3]). Въ Орловскомъ и Уржумскомъ у. Вятской губ. земля въ болѣе многоземельныхъ селеніяхъ часто разверстывается „по имущественной состоятельности отдѣльныхъ дворовъ, по ихъ платежной способности, при чемъ послѣдняя опредѣляется преимущественно по количеству скота и построекъ (это же основаніе встрѣчается иногда какъ дополнительное и въ Малмыжскомъ и Елабужскомъ у. у.)“ [4]). Вообще однако такое болѣе или менѣе прямое и чистое распредѣленіе земли по тому или иному объективному мѣрилу капиталистической силы хозяйствъ встрѣчается сравнительно рѣдко. Но въ видѣ общаго критерія и какъ дополненіе къ основному принципу живой рабочей силы (мужской главнымъ образомъ), въ видѣ общаго глазомѣрно устанавливаемаго крестьянами признака —„состоятельности“, „хозяйственности“, „заможности“, это производительно-капиталистическое основаніе разверстки весьма замѣтно распространено: оно обычно не только при платежахъ, превышающихъ доходность, но встрѣчается и при надѣлѣ, окупающемъ платежи, но требующемъ крайне интенсивной обработки, удобренія и проч. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ мы даже изрѣдка опять,— какъ и при крайнемъ многоземельи, — встрѣчаемъ случаи разверстки преимущественно по скоту; я встрѣтилъ упоминанія о ней, напримѣръ, по александровскому у. Владимирской губ. (гдѣ, кстати сказать, рядомъ съ мужской силой, общими признаками „состоятельности“ и количествомъ скота принимается при надѣленіи во вниманіе женская рабочая сила), въ Звенигородскомъ у. Московской и нѣкот др. губ. [1]).

Что касается рабочихъ разверстокъ, либо чистыхъ (чаще), либо съ коррективомъ „по хозяйственности“ (тоже довольно часто), то онѣ уже широко,—иногда сплошными районами,—распространены въ вышеуказанныхъ окраинныхъ сѣверныхъ, сѣверовосточныхъ и восточныхъ губерніяхъ, а также въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Тверской, Новгородской, даже Московской, Ярославской и т. п. губерній. Они обусловливаются здѣсь только отчасти значительными размѣрами надѣла, — здѣсь по большей части уже стоящаго ниже рабочей нормы (а иногда даже около потребительной и ниже ея),—а въ значительной степени вызываются тяжестью обработки, унаваживаніемъ и сравнительно низкой урожайностью земель этого района. При такихъ условіяхъ и при податяхъ, хотя и ниже аренды цѣнъ, но все-таки высокихъ и часто только немного отъ нихъ отстающихъ, естественно этотъ надѣлъ хотя и представляетъ въ среднемъ извѣстный плюсъ, но именно въ среднемъ, т. е. при извѣстномъ мини-

[3]) См. „Сб. ст. св., по Камышинскому у.“, стр. 145. Читатель быть можетъ замѣтилъ, какъ невольно напрашивается аналогія этой разверстки „по плугамъ“ у нѣмцевъ съ выше обрисованной разверсткой, „по ярмамъ“ у татаръ и армянъ: быть можетъ не только общій смыслъ ихъ одинаковъ, но даже возможно, что ярмо именно и обозначаетъ плугъ—не какъ мѣру земельную, а какъ основаніе рабочаго права на землю.

[4]) См. „Мат. под. инсп.“, стр. 31.

[1]) См. „Мат. под. инсп.“, в. II, стр. 48 и 96.

мумѣ обработки, рабочихъ силъ, оборотнаго запаснаго капитала въ семьѣ. Такъ что если онъ всѣхъ привлекаетъ, то для многихъ представляетъ въ то же время и опасность, если многіе „мощные“ хозяева требуютъ себѣ лишняго надѣла, то одновременно иные „маломочные“ готовы отъ него отказаться, изъ боязни его „не осилить“. Всѣ сказанныя условія соединяются также въ обширномъ и особенно характерномъ для данной разверстки районѣ Самарской и Саратовской г. г., съ тѣмъ только отличіемъ, что здѣсь вмѣсто неплодородія почвы мы находимъ крайнюю неустойчивость урожаевъ (или, лучше сказать, вошедшіе въ систему періодическіе неурожаи), требующую особенной устойчивости хозяйства и заставляющую общину все время усиленно бороться противъ накопленія недоимокъ на „маломочныхъ“ семьяхъ. Въ результатѣ этихъ условій и получается два основныхъ и наиболѣе распространенныхъ общинно-передѣльныхъ типа производительной разверстки.

Тамъ, гдѣ трудно „осилить“ главнымъ образомъ землю, а не платежи, вырабатываются неопредѣленныя системы разверстки, главнымъ образомъ по „мощи“ (по „моготѣ“, по „изможенію“), но отчасти и „по нуждѣ“ семей; основной чертой ихъ является компромиссъ и взаимное „согласіе“ отдѣльныхъ семей (маломочные, напримѣръ, часто сдаютъ надѣлъ въ аренду сильнымъ) и сравнительно слабое вмѣшательство міра, который лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ, путемъ частныхъ передѣловъ, насильно „наваливаетъ“ на „заможную“ семью надѣлъ, непосильный для слабой или, наоборотъ, насильно отбираетъ его у малосильной или слишкомъ многоземельной семьи въ пользу болѣе сильной или малоземельной. Выше я привелъ уже образчики этой разверстки для двухъ округовъ Тобольской губ. Она значительно распространена и въ сѣверныхъ губерніяхъ Европейской Россіи. Напримѣръ, въ Пермской губ., по показаніямъ податныхъ инспекторовъ, при частныхъ передачахъ земли между семьями, „вслѣдствіе измѣненія въ семейномъ составѣ дворовъ (смерть взрослыхъ членовъ, подрастаніе малолѣтнихъ и т. д.)... сходы поступаютъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ безъ твердыхъ руководящихъ началъ [1]), неопредѣленность эта иногда доходитъ до того, что, напримѣръ, въ Оханскомъ уѣздѣ (Пермской же губ.) крестьяне на вопросъ о системѣ разверстки отвѣчаютъ въ одной и той же общинѣ приблизительно слѣдующимъ образомъ: „по справности“, „по достатку“, „по семейству глядя“, „по согласію“, „по совѣсти“, „примѣрно по душамъ“ и т. д. [2]). Иногда эта же разверстка встрѣчается и совсѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ: именно этотъ характеръ носитъ, напримѣръ, разверстка „по дворамъ“, „по совѣсти“ въ Александрійскомъ у. Херсонской губ. и до извѣстной степени разверстка „по состоятельности“ въ Елизаветградскомъ у. той же губ. и т. д. [3]).

---

[1]) См. „Мат. под. инсп.“, в. I, стр. 45.
[2]) См. „Мат. къ оцѣн. зем. Пермск. губ.“, в. I, Оханск. у., стр. 117.
[3]) См. „Мат. для оцѣн. земли Херсонск. губ.“, т. II, стр. 212—213.

Такимъ образомъ, мы замѣчаемъ, что эта разновидность производительной разверстки скорѣе, пожалуй, ближе къ обрисованному выше подворному, чѣмъ къ подушному типу „равненія“. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ, такъ какъ она не принимаетъ вполнѣ ни подушно-рабочаго, ни подушно-потребительнаго принципа и примѣняетъ совершенно различныя ихъ комбинаціи не только къ каждой отдѣльной семьѣ въ данный моментъ, но и ко всѣмъ семьямъ въ разные моменты. А именно, по мѣрѣ сокращенія размѣровъ и повышенія (вслѣдствіе интенсификаціи) доходности надѣла и параллельнаго, абсолютнаго или относительнаго (по сравненію съ внѣнадѣльной, напримѣръ, арендой и т. п.) пониженія платежей,—короче говоря, вслѣдствіе приближенія надѣла къ потребительной нормѣ и пріобрѣтенія имъ чистаго, такъ сказать, потребительнаго значенія, потребительный принципъ начинаетъ все болѣе перевѣшивать или вовсе вытѣсняя производительный принципъ, или допуская его лишь какъ коррективъ. Именно такое преобразованіе и происходитъ, какъ общее правило, во всѣхъ вышеуказанныхъ сѣверныхъ и восточныхъ окраинахъ. Напримѣръ, въ Вятской губ. послѣ отмѣны подушной подати замѣчается движеніе въ пользу разверстки земли „по ѣдокамъ“, т.-е. наличному населенію обоего пола безъ различія возраста. Такой переходъ совершается, напримѣръ, въ Сарапульскомъ уѣздѣ отъ господствовавшаго прежде порядка распредѣленія по рабочему составу семей. Также въ Яранскомъ у.[1]) и т. д.

Второй типъ производительнаго распредѣленія, обыкновенно вызываемый болѣе трудностью „осилить“ платежи, чѣмъ самую землю, и при которомъ поэтому община, въ силу внѣшнихъ требованій круговой поруки, должна примѣнять болѣе чистыя рабочія разверстки, наблюдается, какъ сказано, преимущественно въ Самарской и Саратовской гг. Самая строгая его форма это — точная разверстка земли по работникамъ, т.-е. надѣленіе землей только мужчинъ въ возрастѣ обыкновенно отъ 16—18 и до 55—60 лѣтъ. Но варіаціи этихъ надѣляемыхъ возрастовъ безконечно разнообразны въ разныхъ общинахъ, въ зависимости отъ того, насколько потребительное значеніе имѣетъ надѣлъ или, наоборотъ, насколько велика опасность недоимочности. Напримѣръ, по одному Бугурусланскому у. Самарской губ. при общихъ передѣлахъ начала 80-хъ гг. наблюдается цѣлыхъ 8 варіацій въ разныхъ общинахъ: 1) надѣленіе „на всѣхъ“ (мужск. души), 2) съ 5 лѣтъ, 3) съ 8, 4) 10, 5) 11, 6) 12, 7) 15, 8) „по работникамъ“; въ Николаевскомъ у. той же губ. — комбинацій: „на всѣхъ (мужск. души), съ 3,5, 10, 12, 14, 15, 17 и 18 лѣтъ[1]). Аналогичная, но еще болѣе детально разработанная и приспособленная къ производительному принципу разверстка достигается часто путемъ частныхъ передѣловъ — постоянныхъ такъ называемыхъ „свалокъ-навалокъ“, надѣловъ съ однихъ хозяевъ на другихъ: такой характеръ

[1]) См. „Мат. под. инсп.“, в. I, стр. 31.
[2]) См. „Сб. стат. св. по Бугуруслан. и Николаев. у. у.“

часто имѣетъ выше-обрисованная ревизско-наличная разверстка. Напримѣръ, въ с. Песчанкѣ Сердобск. у. (Саратовской губ.) „раньше, по выходѣ на волю, землю распредѣляли по ревизскимъ душамъ, но потомъ многіе начали просить земли на подростковъ“, „такъ какъ платежи дешевле стали“ и, мало-по-малу изъ ревизской формы образовалась разверстка по работникамъ. Настоящій работникъ считается здѣсь 21-го года и получаетъ $1^3/_4$ души, но накладка начинается съ 15 лѣтъ; сначала дается $^1/_4$ души, и 17 лѣтъ — еще $^1/_2$ души, и съ 20 лѣтъ — еще 1 душа, причемъ однако принимается во вниманіе зажиточность семьи. Съ 60 лѣтъ снимаютъ $^3/_4$ души, а 1 душу оставляютъ до смерти, послѣ которой отбирали отъ семьи $^1/_2$ души въ первый годъ и $^1/_2$ во второй, теперь же стали сразу отбирать весь надѣлъ [2]). И т. д. и т. д.

Затѣмъ вмѣсто этого ограниченія возрастами, въ этихъ же двухъ губерніяхъ развилась система надѣленія хотя и всѣхъ мужскихъ душъ всѣхъ возрастовъ, но съ исключеніемъ изъ надѣленія или съ неполнымъ надѣленіемъ недоимщиковъ, завѣдомо „маломочныхъ“, „упалыхъ“ хозяевъ. Такъ, напр., въ с. Большомъ Меликѣ Балашовскаго у. „неплательщикамъ не додавали на 1 – 3 души, смотря по степени ихъ состоятельности. „Шалтаямъ“ (отсутствующимъ) и безнадежнымъ неплательщикамъ вовсе не давали земли. Иные и сами отказывались“ [3]). Затѣмъ, въ наиболѣе типичномъ въ данномъ отношеніи Николаевскомъ у., гдѣ „во многихъ общинахъ, благодаря сравнительной крѣпости надѣльной земли, на обработку ея плугомъ требуется рабочая сила 5—6 лошадей и гдѣ подати сравнительно высоки, отобраніе міромъ надѣловъ маломочныхъ и добровольныя отдачи ихъ такъ часты, что въ результатѣ этого „вольнаго и невольнаго лишенія земли малосильныхъ членовъ общины“ въ 50 общинахъ даже уменьшилось число разверсточныхъ единицъ („окладныхъ“ и „ревизскихъ душъ) на 2,496 душъ. Такъ что фактически въ Николаевскомъ у. даже въ общинахъ съ формальной потребительной разверсткой по всѣмъ наличнымъ мужскимъ душамъ, „передѣлы почти всюду практикуются по имущественной силѣ дворовъ“ и даже „фактически тотъ домохозяинъ владѣетъ бо́льшимъ количествомъ надѣловъ, кто имѣетъ больше рабочаго скота“ [1]). Подобныя же разверсточныя разновидности наблюдаются въ отдѣльныхъ случаяхъ и въ другихъ мѣстностяхъ—иногда, напримѣръ, въ Казанской губ., гдѣ въ Казанскомъ у. въ нѣсколькихъ общинахъ съ разверсткой по наличнымъ ревизскимъ,

---

[1]) См. „Сб. ст. св., по Сердоб. у.“, стр. 131.

[2]) См. „Сб. св. по Балашевск. у.“ „Опис. вол. и сел.“ стр. 347. „Что не всѣ брали себѣ на всѣ наличныя души землю, это объясняется тѣмъ, что бѣдняки не въ силахъ обработать земли, которая раздроблена на 4—5 загоновъ, по которымъ не выгодно шататься съ плугомъ, при сдачѣ же на такую землю цѣна дешевая“ (тамъ же стр. 347).

[3]) „Сб. ст. св., по Николаевскому у.“, стр. 31, 32 и 33.

земля отнимается также у всѣхъ „не пахарей“, т.-е. не занимающихся земледѣліемъ, и распредѣлена только между „пахарями“ [2]).

Сдѣланными поясненіями и фактическими примѣрами, мнѣ кажется, достаточно обрисовываются всѣ основныя, замѣтно распространенныя, разновидности производительной разверстки при общинно-передѣльномъ владѣніи (остальныя ея разновидности, типичныя уже для общинно-выкупного владѣнія или вытекающія изъ него я обрисую въ слѣдующей главѣ [3]). Какъ нужно было ожидать a priori, мы нашли, что разверстка эта, — или прямо возникая изъ семейно-захватнаго и общинно-отводного владѣнія, или замѣняя собой дореформенную ревизскую разверстку, — устанавливается въ пореформенной общинѣ именно тамъ, гдѣ крестьянамъ трудно было „осиливать“ надѣлъ, вслѣдствіе либо его крупныхъ размѣровъ, либо трудности обработки, либо отягощенія его податями.

Изъ сказаннаго легко было также замѣтить, что, какъ въ случаяхъ болѣе или менѣе свободныхъ отъ общинно-принудительнаго вмѣшательства разверстокъ „по согласію“, такъ и при самыхъ строгихъ формахъ точной общинной регламентаціи, — разверстки эти имѣютъ по самому существу своему черты, сближающія ихъ съ до-передѣльными видами общиннаго владѣнія. Очевидно, что онѣ только продолжатъ въ болѣе точной формѣ то самое распредѣленіе земли пропорціонально рабочимъ силамъ семей, которое, какъ мы видѣли, вырабатывается уже при ограниченно-захватныхъ и общинно-отводныхъ формахъ. Онѣ въ значительной мѣрѣ сохраняютъ еще поэтому и тотъ индивидуалистически-капиталистическій отпечатокъ, который характеренъ для послѣднихъ: хотя неравенство въ землѣ и капиталѣ при нихъ, благодаря невозможности мало-мальски серьезнаго

---

[2]) См. „Сб. ст. св. по Казанск. у. т.“, пр. 38, а также по Чебоксарск. у., стр. 39 и др.

[3]) Само собой разумѣется, что все только что сказанное вѣрно лишь какъ общее правило, что иногда встрѣчаются особые случаи, не подходящіе подъ вышеустановленные типы и правильности. Такъ, напримѣръ, несомнѣнно, что иной разъ производительная разверстка можетъ устанавливаться и внѣ вышеобрисованныхъ условій,—оставаясь, напримѣръ, по инерціи послѣ исчезновенія вызвавшихъ ее условій (напримѣръ, въ Васильскомъ у. Нижегородской губ. отмѣчено нѣсколько общинъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, продолжавшихъ и по освобожденіи и безъ превышенія при томъ доходности надѣла платежами ту самую „тягловую разверстку“ которая существовала у нихъ при крѣпостномъ правѣ) (см. „Мат.“ по этому уѣзду стр. 55), или просто устанавливаясь въ силу случайной выгодности ея большинству членовъ общины; такъ, напримѣръ, въ с. Камышловкѣ Кузнецкаго у. Саратовской губ. „состоялся приговоръ о передѣлѣ на наличныя души мужского пола не моложе 13 лѣтъ (случай переходной отъ потребительной къ рабочей разверсткѣ, но скорѣе уже относящійся къ послѣдней), срокомъ на 6 лѣтъ; ограниченіе въ возрастѣ сдѣлано было для избѣжанія значительнаго увеличенія разверсточныхъ единицъ и связаннаго съ нимъ увеличенія надѣловъ, которое увеличило бы число несогласныхъ на передѣлъ. (См. „Сб. ст. св. по Кузнецкому у. Саратовской губ.“, стр. 115). И т. п. Но всѣ такіе, такъ сказать, индивидуальные случаи сравнительно очень рѣдки, да и не представляютъ принципіальнаго интереса, именно въ силу невозможности или безполезности выясненія ихъ частныхъ и случайныхъ причинъ. Поэтому, сберегая мѣсто, я и не останавливаюсь на нихъ.

приложенія наемнаго труда, уже очень замѣтно уменьшается, но и неравенство, вытекающее изъ одной разницы въ рабочихъ силахъ разныхъ семей, находящихъ себѣ полное приложеніе, еще достаточно велико и дѣлаетъ эту разверстку по рабочимъ силамъ все еще въ нѣкоторой степени разверсткой по капиталамъ, допускаетъ еще рядомъ съ отдѣльными крупными многоземельными и зажиточными дворами цѣлый многочисленный слой безземельныхъ и „безхозяйныхъ“ семей. Высшая же степень земельной и хозяйственной уравнительности, насколько послѣдняя вообще возможна при общинномъ владѣніи, достигается только при потребительныхъ системахъ разверстки. Къ нимъ мы и перейдемъ теперь.

§ 5.

Выше мы разсматривали пока лишь болѣе слабыя и, такъ сказать, боковыя отвѣтвленія уравнительно-передѣльнаго владѣнія: либо совершенно зачаточные его ростки (подворное уравненіе), либо очень медленно и въ неопредѣленномъ направленіи отклоняющіеся отъ традиціонной формы побѣги (полу-ревизскія разверстки), либо, наконецъ, хотя и крупное, прямо въ условіяхъ пореформенной эпохи коренящееся, но все-таки сравнительно не вполнѣ развившееся, и менѣе характерное отвѣтвленіе (производительныя разверстки). Теперь же, приступая къ распредѣленіямъ по потребительному принципу, мы будемъ имѣть дѣло съ основнымъ стволомъ общинно-передѣльнаго владѣнія, выросшимъ при томъ прямо и непосредственно изъ дореформенной уравнительной системы и охватывающимъ значительное большинство случаевъ общинно-передѣльнаго владѣнія. Такъ что, поскольку одно лишь послѣднее совмѣщаетъ въ себѣ всѣ основныя черты того, что мы понимаемъ подъ общиной, постольку же именно въ потребительныхъ разверсткахъ совмѣщаются въ наиболѣе чистомъ видѣ всѣ признаки общинно-передѣльнаго владѣнія. Понятно, что онѣ представляютъ поэтому для насъ центральный интересъ.

Обширное распространеніе потребительныхъ системъ поравненія объясняется тѣмъ, что онѣ возникаютъ при потребительной нормѣ и чисто потребительномъ значеніи надѣла, а эти условія имѣютъ мѣсто въ значительномъ большинствѣ общинъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ Европейской Россіи. Даже на многоземельныхъ окраинахъ весьма часто эти крестьяне, еще только начиная передѣлы, уже имѣютъ надѣлъ замѣтно ниже рабочей нормы и поэтому, какъ уже указано, разныя формы ограниченнаго захвата и отводовъ, фактически сводящія распредѣленіе къ рабочимъ силамъ семей, прямо смѣняются потребительной разверсткой; въ центральныхъ же губерніяхъ повсюду надѣлъ государственныхъ крестьянъ уже колеблется около потребительной нормы или даже нѣсколько ниже ея, а поэтому внутри-общинная борьба за землю, обостренная еще при томъ срав-

нительно невысокими платежами,приводитъ почти всегда къ потребительному поравненію. У бывшихъ же помѣщичьихъ крестьянъ надѣлъ уже повсюду ниже потребительной нормы и притомъ очень часто былъ или и до сихъ поръ отягощенъ превосходящими его доходность платежами, соотвѣтственно чему у нихъ только въ слабомъ меньшинствѣ случаевъ наблюдаются потребительныя формы общинно-передѣльнаго владѣнія, а господствуетъ либо передѣльно-податное, т.-е. общинно-выкупное, либо безпередѣльное семейно-выкупное владѣніе.

Въ значительномъ большинствѣ государственныхъ общинъ характеръ ихъ пореформеннаго развитія предопредѣлился дореформенной ихъ исторіей: привычка къ общимъ передѣламъ только при ревизіяхъ и по ревизскимъ мужскимъ душамъ опредѣлила и темпъ, и форму самыхъ передѣловъ, и единицу производимаго ими поравненія.

Какъ я уже сказалъ, привыкши дѣлить только при ревизіяхъ, государственные крестьяне въ пореформенный періодъ сначала совершенно не знали о своемъ правѣ дѣлить „самовольно“ и прямо боялись приступить къ этому. Такое незнаніе „правовъ“ и боязнь „самовольства“ отмѣчены земско-статистическимъ изслѣдованіемъ по огромному большинству охваченныхъ имъ уѣздовъ. Не только теряющія отъ передѣла семьи сопротивлялись передѣлу, но и выигрывающія отъ него, обдѣленныя даннымъ распредѣленіемъ, не рѣшались на немъ настаивать, все ожидая „ревизіи“, не смѣя ничего предпринять „безъ приказа начальства“... Только постепенно, одна за другой, общины узнавали свои права и приступали къ передѣламъ, такъ что лишь въ очень немногихъ уѣздахъ передѣлы начались и распространились на значительное количество общинъ уже въ 70-хъ г.г., основная же волна передѣловъ, захватившая большинство государственныхъ общинъ, поднялась лишь съ начала 80-хъ (чаще всего именно съ 81-го г.), въ концѣ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ г.г.; до настоящаго момента передѣлы продолжали распространяться, и теперь уже остались лишь кое-гдѣ островки непередѣлившихъ государственныхъ общинъ. Такимъ образомъ, эта до-реформенная инерція, это ожиданіе для передѣловъ внѣшняго толчка, съ одной стороны сначала задержало передѣлы,—въ среднемъ лѣтъ, вѣроятно, на 10, — съ другой же зато придало имъ затѣмъ стремительный и массовой характеръ: назрѣвшее, но задержанное, словно плотиной, уравнительно-передѣльное движеніе затѣмъ хлынуло и разлилось сплошными широкими потоками, и въ какія-нибудь 10—15—20 лѣтъ община государственныхъ крестьянъ Европейской Россіи совершенно обновилась: изъ неподвижной и на видъ омертвѣвшей превратилась въ живой и интенсивно функціонирующій организмъ. Такой же радикальный характеръ имѣли передѣлы и по самому существу своему: въ огромномъ большинствѣ случаевъ государственные крестьяне, разъ рѣшившись на передѣлъ, уже не удовольствовались частными поправками (выше уже обрисованными), а рѣшительно и всецѣло от-

ринули принципъ ревизской души и произвели о б щ і е передѣлы у р а в н и т е л ь н о п о в с ѣ м ъ ж и в ы м ъ душамъ той или иной категоріи. Въ этомъ опять проявилась дореформенная привычка къ о б щ и м ъ непремѣнно передѣламъ при ревизіяхъ, такъ что крестьяне даже обыкновенно и называли эти пореформенные, по собственной ихъ иниціативѣ и въ результатѣ самопроизвольной внутриобщинной борьбы произведенные передѣлы „самовольными“, „самовластными“, „домашними“, „не казенными, а натуральными“, самонатурными“ ревизіями [1]).

Ревизіи же оставили пореформенной государственной общинѣ и готовую единицу уравнительнаго распредѣленія земли: ж и в у ю н а л и ч н у ю м у ж с к у ю д у ш у. Именно эти записывавшіяся при ревизіяхъ души облагались подушной податью, онѣ же отбывали воинскую и другія повинности, значитъ, именно только э т и м у ж с к і я д у ш и и м ѣ л и п р а в о н а т р у д ъ, на землю, поскольку оно вытекаетъ изъ исполненія государственныхъ обязанностей. — т.-е. изъ самаго конкретнаго его основанія. Это же положеніе осталось и въ пореформенный періодъ: подушная подать существовала до 86 г., воинская повинность и многія другія отбываемыя только одними мужчинами общественныя повинности — остаются и до сихъ поръ, и сами крестьяне какъ нельзя болѣе отчетливо именно на нихъ строятъ право на надѣлъ однѣхъ лишь мужскихъ душъ преимущественно предъ женскими (которыя тоже должны бы приниматься въ разсчетъ при потребительной разверсткѣ, если исходить изъ одного лишь лежащаго въ правѣ на трудъ общаго права на существованіе): „баба ни податей не платитъ, ни въ солдатахъ не служитъ“, а поэтому, „бабьяго стога не должно быть въ полѣ“ — говорили, напримѣръ, изслѣдователямъ крестьяне Суражскаго у. [2]), и т. д. И именно благодаря этимъ особливымъ правамъ мужскихъ душъ во множествѣ уѣздовъ передѣлы начались какъ разъ съ того момента, какъ на службу пошли „за-ревизные“ парни, и крестьяне повсюду сами именно на это указывали, какъ на причину, заставившую ихъ, наконецъ, рѣшиться на „самовольную ревизію“ [3]); у нѣмцевъ же Камышинскаго у. первая сильная волна передѣловъ поднялась уже даже при самомъ введеніи всеобщей воинской повинности въ началѣ 70-хъ гг. (т.-е. когда „за-ревизныхъ“ было всего отъ 12 до 17 лѣтъ) именно въ предвидѣніи того, что парни пойдутъ на службу и, значитъ, имѣютъ право на землю.

---

[1]) Приведенныя чрезвычайно живыя и характерныя выраженія я беру у г. Осипова изъ „Мат. Зап. Сиб.“, в. XXI, по Курган. окр. Тобольск. губ., стр. 123.

[2]) См. „Мат. для оц. зем. Черниг. губ.“, т. IX, Суражскій у., стр. 30.

[3]) Гдѣ же передѣловъ еще не было, то сторонники ихъ—семьи съ ненадѣленными „заревизными“ душами именно на этомъ аргументѣ основывали свое требованіе передѣла: въ Славяносерб., напримѣръ, у, Екатериносл. губ. они говорили: „Въ солдаты пошелъ, а земли нема!“ „Сыновъ берутъ, а мы безъ земли!“ „Царя ли мы служители?“ и т. д. и т. д. (См. „Сб. ст. св.“ по этому у. в. III, стр. 72).

Самая форма разверстки по всѣмъ мужскимъ наличнымъ душамъ, охватывающая основную массу разверстокъ потребительнаго типа, насколько радикальна, настолько же и проста почти до механичности и не требуетъ детальныхъ поясненій. При ней, какъ общее правило, всѣ разнаго качества пахотные и другіе участки разбиваются на столько частей, — называемыхъ „паями“, „душами“, „надѣлами“ и т. п., — сколько оказывается въ общинѣ въ моментъ передѣла душъ мужского пола, и затѣмъ каждая семья получаетъ столько такихъ „земляныхъ душъ“, сколько въ ней имѣется этихъ живыхъ мужскихъ душъ; при этомъ, конечно, всегда возможны частныя исключенія, какъ, напримѣръ, лишеніе части (очень рѣдко всего) надѣла недоимщиковъ и т. п. лицъ, распредѣленіе между отдѣльными семьями надѣловъ выморочныхъ и т. п. Только сравнительно рѣдко такое распредѣленіе, установившись однажды, поддерживается затѣмъ безпрерывно путемъ постоянныхъ частныхъ „свалокъ“ надѣловъ съ умершихъ и „навалокъ“ на народившіяся мужскія души, обыкновенно же эта разверстка соединена исключительно съ одними о б щ и м и п е р і о д и ч е с к и м и передѣлами, т.-е. уравнивающими совершенно заново и въ новомъ размѣрѣ (уменьшающемся по мѣрѣ увеличенія населенія) в с ѣ х ъ хозяевъ. Сроки такихъ передѣловъ иногда совсѣмъ не опредѣляются или опредѣляются не точно (напримѣръ, „до надобности“, „до новой ревизіи“, „безсрочно“, что слѣдуетъ отличать отъ „навѣчно“, о каковыхъ передѣлахъ я уже буду говорить въ главѣ о семейно-выкупномъ владѣніи), въ значительномъ же большинствѣ случаевъ назначаются заранѣе; они колеблются въ предѣлахъ отъ 1 года до 25 и 30 лѣтъ, при чемъ эти крайніе сроки очень сравнительно рѣдки, а преобладаютъ сроки въ 6, 9, 10, 12 и 15 лѣтъ. Что касается конкретныхъ примѣровъ этой разверстки, то я затрудняюсь ихъ приводить именно въ виду полной одинаковости и элементарности ихъ; укажу лишь два-три болѣе яркихъ ея случая. Напримѣръ, „въ с. Бутрь (Карачевскаго у. Орловской губ.) послѣ ревизіи раздѣлили на 761 душу, куда вошли и солдаты, не попавшіе въ ревизію; затѣмъ въ 74 г. дѣлежъ произошелъ на 960, а въ 87 г.— на 1046 наличныхъ душъ, срокомъ на 10 лѣтъ“ [1]). Въ 63-хъ селеніяхъ Токсовской волости Шлиссельбургскаго у. крестьянъ бывшихъ вѣдомства Коменданта Петропавловской Крѣпости (съ населеніемъ въ 4 тысячи душъ обоего пола), составляющихъ одну земельную общину (до 27 тысячъ десятинъ земли) „въ 95 г., послѣ отчужденія части волостной земли подъ Охтенское опытное поле, чрезъ посредство землемѣра было произведено измѣреніе всей волостной земли и разверстка ея между деревнями и отдѣльными домохозяевами и хотя до этого момента земля состояла въ наслѣдственномъ пользованіи, теперь она была распредѣлена по всей волости въ равной долѣ по числу наличныхъ душъ мужского пола, а семьи, состоявшія изъ однѣхъ душъ

[1]) См. „Сб. ст. св.“ по этому у. (т. V, в. II) стр. 23).

женскаго пола, получали по одному душевому надѣлу“ [1]) и т. д. Интересно, что въ иныхъ случаяхъ особенно интенсивно работаетъ уравнительный механизмъ у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ: они примѣняютъ или ежегодные общіе, или не только общіе, но и постоянные частные передѣлы: такъ, напримѣръ, въ сел. В. Дубенскомъ Кузнецкаго у. „ежегодные передѣлы по числу всѣхъ наличныхъ душъ мужского пола существовали съ самаго полученія надѣла и только въ 1886 г. они отмѣнены на 10 лѣтъ (ради удобренія земли), въ теченіе которыхъ, однако, предполагается, каждогодняя передача надѣловъ умершихъ вновь родившимся [2]). Или, напримѣръ, въ общинѣ бывшихъ „свободныхъ хлѣбопашцевъ“ (освобождены при крѣпостномъ правѣ) Лапуховкѣ (Елецкаго у. Орловской губ.) „съ выхода на волю разверстываютъ землю по наличнымъ душамъ ежегодно, каждому родившемуся мальчику тотчасъ же даютъ надѣлъ, но передѣляютъ всю землю черезъ 3 или 4 года, а въ этотъ промежутокъ раньше надѣляли изъ запасной нераспаханной земли; ея ужъ теперь, впрочемъ, нѣтъ; солдатамъ даютъ землю, вдовамъ безъ дѣтей муж. пола — нѣтъ“ [1]), и т. д...

Итакъ, на этихъ примѣрахъ мы ясно видимъ, что мужская наличная разверстка, рѣшительно и окончательно разорвавъ до-реформенную оболочку ревизской души, сама принципіально только буквально повторяетъ, воспроизводитъ эту форму, а не развивается во что-либо новое, высшее. Однако, во многихъ случаяхъ изъ этого ствола ревизскаго поравненія выростаютъ не совсѣмъ оригинальныя системы: таковы разверстки, представляющія дальнѣйшее развитіе того самаго

---

[1]) См. „Сб. ст. св.“ по Петербург. губ. 97 г., в. IV, стр. 134. Приведу еще любопытный примѣръ уравнительнаго передѣла городской земли. Въ заштатномъ городѣ Сухиничахъ (Козельскаго у. Калужской губ.), имѣющемъ много земли и преобладающее земледѣльческое мѣщанское населеніе, „вся общественная земля раздается въ платное срочное пользованіе гражданамъ этого города. До 1886 года разверсточной единицей для раздачи служила ревизская душа мужского пола. Въ засѣданіи 16 мая 1885 г. дума, имѣя въ виду, что на 1887 г. посѣвъ ржи будетъ происходить по новой раздачѣ, поручила управѣ составить перепись наличнымъ душамъ мужского пола. По даннымъ переписи оказалось въ городѣ купцовъ. мѣщанъ и приписанныхъ не менѣе 3,000 душъ“ въ томъ числѣ много, не имѣющихъ осѣдлости. Дума постановила: „всѣхъ приписанныхъ и тѣхъ, которые не имѣютъ въ городѣ осѣдлости, исключить изъ раздачи“ и избрала 5 лицъ для учета „по скольку придется на каждый участокъ душъ“. Кромѣ того тѣ же лица должны были совершить переоцѣнку прежнихъ участковъ, такъ какъ цѣна нѣкоторыхъ неравномѣрна. Срокъ раздачи 12-ти лѣтній. Число нарѣзанныхъ въ каждомъ полѣ участковъ опредѣлилось въ 196, а группа лицъ, получающихъ участокъ, въ 15 душъ мужск. пола, каковыя и раздѣляютъ полученный участокъ между собою на загоны. Получившіе имѣютъ право передавать свои части любому изъ гражданъ города и загоны членамъ своей группы. Сдача земли стороннимъ лицамъ воспрещается: „чтобы всей землей владѣли граждане своего города“. На городскомъ выгонѣ каждый домохозяинъ имѣетъ право пасти не болѣе 2-хъ коровъ. Остальныя угодья, напр., сѣнокосъ, сдаются въ аренду съ торговъ, кому придется. (Стат. опис. Калужск. г., т. I, в. II, стр. 54—55).

[2]) См. „Сб. ст. св.“ по Кузнецкому у., стр. 117.

[3]) См. „Сб. ст. св.“. По Елецкому у. „Описаніе вол. и сел.“.

потребительнаго принципа, который лежитъ въ основѣ наличной мужской разверстки, но далеко не совершенно осуществляется ею. Легко въ самомъ дѣлѣ замѣтить, что при надѣленіи семей по числу мужскихъ въ нихъ душъ потребительный принципъ рѣзко нарушается сразу въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, одинаково надѣляются дѣти,—даже грудныя,—и взрослые, въ то время, какъ потребительныя нужды послѣднихъ въ нѣсколько разъ больше. Во-вторыхъ же, совершенно игнорируются женскія души, и поэтому семьи съ относительно малымъ числомъ мужскихъ и большимъ — женскихъ душъ являются рѣзко обдѣленными, а часто, женскія семьи даже и вовсе безземельными. Правда, что неуравнительность эта, вслѣдствіе нѣкоторыхъ частныхъ условій, въ дѣйствительности не такъ велика, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда: такъ, напримѣръ, при передѣлахъ чрезъ долгіе сроки надѣленіе дѣтей неизбѣжно, ибо лучше ихъ временно, такъ сказать, перенадѣлить, чѣмъ совсѣмъ не надѣлить, и вскорѣ по мѣрѣ, ихъ выростанія, эта неравномѣрность исчезаетъ; ненадѣленіе женскихъ душъ помимо вышеуказаннаго неучастія ихъ въ общественныхъ обязанностяхъ, объясняется еще между прочимъ тѣмъ, что всѣ дѣвушки, выходя замужъ, уходятъ изъ семьи, такъ что этимъ въ концѣ концовъ исправляется неравномѣрность и т. п. Но ясно, что всѣмъ этимъ основные недостатки налично-мужской системы могутъ лишь смягчаться, но не устраняться и что для полной уравнительности по потребительному принципу необходимо, во-первыхъ, не равное а пропорціональное надѣленіе разныхъ возрастовъ и, во-вторыхъ,—надѣленіе въ той или иной степени не только мужскихъ, но и женскихъ душъ. Оба эти логически-апріорно выведенные нами корректива, совершенно неизвѣстные до-реформенной общинѣ, примѣняются уже въ по-реформенный періодъ въ множествѣ общинъ всевозможныхъ мѣстностей.

Что касается пропорціональнаго надѣленія мужскихъ душъ разныхъ возрастовъ, то его мы уже собственно видѣли при разсмотрѣніи производительныхъ разверстокъ: ясно, что исключеніе изъ надѣленія мальчиковъ до 1, 3, 5—7 и даже 10 лѣтъ вытекаетъ не только изъ принципа распредѣленія по рабочимъ силамъ, но есть въ то же время и потребительная уравнительная по возрастамъ разверстка, такъ что во множествѣ случаевъ разграниченіе той и другой можно провести только искусственно. Напримѣръ, въ малоземельныхъ мѣстностяхъ, гдѣ ограниченіе надѣленія извѣстнымъ возрастомъ иногда прямо мотивируется недостаткомъ въ землѣ, т.-е. значитъ имѣетъ уже чисто потребительный мотивъ, назначаются тѣ же возрасты, какъ и въ выше разсмотрѣнныхъ болѣе многоземельныхъ мѣсностяхъ съ производительнымъ типомъ разверстки: такой случай мы имѣемъ, напримѣръ, по Екатеринославскому у., гдѣ общины (вслѣдствіе недостатка земли) даютъ надѣлъ мальчикамъ лишь 1, 5, 7, 10, 17 и даже 23 лѣтъ, или въ Воронежской губ., гдѣ въ нѣкоторыхъ общинахъ надѣляютъ съ 3, 5, 7, 8, 15, 16, 18 лѣтъ, въ Тульской губ.—съ ограниченіемъ

отъ 1, 3, 5, л. и т. д. [1]). Надо замѣтить, что и сами крестьяне совершенно ясно формулируютъ мотивы и смыслъ такого ограниченія по возрастамъ; напримѣръ въ дер. Зыковской (Калязинскаго у. Тверской губ.) „въ 87 г. рѣшили было передѣлить землю по наличнымъ душамъ мужского пола, но передъ самымъ передѣломъ многіе высказали неудовольствіе по поводу сдѣланной разверстки: что мѣсячный мальчикъ, что мужикъ, получатъ всѣ поровну, а первые хлѣба не ѣдятъ, и большому нужно больше, чѣмъ малому". Поэтому рѣшили давать землю только на лицъ мужского пола отъ 6 лѣтъ... [5]).

Но само собой разумѣется, что вполнѣ раціональной повозрастной разверсткой было бы не полное лишеніе надѣла младшихъ возрастовъ, а надѣленіе ихъ въ уменьшенной по сравненію съ взрослыми пропорціи. Именно такая разверстка и появилась уже во многихъ общинахъ. Напр. въ слободѣ Бабинкѣ Аткарскаго у. (Саратовской губ.) „на подростковъ съ 14 до 15 лѣтъ общество накладываетъ $^1/_4$ души, съ 15 до 17 л.—$^1/_2$ души, съ 17 до 18 лѣтъ 1 душу и съ 18 до 60 л.—2 души; старики 60 лѣтъ могутъ складывать съ себя души [1]). Въ Муромскомъ у. Владимірской губ. въ с. Климовѣ при передѣлѣ, вообще говоря, на всѣ наличныя мужскія души, на мальчиковъ до 10 лѣтъ давали только полъ души, а всѣмъ остальнымъ по полной душѣ"; въ селеніяхъ Окуловкѣ и Туртапкѣ „пятнадцати-лѣтнимъ давали $^1/_2$ души, 18-лѣтнимъ душу, а работникамъ старше 18 лѣтъ—$1^1/_2$ души; старикамъ 1 душа оставлялась до смерти" [2]). Особенно распространенъ и крайне детально, во множествѣ варіацій, разработанъ этотъ принципъ дробной пропорціональной мужской разверстки въ Нижегородской губ. (для примѣра привожу еще въ примѣчаніи образцы разверстки по Макарьевскому у. Нижегородской губ. и по Кубанской области) [3]) и т. д. и т. д. Наберется, повторяю, много десятковъ уѣздовъ, гдѣ эта мужская дробная повоз-

---

[1]) См. „Мат. под. инсп." в. I, стр. 127, в. I, стр. 97, в. II, стр. 36 и др.

[2]) См. „Сб. ст. св." по Тверск. г., т. V, стр. 76.

[3]) См. „Сб. ст. св." по Аткарскому у., в. 2, стр. 180.

[4]) См. „Мат. для оц. зем. Влад. губ." т. I, в. I, стр. 37.

[5]) Такъ, здѣсь въ деревнѣ Верхній Красный Яръ, гдѣ полная душа считалась только съ 17-ти лѣтняго возраста, т.-е. почти съ рабочаго возраста, полурабочіе подростки отъ 10 до 17 лѣтъ принимались въ $^1/_2$ души, а мальчики, начиная съ 4-хъ лѣтъ—въ $^1/_4$ души. Принимались во вниманіе (а именно: клалось по $^1/_8$ души) и мальчики ниже 4-хъ лѣтняго возраста, если при нихъ было много дѣвочекъ. Поэтому въ с. Кременкахъ женатый работникъ принимался въ $1^1/_2$ души, а подростокъ, начиная съ 5 лѣтъ, только въ $^1/_4$ души. „Жалѣючи" прибавляли здѣсь по $^1/_4$ души на 3-хъ дѣвочекъ при одномъ мужчинѣ („Мат. для оц. зем. Нижегор. г., в. XII, стр. 85). Въ стан. Марьянской Кубанской области „при передѣлѣ 1882 г.: 1) для 1095 лицъ мужского пола, начиная съ 19 лѣтъ, былъ опредѣленъ пай въ 9 десятинъ; 2) для 138 малолѣтковъ 16, 17, 18 лѣтъ—по 6 дес. 3) для 974 „недорослей" (съ рожденія до 16 лѣтъ)—по 2 дес.; 4) для 117 вдовъ по 3 дес.; 5) для 1168 душъ женскаго пола, исключая замужнихъ женщинъ, по 1 дес. Родившихся затѣмъ послѣ 13 октября 1881 г. общество рѣшило вовсе не надѣлять землей до новаго передѣла въ теченіи 10 лѣтъ" („Зем. общ. Куб. Каз., стр. 100).

растная разверстка выработалась въ крупномъ количествѣ общинъ, въ самыхъ разнообразныхъ и притомъ тонкихъ ея градаціяхъ и модуляціяхъ (подчеркну теперь кстати, что вышеописанное надѣленіе „заревизныхъ“ уменьшенными надѣлами умирающихъ ревизскихъ душъ также практически представляетъ грубую форму этой дробной повозрастной разверстки). Главное же это то, что устанавливается она въ своемъ чистомъ потребительномъ значеніи именно только при передѣлахъ послѣдняго времени и чѣмъ дальше, тѣмъ все чаще и чаще...

Еще быстрѣе нарождается и развивается надѣленіе женскихъ душъ рядомъ съ мужскими. Уже во множествѣ случаевъ собственно наличномужской разверстки очень часто надѣляются въ видѣ исключенія и нѣкоторыя женскія души,—а именно въ семьяхъ, гдѣ ихъ особенно много или даже вовсе нѣтъ мужчинъ. Такой случай мы уже видѣли, напримѣръ, въ вышеприведенномъ образцѣ передѣла 95 года въ Шлиссельбургскомъ у., затѣмъ тѣ самыя общины Суражскаго у., которыя, какъ мы видѣли, считаютъ, что, какъ общее правило, „бабьяго стога не должно быть въ полѣ“, все-таки въ видѣ исключенія даютъ тѣмъ отцамъ, которые „народятъ все дівчатъ“, „душевину-другу“ (т.-е. одинъ-два душевыхъ надѣла), потому что „дівка все таки не кукла—пить-ѣсть хочетъ“ [1]). Буквально то же разсужденіе и тѣ же постепенныя поправки мужской разверстки надѣленіемъ нѣкоторыхъ семей исключительно женскими душами появляется и повсюду. Напримѣръ, въ Рязанскомъ у. крестьяне также говорятъ, что, „и дѣвка жрать хочетъ“, „дѣвка не баранъ, не зарѣжешь“ и иногда „прибавляютъ земліцы“ на семьи съ большимъ числомъ дѣвокъ [2]). Въ Славяносербскомъ у. Екатеринославской губ. при начинавшемся въ моментъ земско-статистическаго изслѣдованія въ 85 г. передѣлѣ, „на бабъ давать земли не думали, ибо такого „заводу нѣтъ“ [3]), но признавали, что это справедливо“, въ Павлоградскомъ уѣздѣ той же губ., по свѣдѣніямъ податныхъ инспекторовъ за 87—93 г.г., уже въ нѣкоторыхъ волостяхъ при передѣлахъ отводится земля и женщинамъ, если въ семьѣ есть мужчина, способный обрабатывать надѣлъ [4]). Въ Богодуховскомъ у. Харьковской губ. при передѣлахъ на мужскія наличныя души иногда назначаютъ возрастъ, ниже котораго не даютъ земли, а въ то же время въ селѣ Ивановскомъ постановили не давать одной семьѣ больше 6 надѣловъ, хотя бы въ ней мужскихъ душъ и было больше, а эти остаточные надѣлы отвести наиболѣе многодушнымъ, т.-е. съ преобладающими женскими душами, семьямъ [5])

---

[1]) См. „Мат. для оц. зем.“ Черниг. губ. т. IX, стр. 30.
[2]) См. „Сб. ст. св.“ по Рязанскому у., стр. 7 статьи объ общинѣ.
[3]) См. „Сб. ст. св.“ по Славяносербскому у., вып. III, стр. 74.
[4]) См. „Мат. под. инсп.“, в. I, стр. 128.
[5]) См. „Сб. ст. св.“ по Богодухов. у., стр. 66. Приведу еще нѣсколько характерныхъ случаевъ. Въ Сердобскомъ у. (Саратовской губ.), напримѣръ, бездѣтная вдова не получаетъ надѣла, если же у нея есть дѣти, хотя бы женскаго пола, міръ даетъ ей цѣлый или часть душевого надѣла на прокормленіе. (Сборн. стат. свѣд. по Сарат. губ. т. IX, Сердоб. у., стр. 142). Въ Воронеж-

и т. д. и т. д. Врядъ ли, словомъ, найдется хоть одинъ уѣздъ, гдѣбы при значительномъ распространеніи общинно-передѣльной формы въ видѣ разверстки по наличнымъ мужскимъ душамъ, не встрѣтились отдѣльные, а иногда и многочисленные случаи корректива ея дополнительнымъ надѣленіемъ по уменьшенной нормѣ и нѣкоторыхъ наиболѣе обдѣленныхъ женскихъ душъ. Между прочимъ во многихъ уѣздахъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей,—отъ Новороссіи до Сибири,—встрѣчаются такъ называемые „пропитанные надѣлы", т.-е. надѣлы, освобождаемые общиной отъ податного оклада (обыкновенно вполнѣ, а иногда лишь частью) и отводимые ею „для пропитанія" разнымъ слабымъ безъ-рабочимъ семьямъ: вотъ эти-то „пропитанные надѣлы" очень часто получаютъ на ряду со стариками, калѣками, сиротами и т. п. и вдовы, дѣвицы и другія „женскія души" [1]).

Но всѣ эти рѣдкія и частичныя поправки представляютъ только самое первое и слабое проявленіе по-реформеннаго усовершенствованія потребительнаго поравненія. Рядомъ съ ними уже во множествѣ случаевъ и во всевозможныхъ мѣстностяхъ Россіи общины выработали и установили нѣсколько разновидностей полныхъ потребительныхъ разверстокъ по душамъ обоего пола. Среди нихъ можно различить два основныхъ вида, соотвѣтствующихъ цѣлямъ и условіямъ земельнаго поравненія въ разныхъ мѣстностяхъ. Первый видъ возникъ именно изъ или вмѣсто только что разсмотрѣнной разверстки по мужскимъ душамъ. Уже при самомъ началѣ борьбы за передѣлы въ началѣ 80-хъ гг. многія семьи сразу требовали не традиціонной разверстки по однѣмъ мужскимъ душамъ, а по всѣмъ безъ исключенія—и мужскимъ и женскимъ; особенно это наблюдалось на югѣ Россіи: „всі мы однаково хрещені,—и сыны, и дочки, и вдовы,—то треба и усіимъ поровну земли даваты"—записанъ, напримѣръ, отзывъ въ Херсонскомъ у., „все однаково и имъ істы треба"—говорили другіе крестьяне въ той же губерніи. Это потребительное право женщинъ, этотъ своего рода деревенскій „женскій вопросъ", сразу такъ рѣзко всталъ на югѣ, не знавшемъ долгой традиціи передѣловъ по мужскимъ душамъ, что во многихъ мѣстахъ даже мѣшалъ уравнительнымъ передѣламъ: за передѣлъ по душамъ обоего пола еще не собиралось большинства, передѣла же по однѣмъ мужскимъ душамъ не допускали семьи, стоявшія за первый принципъ, и которымъ все-таки выгоднѣе было сохраніе ревизской разверстки, чѣмъ передѣлъ по мужскимъ душамъ. Такъ что, напримѣръ, земско-статистическое изслѣдованіе Херсонской губ. констатировало въ первой половинѣ 80-хъ гг.

скомъ у. за немногими исключеніями вдовы и сироты обыкновенно пользуются совершенно безвозмездно цѣлыми душевыми надѣлами или частями ихъ. (Сб. ст. св. по Воронеж. у., стр. 83). Въ Херсонскомъ у. также женщинамъ при передѣлахъ иногда дается надѣлъ въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ мужчинамъ... (См. „Сб. ст. св." по Херсонск. у. стр. 197). Въ общинахъ Орловскаго у. при передѣлахъ на наличныя мужскія (въ 40 изъ 56 госуд. общинъ) давали по 1 надѣлу на семьи безъ лицъ мужск. пола. И т. д., и т. д.

[1]) Рядъ примѣровъ надѣленія женщинъ и „пропитанныхъ надѣловъ" сгруппированъ у г. В. В. въ его „Общинѣ" стр. 317—326.

только сильную борьбу за передѣлы и только первыя слабыя попытки разверстки на женскія души, при чемъ, однако, авторъ статьи по Херсонскому у. уже получилъ такое впечатлѣніе, что „вопросъ можетъ разрѣшиться въ пользу надѣленія землей женщинъ наравнѣ съ мужчинами“ [1]). Такъ оно дѣйствительно и вышло: по даннымъ податныхъ инспекторовъ за 87—93 гг. и г. Осадчаго за этотъ же періодъ, въ 3-хъ уѣздахъ Херсонской губ. передѣлы по душамъ обоего пола въ это время уже произошли въ нѣсколькихъ общинахъ (преимущественно бывшихъ военныхъ поселянъ [2])... Въ немногихъ случаяхъ общиннаго владѣнія въ Полтавской губ. мы также встрѣчаемъ нѣсколько интересныхъ образчиковъ первыхъ передѣловъ въ по-реформенный періодъ, сразу принявшихъ за основаніе души обоего пола. Такъ, напримѣръ, крестьяне с. Свѣтличнаго (Лохвицкаго у.) въ 87 г. приговорили: „такъ какъ ревизіи уже болѣе 30 лѣтъ не было и т. к. душевая подать уничтожена, а платежи наложены на землю“, то передѣлить всю землю „на подворные участки по числу наличныхъ душъ обоего пола“ срокомъ на 6 лѣтъ „или до распоряженія правительства“ (при этомъ за надѣленіемъ всѣхъ душъ обоего поля по 1 дес. остаточный небольшой участокъ въ 28 дес. былъ распредѣленъ между нѣсколькими хозяевами съ большимъ числомъ взрослыхъ рабочихъ [3]). Или въ хуторѣ Снѣжковѣ (Роменскаго у.) „для уравненія и поддержанія благосостоянія“... вся пахотная земля, раздѣленная издавна на ревизскія души, распредѣляется теперь по числу ѣдоковъ такимъ образомъ, что на каждые 5 ѣдоковъ (т.-е. душъ обоего пола) въ семьѣ дается 1 ревизскій надѣлъ, „и каждый годъ, смотря по прибыли или убыли душъ въ хозяйствахъ, каждому изъ нихъ земля прибавляется или убавляется“ [4]). Совершенно такой же способъ разверстанія ревизскихъ земельныхъ надѣловъ по живымъ наличныхъ душамъ обоего пола указанъ, напримѣръ, и въ Козельскомъ у. Калужской губ. [5]) и въ другихъ.

Во многихъ же случаяхъ общины не сразу переходили отъ установившейся при послѣдней ревизіи (у государственныхъ) или при освобожденіи (у помѣщичьихъ) ревизской мужской разверстки къ наличной по душамъ обоего пола, а сначала смѣняли первую на налично-мужскую, и затѣмъ уже переходили къ послѣдней. Такъ, напримѣръ, бывшіе помѣщичьи крестьяне сельца Лунева Болховскаго у.

---

[1]) См. „Мат. по оц. зем. Херсонской губ. Херсонск. у., стр. 203.

[2]) См. книгу Осадчаго „Крестьянское надѣльное землевладѣніе въ Херсонской губерніи“, стр. 176, и „Мат. под. инсп.“, в. I, стр. 117 и 118. Подобные же случаи отсутствія передѣловъ по душамъ обоего пола при первомъ земско-статистическомъ изслѣдованіи въ первой половинѣ 80-хъ г.г. и констатированія ихъ во вторую половину 80-хъ и въ началѣ 90-хъ г.г. (либо повторнымъ земско-статистическимъ изслѣдованіемъ, либо матерьялами податныхъ инспекторовъ) я встрѣтилъ еще по Евпаторійскому у., Таврической губ., Гдовскому—Петербургской; по нѣсколькимъ у.у. Казанской и Саратовской г.г.: о нихъ я скажу еще подробнѣе въ послѣдней главѣ.

[3]) См. „Сб. ст. св.“ по Лохвицкому у., стр. 40.

[4]) См. „Сб. ст. св.“ по Роменскому у., стр. 30.

[5]) См. „Ст. опис. Калуж. г.“ т. I, Козельскій у., в. 2, стр. 30.

(Орловской губ.) въ 67 г. раздѣлили землю на 51 ревизскую душу. Черезъ 8 лѣтъ послѣ этого былъ коренной передѣлъ: разверстали угодья на 62 наличныя (мужскія) души, срокомъ на 9 лѣтъ. Послѣ же этого дѣлежъ былъ по ѣдокамъ, считая 7—8 ѣдоковъ на $^1/_{26}$ часть полевой земли" [3]). Или въ бывшей государственной деревнѣ Скоросовѣ (Весьегонскаго у. Тверской губ.) „при ревизіи земля была раздѣлена на сто пятьдесятъ двѣ души. Для уравненія земли по измѣнившемуся семейному составу 1874 г. былъ произведенъ коренной передѣлъ земли по наличнымъ душамъ мужского пола всего на сто сорокъ одну душу. Въ 1889 г. произвели опять третій передѣлъ по ѣдокамъ уже на сто пятьдесятъ двѣ души, при чемъ всякое лицо, независимо отъ пола, отъ новорожденныхъ и до дряхлыхъ стариковъ, получило на $^1/_2$ души или 1,5 дес. земли. Землю получили и бобыли, и бывшіе безземельные, долгое время настрадавшіеся безъ земли. При этомъ нѣкоторые домохозяева съ купчей землей отказались отъ своихъ паевъ въ пользу многосемейныхъ и бобылей" [4])... И т. д.

Однако, въ общемъ эта болѣе чистая и ариѳметически-правильная (т.-е. именно надѣленіе поровну всѣхъ душъ обоего пола) разверстка по ѣдокамъ, выросшая изъ такой же на ариѳметическомъ принципѣ построенной разверстки по мужскимъ (ревизскимъ или наличнымъ) душамъ, встрѣчается сравнительно рѣдко; кромѣ отдѣльныхъ случаевъ ея въ упомянутыхъ уже губерніяхъ, я встрѣтилъ ее еще лишь въ Ярославской, Симбирской и особенно въ Тульской губ., гдѣ она распространена въ Тульскомъ у. (въ 12 волостяхъ изъ 17) и встрѣчается также въ у.у. Богородицкомъ и Крапивенскомъ [1]). Въ гораздо же большемъ числѣ губерній и въ значительно большемъ количествѣ случаевъ развилась другая разновидность высшей потребительной передѣльной формы: разверстка не строго поровну на каждаго ѣдока, а пропорціонально и приблизительно, въ зависимости частью также отъ возрастовъ надѣляемыхъ, частью отъ общихъ нуждъ и особенностей семьи, особенно отъ ея рабочихъ силъ, доходовъ и т. д.,—разверстка, называемая крестьянами „по кормежу", „по семейству глядя", „по нуждѣ", „по дѣйствительной надобности", „по числу имѣемой надобности въ семействѣ", „по семейственности" и т. п. Эта разверстка, строго говоря, принципіально должна быть поставлена выше всѣхъ другихъ, т. к. она, во первыхъ, за основаніе принимаетъ наивысшій принципъ вызываемаго данными условіями потребительнаго распредѣленія, а, во-вторыхъ, корректируетъ его, исходя изъ другихъ критеріевъ, никогда не могущихъ терять вполнѣ своего правового экономическаго значенія. Обыкновенно эта разверстка „по семейственности" развивается въ выше обрисованныхъ и другихъ мѣстностяхъ съ надѣломъ, или большимъ, или тяжелымъ по

---

[1]) См. „Сб. ст. св." по Орловск. губ., т. VI, в. II, стр. 57.
[2]) См. „Сб. ст. св." по Тверск. губ., т. XIII, в. I, стр. 46.
[3]) См. „Мат. под. инсп." в. I, стр. 70 и в. II, стр. 36 и 64.

обработкѣ или по податному обложенію, въ тотъ моментъ, когда первое и третье условія исчезаютъ, такимъ образомъ, она чаще всего смѣняетъ рабочую разверстку и сравнительно рѣже фигурируетъ при первыхъ передѣлахъ и въ замѣну ревизской мужской разверстки.

Первой стадіей потребительной разверстки „по семейственности", строго говоря, необходимо считать вышеобрисованную разверстку „по согласію", представляющую, собственно, цѣлый рядъ тонкихъ, незамѣтныхъ переходовъ отъ рабочаго къ потребительному принципу, начиная со случаевъ, когда первый доминируетъ и лишь корректируется вторымъ, и кончая обратными комбинаціями. Поясню это нѣсколькими примѣрами. „Въ Вятскомъ у., гдѣ земля вообще разверстывается по рабочему составу дворовъ, нерѣдко допускаются отступленія въ пользу начала распредѣленія по ѣдокамъ: малорабочему, но многосемейному двору (съ большимъ числомъ ѣдоковъ) прибавляется противъ нормы $^1/_4$ $^1/_2$ надѣла и болѣе". „Въ селеніяхъ съ землею похуже Александровскаго у. (Владимирской губ.) при разверсткѣ по работникамъ принимается нерѣдко въ соображеніе съ одной стороны женская рабочая сила двора (здѣсь мы видимъ еще не указанное нами основаніе въ пользу надѣленія женскихъ душъ: дѣвка или баба не только „жрать хочетъ", но и представляетъ рабочую силу), количество скота, вообще его состоятельность, а съ другой—число ѣдоковъ въ семьѣ" [1]). Въ этихъ случаяхъ несомнѣнно преобладаетъ еще производительный принципъ надъ потребительнымъ, но вотъ въ Вяземскомъ у. Смоленской губ. уже невозможно опредѣлить, какой изъ нихъ сильнѣе: „основаніе передачи надѣловъ (отъ одного другому хозяину) измѣняется чуть не съ каждымъ отдѣльнымъ ея случаемъ, смотря „по нуждѣ", „по согласію". Одному міръ даетъ землю потому, что „семья велика, ѣдоковъ много", другому потому, что—дворъ хозяйственный, „землю сподобитъ, не вымоетъ да и подати сполна оплатитъ" и т. д., и т. д. [2]). Совершенно подобные же случаи, о которыхъ сами авторы статей въ земско-статистическихъ сборникахъ не знаютъ, отнести ли ихъ къ производительному или потребительному типу разверстки, очень часты въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Нижегородская, Тверская и т. п. губерніи (см. еще нѣсколько такихъ примѣровъ въ примѣчаніи) [3]).

Точно также съ одинаковымъ основаніемъ можно отнести и къ

---

[1]) См. „Мат. под. инсп." в. I, стр. 31 и в. II, стр. 48.

[2]) См. „Сб. ст. св." по Смоленск. губ., Вяз. у., статья Харламова, стр. 42.

[3]) Въ Васильскомъ у. Нижегородской губ. имѣется значительная группа общинъ,—а именно 38,—гдѣ распредѣленіе надѣловъ производится по усмотрѣнію общества, въ зависимости отъ числа ѣдоковъ и общей исправности домохозяйства. При исчисленіи ѣдоковъ принимается во вниманіе ихъ возрастъ, и души передаются цѣликомъ или частями въ зависимости отъ особенностей каждаго частнаго случая (см. „Матер. для оцѣнки земель Нижег. губ. Васил. у.", стр. 157). Эта же разверстка особенно распространена и въ Кашинскомъ, Осташковскомъ у.у. Тверской губ. (См. „Сборники" по этимъ у.у. и „Мат. подат. инсп.", в. II, стр. 84) и въ другихъ...

производительному и къ потребительному типу весьма замѣчательную по уравнительности дробную, такъ сказать, разверстку надѣловъ въ зависимости и отъ пола и отъ возраста членовъ каждой семьи,— разверстку тоже довольно частую и въ мѣстностяхъ, гдѣ всѣ безъ исключенія хозяева дорожатъ надѣломъ. Напримѣръ, въ знакомомъ уже намъ Суражскомъ у., гдѣ при земско-статистическомъ изслѣдованіи въ 81 г. только въ двухъ селеніяхъ надѣляли всѣхъ женщинъ, для конца 80-хъ и началѣ 90-хъ г.г. (особенно 92—93 г.г.). „Матеріалы под. инсп.“ отмѣчаютъ уже замѣтное распространеніе именно этой дробной разверстки: напримѣръ, „въ Батуровкѣ мужъ съ женою получили 1 надѣлъ, сынъ старше 17 лѣтъ (т.-е. женихъ уже) тоже 1 надѣлъ, малолѣтокъ муж. п. $^1/_2$ надѣла, дѣвочка $^1/_4$ надѣла; въ с. Сборьѣ мужъ и жена получили 1 над., сынъ старше 18 лѣтъ— 1 над., бездѣтныя вдовы и мальчики по $^1/_2$ надѣла, остальныя лица женскаго п. по $^1/_4$ над., причемъ для немногихъ хозяевъ сдѣланы отступленія въ виду ихъ имущественнаго положенія и рабочаго состава; въ д. Хорминкѣ на 2 мужчинъ или на 6 женщинъ—по одному надѣлу; въ с. Летяховѣ на 2 мужчинъ и на 3 женщинъ, безъ различія возраста,—по надѣлу, при этомъ домохозяева, ненадежные въ отношеніи платежа, или у которыхъ предвидѣлась скорая убыль душъ, получили меньше земли, чѣмъ слѣдовало по общему разсчету“ [1]). Эта же разверстка встрѣчается и въ совершенно другихъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Нижегородской губ. [2]) и т. п.

Наконецъ, въ цѣломъ рядѣ обширныхъ районовъ, гдѣ надѣлъ съ самаго начала по-реформенной эпохи высоко цѣнился крестьянами или, чаще всего, гдѣ онъ пріобрѣлъ высокую цѣну (вслѣдствіе ряда причинъ, о которыхъ скажу въ слѣдующей главѣ) съ конца 70-хъ и въ 80 г.г.,— начинаютъ устанавливаться все въ бо́льшемъ и бо́льшемъ количествѣ случаевъ уже чистыя или почти чистыя разновидности разверстки „по нуждѣ“, „по семейственности“. Эти разверстки, напримѣръ, и въ только что поименованныхъ губерніяхъ съ производительно-потребительными типами распредѣленія встрѣчаются уже гораздо чаще послѣднихъ и съ теченіемъ времени берутъ все большій перевѣсъ. Напримѣръ, въ Сарапульскомъ у. Вятской губ. рядомъ съ рабочей разверсткой уже въ 52 общинахъ при передѣлахъ „принимаются во вниманіе женскія души того или другого возраста, при чемъ на первый планъ ставили потребительныя нужды семьи и уже на второй планъ ея рабочія силы и состоятельность [3])“; то же отмѣ-

---

[1]) „Мат. под. инсп.“, в. II, стр. 18.

[2]) Здѣсь, напримѣръ, въ Лукояновскомъ у. въ нѣкоторыхъ общинахъ мужу и женѣ отводятъ 1 надѣлъ, на каждое лицо мужск. п. сверхъ брачной пары отводится также полевой надѣлъ (безъ различія возраста), а женщинамъ по $^1/_4$ над.; но чтобы избѣжать дробленія полосъ, менѣе 1 надѣла не отводятъ, т. е. одной женщины (сверхъ брачной пары) въ разсчетъ не принимаютъ и отводятъ двумъ и тремъ женщинамъ $^1/_2$ надѣла, четыремъ и пяти—полный надѣлъ и т. д.“. См. „Мат. под. инсп.“, в. II, стр. 58.

[3]) „Мат. по стат. Вятск. г.“ т. VII, часть I, стр. 19.

чено и для Яранскаго у. и другихъ той же губ. [1]). Этотъ же переходъ къ типично-потребительнымъ разверсткамъ „по семейственности“ отмѣчаютъ „Мат. под. инсп.“ по Мелетковскому, Юрьевскому, Суздальскому у. Владимірской губ., по Васильскому и другимъ уѣздамъ Нижегородской, по Кашинскому, Бѣжецкому, Осташковскому, Весьегонскому, Тверскому у.у. Тверской губ., наконецъ, по Бѣльскому, Порѣчскому, Духовщинскому (и, повидимому, Сычевскому и частью Смоленскому у.у.) Смоленской губ., гдѣ „почти всѣ селенія... стали болѣе дорожить надѣлами со времени пониженія выкупныхъ платежей и отмѣны подушной подати и дѣлять землю по наличному составу дворовъ, безъ различія пола и возраста, или принимая за ѣдоковъ дѣтей только съ 3 или 5 лѣтъ“. Тѣ же чисто потребительнаго типа передѣлы „по семейственности“ или даже строго „по ѣдокамъ“ преобладаютъ въ Стародубскомъ у. Черниговской губ. и изрѣдка встрѣчаются въ Новгородсѣверскомъ у. той же губ. и въ Велижскомъ у. Витебской губ. Затѣмъ этой же разверстки преимущественно держатся въ Малоярославскомъ и Лихвинскомъ у.у. Калужской губ.; она замѣтно распространена въ Псковскомъ, Опочецкомъ, Великолужскомъ у.у. Псковской губ. и въ Гдовскомъ у. — Петербургской губ., въ Боровичскомъ у. — Новгородской, и отмѣчено ея появленіе въ послѣднее время (въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ г.г.), въ Новгородскомъ, Старорусскомъ, Череповецкомъ и Демянскомъ у.у. Новгородской губ., въ Каргопольскомъ у. Олонецкой губ., въ Шенкурскомъ у. Архангельской губ.; наконецъ, во всей Вологодской губ. „преобладающій порядокъ разверстки земли—по ѣдокамъ, безъ различія пола и возраста“, при чемъ въ у.у. Яренскомъ и Устьсысольскомъ онъ „существуетъ издавна“, въ остальныхъ же у.у., за исключеніемъ Вельскаго и Тотемскаго (гдѣ преобладаютъ ревизская и налично-мужская разверстка), „онъ устанавливается постепенно“: къ нему „переходятъ тѣ селенія, гдѣ крестьяне дорожатъ надѣлами...“ [2]).

Повидимому, въ этихъ столь различныхъ мѣстностяхъ эта разверстка характеризуется тѣми основными признаками, что, во-первыхъ, при ней передѣлы обыкновенно бываютъ частыми, но частными и что, во-вторыхъ, потребительная нужда каждой семьи опредѣляется не однимъ какимъ-либо критеріемъ, а извѣстной совокупностью, извѣстной комбинаціей ихъ и въ бо̀льшей или меньшей степени корректируется производительнымъ принципомъ. Наилучшій примѣръ ея даетъ намъ слѣдующій крестьянскій приговоръ одной общины Туринскаго Округа Тобольской губ. (въ этомъ округѣ ее уже приняли болѣе 60 общинъ изъ нѣсколькихъ — сотъ общинъ округа): „Многіе изъ общественниковъ... имѣютъ въ своемъ пользованіи по ѣдокамъ въ семействахъ своихъ пахотной и сѣнокосной земли неуравнительно: есть такіе [дворы], которые состоятъ изъ 5-ти и до 13-ти

[1]) „Мат. под. инсп.“, в. I, стр. 48.

[2]) См. „Мат. под. инсп.“, в. II, стр. 48, 57, 82, 108, 15, 113, 102 и вып. I, стр. 6, 2, 9, 17, 22, 25.

ѣдоковъ и землею пользуются однимъ и до четырехъ душевыхъ надѣловъ, которымъ пропитывать свои семейства трудно, именно — такіе-то...; а есть такіе, у которыхъ находится въ пользованіи земли достаточное количество, а ѣдоковъ мало, именно — такіе-то...; всѣмъ этимъ поименованнымъ противъ вышеприписанныхъ существовать очень выгодно; и чтобы не довести первыхъ до нищеты и разстройства семьи... присогласовали произвести переверстку земли по ѣдокамъ, для чего отъ многодушевыхъ крестьянъ отобрать землю и отобранною удовлетворить первыхъ по числу душъ-ѣдоковъ: отдѣлить отъ такихъ-то столько-то такимъ-то"... Такимъ образомъ „самое отобраніе и передача душъ производились общинами не на основаніи какихъ-либо точныхъ и опредѣленныхъ признаковъ, а на основаніи точнаго и близкаго ихъ знакомства съ состояніемъ хозяйства каждаго общинника и въ частности со степенью избытка или недостатка земли въ сравненіи съ его потребностями [1]). Какія именно соображенія принимались тутъ во вниманіе общинами, это показываютъ намъ, напримѣръ, объясненія крестьянъ, записанныя по Черниговской губ.: здѣсь при опредѣленіи семьѣ количества надѣловъ принимается въ соображеніе и то, что „въ такой-то семьѣ скоро парень женится и, значитъ, прибудетъ въ ней ѣдокъ, а потомъ пойдутъ пискуны", и то, что „въ такую-то семью въ нынѣшній годъ солдатъ со службы вернется", а въ такой-то „парня безпремѣнно забрѣютъ" [2]), и т. д. Или въ д. Семеновщинѣ Осташковскаго у. Тверской губ. „на работника домохозяина, но бездѣтнаго, давали $1^1/_2$ души, на работника съ мальчикомъ и дѣвочкой — $2^1/_2$, на работника съ нѣсколькими дѣвочками — 2 души; а четыре работника въ семействѣ изъ 15 душъ получили 6 душъ (т.-е. сравнительно меньше). Объясняютъ все это крестьяне такъ: „въ большомъ семействѣ все идетъ споръе, работникъ и на сторону можетъ отлучиться; на мальчика даютъ больше, чѣмъ на дѣвочекъ, потому что онъ въ солдаты пойдетъ, куда ему придется высылать въ годъ рублей 20; или онъ на землѣ останется, а дѣвушка замужъ пойдетъ" и т. д [3]). Такая же предусмотрительность отмѣчена по Демянскому у. Новгородской г. и по Гдовскому Петербургской [4]), и т. д.

Уже этого бѣглаго очерка, полагаю, достаточно, чтобъ читатель убѣдился, до какой максимальной уравнительности дороботался уже

---

[1]) См. „Мат. Зап. Сиб.", в. III, стр. 31, 32.

[2]) См. „Мат. по оц. зем. Черниг. губ.", в. IX, ст. 30.

[3]) См. „Сб. ст. св." по Тверской губ., т. XII, в. I, стр. 59—60. Крайне любопытное въ этомъ же родѣ меньшее надѣленіе сравнительно сильно-рабочихъ дворовъ я встрѣтилъ, какъ единичный фактъ, по Себежскому у. Витебской губ.: здѣсь въ одной волости указана по-имущественная, но только, такъ сказать, навыворотъ, разверстка, т. е. наиболѣе зажиточные получаютъ меньше земли („Мат. под. инсп.", в. II, стр. 113). У меня нѣтъ къ сожалѣнію, данныхъ для анализа этого оригинальнаго случая, прямо, такъ сказать, анти-производительной разверстки...

[4]) См. „Мат. под. инсп.", в. I, стр. 9 и „Стат. сб. по С.-Петерб." за 97 г. в. IV, стр. 72 и 82.

во многихъ случаяхъ общинно-передѣльный механизмъ; мы видѣли, что перераспредѣленіе земли при разверсткѣ „по ѣдокамъ“, „по семейственности“ максимально уравнительно не только по объективному, основному своему принципу, но и въ субъективномъ, такъ сказать, приспособленіи его и къ конкретнымъ обстоятельствамъ... Долженъ сознаться, что я боялся вѣрить этой развертывавшейся предо мной по мѣрѣ пересмотра матеріаловъ эффектной картинѣ уравнительно-передѣльныхъ успѣховъ, самостоятельно достигнутыхъ значительной частью общинъ въ по-реформенный періодъ: невольно вставало сомнѣніе, дѣйствительно ли эти разверстки такъ высоки, какъ ихъ описываютъ, не скрываются ли, напримѣръ, подъ этими поправками основного принципа. произволъ и злоупотребленія міра въ пользу богатыхъ или выставившихъ водки, давшихъ взятку хозяевъ и т. п., а главное, дѣйствительно ли сами крестьяне вполнѣ своимъ умомъ нашли и примѣнили эти несомнѣнно наивысшія по приспособленности къ цѣли и условіямъ системы, не внесены ли онѣ извнѣ, свыше, администраціей, напримѣръ?.. Всѣ матеріалы, которыми я располагаю, обязываютъ меня дать рѣшительно отрицательный отвѣтъ на оба эти вопроса.

Отнюдь нельзя сказать, чтобы эти матеріалы вовсе не указывали на отдѣльные и иногда довольно многочисленные случаи злоупотребленій, подкуповъ, пристрастія „міра“ или его уполномоченныхъ при передѣлахъ. Но во-первыхъ, ни по одному уѣзду я не встрѣтилъ указанія, чтобы такое господство силы и случая было общимъ правиломъ при какой бы то ни было системѣ разверстки, а всегда оно представляетъ исключеніе изъ правила, т.-е. рядомъ со строго вытекающимъ изъ даннаго принципа разверстки надѣленіемъ большинства хозяевъ, — только нѣкоторые надѣляются несогласно съ нимъ и терпятъ обиду. Во-вторыхъ же, и эти случаи отмѣчены почти исключительно при тѣхъ лишь формахъ, которыя я уже и безъ того отношу къ категоріи особаго уклоненія и разложенія общины (см. слѣдующія главы); въ обрисованныхъ же въ этой же главѣ типичныхъ общинно-передѣльныхъ формахъ, даже и отдѣльные случаи злоупотребленія крайне рѣдки и при томъ встрѣчаются почти исключительно лишь при первыхъ переходныхъ формахъ общинно-передѣльныхъ разверстокъ, т. е. при первыхъ передѣлахъ или при переходѣ къ нимъ отъ общинно-выкупного владѣнія и т. п. Такіе, напримѣръ, случаи отмѣчены по Оханскому у. Пермской губ., гдѣ въ иныхъ волостяхъ еще много участковъ осталось въ захватномъ владѣніи, и изъ-за нихъ идутъ сильные раздоры [1]); затѣмъ, напримѣръ, по Вяземскому у. Смоленск. губ. отмѣчено, что иному хозяину отводятъ надѣлъ только потому, что „самъ попросилъ на поправку“, пообѣщавшись исправно платить подати, да поставивши „малую толику“ водки [2]) и т. д. Какъ

[1]) См., напримѣръ, Никольскую волость въ „Подворномъ изслѣдованіи 90—91 г.г. в. I, стр. 131.

[2]) См. „Сб. ст. св.“ по этому у., стр. 11.

видитъ читатель, такія отдѣльныя и слабыя тѣни на разверсткѣ „по семейственности“, — вообще столь рѣдкія и при томъ появляющіяся лишь въ періодъ складыванія, броженія этой формы,—могутъ скорѣе лишь оттѣнить, а не затемнить ее: какъ вообще въ развитіи и дѣйствіи обычнаго права немыслима полная правильность и единообразіе, и даже, наоборотъ, послѣдняя указываетъ на механичность, мертвенность данной формы. такъ въ настоящемъ случаѣ эти рѣдкія и вполнѣ объяснимыя уклоненія только оживляютъ и оттѣняютъ яркую картину по-реформеннаго прогресса въ системахъ общиннаго „поравненія“...

Настолько же рѣшительны показанія матеріаловъ и по вопросу о степени инициативности и самостоятельности этого прогресса. Въ „Матеріалахъ податныхъ инспекторовъ“, указывающихъ разверстку „по ѣдокамъ“ и „по семейственности“, въ большемъ или меньшемъ распространеніи по 57 у. у. въ 20-ти губерніяхъ, — лишь по двумъ уѣздамъ отмѣчено, въ одномъ (Демьянскомъ уѣздѣ Новгородской губ.), что она распространяется „подъ вліяніемъ земскихъ начальниковъ“, и въ другомъ (въ Краснинскомъ у. Смоленской губ.), что она развилась со времени (? авторъ не поясняетъ, совпаденіе ли тутъ во времени или причинная зависимость) „учрежденія должности земскихъ начальниковъ“. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи и эти два случая теряютъ всякое значеніе. Во-первыхъ, имъ можно противопоставить тоже какъ разъ именно два противоположныхъ случая: въ Туринскомъ Округѣ Тобольской губ. разверстка по ѣдокамъ установилась (въ 60 общинахъ) вопреки „начальству“, которое въ лицѣ мѣстнаго чиновника по крестьянскимъ дѣламъ, рекомендовало крестьянамъ традиціонную налично-мужскую разверстку [1]); также во всей Тверской губ. губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе рекомендовало крестьянамъ въ особыхъ разосланныхъ по волостямъ „примѣрныхъ правилахъ“ передѣлять по работникамъ мужского пола, а нѣкоторыя волостныя правленія, принимая эти „правила“ за обязательныя, прямо заставляли общины принимать при передѣлахъ именно этотъ принципъ, но несмотря на это, какъ уже было указано, разверстка по ѣдокамъ распространилась уже послѣ этого циркуляра въ нѣсколькихъ уѣздахъ во многихъ десяткахъ общинъ по каждому, при чемъ по Осташковскому у. указаны такого рода, напримѣръ, случаи, что крестьяне, боясь поступить противъ „правилъ“, принимаемыхъ ими за нѣчто въ родѣ закона, официально для виду постановили передѣлить по ра-

---

1) Что „способъ этотъ явился самостоятельнымъ созданіемъ мѣстнаго общиннаго духа“, это г. Кауфманъ доказываетъ ссылкой на то, что, установляя раскладку „по ѣдокамъ“, крестьяне, очевидно, боялись даже, что раскладка эта, какъ несогласная съ совѣтомъ „мирового“, встрѣтитъ со стороны послѣдняго протестъ; такой смыслъ имѣетъ, напримѣръ очевидно, оговорка, сдѣланная въ концѣ приговора Лебедевскаго сельскаго схода: „хотя настоящее наше распоряженіе не уравнительно (очевидно съ точки зрѣнія принципа разверстки по душамъ муж. пола), то это потому, что вышеозначенное уравненіе произведено съ согласія всѣхъ“... („Мат. Зап. Спб.“, в. XIII, стр. 33).

ботникамъ, а на самомъ дѣлѣ передѣлили по ѣдокамъ... [1]). Значитъ, если мы по отношенію къ этой разверсткѣ находимъ по меньшей мѣрѣ такое же, если не еще большее противодѣйствіе свыше, какъ и содѣйствіе, то уже во всякомъ случаѣ не имѣемъ права приписывать послѣднему мало-мальски замѣтнаго положительнаго вліянія и съ полной очевидностью видимъ что эта разверстка можетъ развиваться и развивается безъ него и даже вопреки ему. Въ третьихъ, въ самыхъ этихъ двухъ случаяхъ прямо указана, кромѣ вліянія земскихъ начальниковъ и другая причина разверстки „по ѣдокамъ“: отмѣна подушной подати и пониженіе выкупныхъ платежей, какъ разъ происшедшихъ незадолго (за 3—5 лѣтъ) до введенія земскихъ начальниковъ. Совершенно, значитъ, ясно, что и въ этихъ случаяхъ крестьяне и сами склонялись къ разверсткѣ „по ѣдокамъ“ и ввели бы ее вѣроятно и самостоятельно, только можетъ быть немного позже; по крайней мѣрѣ въ 4-хъ сосѣднихъ съ Демьянскимъ уѣздахъ Новгородской же губ. такіе передѣлы произошли безъ всякаго, повидимому, содѣйствія свыше, равнымъ образомъ и въ 3-хъ уѣздахъ Смоленской губ. (рядомъ съ Краснинскимъ) тоже не упоминается ни о какомъ такомъ вмѣшательствѣ, а только указывается все та же основная причина: „крестьяне стали дорожить надѣлами со времени пониженія выкупныхъ платежей и отмѣны подушной подати и дѣлятъ землю по наличному составу дворовъ“ [2])... Наконецъ, необходимо особенно подчеркнуть, что и во многихъ другихъ губерніяхъ,—а именно по 8 губерніямъ изъ 20-ти, гдѣ отмѣчена разверстка „по ѣдокамъ“, — „Матеріалы податныхъ инспекторовъ“ прямо указываютъ, какъ на всегда основную и часто единственную причину появленія этой разверстки,—именно на пониженіе выкупныхъ платежей и отмѣну подушной подати. Смыслъ этой причинной связи, конечно, совершенно ясенъ: во-первыхъ, пріобрѣтеніе надѣломъ чистаго потребительнаго значенія постулируетъ вообще ту или иную систему потребительной разверстки, а во-вторыхъ, уничтоженіе подушной подати, лишающее мужскія души преимущественнаго права на землю, позволяетъ крестьянамъ выбрать, какъ наивысшую изъ такихъ системъ, уже не традиціонную налично-мужскую, а именно — разверстку „по ѣдокамъ“, „по-семейственности“... Такимъ образомъ, мы должны констатировать, что все наблюдаемое въ пореформенной крестьянской общинѣ совершенствованіе потреби-

---

[1]) См. „Сб. ст. св.“ по Тверской губ., т. XIII, в. I, стр. 45. Долженъ оговориться, что кромѣ „Мат. под. инсп.“ я встрѣтилъ еще одинъ фактъ вмѣшательства администраціи въ пользу надѣленія женщинъ по Кубанской области, гдѣ это надѣленіе рекомендовалось казакамъ, какъ и вообще уравнительные передѣлы, особымъ циркуляромъ начальника области. Однако г. Щербина также приводитъ рядъ фактовъ, доказывающихъ, что казаки вовсе не считали себя обязанными слѣдовать этому указанію и установляли данный порядокъ только въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда сами приходили къ сознанію его раціональности. См. „Зем. Общ. Куб. каз.“ стр. 99—108.

[2]) См. „Мат. под. инсп.“ в. I, стр. 10 и в. II, стр. 108.

тельныхъ системъ разверстки [1]) отнюдь не является результатомъ какой-то свободной и нѣсколько въ данномъ случаѣ неожиданной игры административныхъ силъ, а представляетъ слѣдствіе самопроизвольнаго приспособленія самихъ общинъ къ цѣлямъ и условіямъ уравнительно-передѣльнаго владѣнія.

§ 6.

Мы обозрѣли всѣ основныя разновидности общинно-передѣльнаго владѣнія. Схематизируемъ теперь наши основные выводы, чтобы отчетливѣе представить общую картину этой центральной общинной формы.

Мы должны констатировать прежде всего, что уравнительно-передѣльная организація и функція приняла въ современной русской общинѣ множество самыхъ разнообразныхъ формъ, такъ что смѣло можно сказать, что невозможно придумать такого принципа періодическаго уравнительнаго перераспредѣленія земли между членами общины, который бы не былъ ею уже въ цѣломъ рядѣ видоизмѣненій примѣненъ. Мы находимъ прежде всего (въ настоящемъ или въ близкомъ прошломъ) нѣсколько градацій первичныхъ самыхъ грубыхъ, элементарныхъ формъ поравненія, начиная съ не развязывающаго, а, такъ сказать, разрубающаго запутанный узелъ правъ и интересовъ разныхъ семей передѣла поровну на дворъ и кончая разными общими и приблизительными надѣленіями семей уравнительно по дворамъ. Затѣмъ, мы встрѣчаемъ всевозможные виды и разновидности болѣе тонкаго душевого поравненія (т.-е. надѣленія не дворовъ, а душъ). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно имѣетъ какъ бы слѣпой, инстинктивный характеръ: перераспредѣленіе происходитъ не по какому-либо твердо установленному принципу, а только болѣе или менѣе механически переноситъ землю съ умирающихъ надѣленныхъ при ревизіи душъ на живыхъ,—или тоже ревизскихъ же, или именно неревизскихъ; мы констатировали, впрочемъ, что эти смутныя и часто логически-курьезныя системы практически до извѣстной степени цѣлесообразны либо съ точки зрѣнія производительнаго принципа распредѣленія, либо потребительнаго. Затѣмъ, мы разсмотрѣли цѣлесообразныя, такъ сказать, системы уравненія, которыя представляютъ результатъ прямо вытекающаго изъ цѣли (максимально уравнительнаго распредѣленія земли между населеніемъ) и вполнѣ приспособленнаго къ условіямъ (количеству и качеству этой земли и ея значенію для населенія) разложенія понятія двора на болѣе мелкія единицы,—рабочія или потребительныя души. Первыя,—производительныя разверстки,—представляютъ, въ соотвѣтствіи съ вызвав-

[1]) Считаю нужнымъ оговориться, что эволюція производительныхъ системъ разверстки въ пореформенной общинѣ также ни въ малѣйшей мѣрѣ не является результатомъ внѣшняго административнаго воздѣйствія.

шими ихъ условіями, нѣсколько варіацій, начиная съ не только производительныхъ, но даже почти капиталистическихъ принциповъ (разверстка „по постройкамъ“, „по скоту“, „по состоятельности“ и т. п.), продолжая разными критеріями живой человѣческой рабочей силы и кончая комбинаціями этихъ производительныхъ принциповъ съ податными и потребительными. Потребительныя разверстки являютъ, кажется, наибольшее разнообразіе формъ: множествомъ тонкихъ градацій онѣ сливаются съ производительными разверстками (при передѣлахъ „по согласію“), затѣмъ въ налично-мужской разверсткѣ онѣ отправляются лишь отчасти отъ потребительнаго, отчасти же отъ податнаго принципа, далѣе во множествѣ видоизмѣненій, уклоненій, поправокъ (въ повозрастныхъ разверсткахъ, надѣленіи нѣкоторыхъ женскихъ душъ и т. д.) онѣ все ближе подходятъ къ чисто потребительному поравненію и, наконецъ, наиболѣе точно и тонко осуществляютъ послѣднее въ разверсткахъ по всѣмъ душамъ обоего пола съ различными поправками для частныхъ случаевъ (распредѣленіе „по ѣдокамъ“, „по нуждѣ“, „по семейственности“).

Затѣмъ, мы видимъ, что принятая нами логическая послѣдовательность этихъ формъ оказывается во многихъ случаяхъ и послѣдовательностью исторической, т.-е. иначе говоря, формы, менѣе уравнительныя, замѣняются болѣе уравнительными, уравнительно-передѣльной механизмъ совершенствуется. Подворное поравненіе встрѣчается лишь какъ пережитокъ, либо, наоборотъ, какъ форма, такъ сказать, вырожденія (вслѣдствіе малоземелья). Неопредѣленныя безпринципныя налично-ревизскія разверстки по существу своему, не могутъ не перейти и, дѣйствительно, переходятъ въ приспособленныя къ условіямъ либо производительныя, либо потребительныя распредѣленія. Всѣ производительныя разверстки либо являются первыми передѣлами (прогрессивность коихъ по сравненію съ захватными формами въ смыслѣ возрастанія уравнительности — очевидна), либо представляютъ самопроизвольное приспособленіе общинъ къ внѣшнимъ условіямъ (большому или „тяжелому“ надѣлу или высокимъ платежамъ) въ замѣну прежней извнѣ механически установленной податной ревизской разверстки. Всѣ отступленія отъ традиціонной дореформенной налично-мужской разверстки въ пользу пропорціональнаго надѣленія разныхъ возрастовъ и большаго или меньшаго надѣленія женскихъ душъ, а тѣмъ болѣе всѣ системы надѣленія „по ѣдокамъ“, „по нуждѣ“, превращаютъ мертвую фискальную единицу распредѣленія въ живую потребительную „душу“, представляютъ въ правѣ на трудъ, на землю обще-крестьянское и обще-человѣческое основаніе права на жизнь, вмѣсто частнаго политическаго основанія,— отбыванія государственныхъ повинностей. Помимо этихъ общихъ прогрессивныхъ, въ смыслѣ развитія уравнительности, какъ по степени ея, такъ и по ея прочности и сознательности, трансформацій, замѣчается еще сравнительно безразличная въ этомъ смыслѣ трансформація производительныхъ разверстокъ въ потребительныя, обусловливаемыя сокращеніемъ надѣла отъ рабочей до потребительной

нормы и ниже (вслѣдствіе возрастанія населенія) и пріобрѣтеніемъ имъ чисто потребительнаго значенія (благодаря интенсификаціи земледѣлія и пониженію налоговъ)...

Такимъ образомъ, какъ видитъ читатель, въ этой характеристикѣ передѣльнаго фазиса общины мы должны были притти къ тѣмъ же общимъ выводамъ, какіе получились и при изученіи до-передѣльной ея эволюціи. Закончивъ теперь обрисовку этихъ моментовъ, пройдя по всей, такъ сказать, восходящей линіи общины и обращаясь въ слѣдующихъ главахъ къ нисходящей, намѣтимъ еще разъ вкратцѣ основные пункты всего пройденнаго пути.

Во II, III и IV главахъ дана была исторія борьбы индивидуальнаго и общиннаго права въ многоземельныхъ окраинахъ; мы прослѣдили первоначальный періодъ полнаго господства индивидуальнаго права, затѣмъ—фазисъ постепеннаго ограниченія его общиннымъ правомъ и, наконецъ, выработку послѣдняго въ уравнительно-передѣльную форму. Въ настоящей главѣ мы анализировали внутренній характеръ этой уравнительно-передѣльной функціи въ по-реформенную эпоху. И въ обоихъ моментахъ, какъ въ процессѣ сложенія общинно-передѣльной формы, такъ затѣмъ, ея функціонированья,—съ несомнѣнностью вырисовались слѣдующіе основные выводы.

1. Мы вовсе или почти не встрѣтили *неподвижныхъ формъ*, а все время имѣли дѣло съ измѣняющимися формами, съ *трансформаціей*. На окраинахъ, при многоземельи, по мѣрѣ его сокращенія, безпрерывно всходятъ и *развиваются ростки общиннаго права*, постепенно заглушающіе личное право. Въ издавна организованной и функціонирующей общинѣ государственныхъ крестьянъ Европейской Россіи трансформація заключалась въ *развитіи уравнительности*: передѣльная функція все болѣе *приближается* къ этой *цѣли*, *приспособляясь* вмѣстѣ съ тѣмъ къ окружающимъ *условіямъ*.

2. Всѣ эти трансформаціи, хотя имѣютъ въ общемъ и среднемъ одно направленіе,—къ наибольшей общинности и уравнительности,—но приближаются къ этой цѣли множествомъ самыхъ разнообразныхъ и вполнѣ самостоятельныхъ путей и тропинокъ. Это замѣчательное обиліе формъ,—эти десятки способовъ ограниченія общиной семейнаго захвата, десятки способовъ для достиженія качественной (см. IV главу) и количественной (см. настоящую главу) уравнительности при передѣлахъ,—это множество рѣшеній одной и той же задачи объясняется, какъ мы видѣли, во-первыхъ, разнообразіемъ естественныхъ и соціальныхъ условій, опредѣляющихъ эти рѣшенія, а, во-вторыхъ, извѣстной логической иниціативой, дающей нѣсколько различныхъ рѣшеній даже для однихъ и тѣхъ же условій.

3. Какъ изъ этой *подвижности* формъ и *многообразія* ихъ, такъ и изъ множества прямыхъ фактовъ и соображеній мы должны были заключить о полной или почти полной *самопроизвольности* всей этой трансформаціи. Въ этомъ смыслѣ, т.-е. по относительной роли государственнаго и обычнаго права, зарожденіе

и возрастаніе побѣговъ общиннаго начала въ многоземельныхъ окраинахъ очень напоминаетъ мнѣ тотъ вышеописанный процессъ, когда крестьяне вокругъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ кедровъ вырубаютъ всю другую поросль, и вскорѣ вся площадь превращается въ кедровую рощу. Государство сдѣлало тутъ для общины то же, что крестьяне для кедровъ: установленіемъ государственной собственности на всѣ земли и началомъ между-волостного межеванія, оно какъ бы не дало расти побѣгамъ личной земельной собственности и тѣмъ облегчило и ускорило разрастаніе общиннаго права. Но и только. Что было бы, если бъ крестьяне не расчистили поросли?—Мы не знаемъ. Въ зависимости отъ естественныхъ условій, можетъ быть поросль заглушила бы и погубила кедры, можетъ быть, наоборотъ, кедры и сами переросли бы и вытѣснили своихъ сосѣдей, можетъ быть и тѣ, и другіе остались бы на долгое время существовать рядомъ. Что было бы, если бъ теперь не было на окраинахъ никакихъ государственныхъ земельныхъ нормъ? Можетъ быть община сама развилась бы, можетъ быть—нѣтъ, врядъ ли кто можетъ это рѣшить. Но фактъ тотъ, что при однажды сложившихся благопріятныхъ государственныхъ нормахъ, она, какъ кедровая роща, разрастается и развивается уже сама, своими внутренними соками, внутренней борьбой правъ и интересовъ, не требуя никакого дальнѣйшаго ухода; такъ что, напр., административные циркуляры о передѣлахъ играютъ роль, развѣ, какъ бы искусственной что ли подрѣзки, иногда быть можетъ ускоряющей ростъ, но отнюдь не необходимой и часто даже совершенно излишней для него... Не берусь, конечно, утверждать, что именно такова же была относительная роль государственнаго и обычнаго права и вообще при первоначальномъ развитіи общинно-передѣльнаго владѣнія у государственныхъ крестьянъ [1]). Возможно, что здѣсь роль государства была ниже и глубже, что,—продолжая нашу весьма точно поясняющую вопросъ метафору,—государство первоначально даже прямо искусственно насадило общину и сначала примѣняло къ ней какъ бы тепличное выращиваніе, возбуждая въ ней ея функціи искусственно ревизіями, и искусственно же придавая ей форму ревизской разверстки. Возможно, что такъ было раньше, но мы видѣли, что во всякомъ случаѣ теперь это не такъ, теперь община государственныхъ крестьянъ выросла и укоренилась уже настолько, что живетъ, функціонируетъ и развивается (въ смыслѣ усовершенствованія уравнительности) всецѣло одной внутри-общинной борьбой за землю, т.-е. своими собственными экономическими корнями, своими внутренними обычно-правовыми соками [2])...

---

[1]) Хотя не могу не замѣтить, что современная трансформація окраиннаго крестьянскаго землевладѣнія даетъ едва ли не больше и болѣе надежныхъ указаній по этому вопросу, чѣмъ скудныя и смутныя архивно-историческія данныя...

[2]) Констатируя этотъ фактъ, я усиленно прошу читателей брать эти мои слова въ ихъ точномъ смыслѣ и не приписывать мнѣ того, чего я не говорю, особенно не приписывать мнѣ стремленія такъ или иначе идеализировать этотъ фактъ. Я вѣдь, пока ни слова не говорю здѣсь о самомъ значеніи его, о томъ, напр., настолько ли прочны эти формы и таковы ли обусловливающія ихъ причины, чтобъ

Врядъ ли нужно пояснять важность изложенныхъ выводовъ. Во второмъ томѣ, всецѣло посвященномъ фактическому и статистическому изслѣдованію вліянія разныхъ условій на организацію и функціи общины, мы еще не разъ вернемся къ этимъ выводамъ. Пока же мы должны только констатировать, что эмпирическое изученіе болѣе многоземельной государственной (а также инородческой, казачьей и т. п.) общины рисуетъ ее, какъ общее правило, живой, жизнедѣятельной, жизнеспособной...

онѣ могли просуществовать еще болѣе или менѣе долго. Всѣ подобные вопросы будутъ разобраны статистически во II и III томахъ. Пока же, повторяю, я лишь эмпирически констатирую одни только твердо и съ несомнѣнностью, на десяткахъ, сотняхъ и тысячахъ случаевъ и наблюденій установленные факты, неизвѣстные и неожиданные лишь для мало знакомыхъ съ предметомъ или для доктринерски закрывающихъ на нихъ глаза.

ГЛАВА VI.

Переходя съ настоящей главы, такъ сказать, отъ положительной къ оборотной сторонѣ медали, начну для поясненія этого контраста съ напоминанія объ относительности, условности и внутренней противорѣчивости изучаемыхъ нами общинныхъ формъ. Было бы грубѣйшей ошибкой думать, напр., что въ высшихъ уравнительно-передѣльныхъ формахъ личное право всецѣло искоренено общиннымъ. Оно только заглушено, а не искоренено, но вѣчно живетъ въ немъ и вѣчно обновляется. Каждый количественно-качественный передѣлъ вырываетъ съ корнемъ личное право труда, а затѣмъ это право труда съ каждой вспашкой, посѣвомъ, съ каждой телѣгой навоза и т. д., снова пускаетъ корни. Всѣ „держатели“ надѣловъ, которымъ выгодно данное распредѣленіе земли, снова прирастаютъ къ своимъ надѣламъ, и новый передѣлъ лишь съ усиліемъ, съ болью и борьбой, отрываетъ опять эти корни личнаго права труда, съ тѣмъ, чтобы сейчасъ опять началось новое ихъ прорастаніе...

Такимъ образомъ, и общинно-передѣльное владѣніе отнюдь не представляетъ полнаго и мирнаго господства общиннаго права, напротивъ, оно представляетъ именно процессъ безпрерывной борьбы его съ личнымъ правомъ труда, въ которой оно только постоянно побѣждаетъ послѣднее, благодаря благопріятнымъ для того условіямъ, — главнымъ образомъ, размѣрамъ надѣла, не ниже (и не выше) извѣстной нормы. Такія именно условія и господствуютъ у разсмотрѣнныхъ выше общинныхъ группъ: у крестьянъ государственныхъ и частью удѣльныхъ, у инородцевъ, казаковъ и т. п. и у немногихъ изъ крестьянъ, бывшихъ помѣщичьихъ. Но какъ только мы переходимъ къ основной массѣ крестьянъ, бывшихъ помѣщичьихъ, поставленныхъ въ условія, прямо противоположныя, тотчасъ передъ нами открывается совершенно другая картина,—картина либо упадочныхъ, либо въ лучшемъ случаѣ искусственныхъ общинныхъ формъ. Это и можно было предсказать уже a priori, не только въ виду ихъ малоземелья (о вліяніи этого фактора скажу ниже), но и исходя изъ дореформенной ихъ исторіи и по-реформенныхъ фискально-политическихъ условій.

§ 1.

Исторія крѣпостной крестьянской общины еще не написана, и для нея имѣются пока только разрозненные и далеко недостаточные матеріалы, но уже теперь во всякомъ случаѣ безспорно, что эта своеобразная соціальная форма не была землевладѣніемъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Даже при оброчномъ порядкѣ, къ которому до извѣстной степени еще примѣнима крестьянская формула: „Мы—ваши, а земля наша“, все-таки эта принадлежность субъекта владѣнія другому лицу всецѣло предопредѣляла все распоряженіе этого субъекта объектомъ владѣнія: ясно, что земля должна была распредѣляться непремѣнно на каждую семью и не иначе, какъ именно пропорціонально оброку, на нее наложенному. При преобладавшей же барщинной системѣ уже не оставалось у крестьянъ и ни малѣйшей даже фикціи владѣнія: они не только не могли не перераспредѣлять по разъ заведенному порядку безпрерывно землю по рабочимъ „тяглямъ“, отбывающимъ работу на помѣщика, но часто не могли сами и распредѣлять, такъ какъ даже это распредѣленіе производилось самимъ помѣщикомъ, управляющимъ, бурмистромъ. Такимъ образомъ, лишь въ тѣхъ немногихъ случаяхъ и въ тотъ недолгій періодъ, когда размѣры помѣщичьяго землевладѣнія сильно превышали рабочую норму, т.-е. рабочую силу его крѣпостныхъ, помѣщику не требовалось заботиться о наилучшемъ ея приложеніи и обезпеченіи землей и потому онъ допускалъ вольное захватное владѣніе (такое описано въ земско-статистическихъ матеріалахъ) у помѣщичьихъ крестьянъ въ началѣ этого вѣка, напр., по Саратовской, Екатеринославской, Тверской г.г. [1]),—тогда только у крѣпостныхъ крестьянъ было нѣчто похожее на землевладѣніе.

Обыкновенно же отношеніе ихъ могло быть лишь чисто пассивнымъ и автоматическимъ. Читатель легко усмотритъ это, напр., изъ

---

[1]) Напр., въ Осташковскомъ уѣздѣ въ нѣкоторыхъ деревняхъ, по воспоминаніямъ крестьянъ, при крѣпостномъ правѣ „всякій бралъ земли столько, сколько могъ осилить. Земли было всякому довольно, лядины въ пустошахъ каждый выжигалъ, гдѣ хотѣлъ“. (д. Телякова, см: „Сб. ст. св. по Тв. г.“, т. XII, в. I, стр. 57). Въ Балашовскомъ уѣздѣ въ началѣ этого вѣка (по „Хозяйств. описанію Бал. у.“, г. Никольскаго, изд. 1885 г.), когда мало было хорошихъ помѣщичьихъ запашекъ, и крестьяне большей частью состояли на оброкѣ, по изобилію земель ихъ почти не дѣлили. Каждый занималъ пространство, на обработку котораго у него хватало силъ и скота“ („Сб. ст. св. по Балаш. у.“, стр. 107). Но затѣмъ помѣщики перевели крестьянъ на барщину, отвели имъ опредѣленные участки и заставили передѣлять ихъ; напр. „въ дер. Ходоковкѣ до 1836 г. были на оброкѣ и пахали, сколько хотѣли, а затѣмъ переведены на барщину и стали получать опредѣленное количество пашни „на тягло“, (тамъ же стр. 108). Также въ Славяносербскомъ уѣздѣ первые передѣлы явились только послѣ освобожденія въ большинствѣ помѣщичьихъ общинъ и не задолго до него въ немногихъ. Но сѣнокосы и тутъ издавна распредѣлялись помѣщиками между крестьянами въ большинствѣ случаевъ по количеству воловъ, иногда по работникамъ. (Цитирую по В. В. „община“ стр. 17), и т. д.

слѣдующихъ подрядъ мною выписанныхъ примѣровъ, приведенныхъ по Балашовскому у.: С. „Турки. До воли были на барщинѣ... пахотную землю не дѣлили—помѣщикъ не разрѣшалъ". „С. Григорьевка. До воли—на барщинѣ. Помѣщикъ часто мѣнялъ крестьянскія пашни, почему часто и передѣляли ихъ (черезъ 2-3 года)." „Д. Кафтыревка. До воли—на оброкѣ: землю дѣлили почти ежегодно, по мѣрѣ того, какъ прибавлялись или убавлялись тягла". „Д. Дубасовъ-Корай. До воли—на барщинѣ. Землю дѣлили лѣтъ черезъ 10; чаще дѣлить управляющіе не дозволяли, чтобы каждый лучше обрабатывалъ свой участокъ". „С. Рѣпревка. До воли—на барщинѣ. Пашню дѣлили черезъ 1 годъ, потому что управляющій постоянно мѣнялъ крестьянскія пашни" [1])... По воспоминаніямъ быв. пом. крестьянъ Рязан. у.... Тогда была воля барская. На кого захочетъ, на того и наложитъ побольше оброка или побольше работы, а наше дѣло тогда—дать тягольщику землицы,—вѣдь не спуста же ему тянуть тягло [2]). Въ Калязинскомъ уѣздѣ по словамъ крестьянъ „разверсткой завѣдывалъ помѣщикъ или лично, или при посредствѣ старостъ и бурмистровъ. Землю наваливали при малѣйшей возможности со стороны крестьянина тянуть тягло": Прежде, бывало, приведутъ въ контору, разложатъ и выстегаютъ, а потомъ и скажутъ: вотъ тебѣ душа—работай... Скажешь: не въ силѣ!—опять разложатъ, а душу все-таки возьми" [3])... и т. д.

Изъ сказаннаго читатель ясно явидитъ, что это принудительное земле-пользованіе крѣпостныхъ крестьянъ только совершенно насилуя слово можно называть общиннымъ земле-владѣніемъ, хотя бы и въ зачаточной его формѣ.

При немъ единственный ясной, несомнѣнной и основной связью, соединявшей данную группу крестьянскихъ семей, была принадлежность ихъ одному помѣщику, а не владѣніе ими однимъ участкомъ земли; послѣднее лишь необходимо вытекало изъ первой. Понятно, что такое принудительное общинное землепользованіе не только не могло пріучить крестьянъ къ общинному землевладѣнію, но, наоборотъ, скорѣе должно было возбудить отвращеніе къ нему именно постольку, поскольку неразрывно ассоціировалось въ ихъ представленіи съ рабскимъ состояніемъ. Поэтому мы можемъ представить себѣ общину выросшей самопроизвольно (т.-е. какъ обычно-правовой институтъ), можемъ полагать, что ее вырастило государство, но невозможно допустить, чтобъ ее выращивала крѣпостная розга. Допустить, что крестьянинъ привыкнетъ и привяжется къ основной состав-

---

[1]) См. „Сб. ст. св. по Балашов. у.", въ т. II, стр. 115.

[2]) См. „Сб. ст. св. по Рязанскому у.", статья г. Григорьева, стр. 8.

[3]) См. „Сб. ст. св." по этому у., стр. 33. Также и по Осташковскому у., Тверской губ., крестьяне говорили, что при помѣщикахъ обыкновенно „земля распредѣлялась по мѣрѣ того, какъ убывали и прибывали „тяглецы" (семьи, обложенныя помѣщикомъ работой или оброкомъ). Въ нѣкоторыхъ деревняхъ даже крестьяне показали, что земля распредѣлялась самими владѣльцами: „кому хотѣлъ, тому столько и давалъ" (см. указанный сб. стр. 57).

ной части крѣпостнаго механизма и, освобожденный, сознательно возстановитъ и разовьетъ общину, извѣстную ему только какъ орудіе крѣпостного „тягла“,—значитъ или забывать о томъ, что онъ хотя былъ рабомъ, но оставался человѣкомъ, тяготился своимъ рабствомъ, или, наоборотъ, предполагать, что освободившись, онъ сразу чуть не на цѣлое столѣтіе поднялся надъ исторіей и средой...

Такимъ образомъ, крѣпостная община могла только отучить крестьянъ отъ активнаго и сознательнаго отношенія къ формѣ землевладѣнія и скорѣе всего должна была заложить въ нихъ прямую антипатію къ общинной формѣ. И дѣйствительно: по цѣлому ряду, напр., уѣздовъ земско-статистическія данныя констатировали такой характернѣйшій въ этомъ смыслѣ фактъ, что бывшія помѣщичьи общины сейчасъ же по освобожденіи, не имѣя еще возможности и рѣшительности перейти всѣмъ къ подворному владѣнію, часто бросали хоть прежнюю тягловую разверстку земли (замѣняя ее сначала какой попало, безъ сознательнаго выбора)—именно, какъ сами они прямо поясняли, изъ желанія немедленно избавиться отъ всякихъ слѣдовъ крѣпостнаго права, отъ всякихъ остатковъ „господскаго заведенія“... [1]).

Условія, въ которыя попали бывшіе помѣщичьи крестьяне тотчасъ по освобожденіи, были еще болѣе, такъ сказать, анти-общинными. Помимо спеціальнаго законодательства объ общинѣ, болѣе предусматривавшаго и облегчавшаго ея разложеніе, чѣмъ хотя бы сохраненіе, не говоря уже о развитіи (объ этомъ законодательствѣ скажу подробнѣе ниже),—самыя основныя условія выкупа крестьянами земли у помѣщиковъ оказались такими, что должны были отбить у крестьянъ послѣднюю охоту къ общинному владѣнію, если бы она еще и была у нихъ. При какихъ, въ самомъ дѣлѣ, условіяхъ выкупъ могъ бы вполнѣ и окончательно утвердить у крестьянъ общинное владѣніе? —Очевидно, только въ томъ случаѣ, если бы государство не взыскивало съ крестьянъ самой выкупной суммы, а постоянно брало бы съ нихъ одни проценты на нее въ видѣ вѣчнаго оброка, съ условіемъ вѣчнаго же пользованія этой землей, право владѣнія на которую осталось бы такимъ образомъ за государствомъ. Затѣмъ крестьяне получили бы возможность сами свободно выбрать между общиной и подворнымъ владѣніемъ, если бы имъ земля была предоставлена въ полную собственность и съ полнымъ правомъ оставить ее въ общинномъ или перейти къ подворному владѣнію, на томъ же условіи уплаты процентовъ съ выкупной суммы въ видѣ вѣчнаго оброка. На самомъ же дѣлѣ имѣли мѣсто совсѣмъ другія условія:

---

[1]) Такъ, напр., въ Вольскомъ у., Саратовской губ. „изъ 94 общинъ, по которымъ у насъ имѣются данныя, 74 общины стали разверстывать по ревизскимъ душамъ, и только въ 20 удѣлѣла старая разверсточная единица. Въ это же время и удѣльные крестьяне д. Багая перешли къ ревизской душѣ. Причиною такого перехода, было отчасти желаніе поскорѣе отдѣлаться отъ крѣпостныхъ порядковъ, а также и то, что помѣщичьи крестьяне надѣлялись землею не по тягламъ, а по ревизскимъ душамъ“. (См. „Сб. ст. св.“ по Вол. у., стр. 102).

крестьяне должны были всю выкупную сумму уплатить въ теченіе 49 лѣтъ, т.-е., значитъ, уплачивая каждый годъ проценты на нее и вмѣстѣ съ тѣмъ погашая ее. Такимъ образомъ, тяжесть выкупа не разложилась на всѣ настоящія и будущія поколѣнія крестьянъ равномѣрно, а всецѣло легла на одни первыя поколѣнія по-реформеннаго періода, которыя должны были буквально к у п и т ь землю, чтобъ затѣмъ потомки ихъ пользовались ею уже безъ всякихъ жертвъ. Ясно, что этимъ давался крестьянамъ сильнѣйшій индивидуалистическій стимулъ: здѣсь каждый хозяинъ, выкупая данное число надѣловъ, не обезпечиваетъ въ этой именно пропорціи землей свое потомство, а послѣднее получитъ, въ концѣ концовъ, послѣ выкупа только ту долю, которая будетъ зависѣть отъ общаго числа душъ въ общинѣ въ этотъ моментъ, т.-е. отъ совершенно посторонняго фактора,— степени быстроты размноженія разныхъ семей общины; такъ что при этомъ порядкѣ потомки семей, внесшихъ совершенно одинаковую долю выкупа въ выкупной періодъ, будутъ получать затѣмъ не такую же долю, а совсѣмъ другую.—тѣмъ бо́льшую, чѣмъ быстрѣе они будутъ разрастаться и тѣмъ меньшую, чѣмъ медленнѣе будетъ ихъ размноженіе [1]). Какому же общиннику охота выкупать землю не навѣрно для себя и своего потомства, а можетъ быть, для потомства чужихъ семей? Какъ могутъ совмѣстить они такое очевидное несоотвѣтствіе теперешнихъ обязательствъ съ будущими правами? Понятно, что каждая семья при такихъ условіяхъ должна скорѣе стремиться выкупить весь однажды отведенный ей надѣлъ въ свою полную собственность. И дѣйствительно, во множествѣ общинъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ сразу же по освобожденіи и полученіи надѣловъ и установилось такое выкупаніе надѣловъ въ подворную собственность, каковые случаи о ф и ц і а л ь н о еще пока остающагося о б щ и н н а г о, но ф а к т и ч е с к и уже у с т а н а в л и в а ю щ а г о с я п о д в о р н а г о владѣнія я называю с е м е й н о-в ы к у п н ы м ъ владѣніемъ.

Но въ другой половинѣ бывшихъ помѣщичьихъ общинъ,—какъ разъ въ той именно части ихъ, гдѣ указанныя условія дѣйствовали всего сильнѣй, гдѣ выкупъ былъ наиболѣе великъ и тяжелъ и и м е н н о б л а г о д а р я э т о м у,—такое подворное выкупаніе оказалось невозможнымъ: такъ было въ общинахъ, гдѣ эти платежи, вмѣстѣ съ другими, превышали арендную стоимость надѣла. Какое положеніе должно было установиться при этомъ условіи? Разъ взявъ въ разсчетъ на доходъ послѣ окончанія выкупа, этотъ надѣлъ, въ данный моментъ, являющійся по крестьянскому выраженію, не „кормителемъ“

[1]) Читателю можетъ показаться, что это положеніе неизбѣжно вообще при общинномъ землевладѣніи, но это совсѣмъ не такъ: если мы предполагаемъ не общинное в ы к у п а н і е земли, а полное уже в л а д ѣ н і е ею, или, что принципіально въ данномъ случаѣ равносильно,—вѣчное оброчное ею пользованіе (при владѣніи государственномъ) то тутъ возможенъ тотъ или иной в ѣ ч н ы й н а л о г ъ на землю, т.-е. значитъ, в с е г д а и в ъ к а ж д ы й д а н н ы й м о м е н т ъ каждая семья несетъ обязательства, совершенно пропорціональныя осуществляемому ею праву, и ни одна ничего не жертвуетъ другимъ.

а „разорителемъ“, и обязавшись платить за него выкупъ, крестьяне тѣмъ самымъ прикрѣпляли себя къ нему и не могли уже его бросить и, такъ сказать, „разбрестись розно“ (такіе случаи, впрочемъ, хоть и очень рѣдко, но бывали: напр., въ Московской губерніи безслѣдно разбрелись кое-гдѣ цѣлыя деревни), а должны были такъ или иначе выдержать выкупной періодъ, „вытянуть“ до конца это новое податное „тягло“, въ которое они попали сейчасъ по освобожденіи отъ крѣпостного „тягла“. Но понятно, что каждый хозяинъ долженъ въ такихъ общинахъ стремиться въ данный моментъ возможно меньше участвовать въ несеніи этого тягла, возможно меньше получить этихъ надѣловъ - „тяголъ“, надѣловъ - „разорителей“, перенося свой трудъ на болѣе дешевую внѣнадѣльную аренду и другіе земледѣльческіе заработки. Такимъ образомъ, въ этихъ общинахъ установилось вмѣсто борьбы за возможно большее надѣленіе землей, борьба противъ этого надѣленія. Эта-то борьба вызвала повсюду въ этихъ общинахъ весьма интенсивное передѣльное движеніе, имѣвшее цѣлью уравненіе не права владѣнія а обязанности выкупа и привела ихъ къ тѣмъ своеобразнымъ формамъ временнаго и всецѣло вынужденнаго условіями выкупа общиннаго владѣнія, которыя я называю общинно-выкупнымъ владѣніемъ.

Если чистыя общинно-передѣльныя формы совершенно не связаны принципіально съ установленной для общинъ круговой порукой для уплаты податей и не только могутъ существовать и безъ нея, но во множествѣ уѣздовъ и губерній и дѣйствительно существуютъ (т. к. въ нихъ круговая порука существуетъ лишь фиктивно, никогда или почти никогда не осуществляясь на практикѣ),—то въ общинно-выкупномъ владѣніи эта круговая порука является первымъ и основнымъ двигателемъ. Ибо безъ нея указанная внутри-общинная борьба противъ надѣла могла имѣть и чисто индивидуалистическій исходъ. Часть болѣе слабыхъ хозяевъ побросала бы свои надѣлы, не будучи въ силахъ ихъ оплачивать, а основная масса сравнительно сильныхъ семей удержала бы свои надѣлы за собой, и отсюда могло бы постепенно установиться такое же семейно-выкупное владѣніе, какъ и въ помѣщичьихъ общинахъ съ доходностью выше платежей. Но круговая порука, устанавливающая оплату всей общиной, всей принадлежащей ей земли и требующая, въ случаѣ недоимки на надѣлахъ отдѣльныхъ общинниковъ, уплаты ея остальными членами общины, очевидно, дѣлаетъ такое положеніе невозможнымъ: община въ лицѣ большинства хозяевъ не можетъ допускать недоимки и недоимщиковъ т. к. все равно должна будетъ платить за нихъ, хотя бы и вовсе не пользовавшись ихъ надѣломъ. Поэтому именно круговая порука заставляетъ общины съ платежами выше ихъ арендной цѣны распредѣлить землю такъ, чтобы ни на одномъ хозяинѣ не образовывалось недоимки, чтобъ каждый могъ, по выраженію крестьянъ Рязанск. у., и „соху осилить“, и „оправдать подати“,—т.-е. распредѣлять ее, иначе говоря, по рабочей и хозяйственной силѣ семей,— вообще по тому или иному производительному принципу. Только такимъ пу-

темъ вмѣстѣ съ надѣлами, распредѣляющимися по сильно—рабочимъ семьямъ, и платежи какъ бы перелагаются на рабочія силы семей, т.-е. на внѣнадѣльные заработки ихъ, всегда пропорціональные этимъ силамъ, только этимъ часть слабыхъ хозяйствъ спасается отъ полнаго упадка (неизбѣжнаго, при надѣленіи ихъ по числу ртовъ въ семьѣ и т. п.) и, значитъ, увеличивается число исправныхъ плательщиковъ, число „вытягивающихъ“ фискально-выкупную обязанность „тягольниковъ“, чѣмъ „тяга“ каждаго пропорціонально уменьшается [1])...

Благодаря этому, мы совершенно не находимъ при общинно-выкупномъ владѣніи того обширнаго разнообразія и оригинальности системъ разверстки, которое такъ характерно для свободной самоопредѣляющейся общинно-передѣльной формы. Повсюду, почти безъ исключенія, мы смѣло можемъ безъ риска ошибиться предсказать, что при превышеніи надѣльныхъ арендныхъ цѣнъ платежами непремѣнно найдемъ ту или иную форму производительной разверстки и обыкновенно именно тѣмъ болѣе крайнюю и типичную ея форму, чѣмъ сильнѣе это превышеніе. Вопросъ о вліяніи размѣровъ обложенія на общинно-передѣльную функцію будетъ еще детально мною разработанъ во II томѣ, пока же приведу нѣсколько такихъ сдѣланныхъ уже въ земской статистикѣ сопоставленій (ограничусь, при этомъ, въ виду ихъ однообразія, лишь нѣсколькими болѣе точными и новѣйшими данными). Напр. по 3 у.у. Саратовск. губ.:

---

[1]) Еще въ 79 г. В. П. Орловъ въ своей знаменитой работѣ по Московской губерніи чрезвычайно ясно и корректно разъяснилъ это. „Представимъ себѣ,—говоритъ онъ,—двѣ семьи, составъ которыхъ отличается другъ отъ друга только тѣмъ, что въ одной изъ нихъ два работника, а въ другой одинъ. Допустимъ, что для годового продовольствія какъ той, такъ и другой семьи требуется продуктовъ на 150 рублей. Предположимъ теперь, что обѣ эти семьи получили надѣлъ одинаковый, напримѣръ, на три души, и что каждый надѣлъ даетъ продуктовъ на 40 р. И та, и другая семья получаетъ, такимъ образомъ, отъ своего трехдушнаго надѣла продуктовъ на 120 руб. Слѣдовательно, для прокормленія каждой семьи слѣдуетъ добыть на сторонѣ по 30 р., да кромѣ того необходимо добыть всю сумму податей, лежащихъ на землѣ. Такъ какъ съ души въ среднемъ выводѣ сходитъ въ Московской губерніи около 12 р., то съ трехъ душъ должно выплатить податей 36 рублей, а всего каждая семья должна пріобрѣсти сторонними заработками 66 руб. въ годъ. Такую сумму для первой семьи, при двухъ работникахъ, заработать вдвое легче, чѣмъ для второй семьи при одномъ работникѣ; мало того, одинъ работникъ, занимаясь хлѣбопашествомъ, не имѣетъ возможности выработать въ свободное отъ полевыхъ занятій время этой суммы, и потому по необходимости накопитъ недоимки, для погашенія которыхъ принужденъ будетъ продать часть своего имущества; эта продажа повлечетъ за собою сокращеніе оборотныхъ средствъ въ хозяйствѣ, за которымъ, очевидно, послѣдуетъ меньшая доходность его и затѣмъ постепенно полная невозможность самостоятельнаго хозяйства, обращеніе надѣла въ пустырь, продажа послѣдняго имущества и окончательный переходъ въ разрядъ наемныхъ рабочихъ съ неоплатными недоимками. Такъ дѣйствительно и бываетъ въ тѣхъ (очень рѣдкихъ) обществахъ, которыя сохраняютъ подушную непроизводительную разверстку въ собственномъ смыслѣ при отсутствіи для ея существованія благопріятныхъ условій“. (См. „Сб. ст. св. по Московской губ.“, т. IV, в. 1, стр. 10).

Приходится руб. и коп. платежей на 1 дес. надѣла:

	Въ общинахъ съ разверсткой „наличной“ т.-е. общинно-передѣльной потребительнаго типа.	Съ разверсткой ревизской (т.-е. безпередѣльной).	Съ разверсткой „тягловой“, т.-е. именно производительной.
Камышинскій уѣздъ. .	1,26	1,49	1,98
Кузнецкій уѣздъ. . . .	1,79	1,99	2,32
Балашевскій уѣздъ . .	1,58	2,01	2,88 [1])

Какъ видимъ, повсюду производительная разверстка съ полнѣйшей правильностью устанавливается именно при наивысшихъ платежахъ (что тутъ доходность часто не окупается платежами, т.-е., что,

% общинъ съ разверсткой по производительному принципу.

		Въ районѣ съ высшимъ по доходности надѣломъ.	Въ районѣ съ низшимъ по доходности надѣломъ.
Тверской губерніи. Калязинск. у.	Среди государствен. крестьянъ.	22,0	76,4
	Среди помѣщичьихъ крестьянъ.	27,6	76,5
Зубцовскій у.	Среди государствен. крестьянъ.	18,6	64,3
	Среди помѣщичьихъ крестьянъ.	20,4	81,2 [2])

[1]) См. „Сб. ст. св. по Саратовской губ.“ т. XI, стр. 161. Кузнецкій у. стр. 123 и Балашовскій у., в. II, стр. 130.

[2]) См. „См. ст. св.“ по Калязинскому уѣзду стр. 77 и по Зубцовскому уѣзду стр. 107.

значитъ, разверстка эта имѣетъ именно общинно-выкупной характеръ, это положительно выясняется въ статьяхъ объ общинѣ по этимъ у.у.). Можемъ привести и болѣе прямо выражающее эту же зависимость обратное сопоставленіе: (см. таб. 2, стр. 276).

Тутъ мы уже прямо видимъ, что именно низшая доходность надѣла (по сравненію съ платежами) необходимо вынуждаетъ производительную систему разверстки. При этомъ мы видимъ, что результатъ этотъ одинаково получается для обоихъ основныхъ разрядовъ крестьянъ,—бывшихъ государственныхъ и помѣщичьихъ (выше для Саратовской губ. они взяты были оба вмѣстѣ), такъ что вліяніе прошлой традиціи и современныхъ условій, весьма различныхъ у этихъ группъ, не можетъ затемнять вліянія этого основного фактора — отношенія между платежами и доходностью. Такой же результатъ даетъ подобное же сопоставленіе по Семеновскому уѣзду Нижегородск. губ.: здѣсь въ южной лучшей половинѣ уѣзда, гдѣ надѣлъ скорѣе — „кормитель“, чѣмъ „разоритель“, разверстки по рабочей силѣ придерживаются всего 5,9% общинъ, а въ сѣверной половинѣ, гдѣ платежи чаще всего выше доходности.—66,8% общинъ распредѣляютъ землю по производительному принципу [1]). И т. д. и т. д.

Настолько же, какъ и принципъ разверстки, предопредѣляется при платежахъ, превышающихъ доходность, и самая форма общинно-передѣльной функціи: объемъ и сроки передѣловъ. При свободныхъ общинно-передѣльныхъ формахъ (т.-е. при надѣлѣ, окупающемъ платежи) они опять-таки могутъ быть весьма разнообразны, т. к. они приспособляются къ разнымъ условіямъ,—напр. при унаваживаніи и вообще интенсивныхъ системахъ бываютъ рѣже, при болѣе экстенсивныхъ чаще, въ крупныхъ (по числу семей) общинахъ они, обыкновенно бываютъ рѣдкими, но за то общими, въ мелкихъ же чаще всего — частными, но за то частыми; могутъ они, наконецъ, болѣе или менѣе долгое время и вовсе не быть, въ зависимости отъ темпа развитія неравномѣрности въ распредѣленіи земли (обусловливаемаго общими размѣрами естественнаго прироста населенія и т. д.), отъ преобладанія въ общинѣ той или другой партіи общинниковъ, отъ степени сознательности ихъ, знанія ими своихъ правъ и т. д. и т. д. Но при общинно-выкупномъ владѣніи всѣ эти условія отступаютъ на второй планъ, и общины не могутъ сообразоваться съ ними, т. к. они заслоняются первой и постоянной задачей: не допускать развитія недоимки. „Маломочный“ не можетъ ждать болѣе или менѣе долго, пока въ общинѣ образуется большинство за общій передѣлъ, какъ могъ бы ждать при надѣлѣ-„кормителѣ“, когда при недостаточномъ надѣлѣ онъ только терпитъ недостатокъ, т.-е. имѣетъ лишь слишкомъ малый плюсъ отъ надѣла: теперь онъ, принужденный работать на надѣлѣ вмѣсто болѣе выгоднаго внѣна-

[1]) Вообще въ этой статьѣ г. Плотникова по Семеновскому уѣзду Нижегородской губ. данъ особенно интересный анализъ вліянія платежей, почвы, промысловъ и другихъ факторовъ на системы разверстки. (См. стр. 157—165 и таблица послѣ 176 стр.).

дѣльнаго заработка, имѣетъ прямо минусъ отъ чрезмѣрнаго надѣла—„разорителя“, могущаго его буквально (по крестьянскому выраженію Рязанской, Саратовской и др. г.г.) „задавить“ накопляющейся на немъ недоимкой. И община не можетъ не видѣть этой опасности, не можетъ не слѣдить постоянно и неукоснительно, чтобъ надѣлъ-„разоритель“ все время былъ строго по силамъ каждой семьѣ,—а то вѣдь,—говорятъ крестьяне (по Рязанскому уѣзду)—„и самого богатѣя задавишь“...

Такимъ образомъ, при надѣлѣ, не окупающемъ платежей, во-первыхъ, передѣловъ не можетъ не быть и, во-вторыхъ, они обыкновенно должны быть частными и частыми. Для доказательства второго правила у меня сейчасъ нѣтъ подъ руками готовыхъ данныхъ, но его смѣло можно констатировать глазомѣрно: по цѣлому ряду уѣздовъ наиболѣе типичныхъ для общинно-выкупного владѣнія губерній (какъ, напр., Московская, Тверская и т. п.) почти сплошное общее правило представляютъ такъ называемыя „свалки—навалки“ надѣловъ, т.-е. „свалки“ ихъ со слабыхъ и принудительныя „навалки“ на сильныхъ, являющіяся какъ бы безпрерывными частными перепряжками въ выкупномъ тяглѣ на мѣсто ослабѣвшихъ и падающихъ болѣе сильныхъ „тяглецовъ“ [1])... Неизбѣжность же передѣловъ вообще при платежахъ выше доходности ярко рисуется слѣдующими, напр., цифрами. В. Н. Григорьевъ разбилъ всѣ общины Рязанскаго уѣзда на четыре группы, сообразно съ разными комбинаціями платежей и доходности надѣловъ: къ первой и второй группамъ отнесены общины, въ которыхъ почти всѣ домохозяева добиваются получить возможно больше надѣльной земли; но въ первой группѣ арендная цѣна надѣла равна или выше лежащихъ на немъ платежей, во второй надѣлъ сдается за нѣсколько низшую цѣну. Въ 3-й и 4-й группахъ арендная цѣна надѣла значительно ниже всѣхъ податей и повинностей, съ нимъ связанныхъ, но въ 3-й группѣ еще нѣкоторые болѣе достаточные домохозяева берутъ землю безъ принужденія, въ 4-й же—происходитъ сплошная навалка земли силой,—здѣсь каждый старается отбиться отъ земли, чрезмѣрно обремененной платежами. И вотъ съ удивительной правильностью мы находимъ, что въ 1-ой группѣ совершили передѣлы къ 81 г. (время изслѣдованія) всего 7,5% общинъ, во второй—18,5%, въ третьей уже, какъ и слѣдовало ожидать, 86,2% и, наконецъ, въ четвертой группѣ—100% [2]). Сопоставленія, сдѣланныя затѣмъ по этому же образцу г. Личковымъ по Саратовскому и Царицынскому у.у. Саратовской губ. дали почти такую же правильность; здѣсь % дѣлившихъ общинъ:

---

[1]) См. напр., объ этомъ главу о частныхъ передѣлахъ (стр. 108—133) въ упомянутой уже работѣ г. В. И. Орлова, вообще давшей больше всего именно для характеристики общинно-выкупного владѣнія.

[2]) См. „Сб. ст. св. по Рязанской г.“ Ряз. у., статья г. Григорьева, стр. 20—25.

въ группѣ общинъ съ арендной цѣной надѣла, равной или выше платежей:	съ арендной цѣной ниже платежей.	
	гдѣ надѣломъ еще дорожитъ большинство:	гдѣ надѣломъ большинство не дорожитъ:
Царицынскія у. 50,0	92,3	83,3 [1])
Саратовскій у. 48,6	84,0	93,0 [2]). И т. д.

Итакъ, изъ сказаннаго вытекаетъ достаточно точное опредѣленіе того, что я понимаю подъ общинно-выкупнымъ владѣніемъ. Къ нему я отношу всѣ тѣ случаи, когда платежи превышаютъ доходность, когда въ общинахъ поэтому идетъ борьба противъ земли и онѣ вынуждены насильно надѣлять своихъ членовъ землей, при чемъ не могутъ перераспредѣлять ее иначе, какъ только по производительному принципу и путемъ частыхъ частныхъ (и общихъ) передѣловъ. Этотъ элементъ внѣшней вынужденности мы можемъ прослѣдить и при разсмотрѣніи отдѣльныхъ разновидностей этихъ общинно-выкупныхъ производительныхъ разверстокъ, къ которымъ теперь и обратимся.

§ 2.

Какъ уже упомянуто, огромное большинство помѣщичьихъ крестьянъ оставили при освобожденіи и полученіи надѣла практиковавшуюся при крѣпостномъ правѣ „тягловую“ разверстку и распредѣлили надѣлъ именно такъ, какъ его получили,—по всѣмъ ревизскимъ душамъ, т.-е. вся земля разбивалась на такое число участковъ, сколько въ общинѣ было ревизскихъ мужскихъ душъ, и каждая семья получала столько такихъ участковъ, сколько въ ней было этихъ душъ (поступили такъ крестьяне, какъ указано, частью потому, что спѣшили сбросить съ себя самую эту форму „тягла“, главнымъ же образомъ потому, что приняли ревизское надѣленіе за обязательное для себя). Но сейчасъ же въ значительной части помѣщичьихъ общинъ,—едва ли не въ бо́льшей половинѣ ихъ,—обнаружилось, что надѣлъ въ большей или меньшей степени не „окупаетъ платежей“ „что онъ въ данный моментъ не „кормитель“ а „разоритель“ и что поэтому ревизская разверстка, бывшая тогда потребительной разверсткой по всѣмъ мужскимъ душамъ за выключеніемъ лишь самыхъ младшихъ возрастовъ (ревизія была въ 58 г., а полученіе надѣла въ 61 г., 62, 63 и т. п. г.г.), представляетъ опасность, какъ для слаборабочихъ—многосемейныхъ хозяевъ, такъ и, въ ихъ лицѣ, какъ недоимщиковъ, для всей общины. Поэтому повсюду въ такихъ общинахъ вскорѣ же началось возвраще-

---

[1]) Это уклоненіе можно объяснить указываемымъ г-номъ Личковымъ недостаточнымъ абсолютнымъ числомъ общинъ, вошедшихъ въ сопоставленія по Царицынскому уѣзду.

[2]) См. „Сб. ст. св.“ по Саратовскому уѣзду, стр. 46, 47 и по Царицынскому уѣзду стр. 24, 25.

ніе къ разнымъ видамъ производительныхъ разверстокъ, приспособленныхъ къ несенію этого новаго выкупнаго тягла. Среди нихъ можно различить два основныхъ вида: 1) формальныя и ариѳметически правильныя распредѣленія по тѣмъ или инымъ категоріямъ рабочихъ душъ и 2)—общія и смѣшанныя, комбинирующія разные кромѣ того признаки, не только объективные, но и субъективные (въ видѣ, напр., „желанія“, „согласія“, самихъ хозяевъ и т. п.). Разсмотримъ сначала первыя, а потомъ вторыя формы.

а. Наиболѣе крайней и рѣзкой общинно-выкупной формой является возобновленная крѣпостная разверстка „по тягламъ“. У помѣщичьихъ крестьянъ при крѣпостномъ правѣ каждый мужчина со вступленія въ бракъ и, такъ сказать, до выхода въ бракъ за старостью, т.-е. собственно каждая полнорабочая пара, называвшаяся „вѣнцомъ“, „гнѣздомъ“ и т. п.—составляла „тягло“: обязывалась опредѣленнымъ количествомъ работы на помѣщика (или оброкомъ) и за то надѣлялась извѣстнымъ количествомъ земли. Въ чистомъ видѣ такая разверстка сохранилась съ самаго крѣпостного права лишь въ ничтожномъ числѣ общинъ и благодаря случайнымъ обстоятельствахъ: мелкости общины, допускающей уравнительное распредѣленіе путемъ частныхъ компромиссовъ между отдѣльными хозяевами безъ измѣненія основанія разверстки, или крайней незначительности надѣла, при которомъ надѣлы слишкомъ размельчались бы, если бъ ихъ нарѣзать на всѣ мужскія души и т. п.

Но затѣмъ, послѣ неудачной пробы ревизской разверстки, уже довольно многія общины увидѣли себя вынужденными возвратиться къ тягловой разверсткѣ, какъ самой точной и уже испытанной рабочей запряжкѣ. И вотъ, снова стали „наваливать“ надѣлы—тягла „по господскому заведенію“ примѣрно такъ: на рабочія пары (на парней съ 18—20 лѣтъ, когда они женятся)—полное тягло, которое они тянутъ до 55—60 лѣтъ, — потомъ лѣтъ 5—10 тянутъ полъ-тягла, потомъ совсѣмъ освобождаются отъ надѣла-„разорителя; на мальчиковъ тоже налагаютъ съ 12 примѣрно лѣтъ $^1/_4$ тягла, съ 15—полъ-тягла и т. п. [1]). Въ иныхъ мѣстностяхъ эта разверстка проводится строго [2]), наваливаютъ на холостыхъ 1 тягло, а на женатыхъ, положимъ, $1^1/_2$ тягла, въ иныхъ уже нѣтъ тягольной разверстки въ собственномъ смыслѣ, и единицами разверстки являются всѣ сколько, нибудь рабочеспособныя мужскія души съ 10—12, 15, 18 и до

---

[1]) Такой порядокъ описанъ, напр., для нѣкоторыхъ волостей Семеновскаго уѣзда Нижегородской губ., см. „Мат. по оцѣнкѣ зем. Нижегор. губ.“ т. XI. экон. ч. стр. 151.

[2]) Въ Калязинскомъ, напр. уѣзд. Тверской губ. при крѣпостномъ правѣ полнымъ тягломъ считался достигшій рабочаго возраста и женившійся; таково понятіе полнаго тягла и въ настоящее время: подростокъ холостой, вдовый и вышедшій изъ рабочаго возраста, но не потерявшій платежной способности, считается $^1/_2$ тягла. Но иногда полное тягло несетъ и холостой, отбывшій воинскую повинность; такъ принято въ д. Великій Дворъ, а въ д. Ноговицынѣ и женившійся, но не отбывшій воинской повинности, считается за $^1/_2$ тягла „Сб. ст. свѣд.“ по Каляз. у. стр, 74.

55—60 лѣтъ. Такая система, обыкновенно называемая въ земско-статистической литературѣ „дробной разверсткой тяголъ“, еще въ 80-ые годы встрѣчалась довольно часто [1]).

Повидимому, эта система устанавливалась тамъ и тогда, гдѣ и когда тягло было особенно тяжело, гдѣ платежи особенно значительно превышали арендную стоимость надѣла. Чѣмъ производительность земли ниже,—говоритъ г. Недзялковскій въ сборникѣ по Кашинскому у. Твер. г.,—тѣмъ понятіе работника (онъ „дробную разверстку тяголъ“ называетъ раскладкой по работникамъ) — шире. [2]). Не только въ тѣхъ общинахъ въ данный моментъ разверстка тяголъ дробнѣе, гдѣ надѣлъ болѣе является „разорителемъ“, но и въ одной и той же общинѣ въ измѣненіяхъ во времени можно прослѣдить то же соотвѣтствіе. Напримѣръ, крестьяне деревни Галаховой Зубцов. уѣзда, при выходѣ на волю, поспѣшили разверстать землю по ревизскимъ душамъ: но черезъ 3 года принуждены были передѣлиться по тягламъ: на холостого давали 1 душу, на женатаго $^1/_2$ души: однако, тягло оказалось такимъ тяжелымъ, что черезъ три года потребовалась новая, если можно такъ выразиться, перепряжка рабочихъ силъ общины: передѣлили такъ, чтобъ приходилось по $^1/_2$ тягла на подростка и 1 тягло на взрослаго. [3]).

До какой точности доходитъ эта равномѣрность при впряганіи рабочей силы въ тягло, это, напр., показываютъ такого рода случаи, когда въ мѣстности съ распространенными домашними промыслами (въ Калязинскомъ уѣздѣ Тверской губерніи), которыми занимаются мальчики-подростки, налагаютъ именно въ виду этого дроби тягла на этихъ подростковъ; иногда налагаютъ именно на однихъ лишь добывающихъ что-нибудь отъ этого промысла, а остальныхъ освобождаютъ. Интересно также, насколько точно взвѣшивается рабочая сила: напр., крестьянинъ Михаилъ Ѳедоровъ с. Ивановскаго просилъ міръ снять съ него одну изъ 4-хъ наложенныхъ на него душъ, такъ какъ она наложена на его сына, признаннаго врачемъ къ труду неспособнымъ; сходъ „находя сына его Петра способнымъ къ труду, хоть онъ имѣетъ на ногѣ боль, которая ему работать не

---

[1]) Такъ напр. „Въ селѣ Симоновкѣ (Аткарскаго уѣз.) землю начинаютъ накладывать съ 11 лѣтъ, при чемъ на подростковъ 11—12 лѣтъ даютъ $^1/_4$ души, 13—14 лѣтъ $^1/_2$ души, 15—16 лѣтъ $^3/_4$ души, 17 лѣтъ $1^1/_4$ души, съ 18 до 56 лѣтъ $1^1/_2$ души, съ 57 до 58 лѣтъ—$1^1/_4$ души, съ 59—60 лѣтъ—1 душу, съ 60—64 лѣтъ $^3/_4$ души, съ 65—69 лѣтъ $^1/_2$ души съ 70—75 лѣтъ $^1/_4$ души“. См. „Сб. ст. св. по Сарат. г.“, т. VI, в. 2, стр. 181. Или, напр., въ Моск. губ. въ концѣ 70-хъ г.г. въ 250 общинахъ наблюдена такого рода разверстка, какъ напр. въ С. Кабановскомъ (Богород. у.) съ 10 лѣтъ $^1/_2$ души, съ 14—душа, съ 19—$1^1/_2$ (полный надѣлъ); съ 55 л. „складывается“ $^1/_2$ души, съ 60 л. 1 душа, а съ 70 л.—„съ тягла долой“. См. Сб. ст. св. по Моск., т. IV, в. I, ст. 16.) и т. д., и т. д.

[2]) „Сбор. ст. свѣд.“ по Тверской губ. т. X, Кашинскій у. ст. 38.

[3]) „Сб. ст. св. по Тверской губ. Зубцов. уѣздъ, стр. 104. Также, напр., во Владимірской губ.“ чѣмъ меньше крестьяне дорожатъ землею и чѣмъ болѣе у нихъ промысловаго заработка, тѣмъ продолжительнѣй считается рабочій возрастъ: онъ начинается не съ 18, а съ 15 и кончается 60 годами, а не 55“. (См. „Мат. под. инсп.“, в. II, стр. 49). И т. д.

препятствуетъ, постановилъ: наложенной душою владѣть (какой насмѣшкой звучитъ здѣсь слово „владѣть!“) просителю...“ [1]). Такова непреклонность, систематичность и уравнительность въ запряжкѣ въ тягло рабочихъ силъ общины при наиболѣе типичныхъ формахъ общинно-выкупного владѣнія...

Выше въ обрисованныхъ формахъ тягловой разверстки мы уже видѣли примѣры простой разверстки „по рабочимъ или по работникамъ“, „по братамъ“ (въ Московск. губ.) исключительно мужского пола (что, впрочемъ, фактически обыкновенно совпадаетъ съ по-тягольной, такъ какъ съ рабочаго 18 — 20 лѣтняго возраста у крестьянъ мужчина всегда почти женатъ), которая отличается отъ дробной разверстки „тяголъ“ менѣе точнымъ учетомъ рабочихъ силъ семьи и, значитъ, менѣе строгимъ соотвѣтствіемъ ихъ надѣленія. Это распредѣленіе по „работникамъ“ вообще весьма распространено, — при общинно-выкупномъ владѣніи замѣтно распространеннѣе, чѣмъ чистая крѣпостного типа тягловая разверстка. Особыхъ поясненій и примѣровъ для этой разновидности уже теперь не требуется, такъ какъ мы достаточно привели ихъ при объясненіи производительныхъ разверстокъ общинно-передѣльнаго владѣнія: ясно, что по внѣшней формѣ рабочая разверстка и при общинно-выкупномъ владѣніи совершенно одинакова. Что же касается ея значенія и примѣненія, то нужно указать, что, въ соотвѣтствіе съ указаннымъ менѣе точнымъ рабочимъ ея характеромъ, она устанавливается, повидимому, преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда платежи, хотя и превышаютъ доходность, но не такъ уже сильно, и поэтому нѣтъ надобности въ строжайшемъ привлеченіи въ „тягло“ всѣхъ не только рабочихъ, но и полурабочихъ силъ общины. Такимъ образомъ, если тягловая разверстка возникала чаще всего уже черезъ годъ, два, три и при томъ сразу въ самой строгой формѣ послѣ первоначально принятой при полученіи надѣла ревизской разверстки, то распредѣленіе по работникамъ устанавливалось медленнѣе и постепеннѣе. Такъ напр., въ с. Георгіевскомъ Славяносерб. у. „крестьяне послѣ воли лѣтъ одиннадцать владѣли землею „по ревизскимъ душамъ“; потомъ стали накопляться недоимки на маломощныхъ семьяхъ, въ виду чего и подѣлили землю, по работникамъ,—чтобы аккуратнѣе плата шла“ [2]), и т. д. Необходимо, наконецъ, указать, что опять-таки въ соотвѣтствіи со сказаннымъ разверстка по мужскимъ работникамъ не только весьма часта у помѣщичьихъ крестьянъ, но и представляетъ наиболѣе обычную общинно-выкупную форму у государственныхъ: у послѣднихъ, хотя тоже въ довольно замѣтномъ меньшинствѣ случаевъ, былъ періодъ превышенія платежами доходности, но это превышеніе не было такимъ острымъ, какъ у помѣщичьихъ; къ тому же государственнымъ всего прямѣе и логичнѣе было принять рабоче-мужскую разверстку,

---

[1]) „Сб. ст. св. по Тверской губ.“ т. VII, Зубцов. у. ст. 101-я.
[2]) См. „Сб. ст. св.“ по Славян. у. стр. 71.

какъ непосредственно вытекающую изъ нихъ традиціоннаго потребительно-мужского распредѣленія... [1]).

Благодаря этой постепенности, очень часто встрѣчается при общинно-выкупномъ владѣніи полу-ревизская, полу-рабочая разверстка, аналогирующая съ ревизско-наличной разверсткой общинно-передѣльнаго владѣнія. Какъ послѣдняя только постепенно, безпрерывнымъ рядомъ частныхъ передѣловъ, приближаетъ ревизскую разверстку къ потребительной, такъ первая тоже лишь мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ вынуждаетъ къ тому необходимость, путемъ „свалокъ-навалокъ" переводитъ „надѣлы-тягла" съ малосильныхъ ревизскихъ душъ на ревизскія или не-ревизскія безразлично, но непремѣнно полныя рабочія души. Такъ, напр., въ Вольскомъ у. (Саратовской губерніи) къ 1885 году общинъ, разверстывающихъ по работникамъ, было 48. Кромѣ этихъ 48 общинъ, принявшихъ за разверсточную единицу работника, есть еще 23 общины, въ которыхъ единицей остается и теперь ревизская душа, хотя фактически, путемъ свалки душъ со стариковъ, солдатъ, вдовъ и т. д. и навалки ихъ на подростковъ, онѣ уже вполнѣ перешли къ разверсткѣ по „работникамъ" [2]). То же и въ Кузнецкомъ уѣздѣ (Саратовской губерніи) и во мн. др... Къ тому же типу относится и вообще очерченная уже разверстка по наличнымъ ревизскимъ душамъ: при ней часть слабыхъ семей разбрелась и либо сама бросила надѣлы, либо за недоимочность пришлось ихъ снять съ нихъ,—понятно, что эти брошенные и „повисшіе на міру" надѣлы пришлось разверстать между остальными болѣе сильнорабочими семьями именно по числу работниковъ въ нихъ [3])... Такимъ

---

[1]) Иногда, впрочемъ, у государственныхъ крестьянъ бывали даже еще въ дореформенный періодъ общинно-выкупныя формы производительной разверстки. Такъ, напр., по Осташковскому уѣзду Тверской губ. крестьяне нѣсколькихъ общинъ разсказали, что хотя „при ревизіяхъ землю обыкновенно разверстывали по ревизскимъ душамъ, но, по причинѣ несоотвѣтствія ревизскаго надѣла съ рабочей и платежной силой семьи, происходили свалки и навалки принудительнаго характера по рабочей и платежной силѣ" (См. „Сб. ст. св." по Тверской губ. т. XII, в. I стр. 56—57).

[2]) См. „Сб. ст. св." по Вольскому уѣзду стр. 100.

[3]) Такъ, напр., въ Шумошской волости Рязанскаго уѣзда „земля была послѣ воли раздѣлена по ревизскимъ душамъ; во многихъ общинахъ при малой доходности своей, земля эта легла слишкомъ большою тяжестью на малосильныя семьи съ большимъ числомъ ревизскихъ душъ, и онѣ вовсе обѣдняли, не въ силахъ стали не только оплатить, но и обрабатывать своего надѣла, бросали его „на міръ", обществу приходилось разравнивать эту „повисшую на міру" землю между оставшимися домохозяевами; произошло нѣсколько передѣловъ на все уменьшающееся число душъ, распредѣленныхъ между семьями, сообразно ихъ имущественной силѣ. Теперь нѣкоторыя изъ этихъ общинъ практикуютъ уже правильную свалку и навалку, перешли къ потягольной системѣ разверстки". (См. „Сб. ст. св." по Рязанской губ. т. I, статья объ общинѣ стр. 10).—Или, напр., въ д. Яблонька-Шома Зубцовскаго у. Тверской губ. къ 84 г. „осталось за стѣною" (т.-е. не распредѣленными на наличныхъ хозяевъ) 16 упалыхъ душъ: большая часть этой земли была „вымотана лѣномъ (отсутствующіе сдавали ее въ аренду подъ ленъ): „онъ въ Москвѣ живетъ, оброку не присылаетъ, землю мотаетъ, а ты за него отдувайся, да обществомъ плати!" Благодаря этому, вмѣстѣ съ другими причинами, и рѣшили подѣлить землю" (См. „Сб. ст. св." по Тв. г. т. VIII, стр. 110).

образомъ, разъ надѣлъ былъ „разорителемъ“, то хотя бы общины сами сначала и разверстали его по потребительной ревизской разверсткѣ и не произвели затѣмъ формальнаго и общаго передѣла по рабочимъ душамъ,— все равно эта разверстка получалась сама собой, такъ какъ слаборабочія семьи самовольно вырывались изъ надѣлатягла, и волей не волей „міръ“ долженъ былъ мало-по-малу вводить уравнительно рабочую перепряжку между „выстоявшими“ „тяглецами“.

b. Уже въ обрисованныхъ разновидностяхъ разверстки по рабочей силѣ семей читатель могъ замѣтить изрѣдка и другіе критеріи, какъ, напр., особые доходы семьи отъ промысловъ и т. п. Въ весьма значительномъ количествѣ случаевъ эти коррективы играютъ и болѣе видную роль и стоятъ рядомъ съ подушно-рабочимъ критеріемъ, и часто даже и заслоняютъ послѣдній. Всѣ эти коррективы стремятся прямѣе и детальнѣе уловить ту же самую экономическую силу семьи, которую стремится выразить, только слишкомъ формально и грубо, и разверстка по числу рабочихъ въ семьѣ. Мы ужъ видѣли примѣръ, что община не довольствуется однимъ голымъ исчисленіемъ числа рабочихъ разнаго возраста, а входитъ въ разсмотрѣніе того, дѣйствительно ли они работоспособны и въ какой именно степени, и очевидно, какъ важны послѣдніе вопросы: рабочій можетъ быть сильнымъ или слабосильнымъ, здоровымъ или больнымъ, работящимъ или лѣнтяемъ, трезвымъ или пьяницей, умѣлымъ и интеллигентнымъ или тупымъ и инертнымъ; важно и то, насколько вся семья дружно живетъ и работаетъ и т. д. и т. д.; затѣмъ хозяйственная сила семьи опредѣляется не только человѣческой ея рабочей силой, но и ея капиталомъ: прежде всего количествомъ рабочаго (а иногда и другого, напр., молочнаго) скота, исправностью мертваго инвентаря, иногда существованіемъ собственной купленной или арендованной внѣ-надѣльной земли, запасомъ денегъ или хлѣба, и т. д.; наконецъ, такъ какъ общинно-выкупное владѣніе господствуетъ почти исключительно въ мѣстностяхъ промышленныхъ, то крайне важнымъ критеріемъ для опредѣленія хозяйственной силы семьи являются внѣземледѣльческіе заработки,— кустарные промыслы и всевозможные виды наемнаго труда отъ фабрично-заводскаго до чернорабочаго, найма въ прислугу и т. д. Ясно, что уровень хозяйственной силы каждой семьи въ каждый данный моментъ представляетъ равнодѣйствующую всѣхъ этихъ условій,— а не производную одного только перваго условія (размѣра рабочихъ силъ), съ которымъ она совпадаетъ только въ большинствѣ случаевъ, но не всегда. Поэтому и возникаютъ во множествѣ случаевъ общинно-выкупного владѣнія разверстки, стремящіяся точно индивидуализировать эту хозяйственную силу дворовъ,— разверстки, такъ и называемыя крестьянами, и изслѣдователями: по „экономической“, „хозяйственной“, „имущественной“, „платежной“ силѣ „или просто по силѣ“, „по общей силѣ“ семей, по ихъ „заможности“, „состоятельности“ „хозяйственности“ и т. д.

Привожу нѣсколько примѣровъ для болѣе конкретнаго обрисованія

этой едва ли не наиболѣе типичной разновидности общинно-выкупного владѣнія. Въ Новоладожскомъ у. Петербургской губерніи при „свалкахъ-навалкахъ" по рабочимъ „предѣлы рабочаго возраста сплошь и рядомъ нарушаются, въ силу соображеній платежнаго характера: наваливаютъ на 15-ти лѣтнихъ и даже на „малыхъ", въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ, какъ выражались крестьяне, оказывается „неурожай на мужиковъ", принимая во вниманіе зажиточность семьи. Такимъ образомъ, наряду съ лѣтами не менѣе, повидимому, важную роль играетъ и „стоимость человѣка" (какъ выражались крестьяне въ д. Пучинѣ), его платежная способность". Тутъ же, Въ Глажевской волости „пользуются землей, кто сколько можетъ „утянуть", у кого больше скота, тотъ и земли больше держитъ, кто больше можетъ оплатить земли, на того больше наваливаютъ, а у кого нѣтъ скота, кто не въ состояніи платить повинности, у того отбираютъ землю (земля тутъ скорѣе въ тягость, такъ какъ нерѣдко сдающему свой надѣлъ приходится платить „подтяжку", т.-е. доплату, равняющуюся половинѣ платежей съ души)". Въ с. Чернецкомъ (того же уѣзда) крестьяне говорили, что „зажиточнымъ даютъ надѣлы на малолѣтнихъ, а бѣднымъ не даютъ и на взрослыхъ, якобы потому, что они не въ силахъ оплатить и обработать землю; тутъ же замѣчали, что кто пограмотнѣе, тотъ и больше земли себѣ отъ общества беретъ" [1]). Въ Кашинскомъ уѣздѣ Тверской губерніи „сообразуются не только съ рабочею силою семьи, но и съ ея состоятельностью до „приноса со стороны" (съ отхожихъ заработковъ) включительно" [2]). „Въ нѣкоторыхъ общинахъ Угличскаго, Мологскаго, Ярославскаго и Пошехонск. у.у. (Ярославской губерніи) при разверсткѣ земли принимается въ соображеніе имущественная состоятельность двора, выражающаяся въ числѣ рогатаго скота или въ доходности мѣстныхъ кустарныхъ и отхожихъ промысловъ"...[3]). И т. д.

Эта разверстка по хозяйственной силѣ практикуется, какъ въ тѣхъ общинахъ, гдѣ подати значительно превышаютъ доходность, гдѣ крестьянинъ платитъ ихъ „съ пуста" и добываетъ на нихъ внѣ надѣла, часто уходя на сторону и оставляя землю на руки женщинамъ (все же не даромъ сидитъ, все же есть у чего со скуки повозиться"), — такъ и въ общинахъ, гдѣ разница эта не такъ велика или даже гдѣ она почти исчезаетъ. Сообразно съ этимъ, если въ первыхъ случаяхъ всѣ „отпихиваютъ" отъ себя землю, то во-вторыхъ она уже тяжела больше лишь для слабыхъ, а не для сильныхъ дворовъ; такимъ образомъ, въ первыхъ случаяхъ наваливаютъ землю рѣзко принудительно — „силкомъ", „съ усильемъ", — въ послѣднихъ она распредѣляется почти сама собой, почти добровольно. Отъ перваго ко второму положенію ведетъ и въ пространствѣ, и во времени длинный

---

[1]) „Мат. по стат. хозяйства Петерб. губ.", вып. VIII, ч. II, стр. 72, 70 и 75.
[2]) См. „Сб. ст. св." Тверской губ., т. X, стр. 38.
[3]) См. „Мат. под. инст.", в. II, стр. 65.

рядъ тонкихъ переходовъ. Беру, напр., три подрядъ приведенные примѣра этой разверстки по Зубцовскому уѣзду (Тверской губерніи): „въ деревнѣ Лукьяновѣ разверстка по хозяйственной силѣ ведется съ самой ревизіи; крестьяне прежде землею не дорожили, и тяготившіеся ею ее бросали; міръ снималъ съ слабосильныхъ и наваливалъ на болѣе сильныя хозяйства. На несогласіе міръ не обращалъ вниманія и принуждалъ держать землю всѣхъ тѣхъ, кто былъ въ состояніи ее обрабатывать и платить подати". „Въ деревнѣ Кучинѣ при разверсткѣ по силѣ упалыя и выморочныя души давались желающимъ, кто бы они ни были, хозяйственные крестьяне или нѣтъ; если же не оказывалось желающихъ, то міръ наваливалъ насильно на тѣхъ, кто „посильнѣе", (больше работниковъ и скота) или позажиточнѣе, въ послѣднемъ случаѣ хотя бы былъ одиночка (т.-е. съ 1 работникомъ)". Наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда землею не особенно дорожили, но она не была и бременемъ,—„земля не завидна, а кормиться можно, о харчахъ не думаешь" (деревня Зубарево),—участіе міра выражалось въ весьма мягкихъ формахъ: такъ, въ деревнѣ Чуркуновѣ многосильныхъ просили взять болѣе земли" [1]). Такимъ образомъ, если въ первомъ изъ этихъ трехъ примѣровъ, гдѣ всецѣло царствуетъ „усилье", мы имѣемъ типичную общинно-выкупную форму, то во второмъ, когда это „усилье" примѣняется лишь въ крайнемъ случаѣ и особенно въ третьемъ, гдѣ оно замѣняется „просьбой", — мы имѣемъ уже формы, переходныя отъ общинно-выкупной борьбы противъ земли къ чистой общинно-передѣльной борьбѣ за землю,—имѣемъ тотъ именно промежуточный моментъ, когда арендная плата и платежи равны или почти равны, т.-е. точнѣе, когда часть хозяевъ, сильные, желаютъ земли (но не очень настойчиво), а другая часть, слабые, не желаютъ ея (но не слишкомъ уже ея и боятся), — когда, такимъ образомъ, разверстка „по силѣ" устанавливается къ обоюдному „согласію" или, какъ говорятъ крестьяне: „по любовному соглашенію", „миролюбно", „изъ чести", „изъ воли", „добровольно", „безъ упорства", „любя", „безъ усилья", „по просьбѣ", „по совѣсти", „по милу" и т. д.

Эта разверстка „по согласію", устанавливающаяся при надѣлѣ, для сильныхъ хоть и плохомъ но „кормителѣ", а для слабыхъ — почти уже не „разорителѣ", какъ и нужно было ожидать, не существуетъ долго въ однѣхъ и тѣхъ же мѣстностяхъ, но встрѣчалась и встрѣчается повсюду въ районѣ общинно-выкупного владѣнія, какъ быстро проходящій моментъ въ томъ общемъ для всей Россіи процессѣ вздорожанія крестьянской земли и пониженія платежей, въ результатѣ котораго прежній надѣлъ „разоритель" становится „кормителемъ" и общинно-выкупная борьба противъ земли смѣняется борьбой за землю (приводящей либо къ чистому общинно-передѣльному, либо, наоборотъ, къ анти-общинному семейно-выкупному владѣнію, о чемъ ниже).

---

[1]) См. „Сб. ст. св." по Тверской губерніи, т. VIII, стр. 105—106.

Мы встрѣчаемъ описаніе этого фазиса для множества мѣстностей,— напр., для губерній: Тобольской, Пермской, Самарской, Саратовской, Нижегородской, Петербургской, Тверской, Екатеринославской, Рязанской, Калужской, Орловской, Смоленской, и др. И въ отдѣльныхъ случаяхъ чрезвычайно трудно бываетъ рѣшить, слѣдуетъ ли отнести такія формы къ общинно-передѣльному или къ общинно-выкупному владѣнію, тѣмъ болѣе, что и самая сущность, самый принципъ этой разверстки часто почти не уловимъ, такъ какъ она то болѣе соотвѣтствуетъ производительному, то болѣе потребительному принципу, то сразу имъ обоимъ. Выше я уже приводилъ примѣръ этой неясности по Оханскому у. Пермской губерніи; также напр., и въ Семеновскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи въ этихъ случаяхъ „когда вы спрашиваете объ основаніяхъ разверстки, вамъ отвѣчаютъ разно: „по возможности“, „по мощи“, „справности“, „примѣрно по работникамъ“, „по подросткамъ“, „не по ревизскимъ и не по работникамъ, а такъ, сколько кому нужно“, „по достатку“, „по семейству глядя“; а главное постоянно добавляютъ одно, что надѣляютъ по согласію, „по чести“, „по совѣсти“, „добровольно“, „по просьбѣ“, „безъ упорства“. И дѣйствительно среднія условія доходности и платежей, устраняющія съ одной стороны, излишнюю алчность по отношенію къ землѣ, съ другой, стараніе во что бы то ни стало сбросить ее съ себя,— эти условія благопріятствуютъ утвержденію земельной разверстки тѣсно примѣняющейся къ силѣ и потребностямъ каждаго двора“ [1]). При такой неопредѣленности я считаю примѣнимымъ только одинъ общій критерій: къ общинно-выкупному типу я отношу всѣ тѣ случаи разверстки „по согласію“, когда она несомнѣнно представляетъ заключительный моментъ общинно-выкупного владѣнія, т.-е. когда до нея было несомнѣнное и замѣтное превышеніе доходности платежами и при томъ именно вслѣдствіе абсолютной высоты послѣднихъ. Въ этомъ случаѣ она можетъ затѣмъ при дальнѣйшемъ вздорожаніи надѣла перейти и въ общинно-передѣльное, и въ семейно-выкупное владѣніе; такой характеръ и имѣетъ она во всемъ центральномъ промышленномъ районѣ. Когда же разверстка „по согласію“ устанавливается не вслѣдствіе высокихъ платежей, а вслѣдствіе низкихъ арендныхъ цѣнъ земли, благодаря ея обилію, и затѣмъ, по мѣрѣ ея сокращенія и вздорожанія, переходитъ въ чистыя общинно-передѣльныя формы,—въ такихъ случаяхъ довольно частыхъ на сѣверной и восточной окраинѣ (не только въ Европейской, но частью и въ Азіатской Россіи),—приходится ее уже отнести (какъ я это и сдѣлалъ въ предыдущей главѣ) къ общинно-передѣльному типу владѣнія [2]).

---

[1]) См. „Мат. по оц. зем. Нижегородской губ.“ Семен. у. Часть экон., стр. 147.

[2]) Быть можетъ именно благодаря этой неопредѣленности своей, разверстка „по согласію“ сдѣлалась предметомъ весьма характернаго „разногласія“: съ одной стороны г. В. В. считаетъ эту разверстку пореформеннымъ усовершенствованіемъ общины, относитъ ее къ „прогрессивной эволюціи въ сферѣ системъ разверстки земли“, а г. Грауздинъ находитъ, что она представляетъ несомнѣнный

Иллюстрируемъ сказанное нѣсколькими характерными образцами разверстки „по согласію“. Въ Рязанскомъ у. при разверсткѣ „по милу“ „собирается общинный сходъ; каждый домохозяинъ заявляетъ, сколько „душъ“ (долей) мірской земли онъ хочетъ взять; заявленія эти раз-

---

симптомъ разложенія общины, такъ какъ при ней „коллективистическій элементъ общиннаго владѣнія все больше и больше отходитъ на задній планъ, уступая своё мѣсто началу индивидуалистическому“. (См. выше уже разобранную статью его въ „Мат. къ оц. зем. Пермск. г.“. I, Оханскій у., стр. 113)...

Трудно, кажется, нарочно придумать лучшее доказательство неповинности разверстки „по согласію“ ни въ прогрессивности, ни въ регрессивности, чѣмъ эти одновременныя истолкованія ея и въ томъ и въ другомъ направленіи, трудно вообще указать болѣе яркій примѣръ „субъективной“ подстановки ожидаемаго или желательнаго вмѣсто дѣйствительнаго...

Въ чемъ въ самомъ дѣлѣ видитъ г. В. В. „прогрессивность“ разверстки „по согласію?“ „...Прогрессивное теченіе, — говоритъ онъ,—выразилось въ томъ, что элементъ принудительности иногда низведенъ do minimum'а, а главную роль при распредѣленіи земли стало играть личное рѣшеніе каждаго члена“,—т.-е., иначе говоря, г. В. В. видитъ „прогрессивность“ именно въ томъ, въ чемъ г. Грауздинъ видитъ регрессивность. И трудно рѣшить, кто изъ нихъ болѣе неправъ. Ясно съ одной стороны, что всякое сокращеніе „принудительнаго вмѣшательства“ общины въ принципѣ есть регрессъ ея въ смыслѣ сокращенія общиннаго права (оно не было бы, конечно, регрессомъ, еслибъ принужденіе стало ненужнымъ вслѣдствіе самоотверженнаго отказа меньшинства отъ своихъ интересовъ въ пользу большинства, но этого конечно здѣсь и слѣда нѣтъ). Однако практически въ данномъ случаѣ это вовсе не регрессъ, ибо вмѣшательство общины тутъ исчезаетъ не потому, чтобы личное право возобладало надъ общиннымъ, а, наоборотъ, именно потому, что при данной комбинаціи доходности надѣла и платежей интересы всѣхъ хозяевъ обезпечиваются сами собой, безъ всякихъ жертвъ со стороны меньшинства, какъ это бываетъ обыкновенно и благодаря чему только и требуется, какъ общее правило, общинное принужденіе. Ясно, что говорить о замѣнѣ „коллективистическаго“ принципа „индивидуалистическимъ“ по поводу такого именно идиллическаго момента отсутсвія борьбы, всеобщаго „согласія“, благодаря полному само собой получившемуся удовлетворенію интересовъ всѣхъ хозяевъ,—также неосновательно, какъ и видѣть въ этомъ случайномъ ослабленіи общинной функціи „прогрессъ“ ея.

Изъ сказаннаго читатель вѣроятно уже ясно видитъ, что какъ хвала, такъ и хула общины за разверстку „по согласію“ одинаково неудачны именно потому, что сама община, какъ обычно—правовой институтъ, въ данномъ случаѣ совершенно не при чемъ. Какимъ, въ самомъ дѣлѣ, образомъ отсутствіе принужденія можно вмѣнить въ заслугу общинѣ, когда всѣ интересы обезпечились сами собой безъ принужденія? Не въ томъ ли ея заслуга, что не навалила надѣлы насильно на отказывающихся отъ нихъ и не отбирала у просящихъ? Находить такія заслуги значило бы быть слишкомъ уже низкаго мнѣнія объ общинѣ, и не это, конечно, имѣлъ въ виду г. В. В.—Но какъ бы, съ другой стороны, должна поступить община въ періодъ равновѣсія доходности надѣла съ платежами, чтобъ избѣжать упрека г. Грауздина въ бездѣятельности? Никакой уравнительной дѣятельности она проявить не можетъ, ибо уравнительность, всѣхъ удовлетворяющая, уже установилась сама собой, остается развѣ именно нарушить ее,—навалить надѣлы на отказывающихся и снять съ желающихъ?.. Какъ видимъ, методъ г. Грауздина элементарно простъ. Пріѣзжаетъ онъ, положимъ, въ деревню: „Бывали у васъ раньше передѣлы? — спрашиваетъ онъ крестьянъ: „Бывали и очень часто и съ принужденіемъ“.—„Теперь передѣляете?“—Нѣтъ, теперь перестали, теперь устраиваемся „по согласію“. Выводъ г. Грауздина готовъ: коллективистическій элементъ замѣняется индивидуалистическимъ. Между тѣмъ община вѣдь тутъ совсѣмъ не при чемъ: раньше часто передѣляли исключительно потому, что не могли не передѣлять, благодаря превышенію доходности платежами и отвѣтственности за послѣдніе круговой порукой,—передѣляла, собственно не община, а круговая

бираются міромъ: иному и набавятъ еще, если онъ не по совѣсти назначилъ себѣ число долей, если онъ можетъ „осилить“ больше земли [1]), Въ Вяземскомъ уѣздѣ (Смоленской губерніи) „11-ти общинамъ предстояло при передѣлѣ разверстать значительное количество брошенной земли, которою никто особенно не дорожилъ; это и опредѣлило характеръ разверсточнаго основанія, „земля вольная“ — бери, сколько хочешь и можешь обработать. Поэтому на сходѣ каждый свободно заявлялъ на сколько душъ надо ему земли и получалъ заявленное количество. Земля дѣлилась на произвольное число разверсточныхъ единицъ (душъ). сумма которыхъ равнялась суммѣ требованій, заявленныхъ на сходѣ. Сходъ не справлялся, повидимому, могъ ли желающій обработать больше того, что бралъ. На этотъ случай только въ приговорѣ о передѣлѣ замѣчено, что у неисправныхъ плательщиковъ надѣлъ будетъ или совсѣмъ отобранъ, или уменьшенъ [2]). Въ Острогожскомъ уѣздѣ (Воронежской губ.) въ нѣкорыхъ общинахъ съ доходностью ниже обложенія „передѣлы приняли крайне оригинальную форму: сначала обыкновенно сами хозяева по собственнымъ соображеніямъ и совѣсти, опредѣляютъ, сколько они могутъ взять изъ того числа душъ, какое пришлось бы на нихъ при передѣлѣ земли на наличныя мужскія души, и затѣмъ уже общество на сходѣ просматриваетъ списокъ хозяевъ и прибавляетъ или убавляетъ души [3]).

порука; теперь перестали передѣлять, потому что стало **ненужно**, т.-е. **нельзя передѣлять**, такъ какъ наивыгоднѣйшее для общины распредѣленіе надѣла, полу-раззорителя, полу-кормителя, получается безъ передѣла, т.-е., иначе говоря, та же круговая порука и прекратила передѣлы. Спрашивается: что будетъ, когда минуетъ быстропроходящій періодъ равновѣсія доходности съ платежами, когда первая замѣтно превыситъ послѣдніе, и община **впервые получитъ возможность выбирать между передѣлами отсутствіемъ ихъ, впервые проявитъ себя какъ обычно—правовой институтъ**? Трудно повѣрить, но это фактъ, что объ этомъ вопросѣ г. Грауздинъ при всѣхъ своихъ гаданіяхъ о будущемъ общины въ Оханскомъ у. прямо не говоритъ буквально ни одного слова, такъ что я даже не понимаю, знаетъ ли онъ, что моментъ равновѣсія—не вѣчный, а очень краткій моментъ (длящійся 5—10—15 рѣдко, болѣе, лѣтъ), что для многихъ мѣстностей онъ уже и миновалъ и что въ послѣднихъ случаяхъ мы можемъ прямо посмотрѣть, что получается изъ общины, когда она окончательно выходитъ изъ принудительнаго земле-выкупленія въ свободное землевладѣніе,—прекращаются ли тогда передѣлы окончательно, или, можетъ быть, начинаются съ новой силой и новымъ значеніемъ? Объ этомъ г. Грауздинъ совершенно молчитъ, хоть и ссылается на „громадный фактическій матеріалъ“, накопленный по такого рода вопросамъ земской статистикой... Ниже мы, конечно, подробно разсмотримъ этотъ основной вопросъ, пользуясь этимъ дѣйствительно весьма любопытнымъ матеріаломъ земской статистики...

[1]) См. „Сб. ст. св.“ по Рязанск. у., стр. 11.

[2]) См. „Сб. ст. св.“ по Вяземскому у., в. I, стр. 11.

[3]) Въ такомъ „спискѣ“, напр., дер. Дерезоватой „противъ каждаго хозяина—пять графъ, изъ которыхъ въ первой значится, сколько за хозяиномъ числилось ревизскихъ душъ, во второй — сколько у него всѣхъ наличныхъ душъ мужского пола, въ третьей—на сколько душъ взялъ онъ земли (по собственной охотѣ), въ четвертой, сколько душъ прибавило ему сверхъ того общество, и въ пятой итогъ числа душъ, слѣдуемыхъ и назначенныхъ“. Оказывается изъ этого списка, что

Приведенныхъ примѣровъ, полагаю, достаточно, чтобы читатель конкретно представилъ себѣ этотъ любопытный идиллическій моментъ, такъ сказать, перемирія, наступающій послѣ ожесточенной борьбы п р о т и в ъ надѣла—„разорителя“ и предъ такой же борьбой за него, начинающейся тотчасъ же, какъ онъ станетъ вполнѣ и для всѣхъ „кормителемъ“. Это — моментъ именно какъ бы замедленія, отдыха общинной функіи, какъ бы распутья, отъ котораго затѣмъ можно пойти и къ чистымъ общиннымъ, и къ самымъ крайнимъ индивидуалистическимъ формамъ землевладѣнія... Теперь мы и постараемся, насколько позволятъ матеріалы, заглянуть впередъ съ этого распутья, прослѣдить, куда имѣетъ больше шансовъ пойти общинно-выкупное владѣніе; къ общинно-передѣльному или къ семейно-выкупному владѣнію?

§ 3.

а. Чтобъ яснѣе понять временный, экстраординарный, такъ сказать, характеръ всего вообще общинно-выкупного владѣнія и чтобы намѣтить основную тенденцію дальнѣйшей его трансформаціи, необходимо съ нѣкоторой подробностью обрисовать слегка лишь намѣченныя выше специфическія его условія и смѣну ихъ во времени.

Какъ указано, едва ли не большинство помѣщичьихъ крестьянъ испытали при освобожденіи и полученіи надѣла тяжелое разочарованіе: надѣлъ оказался, на первое по крайней мѣрѣ время, не „кормителемъ“, а „разорителемъ“. Это обусловливалось съ одной стороны уменьшеніемъ количества земли по сравненію съ площадью землепользованія при крѣпостномъ правѣ, низкимъ качествомъ полученной крестьянами земли (въ связи съ неудобнымъ ея расположеніемъ и т. п.), низкой ея культурой и низкими цѣнами на ея продукты (въ связи съ рѣдкимъ населеніемъ и неразвитостью путей сообщенія), а съ другой—крайне высокими денежными платежами и повинностями. Напр., въ Вяземскомъ у. Смоленской губ. передъ волей рожь стоила 3 руб., овесъ 1 р. 50 к., ячмень 2 р., пшеница 4 р. 50 к. з а ч е т в е р т ь, а сѣно стоило тогда 3 к о п. пудъ, (въ первое время послѣ воли цѣны были развѣ немного выше показанныхъ). Понятно, какъ тяжелъ былъ 9-ти

лишь 102 хозяина взяли земли ровно на столько же душъ, сколько у нихъ было мужскихъ душъ, 67 хоз. взяли земли всего на 177 душъ, вмѣсто слѣдуемыхъ имъ по ихъ наличному составу 268 д. (т.-е. на 91 д. меньше), 18 хоз. назначили себѣ 37 душъ, а общество еще прибавило имъ 21 душу, 3 хоз. взяли себѣ 12 д., т.-е. на 3 д. больше, чѣмъ приходилось на ихъ мужскія души и, наконецъ, „46 хозяевамъ, какъ лицамъ, отсутствующимъ и безхозяйнымъ, земли совсѣмъ не было дано“. См. Сб. ст. св. по Острог. у., в. II, стр. 9. Также по Орловск. у. Орловск. губ. маломочныя семьи, хотя и сами могли отдавать свои души другимъ болѣе сильнымъ, но дѣлали это „при посредствѣ общества“, и затѣмъ, оправившись, брали ихъ обратно (платежи тутъ лишь немного превышали доходность)... См. „Сб. ст. св.“ по Орловск. губ., т. VIII, стр. 33.

рублевый оброкъ въ Вяземскомъ у. при такихъ цѣнахъ [1]). При такихъ условіяхъ предъ крестьянами встала задача неизбѣжной интенсификаціи земледѣлія, но, понятно, сразу эта задача не могла быть выполнена. Такъ, напр., крестьяне Осташковск. у. (Тверской губ.) привыкли при крѣпостномъ правѣ къ лядинному хозяйству, дававшему прекрасные урожаи (напр., ржи и пшеницы — самъ-10, гороха — самъ-15—13 и т. д.), на своемъ же крайне сократившемся надѣлѣ они должны были при указанныхъ тяжелыхъ платежныхъ и пр. условіяхъ сразу перейти на трехполье,—понятно, что хозяйство ихъ въ первые годы воли сплошь и быстро упало, и появилась масса „упалыхъ“ хозяевъ, бросавшихъ свои надѣлы и еще болѣе отягощавшихъ этими „упалыми“ душами остальныхъ „тяглецовъ“ [2]).

Въ результатѣ такихъ условій, въ десяткахъ уѣздовъ цѣлыя массы крестьянъ совершенно „растерялись“ со своимъ надѣломъ, „плакали надъ землей“, „бѣжали отъ земли“. Такъ, напр., въ Козельскомъ у. изъ 113 опрошенныхъ по данному вопросу общинъ цѣлыхъ 85, т.-е. $^3/_4$, при полученіи надѣла „не дорожили имъ, боялись его“ [3]). Въ вышеупомянутомъ Вяземскомъ у. „нельзя насчитать сотни общинъ изъ 600 слишкомъ, сразу твердо ставшихъ на ноги, не „бунтовавшихъ“ земли постоянными передѣлами и „подвижками“, не видѣвшихъ бѣгства отъ земли значительнаго числа работниковъ“ [4]). Въ Зубцовскомъ у. землю „силовали“ (т.-е надѣляли „силкомъ“) и крестьяне говорили: „лучше спуста (т.-е. не обрабатывая надѣла) будемъ платить за землю, а сами уйдемъ на сторону“, и массами, дѣйствительно, уходили. Въ Кашинскомъ у. (Тверской губ.) общины, забрасывавшія надѣлы послѣ воли, вслѣдствіе крайняго обремененія ихъ платежами, составляли 88,5% [5]). Съ другой же стороны отъ надѣла отвлекали другіе гораздо болѣе выгодные заработки: во-первыхъ, сначала была крайне дешева аренда помѣщичьей земли, затѣмъ требовала много рукъ (сравнительно съ прежнимъ), сдѣлавшая въ это время быстрые шаги промышленность, постройка желѣзныхъ дорогъ

---

[1]) См. „Сб. ст. св.“ по Вяземск. у., стр. 20. Въ Московской губ. отношеніе между арендной цѣной надѣла и платежами еще къ концу 70 г.г. было таково: „въ Подольскомъ у. средняя арендная цѣна 1 дес. крестьянскаго надѣла—1 р. 29 к.; а сумма всѣхъ платежей на ней—3 р. 30 к. Въ Серпуховск. у. арендная цѣна—98 к., сумма платежей — 3 р. 50 к., въ Верейскомъ у. арендная цѣна 73 коп., сумма платежей—3 р., въ Рузскомъ у. арендная цѣна—73 к., сумма платежей—3 р. 30 к., въ Звенигородскомъ у. арендная цѣна — 1 р. 6 к., сумма платежей—3 р. 50 к.“ (См. „Сб. ст. св. по Московской губ.“, т. IV, в. I, стр. 14).

[2]) См. „Сб. ст. св. по Тверской г.“, т. XII, в. I, стр. 57.

[3]) См. „Сб. опис. Калужской губ.“ т. I, в. 2, стр. 34. До какой крайности доходило дѣло въ отдѣльныхъ случаяхъ, показываютъ слѣдующіе примѣры: „въ селѣ Чернышинѣ двѣ мірскія души, оставшіяся отъ выѣхавшихъ на сторону, навалили на того, кто посильнѣй, глядя по рылу; года два они не сѣяли, а платили“. Въ деревнѣ Жуковой „нѣкоторымъ землю прежде препоручали съ притѣсненіемъ: двое было и пахать не стали и не косили годъ, а подати все-таки заплатили“ (Тамъ же стр. 33).

[4]) См. цит. Сб., стр. 12.

[5]) См. „Сб. ст. св.“ по этому у.

и т. д. Такъ, напр., даже въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Хвалынскій у. Саратовской губ., „иногда арендныя цѣны стояли низко потому, что населеніе, увлекаясь сторонними заработками и промыслами, бросало землю, и ее некому было пахать и брать въ аренду. Въ иныхъ случаяхъ селеніе было окружено дачами частныхъ владѣльцевъ или сосѣдей крестьянъ, которые дешево сдавали землю, и эти низкія арендныя цѣны внѣнадѣльной земли понижали цѣны самаго надѣла“ [1]) и т. д. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣло доходило до того, что общины старались усиленно принимать къ себѣ со стороны новыхъ членовъ (напр., бывшихъ дворовыхъ, николаевскихъ солдатъ и т. п. безземельныхъ), чтобъ припречь ихъ въ это непосильное тягло; такіе случаи были распространеннымъ явленіемъ, напр., въ Кашинскомъ у. и др. [2]).

Но такое положеніе продолжалось сравнительно недолго, оно характеризуетъ полностью только 60 г.г. и начало 70-хъ, со второй же половины 70 г.г. (а особенно съ первой половины 80-хъ и затѣмъ до самаго настоящаго времени), указанныя условія смѣняются

---

[1]) См. „Сб. ст. св.“ по Хвалынскому у., стр. 29. Само собою разумѣется, что, кромѣ этихъ общихъ былъ еще цѣлый рядъ болѣе частныхъ, случайныхъ и, такъ сказать, индивидуальныхъ причинъ этого послѣреформеннаго упадка и разброда. Наиболѣе крупной и частой изъ нихъ нужно, вѣроятно, признать просто то усиленное движеніе населенія — выселенія, переселенія „на вольныя земли“ и еще чаще въ города, на фабрики и т. п., которое явилось неизбѣжнымъ результатомъ прекращенія „крѣпости“ крестьянъ помѣщику; изъ деревни должно было сразу уйти много лицъ, болѣе активныхъ, предпріимчивыхъ, непосѣдливыхъ, которыхъ раньше удерживала въ деревнѣ только неволя. Благодаря этому, многія деревни сильно опустѣли, и въ нихъ стало очень трудно оставшимся „тяглецамъ“. Наконецъ, въ иныхъ общинахъ просто „много народу повымерло“ „отъ горячки“, отъ оспы, отъ холеры въ концѣ 60 хъ и началѣ 70 г.г.; иныя общины постигъ рядъ неурожаевъ или несчастій,—пожаровъ и т. п. (См. объ этихъ причинахъ, напр., „Сб. ст. св.“ по Осташковск. у. Тверской г., стр. 57—58 и др.). Все это во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ усиливало и обостряло упадокъ и разбродъ...

[2]) Крайне характерны также такіе случаи, когда общины были въ такомъ тяжеломъ положеніи, что не избавляли отъ обложенія даже тѣхъ крестьянъ, которые уходили совсѣмъ на сторону на заработки, оставляя свои надѣлы „на міръ“. Такой особый налогъ подъ названіемъ „бобыльщины“ практиковался, напр., въ Осташковскомъ у. (Тверской г.); напр., въ с. Климова Гора „оброки были велики... многіе бѣжали отъ земли на сторону; чтобъ облегчить остающихся, міръ накладывалъ на нихъ (ушедшихъ) „бобыльщину“ по 5 руб. („Сб. ст. св. по Тверской г.“, т. XII, в. I, стр. 58). Такой же характеръ имѣетъ „гуляцкій оброкъ“, весьма распространенный еще и до сихъ поръ, напр., по Александровскому у. Владимірской губ.: „въ общинахъ, гдѣ надѣлы сдаются міру крестьянами, уходящими на сторонніе заработки, міръ распредѣляетъ землю между остальными домохозяевами, а съ уходящаго „гуляка“ взимаетъ оброкъ отъ 1 до 12 руб. съ надѣла“ (См. „Мат. под. инсп.“, в. II, стр. 56) и т. д. Также и въ Дмитровскомъ у. Московской г. „гуляцкій оброкъ“ взимается въ селеніяхъ съ отхожими и фабричными заработками, а также въ селеніяхъ съ надѣлами малодоходными... Тамъ, гдѣ крестьяне дорожатъ землею, размѣръ гуляцкаго оброка бываетъ ниже окладныхъ платежей; тамъ же, гдѣ, вслѣдствіе малаго числа работниковъ, крестьяне не въ силахъ справиться со всѣмъ надѣломъ, запускаютъ и залужаютъ часть поля, гуляцкій оброкъ нерѣдко превышаетъ сумму сборовъ съ земли“ (!) (См. „Мат. под. инсп.“, в. II. стр. 96).

другими, прямо противоположными, и эта смѣна представляетъ едва ли не наиболѣе крупный и характерный фактъ въ по-реформенной трансформаціи крестьянскаго хозяйства.

Наиболѣе рѣзкая и болѣе всего бросающаяся въ глаза перемѣна произошла въ отношеніи повинностей и цѣнъ на земледѣльческіе продукты: первыя понизились, а вторыя возвысились въ огромной пропорціи. Уже переходъ отъ „временно-обязанныхъ“ отношеній на выкупъ представилъ обыкновенно для крестьянскихъ общинъ значительное облегченіе, а затѣмъ послѣдовали пониженія выкупныхъ платежей, отмѣна подушной подати, въ послѣднее время пересрочки и отсрочки недоимокъ по выкупнымъ платежамъ и т. д.; правда, что общее благосостояніе крестьянства мало выиграло отъ этого, такъ какъ сложенные налоги замѣнились такими косвенными, которые ложились въ основной массѣ на тѣхъ же крестьянъ, но они уже не падали именно на надѣлъ, а на весь вообще доходъ крестьянина, такъ что отношеніе платежей собственно къ надѣлу должно было измѣниться къ лучшему. Такъ, напр., „по Ржевскому у. Тверской губ. еще въ началѣ 80-хъ г.г. приходилось на окладную крестьянскую душу по 8 р. 9 к. всѣхъ платежей, а въ настоящее время (90 г.г.) ихъ всего сходитъ 5 р. 32 к. [1]), т.-е. значитъ, общая сумма платежей съ надѣла уменьшилась на цѣлую треть и т. п. Цѣны же на земледѣльческіе продукты возвысились въ такой пропорціи, что, напр., вышеприведенныя цѣны на зерновые хлѣба по Вяземскому у. возросли въ $2^1/_2$ раза, а на сѣно—такъ даже въ 3—5 разъ и т. п. [2]). Такимъ образомъ, во множествѣ случаевъ довольно было уже этого встрѣчнаго движенія цѣнъ и платежей, чтобъ арендная цѣна надѣла оказалась равной или даже выше платежей.

Но въ томъ же направленіи дѣйствовалъ и рядъ другихъ типичныхъ пореформенныхъ явленій. Цѣлый рядъ ихъ связанъ съ наиболѣе элементарнымъ и общимъ факторомъ соціальной трансформаціи: сгущеніемъ населенія, вслѣдствіе естественнаго его прироста. На этотъ факторъ указываютъ сами крестьяне, какъ на причину того, что они стали дорожить землей: „Народу повыросло“—прямо говорятъ они, а это значитъ, что на данную неизмѣнившуюся (или почти неизмѣнившуюся) земельную площадь прибавилось работниковъ, а съ ними, конечно, и число рабочаго (и всякаго) скота должно было возрасти (что и наблюдается); значитъ, обработка земли улучшилась, удобренія прибавилось,—послѣднее еще потому особенно, что въ первые годы низкихъ арендныхъ цѣнъ крестьяне въ видѣ соломы и сѣна перевезли массу удобренія съ частновладѣльческихъ на свои земли; а вслѣдствіе всего этого у р о ж а й н о с т ь, д о х о д н о с т ь, ц ѣ н н о с т ь надѣла не

---

[1]) Цитирую по „Св. сб. ст. св. по Тверской губ.“, т. XIII, в. I, стр. 43.

[2]) См. тотъ же сб. по Вяземск. у., стр. 20. Также въ Мценскомъ у. Орловской губ. сначала крестьяне „боялись земли“, а затѣмъ „платежи понизились, доходность надѣльной земли возросла, вслѣдствіе возрастанія цѣнъ на хлѣбъ, а внѣнадѣльная аренда вздорожала; многіе промысловые заработки сократились и т. д., и въ результатѣ стали дорожить землей“.

могли не возрасти [1]). Затѣмъ, вмѣстѣ съ этимъ сгущеніемъ населенія и общей интенсификаціей надѣльнаго земледѣлія, появились и быстро развились нѣкоторыя спеціальныя культуры; такъ, въ большей части изучаемаго сейчасъ общинно-выкупного района весьма крупную роль сыграло введеніе льноводства: „подати полегшали, да и ленъ потѣшилъ“, „ленъ поднялъ землю“,—такъ объясняли сами крестьяне (по Кашинскому и Зубцовскому у.у.) появившійся у нихъ въ послѣднее время „интересъ“ къ надѣлу, надъ которымъ они раньше „наплакались“. Понятно, что это повышеніе производительности и доходности надѣльной земли очень часто въ огромной степени способствовало превращенію надѣла изъ „разорителя“ въ „кормителя“. А благодаря этому и благодаря тому же сгущенію населенія, общему повышенію цѣнъ на землю и уплатѣ части выкупа, возросла очень сильно и общая цѣнность надѣльной крестьянской земли.

Но не только надѣлъ началъ сильнѣе къ себѣ привлекать, но одновременно и параллельно съ этимъ внѣнадѣльныя занятія стали меньше отъ него отвлекать. Это получилось также въ значительной степени благодаря тому, что „народу повыросло“: какъ извѣстно, постепенно, вслѣдствіе быстраго усиленія спроса на аренду помѣщичьихъ земель (а также отчасти благодаря расширенію помѣщиками собственной запашки), цѣны этой аренды возросли въ огромной прогрессіи и часто сравнялись, а затѣмъ порою и превысили платежи, лежащіе на надѣлѣ. Всякаго рода неземледѣльческіе заработки также стали сокращаться: повсюду не только падалъ доходъ отъ кустарныхъ промысловъ, но и во всякаго рода наемномъ трудѣ; по общимъ отзывамъ крестьянъ всѣхъ обрисовываемыхъ мѣстностей, предложеніе труда стало часто съ 80 г.г. замѣтно превышать спросъ, заработокъ сдѣлался крайне невѣрнымъ и значительно сократился: „пробовали ходить на сторону, да сторона то безъ земли не прокормитъ“—говорили крестьяне изслѣдователямъ. Въ томъ же направленіи повліяли, между прочимъ, и развившіеся всюду у крестьянъ въ результатѣ того же сгущенія населенія и повышенія его культурности семейные раздѣлы: напр., въ Вяземскомъ у. молодые хозяева — одиночки (т.-е. отдѣлившіеся отъ старыхъ семей) говорили, что имъ „на сторону ходить нельзя... На сторону идти заработокъ —не вѣрный: покуда его найдешь, семья хоть съ голоду помирай; да и найдешь заработокъ,—не легче, едва самъ себя прокормишь, а другого работника у семьи нѣтъ“ [2]). Или въ Зубцовскомъ у.: „Какъ живешь вмѣстѣ, можно на сторону уйти, а какъ раздѣлились, — или землю

[1]) Въ Зубцовскомъ у., напр., „податная тяжесть зависѣла не отъ одной высоты оброковъ и повинностей, но и оттого, что земля въ то время отличалась малой производительностью: „земля тогда совсѣмъ не могла сама себя оправдать,— оброки большіе, а урожаи плохіе“—говорили крестьяне д. Боры (Раковской вол., бывшей помѣщичьей)... Съ теченіемъ времени въ землю былъ вложенъ значительный капиталъ въ видѣ удобренія, такъ что теперешняя производительность земли во всякомъ случаѣ должна быть выше прежней („Сб. ст. св.“ по Зубцовск. у., стр. 100). Также въ Мценскомъ у. и др.

[2]) См. цитир. сб. по Вяземск. у., стр. 16.

совсѣмъ бросай, или за хозяйство самъ принимайся,— оттого и желателей на землю стало больше“ [1])... Такимъ образомъ, въ результатѣ всѣхъ этихъ измѣненій, для множества семей надѣлъ получилъ не только бо́льшую объективную, но и бо́льшую субъективную цѣнность и сталъ часто не только вообще кормителемъ, но притомъ даже единственнымъ или во всякомъ случаѣ главнымъ кормителемъ.

Итакъ, въ послѣднія 20 лѣтъ происходила и въ настоящемъ продолжается [2]) коренная „смѣна“ въ хозяйственномъ положеніи всей той многомилліонной массы крестьянъ, которая получила при освобожденіи надѣлъ-„разорителъ“: послѣ періода „плача надъ землей“ и „бѣгства“ отъ нея наступаетъ, благодаря сокращенію платежей, повышеніе продуктивности, доходности надѣла и цѣнъ на земледѣльческіе продукты, возрастанію цѣнъ внѣнадѣльной аренды и сокращенію внѣнадѣльныхъ заработковъ — массовое „обращеніе къ землѣ“. Можно насчитать много десятковъ уѣздовъ, гдѣ имѣла мѣсто такая „смѣна“, при томъ не только у однихъ помѣщичьихъ, но также кое-гдѣ довольно часто и у бывшихъ государственныхъ крестьянъ (напр., въ Саратовской и Тверской г.г.). Она наблюдалась сплошь во всей Тверской губ., въ значительной части Петербургской, Вятской (кое-гдѣ и въ Пермской, Саратовской г.г.); она констатирована во многихъ у.у. и во множествѣ случаевъ въ Нижегородской, Владимірской, Рязанской, (повидимому и въ Московской), Калужской, Смоленской, Орловской, а въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ и во многихъ другихъ губерніяхъ. Повсюду смыслъ этой „смѣны“ одинаковъ и совершенно одинаково и очень ясно формулируется самими крестьянами: „Прежде землей не дорожили, а теперь каждый ухватился за землю“ (Кашинскій у.); „теперь всѣ тянутся за землей: „мнѣ дай, мнѣ дай“,—а прежде отказывались“; „прежде плакали, да брали (надѣлы), а теперь просятъ, да не даютъ“; „раньше отъ земли бѣгали, а теперь за борозду драка бываетъ“... Или напр., особенно рельефно выразилась эта перемѣна въ такомъ случаѣ: въ д. Карповой (Зубцовск. у.) міръ раньше проигралъ тяжбу одному своему члену и, разсердившись, въ наказаніе „навалилъ“ на него вмѣсто $1^1/_2$ бывшихъ у него надѣловъ—цѣлыхъ 4 надѣла. Теперь землею стали дорожить, у провинившагося хозяина подросли дѣти, и міръ не рѣшается отнять у него землю обратно.

---

[1]) См. „Сб. ст. св.“ по Зубцовск. у., стр. 100.

[2]) По Козельскому у. Калужской губ. г. Пѣшехоновъ приводитъ любопытныя данныя о времени „обращенія къ землѣ“, записанномъ по 62 общинамъ:

въ 10	изъ	нихъ	оно	произошло	свыше	20	лѣтъ	тому	назадъ
„ 15	„	„	„	„	отъ 15	до 20	„	„	„
„ 15	„	„	„	„	„ 10	„ 15	„	„	„
„ 19	„	„	„	„	„ 5	„ 10	„	„	„
„ 3	„	„	„	„	„ не болѣе	5	„	„	„

и во время изслѣдованія въ 96 г. не было найдено ни одной общины, гдѣ бы землей не дорожили.

„Хотѣли выучить“,—недовольнымъ тономъ говорятъ крестьяне, — „а замѣсто того наградили!“ [1]).

Въ этомъ отдѣлѣ моей работы я не могу пока болѣе подробно остановиться на этой любопытнѣйшей „тягѣ къ землѣ“ крестьянъ въ послѣднія десятилѣтія, почти вовсе, насколько знаю, не отмѣченной до сихъ поръ въ общей нашей литературѣ. Могу поэтому только порекомендовать читателю, хорошо освѣдомленному лишь о „смѣнахъ“ въ теченіяхъ, охватывающихъ нашу интеллигенцію, а о смѣнахъ и „тягахъ“ у „мужиковъ“ знающему развѣ лишь по роману нашего „моментальнаго фотографа“ г. Боборыкина (сфотографировавшаго, кстати сказать, эту „тягу“ до такой степени моментально, что читатели не понимаютъ и спорятъ, куда собственно идетъ „тяга“: одни „тянутъ“ мужика на фабрику, другіе—въ деревню),—могу, говорю, порекомендовать читателю посмотрѣть объ этой „тягѣ“, въ дополненіе и подтвержденіе къ сейчасъ сказанному, хоть нѣкоторыя изъ работъ земской статистики,— хотя бы, напр., замѣчательную статью Харламова по Вяземскому у., прекрасныя статьи г. Блеклова по Калязинскому и Зубцовскому у.у. (Тверской губ.) и др. Пока же прибавлю еще только, что эта „тяга къ землѣ“, есть несомнѣнно, явленіе не только ближайшаго прошлаго и настоящаго, но и ближайшаго будущаго. На это указываютъ не только апріорныя соображенія о томъ, что основныя ея причины продолжаютъ дѣйствовать и не могутъ не дѣйствовать еще, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое время но и прямыя наблюденія: въ то время, какъ „обращеніе къ землѣ“ констатируется

---

[1]) См. „Сб. ст. св. по Тверской губ.“, т. VII, стр. 101. Приведу еще нѣсколько болѣе характерныхъ отзывовъ крестьянъ. „Раньше,—говорятъ, напр., крестьяне дер. Новаго Карганова, Зубцовскаго у., „плакали съ землею“ и хотя старались наваливать уплатныя души на „семьянистыхъ“ домохозяевъ, „да всякій отъ себя отпихивалъ“. Лѣтъ 8, какъ стали дорожить землею. „Ранѣе-то было 7 домовъ, а теперь 20, да и льновъ-то съ того разу пошло побольше: опять стали дѣлиться, земли-то и больше потребовалось. Бывало, одинъ или двое около земли, а прочіе на сторону уходили, а теперь въ раздѣлѣ-то всѣмъ приходится жить дома около земли, да и заработки ужъ не тѣ“. („Сб. ст. св.“ по Зубцовскому у., стр. 101).

По Козельскому у. крестьяне такъ формулировали причины обращенія къ землѣ, отмѣченныя изслѣдователями по 82 общинамъ.

Подати уменьшились—отвѣтили	30	общинъ	42,7%
На выкупъ сѣли, отъ барщины освободились	5	„	
Населеніе умножилось	18	„	35,3%
Семей прибавилось	5	„	
Земли не хватать стало	6	„	
Отрѣзали барскую землю	4	„	17,1%
Увеличилась арендная плата	6	„	
Сократилась арендуемая площадь	3	„	
Лишились купчей земли	1	„	
Унавозили землю	2	„	4,9%
Хлѣбъ сталъ родиться	1	„	
Хлѣбъ подорожалъ	1	„	

Такимъ образомъ въ этихъ отвѣтахъ самихъ крестьянъ не только даны всѣ указанныя выше основныя причины, но и представлены онѣ въ общемъ въ совершенной правильной перспективѣ: болѣе важныя и общія указаны чаще, чѣмъ болѣе частныя. (См. „Стат. опис. Калужской губ.“, т. I, в. 2, стр. 34).

по десяткамъ у.у. въ тысячахъ общинъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ у.у. этотъ процессъ еще только развивается, а въ иныхъ уже даже закончился (какъ, напр., въ Козельскомъ у., см. въ предыдущемъ примѣчаніи),—въ это время я встрѣтилъ во всѣхъ матеріалахъ всего лишь о д и н ъ случай противоположнаго рода [1]).

Такимъ образомъ, каждый случай общинно-выкупного владѣнія состоитъ собственно всегда изъ трехъ существенно-различныхъ и даже противоположныхъ моментовъ: 1) б о р ь б ы п р о т и въ надѣла-„разорителя“ и интенсивныхъ (обыкновенно частыхъ и частныхъ) передѣловъ съ п р и н у д и т е л ь н о й н а в а л к о й надѣловъ, 2) о т с у т с т в і я б о р ь б ы за надѣлы съ отсутствіемъ же и передѣловъ или съ передѣлами „по согласію“ въ переходный періодъ, когда надѣлъ перестаетъ быть „разорителемъ“, но не является еще вполнѣ и „кормителемъ“, и 3) б о р ь б ы з а надѣлъ съ момента, какъ онъ сталъ для всѣхъ (или почти для всѣхъ) „к о р м и т е л е м ъ“; эта же борьба можетъ имѣть два противоположныхъ исхода: либо, при побѣдѣ личнаго права труда, можетъ установиться наслѣдственно-безпередѣльное, либо, при побѣдѣ общиннаго права на трудъ,—уравнительно—передѣльное владѣніе (впрочемъ, часто перваго періода могло и не быть, а могъ сразу наступать второй періодъ; при этомъ продолжительность перваго и второго періода бываетъ самой разнообразной: первый можетъ быть краткимъ, а второй—длительнымъ, но чаще, кажется, наоборотъ, первый былъ продолжительнѣе второго). Такъ какъ въ значительномъ числѣ случаевъ общинно-выкупного владѣнія мы наблюдаемъ еще пока только или первый періодъ, или второй, въ случаяхъ же, когда наблюдается уже третій періодъ, онъ очень часто длится еще слишкомъ недолго, чтобъ успѣлъ рѣзко и окончательно опредѣлиться тотъ или иной изъ двухъ возможныхъ поворотовъ,—то

---

[1]) Но нельзя, конечно, быть увѣреннымъ, что чрезъ нѣкоторое время, вслѣдствіе наступленія новыхъ условій, не начнется новая обратная „смѣна“, и въ этомъ смыслѣ этотъ единственный случай чрезвычайно характеренъ: быть можетъ, онъ именно представляетъ собою въ нѣкоторомъ родѣ „первую ласточку“, такъ сказать, „капиталистической весны“ въ общинной Россіи. „Въ д. Щедринѣ (Муромск. у. Владимірской г.) раздѣла земли не было уже лѣтъ 15; п р е ж д е с и л о й о т н и м а л и души, а теперь такъ дѣлать не приходится: сами домохозяева с д а ю т ъ д о б р о в о л ь н о. П о в ы с и в ш а я с я с т о и м о с т ь о б р а б о т к и земли многихъ заставляетъ о т д а в а т ь въ а р е н д у свои надѣлы, но н и к т о н е б е р е т ъ: семьи м а л о ч и с л е н н ы, такъ какъ в з р о с л ы е члены хозяйства у х о д я т ъ на Волгу бурлачить“. (См. „Мат. для оц. зем. Владимірской г.“, т. I, в. 1, стр. 35—36). Какъ видимъ, въ результатѣ отхожихъ заработковъ, имѣющихъ въ Муромскомъ у., такое огромное развитіе, что въ иныхъ общинахъ большая часть земли не обрабатывается хозяевами, а сдается въ аренду, а иногда даже частью оставляется ими для отдыха въ залежь) общинно-передѣльная форма (п р и н у д и т е л ь н о е с н и м а н і е надѣловъ) смѣнилась типичной разверсткой „по согласію“ (ибо п р и н у д и т е л ь н о й н а в а л к и все-таки еще нѣтъ). Быть можетъ, въ этомъ случаѣ мы имѣемъ прообразъ, такъ сказать, той общинной формы, которая установится, если капиталистической промышленности въ Россіи предстоитъ широкое развитіе или, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ отдѣльныхъ районахъ, гдѣ она получитъ такое развитіе? Но объ этомъ, конечно, рано пока на основаніи одного исключительнаго случая гадать...

мы имѣемъ пока въ настоящій моментъ довольно мало случаевъ для сужденія о томъ, какой изъ этихъ поворотовъ бываетъ чаще, и какая, значитъ, тенденція преобладаетъ въ общинно-выкупномъ владѣніи— общинная или индивидуалистическая... Остановимся прежде всего на основныхъ апріорныхъ по этому вопросу предложеніяхъ, вытекающихъ изъ всего изложеннаго въ этомъ §-ѣ.

в. Этотъ моментъ обращенія къ землѣ", возвращенія въ деревню „блудныхъ сыновей" ея, представляетъ высокій интересъ для анализа эволюціи обычнаго земельнаго права въ по-реформенной общинѣ. Въ борьбѣ за землю, начинающейся въ этотъ моментъ, выступаетъ съ одной стороны группа имѣющихъ больше надѣловъ семей, выстоявшихъ въ періодъ „бѣгства отъ земли" и вынесшихъ на своихъ плечахъ весь или значительную часть перваго самаго тяжелаго періода выкупного „тягла"; эта группа, понятно, отстаиваетъ свои надѣлы по личному праву труда. Съ другой же стороны выступаютъ обдѣленныя молодыя большей частью семьи, которыя сами, или еще родители которыхъ, бѣжали отъ надѣла-„разорителя": онѣ опираются въ своихъ требованіяхъ земли либо на общее общинное право на трудъ, либо на частное личное право нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ ревизскихъ душъ, на отведенные имъ ранѣе надѣлы. Сообразно съ тѣмъ, какая сторона и по какому именно мотиву побѣдитъ въ этой борьбѣ и устанавливается та или иная форма семейно-выкупного или общинно-передѣльнаго владѣнія.

Несомнѣнно, что основанія и мотивы правъ первой партіи чрезвычайно сильны. Уже при обыкновенныхъ условіяхъ при владѣніи и обработкѣ надѣла въ теченіе 15—20 лѣтъ личное трудовое право успѣваетъ пустить сильные корни. Въ данномъ же случаѣ это не было просто владѣніе, подъ которымъ подразумѣвается пользованіе извѣстными выгодами, каковымъ безпрерывно въ большей или меньшей степени и погашается затрачиваемый трудъ, это было выкупаніе земли съ уплатой за нее больше, чѣмъ стоила бы аренда, т.-е. несеніе въ теченіе цѣлаго періода извѣстныхъ убытковъ. При этомъ, именно въ этотъ періодъ приходилось усиленно обрабатывать надѣлъ, унаваживать его, часто переходить къ высшей системѣ культуры, такъ что тутъ затрата труда, и вообще сравнительно значительная во всемъ разсматриваемомъ районѣ, почти сплошь примѣняющемъ, напр., удобреніе и т. д., въ этотъ періодъ была исключительно крупной и, въ связи съ уплатой столь же чрезмѣрныхъ платежей, давала совершенно исключительное основаніе для личнаго права труда. Понятно, что „заможные" хозяева, „добрые пахари" уже могли несравненно сильнѣе, чѣмъ, напр., первые заимщики при развитіи общины, отстаивать свое право на надѣлы и бороться противъ уравнительнаго передѣла въ тотъ моментъ, когда они стали, наконецъ, „оправдывать" всѣ эти вложенныя въ нихъ денежныя, капитальныя и трудовыя затраты. „Хозяйственный" мужикъ,—говоритъ г. Харламовъ по Вяземск. у.,—удержавшійся на позиціи во время бѣгства „маломочныхъ", „сподобившій землю", пла-

тившій за нее тяжелые платежи первыхъ лѣтъ,—естественно не расположенъ снова „бунтовать“ землю передѣлами, отдавать задаромъ свои „сподобленныя полосы“ [1]). „Что же, я платилъ, платилъ за свою землю подати и оброки, а теперь отдай ее чужому“; „мы что добра-то ввалили на свои полосы и деньги за землю платили“; „за дорогую платилъ, а дешевую отдавай“; „я сколько времени плачу за нее, удобрилъ ее—моя земля]“—говорятъ мощные хозяева, выстоявшіе въ періодъ, когда „надъ землей плакали“. Надо при этомъ замѣтить, что у весьма многихъ, если не у большинства изъ нихъ, есть кромѣ того и другое формальное личное право на ихъ надѣлы: они или сами являются ревизскими душами, или прямыми наслѣдниками ихъ, а, какъ мы уже знаемъ, бывшіе помѣщичьи крестьяне еще сильнѣе государственныхъ почитаютъ право „ревизской души“, считаютъ, что именно имъ даны государственной властью надѣлы, и часто даже думаютъ, что общины не имѣютъ вовсе права „самовольно“ отбирать ихъ. [2]).

Что, спрашивается, могутъ противопоставить этому огромному и неоспоримому праву фактическихъ держателей, или, по замѣчательному крестьянскому выраженію (часто встрѣченному изслѣдователями по Тверской губ.).—„державцевъ“ надѣловъ тѣ „новорожденцы“, „новожены“, которые выдѣлились послѣ этого тяжелаго періода, и тѣ изъ старыхъ семей, которыя не удержали тогда своихъ надѣловъ и дезертировали, а теперь пришли пожинать плоды трудовъ семей, вытянувшихъ выкупное тягло? Поскольку эти семьи въ отдѣльныхъ случаяхъ опираются на личное-ревизское право и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ глазахъ крестьянъ это право стоитъ выше и отмѣняетъ ихъ обычное трудовое право, они имѣютъ шансы получить отъ фактическихъ „державцевъ“ отдѣльные надѣлы. Но общинно-уравнительное ихъ право должно быть сравнительно очень слабымъ. Во-первыхъ, какъ мы уже знаемъ, это право въ значительной степени вытекаетъ именно изъ выполненія обязанностей (податныхъ и др.), такъ что въ данномъ случаѣ, поскольку эти семьи явились позже тягловаго періода или даже прямо „бѣжали“ отъ этого тягла, онѣ тѣмъ самымъ потеряли и общинное право на трудъ, на надѣлъ. Во-вторыхъ же, мы уже знаемъ, какъ трудно вообще ожидать яснаго понятія объ общинномъ земельномъ правѣ при этой общино-выкупной формѣ, которая смѣнила принудительную, а не самопроизвольную крѣпостную общину и представляетъ такое же чисто лишь принудительное и автоматическое примѣненіе общинной функціи,

---

[1]) См. „Сб. ст. св.“ по Вяземск. у., стр. 12.

[2]) Какъ нельзя болѣе яркіе примѣры силы и сознательности этого индивидуальнаго права представляютъ тѣ, правда, крайне рѣдкіе случаи, когда уже даже въ общинно-выкупной періодъ общины собираются передѣлить „навѣчно“, т. е. перейти фактически къ подворному владѣнію: такъ, двѣ общины Рязан. у., гдѣ вообще надѣломъ не дорожатъ и подати могутъ „задавить“ даже исправнаго хозяина, пытались передѣлить навѣчно,—„чтобы не даромъ выкупъ платить“ (!) („Сб. ст. св.“ по Рязанск. г., т. I, стр. 35).

построена на совершенно индивидуалистическомъ началѣ выкупа и вдобавокъ часто, если не обыкновенно, практикуется при малоземельи, уже рѣзко противодѣйствующемъ уравнительнымъ передѣламъ. Понятно, какъ трудно при такихъ условіяхъ побѣдить общинному праву. Поэтому a priori мы необходимо должны принять, что общинно-выкупное владѣніе только формально являетъ видъ общины, а по существу подготовляетъ и обусловливаетъ тотчасъ же по своемъ прекращеніи полное торжество личнаго земельнаго права и прекращеніе общинно-передѣльной функціи.

Что же, спрашивается, мы видимъ въ дѣйствительности? Дѣйствительно ли, при „обращеніи къ землѣ“ въ общинно-выкупныхъ общинахъ, въ нихъ всегда, или, по крайней мѣрѣ, въ несомнѣнномъ большинствѣ случаевъ, устанавливается либо твердое и чистое личное безпередѣльно-наслѣдственное владѣніе „заможныхъ“ державцевъ надѣловъ въ тягловой выкупной періодъ, либо это же владѣніе только съ отдѣльными поправками въ пользу личнаго же владѣнія другихъ ревизскихъ душъ? Къ сожалѣнію, имѣющіеся въ настоящій моментъ статистическіе матеріалы не даютъ пока права дать на этотъ вопросъ вполнѣ обстоятельный отвѣтъ. Но въ общемъ пока они заставляютъ отвѣтить на него рѣшительно отрицательно. Рядомъ съ индивидуалистическими порядками, дѣйствительно весьма распространенными, наблюдается, однако, очень часто и противоположный исходъ: переходъ общинно-выкупного владѣнія въ общинно-передѣльное. Обрисуемъ нѣсколько конкретнѣе оба эти случая.

§ 4.

a. Наиболѣе обыкновенный и характерный видъ превращенія общинно-выкупного владѣнія въ безпередѣльное семейно-выкупное представляетъ тотъ случай, когда съ вздорожаніемъ земли прекращаются частыя свалки-навалки (съ принудительными навалками), безъ замѣны ихъ какими бы то ни было другими уравнительными передѣлами и такимъ путемъ та или иная производительная разверстка общинно-выкупного фазиса прямо застываетъ въ наслѣдственно-безпередѣльное владѣніе. Такіе случаи можно наблюдать въ большемъ или меньшемъ числѣ положительно чуть ли не въ каждомъ уѣздѣ послѣ вздорожанія надѣла и возвращенія къ землѣ. Приведу нѣсколько болѣе характерныхъ примѣровъ. Въ Кузнецкомъ у. въ с. Чирчимъ „уже года три, какъ стали полегче подати, надѣлы умершихъ стали удерживаться ихъ семьями (а раньше они съ нихъ „сваливались“), и переходы душъ почти прекратились.“ [1]). Въ с. Демьяновкѣ Новооскольскаго у. (Курской губ.) въ началѣ 70 г.г. 14 надѣловъ были отобраны у недоимщиковъ и „силомъ“ опредѣлили ихъ зажиточнымъ. Теперь платежи уменьшились, и прежніе владѣльцы тре-

[1]) См. „Сб. ст. св.“ по Кузнецк. у., стр. 120.

буютъ свои надѣлы обратно, но взявшіе надѣлъ возмущаются: „мы уплатили за нихъ недоимки по 50—100 руб. съ души и подати вносили 15 лѣтъ, а теперь имъ отдай назадъ — это прямо денной грабежъ!“—„Война большая идетъ въ обществѣ по этому поводу“...[1]). Въ д. Коськовѣ Зубцовскаго у. „землею сначала владѣли по работникамъ съ передѣла 1868 г.; затѣмъ были частныя свалки-навалки, земля переходила отъ однихъ членовъ общины къ другимъ; въ настоящее время, когда эти переходы прекратились, довольно трудно разобрать, на какихъ основаніяхъ владѣютъ землею: держатъ иные старики 70 лѣтъ, а для нѣкоторыхъ работниковъ земли не хватаетъ; словомъ, каждый держитъ на столько, сколько у него оказалось въ рукахъ ко времени возвышенія цѣнности земли.“[2]). Въ Хвалынскомъ уѣздѣ крестьяне „прекращаютъ передѣлы земли по работникамъ, но не хотятъ переходить и къ новой разверсткѣ, обѣщая намъ въ ближайшемъ будущемъ дать новые образцы наслѣдственнаго владѣнія, возникшаго изъ разверстки земли по числу работниковъ 1865 или 1870 года. Владѣніе надѣломъ стало выгодно, и старые работники не хотятъ давать земли ни наличнымъ душамъ, ни новымъ работникамъ...[3]). Такимъ образомъ, изъ этихъ примѣровъ читатель совершенно ясно видитъ истинную суть, скрывающуюся подъ внѣшней общинной оболочкой общинно-выкупного владѣнія: „заможные“ хозяева, вытянувшіе выкупное тягло, выкупить надѣлы выкупили, но только для себя, а не для общины[4]).

Такимъ образомъ, какъ мы и ожидали a priori, семейно-выкупное владѣніе выростало изъ общинно-выкупного чаще всего именно корнями лично-трудового права,—къ надѣламъ прирастали наиболѣе „заможные“ и наиболѣе въ нихъ вложившіе труда хозяева, и наслѣдственно кристаллизовались разнаго рода производительныя разверстки. Но довольно часто рядомъ съ ними уже извнѣ, т.-е. безъ признанія со стороны обычнаго общиннаго права и часто даже вопреки ему, пускало корни формальное право ревизской души, и тогда кристаллизовалась смѣшанная производительно-ревизская разверстка. Въ той

---

[1]) См. „Сб. ст. св.“ по Новооскольск. у., стр. 133.
[2]) См. „Сб. ст. св.“ по Зубцовскому у., стр. 105.
[3]) См. „Сб. ст. св.“ по Хвалынскому у., стр. 37.
[4]) Въ отдѣльныхъ и довольно частыхъ случаяхъ это происходитъ и буквально именно такъ: многіе „державцы“ надѣловъ при общинно-выкупномъ фазисѣ, тотчасъ по вздорожаніи земли или незадолго до того, прямо выкупали ихъ въ полную свою собственность, пользуясь той статьей закона, которая позволяла (до 93 г.) каждому общиннику, путемъ единовременнаго взноса остающейся суммы выкупного платежа выкупать въ личную собственность свои надѣлы. Такъ, напр., въ Корчевск. у. (Тверской губ.) въ д. Ильинѣ „передѣловъ было пять; послѣдній въ 1875 г. для поравненія земли между отдѣльными дворами; въ томъ же году выкуплены 9 душъ“. Въ сосѣдней съ ней д. Быковѣ „передѣловъ было шесть; послѣдній въ 1877 г.; производились передѣлы для распредѣленія земли выморочныхъ и упалыхъ душъ по силѣ наличныхъ домохозяевъ. Въ 87 и 88 г.г. выкуплено 5 душъ. то же и еще въ двухъ сосѣднихъ общинахъ и т. д. См. „Сб. ст. св. по Тверской губ.“, т. IX, в. 2. „Примѣчанія къ статистич. таблицамъ, стр. 67 и др.).

очень частой въ общинахъ разсматриваемаго типа своеобразной смѣнѣ „отцовъ“ и „дѣтей“, когда собственно, блудные „отцы“ въ 60-е и 70-е г.г. бросали „на міръ“ надѣлы „разорители“, а ихъ возвратившіяся въ родной домъ „дѣти“ требовали себѣ обратно эти „полегшавшіе“ въ 80-е г.г. надѣлы, — „заможные“ „державцы“ очень часто принуждены были потѣсниться и дать мѣсто „ревизнымъ“, не смѣя оспаривать ихъ права. Такъ, напр., въ Мценскомъ у. (Орловской г.),— „которые раньше бѣжали отъ земли, тѣ стали искать родовую (!) землю, требовать отцовскія души“... „и во многихъ случаяхъ ихъ требованія увѣнчались успѣхомъ“ [1])... Въ Зубцовскомъ у. также во многихъ общинахъ „заревизнымъ“ приходится теперь очень долго дожидаться, а часто не удается и вовсе дождаться освобожденія какого-нибудь выморочнаго надѣла, который иногда отводится имъ міромъ, „наслѣдникамъ же тѣхъ ревизскихъ хозяевъ (или имъ самимъ), кто ранѣе сдалъ или передалъ свою землю, такихъ трудностей въ большинствѣ не представляется, и сходъ или судъ обыкновенно рѣшаетъ дѣло въ ихъ пользу, постановляя отобрать землю отъ принявшаго и передать ее наслѣднику. Если надѣлъ міромъ былъ переданъ другому домохозяйству, то дѣло рѣшается очень просто—отобраніемъ земли у новаго владѣльца и отдачею ея прежнему; въ тѣхъ же случаяхъ, когда земля была раздѣлена по полосно на всѣхъ, возвратить надѣлъ бываетъ затруднительно, и міръ иногда рѣшается предложить взамѣнъ требуемой земли упалыя души, находящіяся въ его распоряженіи“. „Таковъ одинъ рядъ случаевъ, въ которыхъ за наслѣдниками признается право на полученіе отданной раньше земли. Признаніе этого права иногда настолько безусловно, что наслѣдникъ возвращаетъ землю иногда не для своего личнаго пользованія, и міръ все-таки не протестуетъ противъ этого“ [2]). Дѣло даже доходитъ иногда до того, что міръ прямо покупаетъ землю у наслѣдниковъ ревизскихъ душъ. [3])

Въ Орловскомъ у. (Орловской г.) возвращеніе „свалочныхъ“ душъ ихъ прежнимъ хозяевамъ или прямымъ наслѣдникамъ этихъ послѣднихъ обыкновенно „сопровождалось спорами и несогласіями; домохозяева, принявшіе эти души, или все общество... далеко не были расположены возвратить землю тогда, когда она начала приносить доходъ. Отсюда цѣлый рядъ тяжбъ, при помощи которыхъ претендентамъ удавалось большей частью достигнуть своего“... [4]). Въ этомъ послѣднемъ примѣрѣ особенно хорошо резюмированъ основной характеръ борьбы за надѣлы между теперешними ихъ „державцами“ и прежними ревизскими ихъ владѣльцами: борьба эта является уже и по сущности, и по мотивамъ именно тяжбой частныхъ лицъ изъ-

---

[1]) См. „Сб. ст. св.“ по Мценск. у. Орлов. г., стр. 2.

[2]) „Сб. ст. св.“ по Тверской г., т. VII, Зубцовск. у., стр. 118.

[3]) Такъ, въ Кашинскомъ у. очень часто разыскиваютъ землю прямо ради перепродажи или арендной платы... (См. такіе примѣры въ „Сб.“ по этому у., стр. 34).

[4]) „Сб. ст. св. по Орловск. г.“, т. VIII, отд. II, стр. 34.

за земли, а не общинно-передѣльной борьбой за землю. Каждая сторона требуетъ себѣ надѣлъ не во временное пользованіе, на основаніи общиннаго права на трудъ, а въ „родовое“ владѣніе, на основаніи чисто личныхъ, даже формально-личныхъ правъ. Фактическіе „державцы“ ссылаются на то, что они уплатили за землю значительную часть выкупа, что они купили ее,—„ревизные“ возражаютъ, что хотя это такъ, но что правительствомъ земля дана именно имъ и, значитъ, она принадлежитъ имъ; „державцы“ указываютъ на „давность владѣнія“ (аргументъ, какъ помнитъ читатель, свойственный еще семейно-захватному фазису), „ревизные“ же повторяютъ все одинъ и тотъ же формальный мотивъ, который въ концѣ концовъ обыкновенно и побѣждаетъ, если не на общинномъ сходѣ [1]), то въ волостномъ судѣ, у мирового судьи (земскаго начальника) или въ Присутствіи по крестьянскимъ дѣламъ. Послѣднее, — утвержденіе формальнаго права ревизскихъ душъ часто не самой общиной, а стоящими надъ ней судебными и административными инстанціями, — вообще представляетъ общее правило для этого рода случаевъ и уже окончательно исключаетъ всякій обычно-правовой общинный элементъ [2]); такъ что тутъ не только по существу, но даже и формально общинное право и общинная функція окончательно капитулируетъ предъ формальнымъ личнымъ правомъ...

---

[1]) Интересный образчикъ этого почитанія крестьянами права ревизской души, какъ во всѣхъ случаяхъ перваго и преимущественнаго, представляетъ такой, напр., случай: дер. Косарева Осташковскаго у., послѣ производительной разверстки, посредствомъ общаго передѣла возвратилась къ чистой ревизской разверсткѣ, и крестьяне тутъ объяснили это „тѣмъ, что многіе домохозяева, набравшіе до этого чужихъ надѣловъ, стали выкупать землю по 165 ст.; міръ рѣшилъ, что выкупать можно только ревизскія души (изъ 38 надѣловъ выкуплено 11 надѣловъ“). (См. „Сб. ст. св.“ по Осташковск. у.).

[2]) Напр., по Зубцовскому у. изслѣдователь отмѣчаетъ, что „компетенція міра въ такихъ случаяхъ стѣсняется весьма часто предписаніемъ начальства возвратить души ихъ прежнему владѣльцу, и хотя иногда міръ и рѣшается не соглашаться съ этимъ предписаніемъ, но такая смѣлость міра далеко не всегда достигаетъ цѣли“. („Сб. ст. св. по Зубцовскому у.“, стр. 119) Или, напр., въ дер. Сомовкѣ Кашинскаго у., „послѣ воли, нѣкоторыя семьи бросали свои надѣлы, не будучи въ состояніи оспить ихъ, но теперь подросли и потребовали себѣ землю; новые владѣльцы, ссылаясь на давность владѣнія, отказываютъ; дѣло перешло въ крестьянское присутствіе, „вотъ уже 5 лѣтъ въ спору“. Въ дер. Токаревѣ Козьмодемьянской вол. одинъ домохозяинъ отдалъ одну душу, приходившуюся на ревизскаго мальчика, въ міръ, а міръ передалъ ее другому многосемейному крестьянину. Мальчикъ, между тѣмъ, подросъ и ушелъ изъ деревни въ „зятья“ въ Калязинскій у., а въ послѣднее время, узнавъ, что земля вздорожала, потребовалъ отъ міра свою душу обратно. Міръ отказалъ; тогда ищущій обратился въ присутствіе, которое опредѣлило выдать ему землю. „По этому примѣру“, — прибавляютъ крестьяне, „пошли и многіе другіе, свалившіе раньше землю“... (См. „Сб. ст.“ по Кашинскому у., стр. 34).

[3]) Надо, впрочемъ, замѣтить, что во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ это возвращеніе къ ревизской разверсткѣ послѣ вздорожанія земли не имѣетъ такого рѣзко реакціоннаго, какъ въ смыслѣ общинности, такъ и въ смыслѣ уравнительности, значенія. Вотъ, напр., въ дер. Быковой Осташковск. у. „въ 1888 году передѣлили по ревизскимъ душамъ, находя, что такая разверстка будетъ справедливой и наиболѣе соотвѣтствующей семейному положенію каждаго двора“ (См. Сб.

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ момента вздорожанія надѣла и возвращенія къ землѣ начинается въ общинахъ уже полный хаосъ и деморализація. Съ одной стороны, хотя міръ еще проявляетъ себя, но чисто отрицательно: перераспредѣляя надѣлы, не руководится цѣлью „поравненія“, а, злоупотребляя своимъ правомъ, либо подчиняется нѣсколькимъ сильнымъ хозяевамъ, либо даже продается за водку и т. п. Такъ, напр., въ Козельскомъ у. въ дер. Музалевкѣ „въ послѣдній разъ насильно свалили двѣ души—по одной изъ двоихъ хозяевъ, несмотря на имѣвшихся у нихъ маленькихъ дѣтей, и передали ихъ другимъ имѣвшимъ и безъ того по шести надѣловъ. Въ с. Мерениіцахъ тоже былъ случай насильной свалки съ одного брата на другого, съ имѣвшаго меньше земли на имѣвшаго больше ея“ [1]). Въ Зубцовскомъ у. (Тверской губ.) „въ по-селенныхъ свѣдѣніяхъ во многихъ случаяхъ встрѣчаются указанія, что души сдаются не однимъ только тѣмъ, кто нуждается въ землѣ, въ зависимости отъ своего семейнаго состава, но и тѣмъ, кто выставитъ міру „благодарность“. Во время изслѣдованія не разъ слышались при опросѣ недовольные голоса, обвинявшіе міръ въ томъ, что онъ даетъ землю тѣмъ, кто больше выставитъ вина въ ущербъ дѣйствительно нуждающимся. Напр., „въ д. Панюковѣ выморочныя души общество сдаетъ, к о м у з а х о ч е т ъ; въ послѣднее время тому, кто больше поставитъ вина.“ [2]).

по Осташковск. у.) По Семеновск. у. (Нижегородской г.) отмѣченъ случай передѣла по ревизскимъ душамъ большой сложной изъ 34 деревень общины, гдѣ это было вызвано жалобой одной изъ этихъ деревень на неуравнительность и несоотвѣтственность распредѣленія земли съ обложеніемъ платежами, внутри же каждой деревни „старики стали владѣть ревизскими душами до смерти, выморочныя же души накладываются на того, кто „легокъ“, т.-е. у кого земли мало, а работаетъ много“, т.-е., иначе говоря, установилась вышеописованная налично-ревизская разновидность общинно-передѣльной разверстки. Отчасти тотъ же полу-уравнительный еще характеръ имѣлъ этотъ переходъ и въ Мещовскомъ и Перемышльскомъ у.у. Калужской г., въ которыхъ „гдѣ ранѣе бросали надѣлъ и уходили на сторону, тамъ преобладала разверстка по рабочей силѣ; въ настоящее время крестьяне возвращаются на землю и требуютъ ее себѣ. Въ началѣ этого возвратнаго движенія разверстка производилась попрежнему по работникамъ; но быстро поднявшіяся цѣны на землю и недостатокъ ея побудили крестьянъ перейти къ разверсткѣ по н а с л ѣ д с т в е н н ы м ъ правамъ, принимая въ основаніе ревизскій счетъ. При этомъ, какъ ранѣе допускались отступленія въ разверсткѣ земли, — накладывали на болѣе состоятельныхъ и давали льготу многосемейному, но захудалому, такъ и теперь при равныхъ правахъ на землю отдается предпочтеніе бѣднѣйшему, лишь бы платилъ повинности безъ недоимокъ“. (См. „Мат. подат. инсп.“, в. II, стр. 102).

[1]) См. „Стат. опис. Калужск. г.“, I, в. 1, стр. 35.

[2]) „Сб. ст. св.“ по Зубцовскому у. стр. 116. Или вотъ еще особенно характерный образчикъ, до какихъ „продувныхъ“ пріемовъ доходитъ иногда „міръ“. „Артемовской волостной судъ (въ Зубцовскомъ же у.) разбиралъ дѣло по иску 9 крестьянъ д. Ульянкова съ остальныхъ крестьянъ той же деревни въ суммѣ 12 руб. Обстоятельства дѣла слѣдующія: весной 86 г. общество крестьянъ д. Ульянкова порѣшило сдѣлать ч е р н ы й п е р е д ѣ л ъ (!), и тотъ, кому давали больше земли, давалъ денегъ на водку; такихъ денегъ набралось до 12 руб., н о, п р о п и в ш и д е н ь г и, б о л ь ш и н с т в о д о м о х о з я е в ъ. о т ъ п е р е д ѣ л а о т к а з а л о с ь (!!). Довѣренный отъ общества заявилъ, что раздѣлъ не могъ состояться по недостатку желающихъ. Волостной судъ постановилъ взыскать по $33\frac{1}{3}$ коп. съ души и удовлетворить просителей“ (Тамъ же, стр. 116).

II т. д. Вообще о роли „ведра“ въ общинной жизни я буду еще говорить подробнѣе во II томѣ, пока же укажу, что при болѣе или менѣе чистыхъ общинно-передѣльныхъ формахъ она или сводится къ ничтожной величинѣ или даже вовсе не констатируется наблюдателями, встрѣтилъ же я ее въ замѣтныхъ размѣрахъ въ общинахъ, либо съ самаго начала не проявлявшихъ общинной функціи, либо именно при общинно-выкупномъ владѣніи, т. е. точнѣе, послѣ него... Понятно, что при такой деморализаціи общиннаго схода устанавливается полный просторъ для личнаго распоряженія хозяевъ ихъ надѣлами, въ обширныхъ размѣрахъ развивается не только выкупъ ихъ въ собственность, но и сдачи ея въ аренду и даже продажи, завѣщанія и т. д. Напр., иногда „заревизныя“ семьи, отчаявшись получить надѣлъ отъ міра, принуждены „откупать“ его, т. е. покупать право на него (безъ срока или срочное) у „державцевъ“, платя за то десятки рублей. Понятно, что отъ такого откупа до формальной п о к у п к и уже одинъ лишь шагъ, и, дѣйствительно, такія покупки „въ вѣчное и потомственное владѣніе“ и начинаютъ практиковаться (о нихъ я скажу подробно въ послѣдней главѣ)...

Итакъ, какъ видитъ читатель, во множествѣ случавъ нашъ апріорный діагнозъ общинно-выкупной формы вполнѣ подтверждается самыми яркими фактами. Мы видѣли, какъ мощно растетъ (въ значительномъ, несомнѣнно, числѣ случаевъ) подъ оболочкой общинно-выкупного владѣнія личное земельное право,—мотивированныя права труда и выкупа и формальное право „ревизской“ души, съ какой силой это личное право проявляется, какъ быстро разлагаетъ оно эту извнѣ наброшенную общинную оболочку, какъ только исчезнутъ скрѣплявшія ее внѣшнія рамки...

Перейдемъ теперь къ случаямъ противоположнаго рода.

b. По Калязинскому у. (Тверской губ.) индивидуализація владѣнія съ момента вздорожанія земли проявилась особенно рѣзко; не только во многихъ общинахъ прекратились „свалки-навалки“ и обнаружились вышеобрисованные симптомы разложенія общины, но и „цѣлый рядъ общинъ категорически заявляетъ о своемъ нежеланіи приступить к ъ передѣламъ“; напр., крестьяне дер. Онцыно говорятъ: „прежде мы глупы были, потому и давали каждому, кто просилъ земли, а теперь нѣкоторые просятъ и угощенье обѣщаютъ,—и то не даемъ“... и т. д. Но тутъ же рядомъ встрѣчаются и такія общины, гдѣ крестьяне, напр., говорятъ: „хочешь-не-хочешь, а придется дѣлить“. Или часто рѣшеніе „не дѣлить“ имѣетъ только смыслъ—не производить о б щ и х ъ к а ч е с т в е н н ы х ъ передѣловъ, частные же количественные передѣлы, наоборотъ, именно этимъ и утверждаются; напр., въ дер. Куѣминѣ „съ нынѣшняго года поставили не дѣлить земли; если же к о м у н у ж н о п р и б а в и т ь, а с ъ д р у г о г о с н я т ь, пусть м ѣ н я ю т с я п о л о с а м и, если этого нельзя сдѣлать, то просящему р ѣ ш и л и в ы д ѣ л я т ь уголъ гдѣ-нибудь на краю, н о з е м л и н е д ѣ л и т ь“, читатель видитъ, что въ этомъ случаѣ рѣшеніе „не дѣлить“ есть именно приговоръ о порядкѣ будущихъ уравнительныхъ передѣловъ.

Также и въ Козельскомъ у. рядомъ съ проявленіями индивидуализаціи „въ тѣхъ общинахъ, гдѣ неравномѣрность въ распредѣленіи надѣльной земли сдѣлалась достаточно ощутительной, вопросъ о передѣлахъ является обыкновенно спорнымъ. Почти въ каждой такой общинѣ ведется оживленная борьба между сторонниками и противниками передѣла", и при этомъ очень часто аргументы послѣднихъ и вообще препятствія къ передѣлу имѣютъ лишь временный и условный характеръ (какъ. напр.: „согласія нѣтъ", „не знаютъ правовъ", „ждутъ ревизіи", „начальство не позволяетъ", „приговоръ не утверждаютъ" и т. п.), по существу же общины не сомнѣваются, что дѣло окончится передѣломъ; напр., въ дер. Леоновой крестьяне говорили: „разговора еще большого нѣтъ... но двѣ трети голосовъ найдется, нехотя,— а придется передѣлъ сдѣлать. Навозъ препятствуетъ, да ужъ если дѣло пойдетъ, и на навозъ не посмотримъ"... И т. д. и т. д. Такимъ образомъ, г. Пѣшехоновъ долженъ былъ придти къ заключенію, что, хотя въ Козельскомъ у. „общинная жизнь... проявляется довольно вяло... и вліяніе общины на распредѣленіе поземельной собственности съ каждымъ годомъ слабѣетъ (по сравненію съ болѣе частыми передѣлами при общинно-выкупномъ фазисѣ), но съ другой стороны воззрѣнія на землю, на которыя опирается общинное землевладѣніе, въ значительной мѣрѣ сохранились еще въ массѣ крестьянства"... [1]). Уже одни такіе факты нѣсколько иначе освѣщаютъ послѣ выкупной индивидуализаціонный періодъ, не позволяютъ считать эту индивидуализацію неизбѣжной и окончательной, заставляютъ задаться вопросомъ: не есть ли она явленіе временное и переходное, пока крестьяне еще не успѣли освоиться съ новыми условіями, и не обнаружится ли затѣмъ на всѣхъ или хотя въ части такихъ общинъ новая общинная энергія? Это, дѣйствительно, мы и наблюдаемъ уже во многихъ случаяхъ.

Во всѣхъ безъ исключенія типичныхъ общинно-выкупныхъ районахъ мы въ цѣломъ рядѣ случаевъ наблюдаемъ при обращеніи къ землѣ и продолженіе передѣловъ, ранѣе вынужденныхъ, по свободной уже инициативѣ общинъ. При этомъ иногда они сохраняютъ п р о и з в о д и т е л ь н ы й принципъ разверстки, часто принимаютъ неопредѣленную ревизско-наличную разверстку, часто же превращаются въ потребительныя системы распредѣленія.

Обрисуемъ сначала первый случай. Въ томъ же Калязинскомъ у. „тягольная разверстка, являясь преобладающей въ уѣздѣ, до сихъ поръ держится и въ тѣхъ общинахъ, гдѣ дорожатъ землею", но въ части случаевъ „характеръ ея измѣнился: достиженіе рабочаго возраста является не обязательствомъ взять и тянуть иногда противъ воли тягло, а скорѣе правомъ на полученіе земли; въ такихъ общинахъ „міръ" обязанъ дать подросшему работнику земли; если онъ ее требуетъ и обязательно снимаетъ землю съ 60-лѣтняго старика, если находятся требующіе": напр., въ д. Валкушѣ „спросъ на землю большой,

[1]) См. „Стат. опис. Калужск. г.", т. I, в. 2, стр. 40—47.

владѣютъ съ 20 до 60 лѣтъ, со стариковъ обязательно снимается", въ д. Кузнечковѣ „крестьянинъ послѣ 60 лѣтъ считается, все равно, что мертвый, и земля его обязательно должна поступать на общество... душу даютъ по достиженіи 18 лѣтъ" [1]). И т. д. Также въ Семеновскомъ у., Нижегородской губ., въ Кантауровской вол. въ 28 общинахъ „земельныя души раскладываются по работникамъ, порядокъ накладки по всему обществу (Потеминскому) такой: съ 14 — 16 л. — $^1/_2$ души, 16—60 л. — 1 д., 60 — 65 л. — $^1/_2$ д.; въ 65 лѣтъ хотѣли было всю землю снимать, да „начальство не позволило". Принудительная свалканавалка. Распоряжается все общество „по старому приговору" сдѣланному еще, когда „тяга" была много тяжелѣе" [2]).

Обрисованное сохраненіе передѣловъ по производительному принципу и послѣ обращенія къ землѣ, съ измѣненіемъ только его значенія, объясняется въ нѣкоторыхъ случаяхъ тѣмъ, что крестьяне просто не успѣли еще выработать и примѣнить другого, болѣе уравнительнаго и обычнаго для общинно-передѣльной формы потребительнаго принципа, и тѣмъ, что рабочая разверстка съ наибольшимъ удобствомъ какъ бы сама собой вытекаетъ изъ обычныхъ въ этихъ общинахъ частыхъ частныхъ „свалокъ-навалокъ"; часто же оно обусловливается тѣмъ, что необходимость производительной разверстки вызывается и другими, помимо тяжести платежей, условіями,—чаще всего тяжестью обработки самаго надѣла, благодаря чему „маломочные" хотя и могутъ уже „оправдать подати", но не могутъ „соху осилить".

Но во многихъ случаяхъ общинно-выкупное владѣніе прямо смѣняется передѣлами по потребительному принципу. Такъ, напр., въ Балашевскомъ у., въ дер. Натальиной, „еще въ началѣ 70 г.г. души на-

---

[1]) См. „Сб. ст. св. по Тверск. г.", т. VII, стр. 75.

[2]) См. „Мат. для оц. зем." по Семеновскому у., стр. 150. Или, напр., въ Макарьевскомъ у. Нижегородской г. „тамъ, гдѣ доходность надѣловъ оказалась (послѣ повышенія платежей) болѣе или менѣе значительно превышающею размѣры платежей" и „... принужденіе стало примѣняться общиною не относительно накладки надѣловъ, но относительно ихъ скидки"; въ 14 общинахъ у стариковъ, когда они достигаютъ 60 лѣтняго возраста, тягло принудительно отнимается, при чемъ за ними сохраняется право удержать до смерти лишь одну „душу", которой, по господствующему у крестьянъ мнѣнію, нельзя лишить старика противъ его воли, такъ какъ душа, „ревизская". Затѣмъ, въ другихъ общинахъ „земля снимается со стариковъ только при смерти и передается старшему по возрасту подростку, при чемъ въ однѣхъ общинахъ, а именно въ 37, такая передача производится строго и никакихъ исключеній не допускается, а въ другихъ 48 общинахъ — душа снимается изъ дома умершаго только въ томъ случаѣ, когда послѣ умершаго не осталось въ его домѣ никакого (хотя бы новорожденнаго) безтягольнаго наслѣдника", такъ что въ итогѣ въ Макарьевскомъ у. оказывается уже цѣлыхъ 30,2% всего числа общинъ, смѣнившихъ сразу общинно-выкупную производительную разверстку общинно-передѣльной производительной же разверсткой, въ 40,8% общинъ господствуетъ пока разверстка „по согласію" и всего лишь въ 3,7% общинъ „передѣлы прекратились и, по словамъ крестьянъ, болѣе производиться не будутъ" (болѣе или менѣе чистыя потребительныя разверстки отмѣчены въ 7,6% общинъ, а фазисъ общинно-выкупной, т. е. принудительныя навалки, остаются еще въ 17,7% общинъ... „Мат. для оц. зем.", по Макарьевскому у. стр. 83—84).

валивались насильно: теперь же, когда земля стала дороже, у иныхъ хозяевъ ее насильно отнимаютъ, чтобы передать тѣмъ, у кого много ѣдоковъ“ [1]). Въ Козельскомъ у. въ с—цѣ Лавровскомъ съ 86 г. съ умершаго обязательно сваливали землю, а на родившагося давали. Въ селѣ Березичахъ тоже съ малосемейныхъ насильно сваливали и наваливали на многосемейныхъ, уравнивая по ѣдокамъ“ [2]). Въ Жиздринскомъ у. Калужской же г. также „со времени пониженія выкупныхъ платежей и съ отмѣною подушной подати, среди сельскихъ обществъ началось движеніе въ пользу разверстки общинной земли по рабочему или же по наличному составу дворовъ. Такой способъ разверстки земли въ настоящее время преобладаетъ. Движеніе это продолжается и вызвало во многихъ сельскихъ обществахъ коренные передѣлы на срокъ отъ 12 до 20 лѣтъ“ [3]). Въ Гдовскомъ у. Петербургской г. также „со времени пониженія выкупныхъ платежей крестьяне стали переходить съ преобладавшаго ранѣе порядка разверстки по рабочей силѣ дворовъ и ихъ достатку къ разверсткѣ по наличному числу мужчинъ во дворѣ, а также по общему семейному составу, почти вовсе не принимая во вниманіе рабочую силу“ [4]). Въ Смоленской г. „въ трехъ сѣверныхъ у.у.,—Бѣльскомъ, Порѣчскомъ и Духовщинскомъ,—крестьяне стали болѣе дорожить надѣлами со времени пониженія выкупныхъ платежей и отмѣны подушной подати и дѣлятъ землю по наличному составу дворовъ безъ различія пола и возраста, или принимая за ѣдоковъ дѣтей только съ 3 или 5 лѣтъ. Прежній счетъ дворовъ по ревизіи или по работникамъ удержался здѣсь только, какъ исключеніе. Къ этимъ же у.у. слѣдуетъ, повидимому причислить и Сычевскій у.“ [5]). И т. д. и д. т. Напомню, наконецъ, что вообще установленіе высшей потребительной разверстки „по семейственности“ или „по ѣдокамъ“ констатировано было нами по цѣлымъ 8 губерніямъ изъ 20, гдѣ оно отмѣчено „Мат. под. инсп.“. именно какъ результатъ пониженія платежей; хотя, вслѣдствіе краткости данныхъ, не всегда есть прямое указаніе, предшествовало ли этой разверсткѣ именно общинно-выкупное владѣніе, но такъ какъ эти губерніи (указанныя уже Тверская, Нижегородская, Калужская, Смоленская, Петербургская и, кромѣ того, еще Владимірская, Новгородская, и Вятская) завѣдомо въ значительной своей части принадлежатъ къ общинно-выкупному району, то несомнѣнно, что, по крайней мѣрѣ, въ части этихъ случаевъ высшая потребительная разверстка возникла здѣсь именно непосредственно изъ общинно-выкупного владѣнія... [6]).

[1]) См. „Сб. ст. св.“ по Балашовск. у., в. II, стр. 118.
[2]) См. „Стат. опис. Калужск. г.“, I, в. 2, стр. 35.
[3]) См. „Мат. под. инсп.“, в. II, стр. 102.
[4]) Тамъ же, в. I, стр. 2.
[5]) См. „Мат. под. инсп.“, вып. II, стр. 107.
[6]) Надо замѣтить, что часто этотъ переходъ совершается очень постепенно и плавно. Особенно естественно и незамѣтно переходитъ разверстка „по силѣ“ семей въ разверстку „по нуждѣ“ семей, такъ какъ она не пріурочена строго къ опредѣленной единицѣ и путемъ нѣсколькихъ „свалокъ навалокъ“ быстро превращается изъ общинно-выкупной производительной въ общинно-передѣльную потребительную разверстку...

Итакъ, читатель видитъ, что наше апріорное неблагопріятное для общинно-выкупной формы предсказаніе оправдалось только отчасти, отчасти же оказалось совершенно ошибочнымъ: оказалось, что часто моментъ вздорожанія земли и начало борьбы за нее вовсе не является моментомъ разложенія общинно-выкупного владѣнія въ подворное, а, наоборотъ, началомъ превращенія его въ ту или иную чистую общинно-передѣльную форму. Естественно встаютъ, конечно, два вопроса: во-первыхъ, какой исходъ наблюдается чаще? и, во-вторыхъ, какими условіями объясняется это столь неожиданное развитіе общинной функціи? Имѣющіяся пока данныя, къ сожалѣнію, не даютъ категорическаго отвѣта на эти огромнаго интереса вопросы; они позволяютъ только слегка намѣтить наиболѣе вѣроятное ихъ рѣшеніе.

с. Что касается до распространенія случаевъ того или иного исхода въ пространствѣ, то для сужденія объ этомъ почти нѣтъ данныхъ, такъ какъ „Матеріалы податныхъ инспекторовъ“, охватывающіе періодъ съ 87 по 93 гг., все-таки, такимъ образомъ, не одновременны, а, главное, даютъ слишкомъ краткія указанія, матеріалы же земской статистики еще болѣе разновременны и охватываютъ только небольшую часть случаевъ явленія. Такъ что изъ этихъ данныхъ можно извлечь только отдѣльныя глазомѣрныя опредѣленія такого, напр., рода, что, по земско-статистическимъ даннымъ, въ Тверской губ., особенно въ такихъ у.у., какъ Калязинскій, Зубцовскій и т. п., общинно-выкупное владѣніе, повидимому, гораздо чаще разлагалось въ семейно-выкупное, чѣмъ переходило въ общинно-передѣльное; въ Нижегородской же губ., т.-е. по крайней мѣрѣ въ 5 описанныхъ ея у.у., кажется, дѣло шло, наоборотъ, скорѣе въ пользу общинно-передѣльной формы; въ данныхъ же податныхъ инспекторовъ я насчиталъ 6 у.у. съ преобладаніемъ перехода общинно-выкупной формы въ семейно-выкупную и 9 у.у. съ переходомъ въ общинно-передѣльное владѣніе; но понятно, что такіе подсчеты не даютъ настоящаго отвѣта, они съ несомнѣнностью указываютъ только на то, что и тотъ, и другой исходъ сильно распространены, а не то, чтобъ одинъ сильно преобладалъ, а другой представлялъ лишь рѣдкое исключеніе.

Но въ распредѣленіи ихъ во времени обнаруживается, кажется, значительно болѣе ясная и твердая тенденція. Тенденція эта состоитъ въ томъ, что, сравнительно, очень рѣдки такіе случаи, чтобъ съ момента обращенія къ землѣ сначала началось общинно-передѣльное владѣніе и затѣмъ смѣнилось бы семейно-выкупнымъ и, наоборотъ, очень часто послѣ перваго періода семейно-выкупного владѣнія, непосредственно послѣ вздорожанія надѣла, начинаются затѣмъ по цѣлому ряду общинъ уравнительные (по потребительному или производительному принципу) передѣлы. Этимъ и объясняется, что обыкновенно, чѣмъ позже по данному району производилось изслѣдованіе, тѣмъ болѣе благопріятную для общины картину оно рисуетъ. Напр., по очень неполнымъ земско-статистическимъ даннымъ 87 г. по Бѣжецкому у. здѣсь было 32% общинъ съ потребительной разверсткой,

по даннымъ же податн. инспект. за 87—93 гг. „эта разверстка стала обычною въ Бѣжецкомъ уѣздѣ“ [1]). Въ Капшинскомъ у.

	Число общинъ.	
	съ разверсткой по наличн. муж. д.	по ѣдокамъ.
по земско-статист. даннымъ.	19	24
„ позднѣйшимъ дан. под. инсп. . . .	48	70

Въ Гдовскомъ у. Петербургской г. по даннымъ земскаго изслѣдованія 82 г. оказалась всецѣло господствующей рабочая или ревизско-рабочая разверстка, и передѣлы (обыкновенно частныя свалки-навалки) происходили „не въ интересахъ хозяйственной справедливости, а въ интересахъ болѣе успѣшнаго поступленія платежей“; такъ что г. Н. Дроздовъ, авторъ цитируемаго очерка, пришелъ къ тому заключенію, что къ 82 г. „... процессъ обособленія, начавшійся съ усадебъ, коснулся всѣхъ общинныхъ угодій, за исключеніемъ развѣ выгоновъ... Это обособленіе затронуло... самыя верховныя права общины, какъ право переверстки надѣловъ между отдѣльными хозяевами и право сдачи надѣловъ въ чужія руки. Такъ постепенно расчищается почва для надвигающагося участковаго строя крестьянскаго хозяйства. На отдѣльныя попытки, правда еще слабыя, перехода къ участковому владѣнію мы можемъ указать даже и въ настоящее время. Такъ, о своемъ желаніи перейти къ участковому владѣнію заявили селенія Муравейно, Зовка и Еневы Заходы“ [2])... По свѣдѣніямъ же, собраннымъ въ 96 г., только „въ послѣднія 6 — 7 лѣтъ, общіе и частные передѣлы и спорадическія свалки-навалки отмѣчены уже по Гдовскому у. въ 30% общинъ, при чемъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ они происходили по потребительному принципу (по мужскимъ наличнымъ душамъ или гораздо чаще „по семейственности“); они произошли также и въ 2-хъ изъ упомянутыхъ 3-хъ общинъ, собиравшихся въ 82 г. перейти къ подворному владѣнію, (а о третьей я не нашелъ свѣдѣній, такъ какъ въ матеріалахъ вовсе не оказалось всей той волости, къ которой она принадлежитъ)...[1]).

Отъ всѣхъ этихъ сопоставленій получается такое впечатлѣніе, что очень часто свободные уравнительные передѣлы начинаются не тотчасъ по вздорожаніи надѣла, а послѣ нѣкотораго періода какъ бы господства индивидуалистическаго начала. Именно такую картину и рисуетъ намъ мѣстное изслѣдованіе Осташковскаго у., особенно типичнаго для разсматриваемаго явленія; здѣсь „въ послѣднее 30-лѣтіе отношеніе крестьянъ къ надѣльной землѣ подраздѣляется на 3 періода: 1-й съ 1861 г. по 1875 г., характеризующійся частыми и многочисленными свалками и навалками земли; 2-й съ 1875 по 1886 г.,

---

[1]) См. „Сб. ст. св.“ по Бѣжецк. у. стр. 113, и „Мат. пох. инсп.“, в. II, стр. 124.

[2]) См. „Мат. по стат. нар. хоз. по Петербургск. г.“, IV, стр. 63.

[3]) См. „Статист. сбор. по Петербургск. г.“, в. IV, стр. 43—44, 86 и 95.

спокойный періодъ, когда урегулировались практиковавшіяся до этого времени постоянныя перемѣны въ землевладѣніи отдѣльныхъ домохозяевъ, и 3-й съ 1886 г., когда земля пріобрѣла въ глазахъ крестьянъ весьма высокую цѣнность, началось требованіе ея со стороны слабыхъ и многодушныхъ семей, *началисъ передѣлы* съ разверсткою, болѣе отвѣчающей *величинѣ семьи*“ [1]). Такимъ образомъ, на цѣломъ рядѣ случаевъ мы видимъ, что индивидуалистическій періодъ, непосредственно смѣняющій общинно-выкупной фазисъ, не представляетъ собою окончательнаго, твердаго, длительнаго порядка, а часто означаетъ лишь какъ бы паузу въ общинно-передѣльной функціи,— паузу, обусловливаемую, очевидно, тѣмъ, что прежній внѣшній двигатель передѣловъ общинно-выкупного періода исчезъ, а новый внутренній двигатель свободной общинно-передѣльной борьбы за землю еще не успѣлъ сложиться, но послѣ нѣкотораго періода складывается... Понятно, что разъ, такимъ образомъ, мы можемъ заносить (какъ уже сказано) въ активъ общинно-передѣльному владѣнію *почти всѣ* случаи смѣны имъ общинно-выкупного владѣнія и ни только не можемъ сдѣлать того же для всѣхъ случаевъ наступленія семейно-выкупной формы, но даже прямо знаемъ, что часть ихъ (пока неизвѣстно, какая именно) перешла или скоро перейдетъ въ общинно-передѣльное владѣніе,—то ясно, что мы должны ожидать для настоящаго и ближайшаго будущаго по меньшей мѣрѣ равномѣрнаго распространенія этихъ формъ, а быть можетъ, даже, затѣмъ, и перевѣса общинно-передѣльной надъ семейно-выкупной формой.

Что касается причинъ такого неожиданнаго послѣ апріорнаго нашего анализа вывода, то для ихъ обнаруженія въ статьяхъ земской статистики совсѣмъ не имѣется данныхъ. Мы попробуемъ въ слѣдующемъ томѣ вскрыть ихъ путемъ статистическаго анализа, пока же позволимъ себѣ только намѣтить наиболѣе вѣроятныя предположенія. Отмѣтимъ, прежде всего, что часто вся эта смѣна общинно-выкупного индивидуалистическимъ и послѣдняго—общинно-передѣльнымъ порядкомъ можетъ быть въ значительной степени кажущейся: часто мы можемъ принять за индивидуалистическій порядокъ тотъ періодъ равновѣсія между доходностью и платежами и разверстки „по согласію“, который только по внѣшности можетъ представлять *господство личнаго* права, а по существу означаетъ лишь *отсутствіе общиннаго* права, представляетъ именно лишь паузу между общинно-выкупными передѣлами, вызываемыми борьбою *противъ* надѣла и общинно-передѣльными, двигаемыми борьбой за землю. Но, спрашивается, какимъ же образомъ все-таки начинается эта общинная борьба за передѣлъ, и какъ эти передѣлы осуществляются, когда противъ нихъ стоитъ такое огромное личное право, основанное на

---

[1]) См. „Сб. ст. св. по Тверской г.“, т. XII, стр. 59. Надо замѣтить, что тутъ же авторъ отмѣчаетъ, что „съ другой стороны... въ это же время сильно проявилось стремленіе другихъ хозяевъ закрѣпить за собой свои надѣлы посредствомъ выкупа по 165 ст. полож. о выкупѣ“.

трудѣ, выкупѣ и правахъ „ревизной души“? Тутъ возможны, мнѣ кажется, два болѣе, крупныхъ соображенія.

Во-первыхъ, мы можемъ допустить, что мы нѣсколько ошибались, т. е., точнѣе сказать, брали лишь одну сторону явленія, когда говорили, что крѣпостное и выкупное тягла могли скорѣе воспитать только непріязнь къ общинному владѣнію; быть можетъ, мы забывали при этомъ, что, помимо земельныхъ отношеній, въ этихъ общинахъ должны были подъ тяжестью этого тягла особенно сильно развиваться общая солидарность, привычка къ общимъ дѣламъ, къ мірскимъ заботамъ объ интересахъ каждаго общинника,—вообще та сплоченность и „дружность“, тотъ „общинный духъ“, который въ извѣстныхъ формахъ и предѣлахъ отнюдь не представляетъ выдумки „народниковъ“, а настолько ясно бросается въ глаза каждому наблюдателю, что всегда легко отличить „дружное общество“ отъ, такъ сказать, „разбродnаго“, какъ легко отличить „дружную“, „согласную“ семью отъ „несогласной“... И т. д. Съ другой же стороны,—что гораздо важнѣе, — мы, можетъ быть, сдѣлали коренную ошибку въ самой первой своей посылкѣ, принявъ всѣхъ „заможныхъ“ фактическихъ „державцевъ“ надѣловъ, представляющихъ *личное право труда*, *непремѣнно противниками* по этому самому и общиннаго права на трудъ. Между тѣмъ, вѣдь, въ каждый данный моментъ только тѣ изъ нихъ являются такими противниками, у которыхъ непропорціонально много земли по сравненію съ рабочимъ и особенно потребительнымъ составомъ ихъ семьи, которые, значитъ, при уравнительномъ передѣлѣ по одному изъ этихъ принциповъ, проиграли бы. А само собою разумѣется, что среди выстоявшихъ въ тягловой общинно-выкупной періодъ „тяглецовъ“-„державцевъ“ есть не только такіе, а и другіе, у которыхъ семья разрослась больше, которые чувствуютъ себя обдѣленными при данномъ распредѣленіи земли и должны потому стоять за новый уравнительный передѣлъ; такъ что партія за передѣлъ въ послѣ-выкупной періодъ состоитъ не изъ однихъ лишь „маломочныхъ“, ранѣе бѣжавшихъ отъ земли и имѣющихъ одно лишь голое общинное право на трудъ, но изъ нихъ—плюсъ часть „заможныхъ“ „державцевъ“ съ ихъ правомъ личнаго труда. И если мы вспомнимъ, что болѣе состоятельныя семьи именно и суть въ большинствѣ случаевъ семьи съ наибольшимъ рабочимъ составомъ и вообще наиболѣе быстро разростающіяся, то мы легко представимъ себѣ даже такое положеніе, что именно эти „заможные“ „державцы“ и составятъ ядро партіи за передѣлъ. Присоединимъ еще, наконецъ, и то соображеніе, что личное право труда у фактическихъ „державцевъ“ надѣловъ въ моментъ ихъ вздорожанія часто именно вслѣдствіе постоянныхъ свалокъ-навалокъ въ общинно-выкупной періодъ,—крайне неравномѣрно: одинъ тянулъ свой надѣлъ — „разоритель“ съ самой „воли“, другой получилъ его чрезъ 10 лѣтъ послѣ того, когда онъ уже значительно „полегчалъ“, многіе же взяли ихъ „безъ усилья“ уже въ періодъ равновѣсія платежей и доходности, и ихъ право труда и выкупа—минимально...

Если читатель вдумается въ эту сложнѣйшую и запутаннѣйшую сѣть правъ и интересовъ, развивающихся и сталкивающихся въ общинахъ при „обращеніи къ землѣ“, то онъ пойметъ, что въ этомъ поворотѣ общинно-выкупного владѣнія вмѣсто индивидуалистической на общинную колею не такъ ужъ много страннаго, какъ это могло бы показаться съ перваго взгляда, и во всякомъ случаѣ читатель согласится, что въ этотъ темный лабиринтъ намъ пока нечего и пускаться безъ руководящихъ статистическихъ нитей въ рукахъ... Поэтому, ради систематичности изложенія, мы должны пока оставить вопросительный знакъ на этомъ столь важномъ пунктѣ.

§ 5.

Сказаннаго, полагаю, достаточно, чтобъ читатель получилъ ясное и конкретное представленіе о томъ своеобразномъ отвѣтвленіи общинной формы, которое я называю о б щ и н н о-в ы к у п н ы м ъ владѣніемъ, и о главнѣйшихъ типахъ и фазисахъ его. Ясно теперь также должно быть, почему я выдѣляю его въ совершенно особую категорію среди другихъ общинныхъ формъ...

Въ этомъ толкованіи и опредѣленіи общинно-передѣльныхъ организацій при платежахъ, превышающихъ рентную доходность надѣла, мнѣ пришлось рѣзко разойтись съ такими, такъ сказать, классическими изслѣдованіями, какъ работы покойнаго В. И. Орлова и г. В. В. Эти авторы (а за нимъ и большинство другихъ) разсматриваютъ такого рода организаціи, какъ совершенно равносильныя и равнозначныя съ общинно-уравнительными формами при нормальныхъ условіяхъ, т. е., при превышеніи платежей доходностью, они считаютъ первыя и вторыя какъ бы двумя совершенно равноправными основными стволами по-реформенной общины. Такой взглядъ представляется мнѣ поверхностнымъ, и онъ объясняется, вѣроятно, неразработанностью вопроса, недостаточностью фактическихъ матеріаловъ въ то время, когда писались упомянутыя работы; этотъ взглядъ отправляется исключительно отъ в н ѣ ш н е й ф о р м ы общинной функціи, безъ достаточнаго вниманія къ ея п р и ч и н а м ъ и с л ѣ д с т в і я м ъ.

Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, только глядѣть на то, какъ дѣйствуетъ передѣльный механизмъ при надѣлѣ-„разорителѣ“, любоваться той строжайшей и детальнѣйшей уравнительностью, которую онъ осуществляетъ въ перепряжкѣ податного „тягла“, когда мы знаемъ, что основная пружина, двигающая этотъ механизмъ, лежитъ внѣ его, въ „разорительности“ надѣла, необходимо и постоянно вынуждающей эту перепряжку, чтобъ тягло не „задавило“ слабыхъ хозяевъ, и чтобъ эти недоимщики не „задавили“ общей петлей круговой поруки и всю общину? Механизмъ этотъ можетъ быть великолѣпнымъ, но онъ все-таки остается именно только м е х а н и з м о м ъ, онъ—скорѣе автоматъ общины, а не живая община. Если общину при нормальныхъ условіяхъ,—при надѣлѣ „кормителѣ“,—можно сравнить съ растеніемъ, которое въ зависимости отъ почвы и атмосфе-

ры, — отъ окружающихъ естественныхъ, экономическихъ, политическихъ, культурно-историческихъ условій,—можетъ и расти, и остановиться въ ростѣ, и совершенно засохнуть и погибнуть, и дать множество самыхъ мощныхъ и разнообразныхъ развѣтвленій во всевозможныхъ направленіяхъ, то тягловая податная община при надѣлѣ „разорителѣ" напоминаетъ скорѣе какой-то своеобразный земельно-перераспредѣлительный механизмъ, соединенный приводомъ круговой поруки съ основнымъ двигателемъ фискальной системы, и который движется именно только имъ, независимо отъ всякихъ другихъ условій, движется, какъ мельничное колесо, только при извѣстномъ уровнѣ податной тяжести и при извѣстной силѣ „выбиванія" податей и замедляется и останавливается, какъ только этотъ уровень и эта сила до извѣстной степени понижаются и ослабѣваютъ. Только при надѣлѣ-„кормителѣ„ общины могутъ приспособляться къ средѣ, т. е. выбирать тѣ или иныя формы, наиболѣе согласныя съ цѣлью и условіями общиннаго владѣнія, при надѣлѣ же „разорителѣ" уже нѣтъ самопроизвольнаго приспособленія общинъ, нѣтъ выбора, такъ какъ возможна только одна извѣстная предустановленная форма (частые частные передѣлы по производительному принципу), т. е. еще нѣтъ, строго говоря, общины, какъ обычно-правового института.

Изъ этого недостаточно яснаго пониманія механичности податной тягловой общины естественно вытекало и постоянное трактованіе ея, какъ какого-то основного типа русской общины, въ то время, какъ она представляетъ именно только фазисъ и при томъ крайне скоропреходящій и, такъ сказать, искусственный фазисъ въ эволюціи этой общины. Помѣщичьи крестьяне изъ ада крѣпостного тягла, въ которомъ они сами были объектомъ владѣнія, не сразу перешли въ рай свободнаго владѣнія, а попали временно въ чистилище выкупного періода,—въ своеобразное положеніе полусубъекта (поскольку пользовались землею), полуобъекта (поскольку выкупали ее и себя) владѣнія. Понятно, что этотъ періодъ еще не земле-выкупанія не представляетъ самодовлѣющаго интереса, а важенъ и интересенъ вопросъ, какая именно форма должна его смѣнить, когда настанетъ настоящее землевладѣніе? Но, конечно, для этого вопроса представляютъ слабое значеніе внѣшняя организація и функція общинно-выкупного владѣнія: по общиннымъ формамъ перепряжки выкупного тягла нельзя предвидѣть, какая затѣмъ установится форма распредѣленія земли; по формамъ борьбы противъ надѣла нельзя судить о результатахъ будущей борьбы за надѣлъ; для послѣдняго важно прослѣдить всю ту комбинацію правъ и интересовъ, которая только складывается, но еще не проявляется въ общинно-выкупномъ фазисѣ.

Таковы итоги уже первыхъ двухъ параграфовъ этой главы. Въ послѣднихъ двухъ §-хъ мы и постарались, на сколько то позволяли описательные матеріалы земскихъ изслѣдованій,—освѣтить общинно-выкупныя формы съ такой динамической точки зрѣнія. Мы очертили условія и слѣдствія основныхъ моментовъ общинно-выкуп-

ного періода, начиная съ перваго остраго его фазиса крайней тяжести надѣла-тягла, фазиса „плача надъ землей“ и „бѣгства отъ земли“, продолжая, затѣмъ, постепеннымъ смягченіемъ, „полегшаніемъ“ надѣла-„разорителя“ и кончая вздорожаніемъ его (вслѣдствіе пониженія платежей и повышенія его объективной цѣнности и доходности) и общимъ „обращеніемъ къ землѣ“ всѣхъ общинниковъ. Мы нашли, что въ результатѣ всѣхъ этихъ смѣнъ должны были подъ внѣшней общинной формой накопиться сильные элементы личнаго права (основанные на трудѣ и выкупѣ) [1]), и, затѣмъ, увидѣли, что очень часто дѣйствительно съ момента „обращенія къ землѣ“, когда спадаетъ эта внѣшняя скрѣпа выкупного „тягла“, изъ-подъ нея намъ сразу открывается картина глубоко укоренившагося индивидуальнаго земельнаго права,—наслѣственнаго „родового“ владѣнія и распоряженія надѣлами фактическихъ ихъ „державцевъ“, открывается какъ бы „начало конца“ общины. Но рядомъ съ этимъ во многихъ также случаяхъ, наоборотъ, вынужденная общинно-выкупная передѣльная функція сразу переходитъ съ момента „обращенія къ землѣ“ въ свободную самопроизвольную общинно-передѣльную организацію, а часто,—что еще важнѣе,—послѣдняя возникаетъ чрезъ нѣкоторое время даже и перваго рода, какъ бы начавшихъ было, повидимому, разлагаться общинахъ, пока, однако, мы не можемъ еще вполнѣ ясно уловить корней этой неожиданной жизнеспособности общиннаго начала...

Такимъ образомъ, въ окончательномъ итогѣ, я, хотя и отказываюсь совершенно отъ преобладавшаго ранѣе мало обоснованнаго и формальнаго взгляда на общино-выкупную форму, какъ на чистое общинное владѣніе, но не могу,—хоть къ этому и склоняютъ нѣкоторыя апріорныя соображенія и часть имѣющихся фактовъ,—признать рѣзко перевѣшивающимъ въ ней и индивидуалистическій элементъ. Несомнѣнными же и твердо установленными я считаю только слѣдующія положенія: 1) общинно-выкупное владѣніе не представляетъ ясной и твердо установившейся общинной формы, а, наоборотъ, являетъ максимально неопредѣленное, неустойчивое и искусственное сочетаніе личнаго и общиннаго начала; 2) эта форма можетъ и разлагаться въ семейно-выкупное, т. е. переходное къ подворному, владѣніе, и переходить въ общинно-передѣльное, такъ что мы должны ожидать, что части общинъ этого вида предстоитъ первый, а части—второй исходъ. Какой же исходъ былъ до сихъ поръ и будетъ въ ближайшемъ будущемъ чаще, этого, вслѣдствіе недостаточности имѣющихся матеріаловъ и незаконченности самого изслѣдуемаго процесса, мы пока не можемъ рѣшить.

[1]) Интересно отмѣтить, что къ этому выводу пришелъ В. И. Григорьевъ еще въ 81 г. Вотъ три изъ пяти основныхъ выводовъ его статьи объ общинѣ въ Рязанскомъ у. „Слишкомъ сильное несоотвѣтствіе платежей съ доходностью земли, вызывая потягольную разверстку порождаютъ ч а с т ы е коренные передѣлы, а они, такъ сказать, держатъ землю въ рукахъ общины... Вліяніе выкупа... повидимому должно слабѣть при значительномъ пониженіи крестьянскихъ платежей... Тамъ, гдѣ платежи очень высоки, разрушительное вліяніе выкупа на общину вопросъ времени: отъ уничтоженія передѣловъ удерживаетъ только отдаленность погашенія выкупной ссуды“ (См. „Сб. ст. св. по Рязанской губ.“, в. I, статья по общинѣ, стр. 36).

ГЛАВА VII.

Послѣ всего вышеочерченнаго намъ осталось теперь дорисовать еще только одинъ, и наиболѣе тѣневой уголъ картины современнаго крестьянскаго общиннаго землевладѣнія въ Россіи. Мы очертили зарождающуюся, развивающуюся, живущую и, повидимому, жизнеспособную общину у государственныхъ крестьянъ, общинно-выкупную форму у части бывшихъ помѣщичьихъ, теперь же мы перейдемъ къ остальной части этихъ помѣщичьихъ крестьянъ, чтобы прослѣдить фазисъ упадка и разложенія. Такой исходъ, какъ было уже упомянуто, наблюдается въ значительной части тѣхъ бывшихъ помѣщичьихъ общинъ, гдѣ доходность надѣла превышала платежи, и, такимъ образомъ, индивидуализирующее вліяніе выкупной операціи и другихъ условій могло сразу же по освобожденіи проявиться съ полной силой. Обрисуемъ прежде всего еще разъ эти разлагающія вліянія и способъ ихъ дѣйствія.

§ 1.

а. Необходимо прежде всего во всей конкретности представить себѣ общее положеніе крестьянъ тотчасъ по освобожденіи, ихъ отношеніе къ землѣ и формамъ владѣнія ею. Я указалъ уже выше, что мы не имѣемъ права ожидать въ нихъ никакой общинной традиціи, никакой, скажемъ шире, общинной инерціи, какъ наслѣдія отъ крѣпостного права, такъ какъ все отношеніе ихъ къ землѣ было механизировано крѣпостнымъ правомъ, не дававшимъ, какъ общее правило, пробиться въ немъ ни одному ростку обычнаго крестьянскаго права. Что, спрашивается, могъ дать самый моментъ освобожденія? Въ этотъ моментъ крестьянство напоминало ребенка, котораго внезапно распеленали; понятно, что послѣ 200 лѣтъ пребыванія въ крѣпостныхъ путахъ у него должно было явиться стремленіе усиленно двигаться, дѣйствовать: проявить себя и при томъ какъ можно сильнѣе и самостоятельнѣе, индивидуалистическая реакція эта должна была быть тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ сильнѣе была подавлена личность при крѣпостномъ правѣ. Такимъ образомъ, освобожденное крестьянство мы должны представлять себѣ безъ общинной инерціи и въ индивидуалистическомъ, такъ сказать, настроеніи. Но и только. Именно въ силу вышесказаннаго, у освобожденныхъ крестьянъ, привыкшихъ къ

автоматическому отношенію къ землѣ, не могло быть на первыхъ порахъ никакого *опредѣленнаго* отношенія къ ней, они въ массѣ не могли ни ясно представить себѣ свое внѣшне-юридическое положеніе, ни найти и рѣшить, какая форма владѣнія для нихъ наиболѣе въ разныхъ отношеніяхъ выгодна и желательна, — они могли, какъ общее правило, только ждать отъ распеленавшей ихъ государственной власти опредѣленія своего положенія и, затѣмъ, пассивно усвоить и примѣнить ту внѣшнюю форму, въ какую отлилось ихъ освобожденіе и надѣленіе землей. Такъ и случилось въ дѣйствительности. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ помѣщичьи крестьяне приняли способъ исчисленія и нарѣзки имъ надѣла за постоянную и обязательную для нихъ форму владѣнія. А именно, такъ какъ надѣлъ былъ нарѣзанъ по числу ревизскихъ душъ въ каждомъ селеніи, то, — поняли крестьяне, — надѣлъ, значитъ, нарѣзанъ на *ревизскія* души, т. е. каждая *ревизская душа* получаетъ въ *свое владѣніе* по столько-то земли. Если бы они еще могли усомниться въ томъ, что земля нарѣзана именно однѣмъ ревизскимъ душамъ, то это сомнѣніе устранялось тѣмъ, что земля „*выкупается*", т. е., по крестьянскому пониманію, „покупается", очевидно, именно этими самыми ревизскими душами, въ собственность, ибо выкупъ выплачивается въ извѣстный періодъ, т. е. при жизни этихъ ревизскихъ душъ и именно онѣ его выплачиваютъ... Такимъ образомъ, сразу же землевладѣніе помѣщичьихъ крестьянъ утверждалось на двухъ лично-формальныхъ основаніяхъ, — ревизской души и выкупа.

Это господство земельнаго права *ревизской души* — фактъ глубоко интересный и характерный, какъ показатель уровня культуры современной Россіи. Собственно говоря, это право *никѣмъ не установлено*, — ни государствомъ (отводившимъ землю хоть на ревизскихъ и на выкупъ, но въ общинное владѣніе), ни, тѣмъ болѣе, обычнымъ крестьянскимъ правомъ: оно господствуетъ только потому, что крестьяне *воображаютъ*, *будто оно установлено* государствомъ. И вотъ эта фантастическая тѣнь реализовалась и царитъ надъ всѣми другими реальными, какъ обычно-правовыми, такъ и государственными нормами крестьянскаго землевладѣнія... Я затрудняюсь приводить доказательства силы и общераспространенности этого права ревизской души, именно вслѣдствіе всеобщности и общеизвѣстности этого факта и чрезмѣрнаго количества его примѣровъ. Не найдется, кажется, ни одного уѣзда, гдѣ изслѣдованіе не отмѣтило бы фетишистскаго отношенія къ „ревизской душѣ" обыкновенно въ значительномъ числѣ государственныхъ и всегда въ *большинствѣ*, а иногда положительно во всѣхъ помѣщичьихъ общинахъ. Поразительнѣйшіе примѣры силы этого права мы уже видѣли на тѣхъ случаяхъ, когда при „обращеніи къ землѣ" послѣ общинно-выкупного фазиса, надѣлы отбираются для ревизскихъ и ихъ наслѣдниковъ отъ хозяевъ, ихъ по 20—30 лѣтъ обрабатывавшихъ и заплатившихъ за нихъ большую половину выкупа, т. е. когда цѣлая совокупность сильнѣйшихъ личныхъ правъ, права труда, выкупа, давности, приносится въ

жертву этому воображаемому праву, этому своеобразному „табу“ темнаго крѣпостного крестьянства... Это „табу“ такъ твердо, неискоренимо и послѣдовательно, что не только на немъ настаиваютъ сами „ревизные“, домогаясь или не желая уступать „за-ревизнымъ“ своего надѣла, но на немъ же основываются и за-ревизные, отказывающіеся отъ этого надѣла, когда онъ является „разорителемъ“: среди, напр., помѣщичьихъ крестьянъ Семен. у. (напр., Хохломской волости) старики рады бы свою и выморочную землю наваливать на молодыхъ, но эту землю, излишне отягощенную платежами, молодые не берутъ: „мы де не ревизскіе и не обязаны брать ее“ [1]). Мало того, это право крестьяне охраняютъ даже прямо вопреки личнымъ своимъ интересамъ: указаны, напр., такіе факты, что старикъ крестьянинъ голосуетъ на сходѣ противъ передѣла, хотя онъ лично при немъ получилъ бы замѣтную прирѣзку надѣла, единственно потому, что находитъ передѣлъ незаконнымъ, такъ какъ „земля дана царемъ ревизнымъ“. Надо, наконецъ, замѣтить, что отнюдь не въ глухихъ какихъ-либо деревняхъ, а въ самыхъ большихъ и бойкихъ селахъ,—отнюдь даже не въ одномъ крестьянствѣ, а, несомнѣнно, весьма часто и въ стоящей надъ нимъ администраціи, — въ волостныхъ правленіяхъ и даже, повидимому, въ нѣкоторыхъ крестьянскихъ „Присутствіяхъ“—также свято почитается „табу“ ревизской души [2]).

Надо, впрочемъ, оговориться, что это почитаніе еще не означаетъ необходимо само по себѣ утвержденія чистаго личнаго права и отрицанія общиннаго. Весьма часто крестьяне только потому не желаютъ надѣлять землею за-ревизныхъ и лишать надѣловъ ревизскихъ, что считаютъ это дѣломъ правительства, которое своевременно, либо

---

[1]) „Мат. по оц. земли“ Семеновск. у. часть. эконом., стр. 143.

[2]) Мы уже видѣли выше, что возвращеніе надѣловъ „блуднымъ“ ревизскимъ душамъ послѣ общинно-выкупного фазиса часто происходило вопреки волѣ общинъ, рѣзко противъ того возстававшихъ, именно по рѣшенію волостныхъ судовъ и крестьянскихъ присутствій. Приведу еще аналогичный примѣръ: „въ Сердобск. у. Сарат. губ. многодушники въ д. Никольской... выставляютъ, между прочимъ, такой аргументъ, что вся земля будто бы принадлежитъ по закону ревизскимъ душамъ, а родившимся послѣ ревизіи „отъ помѣщика не дано земли; поэтому они при семейныхъ раздѣлахъ не имѣютъ права требовать отъ отца пашни или огорода“. То же самое подтвердило и мѣстное волостное правленіе, ссылаясь на „Положеніе“, по которому будто бы „никто не можетъ отобрать у другого надѣлъ, за который тотъ въ теченіе 25 лѣтъ вносилъ выкупные и иные платежи“ (См. сб. по этому у. стр. 141).

Приведу еще нѣсколько отзывовъ (кромѣ приведенныхъ уже въ VI главѣ) для иллюстраціи громаднаго значенія „ревизской души“, какъ тормаза для передѣла. Въ Херсонск. у. за ревизскими душами „признается, если не исключительное, то преимущественное право на землю“... „Согласно этому взгляду надѣльная земля принадлежитъ семьѣ, имѣющей одну или нѣсколько ревизскихъ душъ, на которыхъ она была записана. Все количество этой земли находится въ распоряженіи хозяина отца, который ее и завѣщаетъ затѣмъ, кому знаетъ (См. „Сб. ст. св.“ по Херсонск. уѣзду, стр. 196). Въ Вяземск. у. Смоленск. г. нѣкоторыя общины, принявшія сначала потягольную разверстку, переходили, въ виду новыхъ требованій, къ разверсткѣ по ревизскимъ душамъ, опираясь на то, что земля дана только на ревизскія души, а на новыя,—на работниковъ даже, не попавшихъ въ ревизію, земли нѣтъ“. (См. „Сб. ст. св.“ по этому у. стр. 13).

производетъ новую ревизію и тѣмъ дастъ сигналъ къ такому передѣлу, либо прямо вскорѣ надѣлитъ за-ревизныхъ новой землей. Такъ, напр., въ Козьмодемьянск. уѣздѣ Казанск. губ., часто происходятъ своеобразныя „переверстки“ по наличнымъ ревизскимъ душамъ, при чемъ „за-ревизнымъ“ земли не даютъ именно потому, что ждутъ „ревизіи“ и вполнѣ увѣрены, что за-ревизные получатъ при ней особую прирѣзку [1]), и т. д. Особенно часто такое ожиданіе ревизіи у бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ это „ревизское право“ нельзя считать прямо и непосредственно анти-общиннымъ, оно только имѣетъ, такъ сказать, анти-передѣльное значеніе. Но понятно, что тѣмъ самымъ косвенно оно дѣйствуетъ и противъ общиннаго права, такъ какъ въ отсутствіе передѣловъ неизбѣжно растетъ личное право труда, и потому, чѣмъ дольше нѣтъ передѣловъ, тѣмъ труднѣе имъ начаться. Но въ нѣкоторыхъ и очень частыхъ случаяхъ совершенно ясно и рѣзко выражено бываетъ пониманіе крестьянами „ревизскаго права“ именно, какъ личнаго, наслѣдственнаго, исключающаго всякіе уравнительные передѣлы права. Особенно рѣзкій образчикъ такого полнаго разложенія общины лично-ревизскимъ владѣніемъ представляютъ тѣ, очень рѣдкіе, правда, случаи, когда оно устанавливалось еще при предпослѣдней ревизіи, а послѣдняя проходила для него уже безъ всякаго вліянія. Такъ, напр., въ с. Скосогоровкѣ Богодуховск. у. владѣютъ по душамъ не X, а IX ревизіи: „общество это получило свою землю въ даръ отъ помѣщика на души по IX ревизіи, а потому въ обществѣ поддерживается мнѣніе, что земля принадлежитъ исключительно только тѣмъ душамъ“ [2]).

Итакъ, приняли ли помѣщичьи крестьяне ревизскую разверстку за временную впредь до новой ревизіи, или они сочли ее установленной государствомъ навсегда, „навѣчно“,—во всякомъ случаѣ они усвоили ее безъ критики и борьбы какъ обязательную, какъ неприкосновенное „табу“, и она тяжелымъ тормазомъ стала противъ передѣловъ, противъ всякаго движенія общины. Понятно однако, что съ теченіемъ времени мало-по-малу должны были проясняться представленія крестьянъ, возникать сомнѣнія въ этомъ „табу“, борьба противъ него. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ періодъ господства этого личнаго ревизскаго права успѣвали сильно разростаться и другія личныя права. Первымъ изъ нихъ, наиболѣе яркимъ и бросающимся въ глаза, было право выкупа, отчасти нераздѣльное съ этимъ же правомъ ревизской души и обыкновенно во многихъ семьяхъ совмѣщающееся съ нимъ.

в. Какъ было уже указано, выкупъ по самому существу своему внесъ въ пореформенную общину разлагающее начало, будучи справедливымъ только при индивидуалистическомъ своемъ осуществленіи, а при общинномъ необходимо обусловливая вопіющую обиду одного поколѣнія послѣдующими, однѣхъ семей другими. Но и въ

---

[1]) „Сб. ст. ст.“ по Козьмод. у., стр. 57.
[2]) См. „Сб. ст. св.“ по этому у., стр. 64.

основныхъ деталяхъ своихъ выкупная „операція“ была какъ бы нарочно приспособлена къ индивидуализаціи владѣнія, даже, строго говоря, прямо представляла отрицаніе общиннаго владѣнія. Я говорю главнымъ образомъ о знаменитой 165 статьѣ „Положенія о выкупѣ“, по которой каждый членъ общины могъ, взнеся единовременно всю недоплаченную въ данный моментъ выкупную сумму за находящійся въ его пользованіи въ этотъ моментъ надѣлъ, выкупить его въ полную личную свою собственность. Я не знаю, допустимо ли даже такое личное право при общемъ владѣніи, но уже при общинномъ оно во всякомъ случаѣ немыслимо, оно въ корнѣ отрицаетъ его. Къ чему, спрашивается, сводятся права владѣнія общины на ея землю, если въ каждый данный моментъ каждый изъ ея членовъ можетъ завладѣть въ личную собственность тѣмъ участкомъ, который община отвела ему для пользованія? Что это за общинное землевладѣніе, при которомъ въ любой моментъ любые куски территоріи могутъ быть растащены ихъ „державцами?“ И понятно, какое глубокое нарушеніе элементарнѣйшихъ не только общинныхъ, но и личныхъ правъ вносилось этой не даромъ прославившейся „статьей“: одинъ хозяинъ могъ выплачивать 25 лѣтъ выкупъ за свои, скажемъ, 5 надѣловъ при надѣлѣ „разорителѣ“, а затѣмъ у него могли отобрать—положимъ два или три изъ нихъ (для „заревизной“ или обдѣленной семьи, или даже можетъ быть для „ревизскаго“, ранѣе бѣжавшаго, а теперь вернувшагося), и новый владѣлецъ, внеся остаточные (къ тому же пониженные) платежи, пріобрѣтаетъ его въ полную собственность, т.-е. выйдетъ, что первый выкупалъ ихъ не только не прямо для себя, но и не для общины, т.-е. косвенно въ будущемъ отчасти для себя же,—а исключительно для одной чужой ему семьи, выйдетъ, что Сидоръ Ивановъ весь свой рабочій вѣкъ,—съ 25 до 50 лѣтъ „бился“ надъ надѣломъ-„разорителемъ“ только для того, чтобъ его получилъ, когда онъ сталъ „кормителемъ“, Иванъ Сидоровъ безъ всякихъ жертвъ съ своей стороны (доплата во вторую половину выкупного періода уже такъ мала, что гораздо ниже стоимости земли и всегда можетъ быть взята въ заемъ крестьяниномъ подъ залогъ того же надѣла)... Во II томѣ я подвергну подробному статистическому анализу это растаскиваніе общинной земли по 165 статьѣ, пока же долженъ только отмѣтить, что оно отнюдь не осталось на бумагѣ, въ потенціи, а мало-по-малу стало въ нѣкоторыхъ губерніяхъ принимать въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ г.г. массовый характеръ, такъ что въ 93 г. появился, наконецъ, законъ, возстановившій въ этомъ пунктѣ общинное право, путемъ установленія требованія такого личнаго досрочнаго выкупа, согласія на то общины въ лицѣ $^2/_3$ ея членовъ; надо подчеркнуть и то, что у государственныхъ крестьянъ, также переведенныхъ на выкупъ съ 86 г., такой отрицающей общину статьи вовсе уже нѣтъ...

Такую же „наглядную несообразность“ представило и законодательство, урегулировавшее существованіе и дѣйствіе общины. Имъ установлено одинаковое требованіе $^2/_3$ голосовъ, какъ для перехода

отъ общиннаго къ подворному владѣнію, такъ и для производства простого общиннаго уравнительнаго передѣла. Такимъ образомъ, хотя община формально была оставлена, но фактически для самаго основного и необходимаго акта ея функціонированія былъ поставленъ такой же тормазъ, какъ и для рѣшенія вопроса: быть ей или не быть? Понятно, что, если для послѣдняго случая квалифицированное большинство логично и необходимо, то для перваго оно крайне вредно и несправедливо, такъ какъ въ массѣ, если не въ большинствѣ случаевъ, за цѣлыхъ 25—39 лѣтъ пореформеннаго періода не успѣвало накопиться въ общинѣ $^2/_3$ хозяевъ обдѣленныхъ даннымъ распредѣленіемъ земли, и потому въ это время передѣлы могли произойти и дѣйствительно происходили только потому, что за нихъ голосовали терявшіе отъ нихъ хозяева!... На послѣднемъ примѣрѣ читатель съ особенной яркостью видитъ истинный характеръ законодательства объ общинѣ, выработаннаго при освобожденіи крестьянъ: въ самыхъ основныхъ пунктахъ оно нарушало самое элементарное и ясное общинное право, на главнѣйшую функцію его оно накладывало такую петлю, что ясно обнаруживалось либо преднамѣренное желаніе подавить общину, либо отсутствіе всякаго интереса и представленія о томъ, будетъ ли и какъ именно будетъ она функціонировать. Послѣднее и имѣло мѣсто въ дѣйствительности. Авторы разбираемаго законодательства въ значительномъ большинствѣ совершенно не допускали возможности существованія общины въ пореформенный періодъ, твердо вѣруя въ неизбѣжность быстраго ея разложенія, и не уничтожили ее формально только именно потому, что считали безполезной такую насильственную ломку, „операцію“ надъ тѣмъ, что должно было, по ихъ мнѣнію, легко исчезнуть путемъ „естественнаго процесса“ [1]). Но отъ этого-то ожиданія ихъ разложенія общины они и приспособили все къ облегченію ея кончины и ничего для ея жизни, а тѣмъ самымъ сильно поспособствовали первому исходу, скажемъ больше,—прямо произвели рѣзкую, насильственную „операцію“ разложенія общины...

Такимъ образомъ, мы видимъ, что крестьяне, принявшіе надѣленіе ревизскихъ душъ съ переводомъ на выкупъ за покупку земли ревизскими душами, не были въ этомъ случаѣ правы только въ буквѣ: но были правы по существу, они уловили именно самый духъ установленнаго у нихъ вида землевладѣнія, формально еще не уничтожавшаго общины, но цѣлой системой толчковъ и

[1]) „Въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ 60-тидесятыхъ г.г.. — говоритъ г. Иванюковъ, — въ огромномъ большинствѣ образованнаго русскаго общества, да, кажется, и между членами редакціонной комиссіи, господствовало убѣжденіе, что общинное владѣніе не имѣетъ будущности, что оно рано или поздно, неизбѣжно должно перейти въ участковое. При такомъ взглядѣ въ Положеніи 19 февраля 61 г. не было поставлено никакихъ правилъ о порядкѣ обращенія частной собственности въ общинную. Вниманіе редакціонной комиссіи было обращено лишь на случаи перехода отъ общиннаго владѣнія къ частной собственности“ (См. статьи объ общинѣ въ Полит. экон. Иванюкова, цитирую по Рус. Мысли 86 г., стр. 86).

тормазовъ закрывавшей ей путь для дѣйствія, для развитія, и настежъ открывавшаго двери для процессовъ, ее парализующихъ и разлагающихъ. Нельзя было понять выкупъ, какъ общинный, когда каждая семья могла, совершенно игнорируя существованіе общины, выкупить свой участокъ въ личную собственность, но даже и при воззрѣніи на выкупъ, какъ на общинный, все-таки ничто не могло помѣшать его индивидуализирующему вліянію, такъ какъ каждый выкупной взносъ представляетъ новый корень личнаго права каждаго „державца“ на его надѣлъ, и мало-по-малу они строются уже неразрывно. Такая роль выкупной „операціи“ рѣшительно повсюду совершенно ясно указывается множествомъ изслѣдователей и, какъ нельзя болѣе ярко, выступаетъ изъ отзывовъ самихъ крестьянъ. Приведу нѣкоторые болѣе характерные изъ множества ихъ.

„Выкупная операція, — говорилъ г. Филимоновъ еще въ 82 г. о Суражскомъ у. Черниговской губерніи,—находится въ прямомъ противорѣчіи съ принципомъ общиннаго землевладѣнія и служитъ немалымъ тормазомъ къ производству коренныхъ передѣловъ. Лишь только въ той или другой общинѣ затрагивается вопросъ о коренномъ передѣлѣ, выступаетъ тотчасъ же цѣлая масса протестующихъ: „хиба хто позволитъ, щобъ его надѣлы перешли кому-нибудь другому! 20 лѣтъ каждый изъ насъ выкупалъ надѣлы, не допивая, не доѣдая, а тутъ изволь ихъ отдать другому ни за что, ни про что. Коли ужъ на то пошло, щобъ у меня отняли часть надѣловъ, то пусть тотъ, кому они достанутся, заплатитъ мнѣ заразъ весь тотъ выкупъ, который вносилъ я ежегодно въ продолженіе 20 лѣтъ!“ Эти слова всегда имѣютъ магическое дѣйствіе, и вопросъ о передѣлѣ рѣшается отрицательно. Только лишь въ 7—8 общинахъ вопросъ о коренномъ передѣлѣ прошелъ благополучно. Всѣ же другія общины мы можемъ считать переходящими къ частному землевладѣнію. Окончаніе выкупной операціи будетъ началомъ возникновенія подворной земельной собственности“. И дѣйствительно, „не разъ приходилось видѣть уже теперь въ волостныхъ правленіяхъ приговоры о переходѣ къ подворному владѣнію“ [1]).

---

[1]) См. „Матеріалы для оцѣнки зем. Черниг. г. т. IX Суражскій у. Приведу еще особенно отчетливое резюме г. Харизоменова о Хвалынскомъ у...“ Причины отсутствія наличной раскладки въ владѣльческихъ общинахъ,—говоритъ г. Харизоменовъ,—весьма просты и ясны: они указываются самими крестьянами. Въ деревнѣ Ивановкѣ Алексѣевской волости большинство противъ передѣла по наличнымъ душамъ: хозяева съ большимъ числомъ ревизскихъ душъ говорятъ: „мы платили за землю въ то время, когда тяжело было, а какъ платежи легче стали (намекъ на пониженіе выкупныхъ платежей), такъ и отдай, молъ,—нѣтъ это обидно!“ Выкупная операція разрушаетъ общинное землевладѣніе, прекращаетъ періодическіе передѣлы и вводитъ общее владѣніе съ наслѣдственными паями, нарѣзанными по душамъ X ревизіи или точнѣе уставной грамоты. Домохозяинъ, платившій болѣе 20 лѣтъ выкупные платежи, разсчитываетъ черезъ 26—27 лѣтъ совершенно освободить свою землю отъ этихъ платежей, и никакія гуманныя соображенія не могутъ его заставить участокъ, на половину выкупленный, стоимость и доходность котораго, благодаря быстрому росту цѣнъ на землю и хлѣбъ, возросла за 20 лѣтъ вдвое, втрое,—уступить даромъ другому. Этотъ мотивъ имѣетъ особенную силу

Съ особенной яркостью то же воззрѣніе крестьянъ на выкупъ, какъ на личную какъ бы покупку земли, выразилось въ Ставропольскомъ у. Самарской губ. Здѣсь, при опросѣ крестьянъ, цѣлыхъ 23 общества рѣшительно высказались, что „землю передѣлять совсѣмъ не станутъ, потому что каждый платитъ за нее выкупъ, а по уплатѣ выкупа она дѣлается собственной... хоть ее продавай“ [1]). Вообще въ этомъ уѣздѣ „сильные многонадѣльные хозяева, у которыхъ численный составъ семьи быть можетъ не превышаетъ 1—2 душъ мужского пола, указываютъ міру на то, что они вотъ уже болѣе 20 лѣтъ платятъ выкупъ за 4 — 5 душевыхъ надѣловъ, уплатили за это время не менѣе, а можетъ быть и болѣе 1000 рублей всѣхъ платежей, все время „ухаживали за землей“, тратились на улучшеніе ея, а тутъ вдругъ у нихъ хотятъ отнять 3—4 надѣла и передать другому домохозяину, у котораго хотя и народилось послѣ ревизіи до 5 душъ мужского пола, но который все время платилъ выкупъ за одинъ душевой надѣлъ, — это несправедливо и незаконно; міръ не имѣетъ права опредѣлять землю по своему произволу, надо напередъ спросить начальство, что оно скажетъ, или же ждать новой ревизіи...[2]). И до какой степени именно ассоціировалась въ представленіи крестьянъ идея индивидуальнаго владѣнія съ самымъ принципомъ выкупа это ярко показываютъ слѣдующіе хотя бы примѣры: Въ с. Крымскомъ Славяносербскаго уѣзда крестьяне, по ихъ словамъ, потому не производятъ передѣла, не знаютъ, есть ли на это воля (право), что „затѣмъ и стѣсняются. Къ тому же было нарѣчіе, что земля пойдетъ въ собственность на выкупъ“...[3]). Въ д. Аристовкѣ, Лаишевскаго уѣзда (Казанской губерніи) въ 1882 году передѣлили землю по „новымъ“ душамъ (мужскимъ наличнымъ); но въ 1888 году опять

тамъ, гдѣ 10—15 лѣтъ тому назадъ земля была тягостью, арендная цѣна была ниже платежей, а теперь поднялась выше платежей. Естественно, что домохозяинъ, 15 лѣтъ терпѣвшій всѣ невыгоды мірского землевладѣнія, отнюдь не намѣренъ разставаться съ надѣломъ теперь, когда онъ приноситъ выгоду“ (См. „Сб. ст. св. по Хвалынск. у.“ стр. 31). Нельзя не согласиться также съ соображеніями автора статьи объ общинѣ въ Цивильскомъ у. Казанск. г. „Переходъ къ новому распредѣленію земли у крестьянъ, бывшихъ государственныхъ,—говоритъ онъ,—требовалъ только пропорціональнаго перераспредѣленія текущихъ платежей, не представляющаго никакихъ затрудненій, между тѣмъ какъ крестьяне бывшіе владѣльческіе (не дарственники) должны при этомъ принимать въ разсчетъ и платежи прошедшіе, т. е. сдѣланные уже взносы выкупной суммы; другими словами, измѣненіе долей землепользованія у крестьянъ бывшихъ владѣльческихъ необходимо должно было бы сопровождаться доплатами со стороны домохозяевъ, получающихъ въ свое пользованіе большое количество земли“ (См. сб. по этому уѣзду стр. 35). И вотъ, дѣйствительно, встрѣчаются случаи, что крестьяне устанавливаютъ такія доплаты. Напр., въ д. Саблинѣ (Зубцовск. у.) „при передѣлѣ 87 г., вызванномъ требованіями возвратившихся домой изъ городовъ, постановили, чтобы тѣ, кому давались „новыя“ души, за каждую полученную душу платили по 15 руб., въ виду того, что получившій эту душу ранѣе за нее выкупа не платилъ. Всего собрано было съ 7 хозяевъ 165 руб., и эти деньги были раздѣлены между всѣми по душамъ“. („Сб. ст. св.“ Зубц. у. 112 ст.).

[1]) См. „Сб. ст. св.“ по Ставроп. у. Самарской губ., стр. 36.

[2]) Тамъ же, стр. 32.

[3]) См. „Сб. ст. св.“ по Славяносербскому уѣзду, стр. 73.

стали дѣлить землю по старымъ ревизскимъ, вслѣдствіе перехода изъ временно-обязанныхъ на выкупъ [1]). Или, напр., по сообщенію податного инспектора, Нижегородскаго у. „при опросѣ уполномоченныхъ отъ государственныхъ крестьянъ (этого уѣзда) по преобразованію оброчной подати въ выкупные платежи, почти всѣ они, за немногими исключеніями, заявили опасенія, что съ установленіемъ выкупныхъ платежей прекратится общинное землевладѣніе и просили занести въ протоколъ просьбу ихъ о томъ, чтобы надѣльная земля оставалась навсегда въ общинномъ владѣніи. Уполномоченные говорили: „если мы не заявили объ этомъ, то дѣти и внуки наши стали бы насъ проклинать“...[2]). И т. д. и т. д.

Сказаннаго, полагаю, достаточно, чтобъ показать, какъ огромно и вообще разлагающе вліяніе выкупа, чтобы, значитъ, оправдать, принятый мною для фазиса разложенія общины терминъ семейно-выкупного владѣнія. Читатель видитъ, что выкупъ тяжело легъ на пореформенную помѣщичью общину и не далъ ей свободно двигаться,— свободно развиваться или разлагаться. При крайней своей тяжести онъ насильственно приводитъ въ движеніе общинно-передѣльный механизмъ, въ остальныхъ случаяхъ онъ представляетъ своеобразную насильственную „операцію“ „обезпложенія“, такъ сказать, общиннаго и прививки личнаго права пореформенной помѣщичьей общинѣ. Какъ при семейно-захватномъ владѣніи отдѣльныя семьи прирастаютъ къ захваченнымъ ими „займкамъ“, совершенно такъ же при семейно-выкупномъ онѣ срастаются съ выкупаемыми ими надѣлами.

с. Такимъ образомъ, главный признакъ пореформеннаго землевладѣнія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ—тотъ, что индивидуализація его предопредѣлена уже самой его внѣшней установленной государствомъ формой, помимо внутренней обычно-правовой его эволюціи. Однако послѣдняя только подавлена, но не исключена совершенно: при надѣлѣ „кормителѣ“ и у помѣщичьей общины все-таки есть возможность выбора самоопредѣленія. Но и въ этомъ самоопредѣленіи могущественныя условія способствуютъ росту личнаго права и заглушаютъ общинное. Главнѣшія изъ этихъ условій—крайнее сокращеніе размѣровъ землевладѣнія и интенсификація земледѣлія.

Необходимо, кажется, признать очевиднымъ, что при извѣстной степени малоземелья уравнительно-передѣльная функція общины должна дѣлаться невозможной. А именно, если мы представимъ себѣ такую степень малоземелья, когда не только одинъ надѣлъ, но и надѣлъ плюсъ внѣнадѣльная аренда и другіе доступные населенію данной мѣстности мѣстные и отхожіе заработки не даютъ минимума, необходимаго для существованія всѣхъ членовъ общины, то увидимъ, что при такихъ условіяхъ уравнительный передѣлъ теряетъ свой смыслъ, ибо не достигаетъ своей цѣли,—надѣленія рабочихъ силъ и обезпече-

[1]) См. „Сб. ст. св.“ по Лашевскому уѣзду, стр. 54.

[2]) Цитирую по реферату объ отчетахъ податныхъ инспекторовъ въ „Русск. Вѣд.“ 95 года.

нія потребностей всѣхъ общинниковъ; онъ можетъ только, въ равной мѣрѣ недонадѣлить всѣхъ хозяевъ. Понятно, что такое положеніе уравнительно-передѣльнаго, такъ сказать, обнищанія и голоданія врядъ ли цѣлесообразно теоретически и врядъ ли мыслимо практически: семьи, лучше надѣленныя и окончательно разоряемыя такимъ передѣломъ, будутъ бороться противъ него съ отчаянной энергіей; семьи же, обдѣленныя и уже частью успѣвшія разориться, „отбиться" отъ земледѣлія, уйти на сторону, часто не будутъ его особенно и добиваться, такъ какъ ихъ положеніе уже не поправитъ какая-нибудь незначительная земельная прирѣзка. Такимъ образомъ, мы должны ожидать при такомъ крайнемъ малоземельѣ замиранья неосуществимаго при данныхъ условіяхъ общинно-передѣльнаго права на трудъ и все большаго и большаго развитія начала личной борьбы, выстаиванія болѣе сильныхъ хозяевъ съ полнымъ отслоеніемъ изъ общины слабыхъ. Объ этой борьбѣ за землю я буду говорить еще подробно во второмъ томѣ, пока же, чтобы нѣсколько конкретнѣе обрисовать этотъ чрезвычайно важный пунктъ, приведу отзывъ В. П. Орлова, еще въ 81 г. весьма ясно очертившаго этотъ вопросъ. „Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, говоритъ онъ о Борисоглѣбскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи,—что въ настоящее время у крестьянъ помѣщичьихъ ощущается недостатокъ въ землѣ, и такъ какъ платежи, связанные съ надѣльной землей, не превышаютъ ея доходности, то, естественно, всякій хозяинъ желаетъ удержать за собой надѣлъ, доставшійся на его долю при совершеніи уставной грамоты, въ такомъ же размѣрѣ, хотя бы въ его семьѣ и произошло уменьшеніе душъ. Домохозяевамъ, владѣющимъ малымъ надѣломъ (на одну, двѣ души) при большей семьѣ было бы, конечно, выгодно вновь передѣлить землю по числу наличныхъ душъ, но на это многодушники представляютъ то возраженіе, что они въ теченіе долгаго времени выкупали свои надѣлы и потому считаютъ несправедливымъ передавать эти надѣлы, на половину выкупленные, другимъ домохозяевамъ... Правда, намъ лично приходилось выслушивать недоумѣнія крестьянъ, что имъ дѣлать съ подростками, достигшими совершеннолѣтія и идущими въ солдаты; но эти недоумѣнія рѣшаются ими же самими лишь надеждою на то, что начальство нарѣжетъ на подростковъ новые надѣлы изъ казенныхъ или изъ иныхъ земель; что же касается до теперешней надѣльной земли, то большинство обществъ (бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, а не государственныхъ!) не находятъ возможнымъ верстать ею новыхъ членовъ „такъ какъ земли слишкомъ мало и потому никто не захочетъ отказаться отъ части своихъ надѣловъ". Мы полагаемъ, что все это съ теченіемъ времени приведетъ къ окончательному установленію подворно-наслѣдственнаго владѣнія надѣльною землею... [1]). Это же положеніе невозможности надѣленія малоземельныхъ семей безъ разоренія другихъ ярко выражено еще въ слѣдующихъ, напр., отзывахъ нѣкоторыхъ общинъ Козель-

[1]) См. „Сб. ст. св." по Борисоглѣбск. у., ч. II, стр. 21—22.

ского у. „У насъ всѣ говорятъ: дай!—но насильно ни съ кого не снимали,—вѣдь каждый—свой крестьянинъ (д. Слободка)“... „навалить-то есть на кого, да свалить-то не съ кого (д. Волковинка)“... [1]). И т. д. и т. д.

Такимъ образомъ, на приведенныхъ примѣрахъ мы ясно видимъ соединенное комбинированное дѣйствіе выкупа и малоземелья. Мы видимъ, что первый самъ по себѣ еще очень часто, можетъ быть, и не далъ бы побѣды личному праву фактич. „державцевъ“, ибо, въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ случаяхъ, когда надѣлъ былъ съ самаго начала кормителемъ, уплата выкупа не представляла вѣдь только одной обязанности—она компенсировалась выгодой, превышавшей эту обязанность: крестьяне, выкупавшіе надѣлы, но зато пользовавшіеся ими, были въ лучшемъ положеніи, чѣмъ не выкупавшіе, но зато и не пользовавшіеся и принужденные перебиваться болѣе дорогой внѣнадѣльной арендой и менѣе выгоднымъ заработкомъ. Это совершенно ясно сознается и самими крестьянами; напр., въ Курскомъ у. на аргументъ „отъ выкупа“ сторонники передѣла отвѣчаютъ: „мы за это время пять разъ больше васъ переплатили за аренду земель“—и всѣ какъ бы признаютъ большую доказательную силу за этимъ доводомъ [2]). И т. д. Такъ что въ этихъ случаяхъ (но не въ случаяхъ, когда въ первое время надѣлъ былъ „разорителемъ“!) личное право выкупа проистекаетъ не столько изъ самой уплаты извѣстной денежной суммы за надѣлъ, сколько изъ представленія, что этотъ выкупъ является какъ бы монопольнымъ правомъ именно данныхъ ревизскихъ душъ, получившихъ надѣлъ „отъ царя“—представленія, съ теченіемъ времени, съ проясненіемъ взглядовъ крестьянъ могущаго, конечно, и исчезнуть. Но вотъ тутъ на помощь этимъ внѣшнимъ мотивамъ выкупа и ревизской души и явилось въ значительномъ большинствѣ помѣщичьихъ общинъ такое крайнее малоземелье, которое сводитъ къ абсурду общинно-передѣльное право на трудъ. Такимъ образомъ, именно это малоземелье было тѣмъ внутреннимъ условіемъ, той почвой, которая обезпечила быстрое и сильное дѣйствіе извнѣ привитому помѣщичьей общинѣ разлагающему ферменту „выкупа“.

Другимъ въ томъ же направленіи „предрасполагавшимъ“ факторомъ было обычное и необходимо существующее въ каждой земельной общинѣ личное право труда, постоянно затрачиваемаго „державцами“ въ ихъ надѣлъ. А это право тоже какъ разъ особенно сильно въ значительномъ большинствѣ бывшихъ помѣщичьихъ общинъ. Во-первыхъ, онѣ расположены обыкновенно въ густонаселенныхъ центральныхъ губерніяхъ, и въ большей своей половинѣ, въ нечерноземной полосѣ; затѣмъ, онѣ имѣютъ, какъ сказано, очень малый надѣлъ, чѣмъ въ совокупности и обусловливаются необходимо болѣе интенсивныя системы земледѣлія, и особенно выдвигается значеніе удобренія и улучшенной обработки земли. Почти не требуетъ поясне-

---

[1]) См. „Статью Опис. Калужской губерніи“, т. I, в. 2, стр. 35.
[2]) См. „Сб. ст. св.“ по Курск. у., стр. 68.

нія огромное вліяніе этого глубокаго фактора. Чѣмъ дольше и чѣмъ больше затрачивается труда, тѣмъ сильнѣе обыкновенно сопротивленіе передѣлу со стороны „добрыхъ пахарей", тѣмъ яснѣе и настоятельнѣе зрѣетъ въ части изъ нихъ идеалъ полнаго освобожденія отъ общинно-передѣльнаго владѣнія, висящаго надъ ними вѣчной угрозой лишенія „своихъ трудовъ". Такая тенденція—явленіе всеобщее. Просматриваешь, напр., „Описаніе волостей и селеній" Трубчевскаго у. Орловской губерніи—мѣстности, гдѣ въ моментъ изслѣдованія какъ разъ развилось быстрымъ темпомъ уважаживаніе,—и положительно чуть не по каждой общинѣ встрѣчаешь одну изъ двухъ отмѣтокъ: либо,—„жеребьевки производятся ежегодно, такъ какъ земля не удобряется".—либо „жеребьевокъ нѣтъ, ибо земля удобряется" [1]). Масса отзывовъ крестьянъ, ярко поясняющихъ этотъ ростъ анти-передѣльнаго права труда при интенсификаціи, приведена по многимъ губерніямъ,—особенно, напр., по Тверской губ.; приведу хоть одинъ-два изъ нихъ по Клязинскому у.: „въ д. Заручьѣ передѣлъ былъ во время крымской войны (!). Съ тѣхъ поръ не дѣлили и не хотятъ дѣлить, ибо не хочется „перебивать бороздъ; борозду не скоро завалишь и заровняешь, а кому она достанется, тотъ годъ-два безъ хлѣба". Или въ д. Басовой: „ничего льстительнаго нѣтъ въ перемѣркѣ, чтобъ борозды получить". И т. д., и т. д. [2]). Въ Славяносербскомъ у. „на требованіе земли со стороны подростковъ, не попавшихъ въ ревизію, старики съ жаромъ заявляютъ: какъ, мы, которые вынесли на своихъ плечахъ гнетъ крѣпостного права, которые отбывали паньщину и кровавымъ потомъ полили подаренную намъ землю,—мы должны отдать ее другимъ? Да якъ же тогда жить на біломъ світи? [3]). Въ с. Чибирлеѣ Кузнецкаго у. (Сарат. г.) даже уже въ 1886 г. былъ составленъ приговоръ о раздѣлѣ земли (по работникамъ) „на вѣчно" (т.-е. фактическій переходъ къ подворному владѣнію), мотивированный плохимъ удабриваніемъ земли и пониженіемъ отъ того урожаевъ". И т. д., и т. д.

Во второмъ и третьемъ томахъ мы еще самымъ пристальнымъ образомъ изучимъ на цифрахъ это вліяніе интенсификаціи земледѣлія на общину и вліяніе общины на интенсификацію, пока же мы должны дополнить сказанное выше о правѣ труда еще однимъ только замѣчаніемъ объ общемъ его характерѣ,—а именно, что оно несомнѣнно имѣетъ до извѣстной степени капиталистическій, такъ сказать, характеръ. Крестьяне (какъ впрочемъ и всѣ) уважаютъ, конечно, только производительный трудъ и именно постольку, поскольку онъ производителенъ. Такимъ образомъ, сила права труда обусловливается не только количествомъ, но и качествомъ этого труда. Трудъ, „маломочнаго". „худого пахаря", обыкновенно однолошаднаго, а то и безлошаднаго, пашущаго наймомъ,—который какъ бы ни бился надъ своимъ надѣломъ, какъ бы ни „ковырялъ" сохой землю, требующую,

---

[1]) См. это „Описаніе волостей и селъ" въ сб. по Трубчевскому уѣзду.
[2]) См. „Сб. ст. св." по Клязинскому у., стр. 87.
[3]) См. „Сб. ст. св." по этому у., в. I, стр. 69.

положимъ, плужной вспашки, и сколько бы „пота ни пролилъ“ на землѣ, не родящей безъ навоза, все равно только „измотаетъ“, „испустуетъ“, „испакоститъ“ свой надѣлъ—этотъ трудъ со слабыми средствами производства всегда будетъ вѣсить въ глазахъ крестьянъ меньше, чѣмъ трудъ многолошаднаго „заможнаго“, „добраго пахаря“, который „что добра-то (навоза) ввалитъ въ свой надѣлъ“ „угоилъ“, „снодобилъ“ его. Насколько плугъ беретъ глубже сохи, настолько глубже укореняется и личное право: аргументъ: „сколько я пота пролилъ“—уступаетъ предъ аргументомъ: „сколько я навоза ввалилъ“; въ правѣ труда выступаетъ за человѣческой силой затрата силы лошадиной и другихъ средствъ производства. И это трудовое право, доставляемое лошадиной силой, служитъ рычагомъ, все рѣзче разлагающимъ общину и застопоривающимъ уравнительно-передѣльный ея механизмъ.

Затѣмъ, для полноты этого перечня основныхъ факторовъ, характеризующихъ упадочныя и разлагающіяся формы общиннаго землевладѣнія, необходимо упомянуть еще объ одномъ частномъ, но весьма частомъ и обыкновенно рѣшающемъ обстоятельствѣ: довольно замѣтный % бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, если считать по числу душъ и дворовъ,—и очень значительный % ихъ—по числу общинъ, не имѣютъ настоящаго общиннаго характера, вслѣдствіе крайней мелкости ихъ. Читатель понимаетъ, что нельзя же собственно назвать общиной совмѣстное общинное владѣніе двухъ, напр., семей: вѣдь общинныя отношенія (въ сосѣдской, конечно, а не родовой общинѣ) предполагаютъ всегда по крайней мѣрѣ три группы въ каждомъ данномъ отношеніи, въ каждомъ данномъ общинномъ вопросѣ: двѣ группы противниковъ, борющихся за что либо, и третью — нейтральную, играющую роль третейскаго судьи и представителя общиннаго принципа. Не будетъ, значитъ, общиной и соединеніе изъ 3, 4, 5 семей; вопросъ еще, считать ли общинами и формальныя земельныя общины отъ 6 до 10 дворовъ; даже въ общинахъ отъ 10 до 15—20 дворовъ не можетъ еще обыкновенно быть настоящихъ общинныхъ группъ, общинной борьбы, а отношенія должны быть преимущественно родственными и сосѣдскими... И дѣйствительно, повсюду, напр., изслѣдователи земской статистики заранѣе обыкновенно исключаютъ изъ групповыхъ общинныхъ сопоставленій всѣ общины, состоящія изъ 5 или 10 и менѣе дворовъ, какъ не могущія считаться общинами и фактически обыкновенно представляющія общее, а не общинное владѣніе. Особенно, напр., отчетливо резюмировано это значеніе мелкости общины г. Черненковымъ по Кузнецкому у.: здѣсь во всѣхъ наиболѣе мелкихъ общинахъ—говоритъ онъ—строго общинныхъ отношеній, собственно говоря, не существуетъ, и земельные порядки регулируются скорѣе отношеніями семейными, родственными, сосѣдскими... въ такихъ общинахъ обыкновенно и складывается форма владѣнія, близкая къ подворно-наслѣдственной съ первоначальнымъ раздѣломъ по числу тѣхъ душъ, на которыя былъ отведенъ надѣлъ[1]).

[1]) См. „Сб. ст. св. по Кузнецкому у.“ стр. 123. То же самое см. также по Аткарск. у. в. II, стр. 117 и во многихъ другихъ сборникахъ...

Нельзя, наконецъ, взвѣшивая пореформенныя условія помѣщичьей общины, забывать объ общей, такъ сказать, пореформенной атмосферѣ. Не одинъ крестьянинъ, а вся Россія должна была испытать съ начала пореформенной эпохи усиленное индивидуалистическое, такъ сказать, настроеніе, острую индивидуалистическую реакцію, пропорціональную сословному и государственному подавленію личности въ дореформенный періодъ. Личная энергія, личная инціатива, личная борьба, личное право безудержно разлились послѣ того, какъ сняты были крѣпостныя „перегородки", и наполнили собою всѣ соціальныя и экономическія отношенія. Такимъ образомъ, и въ наши земельныя общины, являющіяся только какъ бы островками въ этомъ разливѣ индивидуалистическаго соціально-экономическаго строя, не могли, конечно, не просачиваться отдѣльныя его струи и теченія и не могли не размывать общинныхъ „устоевъ" тамъ, гдѣ они были болѣе слабы...

Этимъ бѣглымъ очеркомъ условій упадочныхъ общинныхъ формъ, наблюдаемыхъ преимущественно или даже почти исключительно у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, мы и должны пока ограничиться, такъ какъ подробный статистическій ихъ анализъ составитъ задачу особаго тома моей работы. Но и сказаннаго, полагаю, достаточно, чтобы читатель почувствовалъ всю ихъ силу и многочисленность, чтобъ онъ понялъ, что, въ результатѣ ихъ дружнаго натиска и при отсутствіи всякой помощи внутри или извнѣ, значительное число общинъ, гдѣ этотъ натискъ былъ особенно сконцентрированъ, неизбѣжно должно было, если не разрушиться сразу окончательно, то придти къ постепенному упадку и разложенію. Подъ дѣйствіемъ разлагающаго общинное начало фермента выкупного права ревизскихъ душъ, съ самаго начала привитаго освобожденной общинѣ, въ соединеніи съ дѣйствующимъ въ томъ же направленіи личнымъ правомъ труда (особенно усиливающимся при интенсификаціи земледѣлія), на почвѣ остраго малоземелья и въ пропитанной индивидуализмомъ атмосферѣ формально-общинное владѣніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ (при надѣлѣ „кормителѣ") стало быстро перерождаться (при чемъ быстрѣе всего погибали наиболѣе мелкіе общинные организмы) въ ту переходную къ подворному владѣнію форму, которую я называю семейно-выкупнымъ или семейно-державческимъ владѣніемъ. Изъ всего вышесказаннаго смыслъ этого послѣдняго термина достаточно ясенъ. Фактическіе „державцы" общинной земли прикрѣпляются къ своимъ надѣламъ, не только держась за внѣшнее „ревизское и выкупное право, такъ что терминъ семейно-выкупное владѣніе не выражаетъ всего явленія, а только—главный и наиболѣе характерный его признакъ. И лишь въ крестьянскомъ (особенно частомъ въ Тверской и въ малороссійскихъ губ.) словѣ „державецъ" я нахожу выраженной (какъ раньше въ другомъ крестьянскомъ же словѣ „захватъ") всю картину явленія,— т. е тотъ основной фактъ, что подобно тому, какъ при ничьей землѣ—разъ захватившій участокъ тѣмъ самымъ овладѣ-

ваетъ имъ, такъ и на отведенныхъ государствомъ надѣлахъ „державцы“ послѣднихъ прирастаютъ къ нимъ, именно вслѣдствіе и по мѣрѣ ихъ держанія.

Перейдемъ къ детальному изученію типовъ и фазисовъ этого семейно-державческаго владѣнія.

§ 2.

Если, исходя изъ мощности обрисованныхъ разлагающихъ факторовъ, читатель ожидаетъ встрѣтить сейчасъ картину цѣлыхъ массъ несомнѣнно разлагающихся и даже окончательно разложившихся общинъ, то онъ сильно ошибается. Ясный и твердый діагнозъ разложенія общины представляетъ при имѣющихся пока матеріалахъ большія трудности—и предсказаніе о неизбѣжности ея конца и, тѣмъ болѣе, констатированіе послѣдняго возможны только въ сравнительно очень рѣдкихъ случаяхъ.

Очень сравнительно рѣдко, въ самомъ дѣлѣ, мы встрѣчаемъ случаи полнаго и формальнаго перехода общиннаго владѣнія въ подворное, да и въ этихъ даже случаяхъ иногда въ дѣйствительности переходъ оказывается не окончательнымъ (подробно скажу объ этомъ въ послѣднемъ §-ѣ). Но насъ, вѣдь, и интересуетъ главнымъ образомъ не это чистое уже подворное владѣніе, а именно формы, только переходныя къ нему, и вотъ въ опредѣленіи того, какія именно разновидности считать таковыми, и возникаютъ серьезныя затрудненія, и требуется большая осмотрительность.

Мы не можемъ, конечно, взять другого болѣе крупнаго и надежнаго признака для опредѣленія состоянія общины, какъ присутствіе или отсутствіе въ моментъ изслѣдованія уравнительныхъ передѣловъ: первое обозначитъ общинно-передѣльное (или общинно-выкупное) владѣніе, второе—семейно-державческое. Но и при этомъ наиболѣе точномъ критеріи мы неизбѣжно сдѣлаемъ двойную ошибку: во-первыхъ, отнесемъ къ общинно-передѣльному владѣнію значительное число случаевъ семейно-державческаго, такъ какъ оно часто несомнѣнно устанавливается послѣ передѣловъ и даже самими этими передѣлами и, во-вторыхъ, отнесемъ къ семейно-державческому много несомнѣнныхъ случаевъ общинно-передѣльнаго владѣнія. Пояснимъ конкретнѣе оба эти случая.

А. Основную массу тѣхъ случаевъ, когда семейно-державческое владѣніе наступаетъ послѣ передѣловъ, при томъ весьма продолжительныхъ и интенсивныхъ,—мы имѣемъ въ размотрѣнномъ уже выше случаѣ обращенія къ землѣ послѣ общинно-выкупного фазиса. Мы видѣли, что очень часто, если только даже не въ большинствѣ такихъ случаевъ, дѣйствіе общинно-передѣльнаго механизма сразу круто останавливается—„ровно что захлопнуло“ (по крестьянскому выраженію, записанному въ Зубцовскомъ уѣздѣ)—и, судя по крайней мѣрѣ

по отзывамъ самихъ же крестьянъ, не обѣщаетъ больше возобновиться. Начавшаяся борьба за землю при огромномъ перевѣсѣ личнаго права труда и выкупа, укоренившихся въ выкупной періодъ, сразу рѣзко „захлопываетъ“ общинно-передѣльный механизмъ. Но на всегда ли? Отнюдь неизвѣстно и это. Мы уже видѣли, что очень часто общинно-выкупное владѣніе не только перерождается непосредственно въ общинно-передѣльное, но и часто послѣ періода какъ бы совершенно семейно-державческаго владѣнія потомъ „захлопнувшій“ было уравнительный механизмъ начинаетъ снова дѣйствовать...

Такимъ образомъ, мы непремѣнно должны извѣстную часть общинъ, прошедшихъ общинно-выкупной фазисъ, отнести къ семейно-державческому владѣнію, но пока совершенно не можемъ опредѣлить, какую именно часть ихъ, и, главное, навѣрно ли, окончательно ли.

Такую же, если не большую еще неясность, неопредѣленность положенія не только для наблюдателя, но и для самихъ крестьянъ, мы имѣемъ въ тѣхъ кое-гдѣ встрѣчающихся цѣлыми десятками случаяхъ, когда отъ установившейся послѣ періода ревизскаго владѣнія уравнительной разверстки по наличнымъ душамъ (обыкновенно мужского пола) общины затѣмъ снова возвращаются къ старой ревизской развертк̀. Особенно часты и болѣе подробно охарактеризованы такіе случаи въ Таврической и Орловской губерніяхъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ индивидуалистическіе ихъ мотивы и цѣль не подлежатъ сомнѣнію. Напр. въ с. Ново-Поповкѣ (Мелитопольскаго уѣзда) крестьяне такъ объясняютъ это возвращеніе: „во владѣнной записи сказано, что черезъ 20 лѣтъ земля будетъ откуплена, при раздѣлѣ же на наличныя души, правительство даетъ землю только для пользованія, какъ бы въ аренду“ (воображаемое ревизское и выкупное право); село Ново-Успеновка въ 82 г. составило приговоръ о раздѣлѣ на ревизскія души, „чтобы можно было выкупить землю“... (право выкупа); въ селѣ Ново-Конотопкѣ такимъ мотивомъ послужило то, что „кругомъ мужики стали покупать вѣчную землю“ (вліяніе выкупа и общей индивидуалистической атмосферы); крестьяне Константиновки—„по причинѣ малоземелья и сознанія ревизіонныхъ, что земля принадлежитъ [1]) имъ“. Также, напр., крестьяне д. Чечетовой (Осташковскаго уѣзда) „въ 1886 г. сдѣлали приговоръ дѣлить землю по работникамъ; одно поле раздѣлили было, но потомъ одумались и вернулись къ развертк̀ по ревизскимъ душамъ: зажиточные домохозяева запротестовали противъ передѣла“ [2]). Въ Орловскомъ у. (Орловской губерніи) на 14 помѣщичьихъ общинъ, установившихъ наличную разверстку и удержавшихъ ее, приходится 14 же общинъ, возвратившихся отъ нея къ ревизской: „причиною такого возвращенія являются раздоры и несогласія, возникшіе послѣ перехода

[1]) См. „Памятную книжку Таврической губ. отд. III. стр. 43—44. См. также сб. по Мелитопольскому у., гдѣ на стр. 53—63 чрезвычайно ярко разобрана вообще борьба между ревизской и наличной развертк̀ой и особенно вліяніе быстраго сокращенія земли въ пользу оставленія ревизской разверстки и возвращенія къ ней.

[2]) См. „Сб. ст. св.“ по Осташковскому уѣзду.

къ владѣнію по наличнымъ душамъ; вслѣдствіе этого приверженцы стараго ревизскаго владѣнія опять брали верхъ: въ этомъ они иногда встрѣчали поддержку внѣ общины",—т.-е. ревизская разверстка возстановлялась по приказанію изъ волости или крестьянскаго Присутствія (приведены 3 весьма характерныхъ такого рода случая... [1]).

Необходимо, наконецъ, отмѣтить и то, что весьма часто—вѣроятно въ большинствѣ случаевъ—передѣлъ съ наличныхъ на ревизскія души не имѣетъ уже вовсе характера уравнительнаго, а, наоборотъ, хотя и удовлетворяетъ часто интересы большинства (когда производится не по формальнымъ основаніямъ и не по предписанію свыше), но еще болѣе увеличиваетъ неравномѣрность; такъ, напр., по Мценскому уѣзду г. Черненковъ произвелъ по нѣсколькимъ случаямъ любопытнѣйшее вычисленіе, въ результатѣ котораго, напр., оказалось, что въ то время, какъ до передѣловъ по ѣдокамъ было въ общинахъ 36,8% плохо надѣленныхъ землею хозяевъ, послѣ нихъ оказывалось только 22,6% т.-е. число ихъ сокращалось на 13,8%—въ общинахъ-же, возвратившихся къ ревизской разверсткѣ, до передѣловъ по ревизскимъ душамъ было 39,1% плохо надѣленныхъ, а въ результатѣ ихъ оказывалось 47.4%, т.-е. число ихъ увеличивалось на 8,3% [2])... Само собою разумѣется, что подобная же узурпація уравнительной передѣльной функціи возможна и случается,—хотя уже, конечно, въ видѣ самаго рѣдкаго исключенія,—и не только при возвращеніи къ ревизской разверсткѣ. Она, напр., особенно возможна при частныхъ свалкахъ-навалкахъ послѣ общинно-выкупного фазиса; такъ, я указывалъ уже, что по Тверскимъ у. у. были встрѣчены даже такіе „міряне", которые отводили выморочные поступавшіе „на міръ" надѣлы тѣмъ изъ желающихъ, которые больше водки выставляли „старикамъ". И т. д., и т. д. Понятно, что во всѣхъ такихъ случаяхъ, мы имѣемъ только остовъ общинно-передѣльной формы съ разложившимся содержаніемъ, имѣемъ почти несомнѣнно семейно-державческое, а не общинно-передѣльное владѣніе.

Но въ весьма многихъ случаяхъ опять-таки и это заключеніе оказывается неправильнымъ. Во-первыхъ, часто возвращеніе къ ревизской разверсткѣ не увеличиваетъ, а уменьшаетъ неравномѣрность, такъ какъ, напр., при данныхъ комбинаціяхъ семейнаго состава разныхъ семей, она оказывается болѣе близкой къ рабочей разверсткѣ, требуемой данными условіями, чѣмъ принятая было разверстка по всѣмъ мужскимъ наличнымъ душамъ, или при ней даже достигается бо́льшая уравнительность по потребительному принципу, такъ какъ ровнѣе надѣляются женскія души, обдѣленныя при наличномужской разверсткѣ. Такой случай, напр., имѣемъ мы по Херсонскому уѣзду, гдѣ „взглядъ на право женщины на землю"... „служитъ въ нѣкоторыхъ случахъ препятствіемъ къ раздѣлу общей земли на наличныя души

[1]) См. Сб. ст. св." по Орловскому у., стр. 30.
[2]) См. „Сб. ст. св." по Мценскому у., стр. 13.

(мужского пола), ибо въ немъ не видятъ равненія хозяйствъ", Такъ въ селахъ Ново-Архангельскомъ и Киселевкѣ противъ передѣла на наслѣдственныя души мужского пола возстало большинство хозяевъ изъ-за того, что при немъ оказались бы обдѣленными семьи съ преобладаніемъ женскихъ душъ; но не составилось большинства и за передѣлъ по ѣдокамъ, и побѣдила коалиція изъ тѣхъ хозяевъ, кому выгодно было оставленіе ревизской разверстки, съ тѣми, кому невыгодна была бы разверстка по наличнымъ мужскимъ душамъ, и въ результатѣ осталась ревизская разверстка, какъ выгодная, повидимому, въ данномъ случаѣ наибольшему числу хозяевъ [1]). Или, напр., въ Новоузенскомъ уѣздѣ (Самарской губ.) 8 общинъ возвратились отъ налично-мужской къ ревизской разверсткѣ „главнымъ образомъ потому, что новонадѣльные дворы, имѣя у себя мало хозяйственнаго инвентаря, накопили за собою много недоимки, въ другихъ—получившіе землю сами ее не обрабатывали, а сдавали въ долгосрочную аренду другимъ лицамъ и податей не платили" [2]). Такой же случай отмѣченъ и по Чистопольскому уѣзду Казанской губерніи [3]), и т. д. и т. д. Наконецъ,—и это самое главное,—даже и въ наиболѣе индивидуалистическихъ, такъ сказать, случаяхъ, мы все-таки отнюдь не можемъ считать этихъ возвращеній къ ревизской разверсткѣ окончательнымъ и рѣшительнымъ шагомъ къ разложенію общины. Какъ раньше составилось въ нихъ большинство за уравнительный передѣлъ, такъ несомнѣнно оно чрезъ вѣкоторое время и опять можетъ составиться, и онѣ могутъ снова ввести уравнительную разверстку уже болѣе прочно и сознательно. Такіе случаи и наблюдаются. Такъ, напр., „Мат. под. инсп." уже вовсе не имѣютъ ревизской разверстки по Мелитопольскому у. у государственныхъ крестьянъ, гдѣ, однако, раньше (по свѣдѣніямъ земско-статистическаго изслѣдованія) цѣлыхъ 16 общинъ возвратились отъ наличной къ ревизской разверсткѣ; теперь здѣсь всецѣло господствуетъ „смѣшанная" ревизско-наличная (вышеописанная) разверстка [4]). Или, напр., въ одной изъ 3, возвратившихся къ ревизской развязкѣ, общинъ Чистопольскаго уѣзда Казанской губерніи „передѣлъ земли по наличнымъ душамъ былъ въ 81 г. на 12 лѣтъ; но въ 88 г., благодаря усилію нѣкоторыхъ хозяевъ и сельскаго старосты, которымъ онъ былъ невыгоденъ, земля снова была передѣлена на ревизскія души. Съ нынѣшняго года (90 г.) опять думаютъ дѣлить на наличныя души, о чемъ уже составленъ мірской приговоръ" [5]). И т. д. Необходимо, впрочемъ, и вообще имѣть въ виду, что эти случаи, когда общинно-передѣльный механизмъ, начавъ было работать, далъ, такъ сказать, задній ходъ и снова остановился, — крайне рѣдки: всего развѣ уѣздамъ по 10 я встрѣтилъ ихъ въ количествѣ отъ 7—8 до 14—16 на уѣздъ; обы-

---

[1]) См. „Сб. ст. св." по Херсонскому у., стр. 203.
[2]) См. „Сб. ст. св." по Самарской губ., т. VII, стр. 32.
[3]) См. „Сб. ст. св." по этому у., стр. 29.
[4]) См. „Мат. под. инсп.", в. I, стр. 114.
[5]) См. „Сб. ст. св." по Чистопольскому у., стр. 50.

кновенно же ихъ бываетъ по 1, 2, 3 на уѣздъ, а во многихъ уѣздахъ ихъ и вовсе не отмѣчено.

Нѣсколько бо́льшее, повидимому, хотя все-таки тоже очень сравнительно незначительное, распространеніе имѣетъ другой видъ передѣловъ съ реакціоннымъ значеніемъ.—передѣловъ, хотя и произведенныхъ по уравнительному принципу, но постановленныхъ „навѣчно“, въ послѣдній разъ, съ рѣшимостью больше никогда ихъ не повторять. Мы разсмотримъ ихъ еще съ нѣкоторой подробностью ниже, пока же замѣтимъ только, что подобно возвращенію къ ревизской развертк̀ѣ они весьма часто имѣютъ неясный характеръ и часто послѣ нихъ передѣлы снова продолжаются...

Такимъ образомъ, мы можемъ принять въ нашей классификаціи присутствіе передѣловъ за признакъ, исключающій семейно-державческое владѣніе, только съ тѣми существенными поправками, что такого значенія не имѣютъ всѣ передѣлы общинно-выкупного фазиса, и что, съ другой стороны, передѣлы по ревизскимъ душамъ и „навѣчно“ служатъ скорѣе именно признаками начала семейно-державческаго владѣнія; а эти поправки мы должны еще корректировать контръ-поправками о томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ—но пока точно неизвѣстно, въ какомъ именно % этихъ случаевъ—все-таки изъ этихъ исключеній наблюдается обратныя исключенія, т.-е. или временное и быстро-преходящее только появленіе семейно-державческаго владѣнія, или иногда прямо общинно-передѣльный порядокъ подъ внѣшней только, такъ сказать, анти-общинной оболочкой...

B. Еще въ болѣе шаткомъ и неопредѣленномъ положеніи очутимся мы, если попробуемъ повернуть въ обратную сторону нашъ критерій: примемъ за семейно-державческое владѣніе всѣ случаи отсутствія передѣловъ. Ненадежность этого признака, вѣроятно, съ перваго же взгляда замѣтна читателю. Онъ уже знаетъ, что уравнительно-передѣльное движеніе развилось въ пореформенной общинѣ только съ начала 80-хъ годовъ и длится до настоящаго времени, а до того большинство охваченныхъ имъ общинъ были инертны, неподвижны, часто почти не проявляли признаковъ жизни: такимъ образомъ, земско-статистическое (а также и податныхъ инспекторовъ) изслѣдованіе, начавшееся и происходившее въ то же самое время, встрѣчало и встрѣчаетъ цѣлую массу общинъ, еще такъ сказать, не проснувшихся къ уравнительно-передѣльной дѣятельности, но о которыхъ не только нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать, что онѣ такъ и не проснутся и представляютъ именно полу-подворное семейно-державческое владѣніе, но, наоборотъ, часто есть много самыхъ прямыхъ и яркихъ указаній начавшагося уже ихъ пробужденія,—въ видѣ нетерпѣливаго ожиданія ревизіи, безъ которой думаютъ, что не имѣютъ права дѣлить, сильной борьбы за передѣлъ и составленнаго уже, но еще не утвержденнаго приговора о немъ и т. д. Такимъ образомъ, если даже въ настоящій моментъ.—чрезъ 40 лѣтъ послѣ ревизіи и освобожденія—процессъ пробужденія жизнеспособныхъ общинъ еще не завер-

шился, то сколько же такихъ случаевъ было при земско-статистической переписи, описывавшей эти формы главнымъ образомъ въ началѣ 80-хъ годовъ? Приведу нѣсколько примѣровъ, чтобы показать читателю, какъ уже устарѣла и отстала отъ процесса трансформаціи по-реформенной общины большая часть земско-статистическаго матеріала.

При земско-статистическомъ изслѣдованіи Курскаго уѣзда въ 82 г. изслѣдователь констатировалъ, что ни въ одной общинѣ въ теченіи 24 лѣтъ (съ ревизіи) „не было не только общихъ коренныхъ передѣловъ, въ немъ не было-даже такъ называемыхъ свалокъ-навалокъ. Участки приняли тотъ же характеръ родовой собственности, какъ и у сосѣдей—четвертныхъ владѣльцевъ (т.-е. съ формальнымъ общимъ, а не общиннымъ владѣніемъ); мало того, переходъ ихъ по наслѣдству практикуется даже въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ у четвертниковъ“... и т. д. Но тутъ же изслѣдователь указывалъ, что изъ-за передѣла идутъ споры, что крестьяне поголовно ждутъ съ нетерпѣніемъ для передѣла ревизіи, такъ что, напр., крестьяне часто крестились и говорили: „Слава Богу, пришла ревизія“, когда статистики начали подворную перепись... И вотъ, дѣйствительно, по даннымъ г. В. В., передѣлы по наличнымъ душамъ среди государственныхъ крестьянъ Курскаго уѣзда начались въ 1884 г., черезъ два года послѣ окончанія изслѣдованія этого уѣзда, [1]). По Мелитольскому уѣзду Таврической губ. г. Харизоменовъ, вглядываясь, въ совершившійся уже къ 85 г. передѣлы по наличнымъ мужскимъ душамъ и нѣкоторые случаи возвращенія отъ нихъ къ ревизской развертцѣ и возникновенія смѣшанной ревизско-наличной, позволилъ себѣ смѣлое предсказаніе, что „стремленіе къ налично-ревизской раскладкѣ охватитъ вскорѣ всѣ селенія, гдѣ идетъ борьба между поборниками ревизскихъ и наличныхъ душъ, и лѣтъ черезъ 10 смѣшанная разверстка земли сдѣлается господствующею въ Мелитопольскомъ уѣздѣ“ [2]). И дѣйствительно, данныя податныхъ инспекторовъ за 87—93 г.г. констатируютъ, что по этому уѣзду всюду, за исключеніемъ одной волости, населенной бывшими помѣщичьими крестьянами, остающимися при ревизской развертцѣ, „живыя ревизскія души получаютъ вдвое больше участки, нежели неревизскія души мужского пола“ — т.-е. [3]) именно установилась ревизско-наличная разверстка. Тотъ же г. Харизоменовъ въ статьѣ по Хвалынскому у. Саратовской губ. также указалъ, что „ревизская раскладка часто остается по рутинѣ, потому что не накопилось еще достаточно импульсовъ для перехода къ новой“; и въ самомъ дѣлѣ, онъ въ 85 г. констатировалъ здѣсь всего 22 общины съ наличной развертцой, а „Мат. под. инсп.“ (87—93 г.г.)—уже 53 общины. [4]). Въ Тамбовскомъ уѣздѣ

---

[1]) См. В. В. „Община“, стр. 276.
[2]) См. „Сб. ст. св.“ по этому у., стр. 64.
[3]) См. „Мат. под. инсп.“ в. I, стр. 114.
[4]) См. „Сб. ст. св.“ по Хвалынскому у., стр. 35 и 38 и „Мат. под. инсп.“, в. I, стр. 84.

по земско-статистическимъ даннымъ передѣлили по наличнымъ душамъ къ 85 г. всего 57 общинъ, а по „Мат. под. инсп.“—уже 157 общинъ, (т.-е. передѣлили почти всѣ государственныя общины, которыхъ всего въ уѣздѣ—180). И т. д., и т. д. [1]).

Изъ приведенныхъ примѣровъ (которыми пока я долженъ ограничиться) читатель ясно видитъ, что отнеся къ семейно-державческому владѣнію всѣ общины, гдѣ въ моментъ изслѣдованія не было съ ревизіи или съ освобожденія передѣла и, значитъ, остается ревизско-наслѣдственная разверстка, мы лишили-бы этотъ нашъ терминъ всякаго смысла, такъ какъ онъ сталъ бы охватывать не только тѣ общины гдѣ общинно-передѣльный механизмъ окончательно остановился и которыя явственно идутъ къ разложенію, но и всѣ вообще случаи временнаго бездѣйствія общинно-передѣльнаго механизма, даже и тѣ, когда это бездѣйствіе—несомнѣнно только временное и чрезъ нѣсколько лѣтъ смѣнится самой чистой и энергичной общинно-передѣльной формой. Такимъ образомъ, пока еще рано подводить балансъ пореформенному процессу складыванія и разложенія общинныхъ формъ, такъ какъ въ слишкомъ многихъ случаяхъ въ этомъ процессѣ видна только муть броженія, и не успѣли мало-мальски твердо окристаллизоваться ни общинные, ни личные элементы. Можно только на основаніи позднѣйшихъ данныхъ приблизительно намѣтить, что у государственныхъ крестьянъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ процессъ заканчивается сложеніемъ общины и только въ видѣ рѣдкаго исключенія—въ особенно развѣ, напр., мелкихъ и малоземельныхъ общинахъ—кристаллизуется семейно-державческое владѣніе. Для помѣщичьихъ же крестьянъ такого твердаго и общаго опредѣленія совершенно нельзя сдѣлать: мы видѣли уже выше, что по цѣлымъ уѣздамъ у нихъ въ послѣднее время складывается чистая и высшаго типа общинно-передѣльная форма (какъ послѣ надѣла „разорителя“, такъ и послѣ надѣла „кормителя“), но въ очень многихъ случахъ—вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ—это послѣ-реформенное безпередѣльное состояніе кажется у нихъ такимъ устойчивымъ и личное право настолько вкоренившимся, что мы имѣемъ право заключить о крайней маловѣроятности пробужденія въ нихъ общиннаго начала,—при тѣхъ, по крайней мѣрѣ, разлагающихъ условіяхъ, въ которыхъ онѣ нынѣ находятся. Такимъ образомъ, мы должны отнести къ семейно-державческому владѣнію не всѣ ревизско-безпередѣльныя (въ моментъ изслѣдованія) общины, а только какой-то самый минимальный % государственныхъ и какой-то, но несомнѣнно весьма значительный—% помѣщичьихъ общинъ.

Итакъ, сдѣланнымъ сейчасъ двухстороннимъ ограниченіемъ (по присутствіи и отсутствіи передѣловъ) мы выгородили извѣстный кругъ общинъ, которыя, съ нѣкоторымъ правомъ можно отнести къ переходной къ подворному владѣнію формѣ—семейно-державческой, хотя

---

[1]) См. „Сб. ст. св.“ по Тамбовск. уѣзду, стр. 49 и „Мат. под. инсп.“, в. I, стр. 90.

и нужно помнить, что навѣрно часть ихъ попала въ этотъ кругъ, а часть осталась внѣ его ошибочно... Прежде всего мы установили, что семейно-державческое владѣніе мы можемъ искать почти исключительно у однихъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Затѣмъ, мы должны подчеркнуть, что семейно-державческое владѣніе представляетъ царство „ревизской души“, что основную его массу составляютъ такія помѣщичьи общины, которыя не передѣляли съ самаго полученія надѣла. Онѣ не умерли еще, т.-е. не перешли формально въ подворное владѣніе, но и не обнаруживаютъ признаковъ жизни; можетъ быть это только летаргическій сонъ, но вѣроятнѣе, что это — затянувшееся умираніе, такъ, по крайней мѣрѣ, должны мы думать о тѣхъ изъ нихъ, гдѣ не улавливаемъ ни малѣйшаго пульса общинной жизни... Но въ рядѣ случаевъ общины приходили къ такому омертвѣнію и послѣ періода искусственно возбужденной дѣятельности, послѣ общинно-выкупного фазиса,— приходили, наконецъ, иногда къ нему и послѣ краткихъ потугъ самопроизвольнаго функціонированія (возвращеніе къ ревизской разверсткѣ и передѣлы „навѣчно“). Такимъ образомъ, въ семейно-державческое владѣніе застывали различныя разверстки, сообразно, повидимому, съ тѣмъ основнымъ факторомъ, который разлагалъ въ нихъ общинное и вкоренялъ личное право: чаще всего вся совокупность вышеобрисованныхъ индивидуальныхъ правъ, покрытая сверху формальнымъ правомъ выкупа и ревизской души, кристаллизовала въ семейно-державческое владѣніе ревизскую разверстку, затѣмъ въ результатѣ права выкупа и труда, повышеннаго интенсификаціей, кристаллизовались производительныя разверстки [1]) и, наконецъ, подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, права труда, обостреннаго малоземельемъ, застывали потребительныя разверстки.

§ 3.

Пора теперь точнѣе и конкретнѣе обрисовать весь комплексъ личныхъ и общинныхъ правъ, дѣйствующихъ при семейно-державче-

[1]) Въ довольно замѣтномъ, впрочемъ, числѣ случаевъ производительная, а именно крѣпостная тягловая разверстка, непосредственно застывала въ наслѣдственно-безпередѣльное семейно-державческое владѣніе. Такъ, напр., въ Сердобскомъ у. „въ нѣкоторыхъ общинахъ крѣпостная форма разверстки была удержана послѣ 1861-го года или очевидно лишь по традиціи (а не потому, чтобы надѣльная земля представляла значительную тягость для крестьянъ), или же по какимъ-либо специальнымъ причинамъ. Въ этихъ общинахъ за отсутствіемъ лицъ, „желавшихъ сваливать“ съ себя земельные надѣлы (или въ силу противодѣйствія такой свалкѣ со стороны общества), тягловая разверстка пріобрѣла совершенно несвойственный ей характеръ полной или почти полной неизмѣнности въ разъ сдѣланномъ распредѣленіи земли по семьямъ. Въ сельцѣ Натальинѣ Давыдовской волости до 1861 года земля со стариковъ снималась и передавалась подросткамъ; по выходѣ на волю крестьяне сохранили тягловую разверстку (по двѣ души на работника), но свалка и навалка тогда же прекратилась; каждая семья теперь владѣетъ тѣмъ числомъ тяголъ, которое получила по нарѣзкѣ надѣла, и только 7 1/2 „пустовыхъ“ надѣловъ были розданы новымъ работникамъ. („Сб. ст. св. по Саратовской губерніи Сердобскаго уѣзда“, стр. 135—136).

скомъ владѣніи. Въ этомъ отношеніи его можно разсматривать, во первыхъ, съ точки зрѣнія формальнаго права, и, во-вторыхъ, со стороны фактическихъ обычно-правовыхъ отношеній. Въ первомъ отношеніи всѣ случаи разложенія общины рѣзко раздѣляются на двѣ основныя категоріи: первую категорію составляютъ случаи формальнаго съ соблюденіемъ установленныхъ условій и съ надлежащимъ утвержденіемъ высшихъ инстанцій перехода къ подворному владѣнію, а вторую—фактическое лишь установленіе аналогичныхъ подворному владѣнію порядковъ, только со словеснымъ или вообще не имѣющимъ законно-юридической силы рѣшеніемъ или даже.—несравненно чаще—безъ всякаго особаго рѣшенія. Сначала мы разсмотримъ второй обычно-правовой, а затѣмъ уже формальный видъ разложенія общины.

Читатель очень легко можетъ представить себѣ обычно-правовое семейно-державческое владѣніе, такъ какъ съ внѣшней, по крайней мѣрѣ, стороны, оно чрезвычайно похоже на знакомое уже ему семейно-захватное владѣніе. Въ немъ такъ же, какъ и въ послѣднемъ, фактически права общины, какъ общее правило, почти не проявляются, и тѣмъ предоставляется полный просторъ всевозможнымъ проявленіямъ личнаго земельнаго права. Всякія уравнительныя количественныя, а часто даже и качественныя общинныя перераспредѣленія земли совершенно исчезаютъ и на ихъ мѣсто появляется наслѣдованіе, завѣщаніе, купля-продажа надѣловъ отдѣльными семьями съ чисто лишь формальнымъ, а иногда даже и безъ всякаго контроля и санкціи общины. Такимъ образомъ, фактически устанавливается, какъ и при семейно-захватномъ владѣніи, уже **не общинное**, а **общее** владѣніе. Часто и сами крестьяне весьма отчетливо это понимаютъ и формулируютъ. Напр., въ Мценскомъ уѣздѣ Орловской губерніи встрѣчаемъ слѣдующее характерное явленіе: тутъ **не четвертное** владѣніе (являющееся именно наиболѣе типичной формой **общаго** владѣнія) склоняется къ порядкамъ общиннаго (какъ это констатировано по другимъ уѣздамъ), а совершенно наоборотъ,—общинное владѣніе, переходя въ подворное, нерѣдко усваиваетъ всѣ порядки и обычаи четвертного владѣнія. Во всѣхъ такихъ случаяхъ даже земля считается уже не „душами“, а десятинами, при раздѣлахъ ея между родственниками примѣняются тѣ же правила, какъ и при четвертномъ владѣніи, и т. д.; и даже сами крестьяне называютъ себя четвертными и говорятъ, что владѣютъ землею „на четвертномъ правѣ“... [1]). Очертимъ на нѣсколькихъ болѣе характерныхъ примѣрахъ это господство личнаго и подавленіе общиннаго права въ семейно-державческихъ формахъ.

Въ Семеновскомъ уѣздѣ, по прямому весьма удачному указанію г. Плотникова, ревизско-безпередѣльная или ревизско-наслѣдственная разверстка „возрождаетъ въ себѣ традиціи захватнаго періода. Надѣлъ, доставшійся по ревизіи, за смертью перваго, его получившаго,

[1]) См. „Сб. ст. св.“ по Мценскому уѣзду, стр. 23.

остается въ роду—вмѣстѣ съ нимъ дробится и дѣлится"... Иначе говоря, всѣ „владѣютъ родительскими душами", „стариковскими", „ровыми"... [1]). Въ с. Карлухѣ. Новоладожскаго уѣзда, Петерб. губ., „свалка и навалка по заведенному обычаю происходитъ лишь между родственными семьями: земля умершаго (или отказывающагося отъ надѣла,—какъ видимъ, здѣсь еще „полу-выкупной фазисъ") переходитъ къ ближайшему родственнику, а не въ распоряженіе общества; такимъ образомъ, на мѣсто общиннаго начала становится родовое" [2]).

Въ Вольскомъ уѣздѣ Саратовской губ. общества, „держащіяся разверстки по ревизскимъ душамъ, все равно великъ или малъ ихъ надѣлъ, не считаютъ уже себя въ правѣ отбирать землю у вдовъ и сиротъ, т.-е. брать ее изъ семьи умершаго. Такъ, въ с. Чернобулакѣ вдовы, хотя бы и безъ дѣтей мужского пола, и сироты владѣютъ душевымъ надѣломъ умершаго хозяина и „міръ не имѣетъ права отбирать землю". У живущихъ на сторонѣ міръ тоже земли не отбираетъ. При большихъ промежуткахъ между передѣлами и при значительной устойчивости землевладѣнія по ревизскимъ душамъ легко устанавливается нѣкоторый порядокъ наслѣдованія и даже развивается завѣщательное право" [3]). Также въ Балашовскомъ у., напр. въ с. Андреевкѣ, „надѣлъ можетъ быть переданъ по завѣщанію, кому пожелаетъ завѣщатель, но только однообщественнику; два хозяина „продали" свои души за 20 и 25 руб. (впрочемъ, судя по цѣнѣ это скорѣе—аренда); въ д. Алексинѣ каждый домохозяинъ—полный господинъ своихъ „душъ" и, въ случаѣ смерти, можетъ завѣщать ихъ кому пожелаетъ, но только изъ однообщественниковъ; тотъ же порядокъ передачи душъ „въ вѣчность" отмѣченъ тутъ и въ нѣкоторыхъ другихъ селеніяхъ" [4]). Но особенно интенсивно развивается эта свобода личнаго распоряженія надѣлами въ видѣ ихъ купли-продажи въ нѣкоторыхъ у.у. Тверской губ. Напр., въ Зубцовск. у. „въ нѣкоторыхъ случаяхъ перепродажи мы встрѣчаемся съ полнымъ пренебреженіемъ мірского контроля надъ землею и самовольной передачей"; этимъ міръ „однако" бываетъ весьма недоволенъ. Чаще передающій или продающій испрашиваетъ согласіе міра, который и санкціонируетъ переходъ земли своимъ приговоромъ; какъ видитъ читатель, этотъ случай почти буквально повторяетъ первую стадію общинныхъ отводовъ, когда міръ только играетъ роль нотаріуса, санкціонирующаго личное право... Въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянинъ, не въ силахъ будучи лично владѣть своею землею, тяготится ею, раздача „въ вѣчное

---

[1]) См. „Мат. по оц. зем." Семеновскій уѣздъ, стр. 140 и 144.

[2]) См. „Мат. по ст. нар. хоз. по Петерб. губ." в. VШ, часть II, стр. 72.

[3]) Такъ, напр., въ селѣ Кикинѣ родные могутъ владѣть душою по духовному завѣщанію Въ дер. Хватовкѣ душой умершаго пользуются ближайшіе родственники, двоюродные же братья не имѣютъ права владѣть ею; по духовному завѣщанію умирающій можетъ передать душу, кому захочетъ, даже и не родственникамъ. Въ с. Ново-Жуковкѣ душою умершаго пользуются близкіе родственники, двоюродные же братья въ томъ случаѣ, если жили вмѣстѣ съ умершимъ... (См. „Сб. ст. св." по Вольскому у.).

[4]) Сб. ст. св. по Балашовск. у., в. II, стр. 117.

и потомственное владѣніе“ совершается за подать и повинности, а также за покрытіе недоимки. Принявшій пользуется всѣми правами прежняго владѣльца, въ томъ числѣ правомъ внести единовременный выкупъ за землю. Въ другихъ случаяхъ мы встрѣчаемся съ продажею земли за деньги, при чемъ цѣны очень разнообразны, начиная съ 25 руб. за надѣлъ ($^3/_2$ д.), иногда даже съ посѣвомъ, и кончая 300 руб. (за 3 дес.), т.-е. по 100 руб. за десятину. Высота послѣдней цѣны показываетъ, что покупщикъ вполнѣ увѣренъ, что не рискуетъ, затрачивая такую значительную сумму... Эти факты и должны были явиться при земельныхъ порядкахъ, существующихъ въ нѣкоторыхъ общинахъ, гдѣ, какъ говорили, напр., „сами крестьяне д. Пыталова, никакихъ свалокъ-навалокъ не бываетъ, а кто нуждается въ землѣ, тотъ долженъ купить ее у менѣе нуждающагося“ [1]). И т. д. Понятно, что такіе глубоко индивидуалистическіе порядки нельзя уже считать какъ бы временнымъ попущеніемъ не собравшейся еще, такъ сказать, съ силой пореформенной помѣщичьей общины, а нужно признать проявленіемъ весьма глубоко внѣдрившагося и уже болѣе или менѣе сознательно дѣйствующаго личнаго права. Довольно вдуматься въ иные удивительно сильные и характерные отзывы самихъ крестьянъ „державцевъ“ объ ихъ личномъ правѣ, чтобъ не сомнѣваться въ этомъ. Напр., въ Новоладожскомъ у. Петерб. губ. „державцы“, опираясь на уплаченный за надѣлы выкупъ, говорятъ: „Я купилъ ее; пусть мнѣ возвратятъ всѣ тѣ деньги, которыя я заплатилъ за нее, тогда я ее отдамъ. Взять у меня землю—все равно, что снять съ плечъ тулупъ“ [2]). Въ д. Сашинѣ Зубцовск. у. „державцы“ землею дорожатъ и не согласятся дѣлить землю: „а до другого мнѣ дѣла нѣтъ, много онъ имѣетъ земли или мало“...[3]). И т. д., и т. д.

Понятно, что при такомъ порядкѣ и такихъ понятіяхъ, уже или самая мысль объ уравнительномъ передѣлѣ никому и не приходитъ въ голову, или крестьяне даже положительно и сознательно заявляютъ, что передѣловъ у нихъ больше не будетъ и даже постановляютъ о томъ приговоры. Напр., въ с. Рочевщинѣ (Новоладожскаго у.) „пе-

---

[1]) См. „Сб. ст. св.“ по Зубцовскому уѣзду, стр. 121. Весьма живой примѣръ такого положенія мы имѣемъ, напр., въ д. Кашинцевѣ того же Зубцовск. у. Здѣсь „на новыхъ работниковъ земля не вырѣзается, и они должны ожидать, пока отъ кого-нибудь освободится земля. Желающихъ получить землю много, такъ что каждый изъ нихъ принужденъ караулить, не броситъ ли кто „душку“ и заранѣе переговорить съ бросающимъ о передачѣ именно ему своего надѣла. При этомъ существуетъ и нѣкоторая приплата въ видѣ угощенія или прямо деньгами. Поговаривали о передѣлѣ да никто не соглашается“ (тамъ же стр. 114).

[2]) См. „Мат. по ст. нар. хоз.“ по Пет. губ. в. VII ч. II, стр. 71.

[3]) См. „Сб. ст. св.“ по Зубцовскому у., стр. 113. Надо отмѣтить, что не только пользующіеся этимъ порядкомъ державцы совершенно не признаютъ права своихъ сообщинниковъ, но и сами обдѣленные, повидимому, часто перестаютъ заявлять о нихъ и не представляютъ себѣ даже возможности уравнительнаго передѣла. Напр., въ д. Сашинѣ того же у. „перемѣнъ въ распредѣленіи земли не бываетъ. „Иной на 2-хъ работниковъ имѣетъ 5 душъ (т.-е. земельныхъ надѣловъ),—что дѣлать его счастье!“... (См. тотъ же сб., стр. 114),

редѣлъ былъ лѣтъ 20 назадъ, а теперь не дѣлятъ, хотя и сознаютъ неравномѣрное распредѣленіе земли: тѣ захватили побольше, у кого „нахрапистые“ старики были“ [1])... Въ Бугурусланскомъ у. Самарской губ. въ 6 бывшихъ помѣщичьихъ общинахъ переверстокъ вовсе нѣтъ, потому что на выкупаемую землю крестьяне смотрятъ, какъ на личную собственность [2]). Въ Макарьевскомъ у. Нижегородской губ., гдѣ вообще господствуютъ болѣе или менѣе интенсивныя общинно-передѣльныя формы, встрѣчены „однако“ изслѣдованіемъ 12 общинъ, гдѣ „передѣлы прекратились и, по словамъ крестьянъ, больше производиться не будутъ“ [3]). Въ Гатчинской волости Царскосельскаго у. въ нѣкоторыхъ селеніяхъ крестьяне даже съ недоумѣніемъ спрашивали изслѣдователей: „да на что же ее (землю) дѣлить?“... „Никогда того не будетъ, чтобы дѣлили“ [4])... Понятно, что отъ такого отношенія уже остается одинъ шагъ либо до прямого постановленія вообще не производить въ будущемъ передѣловъ, либо до рѣшенія произвести передѣлъ, но съ тѣмъ, чтобъ это былъ послѣдній передѣлъ, „навѣчно“. Такіе случаи мы дѣйствительно и встрѣчаемъ. Напр., въ Орловскомъ у. среди передѣлившихъ общинъ есть такія, „которыя считаютъ произведенный передѣлъ послѣднимъ и больше не намѣрены дѣлить, раздѣливъ землю на вѣчное потомство“ [5]). Въ Рязанскомъ у. 11 общинъ „постановили на словахъ о прекращеніи поравненій земли“; по Козельскому у. отмѣчены 3 передѣла „навѣчно“. Въ Касимовскомъ у. Рязанской губ. постановлено 4 словесныхъ и 1 формальный письменный приговоръ о передѣлѣ „навѣчно“. Въ Егорьевскомъ у. (Ряз. же губ.) даже цѣлыхъ 55 общинъ постановили такой приговоръ, при чемъ, впрочемъ, лишь въ 7—8 изъ нихъ онъ записанъ и имѣетъ формально-законное значеніе [6]). И т. д.

Итакъ, какъ видимъ, послѣ-передѣльный семейно-державческій фазисъ представляетъ по размѣрамъ и по взаимоотношенію общиннаго и личнаго права полную параллель до-передѣльнымъ семейно-захватнымъ формамъ, — вся разница въ томъ, что въ послѣднихъ личное право сильно потому, что общинное право еще не развилось, а въ первомъ, наоборотъ, убываетъ общинное, а прибываетъ личное право. Было бы, однако, большой ошибкой думать, что этотъ процессъ разложенія общины идетъ съ такою же правильностью и по-

---

[1]) См. „Мат. по стат. нар. хоз. Петербургской губ.“ в. VIII, ч. II, стр. 71.

[2]) „Сб. ст. св.“ по Самарской губ., т. IV, стр. 26.

[3]) См. „Мат. по оп. земли“. Макарьевскій у., стр. 81.

[4]) См. „Мат. по ст. нар. хоз. Петербургской губ.“ в. VII, стр. 87.

[5]) См. „Сб. ст. св. по Орловской губ.“ т. VIII, по отд. II, стр. 31.

[6]) См. „Сб. ст. св.“ по Рязанскому у., стр. 5 и др. и „Ст. оп. Кал. губ.“, т. I, в. 2, стр. 27; послѣдніе же два примѣра я цитирую по книгѣ г., В. В. стр. 173. Больше примѣровъ не привожу, такъ какъ всѣ они однообразны, и читатель можетъ найти ихъ въ книгѣ г. В. В., стр. 171—174, гдѣ, впрочемъ, не отдѣлены окончательные формальные и имѣющіе законную силу переходы къ подворному владѣнію отъ неимѣющихъ такого значенія словесныхъ или въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ составленныхъ или неутвержденныхъ приговоровъ, о которыхъ только и идетъ рѣчь въ этомъ §-ѣ.

степенностью и имѣетъ такую же ясную и неуклонную тенденцію, какъ мы это наблюдали въ процессѣ ея складыванія. Напротивъ, очень часто, если не въ большинствѣ случаевъ, онъ не только не доходитъ пока до конца, но и представляетъ постоянно самыя неожиданныя колебанія, противорѣчія и даже дѣлаетъ часто рѣзкіе шаги назадъ, къ возстановленію замершаго было общиннаго начала. Прослѣдимъ нѣсколько примѣровъ такого рода.

Очень часто при полномъ отсутствіи общинной функціи и даже при самыхъ рѣзкихъ индивидуалистическихъ порядкахъ огромное большинство общинниковъ все таки совершенно прямо и ясно выражаетъ нежеланіе бросать общину и высказываетъ сознательное предпочтеніе ей предъ подворнымъ владѣніемъ. Напр., въ с. Ивановкѣ (Балашовскаго у. Саратовской губ.), „при выходѣ на волю земля была раздѣлена по ревизскимъ душамъ и съ тѣхъ поръ ни коренныхъ, ни частныхъ передѣловъ не было. Вдовы, если пожелаютъ, могутъ держать надѣлъ; желающихъ передѣла въ обществѣ не много. — всякій доволенъ теперь своимъ надѣломъ“. Крестьяне такъ объясняютъ отсутствіе передѣловъ: „какъ же я платилъ выкупъ столько лѣтъ, теперь остается мало времени поплатить и земля сдѣлается моею; если мы передѣлимъ по наличнымъ душамъ, то мои деньги пропадутъ“. Но въ то же время крестьяне считаютъ общинное землевладѣніе безусловно лучше подворнаго и говорятъ: „земля всегда останется у насъ въ общественномъ пользованіи“. [1]). Также и въ Козельскомъ, напр., у. въ общинахъ, по внѣшности совершенно замершихъ, изслѣдователи встрѣчали такіе отзывы, что „черезъ сколько бы ни было лѣтъ, а быть ей (землѣ) передѣленной“ и т. п. [2]). И часто, дѣйствительно, послѣ самыхъ типичныхъ семейно-державческихъ порядковъ, мало-по-малу накопляется большинство за передѣлъ, онъ осуществляется, и община, повидимому, совершенно оправляется отъ своего летаргическаго сна. Такъ напр., въ с. Садовкѣ Вольскаго у. до 83 г. „дѣлили по ревизскимъ душамъ. Складокъ и накладокъ душъ не было, земля умершихъ не переходила къ родственникамъ и даже дальнимъ; вдовы пользовались надѣлами своихъ умершихъ мужей“,— а въ 83 г. произошелъ коренной передѣлъ. Или въ с. Старой Яблонкѣ Хвалынска у. съ 58 г. до 83 г. „не было ни передѣловъ, ни частныхъ складокъ-накладокъ тяголъ, а умершія души переходили къ ближнимъ кровнымъ родственникамъ. Двоюродные братья и дядья наслѣдовали выморочный надѣлъ въ томъ случаѣ, если владѣлецъ земли при жизни своей опредѣлялъ ее имъ“ (право завѣщанія!), въ противномъ случаѣ землей распоряжалось общество... а въ 83 г. подѣлили по мужскимъ наличнымъ душамъ“ [3]). И т. д., и т. д.

Множество такого рода случаевъ съ очевидностью говорятъ намъ о томъ, что очень часто рядомъ съ укорененіемъ и видимымъ господ-

---

[1]) См. „Сб. ст. св.“ по Балашовскому у. „Описан. вол. и сел.“, стр. 316.
[2]) См. „Стат. опис. Кал. губ.“, т. I. в. II, стр. 47.
[3]) См. „Сб. ст. св.“ по Сарат. г. по Вольскому у., стр. 114 и по Хвалынскому у., стр. 33.

ствомъ личнаго права вовсе не исчезаетъ и общинное, и, по мѣрѣ накопленія въ общинѣ значительнаго числа обдѣленныхъ этимъ порядкомъ хозяевъ, оно сразу вспыхиваетъ и уничтожаетъ личное. Этого конечно, мы должны были отчасти и a priori ожидать, т. к. вышеобрисованныя разлагающія вліянія не имѣютъ вѣдь безусловнаго и вѣчнаго характера. Съ повышеніемъ общей культурности крестьянства, напр., оно узнаетъ постепенно дѣйствительныя свои права на землю, какъ они опредѣлены закономъ, а съ этого момента исчезаетъ фикція права „ревизской души“ и выкупа земли, какъ обязательной личной ея покупки [1]). Малоземелье, хотя и тормазитъ накопленіе большинства за передѣлъ и побѣду его надъ „консервативными“ „держащими“, однако же именно только тормазитъ, т. е. отсрочиваетъ на нѣкоторое время, а не дѣлаетъ ихъ совершенно невозможными. Интенсификація земледѣлія тоже въ очень многихъ, если не въ большинствѣ случаевъ, только приспособляетъ къ себѣ общинно-передѣльную функцію, удлиняя сроки количественныхъ и прекращая нѣкоторые виды качественныхъ передѣловъ, а не вовсе исключаетъ ее.

Понятно, что объ всемъ этомъ мы будемъ еще говорить подробно въ своемъ мѣстѣ, пока же необходимо указать, что все сказанное въ равной мѣрѣ примѣнимо не только къ случаямъ безпередѣльнаго застыванія общины, но и къ передѣламъ „навѣчно“. Во-первыхъ во множествѣ случаевъ передѣлы эти оказываются однимъ недоразумѣніемъ: при нихъ крестьяне хотѣли только „навѣчно“ опредѣлить каждому хозяину однѣ и тѣ же полосы, но не одного и того же размѣра, т.-е. „навѣчно“ прекращались только качественные передѣлы, вредившіе унаваживанію и вообще интенсификаціи, а не количественные. Цѣлый рядъ, напр., такихъ случаевъ съ несомнѣнностью констатировали при подробныхъ разспросахъ статистики Вязем. у. (Смоленской губ.), гдѣ передѣлы „навѣчно“ считаются десятками: почти всѣ такіе передѣлы означали тутъ только прекращеніе частныхъ качественныхъ передѣловъ, а не уравнительныхъ количественныхъ; и во многихъ случаяхъ уже при изслѣдованіи констатированы даже были новые уравнительные передѣлы, слѣдовавшіе за передѣлами „на вѣчность“ и даже за прямыми приговорами, о переходѣ къ подворному владѣнію (не имѣвшими, впрочемъ, повидимому, законной силы и часто обязанными своимъ осуществленіемъ писарю, а не самимъ крестьянамъ [2]). Въ другихъ случаяхъ, хотя у крестьянъ и

---

[1]) Приведу хоть одинъ попавшійся мнѣ особенно характерный примѣръ такого выздоровленія общины. По свѣдѣніямъ 82 г. въ с. Маршагинѣ Новоладожскаго у. бывшіе государственные крестьяне собирались уже передѣлять землю, но распространился слухъ, говорили они, что всѣ переходятъ на выкупъ, и они пріостановились, полагая, что землю въ данномъ случаѣ „нельзя дѣлить“, но по свѣдѣніямъ 96 г. они-таки передѣлили черезъ 2—3 года послѣ перваго изслѣдованія очевидно, узнавши „свои права“...

[2]) Привожу въ примѣръ одинъ изъ этихъ случаевъ. Приговоръ дер. Казулиной: „...какъ земля подъ рожь въ семъ 1876 г. подѣлена въ настоящее время, такъ и должно быть на вѣчныя времена, и передѣла, какъ между нами, такъ и потомствомъ нашимъ быть не должно, и приговоръ этотъ долженъ соблюдаться

было въ самый моментъ передѣла „на вѣчно“ желаніе и рѣшимость дѣйствительно прекратить всякіе вообще и именно количественные передѣлы, но оно не было обдуманнымъ, сознательнымъ, а явилось въ значительной степени въ результатѣ массового настроенія (быть можетъ иногда не безъ вліянія водки) и совершенно неяснаго представленія о вводимой вмѣсто общины формѣ владѣнія, о дѣйствительной невозможности вернуться отъ нея опять къ общинѣ. Такъ мы находимъ цѣлый рядъ случаевъ, когда общины, передѣлившія „навѣчно“, или рѣшившія (устно или письменно, но не законно) перейти къ подворному владѣнію, затѣмъ преспокойно продолжаютъ уравнительные передѣлы, либо объясняя, на разспросы наблюдателей, свое первое рѣшеніе недоразумѣніемъ, непониманіемъ и т. п., либо даже забывъ о немъ, иногда даже утверждая, что ничего и не знаютъ о такомъ приговорѣ... Такъ, напр., изъ 11 упомянутыхъ выше перешедшихъ словесно къ подворному владѣнію общинъ Рязанскаго уѣзда только въ нѣкоторыхъ—правда въ большинствѣ, „повидимому, довольно прочно установился новый порядокъ, т.-е. подворное владѣніе“; въ нѣкоторыхъ же уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ него обнаружилось неудовольствіе, началась борьба за уравнительный передѣлъ и даже уже происходятъ частныя свалки-навалки надѣловъ [1]). Или, напр., въ Херсонскомъ у. въ очень крупномъ обществѣ (до 4,000 мужскихъ наличныхъ душъ) бывшихъ военныхъ поселянъ,—подобно помѣщичьимъ, совершенно не имѣвшихъ въ прошломъ самостоятельнаго землевладѣнія и въ по-реформенной періодъ впервые начавшихъ его, первымъ шагомъ былъ переходъ къ подворному владѣнію, установленный приговоромъ (при вручніи обществу владѣнной записи) о раздѣленіи земли „на одинаковые, постоянные, подворные участки“ и, затѣмъ, осуществленный въ чисто индивидуалистическихъ безпередѣльныхъ порядкахъ, „съ наслѣдованіемъ какъ сыновей, такъ и вдовъ и дочерей умершему главѣ хозяйства“ и т. д. Но съ 83 г. „начались разговоры въ обществѣ о необходимости передѣла на живыя души“. Сначала стали хлопотать объ арендѣ для молодыхъ обдѣленныхъ членовъ общины сосѣдняго казеннаго участка, но когда имъ было въ томъ отказано, то въ 86 г. передѣлили на всѣ наличныя мужскія души, а въ 87 году значительная часть общества стояла даже за дополнительное надѣленіе также и нѣкоторыхъ женскихъ душъ [2]). И. т. д.

навсегда свято“... „Что это такое? (спрашиваетъ авторъ статьи по этому уѣзду).— Переходъ къ подворно наслѣдственному владѣнію? Но съ юридической точки зрѣнія актъ этотъ, разумѣется, вполнѣ ничтоженъ. Это недоразумѣніе разрѣшено изслѣдователями на мѣстѣ; оказалось, что здѣсь дѣло идетъ только, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, объ уничтоженіи частныхъ подвижекъ полосъ, объ укрѣпленіи за каждымъ полосы до новаго передѣла или „на вѣчность“, т.-е. на болѣе или менѣе продолжительный срокъ“... (См. „Сб. ст. св. по Смоленской губ.“, т. I, в. II Вяземск. у., стр. 30).

[1]) См. „Сб. ст. св.“ по Рязанскому у., 5 и 6 стр.

[2]) См. „Мат. по оц. зем. Херсонск. г.“, т. VI, стр. 202—203.

Выводя равнодѣйствующую изъ всѣхъ этихъ столь противорѣчивыхъ фактовъ, то полнаго, казалось бы, замиранія общиннаго права, то вдругъ новаго его возрожденія, мы принуждены присоединиться въ послѣднемъ выводѣ къ сдѣланнымъ уже многими наблюдателями характеристикамъ этого послѣ-передѣльнаго семейно-державческаго фазиса, какъ формы въ высшей степени неопредѣленной и неустойчивой. „Новое земельное право,—говоритъ, напр., г. Кейсслеръ,—не есть свободное личное... Въ сущности оно не что иное, какъ обычное общинное владѣніе безъ права на землю съ вытекающими отсюда правовыми послѣдствіями, которыя заключаютъ въ себѣ расширеніе правъ отдѣльныхъ хозяевъ и соотвѣтственное тому сокращеніе правъ общины... Это право только зарождается и, за исключеніемъ немногихъ мѣстностей, оно еще такъ непрочно, что не исключаетъ возможности возврата къ обычному общинному праву, т.-е. къ общимъ передѣламъ“ [1]). „Принимая передѣлы за существенный признакъ общиннаго владѣнія,—говоритъ г. Селивановъ въ своей статьѣ объ общинѣ въ Рязан. губ.,—мы должны признать, что въ тѣхъ земельныхъ общинахъ, гдѣ передѣлы уже не функціонируютъ въ дѣйствительной жизни, тамъ общинное начало de facto замѣнилось подворнымъ“... Однако—„подворное владѣніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ на западѣ, т. е. на правѣ полной личной собственности, не привилось, да и не могло привиться и такимъ образомъ, появились тѣ несчастныя формы земельныхъ отношеній, которыя могутъ характеризоваться чуть ли не одними отрицательными признаками; нѣтъ передѣловъ, но могутъ быть, нѣтъ жеребьевокъ, но могутъ быть и т. д., въ сущности, нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ порядковъ, въ результатѣ чего, разумѣется, деморализація, неувѣренность за будущее и полное отсутствіе устойчивости“ [2])...

Такимъ образомъ, на основаніи глазомѣрнаго правового анализа, мы не можемъ пока поставить, такъ сказать, крестъ надъ общинами,

---

[1]) См. ст. г. Пв. Кейсслера „Сельская община и ея современное положеніе“, Вѣстникъ Евр., 87 г. 12 кн. Приведу еще выводы неизвѣстнаго автора статьи о формахъ землевладѣнія по Елисаветградскому у... „И формы землевладѣнія, и обычно правовыя воззрѣнія крестьянъ на землю еще не выработались, не установились и находятся въ какомъ-то переходномъ состояніи. Цѣлый рядъ разнообразныхъ и враждебныхъ другъ другу началъ и теченій является предъ нами: волчій аппетитъ, кулакъ, зародышъ котораго глубоко засѣлъ въ крестьянствѣ, экономическое неравенство односельчанъ; традиціи крѣпостного права и ига аракчеевскихъ военныхъ поселеній; полное недовѣріе ко всему и всѣмъ; склонность къ продажности сельскаго начальства, схода и волостного суда, и стремленіе каждаго крестьянина все это подкупить водкой въ свою пользу съ одной стороны, а съ другой подчасъ взрывъ благороднаго негодованія цѣлаго схода на несправедливости, предпочтеніе интересовъ „громады“ (міра) притязаніямъ единичныхъ личностей, стремленіе разсудить все по справедливости и, наконецъ, страхъ возмездія Божія—вотъ два теченія, Ариманъ и Ормуздъ народной жизни, которые постоянно борются между собою и производятъ такой водоворотъ, что трудно разобрать, на чьей сторонѣ въ будущемъ будетъ побѣда, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время чаще всего свѣтлыя воды альтруизма, правды и добра все болѣе и болѣе поглощаются мутными потоками продажности, обособленности и эгоизма“...

[2]) См. „Сб. ст. св.“ по Рязанск. губ., т. XI, Сводный по губ., стр. 75.

находящимися въ семейно-державческомъ (семейно-выкупномъ) фазисѣ, но не перешедшихъ еще формально и окончательно къ подворному владѣнію. Мы не имѣемъ права считать, что полное разложеніе и смерть ихъ неизбѣжны въ ближайшемъ же будущемъ; мы можемъ только поставить условный діагнозъ; констатировать трудность, опасность ихъ положенія и предсказать, что если дѣло пойдетъ такъ же и дальше, какъ идетъ теперь, такой исходъ дѣйствительно станетъ неизбѣжнымъ. Пойдетъ ли такъ дѣло и дальше? Это, конечно, будетъ зависѣть отъ того, будутъ ли дѣйствовать и съ какой именно силой, тѣ условія, которыя въ настоящій моментъ разлагаютъ общину. Анализъ этихъ условій составляетъ задачу всего II тома моей работы и говорить сейчасъ о нихъ значило бы совершенно безполезно забѣгать впередъ. Ограничусь поэтому только для ясности указаніемъ, что условія эти отнюдь не имѣютъ такого характера простоты, силы постоянства, даже непреоборимости, какъ выше очерченные факторы, слагающіе общину въ многоземельныхъ мѣстностяхъ: довольно замѣтить, что даже самый основной факторъ.— естественное возрастаніе населенія и крайнее сокращеніе отъ того размѣровъ надѣла—и тотъ на извѣстной степени развитія начинаетъ парализоваться своими же собственными результатами: даже почти прекращеніемъ прироста при крайнемъ малоземельѣ и все ускоряющимся развитіемъ выселеній. Объ условности же и сложности дѣйствія другихъ факторовъ нечего, конечно, и говорить... Само собою разумѣется, однако, что я не хочу этимъ сказать, что считаю болѣе вѣроятнымъ благопріятный исходъ: я не предрѣшаю вопроса, а только ставлю его, рѣшеніе же его, если только оно сейчасъ возможно, пусть вынесутъ цифры.

§ 4.

Намъ осталось теперь еще разсмотрѣть послѣдній и самый крайній видъ разложенія общины: случаи формальныхъ и имѣющихъ законную силу переходовъ отъ общиннаго къ подворному владѣнію. На этихъ случахъ съ особенной яркостью подтверждается все сказанное нами сейчасъ о трудности окончательнаго приговора о настоящемъ и будущемъ этихъ процессовъ разложенія.

А. Едва ли не наибольшую опасность для общины и принципіально и фактически представляла вышеупомянутая 165 статья о выкупѣ, предоставлявшая каждому выкупать въ личную собственность надѣлъ, отведенный ему общиной въ пользованіе. Статья эта представляетъ какъ бы клинъ, расщепляющій общинное право до самой его сердцевины. Даже при самой сильной и сознательной привязанности къ общинѣ крестьянъ въ основной ихъ массѣ (чего, конечно, отъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ очень трудно было ожидать), всегда не можетъ не найтись замѣтнаго числа хозяевъ, которые поспѣшатъ воспользоваться плохо лежащей землей и утянуть ее въ полную соб-

ственность за какіе-нибудь нѣсколько десятковъ рублей. Это сдѣлаютъ какъ наиболѣе сильные хозяева, которыхъ всегда стѣсняетъ община, такъ и совершенно обезсилѣвшіе, бросившіе уже землю, которые выкупятъ ее для немедленной же продажи или даже на ссуду (съ доплатой) отъ тѣхъ же болѣе зажиточныхъ. И вотъ, такое растаскиваніе общинной земли и началось въ пореформенной помѣщичьей общинѣ. Сначала, пока крестьяне плохо знали эту 165 статью, а главное, пока остающаяся доплата была очень велика, случаи такого выкупа были крайне рѣдки; но затѣмъ она сдѣлалась очень извѣстной и все болѣе и болѣе соблазнительной, по мѣрѣ уменьшенія остаточной доплаты. Такъ, въ 38 губ. Европейской Россіи (кромѣ Уфимской и 9-ти западныхъ) къ 82 г. было куплено досрочно 47,735 душевныхъ надѣловъ или 178,066 дес. земли, а къ 92 г.—уже цѣлыхъ 127,518 над. и 492,184 дес. земли, т.-е. за послѣднія 10 лѣтъ было выкуплено десятинъ на 75% больше, чѣмъ за предыдущія 20 лѣтъ! Что же было бы, спрашивается, въ слѣдующіе годы, когда доплата сдѣлалась бы совершенно ничтожной? Нѣтъ сомнѣнія, что началось бы массовое непрерывное выкупаніе земли, началось бы настоящее—„спасайся, кто можетъ!“ или, лучше сказать, „тащи, кто можетъ!“ Такое положеніе, впрочемъ, уже почти и наблюдалось въ нѣкоторыхъ уу., напр., къ 92 г. въ Сумскомъ и Романово-Борисоглѣб. уу. приходилось по 1 выкупленному надѣлу на 10 надѣловъ, въ Петербургскомъ 1 на 9, въ Велижскомъ, Вязниковскомъ и Рыбинскомъ—1 на 8, въ Шлиссельбургскомъ—1 на 5, и община должна была, сложа руки, смотрѣть, какъ растаскиваютъ ея землю... Но въ 93 г. былъ изданъ законъ, хотя отнюдь и не уничтожившій окончательно этого личнаго права выкупа, но установившій требованіе согласія на него $^2/_3$ голосовъ общины. Этого было достаточно: общины и раньше, какъ общее правило, всѣми силами противившіяся этимъ выкупамъ (напр., узнавая о намѣреніи выкупить, онѣ заблаговременно отбирали надѣлъ, обѣщали отвести землю неудобную, угрожали всякими репрессаліями и т. д.), теперь наложили свое veto, и разлагающій клинъ почти пересталъ дѣйствовать; напр., въ 93 г. было выкуплено надѣловъ по 165 ст. почти на 1 милліонъ рублей, а въ 94 г. (съ начала дѣйствія закона)—всего на 44 тыс. рублей.

Необходимо, впрочемъ, отмѣтить, что даже самый этотъ выкупъ, теперь отошедшій уже почти въ прошлое, часто вовсе не имѣлъ ясно выраженнаго индивидуалистическаго характера. Такъ, во-первыхъ, по даннымъ губернскихъ совѣщаній—„болѣе зажиточная часть крестьянъ стремилась къ этому выкупу не столько изъ желанія превратиться въ подворныхъ владѣльцевъ, сколько изъ желанія избѣжать круговой поруки“ [1]). (То же отмѣчено и многими земско-статистическими данными). Въ значительномъ, повидимому, большинствѣ случаевъ, затѣмъ, выкупленные надѣлы не выдѣлялись въ особый уча-

[1]) См. статью „Позем. община“ въ Энцикл. слов. Брокгауза и Ефрона, т. 47, стр. 217.

стокъ, а оставались въ черезполосномъ владѣніи, иногда же даже шли въ передѣлы при общихъ передѣлахъ общинной земли (но обыкновенно только уравнивались по качеству, а не по количеству). Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ они, дѣйствительно, въ буквальномъ смыслѣ расклинивали, разлагали общинное тѣло: напр., въ Тверской губ. часто „выкупившимъ или оставляются неприкосновенными ихъ полосы, или же предоставляется въ каждомъ „утинѣ“ (кону) первыя отъ усадебъ полосы, за что міръ получаетъ угощеніе. Начавшись съ полученія первыхъ полосъ, обособленіе выкупившихъ идетъ дальше, а въ нѣкоторыхъ общинахъ полосы выкупившихъ отдѣляются отъ общинныхъ полосъ межою; при большомъ числѣ выкупившихъ это доходитъ то того, что каждый „утинъ“ раздѣляется на двѣ половины, изъ коихъ одна уже не подлежитъ передѣламъ. Такимъ образомъ, община раздѣляется на 2 части, изъ которыхъ въ одной—подворное владѣніе, въ другой,—общинное“ [1])...

Само собою разумѣется, что разлагающее вліяніе оказываетъ не только подворный, но и общинный досрочный выкупъ, также допущенный закономъ, но фактически несравненно рѣже практикующійся. Понятно, что хозяева, уплатившіе сразу значительную выкупную сумму, не имѣютъ ни малѣйшаго желанія уступать затѣмъ эти „купленные“ надѣлы другимъ семьямъ и иногда стремятся заранѣе обезопасить себя отъ этого, сразу же, при взносѣ выкупа, переходя вмѣстѣ съ тѣмъ къ подворному владѣнію. Такіе случаи и попадаются по нѣсколькимъ уѣздамъ. Напр., с. Рождественское Мценскаго у. взнесло досрочный выкупъ за всю общинную землю и такъ какъ каждый дворъ уплатилъ деньги за то количество земли, какимъ пользовался, то рѣшено было „владѣть землею безъ передѣловъ“ [2])... И т. д. Надо, наконецъ, упомянуть и о такихъ, впрочемъ, совершенно единичныхъ случаяхъ, когда цѣлыя земельныя общины сразу исчезали совершенно: когда онѣ, выкупивъ землю, всю продавали ее. Впрочемъ, и тутъ наблюдаются два рѣзко противоположныхъ исхода: когда земля продавалась, напр., пригородной общиной—подъ фабрики, дома, заводы и т. д., то обыкновенно это полугородское крестьянское населеніе разбредалось и окончательно, такъ сказать, испарялось, какъ земледѣльческое населеніе (ниже еще встрѣтимъ подобный примѣръ), иногда же, какъ, напр., при послѣднихъ продажахъ крестьянскихъ общинныхъ земель для разработки руды и угля въ Екатеринославской губ. и т. п., крестьяне, наоборотъ, часто на вырученныя деньги покупали себѣ *всею же общиной* новую землю въ бо́льшемъ количествѣ, т.-е. тутъ община только, такъ сказать, обновлялась, сбросивъ старую и перешедши въ новую, болѣе просторную, а потому и болѣе благопріятную для общиннаго права земельную оболочку...

В. Итакъ, изъ исторіи выкупа по 165 ст. мы должны сдѣлать

---

[1]) См. „Сб. ст. св.“ по Тверск. г., т. XIII, в. 1, стр. 42.
[2]) См. „Сб. ст. св.“ по Мценскому у., стр. 20.

сравнительно благопріятный выводъ. Во-первыхъ, ½ милліона дес. общинной земли, которыя успѣли растащить отдѣльные хозяева за 30 лѣтъ пореформенной эпохи, представляютъ величину значительную только абсолютно, относительно же совершенно незначительную. Во-вторыхъ, не всегда и не во всемъ этотъ процессъ имѣлъ рѣзко индивидуалистическій характеръ и. въ-третьихъ,—онъ весь почти—въ прошломъ, и на немъ обнаружилась значительная сила сопротивленія со стороны общины, которая сейчасъ же почти его прекратила, какъ только получила къ тому возможность. Но если въ этомъ вытѣсненіи внѣшняго клина, вбитаго въ организмъ общины, и проявилась живая еще въ немъ сила, то посмотримъ, какимъ условіямъ уступаетъ онъ въ случаяхъ полнаго его разложенія и что получается въ результатѣ. По крайне интересному вопросу о причинахъ перехода крестьянъ—общинниковъ къ подворному владѣнію мы имѣемъ пока слишкомъ мало данныхъ, такъ что дѣлать о нихъ окончательныя заключенія нельзя. По тѣмъ же даннымъ, которыя пока имѣются, можно только заключить о значительномъ разнообразіи этихъ причинъ и, такъ сказать, объ индивидуальномъ и внѣшнемъ ихъ характерѣ. Только иногда встрѣчаются указанія на то, что передѣлили подворно для цѣлей интенсификаціи земледѣлія: такъ, напр., въ д. Думчинѣ Мценскаго уѣзда „при переходѣ въ половинѣ 60-хъ г.г. съ потягольной разверстки на подушную у многихъ хозяевъ отошла навозная земля... Это вызвало такое недовольство, что въ 68 г. былъ постановленъ приговоръ объ отмѣнѣ передѣловъ на будущее время“ [1]). Чаще крестьяне принимали выкупъ за обязательно-личный и именно на этомъ основаніи, переходя на выкупъ, вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливали формально подворное владѣніе; такой, напр., случай отмѣченъ въ с. с. Тумаковѣ и Нестеровѣ Рязанскаго у. и др. [2]): Значительно же чаще встрѣчается, повидимому, такая причина, какъ желаніе крестьянъ избавиться отъ круговой поруки: именно этотъ мотивъ выставили 2 изъ 5 перешедшихъ къ подворному владѣнію общинъ Рязанскаго у.; эта же причина господствуетъ и въ десяткахъ переходовъ по Мценскому у., гдѣ напр., также движеніе охватило цѣлую волость и вызвано было именно тѣмъ, что „въ этой волости былъ случай продажи имущества состоятельныхъ хозяевъ за недоимки, накопленныя несостоятельными, и этотъ случай произвелъ большой переполохъ“ [3]). Весьма часто, затѣмъ, переходъ къ подворному владѣнію имѣетъ мѣсто въ пригородныхъ общинахъ, гдѣ земли въ такой огромной степени дорожаютъ, что занятіе зем-

---

[1]) См. „Сб. ст. св. по Мценскому у.“, стр. 21, и у г. В. В. стр. 180—181; очень интересенъ одинъ случай въ этомъ же у. Солдатско-Другунская Слободка (пригородная) „не занимаясь земледѣліемъ и не будучи потому въ состояніи исправно уплачивать подати, выдѣлила одному хозяину, который лишь одинъ ведетъ хозяйство“ отдѣльный и большій противъ другихъ подворный участокъ, а остальную посдавали въ аренду. См. тамъ же.

[2]) См. „Сб. ст. св.“ по этому у., стр. 5.

[3]) См. цит. сб. по Рязанскому уѣзду, страница 5, и по Мценскому уѣзду, страница 22. См. также В. В. „Община“, стр. 176—177.

ледѣліемъ дѣлается совершенной безсмыслицей, и крестьяне распродаютъ свою землю, дѣлаясь сами мелкими торговцами и т. д. Такой именно характеръ имѣли, напр., переходы къ подворному владѣнію въ Петербургскомъ у., гдѣ къ 82 г. уже почти 11% отведенной крестьянамъ надѣльной земли оказалось въ подворномъ владѣніи, при чемъ эта „земля, поступившая въ подворное владѣніе, отчуждалась въ 5 разъ интенсивнѣе, чѣмъ оставшаяся въ общинномъ владѣніи“ [1]). Или, напр., въ Троицкой Слободѣ,—пригородной около Рязани и подходящей своими землями къ вокзалу Московско-Рязанской жел. д., на которыя цѣны поднялись до 600—800 руб. за десятину,—„иниціатива перехода къ подворному владѣнію исходила не изъ среды общины“, а купцы, желавшіе строить тутъ трактиры и кирпичные заводы, подбили на то старосту, очень вліятельнаго мужика, которому былъ выгоденъ передѣлъ („а можетъ быть и благодарность отъ купцовъ получилъ“),—община мало-по-малу и соблазнилась [2]). Наконецъ, едва ли не наиболѣе характерной и общей причиной подворныхъ раздѣловъ былъ чей-нибудь „совѣтъ“ къ тому со стороны. По такому совѣту какого-то заѣзжаго „адвоката“, который и черновую приговора написалъ, раздѣлилась 1 изъ 5 общинъ Ряз. у.; по Мценскому у. крестьяне Троицкой волости (гдѣ изъ 35 общинъ 15 перешло къ подворному владѣнію), какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, указываютъ какъ на одну изъ причинъ, побудившихъ ихъ уничтожить общинное владѣніе, на совѣтъ мирового посредника и, позднѣе, непремѣннаго члена уѣзднаго крестьянскаго присутствія [3]). Или въ Козельскомъ у. въ двухъ общинахъ, офиціально значащихся перешедшими къ подворному владѣнію, „никто изъ крестьянъ не могъ объяснить, почему состоялся этотъ переходъ: „господинъ захотѣлъ, должно быть, а мы согласились“. Въ Моршанскомъ у. (Тамбовской губ.) вся Перкинская волость, состоящая изъ 4 земельныхъ общинъ государственныхъ крестьянъ, перешла одновременно къ подворному владѣнію, уступая настояніямъ своего старшины (человѣка богатаго и весьма вліятельнаго) и т. д., и т. д.

Итакъ, извѣстные намъ до сихъ поръ случаи формальнаго перехода отъ общиннаго къ подворному владѣнію по причинамъ своимъ представляются нѣсколько неожиданными: мы не видимъ, или почти не видимъ, среди нихъ самыхъ главныхъ, общихъ и глубокихъ индивидуализирующихъ землевладѣніе факторовъ, какъ малоземелье, интенсификація, сравнительно не часто встрѣчаемъ даже выкупъ (и то главнымъ образомъ съ его фиктивно-формальной стороны какъ обязательно-личнаго выкупа, а не съ реально-матеріальной, какъ личныхъ денежныхъ затратъ). Поэтому эти, по крайней мѣрѣ, случаи

---

[1]) См. „Мат. по ст. нар. хоз. Пет. г.“ вып. V, ч. II, стр. 127—128.

[2]) См. цитированный Ряз. Сб. стр. 4. См. подобные же случаи у г. В. В., стр. 181—183.

[3]) См. „Ст. опис. Калужской губ.“ т. I, вып. 2, стр. 27.

[4]) „Сб. ст. св.“ по этому у., стр. 54—56.

мы никакъ не можемъ принять за проявленіе общаго пореформеннаго разложенія общины, не можемъ считать, что община пыталась, но не смогла приспособиться къ пореформеннымъ условіямъ и стала потому, употребляя любимое ново-марксистское выраженіе, „отмирать“: мы видимъ пока только, что разлагаются отдѣльныя общины въ силу разныхъ индивидуальныхъ причинъ. Это станетъ намъ еще яснѣе, если мы вспомнимъ, что вообще эти случаи формальныхъ подворныхъ раздѣловъ сравнительно очень рѣдки и если затѣмъ, главное, мы обратимъ вниманіе на распредѣленіе ихъ во времени. Ясно, что если бъ мы имѣли дѣло съ массовымъ процессомъ разложенія общины, то эти случаи должны были бы все учащаться, между тѣмъ только по нѣкоторымъ уѣздамъ они, повидимому, дѣйствительно участились въ 80-ые гг.: по нѣкоторымъ же, наоборотъ, они происходили гораздо чаще въ 70-ые и даже 60-ые гг., а иногда даже исключительно только тогда и отмѣчены (даже и при позднихъ сравнительныхъ изслѣдованіяхъ). Въ результатѣ такихъ соображеній невольно возникаетъ сомнѣніе, такъ сказать, въ серьезности, подлинности, реальности этихъ фактовъ, въ томъ, могутъ ли они даже служить дѣйствительными симптомами разложенія общины?

Для разрѣшенія такого сомнѣнія остается только посмотрѣть, что именно получилось въ результатѣ этихъ подворныхъ раздѣловъ? Хотя матеріаловъ для отвѣта на этотъ вопросъ также пока очень мало, но на этотъ разъ они такъ согласно говорятъ всѣ одно и то же, что мы можемъ формулировать довольно твердое и ясное заключеніе. Заключеніе это состоитъ въ томъ, что въ значительномъ % случаевъ формально-законныхъ переходовъ къ подворному владѣнію оно или фактически устанавливается лишь отчасти, или даже почти вовсе не устанавливается или, затѣмъ, крестьяне стремятся возвратиться къ общинному владѣнію, что имъ иногда и удается. Приведу въ подтвержденіе этого нѣсколько лишь фактовъ, но зато достаточно яркихъ и, повидимому, не нуждающихся въ комментаріяхъ. Въ Мценскомъ у., гдѣ было нѣсколько десятковъ переходовъ къ подворному владѣнію, послѣ нихъ всегда „вполнѣ сохраняютъ свое существованіе черезполосица долей отдѣльныхъ хозяевъ и даже періодическія жеребьевки (качественные передѣлы), гдѣ ихъ производству не препятствуютъ какія-либо другія причины. Относительно различныхъ угодій примѣняются здѣсь также всѣ тѣ виды пользованія, какіе мы видѣли при общинномъ владѣніи: выгоны и пастбища находятся въ нераздѣльномъ пользованіи (т.-е. въ общинномъ); сѣнокосы или дѣлятся ежегодно между хозяевами (общинное владѣніе) или убираются общими силами (общинное производство)—хотя, впрочемъ, при подворномъ владѣніи иногда и луга разбиты на постоянные участки; лѣса находятся иногда въ общественномъ владѣніи, иногда въ подворномъ“ и т. д. [1]). Но тутъ пока не отмѣчено все-таки количе-

[1]) См. сб. ст. св. по Мценскому у., стр. 22.

ственныхъ передѣловъ пашни и желанія возвратиться къ общинѣ. И то, и другое мы находимъ въ 5 общинахъ Рязан. у.: лишь въ 2 изъ нихъ тоже не отмѣчено передѣловъ и недовольства подворнымъ раздѣломъ; въ 2-хъ же значительная часть крестьянъ сильно раскаиваются въ послѣднемъ, спрашивали изслѣдователей, нельзя-ли повернуть назадъ и даже выражали намѣреніе подать жалобу на неправильность этого приговора; въ пятой же, наконецъ, несмотря на приговоръ идутъ уравнительныя количественныя „перевалки“ и передѣлы [1]). По Тверской губерніи „изъ всѣхъ ея извѣстныхъ по изслѣдованію 9843 общинъ съ подворнымъ владѣніемъ зарегистровано 79, хотя большая часть и этихъ послѣднихъ не вполнѣ усвоили себѣ эту форму землевладѣнія, такъ какъ пастбищными и сѣнокосными угодьями владѣютъ на общинномъ началѣ“ [2]). Но этого мало: по Тверской губерніи въ сводномъ сборникѣ, напечатанномъ въ 97 году, приведены три случая возвращенія въ 92 и 93 г.г. къ общинному владѣнію отъ принятаго ранѣе (въ одномъ случаѣ въ 85 г.) подворнаго: Губернское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе утвердило эти единогласныя просьбы крестьянъ, такъ что мы имѣемъ тутъ любопытнѣйшіе случаи возвращенія, такъ сказать, „блудныхъ общинъ“, послѣ самого крайняго индивидуалистическаго эксперимента, снова на лоно общиннаго начала... Не такъ счастливы были общины Моршанскаго уѣзда, перешедшія къ подворному владѣнію по совѣту своего старшины въ началѣ 70-хъ г.г. Хотя уже изслѣдованіе 82 г. констатировало, что они рѣшительно отрицали свое согласіе на полный переходъ къ подворному владѣнію, говорили, что желали лишь удлинить сроки передѣловъ и всѣ настаивали на необходимости новаго уравнительнаго передѣла по наличнымъ душамъ, но этого не дозволялъ однако старшина (сынъ того, который ввелъ подворное владѣніе)... Въ 98 г. я прочелъ въ декабрьской книжкѣ „Рус. Мысли“ финалъ всего этого „недоразумѣнія“. Въ 96 г., т.-е. черезъ 25 лѣтъ послѣ перехода къ подворному владѣнію, Перкинское общество (главное село волости) постановило рядъ приговоровъ о возвращеніи къ общинному владѣнію, подъ которыми подписались единогласно всѣ хозяева за исключеніемъ одного Иванова,—волостного старшины, сына виновника перехода

---

[1]) См. цит. сб. по Ряз. у., стр. 4 и 5.

[2]) Напр., въ Калязинскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Нестеровѣ при подворномъ владѣніи порядокъ пользованія подходитъ къ общинному: пахоть черезполосна и разбита на утины и осьмаки; выгонъ общій, покосы дѣлятъ по душамъ. Въ другой деревнѣ, Ефимовской, слѣды общиннаго владѣнія сказываются въ томъ, что при образованіи новыхъ дворовъ имъ безвозмездно нарѣзаются усадьбы на мірской землѣ. Практикуется перепродажа другъ-другу земли, но продажа въ чужія деревни не допускается обычаемъ. Лѣсъ и покосъ находятся въ общемъ владѣніи... То же самое встрѣчается и въ другихъ уѣздахъ, напримѣръ, Осташковскомъ и Зубцовскомъ. Въ послѣднемъ случается, что если дворъ вымираетъ и родственниковъ въ своей деревнѣ нѣтъ, то земля поступаетъ въ пользу міра (деревня Кудрино Зубцовскаго уѣзда). Огороды до сихъ поръ у подворныхъ владѣльцевъ—„душевые“ и новый хозяинъ, выселяясь на край, получаетъ новый огородъ, старый же дѣлится между всѣми. См. „Сводный сб. ст. св. по Тверской губ.“, т. XIII, вып. 1, стр. 41.

къ подворному владѣнію... Приговоры, вслѣдствіе нѣкоторыхъ формальностей, не были утверждены крестьянскимъ присутствіемъ, и дальнѣйшіе приговоры и ходатайства крестьянъ были пресѣчены вывѣшеннымъ въ волости объявленіемъ губернатора, разъяснившимъ крестьянамъ, что они хотятъ перейти къ общинѣ только по совѣту болѣе богатыхъ изъ нихъ „которые, ссужая ихъ деньгами, хотятъ отобрать отъ неисправныхъ своихъ должниковъ землю не черезполосно, какъ теперь, а къ одной межѣ“... Заключалось это объявленіе угрозой строжайшаго наказанія зачинщикамъ. Въ результатѣ этого, конечно, у крестьянъ, по ихъ словамъ, всякую мысль о возвращеніи къ общинному владѣнію словно „коломъ вышибло“ [1]).

Этимъ характернымъ фактомъ мы и закончимъ нашу бѣглую характеристику случаевъ формальнаго перехода общиннаго владѣнія въ подворное. Въ своемъ мѣстѣ мы проанализируемъ еще съ возможной подробностью вліяніе на общину, какъ законодательства, такъ и административныхъ воздѣйствій; здѣсь же этотъ случай мы привели, конечно, не для характеристики послѣдняго—ибо невозможно же предположить, чтобъ государственная власть, только недавно изъявшая изъ законодательства по общинѣ разлагавшій ее клинъ личнаго выкупа, дозволила своимъ представителямъ „коломъ вышибать“ общинное право изъ крестьянства: намъ сейчасъ важна и интересна самая возможность такихъ фактовъ, чтобъ изъ группы крестьянъ чрезъ 25 лѣтъ формальнаго подворнаго владѣнія приходилось „коломъ вышибать“ единогласное рѣшеніе возвратиться къ общинѣ...

§ 5.

Если отъ всего изложеннаго въ этой главѣ у читателя осталось впечатлѣніе неясности противорѣчивости, если онъ съ недоумѣніемъ спрашиваетъ теперь себя: какой же выводъ можно сдѣлать изъ всѣхъ этихъ столь яркихъ и рѣзкихъ, въ то же время настолько взаимно другъ друга исключающихъ, фактовъ?—то это именно тотъ результатъ, который я имѣлъ въ виду въ своемъ изложеніи, ибо именно таково мое собственное впечатлѣніе отъ глазомѣрнаго обзора имѣющихся пока матеріаловъ. Мы видимъ въ очень многихъ общинахъ симптомы разложенія, встрѣчаемъ небольшое количество уже разложившихся общинъ; но пока рѣшительно не можемъ предвидѣть, принимаетъ ли или приметъ ли въ ближайшемъ будущемъ процессъ разложенія массовой характеръ, охватитъ ли онъ примѣрно всю ту часть бывшихъ помѣщичьихъ общинъ, которыя мы a priori на основаніи силы индивидуализирующихъ ихъ факторовъ могли бы обречь на разложеніе? Возможно, что этотъ вопросъ пока и вообще нельзя рѣшить,

[1]) См. „Рус. мысль“, 93, 12 кн. статья Н. М. „Попытка перехода отъ участковаго владѣнія къ общинному“.

такъ какъ онъ не рѣшенъ еще самой жизнью. и, во всякомъ случаѣ, для рѣшенія его безусловно необходимъ статистическій анализъ внутренней общинной борьбы и комбинацій правъ и интересовъ; только такой анализъ далъ бы, можетъ быть, возможность вывести равнодѣйдѣйствующую индивидуалистическаго и общиннаго факторовъ. Пока же я могу позволить себѣ только нѣсколько самыхъ общихъ резюмирующихъ замѣчаній.

Разсматривая положеніе съ внѣшней стороны, мы нашли въ послѣпередѣльномъ упадочномъ періодѣ общины три основныхъ случая: во-первыхъ, случай полнаго бездѣйствія общинно-передѣльнаго механизма въ теченіи всего пореформеннаго періода, во-вторыхъ,—рѣшительнаго прекращенія его функціонированія послѣ нѣкоторыхъ попытокъ къ этому (безъ рѣшенія, однако, перейти къ подворному владѣнію или съ неимѣющимъ законной силы рѣшеніемъ) и въ-третьихъ,—формальнаго и окончательнаго перехода къ подворному владѣнію. Какъ со стороны количественнаго распространенія, такъ и по внутреннему характеру, наиболѣе серьезное значеніе имѣетъ первая группа. Только на этомъ безпередѣльномъ застываніи общины, мы можемъ ясно прослѣдить дѣйствіе основныхъ разлагающихъ ее факторовъ; случаи же прямого, такъ сказать, снятія общинно-передѣльнаго механизма, либо не ясно мотивированы, либо мотивированы случайными, частными, внѣшними причинами, вообще имѣютъ совершенно индивидуальный, казуистическій характеръ,—представляютъ лишь рядъ случаевъ разложенія отдѣльныхъ общинъ, а не общій процессъ разложенія общины. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, послѣдняя группа сравнительно очень малочисленна: напр., изъ губернскихъ административныхъ „совѣщаній", опрошенныхъ о распространенности переходовъ отъ общиннаго къ подворному владѣнію, только Бессарабское, Могилевское, Витебское, Орловское, Рязанское, Харьковское и Черниговское „констатировали болѣе или менѣе значительное число" случаевъ такого рода (все-таки, отмѣтимъ, почти никогда не болѣе нѣсколькихъ десятковъ случаевъ на уѣздъ, а обыкновенно гораздо менѣе). Установленіе же безпередѣльной семейно-державческой формы безъ прямого перехода къ подворному владѣнію встрѣчается рѣшительно въ каждой губерніи, гдѣ только есть помѣщичьи крестьяне; во многихъ уѣздахъ оно имѣетъ значительное распространеніе, а въ нѣкоторыхъ районахъ даже представляетъ сплошное массовое явленіе; послѣднее нужно сказать особенно о западной окраинѣ Россіи, гдѣ, напр., „Матеріалы податныхъ инспекторовъ" по нѣкоторымъ губерніямъ совершенно не отмѣчаютъ общиннаго владѣнія, въ то время какъ офиціально оно считается еще существующимъ во многихъ селеніяхъ: такъ, въ Гродненской, Кіевской, Подольской, Волынской, отчасти Полтавской губерніяхъ податные инспектора совсѣмъ не отличаютъ общиннаго владѣнія, а между тѣмъ по „Статистикѣ позем. собств." (изд. Центр. Стат. Ком. 82 г.) значилось селеній съ общин-

нымъ землевладѣніемъ въ первой—43, во второй—298, въ третьей—80, въ четвертой—614 [1])... Такимъ образомъ, тутъ на западѣ, гдѣ сконцентрировались всѣ разлагающія общину условія,—крайнее малоземелье, интенсификація, выкупъ, ультра-индивидуалистическая среда (здѣсь въ огромной степени преобладаетъ уже подворное владѣніе) и отсутствіе историческихъ корней (все это—общины главнымъ образомъ бывшія помѣщичьи, которымъ здѣсь общинное землевладѣніе было при освобожденіи привито совершенно искусственно),—здѣсь мы, повидимому, дѣйствительно наблюдаемъ массовое „отмираніе“ общины... Но, повторю, незаконченность этого процесса, противорѣчія въ немъ и недостаточность его изученія не позволяютъ намъ пока и въ этомъ случаѣ вынести окончательнаго приговора.

Если же мы схематизируемъ эти градаціи отъ общиннаго къ подворному владѣнію не съ этой внѣшней, а съ внутренней стороны, по объему, характеру и взаимоотношенію составляющихъ ихъ общиннаго и личнаго права, то получимъ слѣдующіе три основные момента: 1) семейно-долевое, (или постоянно-долевое), 2) семейно-участковое и 3) чистое личное владѣніе.

Терминъ семейно-долевое владѣніе наиболѣе ясно выражаетъ сущность той формы, которая устанавливается при безпередѣльно-наслѣдственномъ общинномъ владѣніи и которую обыкновенно называютъ еще крайне невыразительнымъ словомъ общее владѣніе (терминъ этотъ неясенъ уже хотя бы потому, что вѣдь, даже принципіально непонятно, въ чемъ больше должно быть коллективистическаго элемента—въ общемъ или въ общинномъ владѣніи, а между тѣмъ въ первомъ по существу его вовсе нѣтъ). Основной ея признакъ—тотъ, что при ней каждая изъ семей, совмѣстно владѣющихъ территоріей, владѣетъ въ ней разъ на всегда опредѣленной долей. Владѣетъ разъ навсегда опредѣленной наслѣдственной долей, и въ этомъ—отличіе ея отъ общиннаго владѣнія, которое въ этомъ отношеніи можно бы назвать общинно-долевымъ или перемѣнно-долевымъ, такъ какъ въ немъ доли уравнительно мѣняются общиной и въ каждый моментъ опредѣляются ея количественнымъ составомъ. Владѣетъ долей земли, а не опредѣленными участками ея,—въ этомъ состоитъ отличіе отъ семейно-участкового владѣнія, при которомъ каждой семьѣ отведены разъ навсегда ея участки въ натурѣ. Изъ этого долевого принципа слѣдуетъ то важное заключеніе, что постоянно возможны и часто дѣйствительно происходятъ какъ

[1]) Или, напр., относительно нѣкоторыхъ уѣздовъ Псковской губ., тамошній земскій статистикъ г. Оболенскій сообщилъ мнѣ такой характерный фактъ, что, объѣхавъ въ нихъ въ послѣдніе годы вѣроятно до тысячи деревень,—все очень мелкихъ поселковъ (напр., приходится до 2-хъ и болѣе тысячъ общинъ на 1 уѣздъ) сплошь, при томъ, бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, онъ не встрѣтилъ почти ни одного случая не только передѣла, но даже борьбы за передѣлъ, разговора о немъ, такъ что, кромѣ черезполосицы, да изрѣдка лишенія недоимщиковъ ихъ надѣловъ, онъ, по его словамъ, не нашелъ тутъ никакого слѣда земельной общины...

качественныя уравненія (вслѣдствіе разнокачественности земли, хозяева постоянно періодически мѣняются своими участками въ неизмѣняющихся по количеству пропорціяхъ), такъ и количественныя, когда, напр., прибавляется или убавляется территорія общаго владѣнія (примываетъ или отмываетъ берегъ рѣки, выигрываютъ или проигрываютъ землю по суду, осушаютъ участокъ болота, или заносится участокъ пескомъ и т. д., и т. д.). Кромѣ того, фактически въ значительномъ большинствѣ случаевъ семейно-долевое владѣніе остается еще отчасти общиннымъ, такъ какъ обыкновенно устанавливается лишь по отношенію къ пашнѣ, а сѣнокосы, лѣсъ и пастбище остаются въ общинно-уравнительномъ владѣніи. Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ прекращается общинная жизнедѣятельность только въ основномъ стволѣ общины, а боковые побѣги продолжаютъ жить...

Именно такое семейно-долевое владѣніе устанавливается, повидимому, въ значительномъ большинствѣ случаевъ не только общиннаго, безпередѣльнаго наслѣдственнаго владѣнія, но и формальныхъ переходовъ къ подворному владѣнію: качественные передѣлы еще возможны и участки каждаго хозяина не фиксированы разъ навсегда. Но въ отдѣльныхъ случаяхъ мы встрѣчаемъ уже и такую фиксацію. Приведемъ два-три болѣе интересныхъ примѣра. Въ нѣкоторыхъ безпередѣльныхъ общинахъ Богодуховского у. „гдѣ особенно благопріятствовала фигура надѣла и расположеніе усадебъ, земля раздѣлена, хотя и по душамъ, но каждому двору отрѣзано все количество земли противъ усадьбы полосой; на этомъ кускѣ каждый домохозяинъ распоряжается по-своему; общей толоки нѣтъ, передѣловъ никакихъ не бываетъ [1]).“ Въ с. Артемьевскомъ Костромского уѣзда исправные плательщики въ числѣ 18 душъ отдѣлили себѣ одинъ общій участокъ и оставили его въ общинномъ между собою пользованіи, а остальнымъ крестьянамъ—недоимщикалъ надѣлили каждому отдѣльный участокъ по числу душъ [2]). Особенно характерны такія выдѣленія подворныхъ участковъ въ Новороссіи: во многихъ уѣздахъ здѣсь отмѣчены общины съ „фиксированными“ разъ навсегда участками, при чемъ иногда эта фиксація имѣетъ особенно прочный характеръ: такъ, напр., въ Елисаветградскомъ уѣздѣ въ нѣкоторыхъ обществахъ бывшихъ военныхъ поселянъ (также не привыкшихъ къ свободному землевладѣнію, какъ и помѣщичьи) „многіе хозяева, владѣющіе по балкамъ (ложбинамъ) „левадами“, стараются прирѣзать къ нимъ и свои надѣлы къ одному отрубу и тутъ хозяйничаютъ сами, какъ знаютъ. Такимъ образомъ, иное военное поселеніе представляетъ собою два типа пользованія землею: среднія и бѣднѣйшія хозяйства—общесмѣнное и черезполосное, а болѣе богатыя—подворно хуторское. Это сплошь и рядомъ совершается въ бывшихъ военныхъ поселеніяхъ и вошло даже въ обычай: какъ только

---

[1]) См. „Ст. сб. ст. св. по Богодуховскому у.“, стр 61.

[2]) См. „Программу для соб. св. о сел. позем общ.“ Вольно-Эконом. Общ. 2-е изд. 79 г., стр. 59.

хозяинъ начинаетъ богатѣть, то сейчасъ обзаводится левадой и начинаетъ хлопотать о прирѣзкѣ надѣла къ своей „осадьбѣ“ (усадьбѣ), что на левадѣ. Въ великорусскомъ селѣ Злынкѣ болѣе бѣдные хозяева говорятъ о такомъ хозяйствѣ: ёнъ расцвѣтаетъ“ [1]).

При такомъ полномъ „расцвѣтѣ“ личнаго земельнаго права при семейно-участковой формѣ, читатель можетъ спросить: чѣмъ же собственно отличается еще она отъ чистаго личнаго владѣнія. Я нахожу три такихъ основныхъ и существенныхъ отличія. Первое состоитъ въ томъ, что обыкновенно даже и въ перешедшихъ формально къ подворному владѣнію общинахъ остаются въ общинномъ или, по крайней мѣрѣ „общемъ“ владѣніи нѣкоторыя угодія: иногда лѣсъ, чаще сѣнокосы, почти всегда выгонъ. Значитъ, при семейно-участковомъ владѣніи, часто даже общинно-передѣльный механизмъ еще не распадается совершенно, а лишь дѣйствіе его сводится къ минимуму (какъ по тому объекту, коего она касается, такъ и по рѣдкости его проявленій). Нельзя не видѣть, что это очень крупное, принципіально по крайней мѣрѣ, отличіе.

Вторымъ важнымъ отличіемъ является общій сѣвооборотъ, обязательный и при семейно-участковомъ владѣніи. При немъ участки отдѣльныхъ семей остаются въ той же черезполосицѣ и многополосицѣ, какъ и при общинномъ и семейно-долевомъ владѣніи. Поэтому, хотя не только самое производство индивидуально, но вполнѣ индивидуально и владѣніе средствами производства, однако условія послѣдняго необходимо заставляютъ пока держаться общаго плана производства, заставляютъ сообща вырабатывать его и сообща же наблюдать за его выполненіемъ, предупреждать и устранять его нарушенія. Это общее выполненіе плана производства отчасти должно быть еще строже, именно, при полномъ отсутствіи общаго владѣнія: отсутствіе выгона, напр., и пастьба, вслѣдствіе того, скота на толокѣ дѣлаетъ уже совершено неизбѣжнымъ строгій принудительный сѣвооборотъ...

Наконецъ третье обстоятельство, отличающее семейно-участковое владѣніе отъ личнаго, заключается въ большемъ вмѣшательствѣ односельцевъ въ хозяйственный бытъ каждой семьи, зависящимъ отъ того, что владѣніе это является именно семейнымъ, а не личнымъ. Всѣ односельцы постоянно слѣдятъ за хозяйствомъ и жизнью каждой семьи: наслѣдованіе сильно регламентировано обычаемъ и прямымъ вліяніемъ односельцевъ; очень распространено вмѣшательство ихъ при расточительности, пьянствѣ, несправедливости и т. п., недостаткахъ главы семьи, разоряющихъ ее; наконецъ попечительство о вдовахъ, сиротахъ, старикахъ, больныхъ, о имуществѣ и дѣлахъ переселяющихся и т. д. и т. д.,—вообще роль „міра“, „громады“, какъ судьи или какъ опекуна, обыкновенно

---

[1]) См. Сборникъ по Елисаветградскому у.

гораздо крупнѣе при семейно-участковомъ, чѣмъ при обыкновенномъ личномъ владѣніи [1]).

Такимъ образомъ, если при семейно-долевомъ владѣніи мы наблюдаемъ нѣчто въ родѣ зимней остановки движенія соковъ въ основномъ стволѣ общиннаго организма, то при семейно-участковомъ мы имѣемъ уже какъ бы срубленный и засохшій основной стволъ (а иногда уже и боковыя вѣтви); такимъ образомъ, тутъ уже нѣтъ общинной жизни, но все-таки отдѣльныя семьи связаны еще механически и нѣтъ еще полнаго распаденія общиннаго организма на его клѣточки-семьи

Такое распаденіе мы находимъ только при чистой формѣ личнаго владѣнія. Оно имѣетъ чаще всего мѣсто для отдѣльныхъ хозяевъ при личномъ выкупѣ надѣловъ съ выдѣломъ ихъ въ одномъ отдѣльномъ участкѣ или при обрисованныхъ выше случаяхъ распродажи общинной земли и т. п. Полное же превращеніе общиннаго владѣнія въ чисто личное у ц ѣ л ы х ъ к р е с т ь я н с к и х ъ о б щ и н ъ, съ тѣмъ, что хозяева остаются владѣть своими участками и заниматься земледѣліемъ, полное превращеніе общины въ группу западно-европейскаго типа фермеровъ—до сихъ поръ пока почти не наблюдалось. Я, по крайней мѣрѣ, встрѣтилъ до сихъ поръ только одно такого рода указаніе, которое въ виду чрезвычайной его яркости и привожу полностью. Въ Веляжковской волости Витебскаго у., по „Матеріаламъ податнахъ инспекторовъ“, „въ 61 изъ 106 селеній общинная земля раздѣлена по домохозяевамъ, и каждая усадьба перенесена на свой участокъ: деревни исчезли, и вмѣсто нихъ появилось множество отдѣльныхъ фермъ. Малоземельные домохозяева хотя и терпятъ при этомъ нужду въ выгонѣ, такъ какъ прекращается общее пользованіе выгономъ и пастьба скота на всемъ паровомъ полѣ или по жнивью всего селенія,—однако они соглашаются на такой раздѣлъ изъ за большей свободы распоряженія своею землею и изъ-за того, что имъ обыкновенно отводится прежняя пріусадебная хорошо удобренная земля“ [1])...

Очевидно, что въ этихъ случаяхъ мы дѣйствительно имѣемъ уже картину полнаго и безвозвратнаго конца общины... Во II и III томахъ мы пытаемся изслѣдовать, предстоитъ ли в ъ б л и ж а й ш е м ъ б у д у щ е м ъ такой же конецъ и всей русской общинѣ и насколько онъ желателенъ съ разныхъ точекъ зрѣнія.

---

[1]) Все это хорошо выяснено въ нѣкоторыхъ земско-статистическихъ сборникахъ Полтавской губ., гдѣ наблюдается типичное семейно-участковое владѣніе.

[2]) См. „Мат. под. инсп.“, вып. II, стр. 113.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Теперь мы выполнили первую часть нашей задачи. Мы окончили описаніе и классификацію всѣхъ наблюдаемыхъ въ Россіи формъ землевладѣнія, офиціально считающихся общинными (и нѣкоторыхъ сопредѣльныхъ съ ними), и сдѣлали опредѣленіе правового ихъ содержанія и факторовъ, ихъ обусловливающихъ, поскольку послѣдніе можно было съ безспорностью констатировать глазомѣрно. Такъ какъ на каждомъ главномъ этапѣ пройденнаго нами пути мы дѣлали уже обстоятельныя общія резюме, то теперь я не вижу надобности еще разъ подробно пересказывать выводы, кажется, достаточно уже ясные. Подчеркну только нѣсколько наиболѣе общихъ итоговъ нашего изученія, наиболѣе въ то же время важныхъ и, какъ мнѣ кажется, наиболѣе доказанныхъ.

Самый первый и общій выводъ, который нельзя не вынести изъ произведеннаго нами внѣшняго изученія общинныхъ формъ, это, во-первыхъ,—о крайнемъ обиліи и разнообразіи ихъ, доходящемъ до самыхъ рѣзкихъ контрастовъ, и, во-вторыхъ,—о чрезвычайной подвижности, такъ сказать, текучести ихъ. Мы нашли множество проявленій общиннаго и личнаго права въ самыхъ разнообразныхъ количественныхъ и качественныхъ ихъ комбинаціяхъ, нашли, что эти простѣйшіе правовые элементы даютъ нѣсколько типовъ сложныхъ правообразованій со множествомъ оттѣнковъ и градацій; мы постоянно наблюдали ихъ въ процессахъ,—въ моменты ихъ сложенія, измѣненія и разложенія, — и замѣтили, что эти процессы трансформаціи имѣютъ въ разныхъ случахъ и въ разные періоды прямо противоположныя направленія. Однимъ словомъ, мы какъ нельзя болѣе осязательно убѣдились, что терминъ: „русская крестьянская земельная община“ охватываетъ такія разнообразныя и, такъ сказать, несоизмѣримыя формы и такія противоположныя трансформаціи, для которыхъ не можетъ быть одной общей формулы закона причинности, какъ для прошлаго и настоящаго, такъ и для будущаго.

Затѣмъ мы видѣли, что, поскольку общинныя формы опредѣлялись до сихъ поръ политическими условіями, то онѣ рѣзко раздѣляются на два почти противоположныхъ типа.

Первый типъ, основное ядро котораго составляютъ бывшія государственныя общины (а также инородческія, казаческія, удѣльныя и

т. п.), представляетъ дѣйствительную крестьянскую общину въ собственномъ смыслѣ,—т.-е. общину обычнаго права, общину, говоря крестьянскими словами, „вольную“, „натуральную“, „самонатурную“. Само собою разумѣется, что и эти „натуральныя“ общины никогда не были свободны, не свободны и теперь отъ рамокъ государственно-законодательныхъ, но рамки эти настолько общи, схематичны и широки, что оставляли и оставляютъ значительную, иногда, повидимому, почти полную свободу внутри общинной борьбѣ правъ и интересовъ, самопроизвольной обычно-правовой эволюціи. И эта „натуральная“ эволюція крестьянскаго землевладѣнія представляетъ намъ въ данный моментъ широкую и яркую картину сплошного и энергичнаго роста и жизнедѣятельности общиннаго начала. Этимъ, какъ читатель знаетъ, я не хочу сказать, что общинное начало есть всецѣло продуктъ обычнаго, а не государственнаго права: оставляя пока подъ вопросомъ, въ первомъ ли, или во второмъ таится *первое* сѣмя общины, мы констатируемъ только, что, разъ пустивши ростки, оно теперь питается и развивается обычно-правовыми корнями „права на трудъ“, совершенно безъ всякаго искусственнаго извнѣ выращиванія.

Землевладѣніе остальной части общинъ—бывшихъ помѣщичьихъ,—наоборотъ, представляетъ въ большей степени государственно-юридическій, чѣмъ обычно-правовой институтъ. Хотя мы не имѣемъ пока права категорически утверждать, чтобы пореформенная помѣщичья община была, какъ обычно-правовая форма, совершенно мертворожденной, но несомнѣнно, что она могла представлять только развѣ слабый обычно-правовой зародышъ общиннаго начала въ прошломъ, и что внѣшнія пореформенныя условія были крайне неблагопріятны для его развитія. Пореформенное законодательство (главнымъ образомъ, въ видѣ самаго факта выкупной операціи и ея рѣзко индивидуалистическихъ деталей) не въ люльку, а въ гробъ уложило новорожденную помѣщичью общину. Мы и наблюдаемъ въ ней преимущественно либо симптомы медленнаго умиранія, либо лишь внѣшнія, автоматическія функціи жизни и дѣятельности, вызванныя острымъ и временнымъ возбудителемъ, — давленіемъ надѣла-„разорителя“. Впрочемъ, въ довольно замѣтномъ меньшинствѣ случаевъ часть и помѣщичьихъ общинъ начинаетъ, повидимому, выходить изъ своего не то смертельнаго, не то летаргическаго оцѣпененія, начинаетъ, „самонатурно“ функціонировать, такъ что пока еще рано огуломъ отпѣвать и хоронить и помѣщичью общину...

Наконецъ, когда мы классифицируемъ всѣ вообще общинныя формы, какъ обычно-правовыя, поскольку онѣ опредѣляются *естественными* и *экономическими* факторами, то ясно намѣчаемъ рядъ *фазисовъ* сначала *развитія*, затѣмъ *дѣйствія* и, наконецъ, *замиранія* общиннаго права,—въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ постепеннаго сокращенія размѣровъ землевладѣнія (вслѣдствіе возрастанія населенія) и интенсификаціи земледѣлія.

При крайнемъ многоземельѣ общинная функція *еще не нуж-*

на,—и мы видимъ тутъ общину еще, такъ сказать, въ потенціи: при крайнемъ малоземельѣ она уже невозможна, и мы находимъ ее, если можно такъ выразиться, въ импотенціи. Такимъ образомъ, при „натуральной“ эволюціи земельнаго обычно-крестьянскаго права въ Россіи, каждая община буквально, по мѣрѣ возрастанія населенія, сокращенія землевладѣнія и интенсификаціи земледѣлія, проходитъ періоды роста, зрѣлости и одряхлѣнія. И такъ какъ географическое распредѣленіе крестьянскаго землевладѣнія представляетъ въ общемъ очень правильное пониженіе его размѣровъ съ востока на западъ, то, соотвѣтственно съ этимъ, географическая черта, проведенная, положимъ, отъ Владивостока къ Витебску, представляетъ и историческую черту прохожденія всего русскаго крестьянства чрезъ общину: на востокѣ—она въ будущемъ и развивается, въ центрѣ—въ настоящемъ и въ полной силѣ и на западѣ—въ прошломъ и идетъ къ упадку и разложенію...

Итакъ, можетъ спросить читатель: какой же смыслъ имѣетъ вопросъ: сохранится ли община?—которому будетъ посвященъ второй томъ моей работы, если вопросъ этотъ уже указанной схемой рѣшается, или по крайней мѣрѣ предрѣшается, отрицательно. Отвѣчу на это, что, во-первыхъ, схема эта именно въ самой послѣдней своей части пока только гипотеза, и задачей второго тома и является попытка подвести цифровой фундаментъ подъ это апріорное построеніе. Во-вторыхъ же, само собою разумѣется, что (какъ я уже говорилъ), исходя изъ одной уже общей схемы соціальной трансформаціи всего человѣчества, я не считаю возможнымъ допустить вѣчнаго, безсрочнаго существованія общиннаго землевладѣнія, такъ что для меня собственно нѣтъ общаго вопроса: сохранится ли община?—а есть лишь вопросъ: сколько она еще можетъ прожить и доживетъ ли въ основной своей массѣ до того момента, когда политическія, экономическія и культурныя условія сдѣлаютъ возможнымъ сплошное перерожденіе общиннаго землевладѣнія въ общинное производство?

Надѣюсь, что въ такой постановкѣ вопроса, какъ и во всѣхъ сейчасъ резюмированныхъ основанныхъ итогахъ предыдущаго изложенія, никто не усмотритъ предрѣшенія этого вопроса. Могу, по крайней мѣрѣ, сказать, что я употреблялъ всѣ усилія, чтобъ избѣгнуть такого предрѣшенія и удержаться строго въ предѣлахъ описательно-классификаціоннаго изученія. Понятно, однако, что и такое изученіе совершенно немыслимо безъ глазомѣрной обрисовки наиболѣе выпуклыхъ причинозависимостей. Невозможно говорить о формахъ обычнаго земельнаго права, не выясняя его основаній, нельзя дать никакого представленія о трансформаціи этого права, не обрисовавъ общей руководящей ея тенденціи и основныхъ ея условій. Безъ этого мы не смогли бы даже, напримѣръ, никакъ отличить два наиболѣе крайнихъ момента этого права,—семейно-захватное владѣніе отъ семейно-державческаго, такъ какъ по относительному объему личнаго и общиннаго права объ эти формы часто совершенно тождественны и

отличаются до полной противоположности именно только своими основаніями и условіями и вытекающей отсюда будущей ихъ тенденціей. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что невозможна и никакая терминологія, мало-мальски намѣчающая существо данной комбинаціи личнаго и общиннаго права, которая не опиралась бы на его основанія и условія, а между тѣмъ терминологія очень важна и нужна,— если не для до-передѣльнаго фазиса, гдѣ было даже пожалуй слишкомъ много терминологій (кажется, столько же, сколько авторовъ), то для передѣльнаго и послѣ-передѣльнаго періодовъ, которые остались не обобщенными и не названными и могли рисоваться читателю только какими-то неясными расплывающимися пятнами.

Стремясь возможно удовлетворительнѣе заполнить этотъ пробѣлъ, я, конечно, не могъ ограничиться однимъ сухимъ перечисленіемъ правовыхъ формъ и составныхъ ихъ элементовъ, а принужденъ былъ подробно обрисовать ихъ функцію, обстановку, среди которой эти формы дѣйствуютъ, до извѣстной степени результаты, къ которымъ онѣ приводятъ и, наконецъ, самый духъ, ихъ оживляющій. Я счелъ недостаточнымъ начертить одну лишь общую ихъ схему, одинъ лишь остовъ и контуры, -набросать, такъ сказать, лишь эскизъ карандашемъ, который можетъ быть очень вѣрнымъ, но никогда живымъ и полнымъ,—а нашелъ необходимымъ нарисовать ихъ живыми красками, т.-е. снабдить возможно большимъ количествомъ фактическихъ примѣровъ, отзывовъ наблюдателей и больше всего самихъ крестьянъ, въ ихъ подлинныхъ выраженіяхъ. Это очень расширило размѣры нашей картины, но, надѣюсь, придало ей больше жизни, конкретности, реальности...

Такимъ образомъ, мы постарались собрать все, что можетъ дать внѣшнее глазомѣрное изученіе, для возможно полнаго и точнаго діагноза современнаго состоянія различныхъ общинныхъ типовъ и фазисовъ. Но это была только подготовительная работа. Теперь же мы должны произвести внутреннее изслѣдованіе общинныхъ органовъ и функцій анатомическимъ ножомъ статистическаго анализа. Только послѣ такого изслѣдованія мы, можетъ быть, получимъ право дать болѣе или менѣе ясный и твердый отвѣтъ на вопросы: возможно ли, желательно ли сохраненіе общины въ Россіи?

BINDING SECT. SEP 30 1966

HD
715
K3
1906a
t.1

Kachorovskiĭ, Karl Romanovich
Russkaîa obshchina
2. izd.

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 16 15 15 14 020 5